

русские
стихи
1950–2000
2-й том

русские стихи

1950–2000 2-й том

А. Ник 192 | А.Х.В. 96 | Шамшад Абдуллаев 535 | Айвенго 788 | Михаил Айзенберг 333 | Владимир Алейников 213 | Алексей Александров 759 | Юрий Алексеев 273 | Максим Амелин 774 | Александр Анашевич 794 | Марина Андрианова 627 | Михаил Анищенко 404 | Максим Анкудинов 777 | Юрий Арабов 494 | Михаил Армалинский 274 | Леонид Аронзон 3 | Алексей Ахматов 727 | Иван Ахметьев 405 | Николай Байтов 433 | Алёна Басилова 137 | Александр Башлачёв 628 | Михаил Безродный 536 | Владимир Беликов 34 | Владимир Белобров 665 | Александр Беляков 668 | Евгений Блажеевский 276 | Владимир Богомяков 507 | Марина Бородицкая 495 | Изабелла Бочкарёва 139 | Илья Бражников 780 | Александр Бренер 537 | Иосиф Бродский 35 | Александр Бродский 121 | Тамара Буковская 278 | Евгений Бунимович 498 | Игорь Буренин 594 | Владимир Важенин 743 | Борис Ванталов 410 | Лев Васильев 171 | Дмитрий Веденяпин 596 | Михаил Векслер 539 | Александр Величанский 45 | Евгений Вензель 279 | Александр Верник 284 | Александр Вишневой 468 | Юлия Вишневская 374 | Виталий Владимиров 781 | Дмитрий Воденников 760 | Александр Воловик 122 | Виктория Волченко 708 | Андрей Воркунов 542 | Владимир Гандельсман 341 | Сергей Гандлевский 470 | Сергей Гарбуз 641 | Борис Гашев 8 | Александр Гашек 215 | Михаил Генделев 413 | Марина Георгадзе 728 | Владимир Герцик 220 | Владимир Гершензон 577 | Александр Гималутдинов 600 | Владимир Глозман 438 | Владимир Голицын 441 | Владимир Голованов 9 | Николай Голь 478 | Екатерина Горбовская 710 | Гарри Гордон 99 | Анна Горенко 799 | Вова Горохов (65 кг) 820 | Борис Гребенщиков 482 | Олег Григорьев 141 | Геннадий Григорьев 375 | Борис Гринберг 671 | Михаил Гробман 12 | Михаил Гронас 783 | Леонид Губанов 221 | Юлий Гуголев 714 | Анатолий Гуницкий 485 | Григорий Дашевский 716 | Александр Денисенко 286 | Алексей Денисов 762 | Михаил Дидусенко 442 | Андрей Дмитриев 578 | Дмитрий Дмитриев 832 | Сергей Дмитриевский 642 | Сергей Довлатов 101 | Аркадий Драгомощенко 226 | Степан Дрёмин 469 | Владимир Дроздов 54 | Николай Дружининский 346 | Владимир Друк 544 | Валерий Дьяченко 13 | Янка Дягилева 730 | Александр Егоров 521 | Всеволод Емелин 602 | Игорь Емельянов (Чин) 697 | Александр Ерёменко 415 | Михаил Есеновский 632 | Иван Жданов 348 | Вадим Жук 295 | Вадим Забабашкин 445 | Сергей Завьялов 583 | Валентин Загорянский 169 | Евгений Заугаров 732 | Николай Звягинцев 745 | Всеволод Зельченко 803 | Ольга Зондберг 804 | Сергей Зубарев 735 | Людмила Зубова 228 | Владимир Ивелев 123 | Елена Игнатова 296 | Алексей Ильичёв 786 | Леонид Иоффе 152 | Игорь Иртеньев 297 | Нина Искренко 446 | Александр Кабанов 764 | Инна Кабыш 698 | Вячеслав Казакевич 450 | Елена Казанцева 527 | Виталий Калашников 584 | Вадим Калинин 813 | Борис Камянов 195 | Александр Карамазов 674 | Игорь Караулов 736 | Георгий Карманников 625 | Георгий Квантришвили 765 | Светлана Кекова 457 | Бахыт Кенжеев 423 | Тимур Кибиров 509 | Леонид Киселёв 229 | Виктор Коваль 302 | Юрий Колкер 231 | Борис Колымагин 549 | Николай Кононов 586 | Борис Констриктор 412 | Людмила Копылова 55 | Платон Кореневский 57 | Псой Короленко 749 | Андрей Корф 718 | Иван Котельников 772 | Татьяна Котович 234 | Борис Кочейшвили 61 | Пётр Кошель 236 | Владимир Кривошеев 238 | Виктор Кривулин 173 | Виктор Кротов 242 | Григорий Кружков 198 | Юрий Кублановский 311 | Борис Кудряков 243 | Юрий Кузнецов 102 | Константин Кузьминский 64 | Александр Куляхтин 752 | Вячеслав Куприянов 16 | Борис Куприянов 379 | Александр Курняев 646 | Татьяна Курочкина 313 | Аркадий Кутилов 69 | Владимир Кучерявкин 351 | Евгения Лавут 806 | Владимир Лапин 199 | Михаил Лаптев 633 | Александр Левин 551 | Егор Летов 719 | Витольд Либо 74 | Эдуард Лимонов 156 | Света Литвак 605 | Василий Ломакин 589 | Николай Лукка 356 | Геннадий Ильич Лукомников 18 | Герман Лукомников 676 | Станислав Львовский 809 | Сергей Магид 314 | Иван Макаров 557 | Александр Макаров-Кротков 610 | Пётр Мамонов 459 | Владимир Марков 737 | Ольга Мартынова 677 | Борис Маслов 590 | Вера Матвеева 203 | Михаил Матрёнин 316 | Кирилл Медведев 821 | Игорь Меламед 647 | Юрий Милославский 357 | Александр Миронов 358 | Руслан Миронов 648 | Павел Митюшёв 559 | Николай Михеев 613 | Андрей Монастырский 384 | Мирослав Немиров 649 | Юлия Немировская 679 | Владимир Нескажу 637 | Владимир Нестеровский 75 | Владимир Нешумов 76 | Татьяна Нешумова 722 | Наталья Николенкова 767 | Ры Никонова 127 | Михаил Новиков 563 | Денис Новиков 754 | Ира Новицкая 244 | Иван Овчинников 20 | Александр Ожиганов 179 | Наталия Оленева 796 | Михаил Орлов 395 | Олег Охупкин 182 | Виктор Павлов 638 | Вера Павлова 699 | Евгений Пазухин 205 | Сергей Панов 426 | Виктор Панэ 500 | Алексей Парщиков 501 | Аркадий Пахомов 184 | Павел Пепперштейн 738 | Евгений Перемышлев 614 | Юлия Пивоварова 740 | Михаил Поздняев 486 | Владимир Полетаев 462 | Виктор Полещук 567 | Андрей Поляков 768 | Игорь Померанцев 361 | Валерий Попов 29 | Саша Попов 364 | Андрей Правда 683 | Дмитрий Александрович Пригов 78 | Алексей Прокопьев 569 | Елена Пудовкина 431 | Виталий Пуханов 742 | Александр А. Пушкин 570 | Эвелина Ракитская 639 | Александр Рихтер 31 | Марк Рихтерман 131 | Андрей Родионов 797 | Ольга Рожанская 464 | Михаил Ромм 651 | Лев Рубинштейн 317 | Борис Ръжый 816 | Евгений Сабуров 245 | Владимир Салимон 479 | Виктор Санчук 616 | Михаил Сапего 684 | Ольга Седакова 396 | Аркадий Сергеев 108 | Галина Сергеева 618 | Полина Слуцкина 322 | Александр Смир 640 | Пётр Смирнов 401 | Виктор Смольный 725 | Саша Соколов 164 | Павел Соколов 252 | Анна Сон 686 | Александр Сопровский 488 | Михаил Степаненко 206 | Мария Степанова 811 | Юрий Стефанов 33 | Сергей Стратановский 187 | Дмитрий Строчков 700 | Владимир Строчков 256 | Антон Сурнин 822 | Геннадий Сусуев 572 | Михаил Сухотин 573 | Михаил Тарковский 592 | Алексей Татарников 593 | Елена Тиновская 721 | Александр Тихомиров 109 | Андрей Товмасын 132 | Сергей Трофимов 492 | Сергей Трунёв 814 | Андрей Туркин 687 | Николай Тютчев 259 | Роман Тягунов 691 | Кари Унксова 112 | Михаил Файнерман 261 | Елена Фанайлова 695 | Сергей Федин 528 | Василий Филиппов 513 | Александр Ханьжов 323 | Евгений Харитонов 114 | Наталья Хаткина 530 | Алексей Хвостенко 88 | Евгений Хорват 652 | Алексей Цветков 327 | Борис Цейтлин 398 | Виктор Цой 696 | Пётр Чейгин 366 | Иван Чуранов 207 | Рашид Шагинуров 467 | Марк Шатуновский 504 | Леонид Шваб 659 | Елена Шварц 367 | Екатерина Шевченко 531 | Алексей Шельвах 371 | Марат Шериф 771 | Евгений Шешолин 520 | Николай Шипилов 265 | Виктор Ширали 210 | Шиш Брянский 829 | Аркадий Штыпель 191 | Елена Щапова 432 | Александр Щедрецов 331 | Татьяна Щербина 506 | Михаил Щербина 662 | Зоя Эзрохи 266 | Руслан Элинин 704 | Владимир Эрль 332 | Игорь Юганов 532 | Олег Юрьев 622 | Михаил Яснов 272 | Владимир Яшке 373

русские
стихи

1950–2000

2-й том

русские стихи

1950–2000 2-й том

мир Алейников 213 | Алексей Александров 759 | Юрий Алексеев 273 | Максим Амелин 774 | Александр Анашевич 794 |
94 | Михаил Армалинский 274 | Леонид Аронзон 3 | Алексей Ахматов 727 | Иван Ахметьев 405 | Николай Байтов 433 |
34 | Владимир Белобров 665 | Александр Беляков 668 | Евгений Блажеевский 276 | Владимир Богомяков 507 | Марина
Иосиф Бродский 35 | Александр Бродский 121 | Тамара Буковская 278 | Евгений Бунимович 498 | Игорь Буренин 594 |
Михаил Векслер 539 | Александр Величанский 45 | Евгений Вензель 279 | Александр Верник 284 | Александр Вишневой 468
Воловик 122 | Виктория Волченко 708 | Андрей Воркунов 542 | Владимир Гандельсман 341 | Сергей Гандлевский 470 |
Градзе 728 | Владимир Герцик 220 | Владимир Гершензон 577 | Александр Гималутдинов 600 | Владимир Глозман 438 |
710 | Гарри Гордон 99 | Анна Горенко 799 | Вова Горохов (65 кг) 820 | Борис Гребенщиков 482 | Олег Григорьев 141 |
Леонид Губанов 221 | Юлий Гуголев 714 | Анатолий Гуницкий 485 | Григорий Дашевский 716 | Александр Денисенко 286 |
832 | Сергей Дмитрировский 642 | Сергей Довлатов 101 | Аркадий Драгомощенко 226 | Степан Дрёмин 469 | Владимир
Дягилева 730 | Александр Егоров 521 | Всеволод Емелин 602 | Игорь Емельянов (Чин) 697 | Александр Ерёменко 415 |
Георгий Завьялов 583 | Валентин Загорянский 169 | Евгений Заугаров 732 | Николай Звягинцев 745 | Всеволод Зельченко
Елена Игнатова 296 | Алексей Ильичёв 786 | Леонид Иоффе 152 | Игорь Иртенъев 297 | Нина Искренко 446 | Александр
Калашников 584 | Вадим Калинин 813 | Борис Камянов 195 | Александр Карамазов 674 | Игорь Караулов 736 | Георгий
Тимур Кибиров 509 | Леонид Киселёв 229 | Виктор Коваль 302 | Юрий Колкер 231 | Борис Колымагин 549 | Николай
Исой Короленко 749 | Андрей Корф 718 | Иван Котельников 772 | Татьяна Котович 234 | Борис Кочейшвили 61 | Пётр
Игорий Кружков 198 | Юрий Кублановский 311 | Борис Кудряков 243 | Юрий Кузнецов 102 | Константин Кузьминский 64 |
Князев 646 | Татьяна Курочкина 313 | Аркадий Кутилов 69 | Владимир Кучерявкин 351 | Евгения Лавут 806 | Владимир
Леонард Лимонов 156 | Света Литвак 605 | Василий Ломакин 589 | Николай Лукка 356 | Геннадий Ильич Лукомников 18 |
Александр Макаров-Кротков 610 | Пётр Мамонов 459 | Владимир Марков 737 | Ольга Мартынова 677 | Борис Маслов 590 |
Юрий Милославский 357 | Александр Миронов 358 | Руслан Миронов 648 | Павел Митюшёв 559 | Николай Михеев 613 |
Иосиф Пескажу 637 | Владимир Нестеровский 75 | Владимир Нешумов 76 | Татьяна Нешумова 722 | Наталья Николенкова 767 |
Иванович 20 | Александр Ожиганов 179 | Наталия Оленева 796 | Михаил Орлов 395 | Олег Охапкин 182 | Виктор Павлов 638
Парщиков 501 | Аркадий Пахомов 184 | Павел Пепперштейн 738 | Евгений Перемышлев 614 | Юлия Пивоварова 740 |
Игорь Померанцев 361 | Валерий Попов 29 | Саша Попов 364 | Андрей Правда 683 | Дмитрий Александрович Пригов 78 |
Иван 570 | Эвелина Ракитская 639 | Александр Рихтер 31 | Марк Рихтерман 131 | Андрей Родионов 797 | Ольга Рожанская
Владимир Салимон 479 | Виктор Санчук 616 | Михаил Сапего 684 | Ольга Седакова 396 | Аркадий Сергеев 108 | Галина
Солоньный 725 | Саша Соколов 164 | Павел Соколов 252 | Анна Сон 686 | Александр Сопровский 488 | Михаил Степаненко
Степанов 700 | Владимир Строчков 256 | Антон Сурнин 822 | Геннадий Сусуев 572 | Михаил Сухотин 573 | Михаил Тарковский
Степанов 132 | Сергей Трофимов 492 | Сергей Трунёв 814 | Андрей Туркин 687 | Николай Тютчев 259 | Роман Тягунов
Василий Филиппов 513 | Александр Ханьзов 323 | Евгений Харитонов 114 | Наталья Хаткина 530 | Алексей Хвостенко 88 |
Иван 366 | Иван Чуранов 207 | Рашид Шагинуров 467 | Марк Шатуновский 504 | Леонид Шваб 659 | Елена Шварц 367 |
20 | Николай Шипилов 265 | Виктор Ширали 210 | Шиш Брянский 829 | Аркадий Штыпель 191 | Елена Щапова 432 |
Иосиф Элинин 704 | Владимир Эрль 332 | Игорь Юганов 532 | Олег Юрьев 622 | Михаил Яснов 272 | Владимир Яшке 373

русские стихи 1950–2000

Антология
(первое приближение)

В двух томах

Том 2

Составители
Иван Ахметьев
Герман Лукомников
Владимир Орлов
Андрей Урицкий

Москва, 2010

культурный слой

ВОЛШЕБНЫЙ ХОР

Русские стихи 1950–2000 годов. Антология (первое приближение). В двух томах. Том 2. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. – М.: Летний сад, 2010. – 920 с. – (Культурный слой; Волшебный хор). ISBN 978-5-98856-112-5 ISBN 978-5-98856-110-1 (т. 1–2)

Антология русской поэзии второй половины 20 века (в 2-х томах).

Наряду с широко известными поэтами представлено множество малоизвестных авторов (а также и вовсе неизвестных), публиковавшихся в самиздате и за рубежом. Используются самые разные источники – от рукописей и архивов до интернет-публикаций. Антология снабжена справочным разделом.

Книга поможет увидеть поэтический процесс, происходящий в русской литературе, с новой и неожиданной точки зрения; она будет интересна как любителям и знатокам поэзии, так и тем, кто только открывает для себя богатейший мир русского стиха. Во втором томе публикуются авторы, родившиеся после 1938.

дизайн и вёрстка И. Бернштейн

Антология издана благодаря финансовой поддержке Сергея Леонидовича Беляева

© Авторы, наследники. 2010
© И. Ахметьев, В. Орлов, А. Урицкий. Составление, 2010
✉ Г. Лукомников. Составление, 2010
© И. Бернштейн. Оформление, 2010
© «Летний сад». 2010

Леонид Аронзон

* * *

Гуляя в утреннем пейзаже,
я был заметно одинок,
и с криком: «Маменьки, как страшен!»
пустились дети наутек.

Но видя все: и пруд, и древо,
пустой гуляющими сад –
из-под воды смотрела Ева,
смотря обратно в небеса...

1967

* * * #

С балкона я смотрел на небеса.
Во тьме неразличимые собаки
небесного облаивали Пса,
но я-то знал, что не дойдет до драки!

Под утро, что ни ночь, была гроза.
Крестя старух, распугивая браки,
она сверкала взорами атаки,
садам безумным руки развязав.

Случалось, Феб промчится мимо нас,
его лицо мелькнет на день, на час,
и снова дождь, и снова запах сада.

Затем закат. Безветрие. Покой.
Пророча тьму, зацикают цикады...
Была б река, мы б жили за рекой.

1967

* * *

Приближаются ночью друг к другу мосты,
и садов и церковей блекнет лучшее золото.
Сквозь пейзажи в постель ты идешь, это ты
к моей жизни, как бабочка, насмерть приколота.

Забытый сонет

Весь день бессонница. Бессонница с утра.
До вечера бессонница. Гуляю
по кругу комнат, все они как спальни:
езде бессонница, а мне уснуть пора.

Случись мне умереть еще вчера,
сегодня был бы счастлив и печален,
но не жалел бы, что я жил вначале.
Однако жив я: плоть не умерла.

Еще шесть строк, еще которых нет,
я из добытия перетащу в сонет,
не ведая, зачем нам эта мука,

зачем из трупов душ букетами растут
такие мысли и такие буквы?
Но я извлек их – так пускай живут!

1968

* * *

На стене полно теней
от деревьев. (Многоточье)
Я проснулся среди ночи:
жизнь дана, что делать с ней?

В рай допущенный заочно,
я летал в него во сне,
но проснулся среди ночи:
жизнь дана, что делать с ней?

Хоть и ночи всё длинней,
сутки те же, не короче.
Я проснулся среди ночи:
жизнь дана, что делать с ней?

Жизнь дана, что делать с ней?
Я проснулся среди ночи.
О жена моя, воочью
ты прекрасна, как во сне!

1969

* * *

Вокруг лежащая природа
метафорической была.
Стояло дерево – уroda,
в нем птица, Господи, жила.
Когда же птица умерла,
собралась уйма тут народа:
«Пошли летать вокруг огорода!»
Пошли летать вокруг огорода,
летали, прыгали, а что?
На то и вечер благородный,
сирень и бабочки на то!

1969

* * *

Несчастно как-то в Петербурге.
Посмотришь в небо – где оно?
Лишь лета нежилой каркас
гостит в пустом моем лорнете.
Полулежу. Полулечу.
Кто там полудетит навстречу?
Друг другу в приоткрытый рот,
кивком раскланявшись, влетаем.
Нет, даже ангела пером
нельзя писать в такую пору:
«Деревья заперты на ключ,
но листьев, листьев шум откуда?»

1969

* * *

Благодарю Тебя за снег,
за солнце на Твоем снегу,
за то, что весь мне данный век
благодарить Тебя могу.

Передо мной не куст, а храм,
храм Твоего КУСТА В СНЕГУ,
И в нем, припав к Твоим ногам,
Я быть счастливей не могу.

1969

* * *

И мне случалось видеть блеск –
сиянье Божьих глаз:
я знаю, мы внутри небес,
но те же неба в нас.

Как будто нету наказания
тем, кто не веруя живет,
но нет, наказан каждый тот
незнанием Божьего сиянья.

Не доказать Тебя примером:
перед Тобой и миром щит.
Ты доказуем только верой:
кто верит, тот Тебя узрит.

Не надо мне Твоих утех:
ни эту жизнь и ни другую –
прости мне, Господи, мой грех,
что я в миру Твоем тоскую.

Мы – люди, мы – Твои мишени,
не избежать Твоих ударов.
Страшусь одной небесной кары,
что Ты принудишь к воскрешенью.

Столь одиноко думать, что,
смотря в окно с тоской,
– там тоже Ты. В чужом пальто.
Совсем-совсем другой.

1969

* * *

Боже мой, как все красиво!
Всякий раз как никогда.
Нет в прекрасном перерыва.
Отвернуться б, но куда?

Оттого, что он речной,
ветер трепетный прохладен.
Никакого мира сзади:
что ни есть – передо мной.

1970

* * *

В двух шагах за тобою рассвет.
Ты стоишь вдоль прекрасного сада.
Я смотрю – но прекрасного нет,
только тихо и радостно рядом.

Только осень разбросила сеть,
ловит души для райской альковни.
Дай нам Бог в этот миг умереть,
и, дай Бог, ничего не запомнив.

1970

* * *

Как хорошо в покинутых местах!
Покинутых людьми, но не богами.
И дождь идет, и мокнет красота
старинной рощи, поднятой холмами.

И дождь идет, и мокнет красота
старинной рощи, поднятой холмами.
Мы тут одни, нам люди не чета.
О, что за благо выпивать в тумане!

Мы тут одни, нам люди не чета.
О, что за благо выпивать в тумане!
Запомни путь слетевшего листа
и мысль о том, что мы идем за нами.

Запомни путь слетевшего листа
и мысль о том, что мы идем за нами.
Кто наградил нас, друг, такими снами?
Или себя мы наградили сами?

Кто наградил нас, друг, такими снами?
Или себя мы наградили сами?
Чтоб застрелиться тут, не надо ни черта:
ни тяготы в душе, ни пороха в нагане.

Ни самого нагана. Видит Бог,
чтоб застрелиться тут, не надо ничего.

1970

Борис Гашев

Вечер

Стихло все. А я скучаю.
Все ушли. И мне пора.
Крыша старого сарая
На другом конце двора.
Отчего-то, сам не знаю,
Грустно мне и жутко мне.
Крыша старого сарая
На закате – вся в огне.
Тень поленницы сквозная.
Пахнет хмелем, шмель ворчит.
Крыша старого сарая
Жутко манит и молчит.
Крыша черная, глухая,
С черной дверью на весу.
Крыша старого сарая
С черной птицей наверху.
Крыша черная, чужая
Ночью дышит и живет.
Крыша старого сарая
Тайно слушает и ждет.

* * *

На 16-й день...
Вс. Рождественский

На 16-й день
Всякий смысл потеряли вопросы,
Как бродячая тень
Опоздавших под парус матросов.
Между ними весь день,
В их компании, небо чадящей,
Как бродячая тень
Опоздавших –
Мальчишка пропащий.
Средь пройдох и тетерь
Он ни моря, ни ветра не просит.
Никогда он теперь
Опоздавших матросов не бросит.

Владимир Голованов

* * *

Тем больше понимая игру,
Чем меньше понимая ее,
Жила себе собака в миру,
А Богу было жалко ее.

Чтоб ей не загреметь к палачам
(Там рядом живодерня была),
Он лаял за нее по ночам,
Когда она охрипшей была.

Он ногу за нее волочил,
Отбитую проезжей херней,
Он даже ее плакать учил,
Чтоб легче было жить над землей.

Но кости грызть он ей уступал,
А сам светился в сонме комет.
Бывало, даже ямку копал
Для косточек и старых котлет.

Собака это знала слегка
И думала: «Ему нелегко –
Ни шерсти у него, ни клыка,
Ни глаза с одичалым райком».

И думала: «Он больше меня,
А кажется – я больше, чем он.
Вот бегаю я, цепью звеня,
А слышится его перезвон».

И думала: «Он так мне помог,
Когда ломать хотели хребет.
Я буду называть его Бог,
Ему другого имени нет».

И думала: «А если умру,
То пусть живет другое зверье...»

Тем больше понимая игру,
Чем меньше понимая ее.

* * *

Долго тянется этот роман,
Но зато
О явлении новых морщинок
Вот здесь или здесь –
В смуглых склонах грудей
И на дышащем сном животе
Постепенно я сам узнаю,
А не с чьих-то там слов...

* * *

Ангел в небе пролетел,
Зайчик снегом прохрустел,
Жили-были два стакана
И ходили по домам.

Иногда им наливали,
Иногда и не давали,
И тогда они рыдали,
И сворачивали к нам.

То им матушка нальет,
То папаня с ними пьет, –
Жили-были три стакана,
А четыре было рано.

Я еще смотрел в упор,
Прятал штопор за топор,
Но потом и я смирился,
А один стакан разбился...

* * *

Похлебку хакает Исав.
Хлебают Чичиков свой супчик.
Поэму «Демон» дописав,
Сидит психованный поручик.

Никто ни в чем не виноват,
Вся жизнь как знаки препинанья.
Лишь души мертвые велят
Сжигать о них воспоминанья.

* * *

Редкая птица любовь
С перьями редкими
Ободранная
И в пупырышках –
Так замерзла.

Что с ногами? Что с бедрами?
Что с можжевеловой ягодой?
Почему?

И какие на это всё виды
Из печального глаза
Клонящейся вниз головы?

Нет, по-прежнему нравится.
Всю оглядела себя,
В том числе и прошедшее.
Надо лишь чуть отдохнуть.

* * *

По Далю – «сдырдиться»...
Представить жутко,
Но это всех постигло в этой стране.
(Не всех, а многих, не только здесь, а вообще – сдырдиться.)

Объяснение слову –
Умереть без покаяния.

И сколько же, сколько
Миллионов людей этой страны
Сдырдились?!

Какая тоска
И какой безымянный позор.

Но Бог нас простит,
Он особенно любит Россию.
Сначала Израиль избрал,
А теперь вот и нас!

Михаил Гробман

Документальная баллада

Там за столом сидела жаба
С сухими лапками –
Был взгляд ее косым и ржавым
И мысли краткими

За голубой ее рубашкой
И за погонами
Стальных весов висели чашки
Фараоновы

О этот день – точнее бритвы
О этот нос у рта –
К священнодействию к молитве
К обмену паспорта

Здесь каждый жест телодвижение
Железный катарсис –
И я молюсь на уложенье
Зеленой скатерти

Но наконец – Давно пора бы
Тебе прийти сюда –
Сказала мне большая жаба
И штамп притиснула

И до сих пор я вспоминаю
Как над погонами
Стояла вечность записная
Фараонова

1961

Валерий Дьяченко

Обо мне

Мне мало без тебя, мне пусто,
мне некуда к тебе, мне жаль,
мне далеко, мне незачем, мне вяло,
мне непонятно, поздно, мне прошло...

1968

Отрицание

Не надежда угасает –
Умирает человек.
Не от пули, не от сабли,
Не на медленном огне,
Не на том огне,
А на том огне,
Где огонь в огне,
Где огонь во мне.

1970

В женском роде

Она ушла,
Она забыла,
Она забыта,
Она не будет.

Она забудет,
Она не просит,
Она не станет,
Она душа,

Она краса,
Она пошла,
Она пошла,
Она прошла.

Она сошла,
Она добра,

Она жива,
Она права.

.....
.....
.....
.....

Она мертва,
Она крива,
Она пришла,
Она не бросит.

1971

* * *

Ты не грусти, когда умру.
Я был как всё, меня найдешь
В любом в другом, в себе, во мне,
В воде, в огне, в душе, в говне.

*

Ты не грусти, когда умру:
Я был как все, меня найдешь
В другом, в любом, в цветах, в дерьме,
В пивной, в тюрьме, в тоске, в огне.

*

...не грусти, когда умру,
я был как всё, меня найдешь
в любом в другом, в себе, во мне,
езде, в воде, в огне, в говне.

1971–1972

Скучно

встречать на улицах
толпы полезных,
но ненужных,
покупающих то же самое.

Завтра, что ли,
встать пораньше,

сделать с тщанием
что-нибудь
совершенно бесполезное,
ненужное.
Совершенное.

1972

Ударение

Хочу пришлá.

1972

Частица

Все то же.
Все те же.
Все так же.
Другие слова все о том же.

1975

* * *

У меня есть пистолет:
Он стреляет словом нет.

1986

* * *

Человек	убивает	человека
Мужчина	убивает	мужчину
Иван	убивает	Ивана
Иван Петрович	убивает	Ивана Петровича
Иван Петрович Иванов	убивает	Ивана Петровича Иванова
Он	убивает	себя

1970

Вячеслав Куприянов

* * *

За всю мою долгую жизнь
темнота ночи
не изменилась

но мне показалось
что звезды
стали внимательнее
друг к другу

* * *

Эпидемия
свободы:

самые опасные
бациллоносители –
люди,
переболевшие
любовью

Видимость

видишь ли
все так хорошо

понимаешь ли
все может быть
лучше

видишь ли
лучше
не надо

понимаешь ли
то
что видишь

видишь ли
то
что понимаешь

Объявления

Завтра
во всех кинотеатрах
нелетная погода
возможны грозы

В 13.00
по местному вещанию
будет передаваться
шелест листвы

По первой программе
цветного телевидения
будет показан
прошлогодний снег

По многочисленным
просьбам читателей
во всех вечерних газетах
будет опубликована
таблица умножения

Просьба к сообразительным

Не надо
меня понимать
с полуслова

дайте
договорить

Сумерки тщеславия

Каждую ночь
мертвец
приподнимает гробовую плиту
и проверяет на ощупь:

не стерлось ли
имя на камне?

Выход

Ни денег, ни товаров у пиита,
Стяжатель – мир, – Иуда и подлец,
Всё завуалировано, шито-крыто,
И самочувствие как в лоб свинец.

Сто рук у дерева и каждая гутарит,
Застывших знаков немота и честь,
Сто ног у дерева в земли сыром амбаре
И каждая вбирает века мечь.

Всё адски трудится во тьме грядущих светов,
Зеницы ока ищут Енный Свет,
Устал от путешествий и советов,
Покой, покой, покой – душе совет.

Нью-Йорк, ракеты, самолётов стаи
Сумеют отлягать приставший мир,
Но космос негостеприимен, как Китай,
Осталось из планеты сделать тир.

Улыбки леса

Сквозь джунгли слов плыву я дальше,
Из наций каши, винегреты,
Ищу я жизнь без дикой фальши,
Солнцем участия согретый.
Надежды маяками светят,
Я в океане оптимизма,
Завидуют высоким дети,
А я лишь сносной тихой жизни.
Баран и волк пошли в магазин,
Баран набрал травы побольше,
А волк в обычнейшем экстазе
Купил сто банок мяса Польши.
Шли через ветхий старый мостик,
Свалился волк под тяжестью мешка,
И долго вдоль течения плыл хвостик,
Блеял барашек долго свысока.

Иван Овчинников

* * *

Здравствуй, водоем.
Десять вечера, ты – красный...

* * *

Флаг... флаг... флаг...
На ветру.
А утихло, и –
Фла... фла... фла...

* * *

Достраивают цирк. Достроят.
А рядом на разгон ручьев
выходят юноши достойные.
Выходят девочки ничё.

Ну прямо чувствуется лето!
И ты, ученье разлюбя,
сбежишь с гуманитарных лекций,
идешь и строишь из себя.

1962

* * *

Что делать! Поле как в дыму
исчезло в страшном ливне!
Дрожа, к закрытому окну
приникла дикая малина.
Но тут же ветер оторвал,
клоня к земле за что-то
и выпрямлял и завывал –
ах, чтоб тебе! ах, чтоб ты!
И вдруг отстал. Прошла гроза.
Заглись на каплях искры
малинник подался назад
хороший дождь проходит быстро.

Первая любовь

Осы замолкали, комары,
Уезжали от родни матросы...
На еще зеленые дворы –
Прыг – и замелькала осень.

Это было время. Это я
Думал о тебе, слонялся,
В скверике нахмуренном стоял,
Понимал и не смеялся.

Было мне пятнадцать лет,
Было мне тоскливо
Очень.
Я пошел домой и
Лег.
Просыпаюсь утром –
Осень...

* * *

Серый снег на теплых улицах.
Кто-то высыпал золу.
Вышел мальчик, тихий умница,
Что-то думал на углу...
Погромыхивали тяжко
Через рельсы самосвалы,
Шли на юг, и шел коняшка –
Головой мотал устало.

* * *

Вниз – вниз – вниз –
Падает снег – на летящих птиц.

Ты зазевался – и не поймешь,
Как – потихонечку – кверху растешь.

* * *

Цветочек ехал по ручью,
Подпрыгивал, смеялся:
«Хотите, ездить научу?
Я раньше сам боялся!»

Обида

Я, предположим, постарел,
Лицо – апофеоз заботы,
Живу и тихо жду предел,
Тяну, как тянут, до субботы.

А каждый день часам к пяти
Я появляюсь возле сада.
Привычка лет. По ней найти
Меня легко, кому вдруг надо.

Все то же темное пальто –
Где все успеть!
Иду, припоминая, кто
Меня не мог терпеть.

И для кого я был весом,
И даже где что ляпнул.
Перебираю то и се
И поправляю шляпу.

Примерно десять лет назад,
Как ты уехала...
То были добрые глаза –
Как эхо.

Все забывается. И пусть.
А мы становимся умнее.
Хотите слышать, как я злюсь?
Вот, трость стучит чуть-чуть сильнее...

Да, я один, седой, бездетный.
В толпе сугубо автономен.
Иду купить себе газету.
Последний номер.

* * *

Слепили снежную бабу –
Оставили под луной.
У друзей по две, по три бабы –
У меня ни одной.

* * *

Светает, Люська, уходи.

* * *

Солнышко село. Транзистор.
А за грядой суесловие – сёла как сёла.
Зарницы, помехи:
И по горам – Фигаро здесь,
Фигаро там.

Но где бы он ни был
И чем сильнее был
Музыкален, сыт ли, голоден –
Негде сыну человеческому
Преклонить голову.

* * *

Сегодня даль не таяла вдали,
Вздохнув, остановились льдины.
Вздохнув, остановился лик
Цветаевой Марины.

Поедем в мае – ясно, я и ты.
И привезем Цветаевой цветы.

* * *

Желтей скорее, Летний сад!
Повянь, пока я в Ленинграде.
Чтоб знать, что маме написать
о золотой твоей ограде.

Пускай они себе плывут –
два лебедя белее снега,
маленечко волнуют пруд –
пусть отличается от неба.

Подражание китайцам

Послушай старик,
Научи меня гаммам.
Я из простой семьи.
Вчера как дурак напился.
Сегодня на день предосенний гляжу.

Объгэс

Море речное водное море!
Вид из спортивного зала.
Пение школьного хора,
где половина сбежала.

Тихо стоят, одиноко...
ежится у парапета.
Скос его скользкий, мокрый
в воду уходит от ветра.

* * *

Наврано, а музучилище.
Ноты честно пожелтели.
Старичок уже страшилище
среди девочек-газелей.

* * *

На сонных ласточек
сели бабочки
и поехали.

* * *

Пляши, пляши, Плисецкая,
Все стерпит власть советская.

Машина с вином

Стекла плывут на кусты,
На лопухи, на беднягу – малину.
Как они развалились, цветы,
И раздвоились на две половины.
Лето двоится, прекрасно горя
С блеском речушки, в дымине.
Сзади бутылки стучат, говоря,
Что дураки мы в кабине:
Выпили, ну и каждый завял.
Нету? Нет, выплыли дали...
Вон и наш магазин засиял.
Чуть не проспали...

* * *

Там только крыша алюминиевая...
Я испугался – снег...
Чудак, почти июневая
Страна, и снега нет.
И снова, снова в шахматы,
На валики валясь.
Вот будет шах, и ахнете:
Сентябрь будет, грязь...
Собьетесь вы под кронами
Вон тех пустых берез,
За вами личность скромная
Бутылки соберет...

* * *

Я лежу на тахте на траве.
А в пеньке, в серединочке пепельница.
Засыпаю в шумящей листве
Сквозь глаза призакрытые светится.
Как ты думаешь, нет,
что ты думаешь на солнцепеке?
О ботанике детских лет?
О немецком поэте Гете?

Все уносит под горку река
что ни кинь, только вон они волны.
Только волны на месте, слегка,
не плывут, а идут ровно-ровно.
Как толкнули их весла, поддав,
так они без раздумий несутся,
вверх бегут, а навстречу вода
их минуя, несет себя в устье.

* * *

Делается вечер и темно становится.
И плохо. Горестно глядеть во тьму.
Точно, в это время горе ловится,
если не поедешь ни к кому.

Сам уже слабее тусклой лампочки.
А спокойно в летний вечер, в высь
молчаливые, стремительные ласточки
над тобой скорее пронеслись.

* * *

Я думал, Бог за облаками.
Хотел я спрашивать? Я не помню.
Я помню, пугался немых.
Как дождь нам о красную крышу стучал.
В чердачном окошечке радуга.

Меня обманули – стихи не нужны.
И не на что в горы хоть на день приехать.

А в детстве о море ни разу не слышал.
Всегда буду верить в Бога
и никогда я не буду один.

* * *

И, все вместе влево.
И, все вместе вправо.
Ветки над четвертым этажом
целый день, качаясь, повторяют
на ветру июля небольшим.

Спинки листьев сразу серебрятся.
В небе уже север облаков.
Скоро будем осыпаться, братцы,
потому что мир таков.

Час такой, что некуда деваться.
День уже кончается везде.
Никуда не надо ехать, оставаться
надо. К занавескам руки, к небесам воздев.

* * *

Охота в осень с головой
сухую, теплую зарыться
И лес зашепчет золотой,
Что хорошо забыться.

С большой любовью к шалашам
лежать в них, засыпая,
во сне соломою шурша,
не слыша и не зная.

* * *

С. М.

Прямо на краешке крон
солнышко село и пляшет.
Темный мужик, как Платон,
что-то у девушки спрашивает.
Девушка, как Сократ
всему головой кивает.
Кивает всему подряд
и, хитрая, забывает.

* * *

Лето, общество и поле,
Вечерами – алкоголя
Чуть, и – через лес,
И – на лодке, и – на плёс.
Наверху – июнь, поэты
В небесах плывут.
Исполняется поллета.
В добрый путь, обе-ри-у-у-г.
А внизу роман – глазами,
И цветами, и тюльпанами,
Золотыми телесами...
Лодки две... Обмен волнами...

* * *

Не надо! Если уж тот ямб,
то и тот день. Вчера, пора, была.
Всем хитрецам не наобъясняешь.
Если бы только бог
мне объяснил, как это в них,
как это они не понимают.
Будь у меня уверенность,
что я что ли выше...
Если во мне возникает нормально,
значит, казалось бы в них.
Не понимают
держат меня
те размеры, те люди

* * *

Мало ли гадов в лесу.
Так нет же, их надо везде.
Мерзкие кольца несут
в город, пугать людей.

Лихость зверя в лесу:
вкрадчиво до поляны добреть,
выбежать, разорвать лису
и в одиночестве съесть.

* * *

Довольно, не надо, нельзя, потом.
О можно, навеки, всегда!

* * *

Никогда тебя нормальная
баба не полюбит.
Только лишь для чьей-то ревности
хитро приголубит.

* * *

К радости чая с тобой
наши над чашками взгляды.
Солнце играет отбой,
прячется за громады.

Наши, сказал, с тобой.
Значит тебя отделил.
Что я наделал, стой!
Я еще не разлюбил.

* * *

Забудь, забудь, о счастье забудь!
Думай о чем-нибудь другом
и оно не придет.

Валерий Попов

На даче

Приведа свою тетю в восторг,
Он приехал серьезным, усталым.
Он заснул головой на восток
И неправильно бредил уставом.

Утром встал – и к буфету, не глядя!
Удивились и тетя, и дядя:
Что быть может страшней для нахимовца –
Утром встать – и на водку накинуться!

Вот бы видел его командир!
Он зигзагами в лес уходил,
Он искал недомолвок, потерь,
Он устал от кратчайших путей!

Он кружил, он стоял у реки,
А на клеши с обоих боков
Синеватые лезли жуки
И враги синеватых жуков.

Ночь

Как темно! Мы проходим наощупь.
Я веду тебя тихую, слабую.
Может, ждет нас ответственный съемщик,
Сняв с ковра золоченую саблю.

Вот окно. Два зеленых квадратика.
Станут тени зелеными, шаткими.
В сквер напротив придут два лунатика
И из ящика выпустят шахматы.

Тени ночи вдруг сделались слабыми,
Темнота струйкой в люки стекает,
И овчарки с мохнатыми лапами
В магазинах стоят вертикально.

Ты берешь сигареты на столике,
Ты уходишь по утренней улице –
Там, где тоненький, тоненький, тоненький
Мой сосед в этот час тренируется.

Дождь

Ужасный дождь идет, спасайтесь!
Внизу, у самого асфальта,
Мелькают остренькие сабельки,
Сверкают маленькие всадники.

Они то выстроятся к стенкам,
То вдруг опять придут в движенье.
В каких-то тонкостях, оттенках
Причина этого сраженья!

Ах, кавалерия, куда ты?
Стою я мокрый, изумленный.
На клумбах, словно на курганах,
Чуть-чуть качаются знамена.

Гардеробщик

Стоит гардеробщик, сидит гардеробщик –
А вот почему гардеробщик не ропщет?
Карьера ему полагалась иная:
Он должен бы ночью стоять, где пивная,
И громко свистеть, чтоб мурашки по коже,
И шубы снимать с одиноких прохожих.

Но все получилось спокойней и хуже –
Раздав номерки, он сидит на диване,
И долго не может понять – почему же
Его так волнует процесс раздевания?!

Но вот, отогнав эти мутные волны,
Откинув со лба хулиганскую челку,
Он ходит веселый, он ходит довольный,
И вешалка сбоку походит на елку!

Александр Рихтер

Сентиментальная шутка

Когда-нибудь я прокричу Рахили в ухо –
(на склоне лет старушка глуховата):
Хе, хе! Ты помнишь, дорогая Рухл,
как мы обедали когда-то?

Хе, хе! Ах, если б пропустить стаканчик –
(куда развалине – и так он дышит еле).
О, Рухл! Как мы изучали одуванчик!
Майн готт, давно над нами птицы пели...

Когда-нибудь Рахили древней в ушко
я прокричу о том, что время смыло,
и, шамкая, прошелестит старушка:
Да, Рихтер, было дело, было...

Вей, Рухл, не поверить – столько лет!
Но помнить буду до кондрашки
юнайтед стейтс рубиновый вельвет
и милые дешевые рубашки.

Когда-нибудь мы прослезимся – старички,
на раннем солнце грея кости.
Смахнем слезу, надвинем вновь очки –
Шуревич дряхленький кряхтя плетется в гости.

И снова вспомним золотое время оно,
весь молодой кармин и бирюзу –
пока не донесется до балкона,
что старец Павлов кашляет внизу...

* * *

Вот-вот прервется канитель.
Вся тяжесть – опыт, суд да дело.
Как паралитика, в постель
веду мое чужое тело.

Сознание долго держит речь –
расчетливей, чем папский нунций.
А ведь хотелось просто лечь
без обязательства проснуться.

* * *

над пустырями древний дым
лоскутный день трясет сумой
ты осень путаешь с былым
и зябнешь будущей зимой

* * *

прорезая чем-то острым летописный небосвод
проползал музейным монстром на посадку самолет
дальний гул толкал окно, дергал тоненькую дверь
все прошло уже давно, только тянется теперь

* * *

снова жизни как ветóшку почему то жаль
занавеску для окошка подобрал февраль
хлеб укроп чеснок солонка каша на плите
одинокество ребенка в взрослой маяте

* * *

время тратит пирамиды
помнят вес кариатиды
люди стареются крысеют
тянут тянут одиссею

* * *

зимы стирается клише, неясен бледный оттиск дня
почти мерещится душе, едва касается меня
и я здесь только обозначен как талый снег, как тусклый свет
на веранде летней дачи никого пожалуй нет

* * *

утро белится искусно
ни в кого не влюблено
в нашем доме очень грустно
и по-зимнему темно
золотая тлеет лампа
всё влажней, прозрачней тьма
будто рембрандта эстампы
здесь печатает зима

Юрий Стефанов

* * *

О, как я понимаю Ницше,
Когда в горячечном поту
Он, словно милостыню нищий,
Нетерпеливо слепоту
Вымаливал и ждал, как мига
Свободы высшей, жуткий миг
Освобожденья из-под ига
Сознание угнетавших книг.

Искатели жемчуга

Я стал подобьем Тинякова,
На то мы с ним и земляки.
Бычок с асфальта – что ж такого?
И он – плевок, и мы – плевки.

Помолвка мух, помойка, диво
Поэзии. Мне больше впрок
Пустая емкость из-под пива,
Чем прежде лучшая из строк.

Pro domo mea

Сестре Лиле

А что могли мы взять у жизни пресловутой,
Явившись в эту жизнь до и в разгар войны?
Войну, само собой. Мир, пахнувший закутой
Свиной в шестую часть земной величины.

Барсучью нищету. Тягучую конфету
Из хлипкого ларька, из липкого кулька.
Ну и – спасибо маме, Бунину и Фету –
Орловский диалект родного языка.

1997

Владимир Беликов

* * *

Я точно сторож при луне –
Стою, стою...

* * *

Весна!
И кладбище
В цветах.

* * *

Куда ты, снег в апреле?
Ведь гнезда жаворонков...

* * *

За канареек стыдно мне:
Распелись,
Будто бы не в клетке.

* * *

Как ты попал туда,
Червяк в будильник?
Который час, ты понимаешь?

* * *

Я то,
Что видел, слышал и читал.
И все-таки не то.

* * *

Пора, пора,
Устали даже камни.

Иосиф Бродский

Рождественский романс

Евгению Рейну, с любовью

Плывет в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу желтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих.

Плывет в тоске необъяснимой
пчелиный хор сомнамбул, пьяниц.
В ночной столице фотоснимок
печально сделал иностранец,
и выезжает на Ордынку
такси с больными седоками,
и мертвецы стоят в обнимку
с особняками.

Плывет в тоске необъяснимой
певец печальный по столице,
стоит у лавки керосинной
печальный дворник круглолицый,
спешит по улице невзрачной
любовник старый и красивый.
Полночный поезд новобрачный
плывет в тоске необъяснимой.

Плывет во мгле замоскворецкой
пловец в несчастье случайный,
блуждает выговор еврейский
на желтой лестнице печальной,
и от любви до невеселья
под Новый год, под воскресенье,
плывет красотка записная,
своей тоски не объясняя.

Плывет в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер
обтянет красные ладони,

и льется мед огней вечерних,
и пахнет сладкою халвою,
ночной пирог несет сочельник
над головою.

Твой Новый год по темно-синей
волне средь шума городского
плывет в тоске необъяснимой,
как будто жизнь начнется снова,
как будто будут свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнется вправо,
качнувшись влево.

28 декабря 1961

* * *

М. Б.

Я обнял эти плечи и взглянул
на то, что оказалось за спиною,
и увидел, что выдвинутый стул
сливался с освещенною стеною.
Был в лампочке повышенный накал,
невыгодный для мебели истертой,
и потому диван в углу сверкал
коричневою кожей, словно желтой.
Стол пустовал. Поблескивал паркет.
Темнела печка. В раме запыленной
застыл пейзаж. И лишь один буфет
казался мне тогда одушевленным.

Но мотылек по комнате кружил,
и он мой взгляд с недвижимости сдвинул.
И если призрак здесь когда-то жил,
то он покинул этот дом. Покинул.

1962

Песня

Пришел сон из семи сел.
Пришла лень из семи деревень.
Собирались лечь, да простыла печь.
Окна смотрят на север.
Сторожит у ручья скирда ничья,

и большак развезло, хоть бери весло.
Уронил подсолнух башку на стебель.

То ли дождь идет, то ли дева ждет.
Запрягай коней, да поедem к ней.
Невеликий труд бросить камень в пруд.
Подопьем, на шелку постелим.
Отчего молчишь и как сыч глядишь?
Иль зубчат забор, как еловый бор,
за которым стоит терем?

Запрягай коня да вези меня.
Там не терем стоит, а сосновый скит.
И цветет вокруг монастырский луг.
Ни амбаров, ни изб, ни гумен.
Не раздумал пока, запрягай гнедка.
Всем хорош монастырь, да с лица – пустырь
и отец игумен, как есть, безумен.

1964

Кулик

В те времена убивали мух,
ящериц, птиц.
Даже белый лебяжий пух
не нарушал границ.

Потом по периметру той страны,
вившемуся угрем,
воздвигли четыре глухих стены,
дверь нанесли углем.

Главный пришел и сказал, что снег
выпал и нужен кров.
И вскоре был совершен набег
в лес за охапкой дров.

Дом был построен. В печной трубе
пламя гудело, злясь.
Но тренье глаз о тела себе
подобных рождает грязь.

И вот пошла там гулять в пальто
без рукавов чума.
Последними те умирали, кто
сразу сошел с ума.

Так украшает бутылку блик,
вмятина портит щит.
На тонкой ножке стоит кулик
и, глядя вперед, молчит.

1965 (?)

* * *

В деревне Бог живет не по углам,
как думают насмешники, а всюду.
Он освящает кровлю и посуду
и честно двери делит пополам.
В деревне он – в избытке. В чугуне
он варит по субботам чечевицу,
приплясывает сонно на огне,
подмигивает мне, как очевидцу.
Он изгороди ставит. Выдает
девицу за лесничего. И, в шутку,
устраивает вечный недолет
объездчику, стреляющему в утку.
Возможность же все это наблюдать,
к осеннему прислушиваясь свисту,
единственная, в общем, благодать,
доступная в деревне атеисту.

1965

Отрывок

Октябрь – месяц грусти и простуд,
а воробьи – пролетарьят пернатых -
захватывают в брошенных пенатах
скворечники, как Смольный институт.
И вороньё, конечно, тут как тут.

Хотя вообще для птичьего ума
понятья нет страшнее, чем зима,
куда сильней страшится перелета
наш длинноносый северный Икар.
И потому пронзительное «карр!»
звучит для нас как песня патриота.

1967

* * *

Просыпаюсь по телефону, бреюсь,
чищу зубы, харкаю, умываюсь,
вытираюсь насухо, ем яйцо.
Утром есть что делать, раз есть лицо.
Поздно вечером он говорит подруге,
что зимою лучше всего на Юге;
она, пристегивая чулок,
глядит в потолок.
В этом году в феврале собачий
холод. Птицы чернорабочей
крик сужает Литейный мост.
Туча вверху,
как отдельный мозг.

1968

Подражая Некрасову, или Любовная песнь Иванова

Кажинный раз на этом самом месте
я вспоминаю о своей невесте.
Вхожу в шалман, заказываю двести.

Река бежит у ног моих, зараза.
Я говорю ей мысленно: бежи.
В глазу – слеза. Но вижу краем глаза
Литейный мост и силуэт баржи.

Моя невеста полюбила друга.
Я как узнал, то чуть их не убил.
Но Кодекс строг. И в чем моя заслуга,
что выдержал характер. Правда, пил.

Я пил как рыба. Если б с комбината
не выгнали, то сгнил бы на корню.
Когда я вижу будку автомата,
то я вхожу и иногда звоню.

Подходит друг, и мы базлаем с другом.
Он говорит мне: Как ты, Иванов?
А как я? Я молчу. И он с испугом
Зайди, кричит, взглянуть на пацанов.

Их мог бы сделать я ей. Но на деле
их сделал он. И точка, и тире.
И я кричу в ответ: На той неделе.
Но той недели нет в календаре.

Рука, где я держу теперь полбанки,
сжимала ей сквозь платье буфера.
И прочее. В углу на оттоманке.
Такое впечатленье, что вчера.

Мослы, переполняющие брюки,
валялись на кровати, все в шерсти.
И горло хочет громко крикнуть: Суки!
Но почему-то говорит: Прости.

За что? Кого? Когда я слышу чаек,
то резкий крик меня бросает в дрожь.
Такой же звук, когда она кончает,
хотя потом еще мычит: Не трожь.

Я знал ее такой, а раньше – целой.
Но жизнь летит, забыв про тормоза.
И я возьму еще бутылку белой.
Она на цвет как у нее глаза.

1969, 1970 (?)

Письма римскому другу

(из Марциала)

Нынче ветрено и волны с перехлестом.
Скоро осень, все изменится в округе.
Смена красок этих трогательней, Постум,
чем наряда перемена у подруги.

Дева тешит до известного предела –
дальше локтя не пойдешь или колена.
Сколь же радостней прекрасное вне тела:
ни объятье невозможно, ни измена!

*

Посылаю тебе, Постум, эти книги.
Что в столице? Мягко стелют? Спать не жестко?
Как там Цезарь? Чем он занят? Всё интриги?
Всё интриги, вероятно, да обжорство.

Я сижу в своем саду, горит светильник.
Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых.
Вместо слабых мира этого и сильных –
лишь согласное гуденье насекомых.

*

Здесь лежит купец из Азии. Толковым
был купцом он – деловит, но незаметен.
Умер быстро: лихорадка. По торговым
он делам сюда приплыл, а не за этим.

Рядом с ним – легионер, под грубым кварцем.
Он в сражениях Империю прославил.
Сколько раз могли убить! а умер старцем.
Даже здесь не существует, Постум, правил.

*

Пусть и вправду, Постум, курица не птица,
но с куриными мозгамихватишь горя.
Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции, у моря.

И от Цезаря далёко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники – ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.

*

Этот ливень переждать с тобой, гетера,
я согласен, но давай-ка без торговли:
брат сестерций с покрывающего тела
все равно что дранку требовать у кровли.

Протекаю, говоришь? Но где же лужа?
Чтобы лужу оставлял я, не бывало.
Вот найдешь себе какого-нибудь мужа,
он и будет протекать на покрывало.

*

Вот и прожили мы больше половины.
Как сказал мне старый раб перед таверной:
«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».
Взгляд, конечно, очень варварский, но верный.

Был в горах. Сейчас вожусь с большим букетом.
Разыщу большой кувшин, воды налью им...
Как там в Ливии, мой Постум, – или где там?
Неужели до сих пор еще воюем?

*

Помнишь, Постум, у наместника сестрица?
Худощавая, но с полными ногами.
Ты с ней спал еще... Недавно стала жрица.
Жрица, Постум, и общается с богами.

Приезжай, попьем вина, закусим хлебом.
Или сливами. Расскажешь мне известья.
Постелю тебе в саду под чистым небом
и скажу, как называются созвездья.

*

Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье,
долг свой давний вычитанию заплатит.
Забери из-под подушки сбереженья,
там немного, но на похороны хватит.

Поезжай на вороной своей кобыле
в дом гетер под городскую нашу стену.
Дай им цену, за которую любили,
чтоб за ту же и оплакивали цену.

*

Зелень лавра, доходящая до дрожи.
Дверь распахнутая, пыльное оконце.
Стул покинутый, оставленное ложе.
Ткань, впитавшая полуденное солнце.

Понт шумит за черной изгородью пиний.
Чье-то судно с ветром борется у мыса.
На разохшейся скамейке – Старший Плиний.
Дрозд щебечет в шевелюре кипариса.

1972

На смерть Жукова

Вижу колонны замерших внуков,
гроб на лафете, лошади круп.
Ветер сюда не доносит мне звуков
русских военных плачущих труб.
Вижу в регалии убранный труп:
в смерть уезжает пламенный Жуков.

Воин, пред коим многие пали
стены, хоть меч был вражьих тупей,
блеском маневра о Ганнибале
напоминавший средь волжских степей.
Кончивший дни свои глухо, в опале,
как Велизарий или Помпей.

Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал.
Что он ответит, встретившись в адской
области с ними? «Я воевал».

К правому делу Жуков десницы
больше уже не приложит в бою.
Спи! У истории русской страницы
хватит для тех, кто в пехотном строю
смело входили в чужие столицы,
но возвращались в страхе в свою.

Маршал! поглотит алчная Лета
эти слова и твои прахоря.
Все же, прими их – жалкая лепта
родину спасшему, вслух говоря.
Бей, барабан, и, военная флейта,
громко свисти на манер снегиря.

1974

* * *

Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря,
дорогой, уважаемый, милая, но неважно
даже кто, ибо черт лица, говоря
откровенно, не вспомнить уже, не ваш, но
и ничей верный друг вас приветствует с одного
из пяти континентов, держащегося на ковбоях;
я любил тебя больше, чем ангелов и самого,
и поэтому дальше теперь от тебя, чем от них обоих;
поздно ночью, в уснувшей долине, на самом дне,
в городке, занесенном снегом по ручку двери,
извиваясь ночью на простыне –
как не сказано ниже по крайней мере –
я взбиваю подушку мычащим «ты»
за морями, которым конца и края,
в темноте всем телом твои черты,
как безумное зеркало повторяя.

* * *

Я входил вместо дикого зверя в клетку,
выжигал свой срок и кликуху гвоздем в бараке,
жил у моря, играл в рулетку,
обедал черт знает с кем во фраке.
С высоты ледника я озираю полмира,
трижды тонул, дважды бывал распорот.
Бросил страну, что меня вскормила.
Из забывших меня можно составить город.
Я слонялся в степях, помнящих вопли гунна,
надевал на себя что сызнава входит в моду,
сеял рожь, покрывал черной толью гумна
и не пил только сухую воду.
Я впустил в свои сны вороненый зрачок конвоя,
жрал хлеб изгнанья, не оставляя корок.
Позволял своим связкам все звуки, помимо воя;
перешел на шепот. Теперь мне сорок.
Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.

1980

На столетие Анны Ахматовой

Страницу и огонь, зерно и жернова,
секиры острые и усеченный волос –
Бог сохраняет все; особенно – слова
прощенья и любви, как собственный свой голос.

В них бьется рваный пульс, в них слышен костный хруст,
и заступ в них стучит; ровны и глуховаты,
затем что жизнь – одна, они из смертных уст
звучат отчетливей, чем из надмирной ваты.

Великая душа, поклон через моря
за то, что их нашла, – тебе и части тленной,
что спит в родной земле, тебе благодаря
обретшей речи дар в глухонемой вселенной.

1989

Александр Величанский

* * *

Сегодня возили гравий.
И завтра –
возили гравий.
Сегодня в карты играли,
и завтра –
в карты играли.

А девочки шлют фотографии,
и службы проходит срок.
Вот скоро покончим с гравием
и будем возить
песок.

<1965>

* * *

Я бы жил совсем иначе.
Я бы жил не так,
не бежал бы, сжав в комочек
проездной пятак.

Не толкался бы в вагоне,
стоя бы не спал.
На меня б двумя ногами
гражданин не встал.

Я бы жил в лесу усатом,
в наливном саду
этак в тыща восьмисотом
с хвостиком году.

И ко мне бы ездил в гости
через жнивь и гать
представитель старой власти
в карты поиграть.

1969

Снег

Деревянная махорка. Спичек нету.
От «Известий» длинные клочки.
К моему двоюродному деду
ниточкой привязаны очки.

Он читает графа Л. Толстого –
из «Войны и мира» два листа:
не красоты замысла и слога –
лишь иноязычные места.

Бабушки готовят и ругаются,
разгребая в печке красный пыл,
оттого что несожженного Брокгауза
и Эфрона дедушка пропил.

...Он кончал училище реальное
и из юнкерского вовремя сбежал.
Пропил свою должность театральную,
осуждение общее стяжал.

И в театре, где сперва заведовал,
стал он декорации носить.
Новому начальству не завидовал
и займы на выпивку просил.

А потом жена ушла с детишками.
Всю жилплощадь бомбой разнесло.
И остался дедушка с усмешками
всем сознательным племянникам назло.

Но пред смертью был допущен внуков пестовать.
Поколоть дрова. Принести воды.
Тут и полегчало: бросил пьянствовать –
холил сад и огород сажил.

Стряпал. И ребят любил. И минуло
столько лет, на сколько стало сил.
Умер, обирая куст малиновый:
отдохнуть на лавочку присел.

Бабушки жалеют деда мертвого
и о нем умеют горевать:
каждый год в день ангела именного
ездят снег от деда отгребать.

1969

* * *

Жил да был боярышник
у житья на воле.
Даже был пятерышник
в своей кирпичной школе.

Боярышник, боярышник,
д'нас не хватит на год:
больше нет, боярышник,
сафьяновых ягод.

1969

Снегопад

Закат за осиновой сетью померк.
И лед выступает дыханья поверх.
И яркая щель, что ведет в магазин
все ярче – с исходом небес и осин.

И снег закрипел высоко в небесах
и падал потом, попадая впросак,
как в чашку лохматую сахар-песок –
исчез на губах, на ресницах просох.

Озимые люди по избам сидят.
Спасибо, соседи когда посетят:
ведь время – не сахар, и сердце – не лед,
и снежная баба за водкой идет.

1969

Сумерки

«Папа, ты такой дурак –
это же не наш барак,
и крыльцо совсем не наше,
и не наш внизу овраг», –
говорит отцу Наташа.

«Не садись же, говорят!
Видишь – окна не горят,
трубы не дымят, папаша,
наших нет нигде ребят», –
говорит отцу Наташа.

«Ну, проснись же, ну, проснись!
Видишь, сколько кошек – брысь!
а людей не видно даже,
только вон один, кажись...»

Нет, их четверо, Наташа.

* * *

Лес исхожен до корней.
Укажи тропу мне,
чтобы я ушел по ней,
а куда – не помню.

Вот и вся меж нами связь –
не бывает ближе:
много раз оборотясь,
я тебя увижу.

* * *

Где окраины отшиб,
по ошибке, по ошибке
человек один погиб
в безвозвратном полущубке
ото всех людей вдали –
в чистом поле, в чистом поле:
даже тела не нашли,
даже больше – не искали.

О Лене, полюбившей Айзенштата
(сентиментальная пионерская баллада)

Горниста Айзенштата все любили:
он так горнил – потом так не горнили –
и песни пел всех выше на пол-тона
под аккомпанемент аккордеона.

Его любили за успехи в спорте,
за то, что он отважно бил по морде
врагов своих, и если враг был гордый,
не кулаками бил его, а горном.

Его любили девочки совместно.
От корешей ему бывало тесно.

Вожатые и прочее начальство
ему прощали ложь и зубоскальство.

Но Лена больше всех его любила:
всходило солнце или заходило –
все слушала и слушала запоем,
как он горнил подьемы и отбои.

А Айзенштат не обижал любивших –
глядевших, ни на шаг не отходивших –
и с каждым говорил о чем угодно,
и с каждой танцевал поочередно.

Но только Лене это было мало.
Она его за это ревновала.
И раз пройдя к нему сквозь окружение,
поцеловать спросила разрешенья.

Тут все забыли про его таланты.
На девочках похолодели банты.
И кореша все шутки проглотали:
не свистнули и не захохотали.

А Айзенштат, потеряв чёлку,
отвел ее под вековую елку,
где на стволе его инициалы,
и там она его поцеловала.

Да. На виду у всех поцеловала.
Но только Лене это было мало.
И вечером под долгий звук отбоя
она рыдала над своей судьбою.

...Но время ускользает от событий,
и шепоты той ночи позабыты –
ведь время это то, что миновало,
залив смолою все инициалы.

И лишь дружки горниста и спортсмена
запомнили забывшуюся сцену
и полюбили Лену до могилы,
хотя она не пела, не горнила.

Эпизод

Однажды Луначарский,
сказавши речь про классы
и увидав начальство,
как будто в страшном сне,
упал с трибуны в массы,
упал с трибуны в массы,
разбился и измазался
и потерял пенснэ.

* * *

Отвлекаясь от бумаги,
ну, хотя б на миг,
скажем, что у нас в продмаге
(прямо в нем) мясник
удавился. Были толки,
отчего и как.
Но никто не смыслил толком
в смерти, в мясниках.

* * *

Не запомнил я, казалось,
цвета этих глаз,
но наутро всё казалось
цвета этих глаз:
в сквере – лиственницы, ели,
девы, дети, спаниели,
блик асфальта ли,
голый дом вдали.

* * *

Уж мы резали его –
Андрея Боголюбского.

Крепок, крепок наш Андрей –
мертвый вышел из дверей.

Из дверей он из ворот...
Сохранились петли – вот.

* * *

Из леса вышел человек.
Он вышел по-людски.
Лежали плеч его поверх
иголки и листки.
Он был непоправимо сед,
непоправимо рус.
И лес глядел ему вослед
насмешливо, боюсь.

Из леса вышел человек
печальный, как ручей.
В карманах, окромя прорех,
ни денег, ни ключей,
ни паспорта, ни адресов,
ни пропуска – на кой? –
он сам был замкнут на засов
улыбочкой такой.

Из леса вышел человек,
веселый... абы как.
В его котомке – смех и грех –
краюха и табак,
бутылка липкого вина
и книжица о том,
как мы из леса, старина,
и снова в лес идем.

* * *

Во глубине колодца
звезда теперь не тонет
среди бела дня. Но вы не
ушли от нас в зенит,
хоть снег вас не коснется
и ветер вас не тронет,
и жребий вас не вынет,
и тьма вас не затмит.

* * *

Нависают веки.
Обострился нос.
Опустились руки.
Но на любой вопрос

серыми губами
(на языке – налет)
мы отвечаем сами
и за себя лишь: нет.

* * *

Гроздь рябины на заре мороза:
стала сладкой горечь – это проза
Розанова: проба на разрыв
всех противоречий... И вопроса
нет – ответ настолько сиротлив.
(Осень. Набивая папиросу.)

* * *

Зимы ночной отчаянье
(какое ни на есть).
Вот тьма вчерашняя в окне
и утром тут как тут.
Самозабвение труда
отраднo, а не труд.
Постанывает в чайнике
воды горячей жечь
на медленном огне,
на медленном огне.

* * *

То-то зима натекла:
ни холода, ни тепла,
ни тепла, ни холода,
ни коня, ни повода,
ни повода, ни узды,
ни постоя, ни езды,
ни езды, ни ездока –
лишь дорога глубока.

* * *

Совсем вблизи она походит на
ту предъотъездную не суету пустую,
но пустоту, что тупо стеснена
в подвздошьe где-то. И пока ты все

одно и то же тщишься в сотый раз
не позабыть – но что? – вот в чем загвоздка,
она стоит, как позабытый класс
на фотоснимке вокруг тебя подростка...

Вблизи она походит на пробел
в подспудной памяти иль в знании ответа...
Как будто «на дорожку» ты присел,
и нету сил подняться, Лизавета.

* * *

Теперь я птица: у меня
есть клюв, есть хвост, есть пух и перья,
не фигуральные крыла
сгибаются в суставах словно
рука в локте, и ноги есть
чешуйчатые и с когтями –
их цепче взор мой – он в виду
окрестность всю имеет сразу,
вот я в нее слетаю с вяза,
и испражняюсь на ходу.

* * *

Смерть зазор -
на, как зачатые.
Долу взор
свой опустив
иль горé воздев,
молчать и
прятаться в напев...
в мотив.

* * *

Течет вода, но отраженье
на ней недвижно. Жизнь и есть
воды подспудное движенье
куда-невесть, куда-невесть.
А что же дальше, Бога ради,
скажи? – За треском тростников –
недвижный взор озерной глади,
и в нем движенье облаков.

Владимир Дроздов

* * *

Садам в тени хотелось бы укрыться.
Совхоз не знает средства от жары.
Стоит природа, как императрица.
Холмы ее и скотные дворы.

Дождь не пришлешь с оказией почтовой.
Простор велик и занят сам собой.
И берег раздвигая камышовый,
выходят облака на водопой.

День полон грез, глядит балбес балбесом.
Мир дремлет, как огромная семья.
Лишь роща за рекою с перелеском
играют в подкидного соловья.

* * *

В монастырских владеньях, старик не старик,
отдыхает, в беседе не видя резона.
То ли вдруг закемарил, забылся на миг,
то ли смотрит на стены церквей отрешенно.

Слова лишнего молвить мужик не спешит,
будто заново русскую речь вспоминает.
Будто, кроме своей одинокой души,
никакого другого пространства не знает...

* * *

Звезды мерцанье. Стук подков.
Старуха дремлет на подводе.
Лежат привольно средь лугов
дорог проселочных поводья.

Пешком во мгле бредет ивняк.
Российский воздух пахнет мятой.
И самовары в деревнях
водой наполнены пузатой...

Людмила Копылова

* * *

Звери, которые видели нас
(еж нас однажды в саду разбудил).
Птицы, которые слышали нас
(дрозд нас оклевышем вишни кормил).
Да, я забыла – еще и лиса
в поле по житу неслась без оглядки.
Лоси волнами текли сквозь леса.
Крот выпирал, точно репа, из грядки.

Разве мы можем расстаться теперь,
если нас видели птица и зверь?

На припеке

В день апрельский, на припеке
старики не одиноки –
помнят жизнь в ее начале,
без зимы и без печали.

В стужу ломит поясницу,
первая любовь не снится.
А последняя не слышит,
дышит он или не дышит.

* * *

От недосыпа отчетливей суть –
вся шелуха отлетела.

Пробую небо, как ветку, прогнуть –
ну и смертельное дело!
Воздух, он мягкий, а вряд ли согнешь:
точно пружина в прогибе.
Вот почему ты, мой ветер, поешь
в поле – и все про погибель.

* * *

В городской квартире
мать моей подруги
спрашивает к ночи:
– А гусей загнали?
Сено-то убрали?
Корову подоили?
Дитя спеленали?

Ровным голосом подруга
отвечает маме:
– Дитя спеленали.
Корову подоили.
Сено в клетку убрали.
И гусей загнали.
Спи!..

Ни гусей, ни сена нет.
А младенец жив,
да сед.

* * *

Дождь – к дождю,
а день – ко дню.
К тени тень бежит.

Вслушаюсь. Повременю –
хоть на строчку удлиню
жизнь.

* * *

Ты вернулся –
в сад идешь.
С возвращеньем,
верный дождь!

Платон Корневский

Птеродактиль

У меня перед оконцем
птицепалец пролетел.
Он крылом огромным солнце
заслонить мне захотел.

Но недолог бред неясный,
призрак прошлого угас.
Вижу вновь на небе красный
предзакатно-мутный глаз.

1960

Леший

Леший к лешему пришел, –
Здравствуй, старый леший!
Гость садится на пенек.
– Как живешь? – Да всё не легче. –
– Эх ты, старый неумойка!
Был закат не забинтован –
Кровь стекала на лужайки.
Русской церковью не пахло.
Пахло шишками, смолой
И лешачьей крепкой водкой.
Белка прыгнула на сук,
Прекратился дятла стук.
Испугав икотой лося,
Пobleвав на муравейник,
Леший скрылся под корягой.

* * *

Мне некогда есть, забываю побриться –
стихи начинают о череп мой биться.
Но я не успею и ручку схватить –
они улетают – такая в них прыть.
Сажусь я за стол, начинаю писать,
какие-то блики видений спасать.
Спасаю я мало, пушинку пера
от сказочных птиц, пролетавших вчера.

* * *

Там, где тело раздавленной крысы
возле светлых стеклянных витрин,
кто-то маялся, нервничал, рыскал,
хотя не был закрыт магазин.

Что душа человека алкала?
Листья прелые, труп грызуна.
Заодно с фонарем освещала
эту точку вселенной луна.

На дворе была поздняя осень,
веял терпкий сухой ветерок,
силуэтами кранов-укошин
обозначился стройки кусок.

Гибель крысы и жизнь человека
в лунный вечер узор свой вплели
в миг ничтожный какого-то века
на клочке неизвестной земли.

Крокодилы

Застывшие, они лежат часами...
изваяны миллионы лет назад,
и каменными острыми зубами
вокруг всему подвижному грозят.

В жестокой лени будучи зачаты,
древнейшей догме преданы они,
седые старики, зеленые внучата
не думают о бренности брони.

Давно уж из яиц выходят гады,
не знающие вкуса молока,
континуум столетий без преграды,
штампованные дикостью века.

Для них весь мир не шире и не уже,
чем был тогда, на меловой заре...
Один из них очухался, разбужен,
и на собрата медленно залез...

И вновь лежат их тысячи, как бревна...
В какую сторону идет у них отсчет?
О чем они мечтают хладнокровно?
И правда ли, что в мире все течет?

Облики в штанах

Надевши белые штаны,
пишу я белые стихи.
Надевши черные штаны,
берусь за черные дела.
Надевши красные штаны,
тяну я красное вино.
Надев кофейные штаны,
кейфую, не смыкая глаз.
Надев зеленые штаны,
влачу зеленую тоску.
Надевши синие штаны,
я синим пламенем горю.
Надевши желтые штаны,
я попадаю в желтый дом.

Аскет и гуляка

С аскетом не дружил заносчивый гуляка,
его влекли с собой попойки, карты, драка...

Он жадно дым тянул из крепкой сигареты,
небрежно глядя грудь блудницы неодетой.

А в этот миг листал пустынный углубленный
старинный фолиант, от времени зеленый.

Прошли года своим для них различным строем,
и старость тяжело подползла к моим героям.

Сквозь ребра стало душу видно у обоих,
как светится она и корчится от боли.

В закатные часы нелегкого досуга,
они вдруг встретились и поняли друг друга.

Из рассказа об Африке

Так жалобно закричала
раненная обезьяна,
намочила в крови ладошку,
показала ее злодею,
участье найти надеясь...
Так жалобно закричала
доверчивая обезьяна,
раненная на рассвете...

Пылинка

Я просто пылинка и я забыла,
Откуда пришла я и где была,
Как в смутной тревоге все прежде было,
И сегодня - сонная полумгла.

В раскрытое кем-то окно влетела,
Кривую под потолком прочертив,
И, словно букашка, легкое тело
Снизилась, крылья вдруг опустив.

На мягкой подушке большого кресла
Никем не замечена, я легла,
Я не погибла и не воскресла,
Ведь я не родилась и не жила.

Всё же, когда сквозь узор занавески
Пальцы заката углы золотят,
Души пылинок становятся вески
И еле слышно сердца их стучат.

* * *

В одной близи далекой
нежители живут,
питаются морокой,
котомочку грызут.

Хлебают хлеб горячий
среди густых болот,
царем у них незрячий
и добрый идиот.

Они одеты в моду
и мчатся не спеша,
да молятся комоду,
потом его круша.

В погожую погоду
стремятся в никуда,
в зеленую неводу
бросая невода...

1997

Борис Кочейшвили

* * *

Ага! попался!
 значит ты
 ловила
Ага! ловила!

* * *

о если бы я
 мог
 замолчать
и обрасти
 шерстью
и не ходить
 на почту.

* * *

Собака кость грызет
а я смотрю на ель
похоже мы нашли
занятие надолго.

* * *

я открыл
 окно
и в саду зашумели
 деревья.

* * *

абажур
 абзац
 аббат
начало
 русского
 орфографического
 словаря

ящер
ящик
ящур
конец

* * *

«для гладкой
бархатистой кожи»
это
не для
меня
«пролетарии всех стран
соединяйтесь»
и это
не для
меня

* * *

по избе
носятся
баба
то об угол
ударится
то уляжется
рядом

* * *

кто свалился с дерева
не знаю
коршун
ястреб
тетерев
сова
и исчез
в кустах
объединяя
эти
разнопёрые
слова

* * *

я сейчас
 засну
а когда
 проснусь
чтобы все
 было
 в порядке

* * *

я знаю
 что надо
 делать
ничего
 не надо
 делать

* * *

Анна
у тебя
все устроено
так хорошо
к примеру
ласточки
могли бы
приклеить
к тебе
гнездо

* * *

Буквы!
 равнение
 направо!
Отставить!
 равнение
 на меня.

Константин Кузьминский

Две музы

Передо мной въ ночи звенящей
Стояли юныя две девы,
И сладкой влагою пьянящей
Изъ усть одной неслись напевы...

И я глядель, какъ пораженный,
На бедра узкія и плечи,
На станъ, безстыдно обнаженный
И слушалъ вкрадчивыя речи.

Она дарила мне веселье,
Сіянье уличныхъ огней,
Роскошныя разврата кельи –
То было все подвластно ей.

Другая въ стороне стояла,
Сурово опершись на мечъ,
Кольчуга строгая скрывала
Живую прелесть нежныхъ плечъ.

Она ни слова не сказала,
Но я стоялъ, застывъ, какъ камень:
Ея глаза дробили скалы
И съ алыхъ усть срывался пламень.

Но я, я выбралъ путь разврата,
Пошелъ за блудницей нагою.
Хоть то была мечты утрата –
Я не посмелъ пойти съ другою.

За нею шли души Гераклы,
Изъ сильныхъ сильныя Антеи...
И горько, горько я заплакалъ,
Но все же не пошелъ за нею.

1956–1957

Из поэмы «Томь»

Там, где Томь
в затоне тонет,

где кошмою камыши,
только тонкий лебедь
стонет,
только
нету ни души.

Над рекою – частокол,
древней двери косяки.
А в воде
 за частичком
ходят нельмы косяки.

За стеной не мёд ведь.
Матицы
брус
никнет...
Ходит медленно
 медведь
по сухой бруснике.

Еле-еле
дремлют ели.
Рядом снег –
 сник.

А в избушке
по неделе
спит лесник.

Рядом – белые поляны,
там, где лес лыс.
За глубокими полями
чует лось
рысь.

Пробираясь по чащобе,
куст таит
хруст.
Сердце бьется учащенно,
словно груздь –
грусть.

Сверху – небо,
снизу – небо,
а с боков – снег.
Вьюга вьется,
 поле немо,
ветер рвет
смех.

На току
снег толкут
глухари глухо,
а вокруг
 бестолку
ветер рвет
ухо.

Зима. Синяя.
Зима. Белая.
С инеем
деревья
укрывают белок.

Охотник ник.
Ствол – за ствол.
Мимо них
прошел волк.

Рысью, рысью,
лошадь!
Серой рысью
воет леший.

Лес.

За лесом – река.
На реке –
 перекат.
Летом прячут рыбака
берега.

Шумит перекат,
а река мелка.
Как кисель, берега –
на реке молока.

Хочешь – режь,
хочешь – ешь,
хочешь – так гляди.
У мереж
вьётся ёрш,
не хочет заходить.

...А в лесу – оса,
на лугах – осот.
Там звенит коса,
или топь –
сосет.

Ночью –
 топ-топ...
Огонек – синь.
Тянет троп топь
от лесин,
осин.

Комары уморят,
или – съест гнус.
Там кикимора
прячет звёзд
грусть.

«Не ходи далеко!
На болоте трава зелена...
Не ходи далеко!
На болоте вода солона...»

Словно мех – мох,
холодна вода.
На болоте от
 ног
не найдешь следа.

1962

* * *

Спой мне песню, как птица
вмерзла крыльями в лед,
как Россия мне снится,
и как снег в ней идет –

даже в августе – густо,
замерзать не спеша.
Пахнет щами капуста,
и червями душа.

Пахнет потом, махоркой
и любовью взалхлеб,
и охранник мне харкнет
в нумерованный лоб.

Снится черное небо
и венозная кровь,
снится корочка хлеба
и, конечно, любовь.

Снится – белая Ницца
и полярный Урал,

и какая-то птица
вмерзла в лед наповал.

1977

Wazamba Mtuta

In memoriam Henry S.

Twijanzi janzi o katakiro
Kabaka kadzi Uwuma mtiro
Uzoga gamba mga Muiwanda
Kagehi Manwa Uchambi chongo
Bambara Njaza a'ngo Ukimbu
Masai sorgo tarenga bwana
Kabasa simba mungwai Mpapa
Kiluzu a-i bwan!

Tongo-tongo
Kacheche zuna
Liwumbu mganga
Liwumbu tjana
Liwumbu w'ana
Mombiti tembo

Aija-marumbu hihja-ehihju
Sengoro mtezu a'zumba kwiha

Bekumbi njero bataty taro

M'baro m'baro

Aruujuni Kilima mtambwa

Tumba marambo
Kanja marambo
Arja kutimo
Sambo masimbo

Amba!
Ugogo!

Zanzibar

1976
Tolstoy Farm

Аркадий Кутилов

* * *

Книга Жизни – мой цвет-первоцвет!
Имена, как цветы на полянке...
В темных чашах – таинственный фет,
на озерах – кувшинки-бианки...

Белый дым, голубой березняк
да подсолнухи ростом до крыши.
Иван-чай, паустовский да мак.
Подорожник, ромашка да пришвин...

Как родился мой Пегас

Я ростом был в полчеловека...
Стоял во тьме, осилив страх...
Два бородатых печенег
ругались ласково в кустах.

В ночи таинственно дрожало
две бороды и два огня...

...Она лежала,
тихо ржала,
она ржала
мне коня.

* * *

При вопросе: быть – не быть? –
хочется, поверьте мне,
прыгнуть в лодочку и плыть
в сторону бессмертия.

Тихо лодочка плыла бы,
расплывались бы круги,
с берегов кричали бабы
и смеялись мужики:

«Приставай! Косить пора!
Намахались мы с утра!

Вот тебе осталась бражка
да малины полведра!...»

Они бескрылы

Боготворю их, солнечных и милых,
люблю сиянье знойное зрачков...
Они бескрылы, но имеют силы
нас окрылять, бескрылых мужиков!

Границы платьев берегут их прочно...
Я, нарушитель ситцевых границ, –
они бескрылы – видел это точно!
А, впрочем, кто их знает, этих птиц...

* * *

1

Было туго. Кликнул друга.
Ждал с рассвета до ночи...
Донесла хмельная вьюга
встречный крик о помощи.

2

Было туго.
Пришла подруга.
(Убежала от мужа.)
Стало вчетверо хуже.

* * *

Он явился белу свету
по весне, но ближе к лету.
Мамке – радость, девкам – горе...
А глазастый, ты гляди!..
Впереди не жизнь, а море.
ДВАДЦАТЬ СТРОЧЕК ВПЕРЕДИ.

Жил да был, и, между прочим,
где целован, где побит...
ДО КОНЦА СЕМНАДЦАТЬ СТРОЧЕК...
...и втянулся в сельский быт...

Стал старик. Старик Иван.
Всюду принят, всюду зван.
Знал старик и свет, и тени,
мир ни ласков, ни жесток...
ДО КОНЦА СТИХОТВОРЕНИЯ –
ДЕСЯТЬ СТРОК...

Рыбаки – его соседи –
говорили: век живи!..
Плел Иван такие сети,
хоть русалку в них лови...

СТРОЧЕК ПЯТЬ ВСЕГО ОСТАЛОСЬ...
«Век живи!» – мурлыкал дед.
А до века не хватало –
и всего-то пару лет...

ДО КОНЦА ОДНА СТРОКА...
Нету больше старика.

Жизнь

Сапоги мои – вдрызг
дырявые сапоги:
ни одна из брызг
не минует ноги...
Можно вплавь и вброд...
Гей, водичка-поилица!..
Не дивись, народ, –
выльется!
Все излюблено,
все уж встречено,
искалечено, искорежено...
И чинить уже нечего,
а носить еще можно!

* * *

Идеи дикие глотаю,
читаю Брэма и Дидро...
Всю ночь сижу, изобретаю
тарелку, ложку и ведро...
Мне Джемс Уатт – прямой начальник,
весь мир – не больше, чем товар...
Я изобрел уют и чайник,
велосипед и самовар...

Я луч звезды разбил на звенья,
открыл породу новых рыб.
В пределах музыки и пенья
я изобрел тележный скрип.

Я с неба звезды не хватаю,
но плещет творческий экстаз...
и я опять изобретаю
топор, пилу и унитаз...

Я – исключенье всяких правил,
с мировоззрением кривым...
Мой мозг трагично не исправен,
и уж ничем не исправим.

Вернется Бог

Лишь пулеметы откосили,
победу справила Москва, –
Бог отвернулся от России
и смотрит вдаль, на острова...

Там негры воют: «Боже, тонем!..
Спаси от тысячи смертей!..»

А мы – родителей хороним,
и скучно делаем детей.

Сапожный нож летит мне в руки,
по-древнекиевски звеня!..
В безбожье, серости и скуке
я ем тебя. Ты ешь меня.

Работа, пьянка и эстрада
(станок – сивуха – «Песняры»)...

Войну бы надо! Горе надо!
И хлеб из липовой коры...

Пусть вновь «Катюша» запоется,
пусть нищий вьется у крыльца,
пусть тятка с фронта не вернется,
вернется Бог – взамен отца!

* * *

Ну, что ты, старуха, ворчишь на судьбу?..
Тебе бы корону да месяц во лбу!

И так обобрали судьбу дочиста:
все дети и внуки – на важных постах.

Наталья заведует базой конфетной.
Егорий заведует базой ракетной.

Федора и Фекла – по нервам врачами.
Ермила – в столичной газете начальник.

Газета – своя, медицина – своя...
Какого тебе еще надо... житья?!

Конфет наедемся до «ой, не могу»
и будем ракетами бить по врагу!

На рассвете

Вот взошло то, что в небе пылает,
и рассеялась дымная мгла.
След нашла та, которая лает,
и в распадок людей привела.

Та, что смотрит глазами пустыми,
дважды грохнула басом судьбы.
Тот, кто носит рога, как святыню,
в смертном гоноре встал на дыбы.

* * *

Смердят цветы. Поет ворона.
Упал будильник со стола...
Протезный голос телефона
принес два слова: «Я ушла...»

* * *

Манька Ваньку полюбила,
как рубаху любит вша...
У Ивана – шуба рвана
и надорвана душа.

Витольд Либо

* * *

Не дебил Оганесян. Ему 44; умен, ясен. А гол и беден.

Мера греха

Нет иного пути: не лезьте в цвет зелени тупо; гоните на хер гарем.

* * *

– Или рука болит?..

– Я псих и спятил.

Оба курили.

* * *

Те фото –

Лоб и нос,

Взор томен, но и кос...

Зов Ани: «Дим! Иди на воз!»

С Оки (он нем от роз!) –

В сон и болото.

Фет

* * *

Морде б я намял бокс!

Мороз. Вон нос...

Мёл ураган.

Тит – уркаган.

А Бабаян?!

Ему нож да наган!

А Джон – у меня.

А баба нага.

Крутит, нага, рулём,

сонно взором скобля,

маня бедром.

Владимир Нестеровский

Пейзаж моей души

И. И. Любушкину

Пейзаж моей души –
Репей да паутина.
Художник, напиши:
Забавная картина.

Пейзаж моей души –
Барханы серой пыли.
Гуляли алкаши –
Посудину забыли.

Вгрызаясь, словно крот,
Владычествует время.
А в отдаленьи грот,
Где паранойя дремлет.

Не воздух, а желе,
Цветочки – словно шутки.
И я не на земле,
А где-то в промежутке.

Дворик

Обшарпан, мрачен зачумелый дворик.
Здесь ни одна былинка не растет.
Здесь по утрам студент Серега – дворник –
Панель по синусоиде метет.

Здесь воздух в ящик каменный закован,
Здесь парни в закоулках водку пьют,
Здесь знают уголовные законы –
Здесь проходимцев лиговских приют.

Здесь помнят, кто украл и что украли.
Здесь управляет местная мораль.
Мир движется к вершине по спирали –
Здесь повернуло в сторону спираль.

Владимир Нешумов

Портрет

Вместо глаз затмения,
сам – пустота,
а с виду – парень,
тоскливый только,
и рот посмеивается
кривенько так, тонко...
Есть мнение...

Слух:
«...и не пальцы у него,
а пинцеты.
Сигареты покупал,
видели,
винтики из манжеты
выпали...»

Начало 1960-х

* * *

Рыбаку река –
окуней кукан,
ну а он, дурак,
им не рад.

Не дается вода,
говорит, в невода.
И сидит сердит,
и твердит:

«То ли в лодке плыть,
то ли водку пить,
то ли вниз лицом,
и – с концом...»

На игру реки
он из-под руки
смотрит, мается,
сомневается.

* * *

Где и в каких садах растут растенья
из корневых переплетений молний
ночных, с утра ни тени нет сомненья
в твоих глазах, они и воздух вольный
после грозы об этом и распахнуты;
дрозды поют, и пар идет из пахоты...

* * *

Рыболовам, бодрствующим возле костра,
разговорам, спорам их Венера-звезда –
укорот – размеренная сборов пора:
утро скоро, страсти общей время, – когда
поволочет окунь, замечательно глуп,
поплавочек вбок и окончательно вглубь...

* * *

Тянут стаи уток; прозрачен,
пахнет горьковато осиною,
разом как-то воздух прохвачен
заморозком – гулок лосиною
поступью по дальнему берегу,
постуками дятла по дереву...

* * *

В наструганности белой волн и чаек
нас трудно рассмотреть, мы на песке,
где ветер с моря веет и крепчает,
вверяем, словно бы на верстаке,
в прохладные воздушные потоки
тела нагие наши – заготовки...

Дмитрий Александрович Пригов

* * *

Мне снилось, что я сплю, когда она без звука
Вошла и села в изголовье дня.
Пересекла поля, открыла дверь, без звука
Вошла и в изголовье села у меня.

Я потянулся к ней, она спокойно
Тень с моего лица в сторонку отвела.
Приподнялась, склонилась и спокойно
Тень от лица, как воду отвела.

Мне снилось, что проснулся я, она без звука
Вспарила надо мной и улетела прочь.
Вдруг потянуло ветром, и она без звука
Вспарила надо мной. И опустилась ночь.

1969

* * *

Шила, плакала, жила,
Снадобья мешала,
А как смерть пришла –
Так и мертвой стала.

И лежит, как на снегу –
Господи, о чем я?! –
Я так смирно не смогу,
Худой, некчемный.

Что скажу ей, как скажу,
Для чего, скажу ли?
Подхожу ли, отхожу –
Господи – как жулик.

1970

* * *

И даже эта птица козодой
Что доит коз на утренней заре
Не знает, почему так на заре
Так смертельно, смертельно пахнет резедой

И даже эта птица воробей
Что бьет воров на утренней заре
Не знает, отчего так на заре
Так опасность чувствуется слабей

И даже эта травка зверобой
Что бьет зверей на утренней заре
Не знает, отчего так на заре
Так нету больше силы властвовать собой

1976

* * *

Народ с одной понятен стороны
С другой же стороны он непонятен
И все зависит от того, с какой зайдешь ты стороны
С той, что понятен он, иль с той – что непонятен

А ты ему с любой понятен стороны
Или с любой ему ты непонятен
Ты окружен – и у тебя нет стороны
Чтоб ты понятен был, с другой же непонятен

1976

* * *

Выходит слесарь в зимний двор
Глядит: а двор уже весенний
Вот так же как и он теперь –
Был школьник, а теперь он слесарь

А дальше больше – дальше смерть
А перед тем – преклонный возраст
А перед тем, а перед тем
А перед тем – как есть он слесарь

1978

* * *

Наша жизнь кончается
Вон у того столба
А ваша где кончается?
Ах, ваша навсегда
Поздравляем с вашей жизнью!
Как прекрасна ваша жизнь!
А как прекрасна – мы не знаем
Поскольку наша кончилась уже

1981

* * *

Мама временно ко мне
Въехала на пару дней
Вот я представляю ей:
Это кухня, туалет
Это мыло, это ванна
А вот это тараканы
Тоже временно живут
Мама молвит неуверенно:
Правда временно живут? –
Господи, да все мы временны!

* * *

То все тихо, то внезапно
Закричит в лесу сова
То ворвется гари запах
С отдаленного двора
Туча по небу промчит
Мышь когтями застучит
То ребенок вдруг заплачет
За дощатою стеной
Толи это что-то значит
Толи так – само собой

1981

Банальное рассуждение на тему свободы

Только вымоешь посуду
Глядь – уж новая лежит

Уж какая тут свобода
Тут до старости б дожить
Правда, можно и не мыть
Да вот тут приходят разные
Говорят: посуда грязная –
Где уж тут свободе быть

1982

* * *

Течет красавица-Ока
Среди красавицы-Калуги
Народ-красавец ноги-руки
Под солнцем греет здесь с утра

Днем на работу он уходит
К красавцу черному станку
А к вечеру опять приходит
Жить на красавицу-Оку

И это есть быть может, кстати
Та красота, что через год
Иль через два, но в результате
Всю землю красотой спасет

* * *

Чем больше Родину мы любим
Тем меньше нравимся мы ей
Так я сказал в один из дней
И до сих пор не передумал

1982

* * *

Вот могут, скажем ли, литовцы
Латышцы, разные эстонцы
Россию как родную мать
Глубоко в сердце воспринять
Чтобы любовь была большая
Конечно, могут – кто мешает

1983

* * *

Так во всяком безобразье
Что-то есть хорошее
Вот герой народный Разин
Со княжною брошенной

В Волгу бросил ее Разин
Дочь живую Персии
Так посмотришь – безобразье
А красиво, песенно

1983

* * *

Вот избран новый Президент
Соединенных Штатов
Поруган старый Президент
Соединенных Штатов

А нам-то что? – ну, Президент
Ну, Съединенных Штатов
А интересно все ж – Президент
Соединенных Штатов

1983

* * *

Килограмм салата рыбного
В кулинарьи приобрел
В этом ничего обидного –
Приобрел и приобрел
Сам немножечко поел
Сына единоутробного
Этим делом накормил
И уселись у окошка
У прозрачного стекла
Словно две мужские кошки
Чтобы жизнь внизу текла

* * *

Что-то воздух какой-то кривой
Так вот выйдешь в одном направленьи
А уходишь в другом направленьи
Да и не возвратишься домой
А, бывает, вернешься – Бог мой
Что-то дом уж какой-то кривой
И в каком-то другом направленьи
Направлен

* * *

А много ли мне в жизни надо?
Уже и слова не скажу
Как лейбницевская монада
Лечу и что-то там жужжу
Какой-нибудь другой монаде
Она ж в ответ мне: Бога ради
Не жужжи

* * *

Куриный суп, бывает, варишь
А в супе курица лежит
И сердце у тебя дрожит
И ты ей говоришь: Товарищ! –
Тамбовский волк тебе товарищ! –
И губы у нее дрожат
Мне имя есть Анавелах
И жаркий аравийский прах –
Мне товарищ

* * *

Обходчик, обходчик, починщик колес
И смазчик суставов вагонных
Работай мучительно и непреклонно
А то мы уйдем под откос

Он черный в окно на меня поглядел
И глазом блеснул и безумно запел:
Откосы косы и откусы колес
Мышкуй и стигнайся! нишкни и акстись!
И полный атас
Милый мой

* * *

Нам всем грозит свобода
Свобода без конца
Без выхода, без входа
Без матери-отца

Посередине Руси
За весь прошедший век
И я ее боюсь
Как честный человек

* * *

Начальников я не ругаю
Я просто сзади подхожу
За плечи тихо обнимаю
И ласково в глаза гляжу
И словно снегом посыпаю
так посыпаю, посыпаю, посы-
паю и посыпаю, и так тихо-
тихо и тихо, и тихо, и посы-
паю и посыпаю, посыпаю,
посыпаю
И они тихо засыпают
На руках моих

* * *

Вот пионер поймал врага
А тот убил ребенка бедного
И бросил неживого под ноги
И все-таки, и все-таки, и все-таки
И все-таки, и все-таки
И все-таки
Таки –
Как жизнь у нас недорого!

* * *

На счетчике своем я цифру обнаружил –
Откуда непонятная взялась?
Какая мне ее прислала власть?
Откуда выплыла внаружу?
Каких полей? какая птица?

Вот я живу, немногого хочу
Исправно вроде по счетам плачу
А тут такое выплывет – что и не расплатиться
Вовек

* * *

Вот придет водопроводчик
И испортит унитаз
Газовщик испортит газ
Электричество – электрик

Запалит пожар пожарник
Подлость сделает курьер
Но придет Милицанер
Скажет им: Не баловаться!

* * *

Господь листает книгу жизни
И думает: кого б это прибрать
Все лишь слышат в небе звук железный
И словно мыши по домам бежать

А Он поднимет крышу, улыбнется
И шарит по углам рукой
Поймает бедного, а тот дрожит и бьется
Господь в глаза посмотрит: Бог с тобой –
Что бьешься-то?

* * *

Вот стенами отградился
Понавесил сверху крыш
Заперся, уединился
И позорное творишь

И не видишь, и не слышишь
Что оттуда твой позор
Виден, словно сняли крышу
И глядят тебя в упор

Поднял очи – Боже правый!
Иль преступному бежать
Иль штаны сперва заправить
Или труп сперва убрать

* * *

Бог меня немножечко осудит
А потом немножечко простит
Прямо из Москвы меня, отсюда
Он к себе на небо пригласит

Строгий, бородатый и усатый
Грозно взглянет он из-под бровей:
Неужели сам все написал ты? –
Что Ты, что Ты, с помощью Твоей! –
Ну, то-то же

9-ый божеский разговор

Когда я, помню, крысу гнал
Из-под кровати
Мне ужас кожу содрогал
А долг велел – изгнати

Я топотал, я делал вид
Под хлопанье дверей
А крыса мне и говорит:
Чего шумишь, еврей

Куликово поле

Вот всех я по местам расставил
Вот этих справа я поставил
Вот этих слева я поставил
Всех прочих на потом оставил
Поляков на потом оставил
Французов на потом оставил
И немцев на потом оставил
Вот ангелов своих наставил
И сверху воронов поставил
И прочих птиц сверху поставил
А снизу поле предоставил
Для битвы поле предоставил
Его деревьями уставил
Дубами-елями уставил
Кустами кое-где обставил
Травую мягкой застелил
Букашкой мелкой населил
Пусть будет все, как я представил
Пусть все живут, как я заставил
Пусть все умрут, как я заставил

Так победят сегодня русские
Ведь неплохие парни русские
И девки неплохие русские
Они страдали много, русские
Терпели ужасы нерусские
Так победят сегодня русские

Что будет здесь, коль уж сейчас
Земля крошится уж сейчас
И небо пыльно уж сейчас
Породы рушатся подземные
И воды мечутся подземные
И твари мечутся подземные
И люди бегают наземные
Туда-сюда бегут приземные
И птицы поднялись надземные
Все птицы-вороны надземные

А все ж татары поприятней
И имена их поприятней
И голоса их поприятней
Да и повадка поприятней
Хоть русские и поопрятней
А все ж татары поприятней

Так пусть татары победят
Отсюда все мне будет видно
Татары, значит, победят
А впрочем – завтра будет видно

1976

* * *

Прозрачные сосны стояли
Меж ними стояли прекрасные ели
Но все это было когда-то вначале
Когда мы и ахнуть еще не успели
Все это по-прежнему где-то стоит
Но мы уже мимо всего пролетели
И мимо сосны, что прозрачна на вид
И мимо прекрасной и памятной ели
Куда ж мы спешили-летели?
И где отошли от летучего сна? –
Да там, где уже не прозрачна сосна
И где не прекрасны, но памятны ели

1978

Алексей Хвостенко

Трюм

Внутри собаки
Жуть и мрак
Внутри енота
Жуть и мрак
Внутри рыбешки
Пустота
Внутри бутылки
Пустота
Внутри затылка
Пустота

Внутри коровы
Жуть и мрак

1965

Подозритель

1.

Я – дегенерат, имеющий все основания...

2.

Иногда сплю

3.

Святая морда милиционера
Святая жопа продавщицы в булочной
Старушка упала
Вокруг стоит публика

4.

В пивной не хватает места
Для любителей пива

5.

Ах вот как
Ах вот оно что
Ах вот оно как
Ах вот что

6.

Я живу в Измайловском Зверинце

7.

Я

8.

Не хочу
Не могу
Не желаю

9.

Сил моих нет
Лет моих нет
Рыб моих нет
Рук моих нет
Ног моих нет

10.

Люди – канарейки
Я разглядываю их
Перед тем как взять перо

11.

Зимой постоянно горит бумага

12.

Это так удивительно
Это просто необъяснимо

13.

Москва растекается по всей России
Ей тесно здесь
в моем доме

14.

Мыши
Маленькие мыши
Мыши – мыши

15.

Жуки
Маленькие жуки
Жуки – жуки

16.

Верпа всегда умирает

17.

Отважный русский летчик...

18.

Разумеется я здесь
Я присутствую
Я исчезаю
Я у

19.

Сиди рядом
Я при
Ладно не
 вольно

20.

Когда родился
В 1940 году
Когда я родился
.....

21.

Когда я живу
.....
Когда я живу
.....
Когда я живу
.....

22.

Что это за фамилия
Иванов
Петров
Стеблин-Каменский

23.

Кто там
Кто там
Кто тут
Кто там

24.

Постараемся вспомнить

25.

Я не Адонис
Я не собака
Я не рытвина

26.

Что это – тюрьма
Что это – дом
Что это – город
Что это – музыка

27.

Целуй меня
Не целуй меня

28.

Мороз
Свинство
Дерьмо

29.

Индия
Япония
Китай
Индонезия
Р-р-р-р

30.

Апатия – самая сильная страсть

31.

История – это болезнь

Фауна – это болезнь

Флора – это безумие

32.

33.

О..!

34.

Грязная подлая куртка

35.

Завтра я уезжаю

Еще раз уезжаю

Со всем этим

36.

Цветы оживают

37.

Совсем другое

38.

Святые умалишенные

39.

Водка

Наркотики

Голод

40.

Счастье

41.

Улица на которую
Выходят мои окна

42.

Курсы массовиков

43.

Трамвайная остановка

44.

Почтовый ящик

45.

Забор

46.

Стихи сжигают
На тарелках
На блюдах
На полу

47.

Я сжигаю стихи на лестнице

48.

Мои друзья знают меня
Но я не знаю

49.

Кто меня любит

50.

Кто гадит

1965

Песня о независимости

Кто от мира независим кто ему узду не рвет
Кто ему от ямы лисьей волчий корень не кует
Кто дубовую пенькою в печь не мечет сгоряча
Кто кумы его тюрьмою не кивает от плеча
Голова лежит поодаль руки-ноги в стороне
Бродит узник на свободе в незнакомой стороне
Черт на редкий ладан лаает сладкий дым меняет масть
Ветер-ветер собирает зубы в каменную пасть

Говорю вам: редкий ветер скачет в каменную ночь
Черт от беса рыло прячет отпустить его не прочь
Узник бродит вокруг темницы головой ломая дверь
Все течет перемениться – говорю я вам теперь
Ах, поверь поверьте, говорю, поверьте мне
Волчий дуб не стоит смерти в незнакомой стороне
Слез не знает пень в природе чтоб лепить на обух плеть
Кто от мира на свободе чтоб хвалу ему не петь?

1980

Часы и канва

Поедем, поедем, пока еще жив
Направо упали часы и канва
Поедем направо, канава направо
Направо, направо, прилив и прилив

Поедем, поедем, пока еще жив
Налево упали часы и канва
Поедем налево, канава налево
Налево, налево, отлив и отлив

Вот так и поедем, пока еще жив
Напрасно стояли часы и канва
Поедем оттуда, поедем отсюда
Туда и оттуда, залив и залив

Я умер, я умер, пока еще жив
Мгновенно упали часы и канва
Поедем оттуда, поедем отсюда
Поедем, поедем, налив и налив

1996

Третья (дорийская) песня старца

Огрубело сердце мое
Почернело тело мое
Обмелело мело мое
Улетело село мое

Потускнело горе мое
Побледнело счастье мое
Обгорело грело мое
Надоело пело мое

Забывают стрелы мои
Пропадают копья мои
Выбывают силы мои
Прибывают ноши мои

Зеленеют пашни мои
Коченеют члены мои
Отпадают лены мои
Исчезают вены мои

Костенеют кости мои
Леденеют вопли мои
Обгорают травы мои
Умирают слуги мои

Золотится солнце мое
Серебрится небо мое
Вырастают дети мои
Подрастают внуки мои

Не будет того уж больше
Что прежде со мною было

Что было со мною прежде
Вернется ко мне сначала

1998

А.Х.В.

Игра на флейте

Хочу лежать с любимой рядом
Хочу лежать с любимой рядом
Хочу лежать с любимой рядом
А расставаться не хочу

Моя любимая прелестна
Моя любимая чудесна
Моя любимая небесна
С ней расставаться не хочу

Хочу любить трубить на флейте
На деревянной тонкой флейте
На самой новой новой флейте
А на работу не хочу

Пускай работает рабочий
Иль не рабочий если хочет
Пускай работает кто хочет
А я работать не хочу

Хочу лежать с любимой рядом
Всегда вдвоем с любимой рядом
И день и ночь с любимой рядом
А на войну я не пойду

Пускай воюют пацифисты
Пускай стреляют в них буддисты
Пускай считают каждый выстрел
А мне на это наплевать

Пойду любить на барабане
На барабане или в бане
Пойду прилягу на Татьяне
Пойду на флейте завывать

Хочу лежать с любимой рядом
Хочу сидеть с любимой рядом
Хочу стоять с любимой рядом
А с нелюбимой не хочу

1963

Орландина

В полночь я вышел на прогулку
Шел в темноте по переулку
Вдруг вижу дева в закоулке
Стоит в слезах.
Где, говорю, тебя я видел?
Кто, мне скажи, тебя обидел?
И не скрывай
Ты Орландина, ты судьба моя
Признайся мне, ведь я узнал тебя
– Да, это я.

Да мое имя Орландина
Ты не ошибся, Орландина
Знай, Орландина Орландина
Зовут меня
Где-то, сказал, меня ты видел
Знаешь что сам меня обидел
Забыл меня
Но для тебя забуду слезы я
Пойду с тобой коль позовешь меня
Буду твоя.

Ах как хочу тебя обнять я
Поцеловать рукав от платья
Ну, так приди в мои объятья
И в этот миг
Шерстью покрылся лоб девичий
Красен стал глаз а голос птичий
И волчий лик –
Меня чудовище схватило
И сладострастно испустило
Мерзостный крик:

Видишь ли, я не Орландина
Да я уже не Орландина
Знай, я вообще не Орландина
Я Люцифер
Видишь, теперь в моих ты лапах
Слышишь ужасный серы запах
И гул огня!
Так завопил он и вонзил свой зуб
В мой бедный лоб свой древний медный зуб
Сам сатана.

1970

Сучка с сумочкой

Не закрывайте личико тряпицею
Ведь ничего вам скоро не останется
Я мог болтаться меж двумя столицами
Но я не знаю с кем придется кланяться

Приятели кругом одно невежество
Неверие и нету информации
Ах девушки ах прелесть вашей свежести
Для истины еще одно препятствие

Гремит ли барабан иль плачет дудочка
Мне все едино если это правильно
Но если рядом ходит сучка с сумочкой
Я не уверен в том что это правильно

Зачем скажи я не уверен в будущем?
Ведь прошлое звучит струна нестройная
А настоящее я встречу в булочной
Ах новое, такое непристойное

Но есть залог что все прекрасно в будущем
Не пыль и зной а облачко приятное
Волшебный миг – приходит сучка с сумочкой
В ней каждое движенье непонятное

Ах этот миг как горькое варение
Пусть пиво бродит в бочке рядом с солодом
Ведь жизнь могла быть чистое парение
Но небо пролилось дождем и холодом

Не стало наслаждений ни одежд
Проходит мимо армия в сорочках
Ее сердца расположились между
Как будто звук в пяти линейных строчках

В пяти концах растягивалась нить
И насекомое не хочет жить
Оно дышать не хочет тем не менее
Никто не может знать его намеренья

1970

Гарри Гордон

В парадном

Чернеют витражи
На лестничных площадках
В том доме, где я жил.
Подглядывавший в щелку
Мальчишка покружил
И вылетел в окно.
В том доме, где я жил,
Всегда было темно.
Я ободрал плечо
О гвоздь, нарочно вбитый,
А белый старичок,
До ужаса забытый,
Обнюхал и ушел,
Вздыхнув нехорошо.

* * *

Земля полна полночных скрипов
Необъяснимых. Может быть
По побережью ходит рыба,
Стучится в двери, просит пить.

Ей открывают, и с участием
Выносят воду из сеней,
И чепуху на постном масле
Охотно предлагают ей,

И предлагают папиросу,
И предлагают кофейку
Отведать. И никто не спросит
Зачем она на берегу.

И негде ей остановиться –
Земля отчаянно кругла.
Я сплю, мне снится, что синица,
Синица море подожгла.

Привоз

Е. Моргалиту

Солнечный день пропадает зря.
Тяжелая авоська режет ладонь.
В усах у дядьки синий огонь,
Рядом желтые дыни горят.

Торгуется мама, очки надев,
Я, краснея, отвел глаза.
В грязной бочке, в теплой воде
Пух плывет на всех парусах.

Держусь за стойку, чтоб не упасть,
Страшусь баклажанов, дынь и огня.
Какой-нибудь дядька меня продаст,
Какая-то женщина купит меня.

Во дворе

Во дворе палисадник зачах,
Рассыхается лодка на кирпичах.
Толстая женщина возле колонки
Рассерженно полоскает пеленки,
Платье разорвано выше коленки,
Я стараюсь не замечать.
Целый день во дворе торчать.
Сыграны игры, прочитаны книжки.
Женщина вытирает подмышки.
Я стараюсь не замечать.

Абажур

Скрипящих фонарей панический полет
По черному пальто, по мертвому киоску,
По краю неба, голого, как лед.
А между ставнями оставлена полоска.
Да вряд ли кому в голову придет,
Приблизившись, увидеть стол и скатерть,
И маму у стола в коричневом халате,
И неподвижный теплый абажур.
Я неизвестно где. Я поздно прихожу.

Сергей Довлатов

Памяти Н. Жабина

Жабин был из кулачья,
Подхалим и жадина.
Схоронили у ручья
Николая Жабина.

Мой рассказ на этом весь,
Нечего рассказывать.
Лучше б жил такой как есть,
Николай Аркадьевич.

1962

Юрий Кузнецов

* * *

Ниоткуда, как шорох мышиный,
Я заскребся в родимом краю.
Я счастливый, как пыль за машиной,
И небритый, как русский в раю.

– Где ты был? – она тихо подсядет,
Осторожную руку склоня.
Но рука перед тем, как погладить,
Задрожит, не узнает меня.

1967

Морсящий дождь

Руки по швам! Руки по швам!
Дождь моросит, дождь моросит.
Писем и женщин не будет вам.
Дождь моросит, дождь моросит.

Три дня и три ночи во сне не спишь.
Лицо моросит, а глаза глядят.
Руки по швам! Перед кем стоишь?
Сухие пайки моросят, лейтенант!

Сухие пайки с четырех сторон.
Стой! Кто идет?.. Дождь моросит.
Меняю письмо на сухой патрон!
Эй, лейтенант!.. Лейтенант убит.

1967

Атомная сказка

Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.

Он пошел в направленье полета
По серебристому следу судьбы.

И попал он к лягушке в болото,
За три моря от отчей избы.

– Пригодится на правое дело! –
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.

В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.

1968

Отцепленный вагон

Усыпил нас большой перегон,
Проводник и кондуктор исчезли.
Говорят, отцепили вагон
На каком-то безвестном разъезде.

Мы, не зная, из окон глядим.
Только поезд пройдет вдоль разъезда,
Нам покажется – мы не стоим,
А безмолвно срываемся с места.

Только он промелькнет – обнажится
То же зданьице, поле окрест.
То умчится, то снова примчится
Наш вагон на пустынный разъезд.

1968

* * *

Слезы вечерние, слезы глубокие...
Больно, о, больно смотреть!
Что-то такое в вас есть одинокое.
Взял да забросил я сеть.

Но тяжело ее было вытаскивать,
Видно, что чем-то полна.
Вытащил рыбку и стал ее спрашивать,
Только немая она.

1969

Сотни птиц

В зимнем воздухе птицы сердиты,
То взлетают, то падают ниц.
Очертанья деревьев размыты
От насевших здесь сотнями птиц.

Суеются, кричат – кто их дразнит?
День слоится в прозрачной тени.
На равнине внезапно погаснет
Зимний куст – это снова они.

Пеленою полнеба закроют,
Пронесутся, сожмутся пятном.
И тревожат, и дух беспокоят.
Что за тень?.. Человек за окном.

Человека усеяли птицы,
Шевелятся, лица не видать.
Подойдешь – человек разлетится,
Отойдешь – соберется опять.

1969

Ветер

Кого ты ждешь?.. За окнами темно.
Любить случайно женщине дано.
Ты первому, кто в дом войдет к тебе,
Принадлежать решила, как судьбе.

Который день душа ждала ответа.
Но дверь открылась от порыва ветра.

Ты женщина – а это ветер вольности...
Рассеянный в печали и любви,
Одной рукой он гладил твои волосы,
Другой – топил на море корабли.

1969

Ночь

Ночь!.. Опасайся мыслей
С песьими головами.
В душе горят, не мигая,
Зеленые лица сов.

И тело стоит отдельно –
Не прикоснись руками,
Когда идет по восьмерке
Стрела мировых часов.

Глухие ночные звуки
Из жизни стирают память.
Что различить ты хочешь?
Звук? Уже нет его.
Руки протянешь – воздух
Отхватит тебя с руками.
Бросишь целую гору –
Днем не найдешь ничего.

Днем здесь была долина.
Сейчас без следа и знака.
Лес, существа ночные,
Деревья молчат, скрипя.
Что уловить ты хочешь?
Спичку зажги – из мрака
Все чудовища мира
Ринутся на тебя.

Я знаю, что среди мыслей
Такие вдруг выпали,
Мне лучше б не видеть света
И жизни вовек не знать!
Четыреста карабинов
В своих пирамидах спали.
Один карабин не выдержал,
Забился и стал стрелять.

1969

* * *

Из земли в час вечерний, тревожный
Вырос рыбий горбатый плавник.
Только нету здесь моря! Как можно!
Вот опять в двух шагах он возник.

Вот исчез. Снова вышел со свистом.
– Ищет моря, – сказал мне старик. –
Вот засохли на дереве листья –
Это корни подрезал плавник.

1970

Хозяин разошедшегося дома

Среди пыли, в разошедшемся доме
Одинокий хозяин живет.
Раздраженно скрипят половицы,
А одна половица поет.

Гром ударит ли с грозного неба,
Или легкая мышь прошмыгнет, –
Раздраженно скрипят половицы,
А одна половица поет.

Но когда на руках как сиянье
Нес подругу в заветную тьму,
Он прошел по одной половице,
И весь путь она пела ему.

1971

Возвращение

Шел отец, шел отец невредим
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым –
Ни могилы, ни боли.

Мама, мама, война не вернет...
Не гляди на дорогу.
Столб крутящейся пыли идет
Через поле к порогу.

Словно машет из пыли рука,
Светят очи живые.
Шевелятся открытки на дне сундука –
Фронтовые.

Всякий раз, когда мать его ждет, –
Через поле и пашню
Столб клубящейся пыли бредет,
Одинокий и страшный.

1972

Посещение

Гитара-балалайка,
Победная струна.
Достань гостям, хозяйка,
Зеленого вина.
Пускай шумит хозяин,
Пустая трын-трава.
Ребята, мы гуляем
До самого утра.
А чтобы спозаранку
Не шибко горевать,
Мы старую гулянку
Не станем продолжать.
А головой качнем
И новую начнем.

1974

* * *

Выходя на дорогу, душа оглянулась:
Пень иль волк, или Пушкин мелькнул?
Ты успел промотать свою чистую юность,
А на зрелость рукою махнул.

И в дыму от Москвы по Хвалынское море
Загулял ты, как бледная смерть...
Что ты, что ты узнал о родимом просторе,
Чтобы так равнодушно смотреть?

1975

* * *

Когда кричит ночная птица,
Забытым ужасом полна,
Душа откликнуться боится:
Она желает быть одна.

Но дико слышать ей от века
Рыданье ветра, хриплый вой
И принимать за человека
Дорожный куст, объятый мглой.

Аркадий Сергеев

* * *

Не видел давно сову,
не видел давно ежа.
Пойду, окунусь в траву,
болит у меня душа.
Ох, будет сегодня здесь
моя волноваться тень...
Гнилушки роняет лес,
как волчьи глаза, под пень.
Гуляет вдали испуг,
упырь превратился в стог.
Двенадцать в избе старух
луны мне пекут пирог.
Считают дубы года
в замшелом кольце дорог,
в трясинах блестит вода
и падают звезды в мох.
Не видел давно сову,
не видел давно болот...
Пойду, окунусь в траву,
что в поле глухом поет.

Александр Тихомиров

* * *

Ноябрь...
Но всюду та же сырость,
И ноют кости у старух;
А нынче все переменялось –
Поселок ясен, свеж и сух.

И старички воспряли духом,
Завидев белые поля...
И потихоньку стала пухом
На сельском кладбище земля.

Теща

Сегодня ужин тощий,
И, выпив молока,
Мы с худенькою тещей
Играем в дурака.
Почесываю ухо –
Опять не повезло,
А чертова старуха
В ударе, как назло!
Показывает дули,
Пугается бубей
И прыгает на стуле,
Как будто воробей.
Все больше сатанею...
Но теща не проста –
Берет меня за шею
И чмокает в уста!

Гроза в городе

Ушла в предание еще одна гроза –
Умчались тучи с быстротою кошек,
Но ходят громы, городу грозя,
Деревья ходят, как меха гармошек.
На занавесках тюлевых – цветы,
Они дрожат под ветром и сияют,

И рвутся сквозь оконные кресты,
И, словно ангелы,
Над улицей летают!
И осеняет город благодать...
Не понимая, отчего все это,
Глава семьи отправился гулять
И заодно купить себе газету.

1969

* * *

Ах, дружки мои,
Голубчики!
Кой-чего могу я сметь...
В черном я иду тулупчике,
Подтянутый, как смерть.
Переулочек,
Проулочек,
Улица –
Везде темно...
Лишь милиция балуется,
Потому что холодно...
И не знает отделение,
От холода дрожа,
Кто там ходит в отдалении
И режет без ножа.

1975

* * *

На воле... Как цыган!
И без гроша в кармане.
Зато – с подружкой.
Зато – немного пьян.
Господь дал оттепель –
И городок в тумане...
Ее рука тепла,
И мы идем в туман.
Школяр! А ты решай
Проблемы мировые.
Я ж буду школьничать
Под проливным дождем –
С подружкой спрятавшись
Под тучи грозовые,
Авось и мы чего-нибудь найдем!

* * *

Постучат в палаты,
Отворю добро:
– Не берете золото,
Вот вам серебро...
Ну так что ж вы, соколы?
– Барин, как нам сметь...
И с крыльца высокого
Я бросаю медь.

1975

Разговор с комариком

– Надутый кровью шарик,
Такой-сякой – дрянной!
Что мечешься, комарик,
Над лужей травяной?
На что ты нужен Богу,
А ну-ка прореки,
На что ты нужен стогу
На берегу реки?
– На что я нужен Богу,
Не ведаю, дружок,
На что я нужен стогу,
Пусть думает стожок.
Вот ты мне очень нужен,
Пока я вижу свет –
На завтрак и на ужин,
На полдник и обед.

1979

Завещание

Ах ты, милочка моя,
Не печалься, Лидка!
Вот могилочка моя –
Синяя калитка.
От росы сверкает крест,
Лавочка отволгла...
Пусть я тут один как перст
Буду долго-долго!

1979

Кари Унксова

Эстонский хутор

Вот продавив тяжелое пространство
Над хутором приподнялась луна.
Два дуба непомерных развели
Огромные медлительные сучья
И осенили постоянный круг
Где вырос дом – как гриб или валун
Наслаиваясь темными годами.
Все прочно здесь и времени упорно:
И стол и лавки и кирпичный пол
И гвозди что держали важно утварь
Продуманную схему сохраняют
Как камбала висит сковорода
Напоминая прошлые года.

Здесь молчаливо доживал эстонец
И белоствольная его жена
Утрами заводила тихий кофе
И почтальон как верные часы
Бренчал велосипедом у калитки
И тронув белоснежные усы
Желал им хлеба и желал им жизни
И подавал – один иль два конверта.
С годами делались на них картинки
Все ярче, и все медленнее руки
Справлялись с ожидаемым письмом.
Они так долго долго долго жили
И чудом умерли в один и тот же день
Остался запах кофе и надежды
И у сарая дикий сельдерей
Разросся в этот год до самой крыши.

1972

Созерцание

Вот камни
За ними тени
По ним ползут
Причудливые мхи
За потоком гравия
Скрипит кожистая осока

Туго поддается
Семи ветрам
Побережье.
Или
Терраса философского сада
Небольшое пространство
10 × 30
Там
Струится поле
Светлой травы
Поляна.
Низкие кусты
Обретают ветер
Но не могут угадать
Русло
Потока.
Начинаются деревья
Длинные взмахи
Тяжелых ветвей
С водоворотами
Крупных листьев
Они ли ветер
Или ветер их
От ствола выносит
Вымывает
В горячие омуты
Пространства

Это лес.

Непреложный свет

Тополь застыл в динамическом жесте
Водит цыганка коня
Ярко петух обозначил нашествие
Да, непреложного дня.
Юбки цыганские парусом пестрым
Месяц ныряет околышком острым
Плоские куры заводят глазницы
Переминают насест
Прыскают хори, струятся куницы
Может лиса еще съест...
Куры проснитесь, кончайте бояться
Солнечный день начинает смеяться!
Куры чихают, идут на охоту
Люди встают и идут на работу.

Евгений Харитонов

* * *

У берегов волнистой Эльбы,
Золотокудры и светлы
Стоят Карл Маркс и Фридрих Энгельс,
Обнявшись, будто две сестры.

* * *

Осень, осень, все любят осень.
Краски красивые: жёлтые, красные,
подумал ещё о зелёных – просто участок лета.
Подошёл, это ёлки. И рядом другие стоят,
с жёлтой хвоей, а на зелёных совсем свежая.
И грибы попались, поганки, но всё равно, сырое.
Вообще у нас этот парк большой, хорошо.
Лодку дают напрокат. Пустая станция.
Осень, осень, все её любят.
Скоро сильный ветер подует и всё снесёт.
Чтобы мы осень увидели, нужно при свете.
В отличие от весны. Весну ночью по воздуху,
или зиму по снегу, как он скрипит и искры,
а осень только при свете.
Жёлтое, жёлтое, и вдруг красное в середине.
А жёлтые попадают листья такого чистого тона,
просто секрет желтизны. Вот запах у осени:
когда их вечером жгут.
Цвет ещё можно воспроизвести, но даль,
на каком расстоянии один от другого –
Поэты, стараются про неё. Схемы сухие.
Листья тоже сухие, но – (шёпотом скажем: тоже сухие ;
так что-то есть). Конечно, сильнее всего, когда сухо.
Сухо и солнечно. Хотя, когда сыро, тоже.
Это как раз было сыро – ряды, и поганку растёр.
Какие были ряды! глубокие, ровные.
Ёлки давали им глубину.
Всё, ветер сильно дует – у-у,
плохо на улице, завтра проснёмся,
листья валяются во дворе, запачкались, бурые.

* * *

У тётки Лиды у тёти Тони детей не было
они застудили в тюрьме
тётя Лида долго крала у деды Серёжи
револьвер для кавалера
назначит свидание сразу двоим или троим
у Дворца Труда они за это её с балкона
Что она делала с дядей Сашей
сама не работала все его деньги на безделушки
Саша мне от тебя подарочек
Дядя Саша уйдёт ночью в забой
к ней идёт соседский племянник
Сколько у неё было мужчин
Бабуся только порадуется тётя Лида замужем
она снова приходит домой дрожит
один раз пришла в одной рогожке
Дядя Саша придёт со смены измучился в шахте
она просит её поласкать
А он силач сирота
Тётя Тоня, правда, сразу вошла в колею
мамочка к ней переменилась,
а тётя Лида всю жизнь
Просила положить в гроб с накрашенными губами
и с фотографией Виктора
Им тюрьма как масонская ложа
Виктор чуть ли не за убийство сидел,
и дядя Миша, правда, по шофёрскому делу
Виктор это конец всего
А дядя Саша её на руках носил,
могла с ним спокойно до конца дней.
Ну разве можно, Манон Леско.
Женя сказала Лидка была милее
обе добрые но Лидка милее
Мамочка разве могла к ней хорошо
а ребёнок не разбирает назло мамочке любит
тётя Лида бабусина дочка приезжает из Сталинска
ласковая обнимается
Разве мамочка могла к ней хорошо
Студенткой пришла с папой в дом
пришли к бабуся работала зарабатывала
отказывала себе во всём всем помогала
а тётя Лида у неё крала
таким трудом заработано
крала себе на разгульную жизнь
Мамочка с папой строили совершенно другую жизнь
Такая семья всегда вместе в отпуск вместе
всем всегда помогали
и чтобы ребёнку передалось

Порядочность необыкновенная
не понимают непорядочных совсем.
Папа всему верит что показывают или оповещают
даже нет любопытства к другим колеям
делал делал зарядку и всё равно тремор и я не то.

* * *

Хозяйки умеют торговаться
строгие не проведёшь их слесаря боятся
А я сразу видят
столкнут негодный кран,
за стекло возьмут восемь рублей и стекло барахло.
Надо с этими пьяницами жульё проверять не стесняться.

Мечты и звуки

*

Из бесславной, из безвестной,
из могилы одноместной
был привет и рос цветок.
То был я и мой стишок.
Я то цвёл и наливался,
то я вял и запыхался,
то не вял, не цвёл, не жил,
то лежал и вас любил.
А любовь это забота,
а цветку-то неохота,
а цветок ведь он цветок.
Так и гибнем. Но восторг!

*

Голубь счастья, галка горя
полетели вдоль моря,
вдооль моря, вдооль моря
полетели – и за море!
Заа море южное,
ообщесоюзное,
заа полудённое,
вечнозелёное,
заа море тёплое,
вечноперелётное!

*

Двадцать раз не цветут,
десять раз не цветут,
не цветут, не цветут,
не цветут – нет, цветут!
Да, цветут двадцать раз!
И сто двадцать цветут!
Сорок раз расцветут,
и споют, и капут.

*

Люди манящие, не поманившие,
люди звонящие, не позвонившие,
люди вокзальные, люди квартирные,
люди нормальные, люди трактирные,
люди культуры и люди татары,
люди кладбища и люди бульвары,
люди ледышки и люди теплушки,
люди с ножищами, люди в подушке.

*

Туда где люди, туда где люд,
где веселятся и где спуют,
где не найдётесь и не найдусь,
где я малютка упал под куст,
а луч надежды попал во мрак,
где деньги плачут, а я бедняк.

*

Когда вас ждать? всегда вас ждать
или совсем не ждать? – Нет, ждать. –
Н е ждать или н е т, ждать? – Д а, ждать;
и ждать, и ждать, и только ждать. –
И только ждать? – И только ждать. –
И не дожидаться? – Только ждать.
Но только верить! И мечтать.
Мечтать, мечтать, мечтать, мечтать.

*

Ну что напиться, что напиться!
Напиться – что-нибудь случится.
Случится что-нибудь не то.
Когда и так одно не то.
А то, наоборот, напиться!

и загорится! и случится!
и вздрогнется! и упадётся!
И не очнётся, не очнётся.

*

Одуванчик летних бурь,
ты зачем попал в лазурь!
Ты зачем, за тем, за тем
и за этим полетел!
Ты зачем, пуховый мальчик,
налетел на мой диванчик!
Ты зачем, зачем, зачем
начихал и улетел!

*

Жило-было сердце.
В сердце жил-был голос.
Голос-голосина,
голос-голосок.
Как заголосит он!
Как всё соберётся!
как вокруг сбежится!
как всё остановится,
открывая рот!
Пел он, где хотел он.
Пел он, не скрипел он.
Во дворце и в хате,
в сердце и в кровати,
звонко и на плёнке
пел он, как баян –
славу голосистым,
славу колбасистым,
славу самородкам,
славу соловьям!

*

А я любовь к порядку,
к закону и порядку,
и ко всему такому,
что любят все и все.
А ко всему другому
я буду глух, и всё.
Я вижу счастье в том лишь,
чтоб делать что положено,
а то что неположено,
не делать никогда.

Одно на свете счастье,
одно на свете счастье,
лишь то на свете счастье,
что есть на свете долг.
Так говорил мой папа,
а папе тоже папа,
а папа того папу
так прямо бил ремнём.
Порядок есть порядок,
порядок есть порядок,
а беспорядок – горе,
анархия, и всё.
Так завещал мне папа,
а папе тоже папа,
а папа того папы
зубами верещал!

*

Во мне погиб боец.
Во мне погиб отец.
Во мне погиб певец!
Пиздец, пиздец, пиздец.
Вдали весны и вас
умолк мой звонкий глас,
заглох, затих опричь,
забылся, замер... тшь!

*

Никому мы старики не нужны,
только ей и нужны мы, смерти.
Даже ей мы и то не нужны.
А бывало мы смеялись
и надеялись на что-то
Где теперь оно, то ч т о - т о ?
Я старик, я дедушка ничей
И уж нет никого кто меня ох да помнит
ох никто мене не помнит, все таланты мои
Я теперь простой старик только те-то старики
все теплом обзавелись а у мене всего что тёплого
это слёзочки мои
А у тех-то стариков
детки, бабки, дачки и цветочки
А у мене у старика ничего у одиночки
Произведения мои ох никому не интересны
Я люблю их больше всех и они мне жизнь сгубили
и оставили мене на разбитой на могиле.

*

Осень. Слава Богу, рябина красная.
Слава Богу, женщина несёт собаку на руках.
Слава Богу, она её скинула на траву.
Слава Богу, собака побежала, женщина пошла.
Слава Богу, Ленин умер.
Слава Богу, все мы живы.
Слава Богу, Бога нет.
Слава Богу, есть опять!
Слава Богу, слава Богу, слава Богу, есть.

*

О никаких надежд – подумал он в надежде,
что за то что так подумал, они будут и даже сбудутся,
но лучше не думать, а то не сбудутся.
О мечты. Мечты, мечты.
О действия (которых не было).
О некрасивое будущее.
О старость в бородавках на больных ногах.
О смерть в больнице на горшке.
О похороны в яме.
О выброшенные на помойку новыми жильцами
мои заветные листки.
О милый, милый мальчик,
который умер много-много лет назад во мне,
и даже день смерти его неизвестен.

Оцепенение

Не могу встать. Нет, не могу!
А сидеть могу. Да, могу.
И ещё раз да.
И ещё раз, и ещё раз да.
А вставать и ходить хватит, друзья мои.
Вставайте и ходите сами.
А я тот кто сидит, когда вы ходите,
и лежит, когда вы сидите.
А уж когда и вы лежите,
так я вообще уж сверхлежу.

Александр Бродский

Атропо

Уйди из дому. Вечером октябрьским,
когда леса печальные стоят,
гонимы ветром, сидя по-арабски,
над перелеском Парки пролетят.

Они ужасны – четверо подряд.
Одна – мужчина, лысый и мордастый,
другая ковыряет пальцем ласты,
у третьей в лапках ножницы горят.

Из глины сотворив себе кумир,
четвертая, что делать с ним, не знает
и с идолом задумчиво играет,
разглядывая в лупу божий мир.

И в небеса, протертые до дыр,
твоя судьба со свистом улетает.

Паника

В разрозненной толпе видение колосса
предстало мне, и я оторопел и сник.
Вокруг полки солдат кричали безголосо,
и ветер шапки рвал и рвал шинели с них.

А рядом, на реке, к воде прилег тростник,
в державе Айдая коров доил философ,
и парочки, томясь, ложились у откосов
в испарине зари на зарослях лесных.

А Тот недвижим был. А после, в новый миг,
тоской подернулся его ужасный лик,
и дикие черты прорезала угроза.

И двинулись полки, телеги и колеса,
и всюду слышен стал невыносимый крик,
и паника рвала на заднице волосья.

Александр Воловик

* * *

Я неведомый поэт,
неизвестный никому.
От меня исходит свет,
только он похож на тьму.

Владимир Ивелев

* * *

Осушил я стопку,
Осушил другую,
Осушил я слезы,
Весело мне стало,
Вышел в непогоду,
Вышел в злую стужу,
Только эта проза
Там, на дне кристалла.

Опрокинул стакан,
Вот, пошла, пошла, пошла!
Ну, а ты, истукан,
Трезв, и жизнь твоя
Пошла, пошла, пошла!

1971

* * *

Освобожден, исчез бесследно, выслан,
Сослан, убит, все это слышу я,
и слышу выстрел,
Событий дней, идей конвейер быстрый,
Там это, здесь, и движется сюда.

Но сам я, сам исчез бесследно, выслан,
Убит, освобожден, невозвращен,
Иду в толпе, вмурован в толщу жизни,
Отчаян или умиротворен.

Я ухожу, измотан, будет, будет!
Бред отчужденья, смертный приговор,
Я отключаюсь от несчастных судеб,
Я забываю собственный позор.

Я устаю, я отдохну от жизни,
Людей, обремененных суетой,
В лесу ручей и солнце, птичка свищет,
Травиночка, листья блестят росой.

В столовке я волью в себя украдкой
Хмельное зелье, средство для души,
Вот сгинул злобный мир, его повадки,
А ты вещай, ты, репортер, пиши.

1981

* * *

Две тетрадки на столе
И учебник нераскрытый,
Листья клена видны
Между страниц,
Авторучка, карандаш,
И роман лежит невинный,
У девчонки дрожат концы ресниц.

Вот осенний день, смотри,
Вот он, день спокойный, светлый,
Вот он виден изнутри,
В окнах квартир,
Просто школьница молчит,
Перед ней мальчишка смелый,
Он ее поцеловал, лица овал.

Мама вышла в магазин,
Папа занят по работе,
Не мешает никто
Этой любви,
И уроки подождут,
И для памяти далекой
Сохранится сладкий ход
Этих минут.

* * *

Жить я жил, а, вроде, не жил,
Вспомни все, что я пережил,
Вспомни все и пожалей,
И немножечко налей.

Дай побыть немножечко,
Дай пожить немножечко,
Поллюбить немножечко,
Погрустить немножечко.

На плече твоём горячем
Я немножечко вздремну,
Ничего ничто не значит,
Может, скоро я умру.

Дай вздохнуть немножечко,
Дай всплакнуть немножечко,
Поговорить немножечко,
Погоревать немножечко.

Я любил, что было силы,
Я терял, что было сил,
Но хранил твой образ милый,
Я с собой его носил.

Я всегда немножечко
Был с тобой немножечко,
Помнил я немножечко
Обо всем немножечко.

Утекло воды немало,
Столь побитого стекла,
Ты меня не принимала,
Не дарила мне тепла.

Будь со мной немножечко,
По любви немножечко,
По душе немножечко,
Для меня немножечко.

* * *

Закажи, роднуля, ту кадрили,
Закажи, родная, польку эту,
Пусть летит она по белу свету,
По белому свету пусть летит.

Пусть оркестр весело гремит,
Пусть они танцуют в этом парке,
Пусть плющом увиты будут арки,
Пусть фонарик весело горит.

Ухажеры розы поднесут,
Пусть прижмутся страстные танцоры
И ногами вяжут пусть узоры,
А в конце пусть загремит салют.

Закажи любимого вина
Ты себе, а мне немного водки,
Мы с тобой, любимая, в охотку
Выпьем это за любовь до дна.

От помады враз освобожу
Я твои покрашенные губы,
Пусть пока грохочут вальсы трубы,
Я с тобой тихонько покружу.

В этот вечер синий выходной
Что еще с тобой мы сможем сделать,
Чтобы радость пенилась, кипела,
Чтобы закипал ее прибой.

Был концерт, кривые зеркала,
Лодочка, вино, аттракционы,
И реки безвестные затоны,
И веранды разного стекла.

Спой же мне скорей такую песнь,
Дай же мне скорей такую радость,
Чтобы я почувствовал усталость
И заснул от счастья прямо здесь.

* * *

Ах что вы, я совсем не рад,
Простите, что не рад, меня поймите,
Откуда персики, и виноград?
Ни к месту, отсюда унесите,
Картошка с хлебом, их не видел
Двенадцать лет назад, скорее принесите.

Да пригласите вы к столу сейчас
Дмитрия младенца, брата Митю,
Загрызла крыса? Что же тут такого?
Скорее воскресите вы, сейчас,
К столу его скорее пригласите.

Да, говорю немного не попад,
Война и голод, вы меня поймите,
Зачем тут персики и виноград?
Скорее унесите.

Ры Никонова

* * *

Боги день рождения Иисуса
празднуют
Перепились до очеловечивания...
Обкурили небо папиросными
тучами
Поплевали на землю дождичком
Каждый по очереди...
Иисус что-то похабное прогремел...
Хохочут боги...
Жду...
Скоро на землю пустые бутылки
падать будут

1959

* * *

когда уходят вдаль войска
они уносят массу фотографий

1965

* * *

Лю-ди
Любо-пытно

1966

* * *

именно так и сидите

* * *

Вы не граф
а почему?

Полифония

I II

надо надо
жить жить
чтобы чтобы
жить умереть!

1966–1967–1984

* * *

Рос-глав-кооп-пуш-лек-сырьё
(омская база)

1967

* * *

Д`рыбы зимой плывут
Задевая глазами д`лёд

1967–1996

* * *

Зачем я
Зачем ты
Зачем пты

1968–1970

* * *

не люди
но ещё и
не крысы

1969–1970

Ухаживающему за волон

Ухаживающий за волон!
БАЛАЛОМ!!

1972

Бумажный ангел

Приготовьте себе бумажные крылья с бахромой
наденьте
продемонстрируйте себя Господу
и если понравится
работайте ангелом

Барыня

ба ры ня
бу ры ня
ры
бу – ня
ня
тю бу – ня

ся
се
сю
фью сю
сю

тю
тю – – льдя
трянь – тю
тю
ляп – та – ры
ры ля
си
за ры ня

1985

1996 точек

..... и так далее

1996

Марк Рихтерман

* * *

Хороши мои дела –
По ночам все та же мгла,
По утрам все та же, та же
Голубая белизна,
И пустынные пейзажи
Наблюдаю из окна.

В неизменности такой
Есть отрада и покой,
Есть надежда, есть привычка,
И судьбы слабеет гнет.
Жизни серенькая птичка
Тонким голосом поет:

«Чик-чирик – святое дело
Жить на свете – чик-чирик,
Чик-чирик – душа и тело,
Чик-чирик – к чему привык».

Чиви-тав – легко и просто
Дни проходят – чиви-тав,
Ты глядишь на них с помоста,
Чиви-тав – не сосчитав.

Андрей Товмасын

* * *

Полковник смотрит на луну,
Он видит кратеры глухие,
И забывает он войну,
И вспоминает дни иные.

Не слышно пушек. Весел, юн,
С большой квадратной головою
И симпатичною семьею
Бежит гулять он. Сын, шалун,

Легко тусуясь меж холмами,
Жужжит от радости. Жена
Вращает нежными глазами,
Вином и водкою полна.

Ни тучки. Солнце. День такой,
Какие редко выдаются.
Вдруг все упали. Крики, вой.
Но вот опять они смеются...

Полковник смотрит на луну,
Он видит кратеры глухие,
И забывает он войну,
И вспоминает дни иные.

1970

* * *

Из тучи школьников любила лишь Игнатку
Учительница бедная одна.
И плакала порою за тетрадкой
Украдкою она.

Все снилось ей – в разгаре чудном лета,
Предельно счастливы, спешат они в музей.
Сияет день. Дымится сигарета
Во рту у ней.

1970

* * *

Однажды весной, наевшись пломбира,
Сидел я в раздумьи над потной рекой
И думал об участи нашего мира,
Качая в такт мыслям своей головой.

И, странное дело, чем дольше сидел я,
Тем чаще качалась моя голова,
Как маятник некий... Вдруг песню запел я,
Но песни той дивной не вспомнить слова.

Остались лишь рифмы: указка – колбаска,
Веревка – циновка, а дальше ни-ни...
Куда ж задевалась ты, чудная сказка,
И вы, золотые весенние дни?

И сам я с пломбиром, – куда я девался?
И где вообще я? Узнать не могу.
Все спутано. Синий мужик разувался
На галькой покрытом морском берегу.

Кивали панели летучим машинам,
Вгрызался в очки пенопластовый крот.
И жуткая девушка медным аршином
Все мерила, мерила дедушкин рот.

1970 (?)

* * *

С головою ужа и повадкой лисицы противной
Вдоль по улице шел молодой, интересный пацан.
«Отпустите меня, отпустите сию же минуту
С пацаном интересным по улице вместе шагать!»

1970

Предостережение

Брат мой, ты видишь тот дом
С вывеской тусклой у входа.
Это не клуб, не театр,
Не овощной магазин...

1970

Гоп!

Балерун и балерина укрывались одеялом.
Одеялом укрывался с балериной балерун.

Гоп – шутили, гоп – смеялись.
Гоп – на цыпочки поднялись.

Простоквашу пил младенец. Усмехаясь. Не потея.
Не потея, усмехался в простокваше кладенец.

Гоп – шутили, гоп – смеялись.
Гоп – на цыпочки поднялись.

Как у нашего у папки нынче беленькие тапки.
Папка милый, родный папка, вверх поднять попробуй лапки!

Гоп! Гоп! Гоп! Столяр сделал гроб!
Неподвижный гроб! Гоп! Гоп! Гоп!
Гоп!

1970

* * *

Речная гладь тунцом кипела,
А Коля Зарин посмотрел
На рыб веселых хороводы,
На буйство яркое природы
И песню дивную запел.

И вдруг из песни ясно стало
(Хотя была она без слов),
Что вечность – вовсе не кипенье,
Она лишь перепел движенья,
Туманный перепел движенья
Работы старых мастеров.

1972–1973

* * *

Я – круглый, полый шар. Внутри меня темно!
И звуки внутрь меня извне не проникают,
Но в жизни радости и мне дано –
Меня катают.

Вот катят. Рад я. Усмехаюсь.
Но кто я? Где я – все года?
И почему не разбиваюсь
Я никогда?

Со страшным чувством омерзенья
Мне сообщает плоть моя
Шаров иных прикосновенья,
Таких же полых, как и я.

1973

* * *

Я вижу свет, идущий ниоткуда,
Волшебный свет.
Но происходит небольшое чудо,
И света нет!

1975

* * *

Не за Крым люблю я море,
А совсем наоборот.
Только с морем этим горе:
Нужно средств невпроворот.

То напиться-похмелиться,
То к урологу сходить.
А на что ж, как говорится,
Жить на что? На что же жить?

1983

Шито-крыто

Невлюбил парнишка лысый девушку одну,
Обзывал свиньей и крысой, бил, тянул ко дну.

Но внезапно изменился лысый паренек,
Крысой больше не дразнился, и свиньей не мог.

Ходит девушка небита! Плавает, купается...
Мне сдается – «шито-крыто» – это называется.

Семиногий олень

День гнидоглаз. Семиногий олень
С солнышка в тень ушел. С солнышка в тень.

День гнидоглаз. Семиногий опять –
Вышел на солнышко. Петь, танцевать.

День гнидоглаз. Семиногий исчез.
Видимо, в лес ушел. Видимо, в лес...

1996 (?)

Цапли

посвящается Надежде Петровне Визитиу
и Галине Валентиновне Ломовой

Галя любит выпивать.
Надя – похмеляться.
Мне за ними, так сказать,
Просто не угнаться.

Даже если догоню
Галю, Надю вряд ли:
И твержу 100 раз на дню:
«Цапли мои, цапли!»

1999

Сон

Мне снился Бог. С роскошной бородою
И бесконечной книжкой трудовой.

Она хранится в кадров их отделе.
На самом деле, ведь, на самом деле.

Есть в стаже – пропуски. Большие, частые,
Когда – несчастья здесь. У нас – несчастья...

Алёна Басилова

Розовый шут

(Из поэмы «Комедия греха»)

О. Целкову

Особливо про-зы-ва... про-зы-ва-ли...

Полюбила я шута ро-зо-ва-во!

Полюбила Истинно Сахарно-го!

Ах румянец

выступил

Аховый! – О!

С добрым молодцем гуляли Молодцы...

С добрым молодцем гуляли Девицы...

Встали. Поустали. Но за молодцем

Слава моментальная стелется:

- Ох, не лиловатое – синее!
- Не сиреневатое – красное!
- Красное не красное – Сильное!
- В розовое больше, чем в разное!

- Он ли моложавый – высокенький...
- Он ли уважаемый – махонький...
- Он ли воображаемый все-таки, и...
- Он ли обожаемый? Ахоньки!

- Розовые очи по ночам рычат,
- Розовые очень по ночам рычат,
- Розовые очень, да не грозные,
- Просто очень, очень даже розовые!

Уж его я милого, пятого,

В розовы очечки поприпрятала,

Розового – Стало мне весело –

Розовые сны поразвесила!

- Ох, не лиловатое – синее!
- Не сиреневатое – красное!
- Красное не красное – сильное!
- В розовое больше, чем в разное...

Дай еще разочек мне мой розовенький,
Гипсовый мой, мраморный мой, бронзовенький,

Грезки поразборчивей – раз уж живешь –
(Тьфу-ты, даже рыжим не назовешь!)

Все твои враги – благообразные...
Все твои друзья – О! Улыбаются...
Самые коварные согласные
С гласными прекрасно уживаются...

Детство мое дальнее (только не...)
Бегство мое тайное, тонкое...
Волюшка невинная шалая...
(Вон я побежала за мамою...)

Ро ро ро ро... Розовые, светлые!
Зо зо зо зо (Надо же!) Зо зо зо зо зо!
Вы вы вы вы не были на свете бы,
Если бы, ну если бы, нуеслибынуеслибы... Ну?!

– Ах, не виноватая я – синее!
– Синее не синее – (Матом бы!..)
– Красное не красное – Сильное!
– Ах, не винова, не виноваты вы!

Изабелла Бочкарёва

* * *

В круглом сосуде свет золотой
Не моей рукою зажжен,
И не моею смертной рукой
Будет погашен он.

Я лишь храню его от дождей,
От ветра и от воров,
От глупых взоров, праздных речей
И от чужих богов.

А пуще всего от себя самой,
Шепчущей: посмотри,
Вправду ли свет такой золотой
И что у сосуда внутри?

И почему тебе суждено
Странный сосуд хранить,
И в самом ли деле станет темно,
Если его разбить?..

* * *

Вдоль пашни ходит добрый мощный зверь.
Две женщины при нем – две старых жрицы.
Мне хочется и плакать, и молиться.
Я стану сбоку, где шуршит костерь,
метелочками сухонькими вертит.
Как много видно осенью с горы!
Легки старухи, веселы, бодры.
Кто пашет, тот не думает о смерти.
Храни, Господь, и воды, и холмы,
и тьму ночей, и свежесть, и молчанье,
спокойной жизни вольное дыханье.
Они, по счастью, людям не нужны
и потому покамест уцелели.
Уже никто не может этим жить,
но двигаясь к какой-то смутной цели,
сподобились мы это полюбить.

* * *

Юные ивы на хрупких стволах.
Тонкая дымка на дальних холмах.
Туда, синеву набирая,
уходит дорога сырая.
Этот мечтательный, зыбкий, фарфоровый вид
за нашей избой, как за спиной Джиоконды,
с конца апреля, почти не меняясь, висит.

* * *

Уедем туда, откуда в город пришли
хлеб и картошка,
узоры и песни,
вода и ветер.
Уедем
туда, где мы стали нужны,
где плачут, прощаясь,
дарят, чем богаты, –
кулечком клюквы, стаканом сметаны,
и крестят, и смотрят вслед,
пока ты сам не превратишься в дорогу.
Уедем туда,
где жизнь вольна и трудна.
Цыган уже продал шубу,
играют овраги, намокли пороги.

1979

Олег Григорьев

Яма

- Яму копал?
- Копал.
- В яму упал?
- Упал.
- В яме сидишь?
- Сижу.
- Лестницу ждешь?
- Жду.
- Яма сыра?
- Сыра.
- Как голова?
- Цела.
- Значит, живой?
- Живой.
- Ну, я пошел домой.

Игрушки

С на голове попугаем
И с в кармане ужом,
Давай детей напугаем,
Игрушки их заберем...
А у них такие игрушки:
Гранаты и автоматы,
Бомбы, ракеты и пушки,
Притом еще кроют матом.
Дети нас так напугали,
Что мы убежали в свой дом
С на голове попугаем
И с в кармане ужом.

Когда?

Людей стало много-много,
Надо было спастись.
Собрал сухарей я в дорогу,
И посох взял, опираться.
– Когда вернешься? – спросила мама.
– Когда людей станет мало.

Куда?

Люди куда-то стоят –
Прямо, потом назад,
В подворотню, сквозь дом,
В угол и снова кругом.
Мы проверили с другом –
Ни лавки, ни продавца.
Люди просто стоят друг за другом,
Без начала и без конца.

Если

Если вы на качели сели,
А качели вас не качали,
Если стали кружиться качели
И вы с качелей упали,
Значит, вы сели не на качели,
Это ясно.
Значит, вы сели на карусели,
Ну и прекрасно.

Муха

Тонет муха в сладости
В банке на окне,
И нету в этом радости
Ни мухе и ни мне.

Аким

Вдоль реки бежал Аким –
Был Аким совсем сухим.
Побежал он поперек –
Весь до ниточки промок.

Кузнечик

Зажав кузнечика в руке,
Сидел ребенок на горшке.
– Нельзя живое истязать! –
Я пальцы стал ему ломать.
– Нельзя кузнечиков душить! –
Я руки стал ему крутить.
На волю выскочил кузнечик,
Заплакал горько человек.

* * *

Пойду домой, пожалуюсь маме,
Что луна зажата двумя домами.

* * *

– Что, если мир раскрутить посильнее?
– Подумай о бабушке – что будет с нею.

* * *

Я ударился об угол,
Значит, мир не очень кругл.

* * *

Время устало и встало,
И ничего не стало.

* * *

Ревел человек в коляске.
Видно, хотел он ласки.

Два старика

Два старика шли по городу,
Поздоровались друг с другом за бороду.

* * *

Упал я – вот неудача!
Кругом же смех вместо плача.

* * *

Я взял бумагу и перо,
Нарисовал утюг.
Порвал листок, швырнул в ведро –
В ведре раздался стук.

Впереди и позади

На заду кобура болталась,
Сбоку шашка отцовская звякала.
Впереди меня все хохотало,
А позади все плакало.

В клетке

– Ну, как тебе на ветке? –
Спросила птица в клетке.
– На ветке – как и в клетке,
Только прутья редки.

* * *

Пьет оса кисель из чашки,
Ловко сидя на краю.
Мне нисколько не страшно –
Я с другого края пью.

* * *

Бутылку чернил
Я в Неву уронил.
Как чернослив
Стал Финский залив.

* * *

Пляж давно опустел,
Дождь идет проливной.
Лежат отпечатки тел,
Заполненные водой.

Волчок

Ездил в Вышний Волочёк,
Заводной купил волчок.
Дома, лежа на полу,
Я кручу свою юлу.
Раньше жил один я, воя,
А теперь мы воем двое.

* * *

Он был Сидоровым, который сидит под деревом,
И деревом, которое растет над Сидоровым,
И при том
Был птицей на этом дереве и ее гнездом.

* * *

Тело, выведенное из состояния покоя,
Сломало стол, стул, кровать
И многое другое.

* * *

По улице ходят люди с угрюмыми лицами,
Очень мало детей и много милиции.

* * *

Чтобы выразить все сразу,
Кулаком я бью по тазу.

* * *

Громадные, выше крыш,
Надо мной шелестели тополи,
Подошел какой-то малыш
И об меня вытер сопли.

* * *

Я спросил электрика Петрова:
– Для чего ты намотал на шею провод?
Петров мне ничего не отвечает,
Висит и только ботами качает.

* * *

Девочка красивая
В кустах лежит нагой.
Другой бы изнаsilовал,
А я лишь пнул ногой.

* * *

С бритой головою,
В форме полосатой,
Коммунизм я строю
Ломом и лопатой.

* * *

Где же мой лом и кувалда,
Куда девалось кайло?
– И лом, и кайло, и кувалду
Оползнем унесло.

* * *

У доярок глаза вытаращены,
Трактористы глядят зубрами:
«Уберем то, что выращено,
Сохраним то, что убрано!»

* * *

Сизов торговал на вокзале
Рождественскими открытками.
Его схватили, его связали...
И вот он умер под пытками.

* * *

Шел я между пилорам –
Дальше шел я пополам.

* * *

Один человек доказал, что земля – это куб.
А другой умер от прикосновения детских губ!

* * *

Смерть прекрасна и так же легка,
Как выход из куколки мотылька.

* * *

Убитую у сквера
Припомнить не берусь я:
По наколкам Вера,
А по шрамам Дуся.

* * *

Пошел я на утопленницу
К озеру смотреть.
С такой бы вот утопленницей
Вместе помереть.

* * *

Жена наклонилась голая
Около унитаза,
А я ей воду на голову
Лью из медного таза.

* * *

Жену я свою не хаю
И никогда не брошу ее.
Это со мной она стала плохая,
А взял-то ее я хорошую.

* * *

А. Г.

Ем я восточные сласти,
Сажу на лавке, пью кефир.
Подошел представитель власти,
Вынул антенну, вышел в эфир.

– Сидоров, Сидоров, – я Бровкин,
Подъезжайте к Садовой, семь.
Тут алкоголик с поллитровкой,
Скоро вырубится совсем.

Я встал и бутылкой кефира
Отрубил его от эфира.

* * *

Разбил в туалете сосуд –
Соседи подали в суд.
Справа винтовка, слева винтовка,
Я себя чувствую как-то неловко.

* * *

Участковый стал в двери стучать.
Я за ним в глазок следил, даже в оба.
С таким же успехом он мог стучать
В крышку моего гроба.

* * *

Я мялку вынимаю
И начинаю мять,
Кого не понимаю,
Не надо понимать.

А то если подумаешь
И что-нибудь поймешь –
Не только мялку вытащишь,
А схватишься за нож.

* * *

Зацепка,
Подъемка,
Забой,
Обескровка,
Обвалка,
Опалка,
Мездренье,
Нутровка,
Заделка,
Обрубка,
Посол,
Обрезанье,
Жировка,
Жиловка,
Отстой,
Кишкованье.

* * *

Утром соседка голая
На кухне усердно мыла
Под краном квадратную голову
Круглым розовым мылом.

Знай, что она тут голая,
Я не вставал бы так рано.
Соседка отдернула голову –
И отломала полкрана.

Куб, шар, цилиндр

Е. Р.

Жил художник-кубист в комнатухе
– Куб, шар, цилиндр. –
Продал картину, купил бормотухи
Десять литров и еще литр.

Пригласил поэтов, писателей
– Куб, цилиндр, шар. –
Передрались, уснули приятели,
В комнате вышел пожар.

Утром белые санитары
Выносили за трупом труп.
Всё забрали, в углу лишь оставили
Шар, цилиндр, куб.

1983

Яблоко

Жена подала мне яблоко
Размером с большой кулак.
Сломал пополам я яблоко,
А в яблоке жирный червяк.
Одну половину выел,
Другая чиста и цела.
С червем половину я выкинул,
Другую жена взяла.
И вдруг я отчетливо вспомнил –
Это было когда-то со мной:
И червь, и сад, и знойный полдень,
И дерево, и яблоко, и я с женой.

Слезы

Горькие, длинные слезы из глаз по щекам на плечи
Как парафин из свечек
Каплют,
Пол протыкают,
Соседи снизу визжат –
Слезы мои черепа им насквозь прожигают.

А семечки от яблоков
Решил я закопать.
Не надо будет яблоки
На рынке покупать.

Один человек жил боком,
Другой – спиной,
А Сатана представлялся Богом,
А Бог прикидывался Сатаной.

А семечки от яблоков
Решил я растоптать –
Не надо будет яблоки
С веток собирать.

Человек в моей голове поселился,
Двигает мебелью, кашляет и ругается.
Ходит из угла в угол по комнате,
Голова моя из стороны в сторону качается.

Я травлю его спиртом и кодеином.
Выкуриваю гашишем и табаком.
А он опрокидывает ящики с инструментами,
И вбивает гвозди в затылок молотком.

Винты

А. Драбкиной

Я думал, что я великан, –
А меня опрокинули и налили в стакан.
Я думал, что в комнате я да ты, –
А между нами какие-то рты.
На голове моей крышка,
Как бескозырка у матросика.
Меня подняли
И стали пить прямо из носика.
Тогда я намылится
И стал выскальзывать у всех из рук.

Мало того, что выскальзываю,
Дык еще и глаза проедаю,
Как какой-нибудь чеснок или лук,
Прыгнул в песочную кучу,
Сижу, вытряхиваю сандалии.
А подо мной и передо мной,
Около меня и надо мной
Вращаются какие-то детали.
То свинтятся, а то развинтятся зачем-то,
Пригляделся: не просто отломки,
А то, что, свинтившись с другим,
Становилось третьим чем-то.
Зарябило в глазах от верчения.
Взял одну деталь –
Упругая на изгиб, податливая на кручение.
Что-то мне провизжало
Вроде – «неси» или даже «пронзи».
Я хотел встать и бежать,
Но сам закружился вокруг своей оси.
Заболела голова.
Вот и ко мне привинтились –
Был я один, теперь два.
Потом три, четыре, пять, шесть, семь...
Потерял счет.
Вдруг все разом распалось,
Но сразу же привинтилось что-то еще.
Но и это отпало,
Остался лишь шрам на коже.
Тут я понял, что надо и мне
Свинтиться с кем-то тоже.
Свинчивался и отвинчивался,
Свинчивался и отвинчивался,
Свинчивался и отвинчивался
С кем только мог.
С одним так свинтился,
Что долго потом отвинтиться не мог.
Вдруг пришла мать,
Родные, друзья, учителя.
Я перед самыми их глазами вертелся,
Кричу им: «Смотрите, да вот же я!» –
А они спрашивают, куда я делся.
Мол, отбился от рук, сбежал куда-то,
Совсем не учусь.
А я перед самым их носом.
Кручусь,
Кручусь,
Кручусь,
Кручусь.

Леонид Иоффе

* * *

Хуже нет, чем размеренно.
Так вот изо дня в день.
Ты попробуй-ка, дерево
в ушко узкое вдень.

Оживаешь урывками
и всегда невпопад.
Календарные рытвины.
Снегопад, листопад.

Вот проходит по улице
молодой старичок –
сетка хлеба из булочной
у него за плечом.

С повтореньем повенчанный,
моционом бредет.
Не придет никто вечером,
завтра днем не придет.

1965

Стихотворение «Песня»

Сегодня – вечеринка.
И гарь, и благодать.
Губам, как от черники,
от пепла пропадать.

За водкой, как за чаем.
С ногами за ногой.
Я их не различаю –
какая за какой.

А утром – в пальцах плесень.
И трезвые правы.
И лента крутит песни
пропащей головы.

1965

* * *

Лечь навзничь вечером, когда синеет снег,
лечь навзничь вечером, когда желтеет сумрак
от свеч, и – крики, словно шрамы тишине
наносит голосом капризный полудурок.

И так тягуче ощущение вины
слепца перед далекими и близкими,
что остается только царственно выискивать
резоны в чопорных затеях вышины.

Мрут опереточные охи взаперти.
Я скорчусь так, чтобы грудные взвыли кости,
и лягу преданно, как пес, около просьбы:
прости далекая и близкая прости.

1967

* * *

Все было бы не так уж худо,
когда бы не было чревато.
Я ужасаюсь поминутно,
а вдруг отступится пощада.

Зверей и гадов укрощая,
а то б они кусались люто,
рука заступницы-пощады
мне покровительствует всюду.

И было бы не так уж тошно,
когда бы не было известно,
что прекратиться невозможно,
а продолжаться бесполезно.

1976

* * *

Земля, подложенная под житье-бытье,
еще с колен своих не сбросила шитье
и рукоделие, облекшие ее
и припорошенные кое-где жильем,

а что нас ждет –
нас неминуемое ждет

и не минует нас, обложит и найдет,
и неминуемо в раскрой пойдет шитье,
и будет кожа дня багрова, как подтек,

и будет грудь земли раскроена живьем,
и будет сброшено с груди земли шитье,
шитье, слепившееся с кровью за нее,
ее, забившуюся горько под ружье,

а что нас ждет, когда усталый дрогнет свод
и небывалое когда произойдет
сначала наискось, потом наперекос,
а дальше – прошлое и будущее врозь.

1978

* * *

Куда девалась моя жизнь –
на детских мечется простынках,
в солдатских топчется ботинках,
котенком за себя дрожит.

На сумерки пошла, на взвесь
чайнок-птиц над центром города,
на годы разошлась, на годы,
и потеряла вкус и вес.

По звездам не определишься,
а прежний компас размагничен –
куда мне жить, не разберу.

Как доберусь я, поздний, лишний,
буксующий в тоске привычной,
до чьих-нибудь сердец и рук.

* * * #

Косяк, скопление и прорва –
сплошная речь идет на зуб.
Сменив парение на штопор,
уже к добру ее несусь.

Дорваться бы всеядной пастью
до пастбища вестей и тайн,
до зверской виноградной сласти,
переполняясь ею всклянь.

Переполняясь так обильно,
что речь польется через край,
не иссякая, словно милость,
и поселяя, словно в рай.

1979

* * *

И через каждый новый день
я переваливаю, как через высокую,
как через насыпь земляную крутобоковую
танк переваливает: вверх ползет, затем
на гребне покачается немного
и вниз поедет еле-еле.
Такая день за днем, неделю
шла за неделю дорога,
дорога через дни, как через насыпи.
Но я ведь все-таки не танк, чтоб землю мучить,
и, чем как танк по дням ползти, уж лучше сразу бы –
или кранты или чтоб выровнялась участь.

1981

* * *

Не то, что не живу, –
забыл,
забыл я, что и жил.
Факт увядания судьбы
был неопровержим.

Бывало, мною две руки, –
желание и долг, –
так управляли, как тиски,
ошейник, поводок.

Упали руки, лопнул трос,
буксир забуксовал, –
теперь живу, как лодырь-пес,
который б спал и спал.

1989

Эдуард Лимонов

* * *

Во двор свои цветы
Свисает божье лето
Никто себе сказать
Не может «Для меня!»

А это для меня
Свисают вниз цветоки
И лица наклоня
Здесь бабочки ползут

И лица наклоня
Здесь бабочки ползут!

* * *

Добытое трудом конечно хорошо
Но когда блеск талант – приятнее всего
Но когда блеск – талант – замру не шевелюсь
Так слово повернул – что сам его боюсь

У слова будто зуб
У слова будто глаз
и может быть рукой
качнет оно сейчас

* * *

В совершенно пустом саду
собирается кто-то есть
собирается кушать старик
из бумажки какое-то кушанье

Половина его жива
(старика половина жива)
а другая совсем мертва
и старик приступает есть

Он засовывает в полость рта
перемальвает десной

что-то вроде бы творога
нечто будто бы творожок

* * *

Баба старая кожа дряхлая одежда неопрятная
Ведь была ты баба молода – скажи
Ведь была ты баба красива
Ведь была резва и соком налита
Ведь не висел живот и торчала грудь
Не воняло из рта. не глядели клыки желты

Ведь была ты баба в молодой коже
Зубы твои были молодые зайчики
Глаза очень были. как спирт горящий
Каждый день ты мылась водой с серебром
В результате этого была ты не животное
Не земное ты была а воздушное
а небесное

И что же баба ныне вижу я
Печальное разрушенное ты строение
Все в тебе баба валится все рушится
Скоро баба ты очистишь место
Скоро ты на тот свет отправишься

– Да товарищ – годы смутные несловимые
Разрушают мое тело прежде первоклассное
Да гражданин – они меня бабу скрючили
петушком загнули тело мне
Но товарищ и ты не избежишь того
– Да баба и я не избегу того

* * *

Мелькают там волосы густо
Настольная лампа горит
«Во имя святого искусства»
Там юноша бледный сидит

Бледны его щеки и руки
И вялые плечи худы
Зато на великое дело
Решился. Не было б беды!

И я этот юноша чудный
И волны о голову бьют

И всякие дивные мысли
Они в эту голову льют

Ах я трепещу... Невозможно
Чтоб я это был. Это я?!
Как дивно! Как неосторожно!
Как необъяснимо – друзья!

1969

* * *

Я в мыслях подержу другого человека
Чуть-чуть на краткий миг... и снова отпущу
И редко-редко есть такие люди
Чтоб полчаса их в голове держать

Все остальное время я есть сам
Баюкаю себя – ласкаю – глажу
Для поцелуя подношу
И издали собой люблюсь

И вещь люблюю на себе
Я досконально рассмотрю
Рубашку я до шовчиков излажу
и даже на спину пытаюсь заглянуть
Тянусь тянусь но зеркало поможет
взаимодействуя двумя
Увижу родинку искомую на коже
Давно уж гладил я ее любя

Нет положительно другими невозможно
мне занятому быть. Ну что другой?!
Скользнул своим лицом. взмахнул рукой
И что-то белое куда-то удалилось
А я всегда с собой

1969

* * *

Соколов сидит на лавке
К Соколову подхожу
– Ты Прокопченко не видел?
Соколову говорю

Соколов в плаще и шляпе
Надвигается октябрь
Крупных листьев паденье
слышен слабенький ответ

«Да он счас придет сюда же
он пошел купить конфет»
Я сажусь «до» Соколова
Жду. Прокопченко все нет

Наконец и он приходит
он недавно поженился
взял женой Марину вроде
Мы сидим. паденье листьев
Красный парк в этом году

Никуда никто не едет
Лишь Прокопченко женился
С Соколовым ухожу
Красный парк в этом году

1969

* * *

Я был веселая фигура
А стал молчальник и бедняк
Работы я давно лишился
живу на свете кое-как

Лишь хлеб имелся б да картошка
соличка и вода и чай
питаюсь я малой ложкой
худой я даже через край

Зато я никому не должен
никто поутру не кричит
и в два часа и в пол-другого
зайдет ли кто – а я лежит

1969

* * *

– Кто лежит там на диване – чего он желает
Ничего он не желает а только моргает

– Что моргает он – что надо – чего он желает
Ничего он не желает – только он дремает

– Что все это он дремает – может заболевший
Он совсем не заболевший а только уставший

– А чего же он уставший – сложная работа
Да уж сложная работа – быть от всех отличным

– Ну дак взял бы и сравнялся и не отличался
Дорожит он этим знаком – быть как все не хочет

– А! Так пусть такая личность на себя пеняет
Он и так себе пеняет – оттого моргает

Потому-то на диване он себе дремает
А внутри большие речи речи выступает

* * *

И этот мне противен
и мне противен тот
И я противен многим
Однако всяк живет

Никто не убивает
Другого напрямик
А только лишь ругает
За то что он возник

Ужасно государство
Но все же лишь оно
Мне от тебя поможет
Да да оно нужно

* * *

Мои друзья с обидою и жаром
Ругают несвятую эту власть
А я с индийским некоим оттенком
Все думаю – А мне она чего?

Мешает что ли мне детей плодить
иль уток в речке разводите
иль быть философом своим
мешает власть друзьям моим

Не власть корите а себя
И в высшем пламени вставая
себе скажите – что она.
Я человек. Вот судьба злая.

Куда б не толкся человек
езде стоит ему ограда
А власть подумаешь беда
Она всегда была не рада

* * *

Под действием тихих протяжных
В провинции быть вечеров
когда ничего не известно
среди веток кустов и грибов

Тогда от всего отставая
шепчу я и говорю
Душа моя! ох ты родная!
я точно тебя погублю

Какой я еще и не знаю
но страсть нехороший конец
Она горячо отвечает
Спасибо спасибо отец!

* * *

Что, чего еще не можешь
ты на русском языке
Не могу еще на русском
что пришедшая любовь
Не могу еще на русском
что она меня поит
только только говорю я
что безлюбие болит

* * *

Ах родная родная земля
Я скажу тебе русское – «бля»
До чего в тебе много иных
золотых и нагих

Так зачем же тебе я – урод
народившийся из темных вод
подколотных ночных берегов
городов

Так зачем я тебе от стены
Где всегда раздвигали штаны
Где воняет безмерно мочой
так зачем я тебе городской

Краснощеких возьми деревень
У них поросль растет каждый день
Я зачем тебе с тонким лицом
Со здоровым возись подлецом

Отвечает родная земля
– Ты назад забери свое «бля»
Только ты мне и нужен один
Ты специально для этих равнин

Ты и сделан для этой беды
для моей для травы лебеды
И для шепота ржавых ножей
Я ищу бедной груди твоей

Но за службу такую плачу
Твое имя свиваю в свечу
и горит же она все горит
тебя всякий из русских простит

И поймет все поймет
шапку снимет и слезы прольет

1971

* * *

Все взметнулось. и ветер задрал юбку
Завязки у шляпки. улыбка. юбку
и резко рванул. и улыбка и складки
и я целую тебя как губку. мокрую. сладко

И сирень и сливы и всё вместе
Сочные сирень. сливы. сердце. собачка
Я люблю быть на своем месте –
дождик. песок и немножко лести
холод и сад. и забытая тачка

Стол и щели. занозы. и ветер. лавка
Вот у меня оборвалось а есть ли булавка?
Да есть. И конечно большая?
Ну а чего тебе? что тебе? – злая

Ты бы сумела придраться и к тучке
И он целует продолговатые ручки
А ветер играет нарядом
и всем этим годом и садом

1972

* * *

Хорошо и скушно быть поэтом
Только русским комариным летом
На старинной даче с самоваром
Хорошо поэтом быть нестарым
Да еще с бутылкою порой
Обнимаясь тонкою рукой

И грибы – отрада для желудка
В лес пойдешь – загадочно и жутко
И с подругой Леной у воды
Вы плюете в темные пруды

Ходит бабка как больной ребенок
Колокольню видно за горой
И когда пойдешь отлить спросонок
То раздавишь ягоды ногой

Хорошо поэтом быть в России
Но теперь Россия на замке
И цветы кривые и косые
У меня в протянутой руке

Бог простит земельные уродцы
И без нас там что-то происходит
Каждый день встают большие солнцы
И под вечер солнышко заходит

Саша Соколов

Стихи из романа «Между собакой и волком».

ЗАПИСКА I

Впечатление

Оглянись! насекомых несметные
Кавалькады все тянет на мед;
Есть, однако, приметы заветные,
Предвестившие лета исход.

Не напрасно утрами янтарными,
Что прозрачней, чем кожа луны,
Мотылек шелкопряда непарного
Вылетает на поиск жены.

На базаре дешевка и сутолка.
Бергамотных? Пожалуйста, есть.
Ну, а если вы – птица, то куколку
Колорадскую можете съесть.

Детство грусть сама есть. Вон, на пустоши
Внуки дедушкин ищут табак,
Шоколадницу ловят, капустницу
И старинный поют краковяк:

Вот умрет наша бедная бабушка,
Мы ее похороним в земле,
Чтобы стала она белой бабочкой
Через сто или тысячу лет.

Во саду обстоятельства прежние,
Только астры цветут, а не мак,
И стрекочет кузнечик небрежнее,
И никем не беремен гамак.

Впечатление есть, что кустарники
Козыряют всей мастью червей,
И кагор на дворе у бочарника
Пьет когорта молодых кустарей.

ЗАПИСКА XIII
Валдайский сон

Накануне первых звезд
От угара плачу –
Мерзни, мерзни, волчий хвост,
Грейся, хвост собачий.
Дрыхнет Кот у очага
И храпит немного,
Из худого сапога
Вылезает коготь.
Снится этому Коту-
-Воркоту Валдая:
Сидят волки на мосту,
И Кот рассуждает:
Если б я Собака был,
Я любил бы Волка,
Ну, а если б волком был,
По Собаке б только.
Погляжу ли из окна,
Из другого ль гляну –
Вся в снегу стоит сосна
На снегу поляны.
Идут ведьмы на погост,
О своем судача:
Мерзни, мерзни, святой хвост,
Грейся, хвост чертячий.
Все сине. И вся синя
Слюдяная Волга,
Едет Пес по ней в санях,
Погоня Волка.

ЗАПИСКА XVIII
*Преображение Николая Угодникова
(Рассказ утильщика)*

Нет, не даром забулдыги все твердят,
Что по Волге нет грибов милей опят,
И напрасно это люди говорят,
Что водчонка – бесполезный очень яд.
Это мненье, извиняюсь, ерунда,
Нам, утильщикам, без этого – никак.
Предположим, даже примешь иногда,
Но зато преобразуешься-то как.
Раз бродили-побирались по дворам,
Выручайте Христа ради-ка гостей,
Выносите барахло и прочий хлам,
Железяки, стеклотару и костей.

Пали сумерки, и снег пошел густой.
Не брешы ты, сука драная, не лай.
Мы направились к портному на постой,
А с нами был тогда Угодник, Николай.
С нами был, говорю, Угодников-старик,
Поломатый, колченогий человек.
Мы – калики, он – калика из калик,
Мы – калеки, он – калека средь калек.
Нет у Коли-Николая ни кола,
Лишь костылики. И валит, валит снег.
Непогода. И галдят колокола,
И летят куда-то галки на ночлег.
А летят они, лахудры, за Итиль,
В Городнище, в город нищих и ворья,
А мы тащим на салазочках утиль,
Три архангела вторичного старья.
Час меж волка и собаки я люблю:
Словно ласка перемешана с тоской.
Не гаси, пожалуй, тоже засмолю.
Колдыбаем, повторяю, на постой.
А портняжка при свечах уже сидит,
Шьет одежду для приюта слепаков.
Отворяй давай, товарищ паразит,
Привечай уж на ночь глядя худаков.
Как засели дружелюбно у окна,
Ночь серела – что застираны порты.
Не припомню, где добыли мы вина,
Помню только – насосались в лоскуты.
Утром смотрим – летит Коля-Николай:
Костыли – как два крыла над головой.
Обратился, бедолага, в соколá:
Перепил. И боле не было его.

ЗАПИСКА ХХХ
За Жар-птицей

Мимо побегов, побегов осоки,
Скорый не столько идет, сколько мчится.
В нем и в ботинках, в ботинках высоких
Мчится охотник один за жар-птицей.
Строг проводник относительно чаю:
Чаю? не чайте, весь вышел давно.
Строг и буфетчик: не отвечая,
Вышел куда-то и тоже давно.
Н-да-с, размышляет высоких-высоких
Этих владелец ботинок-ботинок,
Глядя на: Пейте фруктовые соки! –
Высший указ, помещенный в простенок.

Сумерки, насморки, вот и граница.
И по вагонам, сверяя листы,
Горных, речных и болотных полиций
Бродят с проверкой ботинок посты.
Ваши ботинки. Ботинки? извольте,
Только учтите, что левая жмет.
Вы арестованы! Впрочем, позвольте,
Недразуменье, Федот да не тот.
Станция. Сцепщики. Циклю иль скобель
В сторону стрелки протащит столяр,
Смазчик пошутит со смазчиком, шнобель
Свой сизокрылый кривя, как фигляр.
Нечисть перронная, некто сопатый,
Партпапирос свой откупорив, кос,
Артикулируя, как логопаты,
Даст чаровнице пяток папирос.
Снова бежит. А тебе все не спится.
Ночь и лоснится, и пахнет, как толь.
Трепетно, жарко, стреноженной птицей
Брызжет по жилам твоим алкоголь.

ЗАПИСКА XXXIII

Возвращение

Охотник выстрелил – ружье дало осечку.
Прохаркала ворона невпопад,
И граммофон наяривал за речкой,
И пахло репами, как жизнь тому назад.

Чего спешим, бездумно тратя силы,
Торопимся вдоль пашен и крушин.
Вернемся ведь – а в доме все, как было,
И в зеркале – все тот же гражданин.

ЗАПИСКА XXXV

Паклен

Туже заткни сиволдай
Пробкой из местной газеты.
Выйди, взгляни на Валдай,
Вспомни о ком-нибудь: где ты?
Неклен. А в сущности – клен.
Клен. А прищуришься – неклен.
Тщательно щупает склон,
Осоловельный и медлен.
Вспомни о ком-нибудь и,
Сдвинув на брови мурمولку,

К дереву по пути
Сказку придумай. О волке?
Неклен. А все-таки – клен.
Клен. А на деле-то – неклен.
Сутью своей полонен
И в шевелении медлен.
Жил-был за Волгою Волк,
А перед Волгой – Собака.
Он к ней добраться не мог,
Пил потому он и кричал.
Неклен. А в общем-то клен.
Клен. Да к тому же и медлен.
Осенью лист раскален –
Есть и латунный, и медный.
Пил обыденкою штоф,
Мертвую пил он и кричал,
Что ни за что ни про что
Разуважал он Собаку.
Неклен. Присмотришься – клен.
Клен. Приглядишься – ан неклен.
Ты это – или же он,
Рвань по фамилии Паклин?
Жалит разутую пядь
Стёрни ржаная иголка,
Сядь же под некленом, дядь,
Сядь, чтобы не было колко.
Неклен. Призвание – клен.
Клен. А занятие – неклен.
Несколько всклянй упоен,
Впрочем, ступайте все на блин.
Ну-с, отвори сиволдай,
Зубы вонзая в газету.
Что там за валдабалдай
Пишет все эти памфлеты.
Неклен. Наклюкался – клен.
Клен. Оклемаешься – неклен.
Сумерками ослеплен,
Медленной тлею облеплен.

Валентин Загорянский

* * *

Унылая! Пора!..

* * *

Белеет...

* * *

Бабочка садится на страницу,
Превращается в стихотворенье...

* * *

На снимке ты одна: я делал снимок...

* * *

Без стука сердца просьба не входить.

* * *

Увидишь солнце – передай привет!

* * *

Я градусником быть твоим хочу!
Я буду думать, что тебя лечу!..

* * *

Я видел это на открытке:
Зима, и Пушкин на снегу,
И я – бегу к нему, бегу,
Не уместившись на открытке...

* * *

Я успеваю только улыбнуться!..

* * *

Я просыпаюсь – и восходит солнце!

* * *

Вещь не в себе...

* * *

Живу два раза: первый и последний.

* * *

Так тихо – словно яблоко в руке...

* * *

Коробка из-под мечты...

* * *

Вернись! Ты след оставил на земле!

* * *

Тишина... Из одуванчиков.

Елене

Акrostих тринадцатикратный

Если мор**Е** голубо**Е**, если не**Е**бо сине**Е**,
Лун со**Н** на**Л**ипа**Л**, **Л**ун сын **Н**ыл, по**Л**он.
Еще **Е**й ле**Н**т, **Е**ще **Е**й ле**Т**, бе**С**с**М**ер**Т**ь**Е**!
На**Л**ови**Л** **Л**ун со**Н**, на**Л**ома**Л** **Л**ун, по**Н**я**Л**
Ее сердц**Е** рети**В**о**Е**, роко**В**о**Е**, си**Л**ьно**Е**.

Лев Васильев

Времена года

С верными ребятами
весело мы жили
Сохатыми рогатыми
по весне трубили

Временами летними
по траве гуляли мы
Белыми оленями
просто шалопаями

А пожухлой осенью
с мордочками лисьими
бегали по просекам
и шуршали листьями

Вечерами зимними
тошен каждый час
Скоро станем свиньями
и нарежут нас.

1965

* * *

Когда пешком, когда попуткой,
от ливня прячься под стогами,
покуривали самокрутку.
Летели, ехали, шагали.

Лежали камни вдоль дороги,
совсем как мокрые собаки
лежат на каменном пороге
и отдыхают после драки.

И было поглядеть направо,
стояла где с одной ногою
береза старая, коряво
согнувшись бабою-ягою.

А возле речки, на опушке,
пройти за мост еще немножко,

из дыма черная избушка
вдруг поднялась на курьих ножках,

как бы возникшая из праха,
среди таежного болота...
И был пастух, и к чаю сахар,
и стрекотанье вертолета,

и браная в кустах малина
вся расходилась без остатка...
Была дорога длинной-длинной
И жизнь была короткой. Краткой.

1965

* * *

Самонадеянность проходит.
Хандра осенняя находит.
И появляются привычки
курить с утра, да натошак,
бродить, ласкать чужих собак
и согреваться возле спички,
и, не вступая с веком в стычку,
пить крепкий кофе и коньяк.

1960-е

* * *

Отплывая в край обетованный,
ты услышь мой голос обращенный,
как хрипит он из дождя – с тумана,
от земли, навеки обреченной,
потому что вырос на болотах,
словно желтый лютик, – не на пашне;
но гудит на полных оборотах:
до свиданья, будь здоров, не кашляй!

1981

Виктор Кривулин

Дерпт

Каково тебе, – Языков-мальчик,
в структуральном Дерпте жить?
шейку вытрани, спрости вина бокальчик
в ресторане одиноком,

где кривой пропеллер вертит
рукавами над столом, –
пей квадратный воздух смерти,
сжатый розовым стеклом.

А войдет усатый Лотман –
ты одерни сюртучок,
поклонись ему свободно,
нервно дергая зрачком.

1968

Снег

Снег сухой с тончайшим звоном
был нелюбим Наполеоном, –
но мы, порозовев лицом,
мороз прозвали молодцом:
не к счастью ли, когда повсюду
фарфоровую бьют посуду,
внутри которой заключен
легчайший хруст, тончайший звон,
национальный звук зимы
(сухой ли кашель, белый пар) –
дается холод нам взаимы,
когда войны горит пожар;
дается тайный холодок
со звоном внутренним, сухим,
когда на службу мы спешим
меж войн и бедствий в промежутке –
и вот: фарфоровый и чуткий
легко ломается меж пальцев
снежок, чужой для иностранцев.

1969

Князь

(русский гобелен)

Князь Голицын-Беспалицын,
угасающий род,
повалился без памяти
головой вперед.

Что-то в нем закурлыкало,
и язык отнялся
от простора великого,
где и пискнуть нельзя, –

в небе, стриженном наголо
над имперской Невой,
где ни птицы, ни ангела,
ни пушинки живой...

1969

Невский мыловаренный завод

Повеситься на стыке двух культур
поможет мыловаренный завод,
чьи окна тускло смотрят на Неву,
чей, вывалясь, язык багров до синевы.

1970

Вопрос к Тютчеву

Я Тютчева спрошу, в какое море гонит
обломки льда советский календарь,
и если время – божья тварь,
то почему слезы хрустальной не проронит?
И почему от страха и стыда
темнеет большеглазая вода,
тускнеют очи на иконе?

Пред миром неживым в растерянности, в смуте,
в духовном омуте, как рыба, безголос,
ты – взгляд ослепшего от слез,
с тяжелым блеском, тяжелее ртути...
Я Тютчева спрошу, но мысленно, тайком –
каким сказать небесным языком
об умирающей минуте?

Мы время отпоем, и высохшее тельце
накроем бережно нежнейшей пеленой...
Родства к истории родной
не отрекайся милый, не надейся,
что бред веков и тусклый плен минут
тебя минует – веришь ли, вернут
добро исконному владельцу.

И полчища теней из прожитого все
заполнят улицы и комнаты битком...
И – чем дышать? – у Тютчева спрошу я,
и сожалеть о ком?

1970

Удлинённый сонет

(Воспоминание о «Воскресных облаках»)

А. К.

Людского хвороста вязанки. Мне пора
давным-давно с толпою примириться
и самому в себе толкаться и толпиться,
да и душа созрела для костра.

Но встретится лицо – не то, что лица.
Придвинется Лицо – что в озере утра
всех серебристых рыб влюбленная игра,
всех солнечных колес сверкающие спицы.

Тогда-то и себя увидишь, но вдвоем:
над озером струится светлый дом,
его зеркальный брат на круге зыбком замер...

Один во множестве и множество в одном –
два одиночества, две силы движут нами.
Меж небом в озере и в небе небесами

есть как бы человеческий проём.

1972

* * *

...беспредметно блуждающий стыд.

Когда расширился мир

когда расширился мир и мы оказались не в центре
на старой окраине с фонарем косящим
с горсткой старух выходящих из церкви
с нищетой и несчастьем
лицом к лицу, и когда он как шар воздушный
раздулся и плыл – голубое сквозь голубое –
стало скучно, Господи, скушно!
все уехали. Я говорил с тобою
что невозможно бегство, а сердце стояло пусто
в церкви служба кончалась, пели: «Достойно...»
и Он уже плыл за границами всякого чувства
медленно и спокойно
я ведь люблю тебя – а между нами всё пуце
раздвигается сфера и наши тела размыкает
и огромное солнце над голосами поющих
плавится, изнемогает

1979

Териоки

крейсерский бор канонерский подлесок
дюны в разрывах десантных осок
отдых свистит, неестественно резок
поднят на воздух высок

реет залив над землей отчужденной
на горизонте кронштадтский нарыв
купол собора бугор воспаленный
дальше – пространства раскрыв –

артиллерийские светлые стереодали
стелются – дальше: крестовый прицел
в круге подзорном куда попадали
когда надрывался фальшивил хрипел

горн ослепительный медный помятый –
строились – и над линейкой плыла
юная Смерть, и легка и крылата,
дева с лицом пионерской вожатой

белым сожженным дотла

1983

* * *

Деревья, утопшие в сером снегу,
и две одиноких вороны.
Идея России – насколько могу
проникнуть сознанием за ровный,
открытый, казалось бы, даже врагу
остриженный холм угловатый, –
идея России не где-то в мозгу,
не в области некой духовной,
а здесь, на виду, в неоглядной глуши,
в опасном соседстве с душою,
не ведающей – где границы души,
где собственное, где чужое...

1987

Из угла

тебе не кажется: всего настолько много
что мы здесь лишние? об этом только дети
догадываются – да и не могут
ни рассказать на что они в обиде
ни что-то связанное ответить
когда их спрашиваешь – но пусты глаза их
как – *помнишь?* – у немецких кукол
обобществленных, голых, без хозяев,
и в наказание выставленных в угол

1991

30 апреля

Он дает перед Пасхой такую погоду
будто не был я здесь никогда
не смотрел в это небо ступившее в первую воду
после вечного серого льда

в этот шар обстающий меня отовсюду
замыкающий земли и веси в одно
совершенно прозрачное тело в котором забуду
был я здесь или не был когда совершится оно

Кладбище почтовых фургонов

плыли полотняные фуражки
беспогонные гуляли кителя
и меня пугали набережной Пряжки
где кончается нормальная земля

там гниют почтовые фургоны
вогнанные в почву до плечей
и над речкой закопченной
одурелый свищет, угорелый соловей

там – рассказывают – белые халаты
вырываются из розовых окон
и над самой кромкою заката
кружатся крича, со стаями ворон

смешиваясь... А когда стемнеет
опускаются на землю столбенеют
и стоят безумье затая
проводя белыми глазами
тихими пугая голосами

подгулявшего какого почтаря...

1994

Плачьте дети, умирает мартовский снег

в марте – хриплое зреньё, такое богатство тонов
серого, что начинаешь к солдатам
относиться иначе, теплой, пофамильно, помордно:
вот лежит усредненный сугроб Иванов
вот свисает с карниза козлом бородатым
желтый пласт Леверкус, Мамашвили у края платформы

черной грудой растет, Ататуев Казбек
переживший сгребание с крыши, трепещет
лоскутами белья в несводимых казарменных клеймах...

Каждый снег дотянувший до марта – уже человек
и его окружают ненужные мертвые вещи
а родители пишут ему о каких-то проблемах

да и письма их вряд ли доходят

1996

Александр Ожиганов

* * * #

В предрассветной мгле скрипела
Старая повозка
Впереди коней летела
Мокрая стрекозка
На одном крыле желтела
Звездочка из воска

На балу напропалую
все она плясала
в ночь последнюю сырую
до смерти устала
и на старенькую сбрую
ленту привязала

И скрипит скрипит повозка
молния сверкает
а усталая стрекозка
в полумгле летает
и кичась остатком лоска
плача умирает

Тускло звездочка из воска
на крыле мерцает

1969

* * * #

Как безнадежно огрубела
Душа, и тяжело глазам
Глядеть на розовое тело,
Стремящееся к небесам!

Оркестр над головой грохочет.
И пот артистов ломовых
Дрожит под куполом, щекочет
И дразнит зайцев световых.

Там, наверху, в неразберихе
Тросов, трапещий, – серебром

Горит летающий, но тихий
Атлет с развернутым бедром.

Бесшумным маятником реет,
Повиснув на одних зубах ...
И кто из тех внизу успеет
Раздернуть ворот у рубах,

Когда он ангелом летящим
Сверкнет под самым потолком
И вдруг окажется ледащим
Сухим московским мужиком?

1972

* * *

Больной ребенок пробует слова,
Солоновато-сладкие от страха,
И нежно-мертвенная связок синева
Вдруг выступает из-под рукава,
Выпаривая соль, сжигая сахар.

Звучания, значенья, имена...
И кальций, и глюкоза, и микстуры...
Он пробует слова, как семена,
Не тратя сил на рост костей и на
Премудрости лечебной физкультуры.

1973

Жаба #

Госпожа моя жаба,
сердца шар болевой
раздувается, слабо
блея перед тобой.

Обмирает от страха
тесноты, пустоты...
В Бессарабии знахарь
обирает кусты:

лепесток полнолуныя,
корень сумрачных нор...
И кривая колдунья
раздувает костер.

Госпожа моя жаба!
Видно, пресен настой.
Слаб и приторен запах,
и настой – как пустой.

Не хватает чего-то!
Ведьма в пламя плюет...
Боже, что за работа!
Полночь бьет.
Полночь бьет.
Полночь бьет!

1974

* * * #

Молодая Магдалина
Наконец-то ошалела –
Ничего не пожалела:
Все, что было, отдала.

И, покачиваясь тихо,
Тихо смотрит Магдалина,
Как летает паутина
От угла и до угла.

В уголочке паучиха
Закусила пауками
И следит семью глазами
За свечою из угла.

Так плетет легко и длинно
Паутину паучиха
И, покачиваясь тихо,
Тихо трогает канву.

Я люблю ту и другую:
Молодую и сухую,
Семиглазую.
Ни одну не назову –
Никогда – заразою.

Олег Охапкин

* * *

Когда глядел я на тебя
И предо мной ты, как в киоте,
Молчала, книгу теребя –
Мерцало небо в позолоте.

Там шла вечерня облаков
И доносилось из-за окон
Глухое пение стихов,
И солнце жгло твой рыжий локон.

И всю тебя прошла насквозь
Весны вечерняя молитва...
А в окна дерево рвалось
И край стекла сверкал, как бритва.

А на руках твоих закат
Сгорал дотла, желтей огарка,
И скат плеча был так покат,
Как будто ты сквозная арка.

Тогда я вглядываться стал
В твои черты, в лицо живое,
И кто-то нас перелистал –
Как ветер ветви над землею.

А мне запомнилось одно:
Твоя щека искала встречи,
Клонилась грудь, молились плечи,
Ломилось дерево в окно.

К душе своей

Каково тебе, душа, за гордость расплату
Чистоганом получать приправой к салату
Тайной вечера твоей, горечь окаянну,
Пиру брань предпочитать подобно Траяну?
Каково в спор вступать аж противу века?
Уж не гибелен ли спор тот для человека?
Вот, повержено в постель в Сосновой Поляне
Тело твое, моя душа, брошено, как в яме.

Распласталось по одру, читай, по дивану,
И никто не навестит... Как же перестану
Плакать, дура, по тебе? Сгноишь ведь в чухотке
И себя, и меня... Долго ль до Чукотки
Остается стране? Куда торопиться?
А уж если спешить, не лучше ль топиться
Не в воде, так в вине, коли петь тревожно?
Право, пить веселей, когда пить возможно.
Каково тебе со мной пить в одиночку?
Что ж никто из друзей денег на бочку
Не положит – не придет?.. Эх, печаль-мука!
Круговая тщета, нищая порука!
Много ль жаловаться мне, душа моя? Вот я
Лежу в гриппе на сей раз, выхаркав лохмотья
Горла певчего в платок, сердце песня ломит...
Если к Богу отлетишь, кто мя похоронит?
Повремени, о душа! Заведу собаку...
А то и бабу заведу... Люблю тварь всяку.
А еще, и эта мысль страшнее могилы,
Мать-старуха жива... Хватит ли ей силы
Схоронить меня, когда, душа, к Богу в руки
Попадешь, не дотерпев распятия муки...
Гордость твоя, христианин, дух мой полуничий,
Не гордыня – горечь всех, живых твоей пищей.
А посему, будь честна, душа моя, пой же
И на кресте, пусть одна, зато боли больше.

1970

* * *

Загадочна грехопаденья
Природа. Сколько ни живи –
Найдутся в жизни совпадения –
Вот миг, и всё продешеви –

Все твои скудные богатства –
Всё, что накоплено в трудах.
И что там было – святотатство –
Иль что страшней – увы и ах!

Уж поздно. Каяться пристало.
И что о жизни вспоминать?
Была вся жизнь, и вот не стало.
А что в остатке? – Благодать.

2000

Аркадий Пахомов

Прохожий

Он шел из леса, около осоки,
прохожий молодой в расцвете сил,
шел широко, был грустный и высокий
и потому красивый очень был.

С глазами влажными, свободною прической,
через опушки правильный овал,
где тек сентябрь тягучим спелым воском,
все шел да шел, травинку все жевал.

Он покидал древесную обитель –
мир вольнодумства с ленью пополам –
прохожий конь, печальный сельский житель,
шагал себе из леса, по делам.

В кафе

Как псы, влекомые предчувствием своим,
Ноздрями важно водят, ждут момента
Для дружбы, для вражды,
Для новых чувств и дум,
Так прячут в бороды табачный сизый дым
Два в кожаных пальто интеллигента.

Люди

Читают книжки, любят гири
подбрасывать, шутить подчас, –
Их много, все они другие,
чем те, что были в прошлый раз,

хотя похожи, я их вижу,
когда куда бы не иду:
дают курить, смеются, дышат,
подметки режут на ходу.

Берут закуски, скажем, к маю,
на случай вспоминают мать, –
так смотрят, так всё понимают...
И всех их надо понимать...

* * *

Любимая, в такие времена,
в такую сучью непогодь и замять,
не дай нам Бог кичиться и лукавить
и выяснять, чья большая вина –

твоя вина, или моя вина,
иль родины злопамятные вины
у нас в крови. Без слез и без запинок
забудь вражду, и да пошлет нам сына
глухая ночь в такие времена...

Веселая ночь

Весела была ночь.
Как в двенадцать часов зазвонили,
Закричали, запели,
За-что-там-еще петухи,
Зашумели... Откуда?
С Гурзуфа ли, с Ай ли Даниля
Ах, как грянули, сволочи,
Сколько они чепухи
Намололи, сердешные!
Шут с ними, в самом-то деле,
Не о них же, разбойниках,
Братся писать мне стихи!
Чачу слили во флягу,
Вина уже пить не хотели –
Не могли, и шабаш, –
Потому что поют петухи.

Я скажу тебе так:
Я бывал в переделках и знаю,
Что меня на мякине,
Ты веришь мне, не проведешь,
Но когда их друзья
В Севастополе, в Бахчисарае,
В Судаке, черт возьми, подхватили,
То бросило в дрожь.

До сих пор не пойму,
Что решил для себя мусульманин,
Уточнявший по звездам
Маршрут своего корабля,
Но ребята с погранки
Прожектором, как по команде,
Принялись вперехлест
Прибрежные жечь тополя.

Наше дело нехитрое:
Пить, если пить, – до упора.
Я за друга ручаюсь,
Но не был мой друг виноват:
Он стакан отодвинул,
Шатаясь прошел коридором
В нашу комнату и,
Не вникая в презренный расклад,
Прямо в брюках дырявых,
В своих башмаках несуразных,
В куртке – мало сказать,
Что дела ее плохи, – плохи,
Словом, рухнул как есть
На кровать мою, с тем, чтобы сразу
Все забыть и простить,
Потому что поют петухи.

Я не тронулся с места,
Я понял, как дружно умели,
Как они обожали
Жить – просто до смертной тоски.
Дай послушаю, думаю,
Шут с ними, в самом-то деле!
А они-то и рады –
Горланят, поют, – дураки.

* * *

Не промолвлю я ни слова
и к руке не припаду,
в Новый год и в Старый Новый
не приеду, не приду,

с плеч твоих не сброшу иней,
чтобы таял он в горсти,
никакой во мне гордыни –
что ты, Господи прости...

Я свою гордыню прожил,
как в ангине, как в бреде,
как во сне прожил и все же
не приеду, не приду,

лучше будет или хуже –
не положишь на весы,
слишком сам себе не нужен
я в последние часы.

Сергей Стратановский

* * *

Что же ты, головотелый
Легкий сахар не грызешь
А на стеночке на белой
Все отшельником живешь?

Что же ты, головопузый
Все скучаешь и молчишь
Разве только с пьяной Музой
В серой щели переспишь

Ты ее как муху ловишь
Паутинясь целый век
Темнотельш, темнолобыш
Насекомый человек

1968

Скоморошьи стихи

I

Ты – Горох, Скоморох, Обезьяныч
Мужичок в обезьяньей избе
Почему обезумевший за ночь
Я пришел за наукой к тебе?
Я живой, но из жизни изъятый
По своей, по чужой ли вине?
И любой человек обезьяний
И полезен и родственен мне
Скоморошить? Давай скоморошить
В речке воду рубить топором
И седлать бестелесную лошадь
С человеческим горьким лицом
За избенкой – дорога кривая
Ночь беззвездна. Не сыщешь пути
И квасок с мужичком попивая
Сладко жить в обезьяньей шерсти

1969–1972

Кто пожар скомороший зажег?
 Ты ли, Вася, ремесленник смеха
 Человек скоморошьего цеха
 Весь обряженный в огненный шелк
 И душа твоя, ах, весела
 И колеблется почва и твердь
 Пусть горит, пусть сгорает дотла
 Ничего. Это легкая смерть

1969

Дом в московском переулке

Дом в московском переулке
 Старый, розовый забор
 Кофе, жареные булки
 И застольный разговор
 Вот хозяин – сноб, всезнайка
 Лысый череп, важный вид
 Вот прелестная хозяйка
 Мне с улыбкой говорит,
 Что какой-то их приятель
 За границей побывал
 Что знакомый их – писатель
 Снова повесть написал
 Что какой-то маг восточный
 Моден стал с недавних пор
 И что был (известно точно)
 Импотентом Кьеркегор
 Странно в домике уютном
 Для чего мне здесь бывать?
 Пить с хозяином надутым
 Апельсином заедать?
 Но любезны почему-то
 Души комнатные свеч
 Воздух милого уюта –
 Серо-розовая вещь.
 И я славлю тмин и булки
 Ведь за дверью глушь и тьма
 Кто-то бродит в переулке
 Метит крестиком дома

1969–1972

Лубочная картинка

И сквозь заборы и заводы
Шумят с рассветом поезда
Едет утром на заводы
Человек – пустяк природы
И дрожит сквозь непогоды
Близорукая звезда
Ночью Эрос, ночью Нина
Утром холод и завод
Неприглядная картина
Неприветливый народ
Будни жизни, бремя боли
Лишь у Нины дорогой
Ты в любви как в алкоголе
Обретаешь свет земной

1971

* * *

Гвоздь в углу как мальчик страшный
Тихим пальчиком зовет
А в мозгу как невский лед
День задвигался вчерашний

Только будущее светит
Только будущим живем
А в углу играют дети
С тихим братиком, с гвоздем

1973

Кавалеров

Праздник новый, праздник вешний
Море красного огня
Но царапаются вещи
Невлюбившие меня

О, мясных гигантов хор
Фабрик-кухонь трубы
Христианских душ собор
Заменяли клубы

С комсомолом дружит Чехов
Вешним бесом обуян

И с колбасо-человеком
Битвы нет у христиан

Не завидуйте уродам
Отщепенцам слабогласым
А завидуйте заводам
Футболистам и колбасам

1975

* * *

Чернобаба земли,
 чистобаба воды
Ловят огненных рыб, кличут черных зверей
На костре колоколенку жарят как гриб
Варят луковки русских церквей
Варят зелье и кормят толпу зеленят
Что в полночной траве бубенцами звенят

1978

* * *

В день поклоненья Отцам
 в парке Центральной Могилы
Мы целовались украдкой,
 но пойманы были с поличным
Федоровцем участковым

1980-е

* * *

В метро на Тютчевской ночует человек
О, не буди его –
 не то зашевелится
В нем хаос яростный...

1990-е

Аркадий Штыпель

Больно ветрена

Больно ветрена равнина,
так, что слезы в три ручья.
Догорай, моя лучина,
догорю с тобой и я.

Чтобы имя дорогое
позабыл я навсегда,
есть в подсумках у конвоя
ветер, пыль да лебеда.

Что, товарищ беспокойный?
Что качаешь головой?
Кто беглец, а кто конвойный –
разберемся мы с тобой.

Не по чести нам прощенье,
не по памяти забвенье,
и не мне тебя судить.

Приговоры в исполнение
должен кто-то приводить.

Увядание

Осенняя любовь двоих осенних
людей, их страхи, униженья...
Какой-то сквознячок прохватывает, в семьях
расшатывает отношенья;
какой-то ужас высыпает в сених
полузимы; всем жаждется прощенья;
осенняя, двоих людей осенних
любовь, уже на грани отвращенья,

на грани ухищренья, и за гранью
нетрезвых снов склоняясь к осязанью
скабрзных трав, и обезлюдев слухом,

обросши пухом и желтея кожей
в том зеркале, куда глядеть негоже
ветрлявым старикам и ветреным старухам...

А. Ник

* * *

Машинка пишет
Буковки бегут
Слова не дышат
Слезы не текут

* * *

Ветер, ветка
Воет соседка
Мужа зовет
На обед

* * *

«Апраксин двор! Апраксин двор!»

14.5.1971

* * *

Ни директор школы,
Ни завуч,
Ни завхоз,
Ни преподаватели,
Ни сами ученики

Не подозревали!

янв. 72

* * *

Страх перед борщом
ужас перед борщом
жуть одним словом
жрать одним словом.

март 1972

* * *

Десять дохлых мух на окне:
Вот и все, что осталось от лета,
Вот и все, что осталось от лета.

15.8.1974

* * *

Муха влезла на забор
И увидела простор:
Далеко впереди
Разливалось море,
Сзади, то есть позади,
Простиралось поле.
В море плыли корабли,
В поле было тихо.
Под забором мужики
Пили водку лихо.

авг. 74

* * *

Птица в воздухе летела
И крылом махала вольно.
Кто ее знает, куда она летела
И где ей пуля сделала больно.

16.12.74

* * *

Не было. Не произошло.
Не случилось. Все по-старому.

20.12.1974

* * *

Петербург – это город, где ужин остыл.

1974

* * *

Змея беззубая и бесполезная танцует
танец живота перед индусом черным
на раскаленных плитах перед храмом.
Визжит толпа от радости, увидев белого испуг,
и чей-то крик «Пожар, пожар!»
всем повернул иссушенные шеи.

24.4.1975

* * *

Приди на ярмарку –
визг пороссячий оцени,
под юбки загляни
качающихся в лодках дам,
остолбened при виде лилипута,
летающего на мыльном пузыре.

29.9.1976

* * *

Слепой музыкант
Слепой музыкант
И снова, и снова
Слепой музыкант
Слепой музыкант.

* * *

Еж-девица
 под окном
скушал яблоко
 тайком.

* * *

Некогда красивые пейзажи Петербурга
Некогда пейзажи.

Борис Камянов

* * *

Обычный невеселый вечер.
В душе – ни горя, ни любви.
Но женщина кладет на плечи
Ладони теплые свои.

Кто эта женщина?
Пусть та,
Которой вовсе ты не нужен.
Но пропадает маята
И горечь покидает душу.

Сверчка уютный голосок
Забьется где-то у порога...
Рука легла на твой висок.
Как странно.
Как неодинок.

1965

Первое мая

Тихие пьяницы и драчуны,
В сквер выползающие на рассвете, –
Дети великой Советской страны,
И, несомненно, – счастливые дети.

Да хоть возьмите, к примеру, меня:
Стоит лишь утречком опохмелиться –
Рвется душа в поднебесье, звеня,
Словно из пепла восставшая птица.

А на планете царит Первомай,
Мирные выстрелы почек зеленых...
Выше, товарищ, стакан поднимай
В наших веселых рабочих колоннах!

Праздничный вечер. Роскошный салют,
Словно корабль, выплывает из мрака.
Слышу: кого-то поблизости бьют.
Вижу: и вправду – отличная драка!

Славно с разбегу врезаться в толпу,
Славно быть толстым и густобородым
Сильным евреем, связавшим судьбу
С братским великим российским народом!..

Утром, опухший, очухаюсь я.
Долго ли мне колобродить на свете...
Господи, бедная дочка моя!
Господи, Господи, бедные дети!

1974

* * *

Изнутри большая муха
Бьется о стекло.
В комнате тепло и сухо,
Чисто и светло.

Лес у самого крылечка,
Дятлов перестук.
Рядышком гуляет речка
С севера на юг.

Я уехал в одночасье
От страстей и бед...
Все тут, вроде, есть для счастья,
Только – счастья нет.

1975

Любовь

Бродит мяса кусок, в нем полфунта мозгов,
Есть печенка и сердце в том мясе.
О, роскошная баба! Прими, я готов
Утонуть в твоей сладостной массе.

Я за окорок твой пятерней подержусь
И пощупаю теплое вымя.
Образую с тобой двуединый союз,
Друг у друга не выспросив имя.

Мы сольемся с тобою, и будет хрипеть
Мое злое, голодное тело.
После – тело твое будет сыто храпеть,
Совершив немудреное дело.

Промочу я гортань двухрублевым вином,
Стану я опасаться болезни...
А гнусавая птица всю ночь за окном
Будет петь нам любовные песни.

1975

* * *

Простор вокруг опять огромен.
И на скрещении дорог
Я снова несколько бездомен,
Я снова малость одинок.

Но в сорок пять довольно сложно
Мне по друзьям себя влачить.
Без брака трахать невозможно,
И запрещается драть.

Мое стареющее тело
Имеет право на покой.
Оно перины бы хотело,
А не скамейки городской.

А орган, что с небесным раем
Соединяет мужиков, –
Бесповоротно отмирает,
Как партия большевиков.

Лежу, как ржавая монета,
Какую ленятся поднять,
И думаю про все про это:
«Ебена мать!»

1991

Григорий Кружков

На пляже

Дочка на пляже отца зарывает в песок,
Зыбко и смутно ему, словно семени в грядке;
Что-то лепечет лукавый над ним голосок,
Смугло мелькают лодыжки, ладошки, лопатки.

Веки смежил он и в небо глядит сквозь прищур.
Пятки вперед протянул – фараон фараоном.
Девочка, став на колени, как жрица Хетсур,
Руки к нему простирает с глубоким поклоном.

Мечет в них дроты свои обжигающий Ра;
Тысячи лет не кончается эта игра.
Вот пододвинулась туча, и тень задрожала...
Где ж тонкорукая?

Краба смотреть убежала.

* * *

Крестьянин режет хлеб и режет сыр
Не торопясь. А рядом на инжир
Щегол садится: клюнул воровато,
Порх! – и умчался ввысь. Полу халата
От крошек отряхнув, старик встает,
Подходит к дереву, срывает плод
Поклеванный, кусает и глотает...
И вскрикивает вдруг – и улетает...

Владимир Лапин

* * *

Судороги отпустили,
Заморозки отлегли :
Это по новому стилю
Двигается тело Земли.

Стены – и те отворил бы !
Скоро под самым окном
Ярко-зеленые рыбы
Будут стоять косяком.

1972

* * *

В этом поле три года назад заблудилась марийка.
Непогода входила в азарт – и ни крика
Не проникло в село.
Спохватились поздней : две недели месили ноябрьскую глину –
Да и бросили поиски : снег запоздалый нахлынул –
И поля занесло.

Толки стали привычными, точно зимовка,
Ощущенье беды постепенно замолкло.
В избах было тепло ;
Дровяник равномерно пустел возле каждого дома ;
Изведясь на морозе, в хлевах согревалась и прела солома ;
Дни стояли исправные ; время текло.

Филимон изготовил два новых пестеря,
Старый – бросил в предбаннике (эка потеря).
На картошку, в подполье, напал здоровенный хомяк ;
Пораскинешь умом : окаянного зверя
Изловить бы – но как ?!

Тут и свадьба случилась, и девку родили до срока,
И в больницу попал – да вернулся поправленным свекор.
Прямо в доме гусыня творила гусят ;
И гусыне, сидящей на яйцах в корзине,
И корзине, занявшей собою весь угол,
Все равно было то, что какие-то гуси, гусыни

Скоро двинутся с юга
И уже составляют косяк ...

... И в родстве была с кем-то марийка – а вот оказалось, что будто из сказки :
Люди изредка вспомнят, но чаще припомнят салазки –
И скрипят себе по снегу ; чаще припомнит печная труба –
И пыхнёт вдруг ;
Чаще вспомнит вода – и заплещется в ведрах ;
Чаще – провод натянется весь от столба до столба.

Слишком тяжело в реке взбудоражились рыбы
Оттого, что вода подо льдом напряглась и пошла неизменно на прибыль !
Слишком паводок наворотил !
Так и стало на годы загадкой : или
Он марийку и память об этой марийке заилил,
Или так повернул, что конец у истории всей – далеко впереди.

1978

* * *

У дома бывшего, у рухнувших ворот
Само сомненье в воздухе маячит ;
Понять его – оно подумать не дает ,
Забуть его – оно цепляется и плачет .

Хоть и сильны законы тесноты ,
Но здесь никто не убирает сора ;
И дышатся в могильные кресты
Гнилые перекладыны забора .

Пройдут века и сколько-то минут
И, будущее ставя на былое ,
Машиной, нам неведомой, копнут
Да скажут что-то о культурном слое .

* * *

Все не то и все не так
Нарисовано в цветах ,
И с листвой из сада
Никакого слада .

Все засыпано, прости !
Было б выпренье – в горсти
Сберегать остаток :
И оно всегда так .

Ночное раздумье

Встала ночь или легла –
Игры слова либо взгляда :
У нее свои дела.
С неба острая игла
Проскользнула в гущу сада,
И широкие крыла
Сад раскинул, и корнями
Держит Землю, а в кармане
Греет выводок скворцов,
Вот и всё, в конце концов.

1984

Кассация

Не знал ни того, что сирень уже отцвела,
Ни того, что семья теперь оказалась цела
(Возвратилась жена) ;
Только небо виделось из окна
Да еще подъемного крана стрела
Появилась : порою вращался блок
И напрягшийся трос по стреле этот блок волок.

Что-то строили рядом совсем, внизу ;
Временами небо роняло туда слезу,
Чтобы вновь голубеть.
Вот и вся она, куца энциклопедь
Долгих дней взаперти,
Под замком, где и страсти уже никакой не придти
И уместно вконец оглупеть.

Ни того, что в жизни возможна еще новизна,
Ни того, что жена возвратилась к семье, не знал,
Ни того, что мать
Вся измаялась ждать,
Погибает которую ночь без сна.

Ни того, что сегодня рассмотрен его протест :
Доберется весть – и из этих мест
Он уйдет, невредим ;
Невредимым ли ? – нет, он не знал, что к нему
Навсегда присобачили эту тюрьму,
Что она – впереди.

1988

* * *

Без государственного нотариуса,
Как все его предки из рода в род,
Явился на свет, выросал, состаривался,
Умрет
Обыкновенным репейником,
Лопух-лопухом.

Он тоже знаком с соперником,
С соперничеством знаком,
Но без малейшей подлости :
Настолько и вправду дик.

И что-то из райской области
Кругом шелестит и дудит.

1992

* * *

Ф. И. Т.

Не все, что понял, скажешь:
Сказать, бывает, – грех;
И носишь эту тяжесть
При всех, но не для всех:

Для одного себя лишь,
Для одного себя.
Уйдешь и в землю, в залежь, –
Скрываясь и терпя.

Тебя изрежет плугом
Несведущий мужик,
Угадывая угол:
Что мертво – чему жить.

Но днями и ночами
Не смеркнись, не остынь,
Silentium, молчанье,
Российская латынь.

2000

Вера Матвеева

Зеленый чай

Я в дом войду уставшей,
похожей на вопрос,
но чуточку грустней...
И две зеленых чашки
поставлю на поднос:
тебе и мне,
тебе и мне...
И приоткрою двери,
чтоб падал мягкий свет,
а в комнате темно...
И плюшевые звери,
тебя куда нет,
поговорят со мной,
поговорят со мной.

Потом и ты возникнешь
из тишины ночей –
причудливая тень –
и удивленно вскинешь
полосочки бровей:
словами – лень,
словами – лень.
И я наполню чашки,
мы будем пить с тобой
зеленый крепкий чай,
и ты обид вчерашних
заплаканную боль
не замечай,
не замечай.

И пусть часы и годы
уносят стрелки прочь,
а нам-то что с тобой:
земная ль непогода
иль неземная ночь
над головой,
над головой?

А нам с тобой не страшно,
и с нами за столом
беседа и свеча...

И из зеленых чашек
мы, обжигаясь, пьем
зеленый чай,
зеленый чай.

А нам с тобой не страшно,
и с нами за столом
беседа и свеча...
И из зеленых чашек
мы с наслаждением пьем
зеленый чай,
зеленый чай.

1971

Детство

Оно вернулось вкусное,
как сосульки с крыши,
и на зубах похрустывало,
падало, звеня.
Оно ко мне вернулось,
но я не обернулась,
и нету, нету, нету больше
детства у меня.

Из детства одуванчики
в меня пускали стрелы,
и каждая казалась мне
хрупка и хороша.
И лишь теперь узнала я,
что ранена смертельно –
по самые по перышки
стрела в меня вошла.

Ах, злые одуванчики,
безжалостные воины!
Вы на меня нацелили
всю технику свою.
Но не завоеватель я,
но ведь уже не воин я:
на вашей территории
я пленная стою.

1972 (?)

Евгений Пазухин

Баба

Троллейбус набит, как с начинкой пирог,
и морды – как спелые брюквы.

А баба,
 базаря,
 сочилась вперед
и навалилась
 брюхом.

Мне жарко. И жадно хотелось бежать,
я чувствовал стыд и усталость,
а баба

 с животным
 желаньем рожать
по мне
 животом своим
 стлалась.

Живот был похож и на чан,
 и на чайник,
я слышал: в нем что-то
 спекалось,
 варилось.

А мне наплевать,
 что бы там ни зачато –
зачем
 на меня навалилась?!

1961

Михаил Степаненко

* * *

Между севером и югом
Я встречаю под мостом
Белокурого, как вьюга,
На копытах и с хвостом.

То он денежку попросит,
То хихикнет неспроста,
И нахально папирсой
Плюнет с дымом изо рта.

Я сказал ему: «Позвольте!»
– Не позволю! – он вскричал, –
Если пьете – пейте водку,
А не пьете – пейте чай.

* * *

От Савеловского до Курского,
Изловив грифострунный кайф,
Заломила хулящая, уросная,
Подпитая пижонь трепака.

Разоделась, медовая, цыпочкой:
– Обними, дорогая, целуй,
Изогнись, изломайся так шипочко,
Защеди второпях и фалуй.

Да изматывай, что тебе толечко, –
Спасу нет оставлять на потом.
Блатная балденная Тонечка
И толпа чуваков по пятам.

Затянулась ремнями широкими,
Заблажила не фиговый романс,
И стало так больно и проклято,
Что кончается месяц март.

1972

Иван Чуранов

* * *

С маленькой тележкой тащился один во всем мире
среди белых сугробов. Шапка и шуба свисают сосульками мокрыми,
исстеганные снегом.
Грустный огромный объем.
Руки мои забинтованы –
в драке ножом покровсали.
И в снег я упал, обессилев.
Слон вьетнамский в корзине качает меня.
Да лекало валяется для измерения грустного поля.
Я не учу геометрию.
Головы дракона выглядывают из-за сарая.
И снова качу я трехколесную тачку
с дровами. Потерянный и обреченный.

* * *

Руки мои пластичные и мощные.
Я совершаю много путешествий в округе. К брошенному мужскому
монастырю. Ветер – животное шумит вокруг моей избы.
Вяз шелестит, как лечебное море.
Здесь мой остров, на который не может попасть ни один человек.
Бреду я на край деревни за молоком для детишек.
Навстречу несутся машины по шоссе.
Автобус переполненный людишками.
Как будто совсем из мира иного.
А я все кружу вокруг дома с водой для бани.
Бессонною ночью бегу я навстречу колючему снегу в лицо.

* * *

Пролетают по воздуху надкушенные горячие пироги.
В посуде на кухне солнце сияет насквозь. И банька, покрытая
снегом, похожа на старый огромный гриб.
Дикий шиповник, как зуб коренной,
колючками пророс.
Дом, качаясь, кряхтит на ветру.
Кошки человеческими голосами хохочут, помешанные,
на чертовой подволоке.
Карлики маленькие, страшные
бегают по деревне, похожие на детей.

* * *

Куст красной смородины дикой с лесной поймы реки Ошмы,
бродит за домом моим сельсоветским.
Коричневатый, он ужинает рыжими усиками.
Ловит, как морда, налимов в реке Шукшуме, на которой я родился.
В кусте смородины, с калинными кистями, живут заржавленные
жабы, что-то жестокое тaitся в их жидком мозгу.
Или слишком в них много поджелудочной желчи?
Пилит кожу мою ножовкой, запустил под плащ-пальто мне ежа.
Девятерики кружатся надо мной.
Я гуляю со среды второй месяц, со свежими парниковыми
огурцами, с водкой «Распутин».
И возглавляю старушечий ход в Пасху.

Мирей Матье

Бабушку ближнюю на тракторных санях увезли на кладбище.
Господи встречай, я иду к тебе.
Баба снежная, со снежным маленьким в берете металлическом,
с волосами-листочками, с палочками глаз.
Я с детишками моими Колечкой и Лилечкой с ними отправляемся
воздухом дышать с букетиком цветов сушеных.
Катакомбами, заржавленными лестницами, брошенными
цивилизацией, притащился к Мирей Матье.
Как она боится облучиться солнцем, в апельсиновых корках,
и не курит.
Сыворотку пьют мою, в тоннеле бетонированном, знакомые
покойники. Матрена, по-девичьи Трушкова, гонится за мной.
Нескладная, костлявая.
Соль калийная летает в воздухе,
на конвейере с существами в респираторах я поднимаюсь...

* * *

Дом пронесла метель мимо окон моих.
Ты вышла из старого телевизора, с кинескопа.
Сердце твое гудело как трансформатор.
Ты черно-белое изображение.
Огромные луковицы с полатай сыплются вниз.
Ты откуда взялась, отсветом на деревянной перегородке?
Банки стеклянные скатываются по наклонной плоскости.
Ты сексуально-морозная целуешь голову мою, с туловища сняв.
На кровати с деревянными спинками мы с тобой мчимся
в теплоте печальных звезд.
Собачка баранку держит во рту.

* * *

Маленькая зеленая лошадка с будильником
в избе моей без притяжения земли.
Вход занавешен байковым одеялом невесомым,
а железная мышеловка разинула рот.
В ящичке для сена с ремнем инструменты геометрические
моего состояния, похожего на церковь, на космический корабль
цивилизации богов.
Ножки от журнального столика крутятся флюгерами для
определения заряда моей энергии.
Нефертити, с гранью Натальи Гончаровой.
Двуликая. Примеряешь из чемодана современную одежду жены.
Дачное кресло, синтетика или брезент, лопнуло подо мной.
Маленький парусник плавает в скороварке.
Преподобный Трифон Вятский, выгнанный пьяницами из монастыря,
живет у меня на печи.
Моя деревянная крепость, с воротами наглухо,
с снежным валом.

Горбачев

Приехал в Московскую область, в коммерческий магазин
«Коммерсант» босиком.
До этого бродил со спальным мешком и печатной машинкой
по берегу Черного моря от Лазоревского, Водопадной,
до Геленджика.
В Керчи переправились на корабле, в поезде, через пролив,
в Севастополь.
В Крыму заходил в Форос. И со скалы в трансе забросил в шторм
ботинки свои.
С полки я надел туфли и вышел на тротуар.
Всё же на земле божье.
Меня взяли и привели в кабинет с табличкой
«Заведующий М.С. Горбачев».
Он сидел в кресле, бывший президент СССР.
С меткой на лысине чертовой – родимым пятном, в халате хрустящем.
Я снял с него отрицательный заряд с отведением невзгод.
На предложение охраны сдать меня в приемник, он ответил:
«Ну это надо, так сказать, серьезно подойти; не так сразу;
а всесторонне обдумать, философски, с высшей точки».
Засмеялся и отпустил меня,
он напоминал мне космонавта, покинувшего аварийный корабль
в воздушное пространство.

Виктор Ширали

* * *

Мне бабка подарила яблоко –
В автобусе я уступил ей место.
Еще она сказала
Якобы
Пошлет мне Бог хорошую невесту.

Пошли мне Бог хорошую невесту.

1960

* * *

Бетонные воздвигнув корпуса
Петрополь ловит ветер в паруса
Своих окраин
Посвисты команд
Беззлобный мат
Вблизи пивных ларьков
До Бога далеко
Но полчаса езды в метро до центра
А в центр ездим так как ходят в церковь.

1967

* * *

Что-то мне, дружок, не по себе
Хворь какая-то елозит по нутру.
И не пишется
А осень на дворе.
А не пишется –
И жизнь не ко двору.

Что-то мой инстру́мент захудал.
Кроме смеха и не выжмешь ничего.
То ли как младенчика заспал.
То ли потому, что никого?!

Разве ты,
Моя флейтисточка, сумеи

Пальчиком по дырочкам станцуй
Что-нибудь такое понежней
И пожалобней,
Особенно к концу
Кроме музыки
Мне нечего уметь,
Хоть и простенька мелодия моя.
Но умел ее я выводить,
Слез не пряча
И Глагола не тая.

Брал меня Господь
И подносил к губам,
В раны мои вкладывал персты,
И наигрывал –
И Аз воздам
Этой музыкою с Божьего листа.

1972

* * *

Начнем наступление исподволь
В тихую медь
Равеля припомним
Патину снимем
Сметем паутину
И сядем пред зеркалом
Ретроспективу глядеть
Искусство –
Система зеркал
Где следствие
Ищет причину.

* * *

Уговори себя не умирать
Попробуй, милый, с ней поторговаться
Сыграй такое бравурное блядство
Чтобы сказали: – Ну какая блядь!

Все славно кроме выхода в пассив
И вход и выход
И любые щели
Сударыня! Когда на мой присели
Постановяете
Значит еще жив.

* * *

Перед отъездом ты усыпишь свою собаку, сука,
Зачем тебе больная собака в Штатах
Впрочем, здоровая тоже
Ты будешь шляться по Калифорнии
Что там растет в Калифорнии
Апельсины, кажется,
К штуке штука
Усыпи меня тоже
Я болен тоже
Но поначалу купи апельсин
Рыжий, как твоя псина
Или оставь свою псину
Вдвоем не так больно
Я имею в виду
Жить не такая мука
Впрочем, все перемелется
И ты заболеешь тоже
И мы будем гулять втроем
По петербургскому снегу.
Катя впереди апельсин
Ты будешь вспоминать благодатную ту страну
Я скажу: да.
Но я здесь больше подвержен Богу
К тому же
Апельсины могу только штуками
А кучами жрать
Не могу.

1994

* * * #

Чифирнем
Да и в дорогу
Да и массовый побег
Вертухай слава Богу
Спят как и декабрьский снег
Заскрипит
Они проснутся
Веером от живота
Не вернуть нас
Не вернуться
Как дыханью изо рта.

1999

Владимир Алейников

* * *

Вячеславу Горбу

Когда в провинции болеют тополя
и свет погас и форточку открыли
я буду жить где провода в полях
и ласточек надломленные крылья
я буду жить в провинции где март
где в колее надломленные льдинки
слегка звенят но если и звенят
им вторит только облачко над рынком
где воробьи и сторожихи спят
и старые стихи мои мольбою
в том самом старом домике звучат
где голуби приклеены к обоям
я буду жить пока растает снег
пока стихи не дочитают тихо
пока живут и плачутся во сне
усталые большие сторожихи
пока обледенели провода
пока друзья живут и нет любимой
пока не тает в мартовских садах
тот неизменный потаенный иней
покуда жилки тлеют на висках
покуда небо не сравнить с землею
покуда грусть в протянутых руках
не подарить – я ничего не стою
я буду жить пока живет земля
где свет погас и форточку открыли
когда в провинции болеют тополя
и ласточек надломленные крылья.

1964

Элегия

Кукушка о своем, а горлица – о друге,
А друга рядом нет –
Лишь звуки дикие, гортанны и упруги,
Из горла хрупкого летят за нами вслед
Над сельским кладбищем, над смутною рекою,
Небес избранники, гонимые грозой

К стригам и жалобам, изведшим бирюзой,
Где образ твой отныне беспокою.

Нам имя вымолвить однажды не дано –
Подковой выгнуто и найдено подковой,
Оно с дремотой знается рискованной,
Колечком опускается на дно,
Стрекочет, чаемое, дудкой стрекозиной,
Исходит меланхолией бузинной,
Забыто намертво и ведомо вполне, –
И нет луны, чтоб до дому добраться,
И в сердце, что не смеет разорваться,
Темно вдвойне.

Кукушка о своем, а горлица – о милом, –
Изгибам птичьих горл с изгибами реки
Ужель не возвеличивать тоски,
Когда воспоминанье не по силам?
И времени мятежный водоем
Под небом неизбежным затихает –
Кукушке надоело о своем,
А горлица еще не умолкает.

1976

Александр Гашек

* * *

Вот пчеловод озабоченный жизнью пчелы
а по ночам он спирит ибо вертит столы
что-то он пишет колдует химичит кудесит
видно нечист хорошо б его братцы повесить

* * *

Вечер тень мою вытягивает:
вместо ног – две длинных жерди.
Я иду, она – вышагивает,
тень, понурая, как жертва.

* * *

едет утильщик едет утильщик
маленьких радостей детских возильщик
черный засаленный словно скворец
кляча везет его дивный ларец

о наконец

эй вымогатель вещей бесполезных
кукол тряпичных и коек железных
царь погремушек всесильный державный
что мне подаришь за гвоздик заржавленный

ну обещай
посули мне удачу
видишь я мал еще
видишь я плачу

* * *

как роевые пчелы
медо-жало-носные
с воем летят из школы
троечники несносные

пчелами движет наследственность
что движет детьми секрет

у Господа
в его ведомости
посредственностей
нет

синица

первый снег – невинная страница –
чистая – чего еще желать
разве постучит в окно синица
семечко приученная брать

что невесела моя избранница
что ж ты люба песен не поешь
может белый снег тебе не нравится
или белый свет не так хорош

надоело осени печалиться
заснежило в северном краю
что ж ты не споешь моя избранница
песенку нехитрую свою

1969, 1972

фиалки лесные

фиалки будто вымерли
цветут – а не найти
а поискать по вырубкам
по вырубкам пойти –

стоят
не жалуются нет
и то сказать –
кому

анютин цвет
анютин свет
возьму
во тьму

1985

росинка

с травинки на травинку
упрямая как ртуть
торопится росинка
в прах
в пыль
в путь

1987

ПОМИНОК #

из милосердья знахарь
подслащивал спиртное
о если жизнь не сахар
то что она такое

не поминай сыночек
а если кто напомним
пилёного комочек
снеси на мамин холмик

1980

светлые ангелы #

светлые ангелы
на небесах опочили

детские страхи –
бесы восстали из тьмы

слез не таить
матери нас научили

в бытность нашу детьми

1970-е, 1990

Мáсленка

день простужен
несчастлив недужен
к вечеру гнется
тоскуя

отдали Масленку
ох отдали Масленку
выдали Масленку
за Сабантуя

висит гирлянда на березе
торговые ряды редуют
звук П дубеет на морозе
язык немеет

дышки
дончики
дряники
дряники

довремени ярмарка
додожди Масленка
достой-достой
не уходи
в дожарище

1986–1990

игра

стояли у окна она сказала
есть детская забытая забава
кто счастливей
играют двое правила простые

найди в толпе беременную женщину
быстро сосчитай раз
и ты счастливец
ну что играем начинай

здесь нет толпы заметил он
она: ах боже мой считай скорей считай
и застыдилась
отступила в тень

я белым камешком отмечу этот день

1980-е (1991)

ВИННЫЕ ВИШНИ

у нее одна – всего одна – последняя минута:
мне пора пусти

тем слаще тем ярче тем горячее
на морозе – на белом –
кем-то просыпанные
винные вишни

1992

* * *

приснился дом
оставленный жильцом на попечение крыс
я был один и рядом – тень твоя
сказала тень
здесь как на грех темно и пусто
и может быть ты поцелуешь наконец
меня

1993

* * *

Мы были, любимая, были,
не так давно,
ни там, ни здесь...
Помнишь, на рынке,

каждый год в день твоего ангела
мы выбирали ровно одно
яблоко, только одну
розу?

Ни там, ни здесь,
не так давно –
яблоко, роза:
припев.

Владимир Герцик

Папуа – Новая Гвинея

Умом Папуа – Новую Гвинею не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная статья.
В Папуа – Новую Гвинею можно только верить.

* * *

Маковки горят.
Едет, едет на коне
Леонид Ильич.

* * *

Ворона сидит
На соседнем балконе,
Тюкает кактус.

* * *

Открываю дверь.
Прямо в воздухе висит
Прыгающий кот.

* * *

Падает она.
Это падает она,
Падает она.

* * *

Что миру мне сказать?
Атас или айда?
Решу в четверг.

Леонид Губанов

* * *

Я беру кривоногое лето коня,
Как горбушку беру, только кончится вздох.
Белый пруд твоих рук очень хочет меня,
Ну а вечер и Бог, ну а вечер и Бог?

Знаю я, что меня берегут на потом,
И в прихожих, где чахло целуются свечи,
Оставляют меня гениальным пальто,
Выгребая всю мелочь, которую не в чем.

Я стою посреди анекдотов и ласк,
Только окрик слетит, только ревность притухнет,
Серый конь моих глаз, серый конь моих глаз,
Кто-то влюбится в вас и овес напридумает.

Только ты им не верь и не трогай с крыльца
В тихий, траурный дворик «люблю»,
Ведь на медные деньги чужого лица
Даже грусть я тебе не куплю.

Осыпаются руки, идут по домам,
Низкорослые песни поют,
Люди сходят с ума, люди сходят с ума,
Но коней за собой не ведут.

Снова лес обо мне, называет купцом,
Говорит, что смешон и скуласт.
Но стоит как свеча над убитым лицом,
Серый конь, серый конь моих глаз.

Я беру кривоногое лето коня...
Как он плох, как он плох, как он плох,
Белый пруд твоих рук не желает понять...
Ну а Бог?

Ну а Бог?

Ну а Бог?

1964

Вообще

Я влюбился, как подосинович
Красной лампой торчу в подвале.
Мне и голуби подносили,
Мне и голову предлагали!

1964

* * *

Махну в луга, пришпорив мысли,
За тем рассветным серебром,
Где утро, где на коромысле
Смеются ведра с сентябрем,
Где песней тишина подкрасится,
Где грусть моя договорит,
Где женщина, как первоклассница,
В ромашках с ног до головы;
Где в лодку, как в мою ладонь,
Поспеет мелочь пьяных девок,
Где молодой и черный конь
Несет к нам мраморное тело.
И тлеют угли ударений,
Что в полночь губы посетят
Огонь поставить на колени
И пролежать весь день в гареме
Рифм, сероглазых, как сентябрь.
На разворованные души
Я по ночам пишу записки.
Белы бедовые виски,
Как сигарету, месяц тушат
И вспоминают адрес близких
И телефон твоей тоски.
А я пью водку и боярышник
Ем в почерневшей доброй лодке,
Как лепестки, слова болящие
Мне осыпаются на локти.
Что ж, здравствуй, радость неумытая
Встречать, когда ты гол и бос,
Любимых баб глаза убитые
В сопровожденье горькой свиты
Седеющих у них волос.
Но ты откинь калитку мокрую
Опавшим дням, опавшим женщинам,
Улыбку грустную прими,
А листья в дом лимонной коркою,
И снова, в сердце путешествуя,
Ты кровь и пепел не кляни.

Покинут дом, забыт мой ужин,
Царит лишь мгла да песий лай,
А на веранде водка тужит,
Куда пропали наши души,
И издевается букварь.
Но нам с тобой огню не кланяться,
И снова словно по семнадцать,
И в поцелуях нам смеркаться,
Звонить в колокола и каяться.

1963–1970

* * *

Захотела вора научить Богу молиться,
это не пройдет, как зимой – радуга,
кто-нибудь умоется, чтобы измениться,
радуйся!

Я живу на рельсах четвертый день,
поезда не спрашивают моего имени,
и мне с ними тоже разговаривать лень –
вылинял.

Я найду стакан, разбитый вдребезги,
выпью водки той, что в четвертой секции,
люди – лепестки, а я люблю верески,
а я люблю вырезки о собственном сердце.

Мне бы любоваться на свою тень
и носить цветы к своему памятнику,
а я живу на рельсах четвертый день –
пра-виль-но?

Ох, не надо пачкаться о столько морд,
даже разговор приносит честь...
А если человечество перейти вброд?!
Значит, с человечеством мне не есть?!

Есть такая партия, где сразу ничья
после двух или трех гениальных фигур...
Предлагаю рай, где проститутка – свеча,
предлагаю ад, где Ангел в снегу!

Августовская фреска

Алене Басиловой

И грустно так, и спать пора,
но громко ходят доктора,
крест-накрест ласточки летят,
крест-накрест мельницы глядят.

В тумане сизого вранья
лишь копны трепетной груди;
зеленоглазая моя,
ты сероглазых не буди!

Хладеет стыд пунцовых щек,
и жизнь, как простынь, тербя,
я понял, как я много сжег –
крест-накрест небо без тебя!

1975

* * *

Как рекрут, награжденный орденом,
Встать не могу из-за стола.
Как будто красная смородина
Мне губы красные дала.

Как много в эту осень пройдено.
В моих глазах – один огонь.
Как будто белая смородина –
Грудь белую в мою ладонь.

И нет Хотина там, где родина
Кровавым следом к смерти шла.
А есть лишь – черная смородина,
Что сердце порохом сожгла!..

1982

Саврасов

Кружок кровавой колбасы,
За три копейки склянка водки.
Обледенелые усы
И запоздалый взгляд кокотки.
От сумерек сошли с ума

Усталых рук твоих развалы,
И лишь картежница-зима
Сквозь снег гасует – тройки, пары.
Пургой обмятый, ты без чувств
В сугробов падаешь бумаги,
Где теплые глаза лачуг,
Как проститутки и бродяги.
От замороженной руки
Струится пар в тепле ночлежки,
И ворон делает круги,
И вечер раздает насмешки.
Ты наливаешь водки – в штоф
Потрескавшийся, как окошко.
И хорошо вам было чтоб,
Вы напиваетесь с ним в лежку.
Лишь сердца – трепетный паром
Подрагивает в сонном теле.
Не вспоминай же о былом,
Как церковь рисовал пером,
Когда грачи не прилетели!

1983

* * *

Т. Д.

Раскрасневшись, словно девочки,
Розы падают к ногам.
Не меня поставят к стеночке,
Наведут на грудь наган.
И на лестницы парадные
Брызнет кровь и там, и тут.
Не меня в туманы ватные,
Скрутив руки, поведут.
Вздрыгнет лес, сосне заплачется,
Елям будет горячо,
Месяц в небе обозначится,
Как цыганское плечо,
Всё в царапинах и ссадинах,
В присвистах и бубенцах.
Моя родина – ты гадина.
И стоишь на подлецах.

1 мая 1983, Пасха

Аркадий Драгомощенко

* * *

долгие белые лестницы
белые улицы
на ветке белое платье
девушка забавляется
с лягушонком
выцветшие рукава
пустые
белые
лестницы
ступени гулкие
воскресение
полдень

1971

* * *

Женщина с крашеной прядью
(прядь выбилась из-под шляпы)
подбирает дохлую чайку
на побережье пустынном
ярким ветренным днем.

Женщина с крашеной прядью
затем перо подбирает
на побережья пустынном
и втыкает перо за ленту.

Женщина в красной шляпе,
с пером за лентой,
в башмаках довольно угрюмых
приходит в школу и начинает урок.

Но перед тем, как начать,
она над головой поднимает
большую дохлую птицу, чтобы всем
было видно, и спрашивает:
«Кого напоминает вам птица?»

Кричат пронзительно дети,
бьют, ликуя, в ладони.

Ветренный свет падает на пол.
На черном фоне доски,
будто агонии след, тлеет
 влажная алая шляпа.

* * *

Давай изучать историю.
Рассматривать лица молодых генералов
и простых солдат и думать: какие птицы
парили над полями сражений,
 путались в складках знамен.
Давай вглядываться в туманные гравюры,
в очертания галеонов,
 водить пальцами по остаткам золота на обрезках
и тихо ненавидеть Томаса Торквемаду.
Или взглянем на рисунки поблекшие
 старинного bestiария, на ветхих страницах
 которого благословенна любая тварь,
или займемся химией, следуя неотступно
указаниям Трисмегиста.
Будем писать фантастические рассказы
о встречах с инопланетными цивилизациями
и думать, что мы потомки
 пульсирующих пространств.
На худой конец давай петь, курить,
искать клад,
 на худой конец давай ляжем в постель,
и только не думать о завтра!
Ведь и так все известно.
Лучше прилежно изучать историю стран,
 народов и лиц,
за тонкой перегородкой которых
ревет ураган нашей памяти.

1975

* * *

На тридцатом году своей жизни,
став ночным сторожем,
я сидел на крыльце к заливу лицом
и смотрел как собираются птицы,
как их носит кругами над местом,
где, подставив лицо заходящему солнцу,
сидел я меланхоличный, плешивый
на тридцатом году своей жизни.

Людмила Зубова

* * * #

Лён растила и ткала полотно,
Не грустила, не глядела в окно,
Не играла, не гуляла, а платье
Вышивала разноцветною гладью.

Вышло диво дивное – платье мое.
Посмотрите: не старье, не тряпье.
Не носила я его, берегла,
А в музей просили – я не дала.

Вот устану – в дом уйду, полежу,
Да достану, на него погляжу.
Я нарядною свой век прожила,
Да не видели – я тихой была.

Я вам, девки, и спою, и спляшу,
А моложе буду – платье сношу.

* * *

Раз ты Золушка, так сиди в золе,
Не танцуй, не пой, коль живешь во зле.
Башмаки твои без красот-прикрас
По двору ходить для тебя как раз.
А уж если принц – и с тобой знаком,
Так изволь пред ним босиком.
Да еще спляши для него канкан –
Айседорою назовет Дункан.
А жених прибьет, про канкан узнав, –
Так имей в виду, что он будет прав.

Леонид Киселёв

Радость

Я хорошо себя веду
По улице Артема,
У всех прохожих на виду
Иду довольно ровно.

Чуть-чуть кружится голова,
И на ветру мне жарко,
Но я же не поцеловал
Немецкую овчарку!

И не обнял я старый дуб,
Лишь поклонился скромно.
Я хорошо себя веду
По улице Артема.

1959

* * *

Этой ночью умер Сталин.
Восемь лет назад.
Рано утром люди встали –
Флаги с лентами висят.

Этой ночью в знак печали
Рано на заре
Управдомы прикрепляли
К флагам черный креп.

...В серой мартовской кадрили
Снега и дождя
Управдомы хоронили
Своего вождя.

1961

* * *

Из сада в дом попада́ют кузнечики
И долго прыгают по паркету.
Потом они засыпают – вечером –
Часть под шкафом, часть под буфетом.

И девочка утром, часов в одиннадцать,
Несет их в сад в кармане передника.
Одному удается вырваться,
Она его долго ловит в передней.

В саду взволнованно и бессвязно
Друзьям и родственникам кузнечики
О длинноногой богине рассказывают,
А те улыбаются недоверчиво.

1963

* * *

Очень жарко, очень жарко,
И в киоске нет воды.
На дорожках зоопарка
Очень странные следы.

Я не заяц и не белочка,
Не удав и не павлин,
А я маленькая девочка,
И зовут меня Катрин.

* * *

Наблюдаю
падение листьев.
Октябрь.
Ни о чем не думаю –
просто листья.
Просто октябрь.
Горький запах у листьев. Осень.
Смерть.
Ни о чем не жалею –
просто осень.
Просто смерть.

1968

Юрий Колкер

* * *

Такой внимательный и хрупкий,
Чуть приглушенный, деловой
Был голос в телефонной трубке –
И твой и, кажется, не твой.

К нему примешивались странно,
Не к месту улучив момент,
Потрескивания мембраны,
Пространства аккомпанемент.

И лишь когда его нарушил
Гудков однообразный строй,
Я понял: я тебя не слушал,
Я слушал только голос твой.

1971

* * *

Что снилось мне? Турусы на колесах,
Веселые такие, с огоньком.
И русая девчонка, босиком,
С колосьями, запутанными в косах.

Что снилось мне? Изба на курьих ножках,
Две галки на облупленной трубе,
Облезлый кот на крыше, а в избе
Сокурсница моя в одних сережках.

Что снилось мне? Всего не вспомню я.
Веселая была галиматья.

1971

Я читаю стихи

Я говорю: – Афины, этот спрут... –
И чувствую: сейчас меня попрут.
И сзади шепот: – Брось, а то попросят.
У нас стихотворений не выносят!

Эпиграмма

Я понял, критик мой блестящий,
Что я поэт не настоящий,
А настоящий – это тот,
Который книжки издает.

1972

* * *

Он под вечер садится за письменный стол
И в окно угловое глядит.
Там котельной трубы возвышается ствол,
И большая ворона сидит.

Птица тоже как будто косит на него,
Но не взглядом, сводящим с ума:
Нет, не ворон Эдгара, всего ничего,
Городская ворона, кума.

Он бросает на прошлое мысленный взор –
Заурядное, в целом, жите:
Неудачи, удачи... Он смотрит в упор
На беду – и не видит ее.

То и страшно, что в фокусе вечно не то,
Что бедою не стыдно назвать...
Отвлекаясь, подводные съемки Кусто
Начинает герой вспоминать,

Тот неверный, невнятный, расплывшийся мир,
Где поверхность уже не видна,
Слух слабеет, теряется ориентир,
Да и жизни другая цена.

И пока его мысль подбирает слова,
Сквозь хандру пробиваясь с трудом,
Цепенеют деревья, спадает листва,
И вода покрывается льдом.

1974

* * *

В саду, на узком островке,
Со свитком знания в руке,
С лавровой веткою нездешней
Сибилла Либика стоит
И тяжело за море глядит,
Не пряча муки безутешной.

Сибилла Либика, скажи,
Зачем деревья хороши
В своем спокойствии осеннем,
Зачем не слышно ветерка,
Зачем не движется река,
Вода не плещет по ступеням?

Сибилла Либика, спроси,
С какими силами в связи
Душа осеннего покоя –
Того, что стынет над рекой:
Спроси того, кто сам покой,
Кто племя пестует людское.

Вода недвижимая лежит,
Слеза холодная бежит
С ее ланит, вопросу вторя.
Залив, ведущий в океан,
Едва синее сквозь туман,
Не видя слез, не зная горя.

1974

* * *

Где раньше был Олимп, там нынче Голливуд.
Там небожители блаженные живут,
Молвою о себе юдоль переполняя.
У них и рост иной, у них и стать иная.
Кто видеть их вблизи сподобится порой,
Уж тот не человек, а греческий герой,
А те, кто лицезрел заоблачны чертоги, –
Те избраны: от них родятся полубоги.

1997

Татьяна Котович

* * *

Воистину – дитя природы,
Я переменаи погоды
Жила с природой заодно.
Теперь мне скучно стало это,
И даже больше: все равно.
Сегодня только дождь ночной
Декабрьский, темный, проливной,
Шумящий спящими дворами,
Меня тревожит временами,
Когда сижу, вперясь во тьму.
Он мне приятен жестким звуком,
Как охлажденному уму
Холодный спор с холодным другом.

* * *

Август. Соседи мои в отпусках.
Тесная кухня в цветочных горшках.
Выставили на мое попечение.
Изредка я поливаю растенья.

Копится стопка соседских газет.
Мирно пылится в прихожей паркет.
Дождик. Соседских газет не читаю.
Блеклым цветам я названья не знаю.

К вечеру светом залью коридор.
Перепроверю в прихожей затвор.

Все-таки я человек коммунальный!
Век проживу за стеной капитальной –
В грохоте чайников, в сплетнях, в слезах,
В комнатных этих безвестных цветах.

* * *

Не укоряй меня за немоту.
Не спрашивай с тревогой, как больную:
Зачем я не пишу?.. Накличешь ты беду –
Уже тебя к моим стихам ревную.

Не думай с сожаленьем обо мне:
Ее покинул дар счастливый.
Безвестная умрет в родной стране...
Что возразить, мой друг несправедливый!

Чем укорять – покрепче обними!
Пойдем бродить, пока в разгаре лето.
Иль меньше чести – жизнь прожить людьми?
Иль недостойней участи поэта?

Ночные часы

Покровы ночи невесомы,
Непроницаемы для глаз.
Часы безжизненные дремы,
Часы любви не напоказ.

Часы, когда наш край не к Солнцу,
А к дальним звездам обращен, –
Земля беспмятно несется
Путем орбит, путем времен.

Уже не солнце перед нами,
А черный космос нам открыт:
Струится между облаками,
Глаза, не занятые снами,
Притягивает, как магнит.

Глядеть в потемки не устану.
Я знаю, близясь к рубежу:
Я не травой, а бездной стану,
В которую сейчас гляжу.

1981

Пётр Кошель

* * *

Дверь открывается, входит отец:
– Дзе маці? –
Дверь открывается, входит мать:
– Дзе бацька?

И так они ищут друг друга, ищут,
а вьюга свищет вокруг и свищет,
и стены хаты дрожат от ветра.
Отец мой Женя и мама Вера.

Дверь открывается, входит отец:
– Дзе маці? –
Дверь открывается, входит мать:
– Дзе бацька?

На этом зябком горчайшем свете
один, не верующий в бессмертье,
стирая поздние слезы,
стою и слушаю их вопросы.

Дверь открывается, входит отец:
– Дзе маці? –
Дверь открывается, входит мать:
– Дзе бацька?

– Дзе маці?
– Дзе бацька?

* * *

Издалека, от самого заката,
бьет океан волною лиловой.
Любимая ни в чем не виновата.
Любимая ни в чем не виновата.

В куфаечке, где сто одна заплатка,
он берегом проходит воровато.
Любимая ни в чем не виновата.
Любимая ни в чем не виновата.

Он позабыл давно сестру и брата,
и лишь на фотографии измятой –

любимая – ни в чем не виновата,
любимая – ни в чем не виновата.

У старого заброшенного склада
он завтра сдохнет, будто так и надо.
Любимая ни в чем не виновата.
Любимая ни в чем не виновата.

С путины возвращаются ребята.
Он водку пьет. И нет ему возврата.
И только на земле одна отрада:
любимая ни в чем не виновата,
любимая ни в чем не виновата.

* * *

У. Фолкнеру

У самой охотской воды,
где мусор засыпал причал,
сидел одинокий мужик,
измятую книжку читал.

В бахилах, в линялых штанах,
он скреб под фуфайкой бока,
а серое море, как бык,
точило о сваи рога.

Когда я к нему подошел,
когда я спросил закурить,
он мне протянул «Беломор»
и начал судьбу материть.

Какого-то Сниткина крыл,
чужие квартиры и жен,
сестру, задубелый причал
и город с названьем Торжок.

Гудели, хрипя, сейнера,
к столовой рабочие шли,
медлительный северный день
на убыль уже повалил.

А книга лежала себе,
как рыба лежит или хлеб,
и ветер страницы листал,
когда пробегал по земле.

Владимир Кривошеев

Клопики

Кто же там стучит по двери
Шерстяной своей перчаткой? –
Я выращиваю в банке
Малосольный огурец.

На шнуре от телефона
Тлеют спелые початки –
Клопик, мой вражок исконный,
Спрятался в одном, подлец!

Я давил его усердно
Сквозь прекрасные обои,
Но борьбою этой скверной
Был доволен только он.

Наконец, уже под утро,
К удивлению обоих,
Краем хвостика неверным
В зернышках изобличен,

Враг мой, только что коварный,
По картине Ренуара
(То последнее желанье)
Был размазан так и сяк.

В окна бьют косые ливни.
Я читаю на диване.
Кто же там за дверью ванной
Трется ухом о косяк?

* * *

К. К. К.

Волшебный Константинович Кузьминский!
Позвольте-ка Вас под руку гулять
К Неве-голубушке, она блестит как фарфор
И H₂O позвякивает в ней:

Динь-динь, хлоп-хлоп,
От Зимнего к Ростральным
В парадной ванне плещется вода.
Вы чувствуете прелести купанья,
Кабы не эти в мае холода?

Ведь что в Кузьминском дорого? –
Спортивность?
Активность риска? Искорка тоски?
Иль блеск ногтей? Движения картинность? –
Нет – перстень, не снимаемый с руки!

1970

* * *

А в Петергофе, что ни говори,
Водопровода праздничные струи
Летят на обнаженные статуи,
Хотя уже прохладно в сентябре.

Но мы в аллее свежие, пустые,
Неторопливо входим – время есть,
Чтоб томик «Консуэло» перечесть
Иль так сидеть, обнявшись как святые.

1971

Полночь

Люблю фарфоровых солдат,
Когда вдоль улицы январской
Они шагают без опаски
И о шинель ружьем звенят.

Навстречу пыльная собачка
Несет им чистый хвостик свой,
И гонит прочь ее домой
Старушка в беленькой горячке.

Проснись и форточку открой,
Артист ночной! Ведь час на стрелке
Уже повис, такой резной
И перегрелся кофе в грелке.

Дочел последнюю страницу
В любимой книге книгочей –
Пред ним свеча еще гноится
И гибнет моль в ее луче.

Пастух в хлеву читает Джойса,
Но знает лишь дремучий бык,
Как тяжело тому дается
Модерна за полночь язык.

* * *

Туда, где мельник с мельничихой
Поют в ночи дуэтом Баха,
Я подойду и встану тихо
От удивления и страха.

О свет луны! Он так направлен
На музыкальную семью,
Пейзаж пред ними ближний, дальний,
Что только я в тени стою.

И так два голоса послушных
Звучат, природу проникая,
Что я гармонию нарушить
Боюсь и третий подпеваю.

1975

Кофе в Репино #

С приятелем, поэтом маломощным,
Мы кофе сели пить насупротив –
Мы даже не знакомились заочно,
Один из нас друг друга угостив.

Певица молча пела в репродуктор
Тупой мотив, законченный как шкаф,
А жизнь кругом гремела как кондуктор,
Когда в купе ты заперся, проспав.

«Вот так...» – сказал поэт газетным словом
И губы в кофе мокрые закрыл,
Залив напротив пах плохим уловом
И прочими издержками жары.

Судьбой играя, словно тряпкой с флага,
Вдруг бармен богатеть совсем устал
И, завершая ход хозяйским шагом,
Авторитетом истину застлал.

Он перед нами встал партийным съездом
Тридцатым, скажем (если доживем),
И тоном самых лиговских подъездов
Сказал про время, что и где мы в нем.

Попискивали бляди в уголочке,
За номером «Московских новостей»
Записывались снобы ближе к ночи,
Чтоб утром перед носом шелестеть

Перед такими завтрашними нами,
Которые, чего бы ни пришлось,
Сидят сейчас в кафе, пьют кофе ртами
В стране советской, выгнившей насквозь.

* * * #

Последние овощи просятся в руки
С земли охлажденной. Какая печаль!
Сидит на соседней делянке старуха
И слушает воздух, как белый рояль.

Он дует в деревья, из туч вылетая –
Такой молодой, озорной Левитан,
Где уток медлительных потная стая
Спешит пересечь потускневший экран.

1996

Виктор Кротов

* * *

Московский сквер
московский двор
московский дом
высокий
лестница с отчаянным пролетом
замок чердачный
знающий своих
и дверь, ворчливая по-матерински
пыль, сумрак, деревянные ступеньки
вдруг
голубей встревоженных салют
бог весть, в чью честь
наверно, не в мою

Тяжелый люк
из крепко сбитых досок
открыт
и вихри ветряные вьются
свежи как горный воздух
здесь висит
старинный колокол
огромный
безъязыкий
в прикаянной покойной немоте

Ущелистые улицы внизу
дворов провалы
старые дома
поросшие печными трубами
как пни в опятах
юркие машины
лоток с оранжевой прямоугольной крышей
и люди
не глядящие наверх.

Хокку

Снежные хлопья...
Я думал моя печаль
невдомек небу.

Борис Кудряков

* * *

ЧАСЫ БЕГУТ ИМ НЕ СЛОМАЛИ НОГИ
РЕКА ТЕЧЕТ УВЫ НО НЕ ТУДА
ХОТЕЛОСЬ ВЫЛОВИТЬ ЛЮБОВЬ БЕЗ ЧЕРЕВИЧЕК
ХОТЕЛОСЬ БЫ ЖЕМАННИЦУ БЕЗЛИЧЕК
ПРИГОВОРИТЬ СТАКАНОМ БЕЗ СЕБЯ
БЕССМЫСЛИЦА АУКАЕТ МАСЛИНУ
БЕЗГЛАЗУЮ ВО СНЕ
ВСТАЕТ НАДЕЖДА НАДЕВАЕТ ДЕВОН
ДЕПЕРСТНИЦА ЦЕВНИЦА ЕВНУХА
ДЕКАБРЬ ВОССТАНЕТ БОГУ ЕЙ ПЛЕВАТЬ
НА ЯНВАРИ ПОКЛАЖИСТЫЕ МАИ
Я МАЮСЬ В НОЯБРЕ В ИЮЛЕ КАЮСЬ
ПРОСТРАНСТВА МНЕ ПРОСТЯТ
ПРОСТИТЕ НЕ

1984

* * *

галина леонардовна отнюдь
отнюдь отнюдь я поедаю ваши лавры
когда же вы сумеете вздремнуть
тем паче отчего же ли быть может
галеонардовна отстать от вас
но с кем же выжележе тать
не стать зато моложево отнять
и так и быть к вам я приплыть
галано наролердовна нюдьот
чему же вы учились на тех курсах
я в курсе пребываю на полчуть
в воронеже бывое в чемодане
пардоно лонжероновна канючь
корыто на карете в каземате
ах квазирожии мато ожил
ха вуази ха вуаля икс вуалет
кантову оплеуховну обнять
оять обескуражена окою
картона кантоме пардоноплиз

1984

Ира Новицкая

* * *

МНЕ ХОЛОДНО НА ВСЮ ЖИЗНЬ

1984

* * *

и на бумаге
слово
успокоить

1985

* * *

ТЫ ВЫШЛА ИЗ КОМНАТЫ НА ГОД

1994–1995

* * *

вокзальные сумерки
бомж на пустом перроне
чистит пиджак

1999

* * *

одни и те же слова
говорить разным людям

странно

2000

Евгений Сабуров

* * *

Нам надо встретиться
твержу и не устану
нам надо встретиться
нечаянно нежданно
и вострепенувшись
обернуться разом
нам надо встретиться
и задержаться рядом

Вот мы и встретились
умно и осторожно
мы совершили
всё что было можно
не ожидая
близость или радость
вот мы и встретились
и задержались рядом

Шарахается ветер меж домами
шарахаются ветки на ветру
я дерево о дерево потру
добуду дремлющее пламя
я мяту между пальцев разомну
и извлеку заснувший запах
все прошлое необязательно
нам надо встретиться
мы оба как в плену.

* * *

В одиночестве глубоком
проводя часы и дни
даже, и каким же боком
я рассорился с людьми?

Я прожарился на солнце
летом, из дому ушел.
Этот год мне стал бессонницей,
разошедшийся, как шов.

Вот такие вот дела:
вперемешку дни и дни –
меня мама родила,
и рассорился с людьми.

* * *

Словно оползень слизал
три колена у дороги,
дом потрясся и упал
вдруг у моря на пороге.

Грудой камня, битой снедью,
что цвела в его нутре,
облупившеюся клетью
лестниц бывших во дворе

он торчит, и ходит пена
в бывших, легших набок окнах,
распузырясь постепенно
в завивающийся локон.

– Бывших окон! Бывших лестниц! –
в телефон кричит начальник –
за такое вон на пенсию
всех за это отвечавших!

Служба укрепления линий
бывших масс береговых
на поднимающую тину
смотрит, сдерживая крик,

крик отчаянья и злобы,
крик, который издают
после погруженья гроба
через несколько минут.

Словно оползень слизал
дом стоявший, дом вонявший,
коридорный чад в слезах,
нам так долго досаждавший,

гам и ор многоквартирный,
лук, петрушку, сельдерей,
бой у общего сортира
и поддачу во дворе.

Человек лежит недвижим,
пена черная у губ,
тихо возятся с задвижкой
два инкуба и суккуб.

Вот, как пробка из бутылки,
наконец летит душа.
Нечисть чешется в затылке,
мертвым воздухом шурша.

Они будут тело кушать,
пучить газами земли.
Боже, Боже, наши души
в чистом небе потекли.

На недавние руины
поселковый кинь субботник,
и приятная картина
вызреет как плод работы.

Вновь назначенный начальник
службы укрепления линий
сползших масс береговых
клятвенно нам обещает
– кровь из носу, нож поддых, –
больше оползни не пикнут.

Он бетоном их зальет,
чтобы гнусная природа,
так потрясая народ,
больше не трясла народа.

Ходит море, лижет гальку
пеною своей морской,
ляжет бабка черной галкой –
со святыми упокой.

Склон, где бывшая дорога,
виноградником порос,
и задумчивый совхоз
просит постараться Бога,
чтобы ни дождя, ни гроз.

Пьяной осенью у свала
обнажившегося камня
ты соски мне целовала,
а потом себя дала мне.

Нежной кожей живота
по губам моим водила
и, колечком завитая,
медом медленным сочилась,

и, себя не отнимая,
только подогнув колени,
с моря тихого снимала
темную ночную пену.

У цветов не спросишь имя,
у дороги путь не спросишь.
Ты куда уходишь мимо
в край, безмолвием поросший?

* * *

Вот выбежал из плена леший.
Петлять, кружить его задача
и лежебокой нежить плечи
во мху у самой крайней дачи.

И ты выходишь за штaketник
с детьми, протягиваешь руку,
преподавая детям летнюю,
такую важную науку.

Играет небо в тучку-дождик,
играет совесть вместе с небом,
и можно возвратиться позже,
на станции купивши хлеба.

О, как прекрасно назначенье
крутых огнеопасных бедер,
какое светлое ученье
они пророчат на народе!

– Рожаящая даль туманна, –
пойми, запомни, Расскажи –
для женщины лишь в слове «мама»
вполне законченная жизнь.

А не кончается, и снова
живешь, ну точно как на днях
тайфун лишил еды и крова
людей в заволжских областях.

Любовь – китайское несчастье,
на север к нам занесено,

оно не сердце рвет на части,
а из души творит кино.

И все одетые раздеты,
и все устроенное вдруг
разрушено свирепым летом
и вырвано из наших рук.

Мы в одночасье залетели
в какой-то розовый содом,
где леший нежится в постели,
плюясь на пол зеленым мхом.

* * *

А вот баранки, бублики и самовары.
Сюда пришли попраздновать гитары
и эти бляди об одном чулке – гетеры,
которые смеются и стремятся
перехватить портвейна с иностранцем, –
милиция к ним принимает меры.

А вот скиталец Вася, тугодум.
Скиталец – он почти что иностранец.
Его спина пряма, как лес осенний,
лишенный листьев и дождями всеми
отстиранный до скрипа и до пенья.
Она стоит. Он к празднику угрюм.
Его никто не пригласит на танец.

Причудлива корона распустёх
вокруг украшенной шарами елки.
И грех смеяться, и такой восторг
вся эта жизнь, все эти комсомолки.
– Кто мы такие? – спрашивает друг
и хитро подразумевает,
что мы цветы, что нас не создал труд,
что мы чужды диньдиньканью трамвая.

А мне ему и нечем возражать –
я с ним во всем вполне согласен.
На мой, хоть, может, и неверный взгляд,
я не писец и не читатель басен.
Я просто всеобъемлющий пиздец.
Пиздец всему. И мне, ну хоть ты тресни,
вот этот мир, ну, просто, наконец,
местами очень интересен.

* * *

Покорён, совсем покорен,
у раскрытого окна,
болен, вымыт и покормлен,
сел. Душа его видна

в слабой оторопи пальцев,
в зеленеющих глазах,
в появившемся румянце
и раскрывшихся губах.

– Дали, что ли, чашку б чаю, –
как-то вдруг проговорил
и смутился, замечая
на комоде словари.

* * *

Мы договорились
между собой
то, что случилось,
ни Боже мой

не осуждать,
не толковать –
принять как есть.
Это наш крест.
Это наш ад.

И то, что произойдет
потом,
это не закат, не восход,
а еще один том

жизнеописания нас.
Смысла в нем нет –
ни через много лет,
ни сейчас.

* * *

Волны зелены, кудрявы,
свет застлали облака.
Здравствуй, берег русской славы,
как судьба твоя горька!

Брошен дуростью славянской
на позор и на разор,
будешь Портой Оттоманской,
вероятно, с этих пор.

А случится, то и турку
ты не нужен и умрешь.
Погуляет в переулках
мстительный татарский нож.

Тени будут тени лапаты,
волны камень округлят,
выбросят на берег лапоть,
крякнут – заберут опять.

Ох уж пляжные те лапти –
призрак неги и покоя!
Рубель-двадцать за полати,
подоконники в левкое.

Ходят в школу ребятишки,
сладко ежась на ветру,
носят ручки, носят книжки.
Там теперь я не умру.

А умру я на чужбине,
но – вот так! – в своей стране,
и обида перестынет,
перебесится во мне,

потому что много шуток
есть у Бога про запас –
кто к татарам будет чуток,
тот и выиграет как раз.

Кто разбогатеет плавно,
не спеша войдет туда –
купит берег русской славы
с потрохами навсегда.

Будет так или иначе,
а зеленая волна
ни о ком, но вечно плачет,
ни в кого, но влюблена.

Павел Соколов

* * *

через сотни лет
принесла книга

голос родной

* * *

зима
нескончаема

словно день тяжелый

и неизвестно
как жизнь
пройдет

* * *

серенькое небо дождит

а на душе легко

* * *

звезды
падают
души возносятся

а сердца
запираются в склеп

но пока что-то мерзнет и просится
мир огромен сияющ нелеп

помоги
эту зиму отмять
донести тусклый крест до холма
доволочь вязку дров от сарая
бедный смысл довести до ума

* * *

«Гляди, бабочка желтая!» –

мальчик хотел показать маме,

однако смотрел только я
на бабочку желтую,
желтую бабочку...

* * *

снежинки
радостные

* * *

закатный отсвет на помойном ведре

* * *

ты удержи припомни Расскажи
ту мысль мелодию короткий поцелуй
сошедшие неведомо откуда
случайны словно

морская предрассветная прохлада
на верхней полке общего вагона
что без разъездов станций
стучит который день через страну
черемухи гречихи чепухи

* * *

у раскрытого окна

жди утренних птиц

и обретешь
истину и блаженство

и потеряешь
тут же

* * *

улица чернее фонари желтее
тени зыбкие на занавесках
шелест шелест шелест
шаги не слышны
кто там заглядывает сквозь кружева

зажжем свет
будем пить чай
вечер пройдет незаметно

кто там заглядывает

у нас свет
у нас чай

* * *

благословен
дом ваш

и сад...

и мой час,
рассветный,
безмолвный

* * *

нежная
музыка радио

напомнила
кто подарил мне
эту плюшевую собачонку

* * *

прихлопнул моль –

и как всегда,
скорчилось что-то внутри...

* * *

благодарю вас
господа одуванчики

* * *

Огни сотен домов
на том берегу,

как вы прекрасны!

как страшны.

* * *

В безлюдном парке

холодный свет
фонарей

будущее
вполне обозримо

* * *

осенью
на обрыве речном
посижу
у забытой церквушки

* * *

«Жизнь проходит» –

но еще не прошла:
показался последний вагон –
побежать и вскочить на подножку!..

А в окне улыбается кто-то
и машет рукой

Владимир Строчков

* * *

Господи ты, Боже мой,
я родился, я живой,
ем животных и траву
и живу, живу, живу.

Господи ты, Боже мой,
не один уже, с женой,
станут дети щебетать,
надо будет – воспитать.

Господи ты, Боже мой,
скоро буду пожилой,
станут место уступать,
будут местом попрекать.

Господи ты, Боже мой,
дальше буду неживой.

1985

Лириум

Он не замог отключить дверь,
а трирь звонка была глуха,
как этот пятник... Нет, четверь,
или когда?.. Здесь был ухаб.
Он испустил под тверью клич,
он опустился на этаж
всем сразу. Он увидел луч
сквозь щелку твари. И атас
его закинул на дыбы,
мотнул о стену и косяк.
Он стиснул кляч. Он жил добыл,
сревнувши шею, как гуся
и смаху включая разоврав
убивку, где скрывалась зверь...
Но тут опять пошел овраг,
не то субботник... Нет, четверь,
или когда?.. Он бил плечом,
клычком, челом и сразу всем

об эту двердь, где был включен
или взамочен тисклый свет;
но эта впредь была глуха
к его мольбаньям и стенам.
Замчалась с клюкотом дуга,
он был в которую. Слюна
вступала в силу через рот
и, накачав свои права,
его рванула в этот ров,
то ли овраг, не то провал,
или куда?.. Он весь замок,
но дул из скважины скважняк,
и zde-то гдeсь плутал звонок,
и в голове возник возняк,
потом замолк, вознюкнул взновь,
тампон залямк, взвонюк взвозник...

– Туда был члюк, замах, позвонь!
Впусти, хотею павзанить!
Пустею! Это я нуда!
Ну да ну да ну не ну я..
Тудето было – члик! Сюда
упадло! Быдло же!.. Уя!..
Зазнобу вткнул себе всюда
или вкуда? Нене я встам!
Не не ну не ну не ну да!
Мужик я илигде!.. Устал,
обжжи, обжжи, я прилежу,
ну не ну не ну не ну ща,
яссам! Бжни, бжни, я сам зажжу!
Где поздно? А кударый час?
Сегодня кто? Опять четверь?
Что – дворник? Где? Уже сейчас?
Ну не ну не ну ты проверь!..
А это кто?.. А это ты?
А я смотрю – а это кто? –
а это ты!.. Не не отстынь,
я всё! Я всам! Вон зми пальто.
Зачем – спускай? Я так. Я тут,
в штанов... Не пуговку! Я сам...
Я знаю как, забыл зовут!..
Нет, это пиво, что нассал?..
Не развяжай, я там наблюдаю...
Нет, мне тошнит, лежи к стене.
Ну чё ты чё ты ну люблю
ну да ну да ну... это нет!

1986

* * *

Я говорю, устал, устал, отпусти,
не могу, говорю, устал, отпусти, устал,
не отпускает, не слушает, снова сжал в горсти,
поднимает, смеется, да ты еще не летал,
говорит, смеется, снова над головой
разжимает пальцы, подкидывает, лети,
так я же, вроде, лечу, говорю, плюясь травой,
я же, вроде, летел, говорю, летел, отпусти,
устал, говорю, отпусти, я устал, а он опять
поднимает над головой, а я устал,
подкидывает, я устал, а он понять
не может, смеется, лети, говорит, к кустам,
а я устал, машу из последних сил,
ободрал всю морду, уцепился за крайний куст,
ладно, говорю, но в последний раз, а он говорит, псих,
ты же летал сейчас, ладно, говорю, пусть,
давай еще разок, нет, говорит, прости,
я устал, отпусти, смеется, не могу, ты меня достал,
разок, говорю, не могу, говорит, теперь сам лети,
ну и черт с тобой, говорю, Господи, как я с тобой устал,
и смеюсь, он глядит на меня, а я смеюсь, не могу,
ладно, говорит, давай, с разбега, и я бегу.

1992

* * *

Где-то глубже, под кроватью,
за носками, за душою
ходит маленькое хватит
и спасибо небольшое,
и умеренное будет,
и некрупное довольно.
По ночам они не будят,
но проснешься сам – и больно.
Эта тихая больница,
лазарет без Назарета,
кое-как с натугой длится –
что ж, любить ее за это?
Понемногу отступает,
уступает по рублю;
помаленьку засыпаю, –
сплю.

1993

Николай Тютяев

Страничка детства

В форточке – провод.
В проводе – Хомич.
Молоды:
Молотов
и Каганович.

В кухне – иконы.
В передней – портреты.
Счеты щелкают,
как пистолеты.

Кресты (Боря)

Неба синь.
И река, и травы.
И коровы, и кнут в горсти...
Представитель большой державы –
Боря.

«Трудно, поди, пасти?»

«Тру-

дно

ум-

ни-

кам... –

Матьер-природа!

Мысли тянутся по слогам.

Выжигая запас водорода,

солнце гаснет, –

...и ду-

ра-

кам».

Штрафной изолятор

Сегодня с вечера Глухарь,
Назло фартовым,
В печурке вместо дров фонарь
Засветит снова.

Смекнет ответственный, хватнувший
Политурки,
Но из согласия не задержится
В дежурке.

А на дворе до дна январь
Морозит речки.
А керосиновый фонарь
Плывает в печке.

И иссякает в Глухаре
Души обмылок.
И полюс северный – твой собственный
Затылок.

Предвечернее

Из шкафа – запах нафталина.
Тоска, тоска...
В углу – Мария Магдалина.
Темна доска.

Темна луна в оконной раме.
Темна душа.
На подоконнике герани –
Как два шиша,

Как утомленная стихия
Шального дня...
Я знаю – молится Мария
И за меня.

Михаил Файнерман

* * *

Просто-напросто дождь
холодные светлые капли
и пустота
совершенная пустота впереди
как будто поднялся в те сферы
где нет ничего земного
и только холмы облаков
белых, безмозглых, вечных
как печаль одинокого
которому, как известно
езде пустыня

1971

* * *

Есть люди,
которые
умеют плавать в воде.
Они просто плывут и не тонут.
Смотрите – зеленые рыбы.
Смотрите – зеленые волны.
Они просто плывут и не тонут.

1974

* * *

Ивану Овчинникову

Ночь с субботы на воскресенье
озерцо мудрёной воды
и мороз, поднимающийся со дна
а баба выскочила на босу ногу
и смеется, и трясет корзинку

1978

* * *

Что курили с давних пор
с Балтики до Крыма? –
папиросы «Беломор»,
сигареты «Прима».

* * *

Высо́ко в небе летает стриж –
больше моего дома?
меньше моего дома?

1983

* * *

Соловушка!
.....
Что замолчал?

1985

* * *

Как прилетят,
жаворонки держатся на проталинах.
А куда им деваться? – холодно,
на дерево жаворонок не садится,
да и что ему на дереве делать? –
еды там для него нет.

Бегают жаворонок по земле,
ищет семена прошлогодних трав.
Невелик он,
но и семян немного:
целый день пройдет в поисках еды...

(это пересказ отрывка из книги Николая Николаевича
Плавильщикова «Юным любителям природы». 1955 год.
Для семилетней и средней школы.)

* * *

Несколько кофейных зерен.
Утро.
Кофейное зерно.

1986

* * *

Небо, полное птиц –
я позабыл его имя:
небо,
полное птиц

1986

* * *

Свет Божий
я увидел (впервые)
в междуречье Яузы и Неглинной.

Дальше автор ничего не может сказать,
эти слова кажутся ему такими прекрасными,
что он готов повторять
их снова и снова.
Или гулять
берегом Яузы
между складами, свалками, тонкими деревцами
четыреста лет назад:
от «Красного богатыря» до «Потешной больницы».
Автор хотел бы погулять берегом Неглинной.
Но осталось только устье.
А любимая река, Серебрянка,
ушла под землю уже на моей памяти...
Автор любит ходить к ее берегу.
Его собаки даже не знают, что здесь река.
А я знаю! – она всегда будет здесь.
Когда я увижу ее на поверхности снова –
как если бы я всплыл –
я умру спокойно.
Мы поменяемся с ней местами,
я вернусь туда, откуда пришел,
она станет
где ей положено быть...

Свет Божий
я увидел впервые
в блеске этой воды...

1988

* * *

Когда я умру,
птицы
разнесут мой прах по молекуле:
азот, углерод, фосфор – всё детские имена.
Вот. Какою бы смертью я не умер,
они возьмут,
понесут...

* * *

Это смерть, Санчо, это смерть!
выведи меня отсюда!

Детство

Седьмое июня,
 снова ехать в лагерь,
 сколько слез,
 сколько слез.

* * *

Как тень от солнца,
набежит бессознательное,
покрывая все собой.
Я устал ждать,
скажи мне,
любишь ли ты меня.

* * *

очутиться одному, на ветру,
одному,
на ветру...

Николай Шипилов

Пехота

Иван, Сергей да Николай – всё рядовые –
Бойцы-окопники, кирзовая нога, –
Им выпадают все осадки годовые:
Дожди свинцовые да красные снега.

А на пулеметы – неохота им была,
Да все равно пехота-пехотурушка пошла...
Вот она, родная, врукопашную пошла.
Стоило ль родиться для такого ремесла?

Иван, Сергей да Николай – еще живые, –
Смесь над жизнью непонятною штабной,
Свои сто граммов выпивают фронтовые
Перед атакою решительной ночной.

Дотов злые соты. Пуля жалит, как пчела.
Но все равно пехота-пехотурушка пошла...
Вот она, родная, на «Ура!» вперед пошла.
Стоило ль родиться для такого ремесла?

Иван, Сергей да Николай давно устали –
Ведь не из стали же они, не из брони! –
То вспомнят запахи карболки госпитальной,
То деревень своих дрожащие огни.

А во чистом поле ни лошинки, ни угла,
Но все равно лавиной ярость львиная пошла,
Вот она лавиною невинная пошла...
И во чистом поле подчистую полегла.

1980

Зоя Эзрохи

* * *

Серьезных, умных мыслей стая
Промчалась мимо головы.
А голова звенит пустая:
«Куда же вы? Куда же вы?»

Но мысль хорошая, быть может,
Услышит звон, поймет его
И прилетит, и крылья сложит
На ветке мозга моего.

1971

* * *

Воспеваю тарелку, траву
Или вирусный грипп.
И в лесу иногда не сорву
Замечательный гриб.

Пожалею грибную красу.
В звоне летнего дня
Я лягушку в ладошке несу –
Не боится меня.

И когда я улягусь в гробу,
То из чащи лесной
Прибегут муравьи и грибы
Попрощаться со мной.

Все воспетые мной приползут,
И печальный микроб
Незаметно уронит слезу,
Залезая на гроб.

Станет горько бездомным котам
И столовским котам,
Неизвестным местам и мечтам,
Незаметным цветам.

Прилетит, приклебится ко мне
Мной покинутый дым.

Кто еще в городской стороне
Залюбуется им?

Кто подумает: «Дым – это хвост
Неземного кота»?
Дым обычен, обыден и прост,
А скучна простота.

Никому я не мать, не жена,
Не штурвал кораблю,
Но кому-то я все же нужна
И кого-то люблю.

1973

Зимнее солнце

Заиндевелые деревья заблестали
Стальным и золотым.
Живая статуя на узком пьедестале –
Танцует светлый дым.

Деревья вздрагивают: трепетные искры
Рассыпали ветра.
И воробьи взлетают стайкой – шумной, быстрой,
Легко, как мошкара.

Откинув крышку, по-весеннему светлея,
Рогатый, как бычок,
На зимнем солнышке бачок помойный греет
Чумазый свой бочок.

1973

* * *

Как будто лук, арбуз, редиска –
Такой вот огород:
Леонов, Чурикова, киска
И Гойя, и Коро...

Картинок разных налепила
И по утрам пою.
Я никого так не любила,
Как комнату мою.

1974

* * *

Господи! Умоляю:
Сделай еще планету
И подари лентяю,
Лодырю и поэту.

А на другой планете,
Там, где работать надо,
Пусть проживают – эти...
Люди другого склада.

1978

Объятья

И вот я к кухне подхожу. Она
Берет меня в железные объятья.
Она хитра, безжалостна, сильна,
И не могу из кухни убежать я.

Вот, думаю, сейчас я подолью,
Сниму, поставлю, выключу, повешу
И убегу я в комнату свою –
Читать Золя, Булгакова, Олешу.

Вот переставлю, думаю, включу,
Сварю, поджарю, вычищу, помою...
Подобная футбольному мячу,
Я меж столом летаю и плитою.

Глаголов озверевшая толпа
На нашей кухне мной овладевает.
И голова моя обалдевает,
И зарастает к чтению тропа.

1981

Тля

Сия малюсенькая тля
Живет, сама не зная, для
Чего, и, жизнь такую для,
Ты расточительствуешь, боже.
Она почти равна нулю,
Я лишь за то ее люблю:
Тля не идет войной на тлю
(Ни на кого другого тоже).

Она живет, хотя она
Мягка, мала и зелена,
И мысль не вхожа ни одна
В ее жующую головку.
Чуть станет розовым восток,
Она ползет, жуя листок.
Но бог поистине жесток
И создал божию коровку.

1983

Соединение

На клеенке новой
Лист лежит кленовый.

Клеенку создал человек,
Ее купила, выбив чек,
А лист осенний Богом
Раскидан по дорогам.

Но это я – найдя в траве,
Приняв от продавщицы,
Соединила эти две
Прелестные вещицы!

1987

Восточный календарь

Жаль, что нету года крокодила,
По душе мне эта ипостась.
Я бы непременно угодила
И в такое время родилась.

Новый год справлять бы крокодилией,
Чтоб на платья шел зеленый шелк,
Накупить пластмассовых рептилий
И зубами громко сделать «щелк».

Быть бы мне холодной и зубастой,
Без огня ненужного в груди.
Не гордись, обидчик мой, не хвастай,
Погоди, расчеты впереди.

И лежать бы мне в родимом Ниле,
В иле – маскирующем, густом,

И совсем не двигаться бы или
Чутьочку подрагивать хвостом,

Чтоб мои малюсенькие глазки
Сонно озирали берега.
Плавайте, рыбешки, без опаски,
Поджидаю крупного врага.

Брызги ила, словно клочья шубы,
Вдруг взметнутся к самым облакам.
О, какие он увидит зубы,
О, какое он услышит «Ам»!

Я потом над парюю ботинок,
Что остались на пустом песке,
Пролила бы несколько слезинок
В непонятной сладостной тоске.

1989

Мои желания

Не повстречайся, фея, мне в лесу,
Где я брожу под соснами, плутая,
И если даже я тебя спасу,
Не надо слов, о рыбка золотая!

Ты, палочка волшебная, в мои
Не попади отчаянные руки,
И мимо роковой моей бадьи
Плывите с богом, сказочные щуки.

И, выброшены на берег волной,
Сто тысяч лет не кормлены, не бриты,
Из емкостей, раскупоренных мной,
Не вылезайте, джинны и ифриты.

Уж лучше вам еще сто тысяч лет
Не увидеть родных дворцов и башен,
Чем исполнять моих желаний бред,
Который даже мне бывает страшен!

1990

Мигрень

В моем виске мигрень расположилась
И пьет там чай, и смотрит телевизор,
И ноги на каминную решетку,
Наверно, положила...

Как хочется в виске проделать дырку
И вытащить оттудова нахалку!
Но это нереально, нереально...

1990

Повторения

Поэт! Не бойся тавтологий,
Окольных троп не проторяй.
Пусть негодует критик строгий,
Ты удивленно повторяй:

«Какое масляное масло!
Какой на свете светлый свет!» –
И ты поймешь, как много смысла
Там, где его, казалось, нет.

Пусть химик видит фтор и стронций
Тебе же – истина видна:
Какое солнечное солнце!
Какая лунная луна!

Среди полян, машин и башен
Броди восторженно один
И бормочи: «Как дом домашен!
Как дождь дождлив! Как зверь зверин!

Как ум умен, как дело дельно,
Как страшен страх, как тьма темна!
Как жизнь жива! Как смерть смертельна!
Как юность юная юна!»

1990

* * *

Жизнь ушла на ерунду:
На уборку и еду.

Михаил Яснов

Я помогаю на кухне

– Ну-ка, мясо, в мясорубку!
Ну-ка, мясо, в мясорубку!
Ну-ка, мясо, в мясорубку,
Шагом... марш!
– Стой! Кто идет?
– Фарш!

Чучело-мяучело

Чучело-мяучело
На трубе сидело.
Чучело-мяучело
Песенку запело.
Чучело-мяучело
С пастью красной-красной,
Всех оно замучило
Песенкой ужасной.
Всем кругом от Чучела
Горестно и тошно,
Потому что песенка
У него про то, что

Чучело-мяучело
На трубе сидело.
Чучело-мяучело
Песенку запело.
Чучело-мяучело
С пастью красной-красной,
Всех оно замучило
Песенкой ужасной.
Всем кругом от Чучела
Горестно и тошно,
Потому что песенка
У него про то, что
Чучело-мяучело
На трубе сидело...

Юрий Алексеев

* * *

Минареты, минареты
И гнусавый муэдзин.
Коньяки и сигареты
Предлагает магазин.
Скорпионы, как пионы,
Расцветают на песке,
И английские шпионы
Кувыркаются в тоске.
В древнем граде Самарканде
У прохожих на виду
Падишах лежит в саду,
Дева зреет на веранде.

* * *

О плохой погоде
Мне не говори
Вот живут – чирикают
В клетках снегири
Вот гуляет ветер
Между облаков
Вот живет на свете
Роберт Дураков
Без тебя все знаю
Без тебя сгорю
Спьяну залезаю
В клетку к снегирю
И сидим чирикаем
На шестке одном
Я о жизни личной
Птичка о другом.

Михаил Армалинский

* * *

Мне было сорок, станет пятьдесят,
глядишь, и даже большее случится.
И как досадно взглядывать назад,
где страсть в своем невежестве лучится.

Мне будущее ясно, в коем смерть,
а в прошлом столько мрака семенного,
не ведавшего, где прижиться впредь
надеждой воплощения иного.

Выходит тело из повиновенья,
стремясь к анархии небытия.
Оставшиеся робкие мгновенья
явились стадом к Лете для питья.

Их из воды хватает аллигатор
и топит у времен во глубине,
где бог, пропагандист и агитатор,
бессмертие пророчествует мне.

* * *

Картина – среди травы высокой,
благоухающих ветров,
коровьи жизненные соки
струятся в звонкое ведро.

И как предчувствие утрат –
волнение благовеста дойки:
у колокольного ведра
четыре языка есть бойких –

четыре выменных соска.
Доярка, как звонарь их тянет.
В глазах коровиных – тоска:
телятиной теленок станет.

И отдавая молоко
проголодавшемуся сыну,
корова смотрит далеко,
ведро копытом опрокинув.

* * *

Слова, как ящеры, повымерли,
остались ящерицы букв.
Я выкликаю их по имени,
а в сердце ползает испуг –

меня заметят и замрут они
вопросом – враг им иль родня,
меня глазами изумрудными
с травой и листьями сравнят,

узнают – перед ними мечется
с оторванным хвостом свояк,
и в нем от слова «человечество»
осталась буква – слово «я».

* * *

Старик-еврей надрачивает скрипку,
причем на обозрении – на крыше.
Сей инструмент напоминает рыбку,
так близко к солнцу жабры, что не дышит.

Его дочурка спит с приличным гоем,
ведь необрезанный скользит получше,
особенно сначала. Ходит Голем,
фантазией евреям сердце пучит.

Года идут. Погром идет. А скрипка
летает в небесах, и в солнце метит
смычок, который шмыгает, как пипка,
а снизу жадно наблюдают дети.

* * *

Супруги спят четвероноги,
с убитой похотью в крови.
Они боятся одиноких,
их злой готовности к любви.

Так жутко ветер завывает
об одиночестве своем,
что враз желанье изымает
с ним по степи гулять вдвоем.

Евгений Блажеевский

Семидесятые

А жил я в доме возле Бронной
Среди пропойц, среди калек.
Окно – в простенок, дверь – к уборной
И рупь с полтиной – за ночлег.

Большим домам сей дом игрушечный,
Старомосковский – не чета.
В нем пахла едко, по-старушечьи,
Пронзительная нищета.

Я жил затравленно, как беженец,
Летело время кувырком,
Хозяйка в дверь стучала бешено
Худым стервозным кулаком.

Судьба печальная и зыбкая
Была картиной и рассказом,
Когда она, как мать над зыбкою,
Спала, склонясь над унитазом,

Или металась в коридорчике,
Рукою шарила обои,
По сыну плакала, по дочери,
Сбежавшая с офорта Гойи.

Но чаще грызли опасения
И ночью просыпался зверь.
Кричала: «Сбегай к Елисееву
За водкой!..» – и ломилась в дверь.

Я в это время окаянное,
Средь горя и макулатуры,
Не спал. В окне галдели пьяные,
Тянуло гарью из Шатуры.

И я, любивший разглагольствовать
И ставить многое на вид,
Тогда почувствовал, о Господи,
Что эта грязь во мне болит,

Что я, чужою раной раненный,
Не обвинитель, не судья –

Страданий страшные окраины,
Косая кромка бытия...

1973

* * *

Я просыпаюсь в час самоубийц,
В свободный час, когда душа на воле
И люди спят, а не играют роли,
И маски спят, отлипшие от лиц.
Я просыпаюсь в час, когда сирень
Трагедию являет в палисаде
И мечется морской волной в ограде
Штакетника, и в шапке набекрень,
Познавший по окуркам все сорта
Заморских сигарет и злые муки,
Блуждает бомж, и голубые мухи,
Как искры, вылетают изо рта.
Я просыпаюсь в час, когда метла
Еще не шарит по пустым бульварам,
И ужас бытия ночным пожаром
Тревожит жизнь, сгоревшую дотла.

1994

Набросок

И. Сурина

Серый московский денек
Отговорил, поблѣк.
С неба летит снежок –
Медленный порошок
Лепится по фасаду,
И открывается взгляду
Сколько в округе сырого
Сурика,
 сколько олова
Оплавило фонари!..

Как на портрете Серова,
Сумерки,
 словно Ермолова,
Возникли в проеме двери.

1997

Тамара Буковская

* * *

От Мойки-реки до Фонтанки
по Крюковке прямо иди...
Сначала Голландскую арку
на Мойке оставь позади.
Потом постепенно увидишь
два мостика, сад и собор,
и тоненький крест колокольни,
и стройки дощатый забор;
мост Ново-Никольский – постройки
великих строительных лет,
и гнилостный запах нестойкий
бульвара, и медленный свет
на тумбах старинной работы
граненых восьми фонарей.
Потом вдоль большой галереи,
где охра и мел пополам,
где сырости запах сильнее
во двор выдыхает подвал,
дойдешь до кирпичного дома,
где школа и тир ДОСААФ...

1967

* * *

Когда разговор телефонный
прервется случайным гудком,
почувствуешь в комнате холод,
который еще не знаком.

Жестоким мордовским болотам,
морозке да клюкве с гнильцой
достало бы только охоты
втянуть тебя в это кольцо,

чтоб голос снижался до хрипа,
чтоб тайное слово росло
безлиственно, косо да криво,
и выросло сухо и зло.

1969

Евгений Вензель

* * *

Лихо на болоте серый пел кулик,
вышибая звуки носом о кадык.
Что же ты распелась, птица, мать твою?
Отвечала птица: со стыда горю.
Петь я не умею, но имею страсть
сидя на болоте песни распевать.
Молча подивившись наглости такой,
наподал я птице левою ногой.
Сломанное тело, перья в крови,
но сказала птица: Черт вас побери!
Я над ним склонился, глянул в мертвый лик.
Ах ты, неудачник! – прошептал кулик.

1960-е

* * *

Мой отец – еврей из Минска.
Мать пошла в свою родню.
Было б, право, больше смысла
вылить сперму в простыню.
Но пошло, и я родился
половинчатей отца:
я – как русский – рано спился,
как еврей – не до конца.

1968

* * *

когда в пустой осенний сад
придешь ища спасенья
то вдруг поймешь что ты изъят
из обращенья

как гривенник фальшивый тих
закуришь приму
и не поймешь ни слова в них
скользнувших мимо

они мигнут и скроют шиш
сверкнувши статью
а ты – навек принадлежишь
изъятью

изъятью чувств изъятью нерв
изъятью долга
и тяготения к стране
иного толка

ведь ты чужого не возьмешь
и понарошку
ты развернешься и уйдешь
нога за ножку

но горло перехватит сад
что на Садовой
где листья желтые висят
до выходного

1969, 1978

* * *

В голове от курева
голубое марево.
Ночь прошла. Разгуливать
петь и разговаривать.
Снег скрести лопатой,
мускулы согреть.
Ну, никак проклятую
ночь не одолеть.
Закурить и вымолвить:
за окошком снег.
У рассвета вымолить
полночь и ночлег.

1968

* * *

на пятой неделе запоя
мне сон идилический был
поляна там все голубое
Венеция или Тагил
две женщины над поляной
кружили и старец парил

когда я веселый и пьяный
с пьянчужкой хромым подходил
бутылку я вынул и выпил
но старец свистнул крылом
бутылку из рук моих выбил
и весь я был залит вином
со слабой улыбкой досадной
на гневного старца взглянул
и стал отряхать виноградный
сок и скоро его стряхнул
и сел между крупных ромашек
с дурацкой улыбкой Пьеро
а женщины стали из чашек
поить меня сиплым ситро
но я недостойной тоскою
смуцал их пленительный пыл
и нежные руки рукою
дрожащей своей отводил.

1972

* * *

Оттого такая грусть,
что деревья леденеют,
фонари во мгле желтеют.
Захолустный захолусть.

И за воздухом нагретым
обывательских фрамуг
звон ножей и вилок стук
слышен что зимой, что летом.

1975

* * *

Просыпайся. Ты слишком глубо́ко уснул.
А проснулся – почти оплешивел.
Кто-то снес на толкучку прадедовский стул,
а любимую к площади вывел.
Брюки жгут ожиревшие в лежке бока.
Восемь трещин на высохшем мыле.
Руку к пачке – но там уже нет табака.
К телефону – его отключили.
Ты по лестнице, всеми дверями гремя,
к людям, кои у стеночки встали.

Спросишь их: а вы здесь не видали меня?
И ответят они: не видали.

1977

* * *

За дощатою финской стеною
Сигарету попросишь и ждешь.
В сердце ангел лежит с перепоею,
На тебя он немного похож.

Утро, нас положив, как облатку,
Под обложенный серым язык,
Не глотает, а мучает сладко,
Ведь ни ты и ни я не привык.

На полу обгорелая спичка.
Печь простыла и надо домой.
Деньги кончились, ждет электричка,
Энергичная, как портомой.

Гурджаани запить пятерчатки
Половину, а может быть треть.
Руку вынуть из теплой перчатки,
Дачу ржавым ключом запереть.

1979

* * *

С чужой женой, украв ее у мужа,
ночную водку дружно пили мы,
стаканы поднимая как оружие
от подступающей к окошкам нашим тьмы.

Усталость нас обоих затворила.
Но дождь пошел и я глаза открыл.
Она слова ночные говорила
и я слова ночные говорил.

Но было там одно, одно в предмете
(а дождь все шел, блестя как чешуя),
что оба мы лишь брошенные дети:
она и я, она и я, она и я.

1981

* * *

Так оплывает город стеаринный
и домну строят в недрах бороды,
всё заливая горечью старинной,
заставы, парки, пляжи и пруды.

Не холод, так жара найдет управу.
Все запылились и перепились.
И горечь жесткою рукою костоправа
за угол рта потянет властно вниз.

* * *

Утром сбегала в уборную,
предложила хлеб и чай.
Он напялил шляпу черную,
сказал: «Любимая, прощай».
Под пальто свое короткое
шарф зеленый закрутил,
сапоги почистил щеткою,
папиросу закурил.
И походочкой неспешною
мимо вышел на крыльцо.
У него уже не здешнее,
а отхожее лицо.
Отогнул доску заборную,
чтоб себе проделать лаз,
со своею шляпой черною
отымается от глаз.
И, значительно уменьшенный,
за деревней, на юру,
рядом с бледною орешинной
он растаял поутру.

1983

* * *

Ах ты тело, мое тело,
Тело цвета белого!
Много пило, мало ело,
Ничего не делало.

Александр Верник

* * *

Не плачь, моя радость, не сетуй
на свои грехи.
Паутинкой, ласточкой света
себя нареки.
Паутинкой розовой,
мартовским холодком.
Ты прости, что с прозою
хорошо знаком.
Лучше вспомни колючий,
над водой восходящий дым.
Как бывало, лучше
вместе посидим.
Посидим – покурим,
август посетим.
Коли можно покуда –
еще посидим.

1969

Читая Сашу Соколова

...Просто не хочу разговаривать!
(из диалога)

Мне снится странный понедельник,
я ничего не понимаю
и не служу, живу без денег –
пыль с одуванчиков сдуваю.
Мне разговаривать не надо –
вокруг стоят деревья сада.

Но на моем печальном свете,
где запад посрамлен востоком
никто не думает о лете,
не помышляет о высоком,

а ловят рыбу-пристипому,
а мучают собак и кошек
и ненавидят насекомых,
летающих на огонь окошек.

Проснусь. Пойму, что так негоже,
уйду гулять над речкой Уды
и жить начну. Авось поможет.
А разговаривать не буду.

1982

* * *

М. Генделеву

Как страшно пели птицы на заре.
Их жестяной язык дрожал в гортани.
Здесь не жили они, а прилетали
на дерева, что были во дворе.
Я точно помню мелкие детали
их оперенья – в бронзе, янтаре.

И так невыносимо было знать,
что птицы эти не вернулись в стаи.
В саду у моря, утром, точно в пять –
умолкли разом. И травую стали.

1985

Александр Денисенко

* * *

Старый воин Николай
Из страны Дайяси
На хорошеньком коне
Ехал восвояси.

Сильный ветер бил в лицо.
Развевалась бурка
А к седлу привязан был
Тонкогубый турка.

Спать ложились, а коня
В степь большую, голую...
Уходил он наклоня
Золотую голову.

* * *

Деревенский вор,
подперев щеку
ждет полуночи
ему чудится
из-под белых штор
дружелюбный взор
тихой дурочки

:
ходит кот впотьмах
мама спит, лежит.
кони поены.

вот ладони взмах
и она летит
губы сдвоены

:
а помещица
ей—17 дцать лет,
спит за стеклами.
с нею лег во сне
молодой ранет —
ветки мокрые.

:
но не спит барон
он жует вино

вдруг возьмет
куснет
мягкой
булочки
он дает вино
ему все равно
а вокруг его
гаснут дурочки.

снег снег снег снег снег снег снег снег снег

это кажется метель пурга
все уляжется уйдет в снега
мерзлый тополь отойдет ко сну
в бесконечную свою страну
ешь откусывай хрусти вино
пока вьюги на Москве гостят
это мертвые давным-давно
с неба девушки летят летят

* * *

Небо над улицей Гоголя милое темное десять ведь
Вечер чудесные свечи с вечера вздуты у гордой Галины
Сессия?
Ой да не сессия
Ну так тогда именины

Мальвы наломаны
Мальвы наломаны
Розданы славные

песня

Полусвет полутень на лице и вообще
Ни горда ни лукава не плачется
В парке снег до колен ну и пусть до колен
И по снегу старик чей-то катится

Самый дальний и тот занесен и болит
Или как там у нас еще кличется?
И кронштадская женщина проговорит:
Погибаете, ваше величество...

Повторяю, что в парке, озябшем до пят
Отцветает снегирь, обрывается.
Говорят, что какой-то нездешний солдат
Гладит ели и в ноги им валится.

Выхожу и люблю эту синь-высоту
И вечернюю родину дымную
Наклоняюсь к солдату и говорю:
Ну, пойдём, я лицо тебе вымою.

* * *

Умер дед. Семья сидит у тела.
Самый старый дед в селе Мотково.
Самый-самый старый дед Валера
Будет жить на небе голубом.

Дед отцвел. Про тонкую рябину
Замолчал его аккордеон,
Перед смертью он сходил на почту,
Пацанам раздал аккредитив.

Я-то знал, что деда умирает...
Мы соседи. Через городьбу.
Светлый стал. Глядит невыносимо.
Я сосед его. Колхозный тракторист.

Надо ж быть мальчишкой, кавалером,
Чтоб с такой улыбкой помереть.
Бабы его белым коленкором
Спеленали, будто он родился,
Мужики на белых полотенцах
Отнесли, наверно, в самый рай.

Брат мой, Саша, из пединститута
Раньше брал у дедушки фольклор,
А теперь сидит, тоскует, курит,
Повторяет: замять... синий цвет...

Так мы дедушку весной и схоронили.
День был серенький, но чей-то самолет
Прозвенел над тополем, заврался...
Видно, летчик деревенский был и вот
С нашим дедушкой на небе повстречался.

* * *

Чей

чей

чей

ЭТО КОНЬ

ЭТО КОНЬ

ЭТОТ КОНЬ

Оторва Оторвался от железного кольца

И летит – грива льется, как гармонь,

Молодого, убитого германией отца.

Я рвану

этот ситец

этот ситец

от плеча –

На которрром цветут русские цветы –

И пойдет он по кругу сгоряча,

Как невест обходя яблонь белые кусты.

Вот уж бабы завыли

завыли

уж сердцу невмочь,

Пляшет с бабами конь вороной вороной –

Всё быстрее и быстрее – уж ничем нельзя помочь,

Как тогда, перед самую войной.

Плачь, гармонь,

да плачь, хорошая,

во все цветы

навзрыд –

В саду сталина осыпался на гриву весь ранет.

Сам товарищ сталин на учет сейчас закрыт,

А откроют, когда будет мясоед.

Все пройдет...

солдатка

слезы

черной гривой

оботрет

и прибьет к столбу свое железное венчальное кольцо,

Чтобы конь, хрипя, не рвался из распахнутых ворот

По дорожке,

занесенной

лепестками

за отцом.

* * *

Батюшки-светы, сватья Ермиловна,
Осень кидается в речку Сартык.
Кони колхозные имени Кирова
Стиснули конские рты.

Что рассказать? Возле почты – лыва,
В лыве корабль да пух петуха.
Жизнь поутихла, лицо уронила
В согнутый локоть стиха.

Наш председатель с лицом одиноким
Каждый день щупает рожь
На потолке деревенском высоком
Бережно выступил дождь

Там собирается в воздухе чистом
Рота родных журавлей
Кончились летние русские числа
Ладно, вожак, не жалей.

Вот зарыдали они, зарыдали
Вот позабыли меня
Я догоню. Мне сегодня не дали
Заняты оба крыла

Завтра десятое августа. Осень.
Осень? Да нет же. Да осень же. Да.
Или почудилось вслед
. и понеже
. сильно-пресильно
. всегда.

* * *

Нам этот стыд запишут в минуса
Туши огонь пусть тело телу служит
Пусть наша дружба горечь обнаружит
Пусть наша дружба горечь обнаружит

Я просто говорю что сердцу стало больно
Вот развязался узел твоих любимых рук
В саду вишневом спит пустая колокольня
Когда умру – товарищи засунут под траву

Мы не поэт. Дверь скрипнет. Ветер двигнет.
Рука вино в стаканы выгнет

тюремные стихи

Заплакал колокол села в котором вы не дышите
Я спать не сплю дела мои плохи
Колокола заплакавшие вышибли
Из памяти маковские стихи

Больной старик приходит. Пьет поллитры
Котята спят комками на полу
Они как перепутанные титры
К бегущему по берегу селу

Ну где же ты теперь моя отрада
Ну где же ты остуда и охлада
Да вот гоню я к речке яблонь стадо
Губернского задумчивого сада

Как пыльный столб за ними я поплыл
Смеша детей и стариков заречных
Но в колокол ударили попы
Качнув цветы на платье подвенечном

Не наша свадьба – ты сказала мне
И колокол обильный ты не слушай
Не наша свадьба – я сказал тебе
Возьми цветы, они твои. Покушай.

Неутомимо нажимая воздух
Нас обогнал бутылочный старик
И с легким стоном опустился в воду
И с легкой астмой буль буль буль буль бик

Сад герцена – кричал он с середины
Иди ко мне в прохладные глубины
Зачем зачем уходишь ты в снегу
К бегущему по берегу селу

Опять весна. Опять смеется луг
Вот так вот друг. Зачем ты в дом актера
Приходишь со стихами без мотора
И ловишь ртом повисший в зале звук

* * *

Как заплачу я в синие ленты
Перед группой русских цветов
За деревней, которой уж нету,
Лишь осталась кирпичная кровь.

Вещество мое все помирает,
Принимая печаль этих мест,
И душа с себя тело снимает
Среди низко опущенных звезд.

Пока льется из глаз проявитель,
Вижу, как погубили обитель:
Растерзали деревья и доски.
И большие кукушкины слезки.

* * *

Белым-бело сегодня в НСО
Снег подвенечный падает, кочует
И тут же рядом лошади ночуют
Как девушки пока не рассвело.

Вся эта жизнь зовется боже мой
И не хочу я больше быть красивым
Я только буду вас любить пока живой
Со всею силой.

По леву руку – левый, нежный снег,
По праву – темно-синий, деревенский,
Посередине торопливый тусклый след
Ревнивый, задышающийся, женский.

То сладкая, то горькая любовь
То глупая, то со звездой, с губами
С чудесными старинными словами
То сладкая то горькая любовь.

* * *

Ну, падай, снег.
Твоя монарша власть
Напоминать,
Что есть на белом свете
Зима, в которой мама родилась
И стала жить
В моем автопортрете.

Ох как лицо у тополя горит.
Вот женщины пришли.
Легли в акации.
Одна из них о счастье говорит
Под музыку Российской Федерации.

песня для кинофильма

Грустит собака. Грустные глаза.
Зеленые глаза. Над огородами
Подсолнухи потухшие. Роса.
Картошку уже выкопали. Продали.

Подруги за плетнями у да у
Я тоже у. Я плачу, перевозчик.
Пришла пора. Раскрылся мой источник
И плачет грудь на быстром берегу.

Грустит собака. Оные глаза
Набухли. Растопырились. Рехнулись.
Когда с войны вернулся я назад
Собаки меж собой переглянулись.

* * *

Ну что ты, товарищ, ну спи на плече,
Где волос, не собранный в узел,
Чернее вот этих чудесных очей,
Живущих в Советском Союзе.

Ну что ты, товарищ, тоска не пройдет.
Не вешнее лето. Простое.
Вот дождь. Этот дождь постоит и уйдет
За ваше село золотое.

Ну, что ты, товарищ, тоска не пройдет,
И так же, как в прежние лета,
Зима нападет и снег упадет
У серых ворот сельсовета.

* * *

Господи – люблю тебя.
На корме стою и плачу.
От команды корабля
Почерневший профиль прячу.

Левый борт сорокапушечный
Накренился от любви,
Местный ветер – старый служащий
Провожает корабли.

Глубока на море синька,
Так и шепчет: будешь мой.
Но летит твоя косынка
Среди чаек за кормой.

* * *

Листья красные жгут мои руки,
Ветер слезы мне серые рвет,
В платьях шелковых старые суки
Теребят мой измученный рот.

Я всегда был в любви невредимым,
Да, видать, меня бог наказал –
Вечно плыть в твои нежные с дымом
Голубые гнилые глаза.

Закури и умойся, княжна,
Слышишь, гуси картавят что-то
И об небо, как об наждак,
Заостряются самолеты.

* * *

Стихи мои – товарищам помин
И иней хлад и снег печален быти
Очей зеницы влагою сокрыты
И снова увлажняются по ним

Как будто наша общая душа
Уже дошла до горького предела
Но к тем кто ей бессмертье обещал
Она уже безмерно охладела

Там впереди зеро, дружок, зеро
А здесь у нас последняя опора
Вся состоит из дружеского взора
В котором остывает серебро

Не уповай на детскую броню
Когда заполнен летоуказатель
Аз верую и бережно храню
Средь всех очей лишь эту пару пятен

Как топовой огонь на корабле
Горит кому-то ясно и сладимо
Так и душа прекрасна и людима
Пока сама не помнит о себе

Вадим Жук

* * *

Не утратив способности
удивляться событиям,
всё живем мы по совести,
а пора – по наитию.

Тычась в отруби рылами,
обонянием, ощупью.
Как будильники с крыльями,
избежавшие ощипа.

Как разумные мерины
без яиц, но с понятием.

Как веками проверено
этой шатией-братией.

Этим скопищем хордовых –
где в фаворе отличники,
где на кошках намордники,
на окошках наличники.

1984

* * *

Что мне, творческой натуре,
Горевать, горевать,
Лучше буду тебе, дуре,
Наливать, наливать.
Лучше в чайникепельменей
Наварить, наварить
И с тобой о Мельпомене
Говорить, говорить.
В самом деле, что, в натуре,
Горевать, горевать,
Не пора ли тебе, дуре,
На кровать, на кровать?

1996

Елена Игнатова

* * *

Едва ли не с начала сентября
на парки опускается заря,
и чувствует озябнувший прохожий
проникновенье осени в гортань,
когда ее отстоенный янтарь
надолго поселяется под кожей.

Вся осень сгустком кажется одним,
а воздух в ней – основа. Недвижим,
вдыхается с медлительною болью,
и стягивает горло горький сок
небес, свисающих над кромкою лесов,
и неба полого, стоящего над полем.

Когда всю глубину его вберешь,
вороны обрываются с берез,
кричат протяжно, кружатся в истоме.
Но луч блеснет, и виден парк насквозь:
жемчужный, ветхий, барственная кость –
мерцающий на мокром черноземе.

1970

* * *

На улицах города, где снег и ветер,
где мы узнали, что человек смертен,
где мы пьянели в глухом цветенье,
а ночь прикапливала наши тени,
я присягаю вам в прежней вере.
О, бредни о Бабеле и Бодлере,
о, девушки в бабушкиных перчатках,
дворянской складки, железной хватки,
с коими мне ни в чем не тягаться,
я не забыла о прежнем братстве.
Прощай же, полдень любви несчастной,
желанья славы, молитвы страстной,
когда вступали, не зная броду,
в свершенья пору, в забвенья воду.

1978

Игорь Иртеньев

* * *

В здоровом теле –
Здоровый дух.
На самом деле –
Одно из двух.

1983

Лесная школа

Шел по лесу паренек,
Паренек кудрявый,
И споткнулся о пенек,
О пенек корявый.

И про этот про пенек,
Про пенек корявый
Все сказал, что только мог,
Паренек кудрявый.

Раньше этот паренек
Говорил коряво.
Научил его пенек
Говорить кудряво.

1987

Так и живу

Когда родился я на свет,
Не помню от кого,
Мне было очень мало лет,
Точней, ни одного.

Я был беспомощен и мал,
Дрожал, как студень, весь
И, хоть убей, не понимал,
Зачем я нужен здесь.

Больное детство проплелось,
Как нищенка в пыли,

Но дать ответ на тот вопрос
Мне люди не смогли.

Вот так, умом и телом слаб,
Живу я с той поры –
Ни бог, ни червь, ни царь, ни раб,
А просто – хрен с горы.

1988

* * *

Гуляли мы по высшей мерке,
Ничто нам было нипочем,
Взлетали в небо фейерверки,
Лилось шампанское ручьем.

Какое время было, блин!
Какие люди были, что ты!
О них не сложено былин,
Зато остались анекдоты.

Какой вокруг расцвел дизайн,
Какие оперы лабали,
Каких нам не открылось тайн,
Какие нам открылись дали.

Какие мощные умы
Торили путь каким идеям.
А что теперь имеем мы?
А ничего мы не имеем.

1990

Букет цветов

На рынке женщина купила
Букет цветов, букет цветов,
И мне, безумцу, подарила
Букет цветов, букет цветов.

И чтобы не увял он сразу,
Букет цветов, букет цветов,
Я тот букет поставил в вазу,
Букет цветов, букет цветов.

И вот стоит теперь он в вазе,
Букет цветов, букет цветов,
И повторяю я в экстазе:
«Букет цветов, букет цветов».

Навек душа тобой согрета,
Букет цветов, букет цветов,
Лишь два отныне в ней предмета:
Один – букет, другой – цветов.

1990

* * *

А. Еременко

На Павелецкой-радиальной
Средь ионических колонн
Стоял мужчина идеальный
И пил тройной одеколон.

Он был заниженного роста,
С лицом, похожим на кремь.
Одет решительно и просто –
Трусы,
Галоши
И ремень.

В нем все значение имело,
Допрежь неведомое мне,
А где-то музыка гремела
И дети падали во сне.

А он стоял
Мужского рода
В своем единственном числе,
И неподвзятая свобода
Горела на его челе.

1991

* * *

Просыпаюсь с бодуна,
Денег нету ни хрена.
Отвалилась печень,
Пересохло в горле,

Похмелиться нечем,
Документы сперли,
Глаз заплыл,
Пиджак в пыли,
Под кроватью брюки.
До чего ж нас довели
Коммунисты-суки!

1991

* * *

Кому-то эта фраза
Покажется пошла,
Но молодость как фаза
Развития прошла.

Беспечные подруги
Давно минувших дней
Уже не столь упруги,
Чтоб не сказать сильней.

А те, что им на смену
Успели подрасти,
Такую ломают цену,
Что господи прости.

1991

* * *

Будь я малость помоложе,
Я б с душою дорогой
Человекам трем по роже
Дал как минимум ногой.
Да как минимум пяти бы
Дал по роже бы рукой.
Так скажите мне спасибо
Что я старенький такой.

1994

* * *

Мужчина к женщине приходит,
Снимает шляпу и пальто,
И между ними происходит,
Я извиняюсь, черт-те что!

Их суетливые движенья,
Их крики дикие во мгле,
Не ради рода продолженья,
Но ради жизни на земле.

И получив чего хотели,
Они, уставясь в потолок,
Лежат счастливые в постели
И пальцами шевелят ног.

1995

* * *

Встретил Толстого я как-то за плугом,
Оба отделались легким испугом.

1997

Винегрет

Что-то главное есть в винегрете.
Что-то в нем настоящее есть,
Оттого в привокзальном буфете
Я люблю его взять да и съесть.

Что-то в нем от холодной закуски,
Что-то в нем от сумы и тюрьмы.
Винегрет – это очень по-русски,
Винегрет – это, в сущности, мы.

Что-то есть в нем, на вид неказистом,
От немереных наших широт...
Я бы это назвал евразийством,
Да боюсь, что народ не поймет.

1998

Виктор Коваль

Все хорошо, что хорошо кончается

Ой, умора, не могу,
Прямо возле лавочки
Две стояли на снегу
Маленькие тапочки.

Ах как здорово, ах как хорошо,
Маленькие тапочки.

Снег растаял – я пошел,
Смелый, одинокий.
В эти тапочки, ах как хорошо,
Были вдеты ноги.

Эти ноги, ах как здорово,
Уходили в тулово,
Рукава пальта бостонова
Выросли оттудова.

В этом тулове я нашел
Жизненные штучки.
Ах как здорово, ах как хорошо –
Сигаретка в ручке!

На плечах сама собой
Шея кверху тянется
И кончается головой,
Очень хорошо кончается!

Вопреки законам зла
Рот на месте и глаза.
Торжествуй добро над злом:
Вот мой нос, а вот и уши!

Слава Богу, повезло –
Быть могло бы хуже.

* * *

Увидел недостаток –
Скажи: нельзя так!

* * *

Паша Ангелина пашет как велено.

Вздоргнем!

Утром вздрогнет пьяница
Ради содроганьица:
Вздоргну-ка я судорогу,
Судорогу содрогну!

И ругнется пьяница
Ради содроганьица:
Вздоргну-ка я судорогу
Судорогу содрогну!

И поедет пьяница
Ради содроганьица
На работу пьяница
Ради содроганьица:
Вздоргну-ка я судорогу,
Судорогу содрогну!

И в трамвае пьяница
Ради содроганьица,
И в собранье пьяница
Ради содроганьица:
Вздоргну-ка я судорогу
Судорогу содрогну!

И с женою пьяница
Ради содроганьица
Засыпает пьяница
Ради содроганьица:
Вздоргну-ка я судорогу,
Судорогу содрогну!

А проснется пьяница
Ради содроганьица,
Ужаснется пьяница
Ради содроганьица –
От того, что судорога
Стала нынче втридорога!

Дорогая судорога,
Дорогая втридорога,
Отчего ты судорога
Стала нынче втридорога?

От того я судорога
Стала нынче втридорога,
Что доро́га судорога
Судорога дорога́.

Судорога до́рога
Доро́га дорога́!

Я такую судорогу,
Дорогую судорогу,
Дорогую втридорога
Трижды содрогну!
Троекратно вздрогну-ка
Да трижды содрогну!

Судорогу до́рогу
Доро́гу дорогу́,
Судорогу до́рогу
Доро́гу дорогу́!

Лекция по политэкономии об отчуждении личности

В ранних философско Э!
кономических тетрадах Карла Маркса
черным по белому ясно изложена
проблема отчуждения
личности в капитализме –
как это, каким путем и от чего она чуждается,
личность
при капитализме?

Эта личность
при капитализме –
Джон ли, Адам, или Сэм,
нам тут без разницы совсем –
ну просто личность
при капитализме –
отчуждается
при капитализме
в процессе производства
при капитализме,
либо просто в жизни
при капитализме,
ибо результат
ее труда
отчуждается куда-то не туда –
капиталисту при капитализме,
при капитализме, при капитализме!

При капитализме –
чуждый труд,
поскольку он не нужный
лично Джону или Адаму;
да на фиг надо ему, на фиг надо ему
бегать на работу, если б не получки? –
при капитализме, при капитализме

А если нет получки
при капитализме,
в доме нахлобучки
при капитализме.
От этой заморочки
при капитализме
Джон ходит в оболочке
при капитализме
отчуждения
при капитализме
от всего на свете
при капитализме,
при капитализме.

Плачут дети
при капитализме,
плачут жены
при капитализме –
их Адамы и Джоны
при капитализме
ходят отчужденны

при капитализме,
при капитализме!

Гомон

(птичья сценка в стихах)

Ребята!
Наша стая перната, хвостата, крылата.
Ребята!
В стае состоя, крякая да вякая –
Покурлычем про всякое!
(Курлычат.)

– Курлы-курлы прилипло к языку,
Как извращенное ку-ку!
– Курлы-курлы не липнет к языку,
Естественней ку-ка-ре-ку!
– Курлы-курлы – жаргон урлы,

Не говорят орлы: курлы-курлы!
– А говорят, что у орлят
Уже в яйце орлиный взгляд.
– А у пеночки – кривые коленочки.
– А у синички – под глазами синячки.
– А у клестов – полно глистов.
– А у дубоноса – в зубах папираса.
– А у нас, у птак, теперь все не так.
И о козодое представление другое,
И в смысле попугая линия другая.
– А вот пищуха-то – сама щупла,
А щупала щегла!
А чего щегла-то щупать-то еще-то?
Щеголиха выщипала ему тыщи.
Она и легла-то под щегла-то ради злата.
Щас гол щегол как кол,
К тому ж – алкоголь!
Ну, пищуха, чувиха, чують
Надо на почве чувств, чують!
– Это я, тетерев, насчет директив.
– Затребуйте у стрепета.
– У стрепета, стрепета...
А где стрепет-то?
– Стрепет у сарыча, сарыч у сапсаныха,
А сапсаных на плече
У человеке, а человеке далече.
– А я вертишейка Толяка,
Меня волнует клоака.
– А я волнистый Валера,
Весь мир – вольера.
Такой дурдом, что пардон!
– Полезен ли поползень для области?
Его поползня – мышинная возня.
Не полетит поползень в Пльзень!
– А вот индюк, болтун и балабол,
Слетал на Балатон.
Теперь долдонит, как неоплатоник,
Что основа – Платон, но основное – потом.
Позор! Послали позера на святые озера!
– Петь, Петь, надо терпеть.
– А я не могу. Прилетаю в Калугу,
Иду по лугу да гуляю по лугу,
И куда там ни плюнь – всюду лунь луговой
С головой сивой, злой, агрессивной,
Псиной воняет невыносимой.
Ну его, думаю, плюнь.
Плюнул, а там лунь
Луговой и лукавый
Стоит как лягавый.

Нету птаков дрянней
Луговых луней.
– А говорят, был приказ...
– Тссс! Среди нас бекас.
– Это я, тетерев, насчет директив.
– Затребуйте у стрепета
Детского лепета.
– У стрепета, стрепета...
А стрепет-то где?
– Где, где...
Тарахтит на тахте.
– А где она, тахта-то?
– Да тут была когда-то.
– Это ты про тахту-то, про тахту-то,
Что она тут?
– Про тахту, про тахту.
– Ну и где она, тахта-то?
– Да тут была когда-то.
– Да нет ее тут, тахты-то.
– Ну а сам-то как, ты-то?
– Кто, я-то, я-то?
– Да ты-то, ты-то.
– Да вот спина моя крылата,
А на ногах моих копыта.
– А я тут щурка,
Щурка пчелоед. От меня один вред.
Ем пчел. Причем
Перестал есть пчел –
И на тебе: выродок, сказал зимородок.
– Потому что щурка глупый, как чурка.
– Кто, я-то, я-то?
– Да ты-то, ты-то.
– Эх, голова моя перната,
Словно харя не побрита.
– А я тут сыч, Иван Фомич.
И сын мой сыч – Фома Иваныч.
И его сыч – Иван Фомич.
Мы сычи многочис,
Многочи-богачи,
А у филина – одна извилина.
– А я сова, сова сплюшка.
С кем сплю, тому и шепчу на ушко:
Спишь, что ли, спишь, что ли?
Не спи, не спи, спинку
Почеши да грудку.
– А я тут утку,
Утку чесал блохастую
Это я хвастаю, хвастаю!
– А я хвастаю,

Что цаплю чесал голенастую.
– А я ржанку, задрав ей пижамку.
– А я пискульку, поскольку
Пискулька не пигалица
И как змеюка двигается.
– А я – клушу – за милую душу.
– А я тетку – авдотку –
За закусь и водку.
– А я – лысуху – за мясную муху.
– А мне за кусочек сала
Синичка вчера отчесала.
– А мне был сон,
Во сне был Сам.
Из пепла, говорит, восстану –
И всех достану!
– А мы тут галки,
Галки со свалки.
Вспоминают галки
Битву при Калке
И Грюневальде,
Эх, наливайте!
– А я по пьянке, на Лубянке будучи,
Сидел на Эдмундыче.
– А я попирал Николай Василича.
Это такая силища!
– А я попирал Человека матерого,
Позабыл как зовут которого.
– А мы тимирязевцы. Нам все без разницы.
Климент Аркадьевич или Климент Ефремович.
Была б голова – остальное усядется!
– Але! Это гусятница?
Попросите гуся. Почему нельзя?
Говорит его кожа гусяная
В натуре желтовато-синяя.
Передайте гусю, что без перышек
У него очень много пупырышек!
– А я тукан, стучу об стакан.
Пустовато там, пустовато.
А ведь натура-то натурата
Не терпит пустоты-то.
Ну а сам-то как, ты-то?
– Кто, я-то, я-то?
– Да ты-то, ты-то.
– Что я свил, то и свято.
Но это я-то. А ты-то?
– Отлетаю от быта.
– Вить, Вить, а вдруг пора посметь и свить?
– Фьюить-фьюить...
– А я в душе пою о чиже.

Ты чего, чиж, молчишь?
Взял бы листочек, чиркнул бы строчек
Пару-пяточек
Насчет птенчиков, да гостинчиков.
Уничжаться перед чижом –
Не перед чужим!
– Выскажусь кратко:
Куропатка – психопатка.
Смазав пятки, беги без оглядки
От куропатки
Бывают ребятки.
– А я заморил червяка – ам!
И сыт навека. Мам!
А отчего ворона – ворона?
– Оттого, что ПВО
Против воздуха оборона.
– А у аиста-то не стоит!
Об этом-то я и кукую:
Сам-то аист стоит, как этот.
А этот-то – ни в какую!
– А у меня, у марабу,
Написано на роду,
Что я как негритос
Распространяю орнитоз.
– А что такого нам привез
Какаду из Катманду?
– Да кой-какие пустыаки для пустельги.
– Говорит пустельга,
Что жизнь недолга.
Пусти пустельгу на неделю
Постоловаться в постелю.
– С постылым-то постоловаться
Как со столом поцеловаться.
– А я по масти божьих пташек
Определяю вид монашек:
Воронья спинка – бенедиктинка,
Бурая самочка – францисканочка.
– А мы тут гули. Гули-гули.
Гуляли, гуляли, а нас обули.
А нам-то – гули? Ну обули так обули.
С этой минуты
Гуляем обуты.
– Это я, косач, насчет недостатч:
Подскажи-ка, сорока, где нету пророка?
– Где, где... На тахте!
– Это ты про тахту-то, про тахту-то?
– Про тахту, про тахту...
– А я про свободу!
Про свободу пою удоу,

А мне удоб – об иллюзорности свобод,
Потому что ходит удоб
Тайком в огород
И там верит пугалу как идолу!
– А моей веры предмет –
Под корою короед.
Есть обед – спасибо тебе, короед!
Нет обеда – верю в короеда!
Таково мое кредо.
– А вот орлан верит в аэроплан,
Как в исчадь птицелова.
Гусь буду, честное слово!
– А я верю в чибиса, а не в чудеса!
– А мы к вам овсянки по поводу овса!
– А мы коноплянки насчет марихуанки!
– А мы к вам от ибиса
По поводу Анубиса!
– А мы к вам по поводу Попова.
Чучело готово?
– Кто-то, ты кто?
– Я тот, кто кто-то!
– Кто, ты-то, ты-то?
– Да я-то, я-то!
– А я лунь болотный.
Хожу, как гусь голодный.
Есть охота, да нет болота.
– А мы братцы воробушки, единоутробушки.
Летим к старушке на предмет горбушки.
– И мы к старушке на предмет горбушки!
– На предмет контактов всех птеродактов!
Взлетает стадо на предмет чего надо.
Птахи!
Не о том наши взмахи,
Что мы, суматохи, собираем крохи.
А о том наши трели,
Взмахи и вздохи,
Что мы, птахи и суматохи,
Не змеи, не звери, не блохи, не рыбы!
А ведь могли бы,
Могли бы,
Могли бы.

Нам умирать на Васильевской линии!
– отогревая тряпицами в инее
певчее зеву свое.

Ведь не тобою ли прямо обещаны
были асфальта сетчатые трещины,
переведенные с карт?
Но воевавший за слово сипатое,
вновь подниму я лицо бородатое
на посрамленный штандарт.

Белое – это полоски под кольцами,
это когда пацаны добровольцами,
это когда никого
нет пред открытыми Богу божницами,
ибо все белые с белыми лицами
за спину стали Его.

Синее – это когда пригнетаются
беженцы к берегу, бредят и маются
у византийских камней,
годных еще на могильник в Галлиполи,
синее – наше, а птицы мы, рыбы ли
– это не важно, ей-ей.

Друг, я спрошу тебя самое главное:
ежели прежнее все – неисправное,
что же нас ждет впереди?
Скажешь, мол, дело известное, ясное.
Красное – это из красного в красное
в стынувшей честно груди.

1986

Татьяна Курочкина

Жизнь в розовом свете

Шла ранняя осень. И были отмыты, открыты цвета:
Горки опилок желты, георгины красны, в пестрых платяцах дети.
Папа с мамой пилили дрова. Папа в белой рубашке, а мама так проста,
Что я не помню. Помню, что в розовом свете.

Шел ветер верхами. Он с неба обмахивал пыль, как с потолка,
Мусор гонял по двору, на картофельных грядках трепал засохшие плети.
С голубятни размахивал тряпкой сосед. Он был пьян, а стая так высока,
Что я не помню. Помню, что в розовом свете.

Шел вечер. В цветочных горшках зажигала герань огоньки.
Дом как гигантский примус гудел и ловил в коридорные сети
Пришедших с работы жильцов. Они были мне так далеки,
Что я не помню. Помню, что в розовом свете.

Шло время. Оно износило колючее злое сукно,
Отзвенело медалями в детских игрушках, раскатилось подобно мелкой монете
Из разбитой копилки. А война – это так давно,
Что я не помню. Помню, что в розовом свете.

1976

Сергей Магид

* * *

Мой век – мой хлеб. На нем, как плесень, искушение –
сменить в конце концов и хлеб и этот век,
пока не затянул на стебелечке шейном
арканную петлю прохожий человек.

Любой из них, любой из проходящих мимо,
потомок степняков и местной голытьбы,
мой азиатский брат и восприемник Рима,
готов служить мечом дамокловой судьбы.

О, мой насущный век, грызу – крошатся зубы,
да что там зубы – жизнь крошится день за днем.
Так короток мой бег. Слова людей так грубы.
Невмоготу мне жить в отечестве моем.

1979

Казак спускается в ад

I

Был жуткий дуб в ту мартовскую ночь.
В Некрасовском саду хрустела слякоть.
Промерзшей жизни трепетная мякоть,
душа, дыша в ладони, вышла прочь

и повернулась, бедная, спиной
к тому, на что глядела дни и ночи,
и за ее спиной простой рабочий
остался, одинокий и пустой.

Остался без себя, без своего,
без тепленького, – маечка да брюки, –
тоска и смерть, две старые подруги,
уже входили медленно в него, –

когда душе он закричал: вернись!
вернись, бля буду, волоса не трону,
так он кричал, но, уподобясь стону,
слова его не подымались ввысь,

а падали в Некрасовском саду,
царапая губу, пусты и ржавы,
пока душа его в дистанциях Державы
мельчала и терялась на ходу.

2

Путем земли, путем последней швали
она себе пошла до края суши,
и от нее всё больше отставали
в саду у рынка страждущие души.

Путем всяя земли и бывшей плоти,
пройдя насквозь дымы горящих свалок,
оставив позади их гарь и копоть,
и бабий крик, и грай чернявых галок,

путем всяя земли, родни, похмелья
она покорно двигала штанины,
и с бодуна, как на печи Емелю,
несло ее, везло ее, и в спину

свистел ей Бог, когда она на склоне
застопорила перед той хибарой,
где не было во всем микрорайоне
ни одного, с кем раздавить на пару.

3

Открыла дверь, спустилась вниз, согнувшись.
Был вид внутри заезжен, как пластинка.
Она вошла в него – и, содрогнувшись,
попала в сад у Мальцевского рынка.

Был жуткий дуб. Был колотун, что надо.
В саду у рынка отдыхал рабочий.
Он видел сон: к нему домой из ада
душа вернулась на исходе ночи.

1987

Михаил Матрёнин

Зимние каникулы

В который раз: и ломкая трава
в лохматом инее, как будто в соляных
озерах обросла шершавой коркой
в тяжелом, как рапа, растворе утра,
и радужное солнце января,
встающее в дыму, в больших столбах
мучительного розового света,
и дальний снег на дальних склонах гор,
и позабытое, пугающее чувство,
что никуда не надо торопиться.

Как выросли деревья у реки,
и виноград, и заросли малины
густыми стали, о, как тени длинные,
как облака прозрачны и легки.

Какое утро светится в окне,
за плечи трогает, как виснет над душою,
такое безмятежное, большое,
такое беспощадное ко мне.

Какое солнце крепнет каждый миг,
взбухая над цветочными горшками,
играя бликами в шкафу, меж корешками
давно прочитанных, давно забытых книг.

1971

Осень

Нагие ветви
на ветру дрожат
свинцовой крупной сетью
витража.

Пять желтых стеклышек
горят в том витраже,
а остальные
выбиты уже.

Лев Рубинштейн

Событие без наименования

1. Абсолютно невозможно.
2. Никак невозможно.
3. Невозможно.
4. Может быть, когда-нибудь.
5. Когда-нибудь.
6. Потом.
7. Еще нет.
8. Не сейчас.
9. И не сейчас.
10. И не сейчас.
11. Возможно, скоро.
12. Пожалуй, скоро.
13. Действительно, скоро.
14. Возможно, раньше, чем ожидалось.
15. Уже скоро.
16. Вот-вот.
17. Сейчас.
18. Внимание!
19. Вот!
20. Вот и всё.
21. Всё.

1980

«Мама мыла раму»

1. Мама мыла раму.
2. Папа купил телевизор.
3. Дул ветер.
4. Зою ужалила оса.
5. Саша Смирнов сломал ногу.
6. Боря Никитин разбил голову камнем.
7. Пошел дождь.
8. Брат дразнил брата.
9. Молоко убежало.
10. Первым словом было слово «колесо».
11. Юра Степанов смастерил шалаш.
12. Юлия Михайловна была строгая.
13. Вова Авдеев дрался.
14. Таня Чиркова – дура.
15. Жених Гали Фоминой – однорукий.
16. Сергею Александровичу провели телефон.
17. Инвалид сгорел в машине.
18. Мы ходили в лес.
19. У бабушки был рак.
20. Бабушка умерла во сне.
21. Я часто видел бабушку во сне.
22. Я очень боялся умереть во сне.
23. Игорь Дудкин был похож на грузина.
24. Сергей Александрович шутил с папой.

25. У Сорокиных были сливы, но был и Джек.
26. Ребята играли в волейбол на полянке.
27. Глеб Вышинский приносил мышь.
28. Володя Волошенко врал.
29. Елена Илларионовна знала Сашу Черного.
30. То и дело падало напряжение.
31. В кино шел интересный кинофильм.
32. Брат заводил проигрыватель.
33. Папа громко кричал.
34. Буян гремел цепью.
35. Саша Смирнов завидовал, какие у меня марки.
36. Он умел шевелить ушами.
37. Потом и я научился.
38. Полина Мироновна сказала, что ее Борька – тупица.
39. Мужа Клавдии Ефимовны звали Михаил Борисович.
40. Раиса Савельевна работала в сороковом гастрономе экономистом.
41. Юрка Винников был ее сыном.
42. Ксения Алексеевна была совсем простая, но очень хорошая женщина.
43. Дом, где жили Павлик и Рита Ароновы, был соседним.
44. Таня Чиркова, кстати говоря, тоже жила в этом доме.
45. Имени мужа Райки Гусевой я, к сожалению, не запомнил.
46. Дул ветер.
47. Брат рассказал, что делают мама и папа в соседней комнате.

48. Также росли щавель, редиска и лук-порей.
49. У Славы Новожилова был шрам от проволочной клюшки.
50. Пошел дождь.
51. Я боялся куклы Тани Белецкой.
52. Отец Юры Степанова был беззубый, мать толстая, а сестра придурочная.
53. Сестру звали Юля.
54. У меня не было сестры, а был брат.
55. Брат сказал, что сегодня умер Сталин.
56. Брат меня ударил, потому что я смеялся и кривлялся.
57. Папа бросил курить.
58. Мы мечтали, чтобы скорее была война.
59. Мы любили китайцев.
60. Мне не разрешали переходить через дорогу.
61. Однажды я чуть не угорел.
62. Галя Фомина училась в педагогическом институте.
Когда я спросил ее, почему идет дождь, она стала объяснять и начала так: «В нашей стране много морей и рек...» Дальше я не понял и не запомнил.
63. Саша Смирнов имел привычку пердеть в помещении.
64. Слышно не было, но сильно воняло.
65. Он не признавался, что это он.
66. Я учился кататься на велосипеде.
67. Я стеснялся сказать, как меня зовут.
68. Однажды я увидел такую огромную гусеницу, что не могу забыть ее до сих пор.
69. Меня укачивало и рвало.

70. Однажды, войдя без стука в комнату Гали Фоминой, я увидел впервые.
71. Однажды, одержимый ужасными предчувствиями, стремительно вбежал.
72. Пришли, но с большим опозданием.
73. Всю ночь бушевал ветер, также была и гроза.
74. Была ужасная погода, все изменялось и текло.
75. Из-за угла повеял ветер, принес прохладу и тоску.
76. Ударил гром, возникла скука, смятение пенилось в груди.
77. Во тьме свистело и сверкало, град в крышу страшно колотил.
78. Верхушки елей трепетали, повисли тучи над крыльцом.
79. Вначале было как в начале, но все закончилось концом.
80. Все было надо мной как прежде, но подо мной шаталась твердь.
81. Кружили, падали и плыли, и уходили кто куда.
82. В тот день все было как обычно.
83. Я встал, оделся...

1987

Полина Слуцкина

* * *

я перечитываю подчеркнутую мною строчку
через двадцать лет
и недоуменный знак вопроса
по-прежнему беспокоит и тревожит
прожитые годы как глубокий колодец
куда и заглянуть-то страшно
я выбралась выкарабкалась из них
постаревшая но живая
но иногда как-то странно тянет
назад
в глубину

* * *

Все мы родом
из дурдома

Сдаюсь на милость своим врагам

Если не убьют
так и быть
умру сама

Рожденным под знаком Девы посвящается

Слыхивал де вы Девы
да что вы
Ведь мы Ведьмы

* * *

Объявили
что Земля исчезнет через
триста миллионов лет
и мне почему-то стало
страшно

Александр Ханьжов

На кухне

Америка открылась для меня!
Кровавый материк, где бойня
соседка суверенной кухни,
где кролик освежёванный – индеец,
обмякший красным мясом,
задравший мокасины задних лап...

* * *

«Я верю в высшее начало», –
сказал я и подумал: так сказав,
уверенности больше ощутил я.

Музей-усадьба

Старуха-правнучка вскричала: «Кыш!»
У пьедестала каменной святыни
ворона с курицу размером.

* * *

Вот чудеса: уже лет десять
мы видимся на улицах, в трамваях
(и мнится мне: друг другу
симпатичны),
но все же недостаточно знакомы,
чтоб поздороваться при встрече.

* * *

Успех составляется из мелочей,
но вспомнишь отдельную мелочь –
стыдом передернет всего.

* * *

В деревню въехал я, как в детство –
бумажный змей и хвост
бегущего бычка.

В саду

Красная бабочка села меж красных гвоздик.
Ветер подул – и как будто
взмыла над грядкой гвоздика.

* * *

Цветущая слива.
И пчелы снуют меж ветвей
как зримые пули.

Над рукописью

Два слова подчеркнул и стер...
Мы до сих пор подпольщики
в своей стране.

* * *

На улице погода «улялюм»:
туман и снег. Присел на подоконнике
залетный воробей во фраке.

По выходу из ЛТП

Забьюсь куда-нибудь в закут
и тень запрячу под навес,
покуда мимо не пройдут
цепные псы КПСС.

1985

Читая Платона

Я знаю давно,
что помесь я, но
лошак или мул –
никак не пойму.

1993

Перед сном

Такое время есть в году,
когда всего сильнее
боюсь людей, и некий демон
сидит во мне и предостерегает:
молчи, молчи...

Alter ego

Теперь ты другой человек,
познавший на собственной шкуре,
какой «осмотрительный зек»
сидит в человеческой натуре.

Друзей выбираешь с умом
и видишь сквозь опыта копоть,
что, в лагерном смысле прямом,
у зека друзей не должно быть.

Слова не бросаешь подряд,
а годы играешь в молчанку,
слова извратят, как хотят,
и вывернут наизнанку.

А чтоб не случилось того,
ты сам и творец, и корректор –
глядишь на себя самого
из времени plus quam perfectum.

Твой внутренний цензор «атас»
всегда и повсюду на страже:
подумаешь тысячу раз,
потом только скажешь.

* * *

Раз приснился смутный сон мне:
под сверкания зарниц
мы с тобой летели в сонме
расплывающихся лиц.

Так восторженно летели
сквозь сияющую ночь,
будто знали, как на деле
ужас жизни превозмочь.

1993

* * *

С этапа попадая в лагерь свой,
доволен я и шконкой угловой,
и полотенцем, теплым и пушистым...
Убог уют усталого раба!
Но, как бы ни скребла меня Судьба,
я и в Аду останусь гедонистом.

Сонет моему портсигару

Мне славный портсигар прислали в дар.
С ним пять платков и кофе растворимый.
Не кофе, а нектар. А портсигар
эпохи культа личности. Разгар
репрессий. Раритет неоспоримый.

Теперь я не печалюсь ни о ком
и женщин и друзей своих прощаю:
бразильский кофе выпит с кипятком,
единственным оставшимся платком
«фартовый» портсигар свой начищаю.

Конечно, в зоне человек – никто,
и нравы здесь грубей и резче,
и ненавистней люди, но зато
возлюбленее вещи.

Алексей Цветков

* * *

У лавки табачной и винной
В прозрачном осеннем саду
Ребенок стоит неповинный,
Улыбку держа на виду.
Скажи мне, товарищ ребенок,
Игрушка природных страстей,
Зачем среди тонких рябинок
Стоишь ты с улыбкой своей?
Умен ты, видать, не по росту,
Но всё ж, ничего не тая,
Ответь, симпатичный подросток,
Что значит улыбка твоя?

И тихо дитя отвечает:
С признаньем своим не спеши.
Улыбка моя означает
Неразвитость детской души.
Я вырасту жертвой бессонниц,
С прозрачной ледышкой внутри.
Ступай же домой, незнакомец,
И слезы свои оботри.

* * *

Я «фита» в латинском наборе,
Меч Аттилы сквозь ребра лет.
Я трава перекадиморе,
Выпейветер, запрягисвет.
Оберну суставы кожей,
Со зрачков нагар соскребу,
В средиземной ладони Божьей
Сверю с подлинником судьбу.
Память талая переполнит,
И пойдут берега вразнос.
Разве озеро долго помнит
Поцелуи рыб и стрекоз?
Я не Лот спиной к Содому,
Что затылочной костью слеп.
Я трава поверникдому,
Вспомнидруга, преломихлеб.

Но слеза размывает берег,
Я кружу над чужой кормой,
Алеутская птица Беринг,
Позабывшая путь домой.

* * *

На земле пустая лебеда,
Горизонт раздвоенный приподнят,
Умираешь – тоже не беда,
Под землю известь и вода
Вещество до края переполнят.

Краток век собачий или птичий,
Повсеместно смерть вошла в обычай.
Тех, что в детстве пели надо мной,
На ветвях не видно ни одной.
Кошки нашей юности заветной
Выбыли из жизни незаметной,
Каждая в могилке ледяной.

Больше Горького и Короленки,
Отошедших в землю подо мной,
Для меня значенье канарейки,
Лошади порядок потайной.
Даже дети, целясь из рогатки,
Не дадут нам смысла и разгадки,
Потому что известь и вода
Не заменят птицы никогда.

* * *

Я мечтал подружиться с совой, но увы,
Никогда я на воле не видел совы,
Не сходя с городской карусели.
И хоть память моя оплыла, как свеча,
Я запомнил, что ходики в виде сыча
Над столом моим в детстве висели.

Я пытался мышам навязаться в друзья,
Я к ним в гости, как равный, ходил без ружья,
Но хозяева были в отъезде,
И когда я в ангине лежал, не дыша,
Мне совали в постель надувного мыша
Со свистком в неожиданном месте.

Я ходил в зоопарк посмотреть на зверей,
Застывал истуканом у дачных дверей,
Где сороки в потемках трещали,
Но из летнего леса мне хмурилась вновь
Деревянная жизнь, порошок кровей,
Бесплезная дружба с вещами.

Отвинчу я усталую голову прочь.
Побросаю колесики в дачную ночь
И свистульку из задницы выну,
Чтоб шептали мне мыши живые слова,
Чтоб военную песню мне пела сова.
Как большому, но глупому сыну.

* * *

румяным ребенком уснешь в сентябре
над рябью речного простора
луна в канительном висит серебре
над случаем детства простого
сквозная осина в зените светла
там птица ночует немая
и мать как молитва стоит у стола
нечаянный сон понимая
и нет тишины навсегда убежать
кончается детство пора уезжать

едва отойдешь в меловые луга
в угоду проснувшейся крови
серебряной тенью настигнет луна
вернуть под плакучие кроны
упрячешь в ладони лицо навсегда
в испуганной коже гусиной
но нежная смерть словно мать навсегда
в глаза поглядит под осиной
венец семизвездный над ночью лица
и детство как лето не знает конца

* * *

на шоссе убит опоссум
не вернется он с войны
человек лежит обоссан
в сентрал-парке у воды
второпях портвейну выпил
не подарок он семье

и моча его как вымпел
тонко вьется по земле
спят проспекты и соборы
воры движутся с работы
с толстой книгой и огнем
ходит статуя свободы
грустно думает о нем
сны плывут в своей заботе
как фонарные шары
в сентрал-парке на заборе
сохнут ветхие штаны
вянут юноши в пороке
делят девушки барыш
спит опоссум на дороге
засыпай и ты малыш

* * *

куранты в зените ковали века
река соблюдала блокаду
ходил на гитарные курсы в дэка
затем подучился вокалу
с трибун присягали твердили в трубу
напрячься и времени больше не бу

досуги и дни пропадают в дыму
куранты лютуют далече
в хрустальном пейзаже проело дыру
жуков перелетное вече
раздолье зенита реки ширина
проснешься и времени больше не на

нас в кадре росы ненароком свело
биенье немецкой пружинки
из туч левенгук наставляет стекло
на тщетные наши ужимки
в теснине проспекта удобно видна
оставшихся дней небольшая длина

Александр Щедрецов

* * *

Яблочко с кислятинкой...
А ведь был молоденький.
Вот и стал я дяденькой –
Хорошо не тетенькой.

Был вишневой веткою –
Стал сосновой лапкою.
Значит, скоро дедкою –
Хорошо не бабкою.

О поэтах настоящих и ненастоящих

Это поэт настоящий – пьющий, курящий.
А это – ненастоящий, но тоже пьющий, курящий.
А когда они выпьют из одной бутылки
И, заплакав, закусят с одной вилки,
То сами не понимают, кто настоящий,
А понимает это лишь вышестоящий.

* * *

Хочу жену. Жена не хочет
И виноватое лопочет.
А за стеной сосед хохочет.
Его жена, наверно, хочет.

Печально сяду на кровать
И от нахлынувшего транса
Начну души своей пространство
С пространством неба рифмовать.

Владимир Эрль

* * *

ХЫН
СЫН

* * *

Навстречу мне, – хороший, дружелюбный –
из подворотни смотрит человек.

Ворон, голубь и капитан

Над крышей каркает ворона
и голубя в когтях сжимает.
А тот без крика и без стопа
в когтях вороньих молча повисает,

как будто апельсин без кожуры,
как будто апельсин без кожуры.

Вверх смотрит дикий пес из конуры
и цепь свою поверх столба мотает.
На небе голубом ворона пролетает,
в когтях сжимая апельсин без кожуры.

Похоже, будто апельсин вороний
похож на дождь Данаи золотой,
похож на дождь Данаи золотой.

На море парус плещет из-под ветра,
на палубе виднеется суровый капитан.
В трубу подзорную ворону наблюдая,
он видит: на расстоянии около десяти метров
несет она в когтях оптический обман,
да и на вид она – еще довольно молодая.

«Когда б она была Даная,
когда б она была Даная!» –
вздыхает молчаливый капитан
и мчится – дальше в океан.

1969

Михаил Айзенберг

* * *

Ходасевич – скрип уключин.
Я его переиграю:
вовсе голос обеззвучу.

И тогда пойду по краю
черной мошкой, мелкой сошкой,
проводящим на мякине,
или под одной обложкой
с восемнадцатью другими.

1978

* * *

Вся земля уже с наклейками.
Смотрит тысячью голов,
как выходит за уклеями
одиноким рыболлов.

Вслед за ним летит как тетерев
беспокойный разговор.
Смотрят дети и свидетели
сквозь прореженный забор.

Пес шатается без привязи.
А попробуй перелезть –
из земли солдатик вылезет
и за всех ответит: есть!

То некрашенный, то синенький.
То забор, то василек.
В маскировочном осиннике
снайпер, видимо, залег.

Долог путь. Земля с наклками
да с сосновыми иголками,
и скучней половика –
если б не было стрелка.

1980

* * *

«Астор», «Джебел», «БТ» и «Пчелка»,
и оранжевенький «Дукат».
Долго плавал дымок. Так долго,
что не выветрится никак.

В паре с юношеской тоскою
сигаретный дрожит огонь.
Дай хоть чем-нибудь успокою –
под цыганочку, под гармонь,

под гитару из общежитий,
полупьяный нестройный вой.
Память. Уличный потрошитель,
намагниченный часовой.

И не знаю, зачем ей нужно
возвращаться опять сюда –
плешка, девушка, двушка, дружба,
газированная вода.

1984

* * *

Свои лучшие десять лет
просидев на чужих чемоданах,
я успел написать ответ
без придаточных, не при дамах.

Десять лет пролежав на одной кровати,
провожая взглядом чужие спины,
я успел приготовить такое «хватит»,
что наверное хватит и половины.

Говорю вам: мне ничего не надо.

Позвоночник вынете – не обрушусь.

Распадаясь скажу: провались! исчезни!

Только этот людьми заселенный ужас
не подхватит меня как отец солдата,

не заставит сердцем прижаться к бездне

1985

* * *

Чтобы выйти в прямую безумную речь.
Чтобы вырваться напрямую.
Не отцеживать слово.
И не обкладывать ватой.
И не гореть синим пламенем культурной деятельности.
Нет, я не есть большая культурная ценность.
Я не есть человек культуры.
Я – человек тоски.

О, тоска.
Единственное мое оружие.
Вечная вибрация,
от которой кирпич существования
дает долгожданную трещину

1985

* * *

Небо призрачно и мутно
злополучною весной.
Непривычно, неудобно
бедной девушке одной.

Приблудился к ней Шапиро,
ворошиловский стрелок.
Как еврей – владыка мира.
Как мужчина – одинок.

И, на грех ее толкая,
удивляется слегка:
«Мускулистая какая
Ваша правая рука!»

1985

* * *

Гражданин вселенной.
Гражданин Бутырок.
Обликом притырок.

Разговор отменный.
От него осталась
черная усталость.

За такую силу
утаенных строчек –
пропуск одиночек.

Узелок событий.
Смелая развязка.
Больше не зовите.

Дальше невозможно.
Больше нет, не надо.
Ничего не будет.

Только заморочит.

Оглянуться тошно:
койка да палата.
А чужих не судят.

И живет как хочет –
новизна бесплатна,
радость необъятна –

на себя надеясь,
про себя готовясь.

Расставаясь то есть.

1986

* * *

Есть один уголок, где Москва
привстает от удушья.
Все в поту, зеленеют едва
деревянные ружья.

Где всегда на углу в мастерской
дождалась закуска,
самый лучший закат над Москвой
от пологого спуска.

Там теперь, надвигаясь, стоит
беломраморный пудинг.
Нам, наверно, поставлен на вид.
Нет, мы больше не будем.

1987

* * *

Поделенный на бледный верх и на темный низ,
уходя от всех, обязательно оглянись.
Расскажи свое содержимое.

Оно достаточно растяжимое.

Было младшее старшее.
Было бывшее ставшее.
Вянет бывшее, став небывшим,
исчезать начинает.

Как твое ничего, чем дышит?
Как оно почивает?

Как-то в общем, почти не очень.
Где-то рядом и между прочим.

Тех, чья молодость чуть брела
в сторону от отъезда,
не расспрашивай, как дела.
До сих пор им пустое место.
Все им кисло и все им пресно.

1987

* * *

Здрасьте-здрасьте!
Битте-дритте! – пели ножницы.
Подравняем-подстрижем, какая разница!
И красиво некрасивое уложится,
серо-бурое серебряным окрасится.

Зашипит одеколон из груш оранжевых
довоенного особенного качества,
и приклеится отхваченное заживо,
или вырастет отрезанное начисто.

И легчайшее сквозное напряжение
по затылку проскользит в одно касание.
Вот исполнено твое распоряжение,
а еще какие будут указания?

1988

* * *

Ах, это было здорово! Весело, весело.
Ах, это было невесело, – ужасно, ужасно.

Это было какое-то месиво
слухов, событий, зависти, чистоты,
нежности, зависти.
Смена страшных ночей и сказочных,
света и духоты.

И уже не тайна, что выпили чистый яд.
Господин хороший, куда ж нас теперь велят
на закон укороченный?
Господин хорунжий, товарищ уполномоченный!

Даже то, что пряталось, шло в стадах,
не всегда нелепо. Что-то почти красиво.
Неужели мы жили за просто так,
вычитаясь вон как одна рабсила?
Столько лет к дисциплине нетрудовой
привыкали ох, как мучительно,
взад-вперед в конвульсии родовой.
Холодно-горячо. Горячительно. Исключительно!

Слава тебе и хвала тебе, каждый,
что-то вписавший остатками языка.
Славен голод писчебумажный
всех, унесенных за облака,
чудом спасших себя от жажды
умереть-уснуть и не быть,
не бывать пока.

1988

* * *

В этом лесу проходит граница пыли
и разложения, заметного на границах.
Здесь собираем ягоды ли, грибы ли

Розовый свет, единый на многих лицах.
Эта земля, свернувшаяся в калачик,
как травяной, невидимый глазу улей.

Всем голосам, всем комарам – удачи!
Сколько тоски в их ненасытном гуле.

Зелень бессмертна, и существа несметны.
Тучи поющих на тысячи безголосых.
– Не унывай, – воздух стрекочет светлый. –
Я под конец объясню тебе легкий способ.

1990

* * *

Д. Н.

Это была, чтоб ты знал, политика:
взять за правило жить нигде.
Мы были письмами на воде.
И вода эта вытекла.

Вытекла, почвы не пропитав.
Это такой, чтоб ты знал, устав:
всякую речь начинать за здоровье,
все оставлять на своих местах.

Что там за дверью? Никак Австралия?

1991

* * *

Летний закат. Золотое его тиснение
перекрывает зелень и проявляет чернь.
Все-таки многое требует объяснения.
Вот курить через силу, спрашивается, зачем?
После прогулки к озеру сердце зачем печалится?
Многое тонко спрашивается. Толком не отвечается.

Но прислонись к березе.
Но обними сосну.
Роза еще как роза. Облако тонет в озере.
По сосне
по березе ли
ножичком полосну

1991

* * *

Как тихий дождик на болоте
не ходит, сеется чуть-чуть –
тревога ложная колотит
и когтем задевает грудь.

Чтоб пожилому москвиту
не разнесло грудную клетку,
пора забыть свою обиду,
свою отраду пожалеть.

А на кого моя обида?
На исчезающих из вида
все неизбежней, все быстрее.

На стаю легких времирей

* * *

I

Человек, пройдя нежилой массив,
замечает, что лес красив,
что по небу ходит осенний дым,
остающийся золотым.

Помелькав задумчивым грибником,
он в сырую упал траву
и с подмятым спорит воротником,
обращается к рукаву.

II

Человек куда-то в лесу прилег,
обратился в слух, превратился в куст.
На нем пристроился мотылек.
За ним сырой осторожный хруст.

Человеку снится, что он живет
как разумный камень на дне морском,
под зеленой толщей великих вод
бесконечный путь проходя ползком.

И во сне, свой каменный ход храня,
собирает тело в один комок.
У него билет выходного дня
в боковом кармане совсем промок.

Владимир Гандельсман

* * *

После долгих пауз,
все более долгих,
странным кажется пафос
рифм, после стольких

пауз кажется жизнь в осколках
стихов отраженной лживо,
в этих признаниях и обмолвках,
друг, не ищи поживы,

разве опишешь,
как на кухне стоишь и дышишь,
и подносишь ко рту супа
ложку, и дуешь тупо,

разве жизни прибор и мусор,
выносимый шипящей
волной, отношение к музам
имеет, разве спящий

хочет бодрствовать, может
не надеяться: время
все это уничтожит
вместе со всеми,

не призывать, как отдых,
все уравнивший хаос,
комнат глотая воздух,
воздух глотая пауз...

С работы #

У Пушкина в полости,
я прочла, рана живота
и сегодня бы полностью
умертвила его навсегда,

я прочла в статье,
что у Пушкина-поэта
рана в животе
и сегодня сжила бы его со света,

слышишь, Анна,
я не работаю завтра,
так скажу сегодня, что рана
умервила и нынче бы Пушкина Александра.

* * * #

Узкий, коричневый, на два замка саквояж,
синие с белыми пуговицами кальсоны,
город, запаянный в шар с глицерином, вояж
в баню, суббота, зима и фонарь услезенный,

за руку, фауна булочной сдобная: гусь,
слон, бегемот – по изюминке глаза на каждом,
то и случилось, чего я смертельно боюсь
там, в простыне, с лимонадом в стакане бумажном,

то и случилось, и тот, кто привыкнуть помог
к жизни, в предбаннике шарф завязавший мне, – столь же
к смерти поможет привыкнуть, я не одинок,
страшно сказать, но одним собеседником больше.

* * *

Птица копится и цельно
вдруг летит собой полна
крыльями членораздельно
чертит в на небе она

облаков немые светни
поднимающийся зной
тело ясности соседней
пролетает надо мной

в нежном воздухе доверья
в голубом его цеху
в птицу слепленные перья
держат взгляд мой наверху

Воскрешение матери

Надень пальто. Надень шарф.
Тебя продует. Закрой шкаф.
Когда придешь. Когда придешь.
Обещали дождь. Дождь.

Купи на обратном пути
хлеб. Хлеб. Вставай, уже без пяти.
Я что-то вкусненькое принесла.
Дотянем до второго числа.

Это на праздник. Зачем открыл.
Господи, что опять натворил.
Пошел прочь. Пошел прочь.
Мы с папочкой не спали всю ночь.

Как бегут дни. Дни. Застегни
верхнюю пуговицу. Они
толкают тебя на неверный путь.
Надо постричься. Грудь

вся нараспашку. Можно сойти с ума.
Что у нас – закрома?
Будь человеком. НЗ. БУ.
Не горбись. ЧП. ЦУ.

Надо в одно местечко.
Повесь на плечики.
Мне не нравится, как
ты кашляешь. Ляг. Ляг. Ляг.

Не говори при нем.
Уже без пяти. Подъем. Подъем.
Стоило покупать рояль. Рояль.
Закаляйся, как сталь.

Он меня вгонит в гроб. Гроб.
Дай-ка потрогать лоб. Лоб.
Не кури. Не губи
легкие. Не груби.

Не простудись. Ночью выпал
снег. Я же вижу – ты выпил.
Я же вижу – ты выпил. Сознайся. Ты
остаешься один. Поливай цветы.

Мария Магдалина

Вот она идет – вся выпуклая,
крашенная, а сама прямая,
груды высоко несет, как выпекла, и
нехотя так, искоса глядит, и пряная.

Всё ее захочет, даже изгородь,
или столб фонарный, мы подростками
за деревьями стоймя стоим, на исповедь
пригодится похоть с мокрыми отростками.

Платье к бедрам липнет – что ни шаг ее.
Шепелявая старуха, шаркая,
из дому напротив выйдет, шавкою
взбеленится, «сука, – шамкнет, – сука жаркая!»

Много я не видел, но десятка два
видел, под ее порою окнами
ночью прячась, я рыдал от сладкого
шепота их, стоны, счастья потного.

Вот чего не помню – осуждения.
Только взрослый в зависти обрушится
на другого, потому что где не я,
думает, там мерзость обнаружится.

В ней любовь была. Но как-то страннику
говорит: «Пойдем. Чем здесь ворочаться –
лучше дома. Я люблю тебя. А раненько
поутру уйдешь, хоть не захочется».

Я не понял слов его, мол, опыту
не дано любовь узнать – дано проточному
воздуху, а ты, мол, в землю вкопана
не любовью: жалостью к непрочному.

А потом она исчезла. Господи,
да и мы на все четыре стороны
разбрелись, на все четыре стороны,
и ни исповеди, ни любви, ни жалости.

1998

* * *

Тридцать первого утром
в комнате паркета
декабря проснуться всем нутром
и увидеть как сверкает ярко та

елочная, увидеть
сквозь еще полумрак теней,
о, пижаму фланелевую надеть,
подоконник растений

с тянущимся сквозь побелку
рамы сквозняком зимы,
радоваться позже взбитому белку,
звуку с кухни, запаху невыразимо,

гарь побелки между рам пою,
невысокую арену света,
и волной бегущей голубою
пустоту преобладанья снега,

я газетой пальцы оберну
ног от холода в коньках,
иной матовости достоверный,
острые порезы лезвий тонких,

о, полуденные дня длинноты,
ноты, ноты, воробьи,
реостат воздушной темноты,
позолоты на ветвях междуусобье,

канители, серебристого дождя,
серпантинные спирали,
птиц бумажные на елке тождества
грусти в будущей дали,

этой оптики выпад
из реального в точку
засмотреться и с головы до пят
улетучиться дурачку,

лучше этого исчезновенья
в комнате декабря –
только возвращенья из сегодня дня,
из сегодня-распри –

после жизни толчеи
с совестью или виной овечьей –
к запаху погасших ночью
бенгальских свечей,

только возвращенья, лучше их
медленности ничего нет,
тридцать первого проснуться, в шейных
позвонках гирлянды капли света.

1999

Николай Дружининский

Пастушья напевка

Ах, выгорода да перёгорода...
Один в лесу я коров пасу.
Бреду по тропе сквозь папоротник,
Бреду по тропе попить на родник.

Коровы мои – холмогорочки.
В перёгороде – на пригорочке.
Коровы хвостами помахивают,
С боков комаров отряхивают.

Над синей поляной висят провода.
Идут провода во все города.
Но в тех городах нет выгорода.
Но в тех городах нет перёгороды.

Солнце с лукошко! Я птахой пою...
Ветер срывает рубаху мою.
Вечером встречу Натаху мою!
Ах, выгорода да перёгорода!

Митрошкин стишок

Жил Митрошка-пастушок.
Знал всего один стишок.
Ветер в поле завывал –
И Митрошка запевал:

«Я не мамкин сын,
Я не папкин сын.
Я на елке рос –
Меня ветер снес...
Я упал на пенек –
Кудреватый паренек!»

Жил Митрошка-пастушок.
Знал всего один стишок.
Пел его он – слово к слову!
...Песню слушали коровы.

* * *

Закатилось солнышко за стога...
За леса за синие, а там – тайга.
Не дрожи над полюшком, пустельга.
Ты, соколик маленький, пустельга!

Не дрожи над полюшком, пустельга.
За дождями серыми придут снега.
Стынь-волной прокатится по земле пурга.
Ты, соколик маленький, пустельга!

Полыхает зарево брошенных рябин.
Не любить мне заново тех, кого любил.
На ветрах колышется журавлиный клин.
И зарос крапивой бабушкин овин...

Кричит ветюг

«Под кустом сижу,
Капусту гложу!» –
Чу! Ветюг кричит
на иве.

Полночная жуть...
Туманная муть.
И ветер ворчит
в крапиве.

Тропина сыра.
И сумрачен бор.
В болотину лось –
галопом.

Ой, ночка сера!
Ой, что-то стряслось!
У речки бобер затопал.
«Под кустом сижу,
Капусту гложу!» –
Невнятный и странный
голос.

Полночная жуть.
Никак не уснуть.
То ветюг кричит –
дикий голубь.

Иван Жданов

* * *

И у печали на краю
погаснет свет в моем окне.
И тень от клена на стене
раздвинет комнату мою.

Городской мотив

Во дворе играют в домино,
Молчаливы флейты папирос,
Сквозь дымок качается окно
Дома, обреченного на снос.

На балконе сушится белье,
Наизнанку вывернутый быт,
Разбинтованное бытие,
Откровенное, как инвалид.

Старый стол простуженно скрипит,
Скрепленный гвоздями домино,
Слева сердце или дом дрожит,
Флейтам в такт качается окно.

* * *

Я буду дорожить
Виной или ошибкой.
Ткань возвратится в нить,
Чтоб грусти стать улыбкой.
Надежды больше нет,
Есть только вера в чудо –
И надо мною свет
Неведомо откуда.

Лента Мёбиуса

Я нужен тебе для того, чтобы ты была мне нужна.

* * *

Любовь, как мышь летучая, скользит
в кромешной тьме среди тончайших струн,
связующих возлюбленных собою.

Здесь снегопада чуткий инструмент,
и черно-белых клавишей его
приятно вдруг увидеть мельтешенье.

Внутри рояля мы с тобой живем,
из клавишей и снега строим дом.
Летучей мыши крылья нас укроют.
И, слава богу, нет еще окна –
пусть светятся миры и времена,
не знать бы их, они того не стоят.

Приятно исцелять и целовать,
быть целым и другого не желать,
но вспыхнет свет – и струны в звук вступают.
Задело их мышинное крыло,
течение снегопада понесло,
в наш домик залетела окон стая.

Но хороша ошибками любовь.
От крыльев отслоились плоть и кровь,
теперь они лишь сны обозначают.
Любовь, как мышь летучая, снует,
к концу узор таинственный идет –
то нотные значки для снегопада.
И черно-белых клавишей полет
пока один вполголоса поет
без музыки, которой нам не надо.

Двери настезь...

Лунный серп, затонувший в Море Дождей,
задевает углами погибших людей,
безымянных, невозвращенных.
То, что их позабыли, не знают они.
По затерянным селам блуждают огни
и ночами шуршат в телефонах.

Двери настезь, а надо бы их запереть,
да не знают, что некому здесь присмотреть
за покинутой ими вселенной.

И дорога, которой их увели,
так с тех пор и висит, не касаясь земли, –
только лунная пыль по колено.

Между ними и нами не ревность, а ров,
не порывистой немощи смутный покров,
а снотворная скорость забвенья.
Но душа из безвестности вновь говорит,
ореол превращается в серп и горит,
и шатается плач воскресенья.

* * *

Памяти сестры

Область неразменного владенья:
облаков пернатая вода.
В тридевятом растворясь колене,
там сестра все так же молода.

Обрученная с невинным роком,
не по мужу верная жена,
всю любовь, отмеренную сроком,
отдала вечности она.

Как была учительницей в школе,
так с тех пор мелок в ее руке
троеперстием горит на воле,
что-то пишет на пустой доске.

То ли буквы непонятны, то ли
нестерпим для глаза их размах:
остается красный ветер в поле,
имя розы на его губах.

И в разломе символа-святыни
узнается зубчатый лесок:
то ли мел крошится, то ли иней,
то ли звезды падают в песок.

Ты из тех пока что незнакомок,
для которых я неразличим.
У меня в руке другой обломок –
мы при встрече их соединим.

Владимир Кучерявкин

Еду на острова

Одна спина вокруг, да сгорбленные лица.
О, гордый, как мгновение, трамвай!
Вот пьяные влезают растрепанною птицей,
Раскосые, как в октябре Китай.

Туман опасен и похож на в морду крылья.
Мы едем ли куда? На свете ль острова?
И голову ладонями накрыли
Вороньи клики, смерть и синева.

А там, заслушавшись шуршанья под ногами
И помня сердцем звон сгребаемых людей,
Грустим, бредем пустынными берегами –
И отражаемся и в небе, и в воде.

На Алтае

Помню картину: степь с переломанной мордой плаката,
Чьи-то портреты по ветру гуляют.
Сядем, покурим, зацепим бревно и потащим на раму,
Сделаем брус с сороковкой.

Травами пахнет и пылью. Жарит затылок под кепкой.
Трактор, как мыло, скользнул вдоль забора и смылся.
В галстук смелом похожий на спелую свеклу,
Входит директор.

Крымский татарин из репродуктора искоса глянул,
Диктором смазанный интеллигентно и чисто.
Парень совхозный пришел и, прищурясь, плюнул в окошко,
Магнитофоном играя.

Режем по дереву

Вспотеем на работе, сядем на диван,
Закурим, радио включим, поспим, как в кочегарке,
Или германца, словно на дрова,
Сломаем разговором на лавочке столярки.

В тени, чтоб не пекло степное пекло,
Журчит-звенит наш разговор, как бьются стекла.

Степной молчит передо мной Алтай.
Я хлопнул, прекратив жизнь комару.
Подумал вслед: мол, где попало, не летай.
Я, может, завтра сам помру.

Как сон, летит седая к горизонту степь.
Пришла собака, улеглась, как демон.
И ловит чей-то неизвестный шаг
В поднятых настороженных ушах.

* * *

Когда с похмелья бьется голова,
Как на мормышку пойманная рыба,
И будто разбирают на дрова
Весь череп, как сарай, и будто бы задрогал

Ногой пейзаж пред грязных окон,
Где я бегу к ларьку через ступеньки,
Вся жизнь моя мне повернется чудным боком,
Как рожа бешеного Стеньки.

1987

* * *

Зимнее утро. На термометре ноль за окном.
Мокрый снег по балкону прыгает тигром.
Или как в рукопашной, или, скажем, напившись вином,
Иль на экране, когда начинают кино,
И убегают куда-то ловкие титры.

И сижу у окна, вспоминаю армян,
Что, похоже, в крови у меня собрались и плачут.
И наливаю полный стакан
И пью, и что-нибудь, видимо, значу.

1988

* * *

Раскрепощенный, как череп лихим кирпичом,
И свободный, будто всегда был бандитом,
На диване лежал я, полусонный, небритый,
И сердце в груди лопотало китайским врачом.

Где-то женщина растревоженно в зарослях бродит,
Все вспоминая, как было меж нами, и вся на лету.
Лопата торчит на пустом огороде.
Слышится дятла отчетливый стук.

Я не судья законно уснувшей природе.
Падают листья. Ручей пробежал и замолк.
И далёко над лесом облако ходит
И смотрит в глаза мне, как сумрачный волк.

* * * #

Глазами вращая, как осень на тонкой веревке,
По деревне безусый паук побежал.
Мальчика мягко зажал он в зубах и не дышит,
Но сердце горит над рекою, как на солнце кинжал.

Плавает где-то в пределах луны туман над рекою.
Кончился день. Мыши ползут к водопою.

На рыбалке

Ни окунь не клюет, и никакая рыба.
Один над зеркалом шершавым вод
Сижу. Лишь самолет в прогорклом небе
Летит. Да вдалеке копает огород
Далекий человек, сгибаясь низко
Над черною своей распотрошенной грядкой...
Садится солнце. Полночь близко.
Вернусь домой и побегу на блядки.

* * *

Вышел на быструю Сороть тропинкой с горы сумасшедшей,
Смирненно забросил тяжелую донку я, чтобы ловилось,
И лег под кустом на закате
Гонять комаров и глядеть на деревню, по склону бегущую прытко.

Тускло над речкой. Кричат рыбаки вперебивку с какою-то птицей,
Где-то собака загавкала и оборвала.
Дохлый пошел вечерок. Не шелохнется удочка. Тихо и там, под водою:
Сошлись, посмеялись, наверное, рыбы да разбрелись кто отдыхать,
кто на работу.

* * *

Дева прыгнула на койку,
Приготовилась. Смеется.
Белые, как крылья, ноги
В полумраке опадают.

Зубы звонкие сверкнули
Под вишневыми губами.
Извивается змеєю
Над жезлом надутым кровью.

Кожа тонкая прозрачна,
Словно небо на рассвете,
Все залитое пожаром
С алым оком посредине.

И томительно и мерно
На конце копья живого
Начинает свой ужасный
Полубморочный танец.

* * *

Седая щука скажет до свиданья,
И окунь помахает мне рукой,
Когда усталый и бессонно-пьяный
Я с ночи отправляюсь домой.

О, сколько дней бессонных провождал я
Над речкой милой, как во сне!
Пока земля с достоинством вертелась,
Наматывая годы мне.

Вот я пришел, животных чищу,
Седобородый, сильный, молодой.
Прощайте, рыба, до свиданья, окунь,
За гробом встретимся когда-нибудь с тобой.

* * *

О какие у нее штаны!
О какое у нее всё!
Мы с ней, как боги, и вовсе не равны:
Я – пьяница! Она – прекраснейший Басё.

Стоит она передо мной, гордясь.
А я сижу пред ней, сутулясь.
Она – это меня возвышенная часть.
И я душой вокруг нее порхаю, как на стуле!

* * *

Гуляют молодые,
А мы всё водку пьем.
Они все молодые,
Им хорошо вдвоем.

Иль пива засандалить?
Иль взять и покурить?
Гуляют молодые,
А нам всё жить да жить.

Смотреть на этот воздух,
Пить пиво, не спеша.
А то и напоследок
Дать ножкой антраша.

* * *

Бежит Москва, как пьяная собака,
Свой красный высуня язык.
Прохожий в небесах заплакал
И вдруг передо мной возник.

Чужие, незнакомые дома.
Чужие, озабоченные лица.
Ах, осень на дворе, почти зима!
И глаз от тяжести домов двоится.

И памятник, как сам с собой, идет,
Раскачивая сумрачные плечи.
И раскрывает хладный рот
Навстречу сердцу хладный вечер.

Николай Лукка

Слушая отца

Я носом начинал уже клевать.
И захрапел бы, если бы отец не
промолвил: «Слова-то не выкинешь из песни.
Их трупы унесла река Ловать».
И было СЛОВО, как свинцовый слиток.
Не воздухом, а Душами убитых
дышали мы. Катая в горле ком,
я вилкой огурец проткнуть пытался,
но – скользкий – он по блюдечку катался.
А мой отец в былое целиком
был погружен... «Текущий миг наш длится.
Мы – в настоящем, – думал я, но есть поток,
в который – как ни странно – погрузиться
способны мы, хоть он уже утек».
Отец рассказывал. Я слушал. Проплывали
мгновенья жизни. В парне молодом
я узнавал отца, ведь мы стояли
в текущем вспять потоке временном.

1993

Сон

«Конец зовет: «Ауу! Ауу!» Начало
спешит на зов. Кругом болото. А
глухая Середина, как вода
бурлит, себя не слыша», – прозвучало
в ушах; и кто-то задал мне вопрос:
«Ты кто?» Я спал. А может быть, я рос?

1993

Юрий Милославский

* * *

Сгину, сдохну, околею,
мутным крылышком звеня.

Облепили Балаклею
ледяные зелена.

Неохота потакать
токарю и пекарю.

Неохота подыхать –
потому и бегаю.

1967

День рождения

Марине Веселовской – двадцать семь.
Мне – двадцать, Евпатории – семьсот.
Купальнику зеленому – неделя.
А морю и медузам – неизвестно.

Приморскому бульвару – возле ста.
И он – пустой. Один ларек торгует
сосисками, вином и шоколадом,
где на обертке – якорь золотой;

(Вино – мускат).

Марине – двадцать семь,
мускату – пять, купальнику – неделя,
мне – двадцать, Евпатории – семьсот.

1976

Александр Миронов

* * *

Я перестал лгать
гать
ать
ть
ь!

Я стал непроизносим.

1965

* * *

Я ночь как сидень просидел
И голову в руках сжимал
Мне было страшно я потел
И мысли спичками сжигал
Вы спросите меня – зачем?
Я вам отвечу дверь как дверь
Но только воет по ночам
За ней скрываясь хитрый зверь

1970

* * *

Куда бежишь ты, бедный исполин,
с волосьев небо отряхая,
когда конец у времени один
и в небесах – кровавых чисел стая?

Куда идешь ты, пьяная страна?
Двуглавое чудовище, желтуха,
безумная, – пол-языка, пол-уха,
ужо, ужо, получишь всё сполна.

Смотри, восходит красное число
и зверь с тобой сразиться хочет,
и будут воды – ровное стекло,
и станут дни подобны ночи.

Качнется время в каменном гробу,
заслышав шум неправой битвы,
и ангел гнева протрубит в трубу
свои проклятья и молитвы.

1972

* * *

Славно поют советские люди,
бражки хмельной вволю напившись,
«Горько» кричат, лобзают друг друга
в теплые, кровью налитые губы,
жарким партийным своим поцелуем.
Я же один их веселью внимаю,
сидючи тихо в будке собачьей...
Бисер печальный осыпал деревья,
ночь надо мною – бессмертья пучина,
смерть предо мною – бессмертных забава.

1973

* * *

Два солнца в моих глазах,
Два ангела на часах.
Здесь – горечь, глухая медь,
Там – звон, верещанье, смерть.

Два лета, как в зеркалах,
Любовный лелеют прах:
Как быть, как любить, как сметь
И облаком умереть.

Да полно: со всех концов
Господь нам пришлет гонцов,
Седых от любви отцов,
Пока еще без венцов.

Все звоны монастыря
О нас прозвенели зря,
И лишь комариный рой
За нас постоял горой.

1974

* * *

Посреди тягучих бредней
черный патефон стоит.
Голос пифии последней
шепчет, щелкает, шипит.

Тает в смерти безымянной,
замывается в тоске
Дом Фонтанный, храм туманный
слов дремучих на песке.

1975

* * * #

Зеркало, зеркало, значит мы тронули Эхо,
Горнее Эхо – перстом Себастьяна Баха?
Как это – мы не сошли с ума от страха?
Не захлебнулись в холодных волнах смеха?

Тронули – и горохом сизифовым об пол
С неба свергнулся голос – железный лист!
В синкопической паузе – хлопанье, скрежет, свист.
Кто там был? Кто кричал? Кто так громко топал?

1982

* * *

Свергли Маленкова и команду,
мыло расхватили и мочалки,
плакали, большой войны боялись,

выносили из саманных хаток
страшные бредовые портреты,
жгли костры и прошлое сжигали.

Помню, дед один орденосный
взял двустволку, выпив самогонки,
пристрелил любимую собачку.

Это было праздничное лето:
вишенное, яблочное что-то.
Страх и трепет, беспредметный праздник.

1997

Игорь Померанцев

* * *

– Собрались в диспансер, сэр?
– Нет, миледи, в диспансер!

Стратегия

Удары следует наносить
в разных направлениях.
Зоны такие:
печень,
почки,
сердце.
Вдруг печень выдюжит,
почки не подкачают,
тогда, может, сердце.
Но печень держать
в перманентном шоке:
пусть себе плавает,
то в белом,
то в красном.
Почки же –
пивом.
Сердце –
спиртом.
И все одновременно.
Что-то да сдаст.
Главное,
не падать духом.

* * *

Сыну

Между ног у нее ракушка,
а в ракушке – мартышка,
а в мартышке – подмышка,
а в подмышке
душно,
тошно,
страшно.

* * *

Даже сикхи
заставили говорить о себе
весь мир.
Философ А. Пятигорский
уделил им шесть минут
в своей радиолекции,
на глушение которой
некая сверхдержава
потратила более семи тысяч рублей.
А что же мы,
гагаузы?

* * *

Резко свернуть
в итальянский магазин,
оставив агентов в тумане,
в Англии.
А когда выйдешь
с бутылкой кьянти,
они уже бессильны что-либо
сделать.

* * *

Схоронили за елью,
щетиной в кору.
Лихо – мимо.
Как стихло – скок! –
Да не тут-то было:
палец насмерть
смолой прихватило.
Ножом чик –
и нету!
Кто ж за меня теперь пойдет,
раз кольцо надеть не на что?
Не печалуйся,
добрый молодец.
Славно нареченную
тебе сыщем:
зубы на печи,
титьки на крюку,
сопли через грядку,
жопа жилена,
манда мылена!

* * *

Показываю жене
новое стихотворение:

«Пришла полузнакомка,
соблазнила и оставила
со стертым в кровь коленом.
И как меня угораздило?
Об ковер, что ли?
Но не в спальню же было
ее вести?!»

Жена в ужасе:
– А вдруг мои родители?..

Прощай, Линда

Линдина семья съехала.
Они жили напротив,
и моя жена,
чтобы не видеть ирландского кошмара
их жизни,
подарила Линдиной матери
гардины.
Отец Линды
ходил как по канату
с бутылкой виски в кармане,
с рыжим коком –
так когда-то рисовали стилиг
в «Крокодиле».
Линде было лет двенадцать,
и она тянулась за старшей сестрой,
проституткой.
Я с опаской поглядывал
на сына:
понимает он что-то?
Побаивался за сына.
Но теперь Линдина семья съехала,
а я, кажется,
не рад.

Саша Попов

* * *

Я был рожден.
Я говорить учился.
Читал – людей учился понимать.
Зачем вы говорили мне, что я талантлив?
Я был мал.
Я людям верил и, конечно, подражал.
Во мне начала всех недостатков были,
а вы глаза мои на них закрыли.
Я должен был крушить уродливых и гадких тварей,
а вы мой меч украли.
Я вырос и живу один.
С врагами я бороться начал поздно.
Они росли, когда я спал.
Показывают мне неверный путь.
И, обогнав, решают за меня.

1968

* * *

В мою комнату
Пришел шумный человек.
Я забыл тебя.

1973

* * *

Живу один. А почему?
Да потому что лучше одному.
А почему ушла жена?
Наверно, хочет быть одна.
А почему мне грустно одному?
Да потому что потому.

1974

* * *

Не агрессивен только тот,
кто ничего не создает:
кто пьес не пишет, не поет,
кто не рисует, и не шьет,
не говорит, не слушает, не ждет,
кто не идет, не шевелится, не растет,
не делает детей, не ест, не пьет,
короче тот, кто не живет;
кто сгнил давно, или гниет;
а если до конца, то тот,
кто никогда не жил
и не живет: ни в мыслях,
ни как идеал,
ни как преданье, ни как анекдот.
Я агрессивен. Вот.

1976

* * *

Пусть лён горит
Преломленная трость того кто обопрется на нее пусть в руку ранит

1985

* * *

И день настал
И город как верная собака
Лег у ног

1989

Пётр Чейгин

* * *

Условия для жизни городской
яснее видишь с Пулковских высот,
где остывает остроскулый лед.

Истоки вечера. Дурнушка-вертолет,
ворон гоняя, вертится над лугом,
где мальчик бегаёт,
не различимый слухом,
стегаёт прутиком,
ладонью ухо трет.

Что он морозной плоскости?
Струне
высоковольтной линии?
Звезде,
наметившейся в алых облаках?

Но что ему, с простудой на губах,
мой разговор, с опаской, под уклон,
в автобусе, копеечной прогулке?

* * *

Нет ничего на белой кухне
смирненной боли головной,
когда проснешься раньше срока
от кашля смертного отца.

* * *

Ступай, куда вело, и там,
и там ищи что хочешь,
что найдешь.

Осколок, что удваивает зренье,
чернильные следы карандаша
и птицу Моль.

Ступай,
там разное бывает.

Елена Шварц

Зверь-цветок

Иудейское древо цветет
Вдоль ствола сиреневым цветом.

Предчувствие жизни до смерти живет.
Холодный огонь вдоль костей обожжет,
Когда светлый дождик пройдет
В день Петров на изломе лета.
Вот-вот цветы взойдут, алея
На ребрах, у ключиц, на голове,
Напишут в травнике – елена arborea –
Во льдистой водится она Гиперборее
В садах кирпичных, в каменной траве.
Из глаз полезли темные гвоздики,
Я – куст из роз и незабудок сразу,
Как будто мне привил садовник дикий
Тяжелую цветочную проказу.
Я буду фиолетовой и красной,
Багровой, желтой, черной, золотой,
Я буду в облаке жужжащем и опасном –
Шмелей и ос заветный водопой.
Когда ж я отцвету, о Боже, Боже,
Какой останется искусанный комок –
Остывшая и с лопнувшей кожей,
Отцветший, полумертвый зверь-цветок.

1978

* * *

Путь желаний – позвоночник
Начинается от звезд,
Долгой темной тела ночью
Он ведет нас прямо в хвост.
Образует он пространство
Для златых круженья вод,
И без этой гибкой палки
Череп был бы, где живот.
Мост он, шпалы, он дрожит,
Лестница, опора зданья,
Трепет по нему бежит,
В нем кочует тайнознание.

Орфей

На пути обратном
Стало страшно –
Сзади хрипело, свистело,
Хрюкало, кашляло.

Эвридика: По сторонам не смотри, не смей,
Край – дикий.

Орфей: Не узнаю в этом шипе голос своей
Эвридики.

Эвридика: Знай, что пока я из тьмы не вышла, –
Хуже дракона.
Прежней я стану когда увижу
Синь небосклона.
Прежней я стану – когда задышит
Грудь – с непривычки больно.
Кажется, близко, кажется, слышно –
Ветер и море.

Голос был задышливый, дикий.
Шелестела в воздухе борода.

Орфей: Жутко мне – вдруг не тебя, Эвридика,
К звездам выведу, а...

Он взял – обернулся, сомненьем томим, –
Змеища с мольбою в глазах,
С бревно толщиной, спешила за ним,
И он отскочил, объял его страх.
Из мерзкого брюха
Тянулись родимые тонкие руки
Со шрамом родимым – к нему.
Он робко ногтей розоватых коснулся.
– Нет, сердце твое не узнало,
Меня ты не любишь, –
С улыбкою горькой змея прошептала. –
Не надо! не надо! –
И дымом растаяла в сумерках ада.

1982

Любовь как третье

Когда ты мне сказал – тебя люблю,
Глаза расширились и вздрогнули черты,
Мы посмотрели друг на друга
Как изумленные коты,

Как два соперника.
Готовы когти к бою, вздыблен волос,
Посмотрим – когти чьи острее,
Противней голос.

Я за угол свернула и смотрела,
Склонивши шею, на тебя,
Нам, кажется, теперь судьба
Бродить одной и той же крышей
И слушать – как любовь по лестнице крадется,
Мурлычет, громко дышит,
Но, воспаля зелень глаз,
Смотреть не на нее, а в нас.

1983

Историческая шкатулка

В русском подполе, душном рае
Князя красивые такие –
Они совсем как горностаи
Или камня дорогие.
Из шкатулки их достану,
Из тьмы навозной,
Из алмазной –
Хотя бы Грозного,
Дьяка, приказных.
Я рассмотрю их, поверчу.
Булавкою пощекочу –
Какие куколки,
Марионетки!
Да были ли вы вправду,
Деточки?
Я постелю им шубку белую,
Насыплю жемчугу и пороху,
Дам мышь под хреном, каши гречневой,
Медового густого мороку.
Они пищат: – Да где Расея-то?
Она не нами ли засеяна?
Во тьму мы пали, чтоб росла. –
Я их верну в ларец узорчатый,
Задерну полстью волчьей серою –
Как там темно, и как прекрасен
С клюкою царь (и неопасен),
Согнувшись маленькой химерою.

1988

Мертвых больше

Петербургский погибший народ
Вьется мелким снежком средь живых,
Тесной рыбой на нерест плывет
По верхам переулков твоих.
Так погибель здесь все превзошла –
Вот иду я по дну реки,
И скользят через ребра мои,
Как песчарики, – ямщики
И швеи, полотеры, шпики.
Вся изъедена ими, пробита –
Будто мелкое теплое сито.
Двое вдруг невидимок меня –
Как в балете – средь белого дня
Вознесут до второго окна,
Повертят да и бросят,
И никто не заметит, не спросит.
Этот воздух исхожен, истоптан,
Ткань залива порвалась – гляди, –
Руки нищий греет мертвый
О судорогу в моей груди.
От стремительного огня
Можно лица их различать –
Что не надо и умирать –
Так ты, смерть, изъязвила меня!

1989

* * *

Как стыдно стариться –
Не знаю почему,
Ведь я зарока не давала
Не уходить в ночную тьму.
Не ускользать во мрак подвала,
Себе сединами светя,
Я и себе не обещала,
Что буду вечное дитя.
Но все ж неловко мне невольно,
Всем увяданье очевидно.
Я знаю – почему так больно,
Но почему так стыдно, стыдно?

1994

Алексей Шельвах

Мост

Вверх колесами телега перепархивает реку,
на ушах танцует лошадь, эта лошадь – акробат?

Девушка раскрыла зонтик – удивительное дело,
это парусный кораблик? Вместо вымпела – каблук?

Вверх ногами, вверх ногами!

Или – юбка трепетала
как большая голубая пароходная труба!

Человек в терновых лаврах поправляет камень-галстук,
прыгает, взмахнув руками, как ныряльщик, в небеса?

Удивительное дело, рыбы плавают нормально,
лилии растут нормально, как воздушные шары.

1972

Колыбельная

Окна и погасли, и потухли.
Значит, стало и темно, и поздно.
Все отринули штаны и туфли.
На жену поглядывают грозно.

Вот легли в затылок на подушку,
как солдаты Древнего Египта.
Спи, дружок, и не буди подружку
до утра, до радио, до гимна.

1972

Еще колыбельная

Небо голубое.
Черная сосна.
А над головою
желтая Луна.

В жизни или смерти,
а бывает и
хорошо на свете,
страшные мои.

* * *

В саду папирус перепонок,
слюда чешуек, черепица.
В саду задумался ребенок –
уже секунду не резвится.

Под ним геенна перегнуя!
И червь из Тартара в траве!
А он осознает иное –
иное небо в голове!

1976

Ветераны

Только варвары павших своих забывают,
а у нас и младенец скорбит с колыбели.
Только варвары водку водой запивают,
если пьют за Отчизну и мирные цели.

Приготовил папирус? Вторую пехотную роту
помяну поименно в течении мудрой беседы.
Десять лет я ходил в рукопашную, как на работу,
в деревянном коне задохнулся за час до победы.

А живем хорошо. На хорошее слеп ты?
Все одеты, обуты. И – чем не жилище?
В месяц раз получаем почетные лепты.
Почему так ехидно спросил ты о пище?

Ты меня огорчил. Нет, прощай. Да, прощай в самом деле, –
неспроста и соседи ворчат через перегородку.
Впрочем, в нашем дворе из асфальта растут асфодели.
Мы их жарим потом и едим под холодную водку.

1985

Владимир Яшке

Клубничка

любители клубнички
пошли гулять по парку
увидели Лариску
увидели Тамарку
увидели Валюху
увидели Натаху –
хотели бы клубнички
а их послали на хуй
и только Зинаида
кокетливая с виду
легко
непринужденно
и очень откровенно
пошла с ними в кино –
ей было все равно.

Юлия Вишневская

* * *

Такие умы на приколе зимы.
А я паутину не рву на бегу.
А я возвращаюсь на веслах немых
И вечности жду на другом берегу.

Стремитесь почтить нестерпимую связь,
Ловите в острогах своих времирей.
Такая морока в воротах у вас...
Такое ничто у меня во дворе.

...Апостола Петра

Черный кочет горло корчит
На всклокоченной земле...
Черный ветер камень точит,
Горы прячутся во мгле.

Город прячется за склоны
Гор. И мечутся ветра...
Где ж ты, Симон бар Иона,
Греешь руки у костра?

1973

Геннадий Григорьев

* * *

Я все не спал и плакал допоздна
за неимением самого простого:
не создает иллюзии простора
больничных стен слепая белизна.
Я все глаза об эти стены стер,
но не увидел солнца. Вот тогда-то
мой доктор в белом облаке халата
в палату вплыл со свитой медсестер.
Они впорхнули, излучая свет,
и сердце вдруг отозвалось тревожно...
«Вы – ангелы?» – спросил я осторожно.
Но промолчали ангелы в ответ.

Маскарад

Эй, оборотень в бороде,
при галстукке и трубке,
ты, случаем, не знаешь, где
мой оборотень в юбке?

А оборотень в бороде
ответствует со злобой,
что он не оборотень-де...
Разоблачи попробуй!

Ах, оборотень! Добрый день!
Я – опоздал, ты – чудо.
Я тоже оборотень, тень.
Ничто и ниоткуда.

Мы оба оборотни. Раз!
– А кем мы обернемся?
– А кем угодно. Мы сейчас
уйдем. И не вернемся.

Летний сад

Вам
в Летнем саду
не случалось случаться?
Там листья о низкое небо стучатся.
Там музы – из мрамора, сторож – из плоти.
Он музыку может свистулькой испортить.
Там звери
(которые рядом с Крыловым).
Там лебедь
(позвольте пожать мне крыло вам!).
Там пахнет стихами, бензином и травкой.
Там наглый мотор за Лебяжьей канавкой
грохочет как хочет
до первого часа...
Там, в Летнем саду,
я, случалось, случался...

1973

* * *

Петергоф!
Твои сады и парки
И листва, что хлещет по лицу,
Мне теперь как мертвому – припарки,
Звездное свечение – слепцу.

Музыка – оглохшему от грома
Прошлогодних праздников и гроз...
Что еще? Должно быть, ключ от дома.
Дома, обреченного на снос.

Я-то помню, как порой осенней
В шорохе серебряной листвы
Город был не местностью музейной,
А скорее временем любви...

Был, и все. Но дождик монотонный
Точно так же сыплет. И вдали
Старые фонтаны, как фантомы,
Медленно встают из-под земли.

1978

* * *

Как бы я
с этой женщиной жил!
За нее, безо всякой бравады,
я бы голову даже сложил,
что сложнее сложенья баллады.
Дав отставку вчерашним богам,
я б не слушал сомнительных сплетен.
И отдал бы ей все, чем богат.
И добыл бы ей все, чем я беден.
Я б ей верой и правдой служил!
Начиная одними губами,
я бы так с этой женщиной жил,
что в морях возникали б цунами!
И, за нею не зная вины
(что поделаешь – годы такие...),
наблюдал я лишь со стороны,
как бездарно с ней жили другие.
Но однажды (я все же везуч –
помогает нечистая сила)
протянула мне женщина ключ.
Поняла, позвала, поманила.
И теперь не в мечтах – наяву,
не в виденьях ночных, а на деле
как я с женщиной этой живу?
А как сволочь. Глаза б не глядели.

1983

* * *

«Куда плетусь постылою тропею,
где я – бродяга – обрету покой?
О Грузия, что дашь ты мне, изгою?
И чем, скажи, я расплачусь с тобой?
Доколе слову в темноте таиться?
Кто Ориону не дал ореол?..»

Так написал Галактион Табидзе.
Вернее, так я это
перевел.

* * *

Не за границей,
а около
самого сердца легло –
Келломаки,
Куоккала...
Вы чувствуете, как легко,
как весело произносится –
на выдохе, нараспев?..
Как будто ветер проносится,
кольша верхи деревьев.
Живущий в разладе с веком,
как был бы я одинок
без плесов под Систербергом,
без готики Териок,
без этой балтийской хмари,
где не разглядишь огня.
Без той, что в Ваалкисаари
обходится без меня.

1984

Заблуждение

Добро бы я
блуждал в краю чужом,
где без путеводителя – ни шага.

Добро бы я
ошибся этажом
в многоэтажном городе Чикаго.

Но – в Ленинграде?!
Боже, как темно...
Здесь сквер стоял – болото вместо сквера.

И ни одно не светится окно.
И – ни такси, ни милиционера.

Как стонут сосны! Как ревет река!
Я подхожу к песчаному обрыву.
Который час? И сколько ждать, пока
Литейную
прорубят перспективу?

Борис Куприянов

* * *

Горел ли когда под Полтавою швед
Нам пламени знать не дано
Угрюмые рюмки, корявый букет
Дешевое слишком вино

На севере так
А на западе нет
На севере город стоит
Там стуки давно позабытых карет
И некто на лавочке спит.

1969

* * *

Оловянные валеты
Я люблю вас этим летом
Я люблю покой и пользу
Древо, яблоко и гильзу

Хруст костей из автомата
ночью я зову комбата
мамой, братиком, отцом
Мой комбат с семьей с кольцом.

1969

* * *

То, что добыто кровью озаренной,
чем разродилась бедная Кассандра,
природой повторилось.

Повторенный,
подсланный в постелю Ленинграда,

ты не любимый, не приобретенный,
не летописец и не любознатель,
ты просто мальчик вечно оскорбленный,
далекий родственник небесной знати.

* * *

Подожди, моя душа, за углом, за домом.
Еще успеешь всё смешать
и покатиться комом,
еще успеешь полететь,
еще успеешь сбыться.
Я не хочу в тебя смотреть,
ты слишком мастерица
дела обдѣлывать тоски и горечи, и злобы,
и этой страсти вопреки
мы вынуждены оба
сказать друг другу:
– береги, и берегись
до гроба.

* * *

Старшему слову сказал:
– Посмотри,
где твои дети?
Это безродные нетопыри,
самоубийцы, они до зари
души отпустят на ветер.
– Не уготована им благодать, –
старшее слово сказало.
– Ты ни при чем. Я иду умирать
снова, сначала,
чтобы безродные дети мои
стали твоими,
чтобы они до грядущей зари
песню сложили.

* * *

Доктор придет – самоучка,
В рог протрубит однозвучно
Выпорхнут синие люди,
сонные,
вывихнут шеи,
и на веселой свободе
прямо в полете замшеют.
– По ветру, по ветру,
мышы летучие,
черные бабочки, шеи падучие, –
выскажет доктор и скроется спать.
Некому, незачем, не в чем летать.

* * *

Вот осень кончилась, зима.
Вот примерзают пальцы
к замку.

За тем замком Сама;
Страда,
а мы страдальцы.

Нас мало: Я, да Я, да Я,
Ягайлы да Ядвиги.

Моя любовь, моя страда!
Так наступают сдвиги.

Вечерний звон цепи дверной.
Звонить – не дозвониться.
Двор нелюбимый, проходной.
Пережитые лица.

Да будет свет! Я вечный сват –
любовник не любимый!

Моя страда, любовь, мой сад,
мой свет непроходимый...

* * *

Обомлели деревья глубокого снега,
Кружится голова, дрожит дорога.
Далеко ли, долго ли?

Альфа ли, омега...

Обаяньем белизны воздух растроган.
Нежности не отведешь.

Не было, было?

В сердцевине ли земли,

сбоку ли, с краю...

Почему она ушла?

Зачем позабыла?

Я и в этот белый день

для нее играю

На свирели сырой,

треснутой, тертой!

Белоснежным путем! Солнечным садом...

От тепла сбежавших слез

ни живой, ни мертвый,

Не застигнутый ничьим посторонним взглядом.

* * *

Я пребываю, пребуду и вот:
мокрые курицы, черствые лица!
Я просыпаюсь в просторе болот,
мой нетрезвучий рассудок святится.

Холодно – это в ладонях цветы,
те, о которых ночами кричалось!
Я просыпаюсь – ладони пусты –
и не случилось, и не случилось.

* * *

В глубокой осени развесистого
года,
когда уже не помнишь о плодах,
ожесточенно, вглядываясь в воду,
поёживая, поправляя стих,
ты думаешь, что не бывало сроду
таких ожесточенностей твоих.

Но гулко, гулко всё на свете.
И отклик, и оторопел!
Или в коричневом балете,
или в музее серых дел
опять твой день пробагровел,
но жестче прошлых лихолетий
простой и подлинный предел:
один для всех на этом свете.

* * *

Песня зимнего стыда.
Перед матерью вода,
где исподнее мое
процветает бытиё.

Вы, задравшие подолы
выше уст, в устах Эола
надобности никакой!
Я машу вам вслед рукой.

Я передвижу ваши руки,
ваши губы, вашу спесь.
Матерь Божия разлуки,
ненавижу всё, что есть!

Андрей Монастырский

Пунктирная композиция

(фрагмент)

1.

Волоса
дыбом поднимаются,
глаза
дымом застилаются:

Курочка-
Ряба,
вылети
из гроба!

2.

И над землею
нет земли,
и в подземелье
нет земли,
и лягу в землю
нет земли.

Насколько хватит:
на вате,
на конском
волосе,
на изношенном
голосе.

Медленный поезд
как прорезь
в жизни
по жизни
провозит.
Мороз.
Паровоз.

Под одним деревом,
с одним телом,
что мне
делать,
зимой
белой.

3.

Всё так.
До свиданья.
Навсегда.
Нам сюда.
Нам туда.

Мало
стало
в дали:
Ничего.
Ни меня.
Ни его.

Это никому,
и потом
никому,
и не брату,
и не свату,
и не мужу твоему.

Это же я,
ты тоже
моя:
дорожная,
подорожная.

Где-то здесь,
или нет,
кто-то есть,
или нет,
кто-то ездит
во сне,
или я,
или все.

В пустыне –
кол.
На колу –
никого.
Никому
ничего.

В белом
чехле
холодно
на земле.

4.

За решеткой
с трещоткой,
с жуткой
короткой
лошадкой
спи сладко.

Лампа-
качалка,
лампа-
качалка,
лампа-
качалка.

Дом
умер.
Домашние
умерли.
В сумерках
наших
умершие
машут.

Гора ледяная,
женщина восковая,
дурочка
усопшая,
лодочка
утопшая.

Собор зеленый
населенный
куклами
бормotalками,
обмотанными
палками.

В траве шумящей
страшно
спящим
трещоткам,
дудкам,
птичьим
скорлупкам.

В лодке –
покойница,
яма –
помойница,
ноги
вымыты,
зубы
выбиты.

Вот уж год
как продан
плот.
С платьями
чердачными,
с гипсовыми
мачтами.

Кладбище
железное,
лестничное
лезвие,
птичьи
поскребушки,
паучьи
погремушки

Гусь железный
через лес
на колесах
перелез,
встал на горку
ногой,
спи, сыночек дорогой.

5.

В подвале
причесали,
два часа
причесывали,
кровь
высасывали
насосом.
Деревянным
носом.

Кто живет?
Молчит завод.
В подворотне
стоят оборотни.
Во двор не пройти,
до дому не дойти.

В теплых шубах
две желтогубых
с круглыми лицами
хорошо спится им:
спина к спине
в тишине.

Куча
бревен.
Осип
умер.
Столяр, столяр,
сделай Осипу
футляр.

6.

Любила,
целовала,
на лице
рисовала
улицу
бессонную,
девицу
бездомную.

Улица
длинная
как ухо
ослиное.
Шел
и слушал,
все дальше,
все глуше.

Домик мой
бедный,
домик мой
летний,
солома, солома,
сломанного
дома.

Совы да
кобылы,
коровы да
могилы,
да мокрые
палки,
да кривые
галки.

Ходи, лодка,
на ногах,
ходи, лодка,
в башмаках.
Стук, стук,
топ, топ,

кто
тут
по-
топ?

Осень
без весел,
кто тебя
бросил,
в песках
сыпучих,
на ногах
скрипучих.

Тоска.

Куча песка.

Стужа
лошадиная,
улица
длинная.
Спать бы
на откосах,
с пальцами
в колесах.

7.

Из мира
дыра.
Деревянная
игра.
Иду со двора.

Как блестит
дорога
с юга
до востока,
с запада
до севера
пиками
усеяна.

С лицами
неизвестными,
с глазами
небесными,
на окраине
глухой
повстречаемся
с тобой.

8.

По веранде
барабан
ползет
под диван,
девушка,
не стучи,
девушка,
не кричи.

Вынь из глаза
карандаш,
вынь из носа
паровоз,
а из уха
потечет,
и кораблик
поплывет.

Не кричи,
не пой,
не стучи
ногой,

руки мои
цепкие,
веревки мои
крепкие.

Комарик-
квадратик,
помирает
братик,
братик
золотушный,
никому
не нужный.

Ступай,
любезный,
по дороге
железной,
ждут тебя
в гости
ржавые
гвозди.

1973

Я слышу звуки

э.п. № 5

Пушкин читает свое стихотворение «Безумных лет угасшее веселье». Его слушают женщины: Голицына Е. Д., Одинцова М. А., Нарышкина У. В. и мужчины: Жуковский В. А., Вяземский П. А., и Илличевский М. А.
Во время чтения все присутствующие молчат.

Фет читает свое стихотворение «О нет, не стану звать утраченную радость».
Его чтение занимает минут пять – шесть.

Тютчев читает свое стихотворение «Элизиум теней».
Он читает его низким голосом, интонации его мрачны.
Затем он читает еще несколько стихотворений до одиннадцати часов вечера.
Чтение происходит в конце декабря и гости разъезжаются по домам в теплых шубах.

Жуковский читает какой-то перевод с немецкого.
После чтения он выжидающе смотрит на Пушкина.
Пушкин сидит неподвижно и молчит.
Два часа. Летний жаркий день.
Солнце заливает столовую. Блестят ножи и вилки
на белой крахмальной скатерти.

Гоголь читает то место в «Мертвых душах», где описывается сад Плюшкина. Это происходит спустя 10 лет после чтения Пушкина. Из тех, кто присутствовал на чтении Пушкина остались только Жуковский и Вяземский.
Во время чтения они думают о другом, но не так умно, как автор плюшкинского сада.

Фет читает стихотворение «Не спрашивай
о чем задумываюсь я».
Перед его мысленным взором носится стая ворон
и своим карканьем мешают ему читать.

В гостиной Жуковский читает нескольким старичкам свою «Светлану».
Дверь в спальню приоткрыта, там кто-то возится и пыхтит.
Слышно, как рвется шелк.
Старички вздрагивают и краснеют.

Баратынский читает «Пироскаф», лежа в постели.
На пододеяльнике – темное пятно от пролитого чая.
Жуковский сидит рядом и рассматривает этикетки на пузырьках с лекарствами. Машинально он берет один пузырек с желтой жидкостью, переворачивает вверх дном, трясет.
Баратынский закончил чтение и бессмысленно глядит в потолок.

Баратынский смотрит в окно. Там падает снег. За его спиной на письменном столе горит свеча и освещает бумаги.
Он только что закончил новую поэму. Он психически болен и одинок. Это и отразилось в его никому не нужной поэме.
«Но могло бы отразиться и что-нибудь похуже» – думает он.

Тютчев в большой компании читает стихотворение «На дороге».
Только одна дама из присутствующих видит, что делается у него за спиной.

Сам Тютчев – человек пожилого возраста,
с круглым мягким лицом и в пенсне.
Он читает по бумажке и как бы для себя.

Лермонтов читает свое стихотворение «Тучки небесные
вечные странники».
Он стоит спиной к окну и не видит, что происходит на улице.
Не только он, но и никто из присутствующих по его вине
ничего не видят.
На улице же снегу намело метра три.

Достоевский читает первую главу «Подростка». На фразе
«а так писать – похоже на бред или облако» –
он останавливается и мутными глазами обводит комнату:
в зеркале напротив, действительно, отражается облако
и кусочек неба.

Чехов не явился вовремя читать свою «Степь» как обещал
накануне. В течение часа приглашенные, то один, то другой
подходили к окну посмотреть, не подъехала ли карета
Чехова. Любовались блеском снежинок, сверкающих
в свете фонаря.
Читать Чехов так и не приехал.

12 апреля 1887 года с шести часов вечера и до восьми
чтение стихов происходило только в двух местах:
в английском городе Блеквуде и в русском Кишиневе.
Причем в русском городе читались стихи давно умершего
поэта Державина. Дряхлый старик в течение двух часов
читал одно стихотворение за другим.

В 11 часов вечера Мандельштам ходит по зоологическому
музею и читает вслух надписи на стеклянных шкафах.
«Эти чучела смотрят на меня через стекло и слышат
какие-то непонятные для них звуки» – вдруг приходит
в голову Мандельштаму и он испуганно озирается
по сторонам.
Затем по пустынным залам музея разносится топот
бегущего человека, громкий стук дверей и скрежет замка.

1975

Михаил Орлов

* * *

Глина мякнет, и мокнет песок.
Под талиной гниет обласок.
Духота. Не отбиться от мух.
От земли поднимается дух,

Как тумана зеленая зыбь
Лижет изб и деревьев низы,
Лезет вверх по столбам и стволам,
Делит призрачный мир пополам.

Там небесные тропы легли,
Здесь глухие изгибы земли.
Продырявилось дно обласка,
Провалились рябые бока.

Мать-и-мачехи маленький рот
Золотистое солнце сосет.
На обрыве застыла овца
С мавританскою лепкой лица.

Сорока

Что делать, у сороки
В ее хрипчивом треске
Нет песенной сноровки.
Торчат одни обрезки,
Обломки да обрывки
Какой-то древней речи,
Не мысли, а предтечи.
Но, мучась в этом гаме,
Где звуки злы и туги,
Она без гимна гамме
Свои фугует фуги.

Ольга Седакова

* * *

Там, где окраина – подруга
вдовому утру, ночному чаепитью,
на сквозняке у трамвайного круга
ждали-поджидали, дождались гостью.

Ждали-поджидали, узнать не узнали,
к дому своему указали дорогу.
Лед на языке от трамвайной стали.
Дай мне досказать еще немного,

провести по трещинам ветхой фанеры,
задержать ладони на стертых лицах...
Вся твоя окраина – смех суеверный:
темного сердца, готового проститься.

1973

Сказка

Так она лежит, и говорят,
что над ней горит, не убывая,
маленькая свечка восковая
и окно ее выходит в сад.

Странно, или сердце рождено,
чтобы так лежать? Веретено
на полу валяется и снится.
И она лежит, как тихий вход
в темный сад, откуда свет идет
и скрипит по древним половицам.

Глубоко, как сердце, глубоко,
как глубокий обморок, и глубже,
в глубине пропущенных веков
спи, голубка, долго, глубоко:
кто узнает, что идет снаружи?

Если это скрип и это свет,
понемногу восходящий кверху, –

сердце рождено, чтоб много лет
спать и не глядеть, как ходит свет
и за веткой отгибает ветку.

Никому не снится этот сон:
он себе и дом, и виноградник,
и дорога, по которой всадник
скачет к ней, и этот всадник – он.

– Много я прошу, но об одном
выслушай по милости огромной
и тогда разрушь меня, как дом,
непригодный для души бездомной:

это будет то, что я хочу.
Остальное бедно и обидно.
И задуй мне душу, как свечу,
при которой темноты не видно.

1978

* * * #

Кто родится в черный понедельник,
тот уже о счастье не думай:
хорошо, если так обойдется
под твоей пропащей звездой.

Родилась я в черный понедельник
между Рождеством и Крещеньем,
когда ходит старая стужа,
как медведь на липовой ходуле:
– Кто там, дескать, варит мое мясо,
кто мою шерсть прядет-мотает? –
и мигали мелкие звезды,
одна другой неизвестней.

И мне снилось, как меня любили,
и ни в чем мне не было отказа,
гребнем золотым чесали косы,
на серебряных санках возили
и читали из таинственной книги
слова, какие я забыла.

Борис Цейтлин

Внутри молекул

Стоит раскосая избушка, в избушке женщина тоскует.
Как будто серая кукушка в лесу на веточке кукует.
По половице кошка ходит.
Синица по окошку ходит.
Блудница без застёжки ходит.
И ничего не происходит.

Гитара замерла в аккорде (который ничего не значит).
Кого-то долго бьют по морде, а он моргает и не плачет.
Милиція далёко ходит.
Безликие калеки ходят.
В больнице лики их находят.
И ничего не происходит.

А удалцы секут моменты и, подсекая, палкой глушат.
Мусолят в лоск интеллигенты свои заплеванные души.
Простынку похвалой изводят.
Картинку под полой уводят.
Пластинка под иглою ходит.
И ничего не происходит.

А если что и происходит – так это рыба виновата,
Когда она икрой исходит, проваливаясь сквозь экватор.
Малютки мамы не находят.
Калитки дома не находят.
А глотки снова дым наводят: мол, ничего не происходит.

Все тихо. Как вода в стакане.
Запил таблетку – и поехал.
А если кто-то хулиганит
– Так это там, внутри молекул.
Не удержавшись на орбите в кошмарном атомарном быте,
Шальная нота вверх выходит...
Как будто, что-то происходит.

* * *

Ох, круги, круги. Не видать ни зги.
От лютой пурги дохнуть не могли.
Куда б ни ступил, то там, то тут
Всё грибы растут. Всё грибы растут.

А как упал на тропу да как пророс травой.
Хошь ты вой, хошь не вой – все одно не твой.
Отворяй ворота. Ступай из избы.
Пора пришла собирать грибы.

А с пустым ли ведром аль опричь того,
Поскреби топором да покличь его.
Будут петь столбы. Будет знак на челе.
Хороши грибы – да нутро в черве.

Ты уймись душа, не тягай хомут.
Кому ты душа, те и так поймут.
А кому ты стервь
– От того и стерпь.
Всё растут грибы
– Не берет их смерть.

Идиллия

Вон плывут по пруду уточки.
Посередь них красны селезни.
Все они суть твари Божии.
Обижать их не положено.
Рыбу тож удить не гоже нам.
Она ведь по воле Божией
Во пруду живет и множится.

А подчас как глянешь на воду
– Вродь не рыба и не утица.
Фу ты, ну ты, никак нутрия!
Содрогнешься весь аж внутренне.
Эдакое мерзохвостие.
А ведь тож творенье Божие.

Вон и белочка на веточке
Себе семечки полузгивает.
Вон и серые воробышки
Крошки хлебные поклевывают.
И комарики, хоть маленьки,
Да и те на теплу кровушку
Так и льнут во славу Божию.

И тебе, стал-быть, носителю
Образа-подобья Божьего
Дóлжна участь предначертана
В благодатной сей обители.
Обнажайся, друже, пó пояс.
Помолясь, ступай же побосу

В лесопарковую полосу,
О сырую поросль хлопаясь.
Со твоей пусть длани щедрыя
Разлетятся крошки хлебныя
Красным селезням да уточкам,
Резвым рыбкам да воробышкам.
Из твоих пусть нежных жилочек
Всяки мошки да комарики
Сладкой кровушкой попотчуются.

Пастораль

Зачем вы убили козла моего?
Ведь он вам не сделал совсем ничего.
А вы его все же убили.
Видать, вы его не любили.

Мой козлик скакал по горам, по долам
И пищу со мною делил пополам.
Но козы его не любили
И больно копытами били.

Я сам его тело холодное сгреб.
И я положил его в маленький гроб.
Но завяли цветы на могиле.
Потому что его не любили.

И только Господь возлюбил его душу,
Когда с нее скинул козлиную тушу.
И ангелы душу отмыли.
И Там его очень любили.

* * *

Стучит по рельсам электричка.
Над нею звезды тыщами.
Моя знакомая москвичка
Давно уж за Мытищами.

* * *

будь я китайцем
писал бы стихи
по-китайски
и читал их
китайцам

Пётр Смирнов

Будуинские холмы

Все здесь типерь нет связи время
И камень бутобы нитот
Припомним мы былоя время
Цвитущий сат царил кругом

Кагда содился возле края
Над лесопарком журовлем
И радость сердца наполняя
Живатворящим соловьем

Москва Москва ты буто ангел
Цвитущий сад твой угалок
Всадах из яблань русь свитая
Ты не увянешь в камень блок

Твой храм акутает лесами
Как будуинские холмы
И первый бросица на камень
Искать сакровища твои

Ноих там нет и быть неможет
Прошло то время навека
И камень наруки паложит
Свиряя время нагода

И абазначит время года
И век на пишет на века
Как буто он нашел породу
Вслиянье древнева холма.

Ледник

Бросала море втот периуд
И реки вспячь кидали вал
Но безуспешно от ходили
Смитая дикий перевал

А он не тронутый собою
Под мял коряжие леса
Как див извергнутый судьбою
Тоцился хладостью суда

А звери в диком изумлене
Все поглащая на себя
Покинув топкие болота
Кидались в дикие леса

А люди все-таки до бога
Не смея взор свой отрешить
На дух отшелова сугроба
Ему дары кидали в ниц

Верстой не мерел он гордыню
Хребет уральский а бошел
И вышел в дикою долину
По степь кудлатую пошел

Сходились люди в дика племя
Ривели яки лахмотой
Там мамонт пал в тресину зверя
Клыками рвал перед собой

И люди в племя собирались
На хладость идол за дышал
И на болото посигая
Тропой звериною пугал

Не всели где ему скитаца
Не знавши где ево пугатца
И там и здесь кидая кол
Уж век прошел, ему накол
Там остовляя за гредой
Ледник побрел кидая голь
И там на оступ остовляя
Вдруг покололся как играя
Зерца дикай красотой
Покинул берег луговой

Он будто в диком иступленье
В друг содрогнулся пред собой
Какбута дым поднялся вея
Придним вулкан кидая голь
А там те горы вулунами
Стояли в древе золотом
И до себя не до пускали
Дышали огненной рекой
Погнал ледник перед сабою
И дикай пеной из вергая
Вдруг леденел перед стопой
Схолодным спадом отлитая
Зерца дикай белезной

* * *

Сколько глупых
в росии родилась
Сколько умных
вмогилу уйдет
Так зачем же
меня породила
Не заметна вздыхая
на грудь
Я не тот
Знать обетам
ненада
Ктобы мог
погледеть на глаза
Я из тех
где любовь роковая
За глаза
говорила судьба
И не верь
мая мать на приметы
Их один
я умел разгодать
И за эта
брожу я посвету
Из росии
хочу убежать
Но не там
где нага рокавая
Мог вступить
я за грань
от ние
Я от жизни
устал догоняя
Что искал
не нашел не чево
Знать на том
мая песня допета
Где не так
говорю на словах
Где росия
знакомая песня
Не полезет
вкорман почетать.

Михаил Анищенко

Половодье

Склоны сопок оползли,
В воду канули деревья.
Пядь за пядью край земли
Приближается к деревне.

Поздно, милый, морщить лоб,
Лодку старую латая.
Это даже не потоп,
Это ненависть святая.

В небе грозно и светло.
Напрочь срезана дорога.
Позабыв про барахло,
Люди вспомнили про Бога.

И сосед мой в небеса
Смотрит грустно, как калека...
За такие вот глаза
Бог и любит человека.

Иван Ахметьев

* * *

я ВЫКЛЮЧИЛ СВЕТ
на ЭТОМ КОНЧИЛСЯ ДЕНЬ

* * *

приятно
руку
положить на стол

* * *

куда нам спешить
спешить нам некуда

я никогда не спешу

* * *

я встретил двух маленьких близнецов
и хотя они были совершенно одинаковы
посмотрел на меня
только один

* * *

прошу прощения
вас и так много
а тут еще я

* * *

Европа двумя войнами
насильственно привязала нас
к своему ритму

что еще сказать – не знаю

* * *

СКОЛЬКО
здесь мы не были вместе
лет десять?

нет
девять лет

* * *

мне кажется
я в чем-то здесь
заблуждаюсь

в чем-то
самом главном

во всем

* * *

погружаясь в воспоминания
я вижу
как много было необыкновенного
значительного
далеко превосходящего
скромные масштабы
моей личности

* * *

мои стихи рассчитаны
на максимально чуткого
и максимально доброжелательного читателя

такого читателя
они создают

* * *

пауза
которую я сделаю
прежде чем ответить
скажет вам больше

* * *

эта наша гордость
всегда будет напоминать нам
о нашем позоре

* * *

прописка в г. Москве

Москва не г.

* * *

камни существуют
деревья растут
звери живые
я думаю
Бог есть

* * *

Приятно заметить
столь нежное сердце
в столь
в таком
в общем
как вот Вы

* * *

здесь в Козловском переулке
я не знал куда пойти

повстречался мне прохожий
подсказал куда идти

проходя по переулку
снова вспомнил я его

* * *

для Бога
нас немного

* * *

резче

и тактичнее

* * *

все

под Богом ходим

в России живем

* * *

года три

мечтаешь об одной

потом как дурак

мечтаешь о другой

* * *

на небо поглядеть невредно

* * *

птички проснулись

а вот и люди

затопали по потолку

* * *

ты вот братец

не в обиду тебе будет сказано

зомбирован

так что

мы уж тебя

того

* * *

я потому так и пишу
что по другому не умею

я потому так и умею
что по другому не пишу

* * *

СКОЛЬКО ЛИЦ
ТЫ НЕ ЗАМЕТИЛ
ИЗ-ЗА НОГ

СКОЛЬКО НОГ
ТЫ НЕ ЗАМЕТИЛ
ИЗ-ЗА КНИГ

КНИГИ

НОГИ

* * *

я сегодня мало спал
поздно лег
и рано встал

* * *

нет весь я не умру

нет так я не засну

* * *

любят обнимают
время отнимают

* * *

семья
это все те
на кого вы сердитесь

Борис Ванталов

* * *

Снял очки. Мир так занятен,
непонятен и красив,
состоит из разных пятен,
в разной степени живых!
Вот пятно блуждает папа
и роняет звуки слов.
Вот пятно плывет анапа,
вот летит пятно тамбов.
Кошка книгой пробежала,
книга кошкой прилегла.
Без конца и без начала
ярких пятен чехарда.
Этот мир калейдоскопа
объяснить никак нельзя.
Вот плывет пятно европа,
вот летит пятно земля.

1976

* * *

В трамвае едет пролетарий,
спит просвещенный офицер,
шуршит газетою татарин,
алеет толстый пионер,
читает Драйзера девица,
и человек стоит с ружьем...

Проклятье! мне опять приснится
Джордж Орвелл со своим зверьем.

1976–1977

* * *

Мыльный шар летит, сверкая,
вниз с балкона в темноту,
фонарями из Китая
украшая Пустоту.

Наполняет чай индийский
теплый колокол фарфора,
и желтеет глаз буддийский
на палитре светофора.

Мыльный шар летит, сверкая,
вниз с балкона в темноту.

1977

* * *

Так дай мне Бог сойти с ума!
Противна мне структура мира:
отбора вечная секира
и человечества тюрьма.

Любви слюнявые заклатья,
рабов унылые проклатья,
вселенной темное объятье –
все западня.

О дай мне Бог сойти с ума!
И насладиться блеском пятен
и мнить, что я невероятен
и бесконечен как волна.

1989

* * *

Давным-давно в ЦПКиО гремела музыка.
Зимой дымились пирожки. Гуляла публика.
С американских гор, вопя, катились школьники,
и в белых фартуках тогда стояли дворники.
Повсюду продавались раскидайчики,
речные бегали трамвайчики,
и были мы пушистыми как зайчики.

1998

Борис Констриктор

* * *

дышала ночь восторгом самиздата

1980

Текстологу

Не ссы
лайся.

* * *

Армагеддон
Армагеддон
как много дум
наводит
ОН

Михаил Генделев

«Стой! Ты похож на сирийца»

Сириец
внутри красен темен и сыр
потроха голубы – видно – кость бела
он был жив
пока наши не взяли Тир
и сириец стал мертв
– инш'алла –

отношенья цветов – я считаю – верны
он
там
а здесь и напротив – напротив ты
и за то любили мы с ним войны
простоту
что вкусы у нас просты

и еще люблю я дела свои
обсуждать лишь с собой
и люблю как звенит
луч на хорах сосновых и запах хвои
в полдень
в тридцать два года
лицом в зенит.

и Смерть

Не так давно
я смотрел в окно
и думал что жизнь говно
а
надо чего
а надо ничком
в комнату где темно

и
синим чтобы огнем горел
этот
Иерусалим
а я бы
даже не посмотрел
и даже не похвалил

а только вышел потом
и сел
у святынь
нам
всем дорогих
и естественно пожалел
что нет со мной кочерги

крах сказал бы я вам и прах
августейшие
и
зола
ав сказал бы на ваш на Храм
от девятого от
числа

долго и просто
бы
так сидел
много ли надо нам
в небо ясное бы глядел
глядя
по сторонам

и я спустился
как за водой
на площадь Не Помню Каких Святых
и
прохожие чередой
коты
огня раскрывали рты

и лишь
видом по горло сыт
когда я решил наизусть прочесть
я понял что я
забыл
язык
как тапки зайдя в мечеть

и с комендатурою во дворе
рядом
раньше где толчея
мычу я и кашляю я на заре
и
кажется
плачу я.

Александр Ерёменко

Отрывок из поэмы

Осыпается сложного леса пустая прозрачная схема.
Шелестит по краям и приходит в негодность листва.
Вдоль дороги прямой провисает неслышная лемма
телеграфных прямых, от которых болит голова.

Разрушается воздух. Нарушаются длинные связи
между контуром и неудавшимся смыслом цветка.
И сама под себя наугад заползает река,
и потом шелестит, и они совпадают по фазе.

Электрический ветер завязан пустыми узлами,
и на красной земле, если срезать поверхностный слой,
корабельные сосны привинчены снизу болтами
с покосившейся шляпкой и забившейся глиной резьбой.

И как только в окне два ряда отштампованных елок
пролетят, я увижу: у речки на правом боку
в непролазной грязи шевелится рабочий поселок
и кирпичный заводик с малюсенькой дыркой в боку.

Что с того, что я не был там только одиннадцать лет?
У дороги осенний лесок так же чист и подробен.
В нем осталась дыра на том месте, где Колька Жадобин
у ночного костра мне отлил из свинца пистолет.

Там жена моя вяжет на длинном и скучном диване.
Там невеста моя на пустом табурете сидит.
Там бредет моя мать то по грудь, то по пояс в тумане,
и в окошко мой внук сквозь разрушенный воздух глядит.

Я там умер вчера. И до ужаса слышно мне было,
как по твердой дороге рабочая лошадь прошла,
и я слышал, как в ней, когда в гору она заходила,
лошадиная сила вращалась, как бензопила.

* * *

Древесный вечер. Сумрак. Тишина.
Расшатанные длинные коровы.
Их звать никак, их животы багровы,
и ихний кал лежит, как ордена.

* * * #

В густых металлургических лесах,
где шел процесс создания хлорофилла,
сорвался лист. Уж осень наступила
в густых металлургических лесах.

Там до весны завязли в небесах
и бензовоз, и мушка дрозофила.
Их жмет по равнодействующей сила,
они застряли в сплюснутых часах.

Последний филин сломан и распилен.
И, кнопкой канцелярскою пришпилен
к осенней ветке книзу головой,

висит и размышляет головой:
зачем в него с такой ужасной силой
вмонтирован бинокль полевой!

* * * #

В лесу осеннем зимний лес увяз.
Как будто их местами поменяли.
И всем деревьям деньги разменяли.
Природа спит, надев противогаз.

Не шевелится углекислый газ.
Не дышит свет на воду. В одеяле
спит стоя лес, уйдя в свои детали:
в столбы, в деревья, в щели, в лунку, в паз.

Природа спит, как длинный-длинный пас,
нацеленный в неведомые дали,
и крепко спит, не закрывая глаз,

и крепко спит, как профиль на медали.
И крепко спит, уткнувшись в параллели
своих прямых. И не глядит на нас.

* * *

Там за окошком развивался лес.
Как яйцеклетка. (Как грудная жаба.)
Внутри него злодействует отвес,
а снег над ним стоит,
как дирижабль.

Не падая, не опускаясь вниз,
но так располагаясь вдоль сетчатки,
что вместе с ним качаются участки
земли, как опрокинутый карниз.
И вместе с арматурой корней
они спрессованы в одно большое эхо
плотней, чем орден, тяжелей, чем бляха
с насильно выдавленным якорем на ней...

Так длился лес
из белых электричек,
и, вваливаясь, трудовой народ,
когда я говорил, смотрел мне в рот,
и я давал им
сигарет и спичек.

* * *

Сгорая, спирт похож на пионерку,
которая волнуется, когда
перед костром, сгорая со стыда,
завязывает галстук на примерку.

Сгорая, спирт напоминает речь
глухонемых, когда перед постелью
их разговор становится постелью
и кончится, когда придется лечь.

Сгорая, спирт напоминает воду.
Сгорая, речь напоминает спирт.
Как вбитый гвоздь, ее создатель спит,
заподлицо вколоченный в свободу.

Из поэмы

Я мастер по ремонту крокодилов.
Окончил соответствующий вуз.
Хочу пойти в МИМО, но я боюсь,
что в эту фирму не берут дебилов.

Мы были все недалёкая родня.
Среди насмешек и неодобренья
они взлетали в воздух у меня,
лишенные клыков и оперенья.

Я создал новый тип. Я начинал с нуля.
Я думаю, что вы меня поймете.

Я счастлив был, когда на бреющем полете
он пролетал колхозные поля.

Но, видно, бес вошел в ту ночь в меня,
и голос мне сказал: чтобы задаром
он не пропал, ему нужна броня.
И вот я оснастил его радаром.

Я закупил английский пулемет.
На хвост поставил лазерную пушку...

Последний раз его видали в Кушке.
Меня поймали, выбрили макушку,
и вот о нем не слышу целый год.

Хотя, конечно, говорящий клоп
полезнее, чем клоп неговорящий,
но я хочу работы настоящей,
в которой лучше действует мой лоб.

Я мастер по ремонту крокодилов.
Вокруг меня свобода и покой.
Но чтоб в груди дремали жизни силы,
я не хочу на все махнуть рукой.

.....

Прошу вернуть меня назад обратно
(не верьте, что болтают про меня).
И мы с моим биноклем семикратным
продолжим изучение огня!

* * *

Когда наугад расщепляется код,
как, сдвоившись над моментальным проходом,
мучительно гений плывет над народом
к табличке с мигающей надписью «вход»!

Любые системы вмещаются в код.
Большие участки кодируют с ходу.
Ночной механизмик свистит за комодом,
и в белой душе расцветает диод.

Вот маленький сад. А за ним – огород.
Как сильно с периодом около года
взлетала черемуха за огородом,
большая и белая, как водород!

* * *

Неуютная луна.
Свет – коричневатый.
Я люблю тебя, страна
из стекла и ваты.

Все, что видно из окна
в день моей зарплаты
за бутылкою вина –
из стекла и ваты.

Стекло-
ватую шальной
сыплется за ворот
по дороге окружной
этот белый город.

Из огромного стекла.
Из огромной ваты.
Циркулярная пила,
свет коричневатый.

Не любить ее нельзя.
Никого не трону,
по стеклу ее скользя,
словно по бетону.

* * *

Был педагог медлительный и старый.
А по утрам старательный и хмурый.
Принес два новых перпендикуляра,
и это называлось физкультурой.

Физической культурой.
Теплый день
был назван «всесоюзною линейкой».
За рисованием шло чистописанье,
а на труду – лепили огурцы.

* * *

Туда, где роща корабельная
лежит и смотрит, как живая,
выходит девочка дебильная,
по желтой насыпи гуляет.

Ее, для глаза незаметная,
непреднамеренно хипповая,
свисает сумка с инструментами,
в которой дрель, уже не новая.

И вот, как будто полоумная
(хотя вообще она дебильная),
она по болтикам поломанным
проводит стершимся напильником.

Чего ты ищешь в окружающем
металлоломе, как примата,
ключи вытаскиваешь ржавые,
лопатой бьешь по трансформатору?

Ей очень трудно нагибаться.
Она к болту на 28
подносит ключ на 18,
хотя ее никто не просит.

Ее такое время косит,
в нее вошли такие бесы...
Она обед с собой приносит,
а то и вовсе без обеда.

Вокруг нее свистит природа
и электрические приводы.
Она имеет два привода
за кражу дросселя и провода.

Ее один грызет вопрос,
она не хочет раздвоиться:
то в стрелку может превратиться,
то в маневровый паровоз.

Ее мы видим здесь и там.
И, никакая не лазутчица,
она шагает по путям,
она всю жизнь готова мучиться,

но не допустит, чтоб навек
в осадок выпали, как сода,
непросвещенная природа
и возмущенный человек!

* * *

Жаркий полдень.
Бутылку вина
ворую в универсаме.

* * *

Я пил с Мандельштамом на Курской дуге.
Снаряды взрывались и мины.
Он кружку железную жал в кулаке
и плакал цветами Марины.

И к нам Пастернак по окопу скользя,
сказал, подползая на брюхе:
«О, кто тебя, поле, усеял тебя
седыми майорами в брюках?»

...Блиндаж освещался трофейной свечой,
и мы обнялись спросонок.
Пространство качалось и пахло мочой –
не знавшее люльки ребенок.

* * *

Человек похож на термопару:
если справа чуточку нагреть –
развернется слева для удара...
Дальше не положено смотреть.
Даже если все переиначить –
то нагнется к твоему плечу –
в позе, приспособленной для плача...
Дальше тоже видеть не хочу.

Переделкино

Гальванопластика лесов.
Размешан воздух на ионы.
И переделкинские склоны
смешны, как внутренность часов.

На даче спят. Гуляет горький,
холодный ветер. Пять часов.
У переезда на пригорке
с усов слетела стая сов,

поднялся ветер, степь дрогнула.
Непринужденна и светла,
выходит осень из загула,
и сад встает из-под стола.

Она в полях и огородах
разруху чинит и разбой
и в облаках перед народом
идет-бредет сама собой.

Льет дождь... Цепных не слышно псов
на штаб-квартире патриарха,
где в центре англицкого парка
стоит Венера. Без трусов.

Рыбачка Соня как-то в мае,
причалив к берегу баркас,
сказала Косте: «Все вас знают,
а я так вижу в первый раз...»

На даче сырость и бардак.
И сладкий запах керосина.
Льет дождь... На даче спят два сына,
допили водку и коньяк.

С крестов слетают кое-как
криволинейные вороны.
И днем, и ночью, как ученый,
по кругу ходит Пастернак.

Направо – белый лес, как бредень.
Налево – блок могильных плит.
И воет пес соседский, Федин,
и, бедный, на ветвях сидит....

И я там был, мед-пиво пил,
изображая смерть, не муку,
но кто-то камень положил
в мою протянутую руку.

Играет ветер, бьется ставень.
А мачта гнется и скрипит.
А по ночам гуляет Сталин.
Но вреден север для меня!

Бахыт Кенжеев

* * *

я знаю плохого поэта
(о сумерки, час соловья!)
он часто сидит на крылечке
и водку холодную пьет

он книгу чужую читает
с завистливым бледным лицом
и водку в невытом стакане
закусывает огурцом

наутро опухший и страшный
он водку холодную пьет
и голосом жизни вчерашней
похмельную песню поет

а днем разговоров не слышит
уходит лежать в лопухи
сиреневой веточкой дышит
и пишет плохие стихи

1976

* * *

Всю жизнь торопиться, томиться, и вот
добраться до края земли,
где медленный снег о разлуке поет
и музыка меркнет вдали.

Не плакать. Бесшумно стоять у окна,
глазеть на прохожих людей
и что-то мурлыкать похожее на
«Ямщик, не гони лошадей».

Цыганские жалобы, тютчевский пыл,
альябьевское рококо!
Ты любишь романсы? Я тоже любил.
Светло это было, легко.

Ну что же, гитара, безумная, грянь,
попробуем разворошить

нелепое прошлое, коли и впрямь
нам некуда больше спешить.

А ясная ночь глубока и нежна,
могильная вянет трава,
и можно часами шептать у окна
нехитрые эти слова...

* * *

В. Ерофееву

Расскажи мне об ангелах. Именно
о певучих и певчих, о них,
изучивших нехитрую химию
человеческих глаз голубых.

Не беда, что в землистой обиде мы
изнываем от смертных забот, –
слабосильный товарищ невидимый
наше горе на ноты кладет.

Проплывай паутинкой осеннею,
чудный голос неведомо чей –
эта вера от века посеяна
в бесталанной отчизне моей.

Нагрели мы, накуролесили,
хоть стреляйся, хоть локти грызи.
Что ж ты плачешь, оплот мракобесия,
лебединые крылья в грязи?

* * *

Седина ли в бороду, бес в ребро –
завершает время беспутный труд,
дорожает тусклое серебро
отлетевших суток, часов, минут,

и покуда Вакх, нацепив венки,
выбегает петь на альпийский луг –
из-под рифмы автор, членистоног,
осторожным глазом глядит вокруг.

Что случилось, баловень юных жен,
удалой ловец предрассветных слез,

от кого ты прячешься, поражен
чередой грядущих метаморфоз?

Знать, душа испуганная вот-вот
в неживой воде запоздалых лет
сквозь ячейки невода проплывет
на морскую соль и на звездный свет –

за изгибом берега не видна,
обдирает в кровь плавники свои –
и сверкают камни речного дна
от ее серебряной чешуи.

* * *

Обманывая всех, переживая,
любовники встречаются тайком

в провинции, где красные трамваи,
аэропорт, пропахший табаком,

автобус в золотое захолустье,
речное устье, стывшая вода.

Боль обоймет, процарствует, отпустит –
боль есть любовь, особенно когда

как жизнь, три дня проходит, и четыре,
уже часы считаешь, а не дни.

Он говорит: «Одни мы в этом мире».
Она ему: «Действительно одни».

Все замерло – гранитной гальки шелест,
падение вороньего пера,

зачем я здесь, на что еще надеюсь?
«Пора домой, любимая». «Пора».

Закрыв глаза, и окна затворяя,
он скажет «Ветер». И ему в ответ

она кивнет. «Мы изгнаны из рая».
Она вздохнет, и тихо молвит «Нет».

Сергей Панов

* * *

Я, конечно, очень считаюсь с дураками.
И очень осторожно резвлюсь под их
низконависающим
каменным карнизом.

1979

Двое

Я ценю поэта,
но не вполне им доволен.

А она находит его предельно прекрасным
и говорит мне:
– Ты его недопонимаешь...

И стоят два человека,
глядя друг на друга сверху.

* * *

Вышел на утес –
и зевнул.

* * *

Все мне удивительно!
Ничему не удивляюсь!

* * *

Какой там я такой...
Ничего особенного...

Вот в ее воображении я –
это да.

Университет. Начинается лекция

– Бог – мы видим –
всею своею силою
поддерживает каждого.

Ну, он снабдил, например,
всем необходимым зайца –
чтобы тот мог удрать от волка.

Но снабдил также всем необходимым и волка...
Чтобы тот настиг зайца.

Что из этого следует?

.....

Самобичевание

Ну что это я?
Надо быть с народом...

Зачем я
предпочитаю обходиться
без некоторых продуктов,
уклоняюсь
от ужасающих очередей?

А он весь там...

Прекрасный миг

Ай!
Как прелестна!

Стоит в очереди,
нервничает...

* * *

Хожу, хожу...
Того нет,
и того нет...

А настроение есть!

* * *

Нежен я
или бью наотмашь,

скареден я
или щедр по-царски,

глуп я несусветно
или чертовски остроумен –

ни бельмеса
не понимают.

Такой читатель мне не нужен.
Такому читателю и я не нужен.

Где ты, читатель?
Ау, читатель!

1983

* * *

Смотрю на нее потрясенно...

Как дорога она мне!
Люблю ее всей душой.
Ни за что не желаю
с нею разлучаться.

А мы и не знакомы.
Никогда до сих пор
не виделись.

Вот она передо мной –
просто прохожая.

Еще миг –
и навсегда она
из поля моего зрения
исчезнет...

* * *

Гляжу из окна –
пустынная улица.

Выйти на нее,
что ли?

Чтобы хоть один человек
был на ней.

* * *

Кто же спорит?
Никто не спорит...

А кто согласен?

?

?

?

Да никто!

1984

* * *

Есть люди,
одно появление которых перед нашими глазами –
радость.
Много таких людей встречаю на улицах.

И ах, как хотел бы я всем,
от кого я в восторге,
рубль, что ли, восхищенно давать!

Но – увы –
неосуществим мой прекрасный порыв:

кого знаешь,
теми настолько увлечься невозможно;

а к незнакомым – ума не приложу,
как с моим рублем подступиться...

* * *

Он заявил, что он –
любитель поэзии.
А я как раз полагаю себя
ее кудесником.

И тогда я
продекламировал торжественно
одно из своих
вдохновенных
творений.
И оно ему
не понравилось.

– О! –
Задумался я. –
Да ведь один из нас –
шарлатан!

* * *

Человеку как-то не по себе
от того, что вы не тираните его,
раба.

Ожидает боязливо и смиренно
грозных ваших повелений
минуту-другую, третью...
Но их нет как нет.

И тогда он, приосанившись,
сам начинает тиранить вас.

* * *

Я не начинающий!

Меня не печатали –
да.

Это они –
издатели –
начинающие!

1987

Елена Пудовкина

* * *

Переменчивость дня –
 превращений привычный порядок,
где достойных причин
 никогда не бывает и нет:
просто – синяя женщина
 вышла из черной парадной,
папироску достала,
 а значит – начнется рассвет.

1974

* * *

Мне так знакомы трубы за окном,
вернее, так друг другу мы знакомы,
что одинаково поем.
И песни в горле комом
и копотью осели. Не смотри
никто на нас: черны мы изнутри.

Вот вотчина моя: антенн сухие колья...
Но приглядишься: это ль не раздолье?
Вот кошка-зверь нырнул в чердак-нору.
Мне трубы – как собратья по перу.

Слова то стелются, то в вышине маячат.
По склонам крыш к земле стекает грязь.
Как будто небеса идут по ней, слезясь.
Как будто мы живем на небе, плача.

Елена Щапова

Неизвестное время года #

(ему нужно всё подсчитывать)

Дождь шел четыре раза
Стрекоза умерла сорок шесть
Цветок запа́х восемь
Корова промычала одиннадцать
Не бог весть что
Но она не плакала ни одного
Гром один раз
Молния два
Он звал на помощь – три
(ни один не отозвался)
Листья меняли оттенок шесть раз
Кровать скрипнула – сто двадцать
Трава зеленела – девять
Звезд упало семь
Сильный ветер – два раза
Всего семьсот семьдесят девять раз
Да еще смех
Сколько же раз они смеялись?
Фантастическая цифра
Солнечная система
Мне этого не простит
Не буду записывать
Не буду
Не буду
Не буду

Николай Байтов

* * *

Выходит лунатик, омытый луной,
на крышу.

И бродит над спящей страной.
И слышит работу печатных станков
в высоких сугробах газетных листов.

А утром он встанет и кофе нальет,
и свежую в руки газету возьмет,
и будет смотреть с непонятной тоской,
и гнуть разворот раздраженной рукой.

* * *

Машут тени рук доброжелательно: иди!
Дверь раскрыли, а за ней не различить ни зги.
– Там – что хочешь, – говорят, – ты лишь себе не лги.
Мы во все поверим. – Хочешь спичку? – и зажгли.

Зга стоит кривая, как каракуля в строке,
как парабола с балкона в солнечную рябь.
– Видишь ты, сомнительный, как зыбь светла в реке?
Ну, теперь ручки птичкой – и туда! – говорят.

Пятясь, пятясь, я зажмурился и губы с треском сжал:
не дай Бог на произвол дыры отдать святую речь...
Машут тени рук разочарованно: – Жаль! –
Не тебя, мямлю кислого, а жаль зря спички жечь!

* * *

Каждый, кто в руки книгу мою берет,
сразу же видит много знакомых букв.
Мало моих портретов: я их берёг,
как мне советовал мой настоящий друг.

Скупю даю тебе я ракурсы лиц,
слабые позы, взгляды из-под волос.
Редко меня ловили фокусы линз.
Имя мое невидимо назвалось.

Мало и плохо надеешься ты на звук.
Шлешь мне повсюду видов своих каталог.
Образы, думаешь, четко тебя назовут
каждому глазу, который от букв оглох.

Если бы я забыл, как дрожит гортань,
буквы сквозь зубы пролезли бы тебе в рот.
Если не так, то, конечно, назад отдай
каждый, кто в руки книгу мою берет.

* * *

Что ты, товарищ, набылчился?
Свет ли тебе вдруг обрыдл?
Или ты только что вычислил
много обычных обид?

Каждый свое горе мыкает –
трудно понять, почему.
Много обидных обычаев
ходит у нас по селу.

Звездные ль это дурачества,
или то лунная дурь? –
Сам я давно насобачился
все их суммировать в нуль.

Видишь, какие тут мерзкие,
чудные всюду места?
Видишь все разности местные? –
нет им ни зва, ни числа.

Луг вон румянцем окрасился,
брежит в туманах заря.
Зря ты, товарищ, окрысился,
распетушиться пора. –

Тяжкую дрему взбить крыльями,
крикнуть до самой Москвы.
Видишь, какие обширные
дали явились из мглы.

Речки, овражки, болотины,
пашни, пригорки, леса.
Трудно понять, где тут что-нибудь.
Твердо ручаться нельзя.

* * *

Свет сквозь ветки тихо висит.
Поздний поезд где-то свистит.
Тени тянут белые выи,
переплывая
ночью Стикс.

Странно спрятан хитрый мой дом,
сшитый до щиколоток хитон. –
Словно саван некий дощатый,
он мне защита,
а я – никто.

Я завязан в куст бузины.
Блики слиплись в тусклые сны.
С листьев льется блеском напрасным
бледный и пресный
вкус росы.

Кто там в комнату внес дрова?
Вспышка спички и звон ведра...
В слабых всхлипах дальнего ветра
только веранда
мне видна.

* * *

Надя, я очень хороший спортсмен, мне нет равных.
Тысячу раз по отвесной скале, ни с кем в связке,
я поднимался в дыму облаков к таким синим
твердым пространствам, где даже невмочь летать птице,
ибо на этих высотах уже дышать нечем.

Нет, никогда я не верил вполне в чужой опыт.
Все снаряжение сам испытал и сам сделал.
Модули Юнга своею рукой в закон Гука
вписывал я для плетеных тросов своих марок.
Прочность титанового костыля почти вдвое
мне довелось увеличить за счет иной формы.

Ты понимаешь, надеюсь, не в столь прямом смысле? –
Правильно делаешь: я не рискну развить дальше
эту метафору, ибо сейчас мои трюки
станут профессионалу смешны, а мне горьки:
я эдельвейсы видал лишь во сне, и то смутно.

После за пять или много за семь монет рваных
в потной долине с трудом предлагал эскиз сказки
бюргерам крепким себе на уме, благим сидням.
«Пусть в лотерее они налету едят цифры, –
думал про них я, – небось, все равно мой шанс вечен».

Ибо на этих высотах уже мне нет равных.
К твердым пространствам сквозь дым облаков, ни с кем в связке
тысячу раз по отвесной скале к таким синим
я поднимался, где даже невмочь летать птице.
Надя, я очень хороший поэт. Дышать нечем.

Диалог о Джойсе

– Я знал человека по имени Щорс,
он был боевой командир.
Так он на обед признавал только борщ,
поскольку в нем смысл находил.

– Я знал человека по имени Цой,
он был популярный певец.
Так он по утрам всегда бегал трусцой,
чтоб сбросить избыточный вес.

– Я знал человека по имени Джойс,
он был современный Гомер.
Ему по ошибке налили раз борщ –
так он трое суток ревел.

– А я знал другого по имени Джойс.
Однажды он бегал три дня, –
так следом неслась за ним вся молодежь,
за Цоя случайно приняв.

* * *

Кругом так много сел, лугов и нив.
Вишневый сад расцвел, и много слив.
Все книги я прочел. Не надо слов.
Тогда скажи, о чем твой тяжкий вздох.

Вдали горит костер. Под ним обрыв.
В реке живет осетр и много рыб.
Над той рекой растет высокий дуб.
Русалки под мостом меня ебут.

Холодная, как сом, одна из них
смеется вся, хвостом меня обвив.
Меня трясут восторги их забав,
и кровь, и вкус осоки на губах.

И вижу: между трех лесных дорог
в зеленый мягкий мох зарыт мой гроб.
Под елками растет высокий гриб.
Летит до самых звезд совиный крик.

Повсюду среди лесов, полей и рек
все тот же смех и сон, и стон, и грех.
Вдали горит костер. Под ним обрыв.
Вишневый сад расцвел, и много слив.

* * *

Туман черемуху укрыл
под насыпью внизу.
Набоков в тамбуре курил,
вздыхая на звезду.

В недвижимом поезде все спят.
Лишь где-то невзначай
из туалета водопад
на шпалы прожурчал.

Там стукнула о стенку дверь,
на полку кто-то влез.
И вот бесшумно, словно тень,
пошел, поплыл экспресс.

Уже, качаясь, шлет привет
покинутым лугам,
где стелется и вслед плывет
сиреневый туман.

* * *

Каждое утро на протяжении многих лет
я появляюсь на грани травы и воды.
Я убеждаюсь, что у теней отражений нет.
Все это знают, но мало кто делает выводы.

Владимир Глозман

* * *

Я был готов перевернуть весь свет:
Когда, мол, эти жуткие невежды
Нам возвратят гражданские одежды?
Молчание шуршало мне в ответ.

Я звал к оружию многих храбрецов.
И многие пошли бы; но мешало
Все то, что их когда-то потешало,
Но стало им судьбой в конце концов.

В моей палатке тихо и тепло.
Я вышел в бой один. Но как назло
Противник избегает поединка.

Вчера, казалось, я его настиг;
Но он продиктовал мне этот стих
И, в тень войдя, исчез, как паутинка.

1973

* * *

Мы с тобою всякие дела
Делали из синего стекла.

Чтобы нас хоть что-нибудь спасло,
Мы с тобой любили ремесло.

Все не так, – узнали мы потом;
Даже говорили не о том:

Если наш корабль не взлетит, –
Нам никто ошибки не простит,

Нас с тобою красная вода
Понесет, закрутит навсегда.

1973

* * *

Нет, это не песня.
Я слышу – заброшенный сад:
Все гнило,
Все крошится,
Все опадет – только тронь...
Ты плачешь?
Послушай, далёко на озере Чад
Одинокая бродит гармонь.

1973

* * *

В гуще толпы безответной
Найду я себе эпигона:
– Встань, человек безбилетный,
Уйдем из вагона!
– Чур меня, чур!
У меня проездной...
– Врешь.
Следуй за мной.

1979

* * *

Кто посмеет нас обвинить в распутстве?
Мы почтенные члены похоронного братства:
Схоронили целую Атлантиду –
И не кажем виду.

Задаем вопросы:

Что пишет покойник? Когда вернется?
Теперь уж не раньше прихода мессии...
А впрочем, и ждать осталось недолго –
Недели две-три, а может быть, месяц...

А тот, захороненный материк
Живет в распутстве и нас материт.
А волна стоит на распутье,
Неизвестно, кого одарит.

1979

* * *

Национальный флаг
Устало гривой машет.
Национальный гимн.
Пора ложиться спать.
Последним новостям
В эфире нашем
Угрюмо отзывается кровать.

Пусть простятся мне
Дерзость и прочие качества, –
Я играл словами присяг.
Но на флаге моем
Ничего не значит:
Белый, белый флаг.

1988

* * *

Израиль – страна степная,
Над полями висит самолет:
Этикетка грузинского чая –
Первый сорт.
Вы купили здесь лес?
А я здесь гуляю,
В этом самом лесу, милорд.

* * *

В страшных мучениях ты умрешь,
Потому что ты веришь в ложь.
Вот если б ты верил
В одно из учений, –
Ты бы умер без
Страшных мучений.

* * *

Уговорились мы с Василием
Непротивляться злу насилием.

Владимир Голицын

Лето

Мы – не вы, а вы – не мы,
Вы умны и благородны,
Мы корявы и немые,
Вроде чучел огородных.

Вы вольны мечтать и сметь,
Ждать решительного часа,
Ну, а нами правит плеть
Карабаса Барабаса.
На устах у нас печать,
Чтоб ни вздоха и ни аха,
Только хочется кричать
От предчувствия и страха.
Вы, конечно, лучше нас
И манерой, и походкой,
Но коварный Карабас
И для вас готовит плетку.

Вы привыкли сладко млеть,
Вечно сыты и согреты.
Ну, а если на Земле
Вспыхнет ягодное лето,
И в разгаре кутерьмы
То ли люди, то ли звери, –
Неужели это вы
Рветесь в узенькие двери?
Эти па и эти сальто!
Неужели это вы
На расплавленном асфальте?

Неужели это вы, –
Пескари на сковородке,
И последний миг, увы,
Он всегда такой короткий,
И нельзя в последний миг
Уберечь, спасти, избавить,
И нельзя в последний миг
Ничего уже исправить.

Недолго буду вам обузой.
Отбуду в дальние края.
Вагон-весы с сыпучим грузом
увиду я.

Зачем мне нужен груз сыпучий,
зачем нужны вагон-весы? –
а просто так, на всякий случай,
для жизни вящая красы.

Но ты ответь мне, моя Муза,
скажи мне, правды не тая:
вагон-весы с сыпучим грузом
увиду ль я?

* * *

М. Ю.

Горец, легкий, как бумага,
над ущельем пролетал.
– Ты – ага, а я – Живаго! –
ундер грозно прошептал.

У него казенный штуцер,
пуля медного свинца.
Никаких не хватит Турций
на такого молодца!

Выстрел. Чу!.. За эхом эхо,
по горам: «Хухры-мухры!..»
– Оторвали человека,
понимаешь, от цхры!..

И опять ложится ундер
под ракиновый кусток:
нынче – отдых, на цугундер
он с утра возьмет Восток.

...Да, цхра... А вот не знали,
вижу мысли на лице.
Значит, вам привет от Даля,
том четвертый, буква «Ц».

* * *

Белоглазая чудь и мера,
препоясанная волчьим лыком.
Костромою пылит Емеля,
заполошным крича криком:
– Ой, держите меня, держите!
Еду!
– Словом, весело, не скажите,
жили деды.
Всем, кого мы завоевали
русской печкой,
мы оставили от названий
только речки –
Вуокса, к примеру.

* * *

Лавка, а на ней старик.
Я к нему уже привык,
и, без малого, полвека
нет мне ближе человека:
он и мать мне, и отец,
и начало, и конец.
Вот сидит он, молча курит,
на прохожих не глядит.
Как сказали бы, в натуре,
заурядный индивид.
Утро тлеет еле-еле.
Свет по городу погас.
Все, как есть на самом деле,
без каких-нибудь прикрас.
Правда, жизнь – такая штука,
что нельзя не штукарить.
Отоспавшаяся муха
вышла доноров доить.
И прихлопывая зверя,
неумный старикан
говорит себе: «Не верю!» –
Станиславскому в пандан.
И старик хабарик бросил,
потянулся и пошел.
С неба ледяная осыпь.
Это было хорошо.

Вадим Забабашкин

* * *

Многое и странно, и неясно.
Да, неясно многое и странно:
если есть подсолнечное масло,
где тогда подлунная сметана?

А она ведь существует. Значит,
всякие подонки с подлецами
на складах ее подземных прячут
и с блинами всю съедают сами.

Пророк

К дому подходит пророк,
вот и калитка скрипит.
Переступает порог:
– Здравствуйте! – нам говорит.

– Дайте водицы попить!
– На, – наливаем компот.
– К вам, – говорит, – стало быть,
скоро холера придет.

– Хлебушка можно поесть?
– На, – подаем каравай.
– Дней, – говорит, – через шесть
дом ваш сгорит и сарай.

– Мне бы поспать в уголке...
– Спи, – расстилаем матрац.
Да кочергой по башке –
бац! – окаянному – бац!..

Нина Искренко

* * *

Говорил своей хохлатке
в голубом платке с полочки
вдоль по Пироговке

Говорил Уедем Рита
Заработаю на хату
Будешь ты обута

Будешь кушать апельсины
Коврик купим с полосами
Там красиво Север

Отводил рукою пряди
льнул картофельным медведем
говорил Уедем

говорил Ни капли Баста
Чтоб ей скверной было пусто
Завязал я Рита

Говорил Последний раз а
В рот упала папироса
Магазин закрылся

Тронул крепко одичало
Раздавил в кульке печенье
Сплюнул непечатно

Так и шли законным браком
к задним бедам кислым брюкам
плыли к боку боком

Эх российские буренки
голубые табуретки
Масловки-Таганки

* * * #

Шей сарафаны и шибче рожай
механизаторов
В сельсовете битё крепостных по средам и субботам

* * *

У него пятнадцать баб
Он их на ночь прячет в шкаф
Спрячет ключик повернет
чайничек поставит
сядет в угол у окна

Наконец-то тишина

1990

* * *

Дождь вдумчиво правил свое ремесло
касясь рояля и пня
Прямой как точило
и добрый как зло
не зная ни льда ни огня

Одних я любила
с другими спала
а третьи любили меня
четвертые пили
у пятых война
а всем остальным повезло

1990

секс-пятиминутка

(конструктор для детей преклонного возраста)

Он взял ее через пожарный кран
И через рот посыпался гербарий
Аквариум нутра мерцал и падал в крен
Его рвало обеими ногами
Мело-мело весь уик-энд в Иране

Он взял ее
На весь вагон
Он ел ее органику и нефть
забила бронхи узкие от гона
Он мякоть лопал и хлестал из лона
и в горле у него горела медь
 Мело-мело весь месяц из тумана
Он закурил
решив передохнуть

Потом он взял ее через стекло
через систему линз и конденсатор
как поплавок зашелся дрожью сытой
когда он вынимал ~~свое гребло~~ свое сверло
Мело-мело
Мело

Потом отполз и хрипло крикнул ФАС
И стал смотреть что делают другие
Потом он вспомнил кадр из «Ностальгии»
и снова взял ее уже через дефис
Мело-мело с отвертки на карниз
на брудершафт Как пьяного раба
завертывают на ночь в волчью шкуру
Он долго ковырялся с арматурой
Мело-мело
Он взял ее в гробу

И как простой искусствовиспытатель
он прижимал к желудку костный мозг
превозмогая пафос и кишечный смог
он взял ее уже почти без роз
почти без гордости без позы в полный рост
через анабиоз
и выпрямитель

И скрючившись ~~от мерзости~~ от нежности и мата
он вынул душу взяв ее как мог
через Урал Потом закрыл ворота
и трясся до утра от холода и пота
не попадая в дедовский замок
Мело-мело От пасхи до салюта

Шел мокрый снег Стонали бурлаки
И был невыносимо ~~генитален~~ гениален
его кадык
переходящий
в голень
как пеликан с реакцией Пирке
не уместившийся в футляры готовален
Мело-мело Он вышел из пике

Шел мокрый снег Колдобило Смеркалось
Поднялся ветер Харкнули пруды
В печной трубе раскручивался дым
нависиствая оперу Дон Фаллос
Мело-мело Он вышел из воды
Сухим Как Щорс
И взял ее еще раз

* * *

Сначала мне приснилось с Колей
Потом Ну там еще с одним
Потом приснилось прямо днем
в автобусе ~~Притон~~ Притом
что было тесно как в кастрюле

Потом с каким-то без лица
на безымянном минном поле
А после путча снова с Колей

И каждый раз не до конца!

1991

* * *

Почему люди не летают?
Летают

1993

* * *

Мне все равно какая иномарка
испортит мне пейзаж и выдохнет в лицо
то чем полно ее железное яйцо
оправленное в полированную шкурку
и холод взятый напрокат у морга

Мне все равно чьи недоделанные дети там орут
И кто и почему их не доделал
Допустим это все устроил дьявол
Ну так и дьявол с ними

Но зачем я тут

1993

Вечеслав Казакевич

* * *

В небе туча плывет нехорошая...
Мать с постели встает тяжело,
закрывает розетки галошами,
чтобы молнией дом не сожгло.

В темной комнате пахнет больницей.
Гром гремит... И с тоской слышу я:
«Это все на своей колеснице
разъезжает по небу Илья!»

Скачет близко огромная лошадь...
Села мама на край простыни
и с надеждой глядит на галошу,
что спасет от пророка Ильи.

1984

* * *

Надоело наклоняться бодро,
словно над колодезем, над собой
и вопросы, как пустые ведра,
в душу опускать, забыв покой.

Восхищенный облаками мая,
растянусь среди травы большой...
Пусть Европа голову ломает
над моей загадочной душой!

1985

Одуванчики

В сторонке от поселка дачного
живет старуха вместе с кошкой.
И десять тысяч одуванчиков
молчат у низкого окошка.

Стоит изба над самым озером,
на днях ее снесут бульдозером.

Но знают птицы и зверье,
что есть защита у нее.

За дом, за кошку на диванчике,
за бабу, что устала жить,
все десять тысяч одуванчиков
готовы головы сложить.

1985

Семья

Поселок городского типа.
К забору притулилась липа.
Под липой шаткая скамья,
на ней сидит моя семья.

Отец с трескучей сигаретой,
мать с могилёвскою газетой,
сестра с тетрадкою для нот
и толстый безучастный кот.

Кругом растёт трава сырая,
сверкают звезды в вышине...
И я бы сел на лавку с краю,
но не осталось места мне.

1985

Сельмаг

Лежат на полках пачки жира,
ботинки, ящик табака
и в переводах Маршака
сонеты Вильяма Шекспира.

Я злую пыль прогнал с обложки,
и на какой-то краткий миг
в набитом тучами окошке
кирпичный Тауэр возник.

Из синего явившись мрака,
стоял он, мрачен и тяжел.
Бежала сквозь него собака,
и конь колхозный бодро шел.

1985

* * *

Увидел я каменный дом:
висело белье на балконе.
Рубашка сырым рукавом
махала осенней вороне.

А окна глядели на пруд,
на улицу, полную шума.
«Какие тут люди живут?» –
замедлив шаги, я подумал.

На миг или, может быть, два
застыл я у рыжего клена...
Чужая рубашка с балкона
тянула ко мне рукава!

1986

Весенние побег

Чуть весной поодеколони
теплый ветер дали там и тут,
из укромных наших трудколоний
сразу заключенные бегут!

Не желая за крутым забором,
исправляясь, коротать свой век,
поспешает по родным просторам
в арестантской робе человек.

А за ним солдат конвойных войско,
гонятся овчарок голоса...
Из кармана падает расческа,
но не превращается в леса.

Все уже устроено как надо:
в доме у родителей засада,
и на всех вокзалах по Руси
фото его мутное висит.

Оттого-то на гнилом болоте,
вынув ножик, прислонясь к сосне,
ветру, тучам, дождику, весне
шепчет он тоскливо: «Не возьмете!»

Клятва

Никакой и не было державы,
никакой и не было страны...
Только двор, где на веревке ржавой
вверх ногами дрыгались штаны.

Вслед казармы каменная клетка,
голые мамзели в каждом сне,
хоботы сапог под табуреткой,
заросли портянок при луне.

А потом смурные общежития
да углы, в которых для души
все в окошке главные события:
туча мнется, голубь шебуршит.

Ни морей, ни замков, ни парадов,
только двор с портками на ветру.
Пусть я буду беспримерным гадом,
если за него я не умру!

1991

Княжицы

На веревочке корову девочка ведет,
дуб когтистый и суровый на холме растет,
тракторист в сарае вожжи вокруг шеи обвязал,
опрокинул табуретку и язык всем показал.

Конь идет, цыплята в сенцах, скрип стрекоз, игра котят,
как два белых полотенца, в небе аисты летят,
пьяненькая фельдшерица повалилась у реки
и кричит холщовым птицам: «Киньте палку, мужики!»

Но с небес никто не бросит даже щепки или взгляда,
одуванчики проносит гулкий ветер над двором,
теща зятя замышляет угостить крысиным ядом,
чтобы больше не гонялся он за нею с топором.

А к порогу райской жизни крепко радуга прибита,
облака стоят горою, и охота пушку взять,
и стрелять, и быть убитым, и валяться под ракитой,
в белых аистов сморкаться, бабам юбки задирать.

1992

Радуга

Дети возле магазина
пляшут в лужах и грязи.
Есть для радости причина:
в небе радуга висит!
Сашка, Машка и Егорка
пляшут около сельпо...
Часто мне бывает горько
ни с того и ни с сего.

* * *

Погасил я в избушке лампу,
на калитке откинул крючок,
и сосна тяжелую лапу
положила мне на плечо.

* * *

Красный мостик над прудом зеленым
распростерся огненной птицей.
Безнадежно и давно влюбленным
здесь красиво можно утопиться.

Но никто с перил не бултыхнется,
чтобы волны привести в движение.
Видно, нечем поразить японцам
старого пруда воображение.

А вот если б я своей макушкой
вздыбил брызги и зарылся в иле,
то кувшинки, карпы и лягушки
долго б о России говорили.

1994

* * *

Прошлое, как плюшевый медведь,
дряхлый, допотопный и облезлый,
в комнате пылится бесполезно –
детям лучше даже не смотреть!

Мать с клюкой, пропеллер над сараем,
родины шальные небеса –
все лишь только мех ненатуральный,
поролон, стеклянные глаза.

1997

* * *

Поставлю свечку простодушную
за упокой забытой матери.
Вдруг сделалась она лягушкой
из невезучего бухгалтера?

Придет домой в закате маковом
и критикует нас истошно,
а бормотнет отец: «Расвакалась!»,
вмиг скок-поскок рыдать в картошку.

Забилась под былинку тертую
и пялится непонимающе
на холм бревенчатый со стеклами –
громадин жуткое пристанище.

Оттуда пышут шум и зарево,
ужасная необъяснимость...
Пошли ей, Господи, комарика,
луну бодрящую и сырость.

1998

* * *

Наплясался на окнах закат до упаду.
Магазин во дворе уже закрыли.
Кошка жрет большую живую цикаду,
что скребет по асфальту остатком крыльев.

Обхожу стороной этот шум и свалку,
по-японски спокоен, замкнут, воспитан,
говорю цикаде: «Как жалко!»
и кошке: «Приятного аппетита!»

1999

Потом

Даже супа не будет с котом,
от всей Земли – ни иголки.
Останутся только стихи потом
у Бога на книжной полке.

Неплохо б было увидеть ее,
простую, не очень гладкую,
и чтобы в сборнике тощем моем
месяц лежал закладкою.

1999

* * *

В гавани серой, где возятся волны,
встретился я с компанейским бездомным.
Жестикулируя, возле перил
с мусорным ящиком он говорил.

– Тоже нашел себе собеседника!
Господи, что за болван... –
пробормотал я морю осеннему,
тумбам, с вонючим связавшимся сейнером,
хлюпающим столбам.

1999

* * *

Когда от жизни в черепках
хочу я слишком многого,
иду проведать черепах
в пруду у замка сёгуна.

Сейчас они всплеснут водой
и вытащат из тины
конфеты «Ключик золотой»,
напиток «Буратино».

Светлана Кекова

* * *

Средь механических чудес –
собак служебных на шарнирах,
солдат с погонями и без
в облитых оловом мундирах,

сродни игрушкам заводным,
сидящим у своих крылечек,
тебе покажется родным
большеголовый человечек.

Он весь от страсти задрожит
и свой секрет тебе откроет,
когда бесстыдно обнажит
пустого тела целлулоид.

Механика любви проста:
взялись за дело костоправы,
и вот смыкаются уста,
скрипят и щелкают суставы.

И у твоих лежащих ног
возлюбленный в пылу опасном
четвертый шейный позвонок
машинным смазывает маслом.

1987

* * *

Жизнь похожа на жестянку, что гремит по мостовой.
Я поставлю наперстянку в банку с сорною травой,

потому что наперстянка ест комариков и мух.
В поле русская крестьянка собирает птичий пух.

Чтобы эльбы, эльфы, альвы и русалки не пришли,
надо вырыть корень мальвы из поруганной земли,

взять льняное полотенце, вызвать солнце из-за туч,
в зыбку спящего младенца положить железный ключ,

и, порыв смиряя плотский, одолеть тоску и страх –
ведь живет Иосиф Бродский в одиночестве в горах,

собирает иммортели, и одежду перед сном
он кладет на край постели в синем сумраке лесном,

с ног усталых сняв портянки, ставит в угол сапоги...
В это время египтянки, беззащитны и наги,

сон животных не тревожа в зоопарке городском,
спят, свою купая кожу в сладком семени мужском.

От России до Кувейта, от Свердловска до Балкан
плачет греческая флейта, из земли растет калган,

расцветает кровохлёбка, индевет бузина,
и видна Голгофы сопка из монгольского окна.

* * *

Там жили понедельник и среда.
Среда любила маленькие вещи –
иголки, гвозди, дыры в потолке.
А понедельник плакал иногда,
по воскресеньям выглядел зловеще.
Возились тихо мыши в уголке –
их злые дети с длинными хвостами –
и крошки хлеба прятали в руке.

Вода перемещается в реке.
Любовники меняются крестами.

Вот шевелится рыба в рыбаке
остатками поджаренного тела.
На плоском блюде блещет чешуя.
Рыбак стоит в дурацком колпаке,
душа летит, куда она хотела,
а не туда, куда хотела я.

Ее встречают вторник и четверг,
грозы июльской Божий фейерверк,
безумный дятел, жемчуг пресноводный.
Там стая птиц легка, как детский всхлип,
и караван ветхозаветных рыб
бредет по суше, ни на что не годный.

Пётр Мамонов

Отдай мои вещи

Если ты хочешь уйти поскорее,
Если ты хочешь, чтоб кончилось все
(Но ты ведь хочешь уйти поскорее?
Но ты ведь хочешь, чтоб кончилось все?) –
Так отдай, отдай мои вещи.
Отдай, отдай мои вещи.
И то зеленое – помнишь? – пальто.

Отдай мои вещи.
Отдай мои вещи.

Там они, там – в нашей старой кладовке,
Ты посмотри в темном углу.
Там они, там, в старой кладовке –
Ты посмотри в темном углу.
И, как только отдашь мои вещи,
Как только отдашь мои вещи –
Клянусь! – моментально уйду.

Отдай мои вещи.
Отдай мои вещи.

Что там еще между нами стояло?
Что там еще между нами стоит?
Что там еще нас объединяло?
Что там еще нас разъединит?
Вещи, красивые вещи.
Вещи, красивые вещи.
И то зеленое – помнишь? – пальто.

Отдай мои вещи.
Отдай мои вещи.

Бумажные цветы

Все, что я тебе скажу, все будет из бумаги.
Ох, как я тебя люблю в универмаге.
Все, что я тебе куплю, все будет из бумаги.
Ох, как я тебя хочу в универмаге.

Я так люблю бумажные цветы.
Я так хочу, чтоб голая ходила ты,
Пьяная ходила ты... ты... ты...

Все, что я тебе спою, все будет из резины.
Ох, как я тебя люблю у магазина.
Все, что ночью нашепчу, все будет из резины.
Ох, как я тебя хочу у магазина.

Я так люблю бумажные цветы.
Я так хочу, чтоб голая ходила ты,
Пьяная ходила ты... ты... ты...

Все, что я тебе сказал, все стало из картона.
Я тебя поцеловал, крокодил зеленый.
Все, что я в тебя втыкал, все стало вдруг зеленым.
Ох, зачем я целовал куклу из картона.

Я так любил бумажные цветы
Я так хотел, чтоб голая ходила ты
Пьяная ходила ты... ты... ты...

Бумажные цветы, бумажные цветы...

Крым

Стою в будке, весь мокрый, слишком жарко
Стою жарко, весь мокрый, слишком в будке я
Стою весь в будке, слишком мокрожаркий
Весь в будке слишком мокро стою

Крым – Мрык [Арамыка]!!!
Крым Крым [Арамыка]

Весь в будке слишком мокрый стою
Стою весь жарко слишком мокрый я
Весь будке слишком мокро жаркий в
Стою весь жаркий, слишком мокро

Крым – Мрык [Арамыка]!!!
Крым Крым [Арамыка]

Денег! Вышли мне денег!
Денег! Вышли мне денег!

Ноль минус один

Вчера ты дала мне,
и думаешь я в долгу.
Вчера ты дала мне
и думаешь я смогу
 простить
 тебе эту ночь.
Знаешь что все это значит,
вся твоя самоотдача?
Ноль минус один, ноль минус один.

Ну что, теперь тебе лучше?
Лучше тебе теперь?
Других своей ночью мучай,
другим открывай дверь,
 дверь
 в свою ночь.
Знаешь, что все это значит,
вся твоя самоотдача?
Ноль минус один.

Консервный нож

Муха жужжит бьется в стекло
дождь за окном дождь дождь
возьми мой консервный нож вырежи букву К
возьму твой консервный нож вырежу букву К

пыль по углам пыль пыль
грязь на столе грязь грязь
возьми мой консервный нож вырежи букву О
возьму твой консервный нож вырежу букву О

Свет не горит свет свет
выбита дверь дверь дверь
возьми мой консервный нож вырежи букву Л
возьму твой консервный нож вырежу букву Л

Кровь на руке кровь кровь
соль на губах бах бах
возьми мой консервный нож вырежи букву Я
возьму твой консервный нож вырежу букву Я

Кто же здесь жил
Кто не живет
КОЛЯ КО-ЛЯ КОЛЯ
Консервный нож.

Владимир Полетаев

* * *

...когда приметы листопада
закопошатся там и сям,
когда незваная прохлада
уже бежит по волосам,
когда над городом упорно
играет черная валторна,
и на развалинах жары
пируют старые дворы,
и розовая Поварская,
заученная наизусть,
закружится, а я смеюсь,
я рук твоих не выпускаю.
И не доделаны дела,
а ты проста и весела...
Вот небо хлынуло потоком
и нам загородило путь,
и так легко его потрогать –
лишь стоит руку протянуть.

* * *

Витала осень вдалеке
перепелиным пересвистом,
последним велосипедистом,
растаявшим в березняке.
И вдруг она предстала нам
заваленным листвой и хламом
осыпавшимся божьим храмом
с крапивами по куполам.

* * *

...живу по горло в январе,
в неслыханном его затишье,
и шарканье в парадном слышу,
и чей-то кашель во дворе.
Запоминаю каждый шорох,
оглядываюсь на бегу,
а над рекой дымится город
в тяжелом елочном снегу.

А там, за выгибом реки,
уже темнеют переулки –
озябшие особняки,
как музыкальные шкатулки.

* * *

Вот это пруд, а вот сторожка,
а это я с тобой иду,
иду по вымокшим дорожкам
в больничном вымокшем саду.
Не бойся девочка, не надо,
нас не оставит никогда,
ни бормотанье листопада,
ни эта серая вода.
Холодных облаков движенье,
неровный голубой проем –
все это только подтвержденье,
что никогда мы не умрем...

* * *

А у нас на Zubовском бульваре
рупора играют во дворах.
А у нас на Zubовском бульваре
дождь вразброд и окна нараспах.

Дождь вразброд, и улица – вкосою,
светофор вкосою на углу.
Женщину поющую рисую
осторожно пальцем по стеклу...

Не наказывая, не прощая,
тихо наклоняется ко мне...
молодость моя или чужая –
женщина, поющая в окне.

1970

Ольга Рожанская

* * *

Славный, сосед, у тебя самосад!
Все мы под Богом, а жалко ребят.
Выпьем, сосед! А хозяйка твоя
Нового к лету наварит питья.

Нашему брату – известный конец.
Старший-то был у тебя молодец!
Выпьем, сосед! А хозяйка твоя
Нового к лету народит ворья.

* * *

Спит младенец, хрипло дышит,
Ему смыслы не нужны,
Он по Блоку ропот слышит,
Видит творческие сны.
И не соску и не млеко –
Видит страсти человека,
И над ближним злобну радость,
Видит деньги, видит ад;

И кровавые Плеяды
Над душой его стоят.

Франциск

Брат мой волк! Хорошо ли в овраге спалось?
И давно ли пожрать довелось?

Брат мой месяц! Не сыро ль тебе в облаках?
Говорят, что ты сыром пропах.

Брат мой сыр! Как удобно с сумой на земле!
За столом, под столом, на столе.

* * *

По пристани приволжской гуляют господа
В жилетках полосатых, без всякого стыда.

Для музыки машину заводит половой,
Фарфоровый китаец кивает головой.

Давно все это было, крапивой поросло,
На паре прикатило, и паром унесло.
Вот шельма англичанин, в печенки его мать!
Еще и на японской придется умирать...

* * *

Белое море выносит на берег бревна.
Дерева тело, лишившись своей породы,
Тычется в сушу. Тебе, эмигрант, подобно!

Переминаясь, идут к океану сплавы
Вдоль поредевшего леса. И я спрошу вас:
На фиг нам лес, господа, если нет деревьев?

* * *

И-йа! Юрты, стада.
Был, нет – ветер спроси!
Кто бел – город езжай!,
Наш степь желто лежит.

И-йа! Скачет луна.
Кто желт, скачет в степи.
Ты бел – водка давай!,
Я желт – песня пою.

* * *

По аллее неглавной
Собираясь к пруду,
Тени движутся плавно,
Как пристало в аду.

А толчки и запинки,
Дрожь, что помним спиной, –
Это просто разминка
Перед жизнью иной.

Тени тают, кружатся –
Что мы знаем о них?
Можем только прижаться
В темноте на двоих.

Соответствие впадин –
Это тот феномен,
Что природой нам даден
Вечной жизни взамен.

* * *

Тварный мир твердеет с краю,
Как пирожное безе.
Он от девушек скрывает,
Что замешан на слезе,

Что горька его закваска
В косной хаоса квашне.
Демииурга вгонит в краску
То, что булькает во мне!

А за корочкою мира,
Где иное естество,
Оглядевшись, скажем: Сыро!
Как-то, братцы, не тово...

Лишь Платоновы идеи
Без забот жируют там,
Как в Америке индейки
До прихода пуритан.

* * *

Дивно накрылось село тополиным пухом.
Перелюбили друг друга единым духом.
После – по холодку у них тары-бары.
А моему гусаку нету пары.

Нету во всей деревне красивой гуски;
Вся как из мыла – от шеи до белой гузки.
Для моего гусака нету пары!
Только курищи в крапиве снуют, поджары.

Парни в сирени ходят до поздних весен,
Девушек водят, целуют их там до десен.
Хохот да шепот – пусть там их съедят комары!
Для моего гусака нету пары.

Видно, скучать в пустыню уйдет мой Гога.
Будет клювом стучать да молиться Богу.
Кто ему пшенной каши достанет с пару?
Худо тому, кому не достанет пары.

Рашид Шагинуров

На бульваре

Стал воздух теплей и полезнее,
И женщины сняли чулки.
И девочки чертят, прилежные,
Ведут по асфальту мелки.
И чаплинскою походкой,
Ах, если б еще в котелке,
Гуляет, измученный водкой,
И плащик свисает в руке, –
Какой-то без возраста чижик
Смешной на своих на двоих,
Пытаясь достоинство выжать,
Держась как завидный жених.
Садится он к женщинам ближе
И много несет чепухи...
Но взгляд отрывают от книжек –
Дела его явно плохи.

Оставив плевок на асфальте,
Уходит уже без надежд.
Жужжат обороты скакалки
И жалят прикрытую плешь.

* * *

За стенкой умирает старый крот,
Не может вспомнить суру из Корана, –
То по-арабски, то по-русски врет:
Сады джанна, пустыня джаханнама...
Все перепуталось – уже не разобрать.
Встал ангел смерти, но с лицом соседки,
Она вошла – и взглядом – на кровать,
На простыни и прачечные метки –
На цыпочках; послушать темный бред
Татарско-русско-тарабарской речи.
Подаст на расширение в горсовет,
Когда вконец уже крота залечат.
«Кадам шериф, – бормочет глупый крот, –
Мы только пыль, что под стопой Пророка».
Соседка-смерть шипит, разинув рот:
«Чуланчик сделать – выйдет больше проку».

Александр Вишневой

Лето

Желтые листья в холодном колодце,
А над колодцем зеленая крона
Дерева, и на заборе ворона
Щурится на полусонное солнце

И на дворнягу, которую сторож
Кормит старухиною колбасою,
Августом пахнет, пахнет сосною,
Известью пахнет и свежим раствором.

* * *

Это легкие морозы,
Это ели и березы
У обочины дороги.

Это лошадь и собака,
Костерок и горка шлака
У обочины дороги.

Это дуг и уток стая,
Это облачность густая
У обочины дороги.

Зябнут руки, зябнут ноги.

* * *

Саблезубый
Кот открывает
Рот.

Лопухий
Кит заебался,
Спит.

Степан Дрёмин

* * *

Я твой кленовый обрывок, Отче.
Ветер осенний меня несет.
Много ли избранных? Я – из прочих,
Господом склеенная непрочно
черная птица, ни то ни се,

ворон святого Иеронима,
голубь – не знаю куда – лети,
мне ли винить тебя, Отче милый,
что не донес меня до горнила,
что не ковал меня, а лепил?

Мягкая кукла с крестом нательным,
хоть в кружева ее облеку,
всё не из лучших твоих изделий,
не из фарфора и не из ели,
не Дон-Жуан и не Арлекин.

Но – шутки ради, по доброте ли,
сделай подарок в день именин,
перелепи мне душу и тело,
перекрой меня, переделай
или пружину перемени.

Сергей Гандлевский

* * *

Опасен майский укус гюрзы.
Пустая фляга бренчит на ремне.
Тяжела слепая поступь грозы.
Электричество шелестит в тишине.
Неделю ждал я товарняка.
Всухомятку хлеба доел ломоть.
Пал бы духом наверняка,
Но попутчика мне послал Господь.
Лет пятнадцать круглое он катил.
Лет пятнадцать плоское он таскал.
С пьяных глаз на этот разъезд угодил –
Так вдвоем и ехали по пескам.

Хорошо так ехать. Да на беду
Ночью он ушел, прихватив мой френч,
В товарняк порожний сел на ходу,
Товарняк отправился на Ургенч.
Этой ночью снилось мне всего
Понемногу: золото в устье ручья,
Простое базарное волшебство –
Слабая дудочка и змея.
Лег я навзничь. Больше не мог уснуть.
Много все-таки жизни досталось мне.
«Темирбаев, платформы на пятый путь», –
Прокатилось и замерло в тишине.

1979

* * *

Еще далёко мне до патриарха,
Еще не время, заявляясь в гости,
Пугать подростков выморочным басом:
«Давно ль я на руках тебя носил!»
Но в целом траектория движенья,
Берущего начало у дверей
Роддома имени Грауэрмана,
Сквозь анфиладу прочих помещений,
Которые впотьмах я проходил,
Нашаривая тайный выключатель,
Чтоб светом озарить свое хозяйство,

Становится ясна.

Вот мое детство
Размахивает музыкальной папкой,
В пинг-понг играет отрочество, юность
Витийствует, а молодость моя,
Любимая, как детство, потеряла
Счет легким километрам дивных странствий.
Вот годы, прожитые в четырех
Стенах московского алкоголизма.
Сидели, пили, пели хоровую –
Река, разлука, мать-сыра земля.
Но ты зеваешь: «Мол, у этой песни
Припев какой-то скучный...» – Почему?
Совсем не скучный, он традиционный.

Вдоль вереницы зданий станционных
С дурашливым щенком на поводке
Под зонтиком, в пальто демисезонных
Мы вышли наконец к Москва-реке.
Вот здесь и поживем. Совсем пустая
Профессорская дача в шесть окон.
Крапивница, капризно приседая,
Пропархивает наискось балкон.
А завтра из ведра возле колодца
Уже оцепенелая вода
Обрушится к ногам и обернется
Цилиндром изумительного льда.
А послезавтра изгородь, дрова,
Террасу заштрихует дождик частый.
Под старым рукомошкой трава
Заляпана зубною пастой.
Нет-нет, да и проглянет синева,
И песня не кончается.

В припеве
Мы движемся к суровой переправе.
Смеркается. Сквозит, как на плацу.
Взмывают чайки с оголенной суши.
Живая речь уходит в хрипотцу
Грамзаписи. Щенок развесил уши –
His master's voice.

Беда не велика.
Поговорим, покурим, выпьем чаю.
Пора ложиться. Мне, наверняка,
Опять приснится хмурая, большая,
Наверное, великая река.

1980

* * *

Дай Бог памяти вспомнить работы мои,
Дать отчет обстоятельный в очерке сжатом.
Перво-наперво следует лагерь МЭИ,
Я работал тогда пионерским вожатым.
Там стояли два Ленина: бодрый старик
И угрюмый бутуз серебристого цвета.
По утрам раздавался воинственный крик
«Будь готов», отражаясь у стен сельсовета.
Было много других серебристых химер –
Знаменосцы, горнисты, скульптура лосихи.
У забора трудился живой пионер,
Утоляя вручную любовь к поварихе.

Жизнерадостный труд мой расцвел колесом
Обозрения с видом от Омска до Оша.
Хватишь лишку и Симонову в унисон
Знай бубнишь помаленьку: «Ты помнишь, Алеша?»
Гадом буду, в столичный театр загляну,
Где примерно полгода за скромную плату
Мы кадили актрисам, роняя слюну,
И катали на фурке тяжелого Плятта.
Верный лозунгу молодости «Будь готов!»,
Я готовился к зрелости неутомимо.
Вот и стал я в неполные тридцать годов
Очарованным странником с пачки «Памира».

На реке Иртыше говорила резня.
На реке Сырдарье говорили о чуде.
Подвозили, кормили, поили меня
Окаянные ожесточенные люди.
Научился я древней науке вранья,
Разучился спросить о погоде без мата.
Мельтешит предо мной одиссея моя
Кинолентою шосткинского комбината.
Ничего, ничего, ничего не боюсь,
Разве только ленивых убийц в полумасках.
Отшучусь как-нибудь, как-нибудь отсижусь
С Божьей помощью в придурковатых подпасках.

В настоящее время я числюсь при СУ-
206 под началом Н. В. Соткилавы.
Раз в три дня караульную службу несусь,
Шельмоватый кавказец содержит ораву
Очарованных странников. Форменный зо-
омузей посетителям на удивленье:
Величанский, Сопровский, Гандлевский, Шаззо –
Часовые строительного управления.

Разговоры опасные, дождь проливной,
Запрещенные книжки, окурки в жестянке.
Стало быть, продолжается диспут ночной
Чернокнижников Кракова и Саламанки.

Здесь бы мне и осесть, да шалют тормоза.
Ближе к лету уйду, и в минуту ухода
Жизнь моя улыбнется, закроет глаза
И откроет их медленно снова – свобода.
Как впервые, когда рассчитался в МЭИ,
Сдал казенное кладовщику дяде Весе,
Уложил в чемодан причиндалы свои,
Встал ни свет ни заря и пошел восвосяи.
Дети спали. Физорг починял силомер.
Повариха дремала в объятых завхоза.
До свидания, лагерь. Прощай, пионер,
Торопливо глотающий крупные слезы.

1981

* * *

Молодость ходит со смертью в обнимку,
Ловит ушанкой небесную дымку,
Мышцу сердечную рвет впопыхах.
Взрослая жизнь кое-как научилась
Нервы беречь, говорить наловчилась
Прямолинейною прозой в стихах.

Осенью восьмидесятого года
В окна купейные сквозь непогоду
Мы обернулись на Курский вокзал.
Это мы ехали к Черному морю.
Хам проводник громыхал в коридоре,
Матом ругался, курить запрещал.

Белгород ночью, а поутру Харьков.
Просишь для сердца беды, а накаркав,
Локти кусаешь, огромной страной
Странствуешь, в четверть дыхания дышишь,
Спишь, цепенеешь, спросонок расслышишь –
Ухает в дамбу метровой волной.

Фото на память. Курортные позы.
В окнах веранды красуются розы.
Слева за дверью белеет кровать.
Снег очертил разноцветные горы.
Фрукты колотятся оземь, и впору
Плакать и честное слово давать.

В четырехзначном году, умирая
В городе N, барахло разбирая,
Выроню случаем и на ходу
Гляну – о, Господи, в Новом Афоне
Оля, Лаура, Кенжеев на фоне
Зелени в восьмидесятом году.

1981

* * *

Устроиться на автобазу
И петь про черный пистолет.
К старухе матери ни разу
Не заглянуть за десять лет.
Проездом из Газлей на юге
С канистры кислого вина
Одной подруге из Калуги
Заделать сдуру пацана.
В рыгаловке рагу по средам,
Горох с треской по четвергам.
Божиться другу за обедом
Впяять завгару по рогам.
Преодолеть попутный гребень
Тридцатилетия. Чем свет,
Возить «налево» лес и щебень
И петь про черный пистолет.
А не обломится халтура –
Уснуть щекою на руле,
Спросонья вспоминая хмуро
Махаловку в Махачкале.

1985

* * *

А. Магарику

Что-нибудь о тюрьме и разлуке,
Со слезою и пеной у рта.
Кострома ли, Великие Луки –
Но в застолье в чести Воркута.
Это песни о том, как по справке
Сын седым воротился домой.
Пил у Нинки и плакал у Клавки –
Ах ты, Господи Боже ты мой!

Наша станция, как на ладони.
Шепелявит свое водосток.
О разлуке поют на перроне.
Хулиганов везут на восток.
День-деньской колесят по отчизне
Люди, хлеб, стратегический груз.
Что-нибудь о загубленной жизни –
У меня невзыскательный вкус.

Выйди осенью в чистое поле,
Ветром родины лоб остуди.
Жаркой розой глоток алкоголя
Разворачивается в груди.
Кружит ночь из семейства вороньих.
Расстояния свищут в кулак.
Для отечества нет посторонних,
Нет, и все тут – и дышится так,

Будто пасмурным утром проснулся,
Загремели, баланду внесли, –
От дурацких надежд отмахнулся,
И в исподнем ведут, а вдали –
Пруд, покрытый гусиною кожей,
Семафор через силу горит,
Сеет дождь, и небритый прохожий
Сам с собой на ходу говорит.

1984

* * *

Е. Ф. Фадеевой

Не сменить ли пластинку? Но родина снится опять.
Отираясь от нечего делать в вокзальном народе,
Жду своей электрички, поскольку намерен сажать
То ли яблоню, то ли крыжовник. Сентябрь на исходе.
Снится мне, что мне снится, как еду по длинной стране
Приспособить какую-то важную доску к сараю.
Перспектива из снов – сон во сне, сон во сне, сон во сне.
И курю в огороде на корточках, время теряю.
И по скверной дороге иду восвояси с шести
Узаконенных соток на жалобный крик электрички.
Вот ведь спички забыл, а вернешься – не будет пути,
И стучусь наобум, чтобы вынесли – как его – спички.
И чужая старуха выходит на низкий порог,
И моргает, и шамкает, будто она виновата,

Что в округе ненастье и нету проезжих дорог,
А в субботу в Покровском у клуба сцепились ребята,
В том, что я ошибаюсь на свете дурак дураком
На осеннем ветру с незажженной своей сигаретой,
Будто только она виновата и в том, и в другом,
И во всем остальном, и в несчастиях родины этой.

1987

* * *

Когда я жил на этом свете
И этим воздухом дышал,
И совершал поступки эти,
Другие, нет, не совершал;
Когда помалкивал и вякал,
Мотал и запасался впрок,
Храбрился, зубоскалил, плакал –
И ничего не уберег;
И вот теперь, когда я умер
И превратился в вещество,
Никто – ни Кьеркегор, ни Бубер –
Не объяснит мне, для чего,
С какой – не растолкуют – стати,
И то сказать, с какой-такой
Я жил и в собственной кровати
Садился вдруг во тьме ночной...

1995

* * *

Боратынский, Вяземский, Фет и проч.
И валяй цитируй, когда не лень.
Смерть, – одни утверждают, – сплошная ночь,
А другие божатся, что Юрьев день.
В настоящее время близка зима.
В новый год плесну себе коньячку.
Пусть я в общем и целом – мешок дерьма,
Мне еще не скучно хватить снежку
Или встретится с зеркалом: сколько лет,
Сколько зим мы знакомы, питомец муз!
Ну, решайся, тебе уже много лет,
А боишься выбрать даже арбуз.

Семь ноль-ноль. Пробуждается в аккурат
Трудодень, человекоконь гужевой.
Каждый сам себе отпри свой ад,
Словно дверцу шкафчика в душевой.

1997

* * *

Я по лестнице спускаюсь
И тихонько матюкаюсь.
Толстой девочке внизу
Делаю «козу».
Разумеется, при спуске
Есть на психику нагрузки,
Зря я выпил без закуски –
Как это по-русски!
Солнце прячется за тучкой.
Бобик бегаёт за Жучкой.
Бьется бабушка над внучкой –
Сделай дяде ручкой.

1999

* * *

Фальстафу молодости я сказал «прощай»
И сел в трамвай.

В процессе эволюции, не вдруг,
Был шалопай, а стал бирюк.

И тем не менее апрель
С безалкогольной каплей
Мне ударяет в голову, как хмель.

Не водрузить ли несколько скворешен
С похвальной целью?
Не пострелять ли в цель?

Короче говоря, я безутешен.

2000

Николай Голь

Ужин

Свою душу золотую
на досуге залатаю,
променяю дорогую,
а дешевую куплю...

Видишь: в небе тихо тая,
меркнет солнышко спитое,
плачет солнце цвета чая,
капли в лужу – плюх-плюх-плю...

Дорогая-дорогая!
Дорогое-дорогое!
Дорогие-дорогие!
Догорает ясный день.

Видишь, в море голубое
входит женщина нагая...
Нет, не вижу: невралгия,
почки, ишиас, мигрень.

То, что было – позабыла,
то, что будет – позабудет,
то, что есть – того не надо,
много лишнего зато.

Вот водою окатило
обнаженную наяду
так, что вздрогнул черный пудель
у нее под животом.

Так и надо ей, поганке!
Так и надо ей, лисичке!
Так и надо мне, масленку –
отвернулся бы, дурак!

Зажигаю печку спичкой
(разогреть тушенку в банке),
погружаю нож в масленку...
Лучше эдак, чем никак.

Владимир Салимон

* * *

Возле нашего двора,
рядом с лавкой москательной
поднимается труба
над заснеженной котельной.

Каждый вечер над трубой
дым клубится голубой.
Каждый вечер до меня
гул подземного огня
долетает в полумгле.

Пляшут чашки на столе.
Пляшут блюда и тарелки.
Пляшут рюмки и стаканы.
С гор скалистых на равнины
опускаются туманы.

* * *

Месяц, солнышко казачье,
освещает нам дорогу,
если мы в Полтаву едем
по сухому логу.

Если мы в Полтаву едем
по сухому логу с дедом,
чья-то тень бежит за нами
по дороге следом.

Чья-то тень бежит за нами.
Чья-то тень с восьмью ногами,
чья-то тень с шестью ушами,
с четырьмя руками.

* * *

Слышу свист соловья за окном.
Слышу, как во дворе проходном
развеселая Люська Козлова
все поет Соловьева-Седого
так, что ходит весь двор ходуном.

Так, что долго отец мой не может
на скрипучей кровати уснуть –
то под голову руку подложит,
со спины повернется на грудь,

то пойдет по холодному полу.
Я увижу, что худ он и бос,
как по узкому, скользкому молу
осторожно идущий матрос.

Набойщики матрасов

Над Егорьевском кружится
Млечный Путь в ночи бездонной,
над сберкассой, над роддомом,
над конторой похоронной.

По ночам над корпусами
здешней фабрики матрасной,
над седыми лопухами
светит, светит месяц ясный.

А в квартирах коммунальных,
а в домах малоэтажных
здесь набойщики матрасов
засыпают в муках страшных.

Похоронные конторы,
и роддомы, и сберкассы
им в ночи бездонной снятся,
снятся ватные матрасы.

На матрас идет примерно
метров пять дешевой ткани,
килограммов десять разной –
разной ваты, разной дряни!

* * *

За бутылкой лимонада
выйдя в Курске на перрон,
я увидел в синем небе
стаи галок и ворон.

Я не знаю, в чем причина,
но, как видно, неспроста
любят галки и вороны
столь унылые места.

Любят кладбища и свалки,
хоздворы и пустыри,
закопченные вокзалы,
тюрьмы и монастыри.

Майский жук

Над Пивихой самолет
в небе облако стрижет.
Жеребенком в небе ржет
над Пивихой самолет.

Я лежу в траве высокой
и слежу из-под руки
не за тем ли, как цыгане
едут берегом реки?

Не за тем ли, как цыгане
едут с песнями?..

Но вдруг
с неба падает на землю
огромный майский жук!

У него две пары крыльев.
У него три пары ног.
То он зелен, то он красен,
то он черен, как сапог!

Борис Гребенщиков

Десять стрел

Десять стрел на десяти ветрах,
Лук, сплетенный из ветвей и трав;
Он придет издалека,
Меч дождя в его руках.

Белый волк ведет его сквозь лес,
Белый гриф следит за ним с небес;
С ним придет единорог,
Он чудесней всех чудес.

Десять стрел на десяти ветрах,
Лук, сплетенный из ветвей и трав;
Он придет издалека,
Он чудесней всех чудес.

Он войдет на твой порог;
Меч дождя в его руках.

Миша из города скрипящих статуй

Кто откроет дверь, бесстрашный, как пес?
Мастер мух, собеседник стрекоз,
Увенчанный крапивой и листьями роз –
Миша из города скрипящих статуй.

С полночными зубами, славный, как слон,
Царапающий лбом скрижали времен;
Стоять столбом – это движется он,
Миша из города скрипящих статуй.

Последний шанс, выпиватель воды,
Идущий вниз с четверга до среды,
Живущий за стеной секретной слюды –
Миша из города скрипящих статуй.

Корнелий Шнапс

Корнелий Шнапс идет по свету,
Сжимая крюк в кармане брюк.
Ведет его дорога в Лету,
Кругом цветет сплошной цурюк.

Корнелий мелодично свищет
Гармоний сложных и простых.
Он от добра добра не ищет...
Вот и конец пути: бултых!

Два тракториста

Широко трепещет туманная нива,
Вороны спускаются с гор.
И два тракториста, напившихся пива,
Идут отдыхать на бугор.

Один Жан-Поль Сартра лелеет в кармане
И этим сознанием горд;
Другой же играет порой на баяне
Сантану и «Weather Report».

Золотых лошадей

Хорошо бы золотых лошадей за копыта цапать.

Сыновья молчаливых дней

Сыновья молчаливых дней
Смотрят чужое кино,
Играют в чужих ролях,
Стучатся в чужую дверь;
Сыновья молчаливых дней
Боятся смотреть в окно,
Боятся шагов вниз,
Боятся своих детей;

Дайте немного воды
Сыновьям молчаливых дней...

Тибетское танго

Ом, хохом.

Ом, хохом.

Ом, хохом.

Ом, хохом.

Ку-ку-кум фифи

Ку-ку-кум фифи

Ку-ку-кум фифи

Фи

Сидя на красивом холме

Сидя на красивом холме

Я часто вижу сны, и вот что кажется мне:

Что дело не в деньгах, и не в количестве женщин,

И не в старом фольклоре, и не в Новой Волне –

Но мы идем вслепую в странных местах,

И все, что есть у нас – это радость и страх,

Страх, что мы хуже, чем можем,

И радость того, что все в надежных руках;

И в каждом сне

Я никак не могу отказаться,

И куда-то бегу, но когда я проснусь,

Я надеюсь, ты будешь со мной...

Иду на ты

В моем поле зренья появляется новый объект

В моем поле зренья появляется новый объект

Иду на вы. Иду на вы. Иду на вы.

Возможно ты шкаф

(Нет)

Возможно ты стол

(Нет)

Каков твой номер

(Шесть)

Каков твой пол

(Женский)

Иду на ты. Иду на ты. Иду на ты.

(Иди)

В нашем поле зренья появляется новый объект

В нашем поле зренья появляется новый объект

Идем на ты. Идем на ты. Идем на ты.

1988

Анатолий Гуницкий

* * *

Когда мы были молоды,
Мы все носили бороды,
Мы все растили волосы
И пели ясным голосом.
Теперь другой расклад,
Дороги нет назад...

Хорал

Что лучше, пена или дом?
Давай-ка вместе поразмыслим.
Тогда, дай Бог, все наши мысли
Исчезнут в небе голубом...

Марш

Хочу я стать совсем слепым,
Чтоб торговаться ночью с пылью,
Пусть не подвержен я насилью
И мне не чужд порочный дым.

Я покоряю города
Истошным воплем идиота,
Мне нравится моя работа,
Гори, гори, моя звезда!

Студийные веды

В тени студийного похмелья
Проходят дни, но нет веселья.
Зевают туфли на полу
Пустой бокал лежит в углу
Коварно дышит сигарета...
Возможно, завтра будет лето...
Веселья нет – но нет тоски
И так – до гробовой доски!

Михаил Поздняев

Стихи о расслабленном

И вспомнил Варлама Шаламова я,
как враскачку он шел по Тверской,
руки за спину круто заламывая,
макинтош то и дело запахивая
и авоськой плетеной размахивая
с замороженной насмерть треской.

С той поры, как впервой предо мною возник
сей Летучий Голландец в людской толчее,
с боку на бок со скрипом кренясь,
почему-то все время являлся он мне
в тот же час и на месте одном,
где стоят Моссовет и на мерине князь
и табачный ларек на углу.

Что я видел: колеблемый ветром тростник
иль сошедшую с места скалу?
Это после уже, по прошествии лет,
он прошел – и приятель спросил:
«Знаешь – кто?» – и я долго смотрел ему вслед,
как он шел по Тверской и мотал головой,
точно лошадь по шею в траве луговой
на исходе немислимых сил.

На винтах, на шарнирах, на слове честном,
на пределе, на грани сознания и тьмы –
и мычит, и клекочет орлом, и хрустит,
и хрустит, как кустарник в костре...

Что я видел, скажите? Что видели мы?
Воскрешение Лазаря? Дантову тень?
Что нам явлено было? Бог весть.
Но теперь – стоит мне перед сном произнесть:
«Се ми гроб предлежит, се ми смерть предстоит» –
говорю и, не вем отчего,
вижу снова тот солнечный день – и его.

И – о ужас кромешный. О стыд.

1989

**Элегия,
навеянная статьей в журнале «НЛО»,
где ваш покорный слуга назван был
последним хорошим советским поэтом,
что и не знаешь, как понимать:
как приговор или амнистию.**

Дмитрию Быкову

Я последний хороший советский поэт
(написал в «НЛО» Кулаков).
Я поскребыш, осадок, подонок, послед,
я посол из страны дураков.
Я селедка балтийская, пряный посол,
в Бухаре, в чайхане, в ноябре;
серебром отливает мой тесный камзол,
борода и усы в серебре.

Я последний хороший советский поэт
и ни больше, ни меньше того.
Все, о чем я вам пел, – это жалкий скелет,
бедный Юрик... Я видел его:
на шнурки наступая, он шествовал в тлен,
а кругом ни просвета, ни зги.
И салюта победного ацетилен
изъязвил мне глаза и мозги.

И поэтому я после первой пою,
что бывают названья у зим,
а приняв по второй, почему-то пою
про зеленое море тайги,
а последний стакан опрокинув, пою:
«Артиллерия бьет по своим»
и, держа его перед глазами, пою:
«Не сдаются варягу враги!»

Я последний хороший советский балет,
я последний троллейбус и звездный билет,
бочкотара, последний звонок.
И последний хороший советский предмет
размещен у меня между ног.
.....

Мой последний читатель! шампанским залей
и заешь бомарше свой зевок.
Потому что совок я по крови своей,
и поймет меня только совок.

Александр Сопровский

* * *

Запахло кровью резко, как известкой
Во время капитального ремонта,
Как хлороформом и нашатырем
В целительном застенке у дантиста.
Над городом стояли облака.
Прокручивалась лента у Никитских.
И человеку в плоскости экрана
Приснился черно-белый русский воздух,
Исполненный из света и дождя.
Снаружи мир был полон воробьями,
Они клевали крошки из расщелин
Подтаявшего мусорного снега.
Троллейбусные провода и дуги
Расчетливо пересекали ветер.
И я подумал: мир документален,
Как стенограмма сессии суда.
И чудилось, как будто у прохожих
От их предчувствий вздрагивали спины.

1975

* * *

Жизнь обрела привычные черты,
Что было нужно – за день навестала.
Застольный шум, а посредине – ты:
Слегка царишь, но выглядишь устало.

Накрытый стол немало обещал,
Но разговор не ладился, как будто
Какой-то сговор вас отягощал,
Исподтишка встреча поминутно.

О господи, как фантастичен быт!
Искажены смеющиеся лица.
Кто с кем тут рядом – и зачем сидит,
На что озлоблен и чего боится?

Хозяюшка, отсюда не взлетишь.
Оскалит рот насмешливая вечность.

Погасишь свет – и ясно различишь
За окнами таящуюся нечисть.

И вправду мир покажется тюрьмой,
Дыханье – счастьем и прогулка – волей.
Что с нами происходит, Боже мой,
На этом самом жутком из застолий?

Март. Ночь. Москва. Гостеприимный дом.
Отменный спирт расходится по кругу.
Хозяйка, слушай, а за что мы пьем,
Зачем мы здесь – и кто мы все друг другу?

Пускай хоть выпьет каждый за свое
Под общий звон фужеров или рюмок.
Я – пью за волчье сладкое житье,
За свет звезды над участью угрюмой.

Хозяюшка! За звучным шагом – шаг,
Земля за нас, она спружинит мягко,
И каждый дом – по крайности, очаг,
И смертный мир не больше, чем времянка.

1976

* * *

На Крещение выдан нам был февраль
Баснословный: ветренный, ледяной –
И мело с утра, затмевая даль
Непроглядной сумеречной пеленой.

А встряхнуться вдруг – да накрыть на стол!
А не сыщешь повода – что за труд?
Нынче дворник Виктор так чисто мел,
Как уже не часто у нас метут.

Так давай не будем судить о том,
Чего сами толком не разберем,
А нальем и выпьем за этот дом
Оттого, что нам неприятно в нем.

Киркегор неправ: у него поэт
Гонит бесов силою бесовской,
И других забот у поэта нет,
Как послушно следовать за судьбой.

Да хотя расклад такой и знаком,
Но поэту стоит раскрыть окно –
И стакана звон, и судьбы закон,
И метели мгла для него одно.

И когда, обиженный, как Иов,
Он заводит шарманку своих речей –
Это горше меди колоколов,
Обвинительных актов погорячей.

И в метели зримо: сколь век ни лих,
Как ни тщится бесов поднять на щит –
Вот, Господь рассеет советы их,
По земле без счета их расточит.

А кому – ни зги в ледяной пыли,
Кому речи горькие – чересчур...
Так давайте выпьем за соль земли,
За высоколобый ее прищур.

И стоит в ушах бесприютный шум –
Даже в ласковом, так сказать, плену...
Я прибавлю: выпьем за женский ум,
За его открытость и глубину.

И, дневных забот обрывая нить,
Попатнешься, двинешься, поплывешь...
А за круг друзей мы не станем пить,
Потому что круг наш и так хорош.

В сновиденье лапы раскинет ель,
Воцарится месяц над головой –
И со скрипом – по снегу – сквозь метель –
Понесутся сани на волчий вой.

1981

* * *

На краю лефортовского провала
И вблизи таможен моей отчизны
Я ни в чем не раскаиваюсь нисколько,
Повторил бы пройденное, случись мне, –
Лишь бы речка времени намывала
Золотой песок бестолковой жизни.

1982

* * *

Юность самолюбива.
Молодость вольнолюбива.
Зрелость жизнелюбива.
Что еще впереди?
Только любви по горло.
Вот оно как подперло.
Сердце стучит упорно
Птицею взаперти.

Мне говорят: голод,
Холод и Божий молот.
Мир, говорят, расколот,
И на брата – брат.
Все это мне знакомо.
Я не боюсь погрома.
Я у себя дома.
Пусть говорят.

Снова с утра лило здесь.
Дом посреди болотец.
Рядом журавль-колодец
Поднял подобья рук.
Мне – мои годовщины.
Дочке – лепить из глины.
Ветру – простор равнины.
Птицам – лететь на юг.

1989

* * *

Спой мне песенку, что ли, – а лучше
Помолчим ни о чем-ни о чем.
Облака собираются в тучи.
Дальний выхлоп – а может, и гром.

Ничего, что нам плохо живется.
Хорошо, что живется пока.
Будто ангельские полководцы,
Светлым строем летят облака.

Демократы со следственным стажем
Нас еще позовут на допрос.
Где мы были – понятно, не скажем.
А что делали – то и сбылось.

1990

Сергей Трофимов

* * *

И вот уже подходит вечер,
а день отходит, отошел,
ушел куда-то, сгорбив плечи,
как параноик на укол.

А вечер чист – и чище к ночи,
прозрачен и до звезд глубок.
Я сексуально озабочен,
неполноценен и жесток.

Годива на позор решилась.
В толпе вокруг – и я стоял.
– Скажи на милость, на немилость,
но вслух, о Боже! – я шептал.

Несла река русалок в сети,
мелькали бедра и хвосты...
Да будет жить на белом свете
лишь тот, чьи сети не пусты!

Чай, сторож, сахар, мандарины,
диван, машинка, столик, вэф.
Стою средь ровных долины –
не человек, не бог, не лев.

Да будет жить на белом свете
лишь тот, чьи сети не пусты!
Да будет славен в этом свете
Сын Человеческий – не ты.

Вовеки, присно и отныне
гляжу навстречу из зеркал.
Глас вопиющего в пустыне –
не видел, не любил, не знал...

* * *

Познав начала и концы,
в дремоту погружен,
сидит великий Лао-цзы
вдали от всех времен.
Он чайкой легкою парит,
не ведая свинца,
и безмятежный свет горит
на зеркале лица.
Он юркой рыбкой золотой
в воде скользит, кружит.
Опущенный крючок стальной
над ним как меч блестит.
Он ланью мчится по лугам,
не смяв цветов и трав,
он обойдет любой капкан,
об этом не узнав.
Когда ж свой облик обретет,
пойдет – задумчив вид,
о жердь споткнется, разобьет
коленку, но смолчит.

В лесу

Влажный воздух весеннего вечера,
сыроватая зелень листвы;
мне не будет попутного-встречного
на тропе среди сочной травы.

Облака, как года отлетевшие,
над верхушками крон разнеслись
во все стороны, словно прозревшие
неоглядную новую высь.

Голубое пятно чисто светится
надо мною, тускнея, и в нем
проплывает Большая Медведица.
Лес шумит как в бреду о своем.

Я спускаюсь в дремучие заросли,
где за мною смыкается мрак...
В этом мире нет страха и жалости.
Я иду никуда, просто так.

Юрий Арабов

Прогулка наоборот

Я не был никогда в Австралии,
где молоко дают бесплатно,
где, может быть, одни аграрии
да яблоки в родимых пятнах.

Испорченный калейдоскоп
заменит им луну в ненастье,
и наша лодка в перископ
глядит на ихние несчастья.

Я не был никогда в Лапландии,
где короли страдают астмою,
где с веток, пахнущие ладаном,
лимоны снятые не гаснут.

Темно от песьих там голов,
когда зима, и у милиции
там на учете каждый лорд,
и на канате – каждый бицепс.

Я не был никогда во Франции
и даже в Швеции (уж где бы!),
а был – в чудовищной прострации,
когда я вспомнил, где я не был.

Я не видал Наполеона,
но, чтоб не вышел он повторно,
я видел в колбе эмбриона,
закрученного, как валторна.

Я не бывал к тому же в Греции,
где моих предков съел шакал,
и не читал, увы, Гельвеция
и Цицерона не читал.

Но я бывал однажды в Туле,
где задержаться не планировал
и где в музее видел улей
да зайца с ликом Ворошилова.

Но описать ее смогу ли...
И прочь тоску гоню, как флюс:
ведь парижанин не был в Туле.
Пускай завидует, француз!

Марина Бородинская

* * *

Катятся праздники – лишь поспевай:
Пасха, субботник, а там – Первомай...

Только вчера отхрустели мацой,
Глядь – уже пахнет ванильной пылью.

В булочной запись идет на кулич,
Архиерей выверяет свой спич,

Бабушки в гетрах сидят во дворе,
Речи ведут об озонной дыре.

Господи! Вот оно, царство Твое –
Двууглекислое наше житье.

Отче Всеблагий! Прости нам опять:
Воздух насущный не дай растерять.

Вешним дыханьем да входит в уста
Пасха, наставшая после поста!

Иже еси
На небеси –
Пенье церковное
По Би-би-си.

1988

* * *

Бабушка, видишь, я мою в передней пол.
У меня беспорядок, но в общем довольно чисто.
Глажу белье, постелив одеяльце на стол,
И дети мои читают Оливер-Твиста.

Бабушка, видишь, я разбиваю яйцо,
Не перегрев сковородку, совсем как надо.
В мире, где Хаос дышит сивухой в лицо,
Я надуваю пузырь тишины и уклада.

Бабушка, видишь, я отгоняю безумье и страх,
Я потери несу, отступаю к самому краю:
Рис еще промываю в семи водах,
А вот гречку уже почти не перебираю.

Бабушка, видишь, я в карауле стою
Над молоком, и мерцает непрочная сфера...
Вот отобьемся – приду наконец на могилу твою,
Как к неизвестному воину, бабушка Вера!

Первый класс

В каморке за шкафом, исконно моей –
Сестренка грудная и мама при ней.

Сестренка кряхтит и мяучит во сне.
С отцом на диване постелено мне.

...Опять среди ночи вопьется в мой сон
Тот сдавленный вой, тот мучительный стон:

«Огонь!» – он кричит, он кричит на меня, –
Бойтся огня или просит огня?

«Огонь!» – он кричит, я его торможу,
Зову и реву, и проснуться прошу...

А утром он чайник снимает с огня,
В колготки и платье вдевает меня,

Доводит во мраке до школьных ворот
И дальше, сутулясь, со скрипкой идет.

Как я седлаю лошадь

Я сую лошадке трензель,
А лошадка не берет.
Трензель – это вам не крендель,
А совсем наоборот.

Трензель – это железяка,
Это просто удила.
Я сую лошадке сахар –
Сахар, умница, взяла!

Я сую лошадке трензель,
Нажимаю на губу...

У нее, как будто вензель,
Метка белая на лбу.

Я топчусь, лошадка рада:
Не берет – и все дела!
Молодец! Так мне и надо!
Я б давно уже взяла.

* * *

Я раздеваю солдата,
Спящего праведным сном.
Вот кобура уже снята
И гимнастерка с ремнем.

Я раздеваю солдата –
Как же еще поступать?
Легче ведь без автомата,
Да и без обуви, спать.

Я раздеваю солдата
Прямо-таки до белья.
Знаю, скандалом чревата
Бесцеремонность моя.

Я поднимаю солдата,
Спать уношу без помех...
Боже, всего и труда-то!
Я их раздела бы всех.

* * *

Встаньте, кто помнит чернильницу-непроливайку,
Светлый пенал из дощечек и дальше по списку:
Кеды китайские, с белой каемочкой майку,
И промокашку, и вставочку, и перочистку.

Финские снежные, в синих обложках тетради,
День, когда всем принести самописки велели,
Как перочистки сшивали усердия ради,
С пуговкой посередине, – и пачкать жалели.

Разные нити людей сочленяют: богатство,
Пьянство, дворянство... порука у всех круговая, –
Пусть же пребудет и наше случайное братство:
Встаньте, кто помнит, – и чокнемся, не проливая!

Евгений Бунимович

* * * #

Что касается модной стилистики ретро,
я родился в Москве, в деревянном доме,
унесенном резким порывом ветра.

От него ничего не осталось, кроме
тополей на углах с болтовней неизменных
воробьиных семейств, копошащихся в кроне.

Что касается ветра, гудевшего в стенах,
от которого в легких пожизненный след –
да хранит нас Неглинка, текущая в венах,

потому что на карте Москвы ее нет.

* * * #

Набираю старый номер...

– Можно Колю? – Коли нет.
– А куда он делся? – Помер...
Вот хороший был сосед!

Как-то вдруг, еще зимою...
Часом, вы не тот поэт,
что крутил с его женою?

Тот? Тогда наверняка
вы знакомились со мною –
мы играли в дурака!

* * * #

Дома как рыцари построены свиньей.

В корсет затянута дебелая столица.
Когда б не обзавелся здесь семьей,
я б здесь не стал семьей обзаводиться...

Прости меня, в коляске спящий сын,
что в этом доме выпало родиться,
но, может, сила вся родных осин

Виктор Панэ

* * *

Я натолкнулся на вопросы в лоб.
На: «Как дела», на: «Что же будет дальше?», –
Я отвожу глаза и ударяюсь об
Гамак в саду с женщиной, в нем лежащим.

Он не проснулся; или притворился,
Что спит; или толкнул его не я.
Мы отошли; гамак утомился;
И я не подойду ему в зятя.

...У вишен сорванных запылена ложбинка,
Я бросил горсть на теплую клеенку,
К которой нас направила тропинка, –
Куда мы и добрались потихоньку.

Я отвожу глаза. Мне интересно,
Как губит вишня жизнь свою напрасно.
А как идут дела, мне неизвестно.
Но будем полагать, что все прекрасно.

Алексей Парщиков

Сом

Нам кажется: в воде он вырыт, как траншея.
Всплывая, над собой он выпятит волну.
Сознание и плоть сжимаются теснее.
Он весь, как черный ход из спальни на Луну.

А руку окунешь – в подводных переулках
с тобой заговорят, гадая по руке.
Царь-рыба на песке барахтается гулко,
и стынет, словно ключ в густеющем замке.

Элегия

О, как чистокровен под утро гранитный карьер
в тот час, когда я вдоль реки совершаю прогулки,
когда после игрищ ночных вылезают наверх
из трудного омота жаб расписные шкатулки.

И гроздьями брошек прекрасных набиты битком
их вечнозеленые, нервные, склизкие шкуры.
Какие шедевры дрожали под их языком?
Наверное, к ним за советом ходили авгуры.

Их яблок зеркальных пугает трескучий разлом,
и ядерной кажется всплеска цветная корона,
но любят, когда колосится вода за веслом,
и сохнет кустарник в сливовом зловонье затона.

В девичестве – вяжут, в замужестве – ходят с икрой;
вдруг насмерть сразятся, и снова уляжется шорох.
А то, как у Данта, во льду замерзают зимой,
а то, как у Чехова, ночь проведут в разговорах.

Борцы

Сходясь, исчезают друг перед другом
терпеливо –
через медведя и рыбу – к ракообразным,
облепившим душу свою.
Топчутся. Щурятся, словно меняя линзы,
обоим ясны пояса на куртках.

Вес облегает борцов и топорщится,
они валят его в центр танца,
вибрирующего, как ствол,
по которому карабкаются с разных сторон вверх,
соприкасаясь пальцами,
но не видя напарника.

Казалось, сражаются на острие!
Нет, в кроне,
распирающей лунный шар. Ищут
противника среди ветвей. Наконец,
обнимаются, удивляясь,
как оправа очков в костре.

Первый – узловатей затопленного источника
и влажен.
Сыпучесть второго такая,
что
успел бы заполнить ухо
скачущей птахе.

Снится обоим: камень, курок или рукоятка,
яблочко от яблони,
Каин и Авель.

Львы

М.б., ты и рисуешь что-то
серьезное, но не сейчас, увы.
Решетка
и за нею – львы.

Львы. Их жизнь – дипломата,
их лапы – левы, у них две головы,
со скоростью шахматного автомата
всеми клетками клетки овладевают львы.

Глядят – в упор, но никогда – с укором,
и растягиваются, словно капрон;
они привязаны к корму, но и к колокольням
дальним, колеблющимся над Днепром.

Львы делают: ам! – озирая закаты.
Для них нету капусты или травы.
Вспененные ванны, где уснули Мараты, –
о, львы!

Мы в городе спрячемся, словно в капусте,
в выпуклом зеркале он рос без углов,
и по Андреевскому спуску
мы улизнем от львов.

Львы нарисованные сельв и чащоб!
Их гривы можно грифелем заштриховать,
я же хочу с тобой пить, пить, а еще
я хочу с тобой спать, спать, спать.

О, сад моих друзей...

О, сад моих друзей, где я торчу с трещоткой
и для отвода глаз свищу по сторонам,
посеребрим кишки крутой крещенской водкой,
да здравствует нутро, мерцающее нам!
Ведь наши имена не множимы, но кратны
распахнутой земле, чей треугольный ум,
чья лисья хитреца потребуют обратно
безмолвие и шум, безмолвие и шум.

Марк Шатуновский

муха

все нитяное туловище мухи
нанизано на нервную систему
с моточком мышц, навораченных на брюхе,
и на подвесках лап поставлено на стену.

она несет свои простые мысли
и, может быть, свои большие чувства
так, если бы ее сомненья грызли
о смысле жизни сложной и невкусной.

забравшись к мухе в ворсовые поры,
на ней живет микроб дизентерии,
он сам с собой ведет подолгу споры
о мерах пищевой санитарии.

а мы живем с тобою по соседству
от нежной мухи, мудрого микроба,
но как-то так нас приучили с детства,
что мы умней и сделаны особо.

и как бы ни была ты грандиозна,
почти трансцендентальна и прекрасна,
на эту муху смотришь ты нервозно,
хотя она несколько не опасна.

и ты берешь вчерашнюю газету
с трухую освещенных в ней событий,
и убиваешь ею муху эту,
лишив ее предчувствий и наитий.

и сразу в комнату ворвался скорый поезд,
на стыке рельсов грохоча железно...
а можно было жить, не беспокоясь,
и жить себе легко и бесполезно.

лунная ночь

деревня наяву, и тридевять земель,
и ночь, растущая на нашем огороде,
и крыша дома, севшая на мель
в несудоходном небосводе.

затеплила луна у тучи фитилек:
пльвет свеча и шарит в окоеме,
и звездный свет отсюда недалек –
весь млечный путь в дверном проеме.

и лижет мыльный сон надзвездная река,
и в воду погружается обмылок,
в ней отражается вся плешь материка,
весь евразийский жреческий затылок.

того, кто покачнет гигантские веса
и чашу тишины заденет с непривычки,
коммуникабельно поругивают псы,
когда проходит он с последней электрички.

любовник дачный, свадебный бунтарь,
придя к неразбудившейся царевне,
в ладонях греет чуть живой янтарь
светящейся ночной деревни.

баку. зарисовка.

солнце пересыпается в песочных часах,
воздух свален в груды стеклянных баллонов,
развешано небо на бельевых веревках и детских голосах
и приспущено почти до самых балконов.

во времени опрокинуты вертикальные дворы,
в каждом живет девочка, разучивающая гаммы,
и мальчик, рисующий обломком жары
пейзажи, вставленные в золоченные рамы.

Татьяна Щербина

Матримониальный лубок

Замуж никогда не выйду, –
Говорила, обманула,
Полюбила, умыкнула,
Поартачилась для виду,
Но обратно не вернула.

И взяла себе в игрушки
Мужа в плюшевом кафтане
Да в штанах атласной ткани,
Разложила на подушки –
Вот что есть теперь у Тани!

Льет она ему бульоны
В самую большую плошку.
Гладит он ее как кошку,
Глазки словно анемоны –
Я люблюсь понемножку.

Парочка что из фарфора,
Будто сотворил нас некто
С идеального проекта
Древнерусского фольклора.
И разбил на два субъекта.

Дом, внутри тайна

Снежная пустыня, белый сад,
Небо в паутине черных веток,
Меховые звери вместо клеток
В молодых сугробах спят.
Золотые окна у избы,
Дым недвижно всходит из трубы,
По ступенькам жар ползет с порога,
Превратясь в застывший водопад.

Изнутри нет стен, но виден ход,
Глаз, достигший точки, видит много.
Дальше – никакая не дорога:
Пирамида так глядится в свод,
Готика провидит Бога,
Голос, источаясь, так поет.

Владимир Богомяков

Непростое место

Здесь место непростое, Леонид.
Здесь всякий видел то, как куст горит.
Здесь тусклый плод становится вдруг страшен.
Здесь место непростое, Леонид.
Здесь твой беззвучный сон вдруг шепотом украшен.
А у виска все звездочка горит.
Здесь место непростое, Леонид.
И кто же шепчет в зеркале овальном?
Ты спишь в моем доме изгнанником печальным.
И не разгаданы чуть слышные слова.
Здесь место непростое, Леонид.
Здесь червь в земле, а в воздухе сова.
Здесь тусклый плод становится вдруг страшен.
И странная твоя седая голова
Уставила в меня роскошный глаз.
О, не смотри, здесь место непростое, Леонид.
Здесь даже шепчут в зеркале овальном.
И не разгаданы чуть слышные слова.
Здесь червь в земле, а в воздухе сова.
О, не смотри, здесь место непростое.
В пространство выхожу нагое и пустое.
Начало ноября.

1989

На грудь ему садится голубок

(Отчасти классическое)

На грудь ему садится голубок,
Но в голубка прицелился стрелок,
И ядовитый финик для стрелка
Уж держит темного царевича рука.
К руке же этой, злобу затая,
Ползет бесшумно влажная змея.
К змее, категоричен и суров,
Крадется тихо Павел – змеелов.
Но демон алкоголя – страшный Вова
Прогрыз, кривляясь, печень змеелова.
Бродячий ангелок под маковым плащом
Достал поганца огненным мечом.

* * *

В Северном Ледовитом океане
В Нансена котловане
На глубине 4000 метров
Сидят на стульчиках трое смердов.
Не беседуют. Сидят, закрыв глаза.
Ибо только безумный умножает словеса.

Зайцеобразные

Зайцы, кролики и пищухи
Долго числились в отряде грызунов.
Люли-люли грызунов.
Но накопились доказательства,
Которые заставили систематиков
Выделить упомянутых зверьков в отдельный отряд.
Люли-люли отряд.
Зайцеобразные обитают на огромных пространствах –
От Аляски до Парагвая.
Люли-люли Парагвая.
От азиатских тундр до тропических лесов Явы.
Люли-люли Явы.
Нет их только на Мадагаскаре,
На многих островах Южной Азии.
Не было в Новой Зеландии и Австралии.
Люли-люли и Австралии.
Ныне их завезли и туда.
Люли-люли и туда.

Тимур Кибиров

Песня о Ленине

Мама, я Ленина люблю!
Мама, я за Ленина пойду!
Ленин – он весны цветенье,
зори новых поколений –
и за это я его люблю!

К коммунизму на пути
с нами Ленин впереди –
и за это я его люблю!

В давний час в суровой мгле
он сказал, что на земле –
и за это я его люблю!

За фабричную заставой
жил парнишка он кудрявый –
и за это я его люблю!

По военной по дороге
шел в борьбе он и в тревоге –
и за это я его люблю!

Он за Волгой и за Доном –
загорелый, запыленный –
и за это я его люблю!

Ленин – гордость и краса,
все четыре колеса! –
и за это я его люблю!

Неприступный для врагов,
гордость русских моряков –
и за это я его люблю!

Ленин порохом пропах
с сединою на висках –
и за это я его люблю!

Не пришедши он с полей
превратился в журавлей –
и за это я его люблю!

С высоты он шлет привет,
сожалений горьких нет –
и за это я его люблю!

И в чем дело не поймешь –
он нормальный летний дождь –
и за это я его люблю!

Там, на розовых ветвях,
соловей он, славный птах –
и за это я его люблю!

Ленин – ивушка зелена,
над рекою он склоненный –
и за это я его люблю!

Он не рокот космодрома –
он трава, трава у дома –
и за это я его люблю!

То не ветер ветку клонит –
он, мое сердечко, стонет –
и за это я его люблю!

Обнявшись, сидит с княжной
он веселый и хмельной –
и за это я его люблю!

Милый барин, добрый барин,
нехристь староста татарин –
и за это я его люблю!

Он особенная статья,
его умом не понять –
и за это я его люблю!

И пойми же ты, Шувалов,
Ленин выше минералов!
И за это я его люблю!

Ленин – бездна звезд полна!
Нет у этой бездны дна!
Мама! Я Ленина люблю!

1986

Вступление в книгу «Сквозь прощальные слезы»

Пахнет дело мое керосином,
Керосинкой, сторонкой родной,
Пахнет «Шипром», как бритый мужчина,
И как женщина, – «Красной Москвой»
 (Той, на крышечке с кисточкой), мылом,
 Банным мылом да банным листом,
 Общепитской подливкой, гарниром,
 Пахнет булочной там, за углом.
Чуешь, чуешь, чем пахнет? – Я чую,
Чую, Господи, нос не зажму –
«Беломором», Сучаном, Вилюем,
Домом отдыха в синем Крыму!
 Пахнет вываркой, стиркою, синькой;
 И на ВДНХ шашлыком,
 И глотком пертусина, и свинкой,
 И трофейным австрийским ковром,
Свежеглаженным галстуком алым,
Звонким штандыром на пустыре,
И вокзалом, и актовым залом,
И сиренью у нас на дворе.
 Чуешь, сволочь, чем пахнет? – Еще бы!
 Мне ли, местному, нос воротить? –
 Политурой, промасленной робой,
 Русским духом, едрить-колотить!
Вкусным дымом пистонов, карбидом,
Горем луковым и огурцом,
Бигудями буфетчицы Лиды,
Русским духом, и страхом, и мхом.
 Заскорузлой подмышкой мундира,
 И гостиницей в Йошкар-Оле,
 И соляркою, и комбижиром
 В феврале на холодной заре,
И антоновкой ближе к Калуге,
И в моздокской степи анашой,
Чуешь, сука, чем пахнет?! – и вьюгой,
Ой, вьюгой, воркутинской пургой!
 Пахнет, Боже, сосновой смолою,
 Ближним боем да раной гнилой,
 Колбасой, колбасой, колбасою,
 Колбасой – все равно колбасой!
Неподмытым общаговским блюдом,
И бензином в попутке ночной,
Пахнет Родиной – чуешь ли? – чудом,
Чудом, ладаном, вестью Благой!
 Хлоркой в пристанционном сортире,
 Хвоей в предновогоднем метро.

Постным маслом в соседской квартире
(Как живут они там впятером?
Как ругаются страшно, дерутся...).
Чуешь – Русью, дымком, портвешком,
Ветеранами трех революций.
И еще – леденцом-петушком,
Пахнет танцами в клубе совхозном
(Ох, напрасно пришли мы сюда!),
Клейкой клятвой листвы, туберозной
Пахнет горечью, и никогда,
Навсегда – канифолью и пухом,
Шубой, Шубертом... Ну, – задолбал!
Пиром духа, пацан, пиром духа,
Как Некрасов В.Н. написал!
Пахнет МХАТом и пахнет бытовкой,
Люберецким дурным кулаком,
Елисеевским и Третьяковкой,
Русью пахнет, судьбою, говном.
Черным кофе двойным в ЦДЛе.
– Врешь ты все! – Ну, какао в кафе.
И урлой, и сырою шинелью
В полночь на гарнизонной губе.
Хлорпикрином, заманом, заринном,
Гуталином на тяжелой кирзе,
И родимой землею, и глиной,
И судьбой, и пирожным безе.
Чуешь, чуешь, чем пахнет? – Конечно!
Чую, нюхаю – псиной и сном,
Сном мертвецким, похмельем крошечным,
Мутноватым грудным молоком!
Пахнет жареным, пахнет горелым
Аллергеном – греха не таи!
Пахнет дело мое, пахнет тело,
Пахнут слезы, Людмила, мои.

1987

Центон

Каждый пишет, как он слышит.

Каждый дробит, как он хочет.

У кого чего болит –
тот о том и говорит!

1999

Василий Филиппов

Бабочка

Гляжу на небо. Распускаются глаза сами,
Словно два георгина.
Может, виною тому движение тучи,
Что толкает глазное яблоко к переносице,
Где сидит бабочка.
Не спугнуть бы ее, не спугнуть бы небо!

Мало помнить

Мало помнить
Витражи света и крыши под полуденным солнцем.
Верхний этаж. Раскрыто
Окно. И нет никого.
Только бы где-нибудь встретить искомое существо.

* * *

И вот я снова один.
И что было за день – как будто не было.
Сколько лиц улыбалось, смеялось и пело в дневные часы,
И даже кажется: на повороте улицы я видел ангела.

Бося

В подполе живность – крысы и куры.
Следят за коршуном куриные глаза-авгуры,
Копошатся клювы
Во внутренностях-червях.
На печи лежит кот-монах
И точит об угол печи острую саблю-ус,
Мурлычет песенку: «Я мышей не боюсь».
Кота зовут Бося,
Белая мордочка и черный хвостик,
Нежненький и голодный,
Щурится от солнца рук, когда его гладят.
Все это про кота теперь записано в тетради.
Кот щурится: «Мяу! Подайте, Христа ради».

* * *

Свет
Солнца вошел в комнату, нашел зеркало –
Как совершенно исполнен в нем каждый предмет.

Вот магнитофон-барбос, вот одуванчик торшера.
Комната сера
От выпущенного из легких дыма.

Лежу, читая ногами перину.
В зубах пляшет жидкость – чай-балерина.

Смотрю за изгибами тела-рыбы,
Которое отдыхает, выброшено на отмель постели,
Уже четырежды четыре недели.

На столике лежит неначатый Пруст.
Обложки хруст.
Костер прочитанной книги обнажает угли букв.

Пить бы чай долго,
Теребя краешком руки
За ухо чашку.
Губ растяжка.
Позвонки.

Средиземноморским чудом – разбитой амфорой
Лежать в постели
В конце этой недели.

А за окном то ли футбол, то ли выбивают пыль из половиков.
Шум стоустого Будды-дня,
Где сегодня уже не будет меня.

Я сегодня уже не поеду в библиотеку,
Стирая черты лица тряпкой прохожих,
Не увижу на остановке метро «Невский проспект» негра или желтокожего.

Сегодня весь вечер буду дома,
И солнца солома
Будет гореть на ресницах.

А потом переверну последнюю страницу
И заберусь под одеяло,
Чтобы бабушка в соседней комнате до утра молчала.

Бабушка смотрит ртутными глазками в мои ноздри,
Принесла на тарелке мышиный хвостик.

Но в комнате я один.
Ладоней и ступней поединок,
Когда встаю.
Сквозь рюмку-стекло на улицу смотрю.

Со стороны улицы меня защищает окно-туча,
Со стороны квартиры – дверь-девица.
Бабушка молится. Дождевые ручьи текут вдоль морщин.
У ней одна книга.

На закате серебряный зайчик солнца скачет по небу,
И бабушка подносит вставные зубы к хлебу.

Девушка на ладони

Ты вся поместилась на ладони
Вместе с туфельками и уздечкой коня.

Ты шла по ладони.
Между опухших нецелованных губ
Сияло серебро зубов, мелочь.

Ты перепархивала мотыльком через лужи и линии судьбы,
Ты.

Ты взобралась на разбросанную поленницу волос,
Достигла монастыря-лба.

А потом ты стала спускаться
Пузырьком воздуха по моей вене.

Было больно так, что я был готов
Упасть перед тобой на колени,
Если бы ты проснулась.

Ты в фонари окунулась,
Выполоскала в них зубочистку-пальто.

Ты схватила меня за руку
И трянула так,
Что фаланги пальцев встали деревьями.

Ты обернулась ланью, а я обернулся павлином,
А потом мы стали людьми.

Но глаз лани остался в памяти,
В памяти осталась метаморфоза оленьей кожи.

Ты наступала туфельками на ножи
Моей руки,
Которая текла параллельно Неве.

Ты обернулась во сне,
Где фонарей ангельские рожи,
И соскользнул с ладони на траву твой башмачок,
Чтобы от мармелада дрожал язычок.

Ноги твои целовали меня в суставы пальцев,
В ветви ночных деревьев,
Которые шумят: «Поверь ее шагам, поверь им».

Ты удержалась на моей ладони чудом бабочки,
Которая собирает пыльцу с кожи-лепестка.

Твои губы и твоя рука,
Отделенные от меня кожей, –
Все принадлежит тебе.
А не принадлежит тебе
Походка, муравьи, озноб по спине.

И когда ты раскрываешь очи вовне,
Ты смотришь в глаза ночной тьме.

Ищешь на игральной карте моей ладони
Переулочек, название разлуки,
Розу, оброненную в мусорный ящик.

Голос твой настоящий
Настоян на розах учреждения,
В котором ты работаешь днем.
А ночью ты водоем.

Куда мы идем?
К картинам Фра Анджелико в дом.
Куда ты идешь по моей ладони,
Спутав кожу с гравием?

Ты касалась меня –
Так водоросли касаются течения.
И платье шуршало, и губы пели
Слова – полуприкрытые веки.

Ты наступила на Венерино кольцо,
Шарила рукой под моей кожей
В поисках выключателя.

Ты показалась в моих ногах птицей-тенью,
Отделилась от стены, воскресла.

Я пододвинул к огню свое кресло
И стал смотреть сквозь пальцы на твои ноги,
На дороги,
Которыми мы шли.

Ты поселилась в моей грудной клетке,
В горле,
До боли раздираемом чучелом канарейки –
Моим голосом.

Мы прошли облаком над Невой,
А потом ты ушла, чтобы быть одной,
Снять туфельки,
Разбинтовать китайские ножки,
Которые издавали в флейте моих рук
Режущий бритвой вену звук.

Ты ушла. Ты ушла. Ты ушла,
Словно сосна из поля зрения или зеркала.
Но осталась родинка на плече
И губы – сухие листья.
О чем они шептали, прижимаясь к ладони,
Впиваясь в яблоко в агонии?

Я в огне, в вагоне я.
Ты в окне, я на дне.
Держась за руки, мы не тонем.

* * *

Разговор Аси Львовны
Позвякивает, словно монета в ушах под дождем.
Провожая ее в водоем русалок – ее дом.

В комнате спал разговор.
Под наркозом белая роза дышала.
Разговор о том, каким должен быть я,
Словно лестница, ведущая в небо,
И на каждой ступеньке сидит зверь-промысел.

Ася Львовна надела валенки,
Сунула мне в рот градусник-руку.
Через минуту вынула и посмотрела на часы –
На ангела Златые волосы.

Каким должен быть я? Самостоятельным,
Но не переступать через бревна-прохожих по жизни,
Смотреть на Мойку, на головнойку глазами пушкина.

Ася Львовна сшила мне костюм из крылышек стрекозы,
В котором я могу показаться в обществе,
И ушла, завернув белую розу лица в сиреневый целлофан платья.

Ее любимый поэт – Бродский,
Архиепископ ленинградский и новгородский
Поэтов. Охалкин, конечно... Его нравственная позиция.
Другие поэты, у которых слова, словно
Шахматные фигурки у Карпова.

Потом Ася Львовна начала перечислять
Достоинства общих знакомых
И недостатки.
Их – украдкой.
По ее понятиям, никто не идеален.

А потом я проводил Асю Львовну до автобусной остановки,
Попрощался неловко
И стал возвращаться домой.
Лил дождь неземной.

И вот я дома. И нет ее.
Исчез воздушный шар голоса,
Который висел на ниточке шевелящихся губ.

Исчезли из комнаты лишние зеркала.
Пальцы сшила в ладонь мартышка-игла.
Кажется, Ася Львовна позвала...
Почудилось. Лежу.

Слежу,
Как дождь льет прохожим за воротники.
От собак в комнатах остаются сквозняки.

Пора пойти выпить пива,
Где стоят столбняком люди,
И ощерилась пена улыбкой в посуде.

Ася Львовна исчезла.
Исчез разговор.
Бабушкина тела тесто
Просачивается в комнату со словами:
«Ужинать».

* * *

Свидание после пяти лет разлуки.
Бьется об лед форель-руки.
Завяли цветы.
Разведены мосты.
Я встретился с тобой перед тем, как отправиться в Кресты.
В телогрейке меня ты не провожала,
Лишь дрожало выдернутое жало.
Конвой играл в карты нами на перроне вокзала.
Вот идем мы с тобой вдоль военных кораблей,
Вдоль Елисейских полей.
Горит огонь на Марсовом поле
В пойме Мойки.
Глаза твои стойки.
Невинность, голубка-зрачок, свила в глазницах гнёзда,
И смотрят глаза весело и строго.
Что было за эти пять лет, спроси у Бога.
Он даст ответ.
Одежды скелет
Рвется под моими руками,
И вырывается тело-пламя.
Здесь я был.
Город меня не забыл.
Но стерлась поющая память
До шевеленья песка на губах,
До молчанья.
Ты как стена
Или кожа белой лошади
Непроницаема для пуговиц глаз,
Для подносящего наряд взгляда.
Мы путешествуем вдоль ограды,
Чьи чугунные листья обвилились вокруг шеи.
Дыханье роняет сверток.
Как ты изменилась!
Изменила милым
Очертаньям прежним.
В одном из помещений Восточного института
Твоя каюта.
Там мы встречались – прошли не пять лет, а сырая минута,
Размывшая твои черты,
Прильнувшие к стеклу.
Сейчас мы видим гадательно.
Ну посмотри, пожалуйста, внимательно.
Пожалуйста, не покидай меня
В эту холодную осеннюю пору
На скуку и бессмысленность жизни,
Уходя по длинному, слепому коридору.

Евгений Шешолин

* * *

Цветы такие же, – пониже
нагнись; а в детстве были ближе;
и те же муравьи спуют,
и точен запах позабытый,
и по настурции умытой
жуки из памяти бегут.

И вовсе ты не изменился,
и ничему не научился,
и раньше, чем родился, знал:
вон та травинка воплощенья
ждала столетья, как прощенья.
А вот и жук с нее упал.

1979

Ночная бабочка

Ночная бабочка, безумица,
ширококрылый темный знак:
та долгая, глухая улица,
твой неожиданный зигзаг!..

И по экрану настоящего
как будто трещиной прошел
плаща, чешуйками шуршащего,
пугающе-пугливый шелк.

Куда деваться сердцу бедному?
Где форточку найти вовне?
Но только крапинки по бледному,
а голос только снился мне,

когда над жизнью, что разгадана,
но тлеет слаще, чем свеча,
она планировала, падала
и снова падала, крича.

Александр Егоров

Крокодилово чучело

Вспоминаются разные случаи
Из детства далекого, милого...
Крокодила набитое чучело
По осенним бульварам бродило.

Повстречавши его неожиданно
(На дворе бушевало ненастье),
Пробасил я как можно солиднее:
«Крокодилово чучело, здрасьте!»

Но оно улыбнулось измученно,
Будто в душу ей бросили камень,
И ушло крокодилово чучело,
Разводя безнадежно руками...

В зоопарке

Пред смешными, дурацкими гротами
Зоосада миниатюрного,
Восхищался большим бегемотом,
Полоненным решеткой ажурною.

Бегемот, бегемот, бегемотина!
Фортепяно, залезшее в лужу!
Твоих глаз голубая блевотина
Мое сердце обезоружила.

Что тоскуешь ты, чудо болотное?
Что так жалобно смотришь, уродина?
В этой жизни мы все бегемоты,
Увезенные с ласковой родины.

Воспоминание о Тамаре

Я вздрогнул – ария Надира,
Как воды, что прорвали дамбу.
Клянусь, за все богатства мира
Я эти звуки не отдал бы.

Как будто это ты предстала
Передо мной в «персидском» платье,
На миг сошедши с пьедестала
Навстречу моему объятью.

И там, в печальной психбольнице,
Где я сидел, пакеты клея,
Возникли вдруг деревья, птицы,
И слышен голос Гименея.

В летний полдень

Жарко здесь, как будто в Кушке.
На диване, потный, сальный
Я лежу, а злые мушки
Все-то ноги обкусили.

На окошко села птица –
Я в нее вонзился оком.
До уборной лень пройтись,
Потому – она далёко.

Все же встану и пройдуся –
Знамо дело, как бывает.
За забором тетя Дуся
Лейкой грядки поливает.

«Тетя Дуся, – крикну, – здравствуй!» –
Разогнет тугую спину:
«Здравствуй, здравствуй, хрен мордастый», –
И уйдет к себе в малину.

Это тетя Дуся шутит –
Она добрая, я знаю.
Лишь, когда с похмелья крутит,
Очень нервная и злая.

1986

Пароход

Как на матушке на Волге
Появился пароход –
Он и ходит, он и бродит,
Он и пару поддает.

От Самары мчится птицей,
Лопастями шевеля –
А народ-то все дивится:
«Во пиздюлина-то, бля!»

Есть надежда

Когда сам сатана мою душу увлек
И с крутого обрыва в безумье швырнул,
Мои чувства в причудливый свиток свернул,
Над рассудком моим потешался, как мог –

Я в конторе дурил, отвечал невпопад,
В тот же час в психбольницу меня увезли.
Мне казалось – померкли все краски земли,
И остался вокруг только сумрачный ад...

Утром скопом в палату вошли доктора,
Мой был молод как ангел с лучами из глаз.
Я подумал: «Спрошу его прямо сейчас!»
Чей-то голос шепнул мне: «Давно бы пора!»

И, на вязках привстав, я решился тогда –
«Есть надежда?» – спросил, глядя прямо в глаза.
«Да, всегда есть надежда» – он тихо сказал
И плечами пожал: «Есть надежда всегда!»

1986

* * *

Мой отец перед смертью читал Мопассана,
Католической грусти бессонно внимая –
И над домиком нашим, над призрачным садом
Ночь цвела до рассвета, недвижно немая!
Одиноко струился дымок сигареты.
Я смотрел на отца, и мне было так странно:
Книга нежно болтала про то и про это –
И плелись воедино столетья и страны,
Между тем как слабели последние узы...
К окнам жизнь подступала, чего-то просила,
Повторяя словами больного француза,
Что внутри – тяжело, а снаружи – красиво.

1987

Экскурсия в Загорск

У монаха мина пресная,
Пузо – в рясу не уместится.
«С нами, с нами сила крестная!» –
Говорит и мелко крестится.

Созерцаю купола ли я,
На кресты гляжу ль со страхом –
Заразила эхолалия,
Повторяю за монахом:

«С нами, с нами сила крестная,
Просфора не то, что булка...» –
До чего же интересная
Получилась прогулка!

1988

Смерть деда Пахома

Дед Пахом, менингитом измученный,
В запоздалом, как сон, январе,
Сжав оглоблю, как к лодке уключину,
Вдруг повесился на фонаре.
Не развеется снежное месиво,
Не разлезется шелковый шнур...
Лишь в глазах улыбается весело:
Сингапур, Сингапур, Сингапур!

Инцидент

На улице задел я «дипломатом»
Прохожего, конечно, извинившись.
Был удивлен, когда, внезапно взвившись,
Посыпал тот в меня отборным матом.
Старик, в своей зачуханной тужурке,
Седой как лунь и невысокий ростом,
Шагал за мной, «скотиной» и «прохвостом»
Клеймя в каком-то исступленье жутком.
Я шаг ускорил, напрягая нервы.
Вослед неслось мне, мрачное, как фатум:
И что б со мной он сделал в сорок первом,
И что б со мной он сделал в сорок пятом,
Что в жизни горя я еще не видел,
Что рана у него в ноге сквозная...
Как тот Семей, спешащий за Давидом,

Злословил он меня. За что? Не знаю.
И помню, было нестерпимо жарко,
И помню, думал: «Что случилось с нами?»,
И как нырнул в спасительную арку,
Как, выхода ища, блуждал дворами.

1988

На озере

Я здесь прогуливал уроки,
Мозги не перетрудить чтоб.
Средь камышей и средь осоки
В дырявой лодке лихо греб.

Потом на весла одноклассник
С дурацкой кличкой «Гнедой»
Садился. Жизнь была как праздник.
Еще в продаже был «Прибой».

У берега нам приглянулись
Чужой посуды бока,
И мы с Гнедым переглянулись –
На днях сопрем наверняка!

И точно: в час после заката
Гнедой на шухере дрожал,
Я рвал замок, ругаясь матом,
А Гоша – он фонарь держал.

1989

Воробей

Сидел на ветке воробей,
Я в руки взял свою рогатку.
И голос внутренний: «Убей!»
Шептал мне сумрачно и гадко.
Но всё ж не стал я убивать –
И так уж жить ему не сладко.
И стала ярость убывать –
В карман отправилась рогатка.

Личное признание

Зачем теперь не выхожу на площадь?
Зачем я временами не разбужен?
Скажу в ответ, мой друг, чего же проще:
Я не был там, когда я там был нужен.

К лицу ли мне винить свою эпоху:
Она, мол, исковеркала мне душу?
Я жил порой совсем не так уж плохо –
И ел, и пил, и анекдоты слушал.

Что ж из того, что я ума лишился,
В конце концов сам загнан был как лошадь?
Тому причина – я ведь не решился,
Вот прямо так: пойду в свой час на площадь.

Когда я ныне и себе не верю,
Мне ль рассуждать о казни Имре Надя?
В свой час не вышел я, но запер двери,
Был взвешен на весах и легким найден.

1989

Озлобление

Обиды временем не лечатся,
Но покрываются коростой.
И человек в постели мечется,
И спать ему совсем непросто.

Измучен мыслями угрюмыми,
Он подымается и курит,
И занят эдакими думами:
«Чтоб вы подошли все, в натуре!»

Терзаемый былыми бедами,
Журнал потрепанный листает,
А кто-нибудь, ему неведомый,
В бараке от чахотки тает.

1990

Елена Казанцева

* * *

Люблю итальянцев – они как грузины:
горячая кровь и сухое вино.
Люблю итальянские апельсины
и неитальянские – все равно.

Люблю макароны с названием «спагетти»,
и южное солнце, и солнечный юг.
Мне снятся мои итальянские дети
и муж-итальянец,
и море вокруг...

Мне снятся Венеция и гондолы,
и яхта моя на приколе стоит,
и дети идут в итальянские школы,
и муж-итальянец как море шумит.

* * *

Как хорошо сидеть на ветке,
И щебетать, и щебетать,
Забывать о душной зимней клетке,
И воздух радостно глотать,
Летать над вешними полями,
Стараться из последних сил,
И все махать, махать крылами,
Как будто кто тебя просил.

* * *

Если сдохнут мои попугаи,
я собаку себе не куплю.
Ну, во-первых, она дорогая,
во-вторых, я собак не люблю.
То есть я обожаю собак,
но не так, но не так, но не так,
как другие собак обожают,
а потом от собак уезжают...

Сергей Федин

* * *

Он – верба, но
она – бревно.

* * *

У Муму
минимум уму.

* * *

Небо говорит:
«Не боготвори!»

* * *

Гуди, боль!
Хули срам
и варево зека!
Буди голь,
сули храм
и зарево века!

Равнобуквицы

* * *

Не грусти, Рая,
негру стирая!

* * *

Богачу дики
бога чудики.

* * *

На шлюшек с пира
нашлю Шекспира!

* * *

То вру, кидаюсь,
то в руки даюсь...

* * *

У сыновей
усы новей.

* * *

Я снова мадам,
ясно вам, Адам?

* * *

В огне веры – цари,
во гневе рыцари.

* * *

Во! – ору, – жена
вооружена...

* * *

Не укради
не УК ради.

* * *

$3+85+4=38+54$

Наталья Хаткина

* * *

Когда я слышу гаммы за стеной,
я мучусь неизжитой виной.
Мне мама в детстве говорила с чувством –
коль я не овладею сим искусством,
то стану бедной, старой и больной.
И это все произошло со мной.

* * *

Надо посуду вымыть, а тянет разбить.
Это отчаянье, Господи, а не лень.
Как это тяжело, Господи, век любить,
каждое утро, Господи, каждый день.

Был сквозь окно замерзшее виден рай.
Тусклым моченым яблоком манила зима.
Как я тогда просила: «Господи, дай!»
– На, – отвечал, – только будешь нести сама.

Экскурсия в Киев

Так мы в этом городе и не снялись на память.
На кресты таращились, хлопали глазами.
Взяли по морожену, насажали пятен.
Потеряли маму на вокзале.
Ели дрянь какую-то с потрошками
В память о каникулах и о лете.
Потеряли маму в пирожковой,
Потеряли маму в туалете.

Что уж за экскурсия – с такой-то мамой!
То застрянет у ларька с леденцами,
То заснет – по локоть руки в сэконд-хламе.
И ведь нет чтобы пропасть – и с концами.
Вот, трусит из-за угла с сигареткой,
В шляпе с незабудками, в мужской рубаше.
– Ну, – говорит, – у меня и детки,
– Ну, – говорит, – вы и растеряхи.

Екатерина Шевченко

* * *

Я почему-то все запомнила,
До слез, до нитки, до пятна:
Сначала, нет, сначала молния
И прободная тишина.

Помпоном мышь на кухню юркнула
И тут же расстегнулся сад.
И на подносе рядом с рюмкою
Бесшумно бился шелкопряд.

* * *

Жизнь, меняльная лавочка, все ты звенишь,
Всё-то свои вечера включаешь на улицах мокрых, как бред.
Бесы и крысы стекают под землю, а люди идут
Вдоль магазинов прозрачных домой на картофельный свет.

В сумерках детской моей Христиании все фонари, как сироты, круглы.
Красную Пресню опять обметало ветрянкой огней.
Если родные не примут, куда же мне с ней
Ехать с больной на руках без копейки в чужие углы?

Скользкая Площадь Восстания хочет уплыть
За нефтяной светофор, за трехцветный тик-так.
Раньше облезлые мысли рассеивал снег.
Снег – это форма сознания, кажется так?

Игорь Юганов

* * *

Я погружён в эпистолярный ящик,
в котором штемпелюющие клерки
целуют непогашенные марки
и обжимает электронный сыщик
живую плоть признаний предстоящих.
Бегут по океану водомерки,
разносят новогодние подарки
для нищих духом и обычных нищих.

И перед тем, как выбросить в корзину,
узнает мой почтмейстер из Рязани
(из Сызрани, Калуги или Чудова),

что я, одну побольше сделав букву,
переписал – спасибо Ваньке Жукову:
«Мой милый Дедушка, возьми меня отсюда»

* * *

Сам – пан,
сам – барин,
сам – гость,
сам татарин.
Сам себе построю дом,
сам повешу флаг на нем,
а иконку – в уголке,
а себя – на чердаке.

Шиворот-навыворот

Как паршиво мне сыплет за шиворот
с окаянного неба парша,
и спросонок надета навыворот
ошалевшая за ночь душа.

* * *

Глазки нашей кошечки –
как в пиздец окошечки.

Склонение слона

Се2

Душа, как слон, въезжает в Петербург
и прется на большой диагонали,
где каменная баба на вокзале
глядит на юг, не покладая рук.

Здесь птиц не слышно, но они видны,
в дряхлеющих дворцах – животный ордер,
и заводскими трубами на мордах
помахивают белые слоны.

Душа, как слон, въезжает в город-слон –
так в памятник коню живая входит лошадь,
и шахматной доской распаханная площадь
встревоженно дрожит под поступью колонн.

Слон красноглаз, как мышь, и тучен, как собор,
в котором между ног скрываются бомбисты.
А на земле туманно и нечисто –
слоны не убирают за собой.

Голимая, мочой пропахшая страна
давно уже ни Римом, ни Китаем
мне не является. И я над ней летаю
и душу, словно тушу, облетаю –
морщинистого старого слона.

Гнилые бивни спилены. В ушах
истлевшие кольшутся знамена.
Душа вблизи страшна, как имя Нонна,
но для полета неизбежен страх.

Величие слона исчерпывает цепь,
его едва заметное бессилие.
Сдаваясь в плен, мы обретаем крылья,
а убегая, поджигаем степь.

И в переименованный дурдом
беглец доставлен и наказан голодом.
Давай, душа, простимся с этим городом
беспомощно – как ход слоном.

* * *

Во двор, где я живу, въезжает тихий ужас.

* * *

Дети строили город на пляже.
Время было водой, ветром и солнцем – и детям мешало.
Чайка смотрела глазом, но видела все иначе.
Другие дети пришли и растоптали город.
Я остался ни с чем: даже чайка, и та
из моей головы улетела.

* * *

Мне с тобой хорошо.
Мне и без тебя хорошо.
Мне просто хорошо.

* * *

Из божницы спизжены,
к небесам прилажены
высоко над хижиной
журавли бумажные.

* * *

Распрягай, дурак, шарабан,
разворачивай шапито –
государственный балаган
посетило инкогнито.

На ермолку напяль колпак,
рассмеши, трепака спляши.
Выпускай из кишки, дурак,
все загадки русской души.

* * *

Жизнь закончится тем же,
чем кончается дождь.

Шамшад Абдуллаев

* * *

Осень, и вновь
необходимость спокойствия.
Воздух пуст и податлив –
чудится, мы
проникаем в некую полость.
Желтизна плывет по деревьям
и – нежданно – хватает навывлет
бессильные листья.
Наше чувство едва ощутимо
(точно звук, не услышанный
в конце мимолетного слова)
следует
за бесхитростным и причудливым жестом природы.
Время от времени солнечный свет
неуловимым движением
влетает в бледную комнату.
Годы, годы, годы, годы, годы –
лишь предвещение этой покорности, полноты
и безветрия.
Мы раскрыты настолько,
что способны – немного усилий –
обобщить любую случайность.

Вечер

Август, август.
Петухи озоруют в глубине двора.
На виноградных шпалерах шебуршит
беспризорный кот.
Зарезанная дыня прикоснулась к тебе
уголком шального благоухания.
Журчит телефон.
Рядом с тобой – суровая нежность брата
и простуженный чай.
Птицы молчат... Предзакатные муравьи...
Время скрылось за морщинистым дувалом.
Только жизнь подошла – словно шепот –
близко-близко...
Понимаешь?

Михаил Безродный

* * *

почему да отчего
ничего нет отчего

* * *

не одевался по погоде –
теперь к супружеству не годен

* * *

был «вещь-в-себе»
стал «весь в семье»

История государства Российского

Из Маркса и Хармса рожденное слово

Мечтали:
Третьим Римом...
Чем стали?
третьим миром...

* * *

От язычества
до стукачества
с переходом количества
в качество

* * *

Молчи, скрывайся и таи,
Не верь, не бойся, не проси!

Александр Бренер

Без собаки

Друзья, у меня никогда не было собаки.
И я никогда её не заведу.
Потому, что я не желаю смотреть, как она срёт.
Все хозяева всех собак
Хотя бы раз в день должны выводить их гулять.
И во время прогулки собака обязательно присядет
Посрать.
И хозяин вынужден будет смотреть,
Как из его собаки выдавливается говно.
Даже если хозяин отворачивается при этом,
Всё равно он будет представлять себе этот
Процесс.
Я не понимаю, зачем это нужно.

Обращение к ирландским писателям

Если бы так было,
Если бы так могло быть –
Сказал: «Джеймс Джойс» –
И у тебя встал член.
Джеймс Джойс!
Джеймс Джойс!

Если бы так было,
Если бы так могло быть –
Сказал: «Уильям Батлер Йейтс» –
И у тебя вырос член.
Уильям Батлер Йейтс!
Уильям Батлер Йейтс!

Уильям Батлер Йейтс!
Уильям Батлер Йейтс!

Если бы так было,
Если бы так могло быть –
Сказал: «Сэмюэль Беккет» –
И каждая тёлка твоя.

Сэмюэль Беккет!
Сэмюэль Беккет!

Если бы так было,
Если бы так могло быть –
Сказал: «Джеймс Патрик Данливи» –
И тебе не нужна ни одна тёлка на свете.

Джеймс Патрик Данливи!
Джеймс Патрик Данливи!

Ничего не стоят ирландские писатели.

* * *

Как примитивны мои кошмары!
Ни метафизики в них, ни садизма.
Только сынок мой в одежде бедной.
Только сынок мой в жестоком классе.
Только супруга с руками прачки.
Только супруга в казённом доме.

Михаил Векслер

О другом

В лужах солнце плавает,
Расцвело алоэ,
Но не это главное,
Главное – другое!

* * *

Все люди – бр-р...

О питании

Не есть хорошо –
Не есть хорошо.

Шестистишие

Дни –
Это
Жи-
Зни
Эта-
Жи.

Урожай

Кедр
Скуп.
Щедр
Дуб.

Идиллическое

Нам хорошо с тобой вдвоем –
Вон улыбаемся на фото.
Но и в отсутствии твоём
Есть тоже праздничное что-то.

* * *

Хорошо живется мне
Без вмешательства извне.

У зеркала (Палиндром)

Я вижу – жив я.

* * *

Я, признаюсь, с трудом
Занимаюсь трудом.
Но с большою любовью
Занимаюсь любовью.

Славянофильский вопрос

Войдет ли в горящую избу
Рахиль Исааковна Гинзбург?

Побочный эффект

Время лечит, но, кажись,
Укорачивает жизнь.

Японское трехстишие

Якэ
Такэ
Сакэ

(перевод:
Какая
Такая
Рисовая водка)

* * *

Серое небо – и свет из окна
Дома, в котором ночует луна.

вверх.
снизу
а
вниз,
сверху
не
всех
от
отличие
в
Пишу

Мой метод

Скороговорка

Макака какао пила из бокала
И булочку с маком в какао макала.

Любовный треугольник

Я
Л Ю
Б Л Ю
Т Е Б Я

Аня

Она
Моя
От А
До Я.

Самое короткое четверостишие в мире

Я
За
Вя
Зал!

Андрей Воркунов

* * *

От Николаева ушли родители,
видать поссорились, потом полаялись,
мамаша в розовом, папаша в кителе, –
ушли родители от Николаева.

У Николаева ж вся жизнь в родителях,
он их любил, небось, по-настоящему,
мамашу в розовом, папашу в кителе.
– Ну, предки, – ласково так скажет, – пращурь.

Чего б не жить им с ним – не жмот, не пьяница,
да только, видимо, у них, родителей,
одно желание – пойти полаяться,
когда, особенно, папаша в кителе.

Мамаша ж в розовом такая вредная,
на Николаева кричала, босая,
совсем затюкали, заели бедного,
а после, видишь ли, ушли, да бросили.

Я безучастным тут не буду зрителем,
картина ясная и вывод правильный:
от Николаева ушли родители,
пойдемте водку пить у Николаева.

* * *

Я говорю тебе: здравствуй, о,
ты говоришь мне: не надо,
я говорю тебе: слышишь, о?
ты говоришь мне: не слышу,
можно, я постою за занавеской твоих глаз?
можно, я поваляюсь в волосах твоих, о?

Я иду, я подпрыгиваю от нетерпенья,
я кричу, хотя нем, как рыба, обычная рыба,
каждый твой жест, каждое твое слово,
каждое твое приседание
мне не терпится почувствовать,
и я чувствую это, о.

Я карабкаюсь на вершину твоего лица
по пожарной лестнице, освещаемой прожекторами,
и я плюю вниз на холодный и мокрый асфальт,
я иду к тебе, слушай меня, о.

Во всем этом есть какая-то глупая истина,
правда кроватей с металлическими шарами,
но мне кажется, что я начал догадываться,
для чего ты здесь, но ни слова об этом, о.

Мы будем странно молчать, хотя что в этом странного?
Мы молчим, и в этом молчании я все слышу,
я слышу, слышишь, о?

* * *

Рыбин труп в волнах качался,
я его заметил глазом,
соломон евсейч лазарь
тоже естудей скончался,

но его несчастным телом
завернули в божью простынь
да вкопали в землю просто,
что с ним стало! что с ним стало!

рыбин труп же тек к востоку,
словно маленький кораблик,
я подумал: – так и я, бля,
и не жалко ни на стоко...

* * *

Не помню, мне какая блядь
шептала пышными усами:
бездарным надо помогать,
а то они пробьются сами.

Владимир Друк

Обман зрения

То один прищурю глаз,
То другой прищурю глаз,
Целый день смотрю на вас.

Что же видят оба глаза
По отдельности
И – разом?

Правый с левым заодно –
Видят, как назло,
Одно.

Очень глупо и обидно
Видеть только то,
Что видно.

* * *

Я залез под одеяло,
оно форму поменяло.
Угадают ли друзья,
что под одеялом – Я?

Роман

Нежно смотрит на микроба
Аспирантка С. Петрова.
Так же нежно в микроскоп
На нее глядит микроб.

Из жизнеописания кошки Мурки

Мурка задумчиво в небо глядит:
Может быть, там колбаса пролетит?

Мысль, что бывают еще чудеса,
Даже приятнее, чем колбаса.

* * *

И спокоен, и мудр
В заповеднике зубр.

И спокоен, и добр
В заповеднике бобр.

В заповеднике звери
Живут заповедно.

Я подумал: и людям
Это было б не вредно.

Отцы и дети

(написано вместе с Юлей Друк)

как две сосиски в две разные булочки запеченные
мы с тобой на веки вечные
разлученные

* * *

Я близорук. И в микромире
Брожу с фонариком карманным.
И если дважды два – четыре,
То остальное – очень странно.

Рыбалка в августе

темно-синяя корова
гладит теплый свой живот
серой ниткою суровой
козырьком пришит восход

за ночь жабы-дирижабли
надрожались и ослабли
затуманились овечки
яко посуху по речке

веткой длинной и упругой
протыкаю со спины
лопасть
рыбы толстогубой
тишины

Зимнее утро

Спозаранку дворник Женя
чистит белый тротуар.
Соскребает, соскребает
с тротуара белый снег.

Я сижу на третьей ветке,
выходящей на бульвар.
Из груди моей охрипшей
вылетает слово «КАРР!»

* * *

Я обижен.
Я в печали.
Все считают, что я глуп.

А я не глуп!

Летом я ношу сандалии,
А зимой ношу тулуп.

Я не глуп!

Я ношу сандалии летом,
Восхищен поэтом-Фетом,
И грозу в начале мая
Всею душой воспринимаю.
А зимой ношу тулуп.
Кто же скажет, что я глуп?

Знаю правила движенья
И таблицу умноженья,

Я не глуп, не глуп, не глуп!

Просто вкручен от рожденья
В мою голову шуруп.

* * *

рожденный ползать зачем летает?
рожденный ползать летать не может!
рожденный ползать летать не должен!
зачем летает?

рожденный ползать не может ползать
рожденный ползать не хочет ползать
не может больше не хочет больше
вот и летает!

Коммунальный краковяк

Спит животное Паук...
Н. Заболоцкий

Коммуналка. Тук-тук-тук.
По стене ползет паук.
У него шестнадцать ног,
Но он очень одиноч.

Он свисает с потолка.
И валяет дурака.
Я валяюсь на диване.
И смотрю на паука.

Двери хлопают в квартире.
Их у нас семьсот четыре.
Кто-то входит и выходит.
Ничего не происходит.

Коммуналка. Тук-тук-тук.
От меня уполз паук.
С точки зренья паука –
Я свисаю с потолка.

Автобурет

я подвинул табурет,
пододвинул табурет,
передвинул табурет
и задвинул табурет.

табурет мой, табурет,
табуретный табурет!

справа-слева табурет,
сверху-снизу табурет,
позади нас табурет,
впереди нас табурет.

табу-табу-табу-рет,
табуретный табурет!

сам гуляет табурет,
куда хочет, табурет
говорит мне табурет:
не мешай мне, табурет!

табу-табу-табу-рет,
табуретный табурет!

знаешь, мама, в этой жизни
я устроен хорошо.
у меня четыре ножки
и большая голова.

Заявление

Объявляю Марусю
безъядерной зоной!
Объявляю ее
эрогенной зоной!
Объявляю себя
сверхдержавой!
Объявляю на этом собрание
закрытым!

* * *

вихри враждебные
бури магнитные
выборы в местный совет

выпить бы что-нибудь
жизнезащитное
только закусывать нет

* * *

Когда приходят за тобой,
Когда приходят за тобой,
Когда приходят за тобой –
Так трудно быть самим собой...

Эпитафия

Я новый мир хотел построить,
Да больше нечего ломать.

Борис Колымагин

* * *

О Волга! Волга! Кто безумный
из берегов родимых вышиб...
И все кружатся эти мысли
да плюс Некрасова стихи
да из-за острова на стрежень
четырёхпалубный ползет
мигает бойко дискотека
гуляет много человека
и волны рушат берега
качают рыбаков цепочки
а над – а самолеты – точки
и облака... да, облака
да дым, дымы – не пей водицу
козлята бегают смешные
садится солнце в тучу, значит
«огни печальных деревень»
а я пописаю с обрыва
закину голову – вот ковш
вот Вега. может быть, что Вега
«гори, гори» – и что-то вроде
да, человек да, одинок.

* * *

В обители сей отдельной
таинственно мы живем:
под серостью, под беспредельной
копаемся, спим, жуем.

А если соседа встретим,
спрячем скорей глаза
и будто бы не заметим,
а если столкнемся – «Ба!»

И спросим: «Ну как картошка?»
«Ну как – повторим – дела?»
Плечами пожмет: «Понемножку».
Осенние колокола.

* * *

Вечер покато,
речка слегка,
поле лохмато,
шип тростника,
спицы дремотно,
лай будто страх,
душно и плотно,
криво впотьмах.

* * *

За ровненько умытою листвою
лысеет поле,
лучезарит зной.
Избенками уставлена крапива,
как рытвины дороги щекотлива.
Неспешное цветенье словно лук,
старушка у забора,
пьяный плуг
устал в тени,
прозрачные березки
и дали перепачканы в известке.

* * *

Через каскады труб
и завалы
чешут машины – дачное направление.
«Спой про машины», – просит сын.
Мы засыпаем
в нашем завидовском доме
с окнами в сад,
за которым
шипит шоссе точно змей.
Солнце садится
и туча, как бабочка над селом,
хочет его закрыть.
«Я расскажу лучше про бабочку.
Она дружит со змеем», –
пытаюсь я перевести разговор.
«Про машину», – требует он.

Александр Левин

Обменная песня

Со складным квадратным метром
в мир пытливо проникая
и обменным гектолитром
в чемоданах громохвая,
мы проходим, во вселенну
упираясь сапогами,
с бюллетенями обмена
и разменными деньгами.

Обменяем дух на букву,
генерала на лампы,
сименоны на дрюоны,
левиса на адидасы;
обменяем хрен на редьку,
зуб на зуб и восемь на семь:
надоело нам смотреть, как
ты все ездешь в первом классе,
все летаешь выше тучи,
невидим и благозвучен.

Не мечи в меня с укором
взоры, громы и галоши
и не жги меня глаголом,
потому что я хороший:
не дурак, не конопатый
и законоуважатый.
Разойдися, супостаты,
это я зесь занимал!

1985

* * * #

Грозный черный паукабель
шевелится на столбе,
черным лоском отливая,
красным глазом поводя.
Он плетет электросети,
чтобы всякий к ним прилип
и чтоб выпить из любого
электричество его.

Пролетала батарейка,
вяло крыльями махала
и за провод зацепилась,
и запуталась в сети.
Тихо пискнула бедняжка,
искру выронив из глаза,
и внезапный паукабель
произнес ей улялюм.

После лампочка летела,
вся прозрачная такая,
чтоб найти себе патрона
что-нибудь на сорок вольт.
Только ахнула красотка
под высоким напряженьем,
и кошмарный паукабель
произнес ей улялюм.

Шел простой аккумулятор
на обычную работу,
он с утра зарядку сделал,
ему было хорошо,
но, задумавшись о чем-то,
не заметил черной сети,
и злодейский паукабель
улялюм ему сказал.

Так проходят дни за днями
бесконечной чередой,
батарейки и розетки
пропадают навсегда.
Только черный паукабель
шевелится на столбе,
черной молнии подобен,
красным глазом поводя.

1989

Суд Париса

Когда Резвья и Играя
танцуют в небе голубом,
одна из них подобна снегу,
другая – рыжему огню.

Одна плывет, как в хороводе,
уклюжей грации полна,

другая бегаёт по небу,
локтями детскими торча,

а третья льётся, как простая
громошипучая вода,
Смеясь зовется. Трем богиням
всё вторит весело Громам.

Резвяся плавная сияет,
Играя прыскает огнем,
Смеясь из кубка золотого
сама себя на землю льет.

И лишь Громам всё вторит, вторит,
уже не весело ему,
и он стоит болван болваном
с тяжелым яблоком в руках,

с огро-омным яблоком в руках.

1989

* * *

Тридцать первого числа
в небе лампа расцвела,
тыща жёлтиков стояла,
а кругом трава росла.

Грозди белые с каштанов грузно свешивались вверх.
Мы носили нашу сумку в продуктовый магазин,
мы меняли наши деньги на картошку и батон,
мы смотрели, что бывает тридцать первого числа.

Тридцать первого числа
лета красная пришла.
Пудель белая бежала,
мелким хвостиком трясла.

Серый ворон хрипло крякал шерстяною головой.
С червяком скакал довольный предпоследний воробей.
Кот мяукал Христа ради, разевая нервный рот,
с ним задумчиво ходила кошка, полная котят.

Тридцать первого числа
жизнь веселая была,
даже музыка играла
тридцать первого числа.

В третьем-пятом магазине мы купили молока.
Нам играли трали-вали в полыселей голове.
Мы смотрели мульти-пульги в минусовые очки,
и тягучим черным медом солнце плавилось во рту.

Тридцать первого числа
наша очередь пришла,
чья-то ласточка летела,
Лета красная текла.

А за нею, ближе к ночи, нам отведасть довелось
асфоделевого меда на цветущем берегу,
где стоим мы, прижимая к нашей призрачной груди
две картонные коробки с порошковым молоком.

1992

Как это было

(Рассказ очевидца)

Посвящается нашим доблестным летчикам,
морьякам, железнодорожникам, шахтерам,
водителям, наладчикам, программистам
и атомным энергетикам.

Только начали вводить,
вырубили стрингер,
вдруг сирена: под крылом
загорелась букса.
Я был слева, у шунтов,
Лапин мерил синус.
Тут тряхнуло первый раз
и пошла просадка.

Затрещали кулера,
гавкнулась фиготка,
не успели погасить,
как опять тряхнуло.
Зотов крикнул: «Стопори!
Стопори, Семёнов!»
Но кулису повело,
а ручник отцеплен.

Обломился первый трек,
в нулевом ошибка.
Кунчукова ставит семь,
по приборам – восемь.

Я стою, держу шунты,
Зотов вводит фэйдер,
но заклинило рычаг:
апатит в канале.

Все вскочили, дым пошел,
прерываний нету!
Да вдобавок на восьмом
лопнула обвязка.
Тут и Лапин заорал:
«Стопори, Семёнов!»
Попытался вырвать руль,
но Олег не отдал.

В дигитайзере вода
девять сантиметров,
файлы сохранить нельзя –
переполнен буфер.
Лапин к стрингеру, врубил,
стал крутить экспандер,
а фиготки больше нет!
И никто не вспомнил!..

Ну и тут пошел обвал,
сыпануло сверху,
оборвался силовой
и замкнул на баки.
Двести восемьдесят вольт!
Сорок три паскаля!
Windows, на хрен, полетел,
а потом рвануло...

Дальше помню как во сне:
Лапин где-то в трюме,
Кунчукова ставит семь,
по приборам – восемь,
Зотов синий и хрипит,
нету валидола,
а Олег вцепился в руль
и не отвечает.

Так и $\left\{ \begin{array}{l} \text{сели} \\ \text{всплыли} \\ \text{вышли} \end{array} \right\}$: он рулил,

я держал нагрузку,
а кто реактор заглушил,
я уж и не помню...
В общем, стрингер ни при чем:
если б не фиготка,

мы бы запросто ввели
и восьмой и пятый!

1996

Шоу- бизнес

шоу

без

нас

1999

Стишие патриотическое

Москва! Как много в этом звуке:
и эм, и о, и эс, и ква!

Стишие колхозное

Зашумели-загудели провода.
Мы такого увидели наконец!..

Стишие гуманитарное

У кого что болит,
Тот того и инвалид.

Стишие цифровое

А настанет 8,
что мы будем 9?

Стишие хотельное

– Я хочу...
– Хоти, хоти, хоти, но
тихо, тихо, тихо...

Иван Макаров

* * *

Лай сторожевых собак,
Грустных от обид и бед,
Или это просто так:
Холодно, а снега нет.

Будет еще снег и дым.
Пасмурно и тяжело.
Влево поворот: белым,
Вправо поворот: бело.

Знаем ли куда плывем?
Дремлем на волнах своих,
Думаем, зачем живем,
Спрашиваем у других.

Снова поворот винтов.
Долго ли вертеть винты...
Медленная, как никто,
Быстро ускользаешь ты.

* * *

Все здесь спутано – правда и ложь...
Двор, забор... Ничего не понятно.
Эти окна, стеклянные сплошь,
То светлы, то темны, то квадратны.

А под окнами елки торчат.
Среди них, ожидая ответа,
Люди ходят, стоят и кричат
В небо темное, в окна со светом.

Почему-то похожи они,
И как будто бы даже знакомы.
Ветер, снег. Минус двадцать в тени.
Габариты родильного дома.

Зимний путь, неподвижность минут,
Повторяется раннее детство,
Где кого-то куда-то зовут,
А кого и куда – неизвестно.

* * *

Видно, так и нужно это:
Птицы мимо, счастье – мимо.
Дым тяну из сигареты,
В сигарете много дыма.

В неизбежность запечатан:
Отвечает эхо шагу.
Дым летучий ловко спрятан,
Свернут в белую бумагу.

В дыме тайна, в жизни тайна,
Даже в бедной и невзрачной,
Даже в глупой и случайной,
Как в сухой трухе табачной.

1985

* * *

По углам расползается плесень,
По лугам растекается осень...
Будь, пожалуйста, кроток и честен,
Но, пожалуйста, все же не очень.

Поздно. Улей уже растревожен,
Дальний лес по-другому раскрашен.
Уж пожалуйста, будь осторожен,
Если сможешь, то даже бесстрашен.

Дик и мрачен инстинкт разрушенья,
Неоглядны родные просторы...

Это только слова утешенья,
Неуверенный поиск опоры.

Павел Митюшëв

Однажды в студёную зимнюю пору

(лабиринт)

«Однажды в студёную зимнюю пору я из лесу вышел...», – ну что же, неплохо. Теперь проверяем... ну что ж ты накапал! На новом листочке и с красной строки:

«Однажды в студёную зимнюю пору...», – внимательно: грамотно пишем и чисто. А – дальше? что – дальше? Ну-ну, не волнуйся. Но если не выучил – сразу скажи

...ага, всё понятно. Тогда – помогаем: так, кто... или – вспомнил?

– «Однажды...

– Спасибо.

– ...я из лесу вышел».

– БОЛЬШОЕ СПАСИБО. Вы сами не знаете, как помогли,

спасибо. Но только нельзя ль по-порядку: он из лесу вышел – я правильно понял? Пустая формальность... но Вы не могли бы как можно подробнее всё написать?

– Конечно, пожалуйста: «В зимнюю пору...»

– Мне слышалось, Вы говорили – «однажды».

– Простите-простите, конечно «однажды»,

– На новом листочке и с красной строки.

– Однажды в студёную зимнюю пору...

– А если точнее?

– ...я из лесу вышел.

– Конечно, дровишки? я Вас понимаю...

– Какие дровишки! – был сильный мороз!

– Мороз? – понимаю... Вы из лесу вышли – услышали что-то? Ну, может, к примеру... топор дровосека?.. Семья-то большая?

– А это при чём тут?

– Нет-нет, это так.

– Тогда объясняю: я из лесу вышел! мороз, понимаете, дьявольский дубор!

– Я – вас – понимаю, а вы – не волнуйтесь. Чего волноваться: был сильный мороз.

– Так сколько твердить, что «в студёную пору...»

– Но вы утверждали вчера, что – «однажды»!

– Да чёрт с ним с «однажды», служебное слово!

– Вы «чёрта» – оставьте, пишите как есть.

– Я из лесу вышел!..
– Вы? из лесу вышли?? ах да, ну конечно... ну что же, допустим. Допустим-
допустим... (зачем вам всё это?.. семья вот большая, как я погляжу.)

– Я вас не совсем... не хотите – проверьте... я думал помочь, а при чём тут...
– Ну хватит! теперь всё как было.
– Как было?? позвольте! И кто вам позволил вот так это...
– ВСТАТЬ!!

ПА–МОЧЬ??!! НУ, К СТЕНЕ! Так откуда ты вышел?!

–...из лесу... вестимо...
– ЧТО, ГРА–МАТНЫЙ, СУКА??!! Стоять, я сказала! ты что, не расслышал?!
– ...топор дровосека?
– Так значит – ТОПОР??!!!

– ...яиз–лесу–вышел!..
– Что, вы–учил, сука?!
– ...яиз–лесу–вышел!!..
– Ачтогы–тамделал?!
– ...яиз–лесувышел...
– А ДАЛЬШЕ ЧТО, ДАЛЬШЕ?!!
– ...яизлесу...
– Так, теперь снова за стол!

Мне только смотри – на бумагу не капать! Вот так, – и пиши: что «В начале июля – пиши! – в чрезвычайно, мол, жаркое время, под вечер, мол, Я, молодой человек,

что вышель – пиши! – из своей, мол, каморки, которую онъ нанималъ отъ жильцовъ, и медленно, какъ въ нерѣшимости – сука! – отправился къ – знаешь какому! – мосту.

.....

...Однажды в студѣную зимнюю пору я из лесу вышел... оно бы и ладно... но тут я услышал топор дровосека... и в дворницкой слямзил его под шумок.

Я шёл прогуляться... Вот Мойка... Литейный... кормил голубей... покروшив им старушек... потом я вернулся... не вытерев ноги... за что и страдаю осьмой, скоро, год, –

стрекнёмся, братишка? Теперь по-порядку:
Когда всё проверили –
МОЖНО СДАВАТЬ

1987

* * *

Говорю тебе, значит не зря.
Я тебе не какой молодой.
Ну а ты что пока молодой.
Так что зря ты мне тут говоришь.

Говорим, говорим – а чего!
И чего, говорю, говорить...
Уж тогда – а сейчас-то чего!
А слова – это только ля-ля...

Вот там думают: ты говоришь –
и давай: говори-говори...
Говори, мол, там, не говори...
Только я вот скажу: не скажи!

1988

* * *

Ну кто я, кто? ответьте кто-нибудь!
ну, кто я?!! – Ты? – говно. – Я не об этом...
Ведь есть же, есть... или, скажу точнее, –
должна же быть у человека сущность
вневременная, вечностная, с тайным
предназначением – всемирная душа –
в которой растворяется, теряясь,
...ты понимаешь? – Думаю, что да.
– ...и в этой вот связи приходит время
и Человек, сей пасынок Вселенной,
гнетомый одиночеством Пространства,
однажды лик свой обращает к Звёздам
и вопрошает: кто я?! – Ты – говно.

1988

[Палиндром]

Роза 30 р.

* * *

Только ты вчера заснула –
тут же я упал со стула.

Ты проснулась, резко села,
пошла на кухню попила,
вернувшись время посмотрела,
рядом с ними положила.
Снова скрипнула пружина...

Я упал и со стола.

Господи, ну что за свинтус!

Замела меня под плинтус –
чтоб глаза хоть не мозолил.

Тут я рухнул с антресолей!

Как же ты со мной устала!

Тут упал я с пьедестала.
Делал что на пьедестале –
знаю даже сам едва ли, –

но уже отвести не мог
глаз от этих строгих ног,
битый час, раззявив пасть,
всё пытаясь не упасть...

Т. ч. выпал из окна.
Это – полная хана.
Никаких теперь Японий.
(П р и ч ё м здесь – так я и не понял.)

Г д е - т о т а м – японский бог! –
всё выискивали блох –

...ну а я лебяжьим пухом
тихо падал на столицу,

засыпая
мягко, глухо,
в небо поднятые лица...

с хризантемой...
в кимоно...
камнем...

Дальше всё темно.

Михаил Новиков

От автора:

Стоя в очереди поэтов (в гардероб), я обнаружил,
что у меня номерок ②. Стало быть, я поэт номер два.
Кто же поэт номер один?
В очереди его не оказалось.
Потом я понял – поэт номер один –
это –
Зипунов.

* * *

птичий барин быстро ехал
говорил скороговоркой
надо делать надо делать
подымайте монгольфье
птичий барин думал думал
рядом бог сидел и думал
тут же я сидел и думал
волосами шевелил:
а какого монгольфье?
по тверской бежали люди
вслед за ними полутени
еще дальше просто тени
целый день они бежали
птичий барин был отчаян
караван его верблюдов
вез из индии товары
меж верблюдовых горбов
их горбы весьма упруги
словно груди постового
он стоит кружит главою
папиросу закурил.
птичий барин крикнул разом
монгольфьеры полетели
бог и я окаменели
только бог заснул и всё.
раскачайте волчи ветры
я кричу вам умирая
разверните ленты рек
продолжая разговоры
птичий барин подлетает
о колени вытирает

руки черствые мои
я гляжу на темя неба
птичий барин жарит ноги
жду я. крыша упадает
с неба на тверской бульвар
я жую его обломки
шар горит горит горит.

* * *

Приехал Эдик
И рассказал о проблемах.
Многого я не понял.
Но вот что
Уловил явственно:
Они там махнули с дискурсом.
Лоханулись.
Пёрнули в подушку
(а на ней самим
спать).
Эдик говорил:
Понимаешь, бабища в буклях
Открывает журнал,
ничего понять не может.
Где свои, где чужие?
Куда ей податься, бедной?

Со своею пиздой,
добавил я мысленно.
Мы сидели на кухне,
И вдруг между нами соткалась
Эта бабища.
Да, проблема.
Белый живот ее
Налегал на лобковые кудри.
Слушай, я предложил,
поговорим об участках.
О дачах!
О нашем любимом!
Недвижимость – это же всё.
Это свет и отрада.
И утешенье в ночи.

Но
Бабища сидела,
Как какой-нибудь Фурцевой,
фурии призрак,
всю культуру засравшей.

А надо все сделать
Иначе, – рассказывал Эдик.
Взять кредит, тихо спиэдить его,
а потом рассчитаться натурой.
Речь его извивалась, кружила,
взмывала.
Он названьями сыпал,
поминал европейские страны,
каталог «Мишлен».

А бабища сидела.
На сисях ее розовели
Сосцы.
Вены, как реки, синели.
Пергидрольный кудель
Овевал ее сумрачный лик.
О буфетчицы родины.
Бабы забоев и домен.
Что же в вас?

Вспоминал я Евгенья рассказ.
Понимаешь, меня,
говорил он однажды по пьяни,
долго к бабам тянуло,
которые старше меня.
Я смекнул (говорил он),
что тут непорядок какой-то.
Болтался по улицам,
В блядстве искал утешенья,
а затем прямо к Фрейду пошел.
Там, у Фрейда, я понял:
вот это – мое. Настоящее.
Твердое. Круглое. В форме цилиндра
Как бы с куполом неким.

Дальше его понесло,
ну да это неважно.

Говорил я патрону, –
рассказывал Эдик, –
надо бы все по-другому поставить.
По сути – надо раком поставить
журнал.

Ну а стоит ли?
Ведь по-хорошему, друг мой,
надо раком поставить
бабищу в кудряшках,
эту самую родину-мать.

Засадить ей хоть чем!
Хоть журналом вот этим.
Это тоже возможно,
если трубочкой оный скатать.

Мы заплакали оба.
Мутное небо над Кратовым
Дождь обещало.
Нет! Нам не справиться
с родиной.
Не овладеть ей.
Этой тонкой рукой
Помещенной на тонкой ноге
Вот ее? Проебать?
Нереально.

И она усмехнулась,
качнула жирами,
грудями, кудрями
И истаяла.
Нам же донесся из недр ее
голос:
А журналом своим подотрись.

1999 (?)

Виктор Полещук

Крик черепахи

Вспоминаю бабушку Марию:
родом она была с Дона,
во время войны
взяла на воспитание
мальчишку-сироту (государство
ей выделило положенную сумму)
и изготавливала черепаховые пепельницы.

Для начала она опускала
черепаху в кипяток, ибо только так
мог отделиться
панцирь от тела,
и уже после этого
приступала к отделке.

Вот тогда-то я и услышал,
как кричит черепаха:
то ли захлебывающееся верещание,
то ли писк, то ли тусклый шепот,
но и он постепенно смешивается
с бурчанием кипятка.

Вспоминаю бабушку Марию:
как она сидела в нашем дворе
и все жаловалась на годы:
спрятала в духовку четвертную бумажку,
да и забыла, старая,
затопила печь.

Тело ее –
гранитная глыба мяса –
было недвижно,
глаза закрыты,
и если бы не холодное шевеление губ,
исторгавшее свой смутный заговор,
то запросто можно было подумать,
что она, сидя на табуретке,
спит.

1985

Схема

– «Аркадий Куприянович – фондооснащенность.
Аркадий Куприянович –
недовыполнение по поставкам», –
мне надоело!
Он снимает шляпу, пальто,
бросает на спинку стула шарф.

– Хваток, мужики.
Завязываю.
Перехожу на сок.
Комкает рубашку,
мнет брюки
и машет галстуком.

– А если тебе нужен Лешка,
пожалуйста, –
иди,
я ведь не держу!
Бросает майку «Аполлон»
на ветку,
ходит вокруг,
выбрасывает руку вперед
и чихает.

– Нет! Всё! Я не буду!
Не приставайте ко мне с кашей!
За папу и за маму –
нет сил.
Ползает на четвереньках
по накрахмаленной салфетке,
выглядывает из-за стола,
а только воспитатель приблизится к нему –
кусается!

– Аааааааааааааааааа!
– Оооооооооооооооо!
– Ууууууууууууууууу!
Мама стягивает с него подштанники,
хлопает по попе, улыбаясь,
и он исчезает. Все.
Он теперь
инопланетянин.
Конец.

1985

Алексей Прокопьев

Метаморфозы

Я стану прозрачным от мыслей, от их свечения,
когда надо мной закачается виолончельный
мятущийся воздух густой; и, уже безучастный
к обиженным ближним, увижу: из листьев сочатся
туманные капли.

Мы все понемногу ослепли.

С момента рождения – в дымные падаем петли.
И все же, за воздух держась, ни на что не надеясь,
на что-то надеемся, то есть: сжигая, как ересь,
отцветшие звуки и желтые запахи, помним
о прежних препонах. В пруду отражаются сонмом
всё те же обиды. Войду в эту темную воду,
и деревом выйду, и встану от леса поодаль.

Мой горестный день. Кем я только за жизнь свою не был –
и хлебом, и камнем, и зверем, и рыбой, и небом,
но все превращения пели мне болью в ключицах,
немым удивлением, горьким осадком на лицах.
И больше ничто не случится. Я знаю наверно.
Дорога спиной своей в сторону дергает нервно –
и лес расступается.

Птица

упасть не боится.

Грохочет вдали колесо и блестят его спицы.

Ведь это не блажь – постоянно пить свет из миражей,
не приступ отчаянья и не обязанность даже.

А только на что ж это может быть странно похоже?
Кто бархатной ветошью водит по съёженной коже?

* * *

Двух я чувствую пульс стрекоз:

Златовласки и синеглазки.

В абрис вечности – абрикос! –

Входит солнце в бешеной пляске.

– Воздух пьем, все трещит по швам –

И трепещем, как жаркие краски,

В кровь вливаясь, доверчивым, вам:

Златовласки мы, синеглазки.

Александр А. Пушкин

* * *

Я состою из камуфляжа:
Очков, штырей в колен-валу,
Вставных зубов, прическа даже –
Из магазина на углу.

Там геморрой, а там простата,
И почки белые в вине,
В душе – изъян, в штанах – заплата,
(и очень мелкая зарплата) –
Придите, девушки, ко мне!

* * *

То ли где торосов глыбы,
То ли где страна Судан, –
Ходит-бродит чудо-рыба
По прозванию Лабардан.

То ли дом ее на суше
Занял я при дележе –
Только травит она душу
Мне который год уже.

И во сне меня тревожит,
Бьет хвостом по бороде,
И одною мыслью гложет:
Может, место мне в воде?

Может, зря копчу я небо,
Может, зря хожу пешком,
И приличней в море мне бы
Плавать с красным гребешком?

Плавниками резать воду,
Через жабры воздух гнать,
Рыбью славную породу
Раз в году возобновлять.

Может быть, случилась штука,
Перепутав пару душ:

Лабардану – в море мука,
А меня не держит сушь.

Но откуда же, откуда,
Коли я из тех пород,
Лохмота-зверек-зануда
У меня в груди живет.

И растет там тихой сапой,
Голова – как в горле ком,
И скребет шершавой лапой
И шершавым языком.

А порою – как завоет!
Пасть оскалит, шерсть торчком,
И когтями рвет живое
И катается волчком...

И уж тут – не рыба жижя,
Так горит, что не залить...
Может, это просто грыжа?
Может, к доктору сходить?

Геннадий Сусуев

* * *

За эти груды книг,
Что я не напишу,
Господь протянет нимб,
Как бублик малышу.

* * *

В объятьях африканской страсти
Июнь сгорает, не жалея,
Опять, как по драконьей пасти,
Ползу по выжженной аллее.

Бреду по улицам в бреду,
Пью полдня дьявольское зелье.
Притихли грешники в аду –
Уже не просят на землю.

И даже если дождь под вечер,
То, лишь едва касаясь плит,
Он пробежится, как кузнечик,
Но никого не воскресит.

И только к полночи немного
Жара свою смиряет страсть,
Стоит, вздыхая носорогом,
И не решается напасть.

* * *

Я навсегда уйду за горизонт,
Когда долги все взятые раздам я.
И, может быть, тогда мне повезет –
Я доберусь до края мирозданья.

И на краю, за гранью суеты,
Когда отброшу горечи и страхи,
Я разгляжу с огромной высоты,
Как, чуть дыша, шевелятся киты
Под панцирем гигантской черепахи.

Михаил Сухотин

Пророчество Папанина

Где кричи-не кричи а в ответ – ни слова
где земля донельзя белоголова
где никто не лает а ветер носит
там дрейфует великая льдина века
но не слышно Папанина из-под снега :
он кричит и скоро обезголосит.

Крик его мгновенно затвердевает
и в таком состоянии пребывает
в атмосферном слое за облаками
до тех пор пока, вниз не сойдя на юге,
он не переплавится в те же звуки
что взошли над северными снегами.

Крик полярника ходит дождём по полю
поражая нас запахом алкоголя.
Это значит – на севере мрак и вьюга
то есть люди согреваются под сугробом,
сберегая силы, и перед гробом
шутками поддерживают друг друга.

Мужество Папанина бьёт пшеницу
зверя разгоняет, пугает птицу
и в земле совершая круговорот свой
проникает лучами в любое сердце
находя в прохожем единоверца
ободряя в бедности и сиротстве:

«Мир вам из далёкого заполярья!
Сам себе хозяин теперь и царь я.
Озирая вселенную говорю вам :
есть свобода высшая в поднебесной
не достать её с неба когтём железным
не разбить на части свинцовым клювом.

Выполняя задание Главморштаба
я уполномочен уже хотя бы
потому замерзать на бескрайней льдине
что народ мне как родителю доверяет
всё прощает за это и позволяет
проповедовать истину во Едином.

Отто Юльевич, зная судьбу людскую
ничего Вам нового не скажу я.
Только партии и правительству передайте :
кровью станет луна, и небесный свиток
принесёт невиданный им убыток
ныне и во веки веков. Прощайте».

Слушают его города и сёла,
дети замирают идя из школы,
в Яке Водопьянов ушам не верит :
всюду раздаётся могучий голос
и пока человек покоряет полюс
винт мотора в небе пространство мелет.

Литературные памятники

Гораций : Exegi monumentum aere perennius
Ломоносов : И я себе воздвиг такой же monumentum
Гораций : Regalique situ pyramidum altius
Ломоносов : И мой вот точно так же pyramidum altius
Гораций : Sume superbiam quaesitam meritis
Ломоносов : Quaesitam meritis, о муза, sume superbiam
Гораций : E mihi Delphica lauro cinge volens Melpomene comam
Ломоносов : Cinge volens мне, мне, Melpomene comam

Не говоря уже о том,
что Аполлин на Геликоне,
что быстрый разумом Невтон,
и дочь бессмертия на троне,
что телескоп, полемоскоп,
сокровищ новая Индия,
что Днепр, Волга, Лена, Обь,
Академия, Поэзия...

Ломоносов : Я знак бессмертия себе воздвигнул
Державин : А я памятник себе воздвиг чудесный, вечный
Ломоносов : Превыше пирамид и крепче меди
Державин : А мой металлов твёрже он и выше пирамид
Ломоносов : Взгордися праведной заслугой, муза
Державин : А ты, моя, гордись заслугой справедливой
Ломоносов : И увенчай главу дельфийским лавром
Державин : Нет, ты чело венчай зарей бессмертья

Не говоря уже о том,
что молнии блещут над водами,
что солнц златых огнистый сонм
вселенной движется путями,
что всё падёт и пропадёт,

телесный панцырь всех червь сгложет,
что глас пиита не умрёт,
а нам ничто уж не поможет...

Державин : Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный
Пушкин : А я памятник себе воздвиг нерукотворный
Державин : Металлов твёрже он и выше пирамид
Пушкин : Зато к моему не зарастёт народная тропа
Державин : О муза, возгордись заслугой справедливой
Пушкин : А лучше всё-таки велению Божью будь послушна
Державин : Чело твое зарей бессмертия венчай
Пушкин : Это уж как изволишь – ты только не оспаривай глупца

Post Scriptum.

Хор имени Пушкина : ПМТНК СБ ВЗДВГ НРКТВРН...
Гораций : ЕУ-Е-ААЕ-АОАЯ-ОА!
Хор имени Пушкина : ВЗНСС ВШ Н ГЛВ НПКРН...
Гораций : АЕАЙОО-ОА!
Хор имени Пушкина : ВЛН БЖ МЗ БД ПСЛШН...
Гораций : ОИЫ-Е-АА-Е-ЕУЯ-ЕА!
Хор имени Пушкина : ХВЛ КЛВТ ПРМЛ РВНДШН...
Гораций : И-Е-ОАИА-УА!

1985

Ниже планки

Этого берем
этого берем
этого берем
этого берем

а этого уберем

он лес не рубил
дров не носил
печь не топил
он сам кашу заварил:

этого не узнавал
этому не звонил
ту не поздравлял
тем не дорожил
он о нас писал:
«Вити-Мити, хуё-моё...»

Ниже планки уберем

* * *

Нормативное состояние было.
Правда, весь в кро-ови-и-и...
Но состояние, я же вам говорю:
нор-ма-тив-но-е

* * *

Если из трубы нет дыма,
то, как вы сами понимаете...
Нет, пошёл-пошёл-пошёл-пошёл,
и значит они ещё живы.

Но если всё-таки из трубы нет дыма...
Чорт, так и прёт, и прёт, и прёт, и прёт –
нет, видно, там никого не осталось

* * *

пальцы тянутся к перу
перо – к бумаге
бумага – к плоскому
плоское – к холодному
к холодному с усовершенствованным
к усовершенствованному
со смещенным центром тяжести
с оптическим
прицелом

минута –
и стихи свободно потекут

* * *

СОЮЗГЛАВСТРОЙДОРМАШЗАГРАНПОСТАВКА*

Четырехстопный ямб мне надоел

* Тверской бульвар, д. 7

Владимир Гершензон

* * *

Как входит нож в сухую прорезь ночи,
Как в лузу падает рабочий,
Как золото и малахит горят,
Так наши жилы зажигает яд!

Когда стучит в висках дверной замок,
Ты больше не жилец в своей кровати.
Там шабаш ведьм у речки на закате,
Мне страшный уготован здесь урок.

Я сирота в родной своей палате,
Я мусорщик в слепой своей бригаде,
Я прах и тлен – мой корень съел червяк,
Меня сожрал патриций натошак
И, наглотавшись, не сказал он: «Хватит!»

* * *

Стреноженной лошади трудно заняться любовью,
Она не умеет сказать по-английски «I love you»,
Семья бегемотов объела запретное древо,
И падает дождь сквозь дырявую крышу сарая...

«Нет! Нет! не целуй меня в ухо», – сказала улитка, –
«Особенно летом нам вредно с тобой целоваться!..»

* * *

Мужчина выглядит улиткой,
А женщина поет гитарой,
Когда поэт ползет на север,
Чтоб там замерзнуть и уснуть...

Я никогда не стану старой,
Ты никогда не станешь старым,
Он никогда не станет старым,
Но все умрем когда-нибудь!..

Андрей Дмитриев

* * *

Я спросил у продавщицы:
– Что за круглая вещица?
Дурно пахнет, вся лоснится,
И зачем в ней столько дыр?

Отвечала продавщица,
На меня начав сердиться:
– Это вовсе не «вещица»,
Это пицца, это – сыр!

Говорю я продавщице:
– Я, признаться, удивиться
Вынужден, как говорится,
Это что еще за «сыр»?

Закричала продавщица,
Зарычала, как тигрица:
– Дурак! Идиот! Хулиган!
Это сыр, Сыр, СЫР!!!
Или я сошла с ума...

* * *

по на
по нас
по нас
сто я
ни ю
дру гих
ка ких
то лиц
пре о
до ле
ле ва
ю рас
сто я
ни я
не я

* * *

Кремовый бантик на правом боку
Глупое лиц выражение
В шляпном отделе стою и смотрю
Я на свое отражение

Кто это выдумал – шляпы носить
Чувствую я раздражение
Но поддаюсь искушенью купить
Это я сооружение

Вышел на улицу весь сам не свой
С легким голово-кружением
Кремовый бантик несу как герой
Как орден несу за сражение

Шаром воздушным летит голова
Выше домов и деревьев
Первая шляпа а жизнь уж прошла
Хлопнув тихонечко дверью

* * *

травописание лесов
лугов полей дворов
болот полян опушек
садов травы:
болотные полевые
лесные лекарствен
иные травы:
приворотные сонные
травописание снов

* * *

У рыб моих характер золотой,
Они живут себе, забот не зная,
Плывут по кругу полосатой стаей,
Следа не оставляя за собой.

У них всегда прозрачная вода,
О чистоте ее заботятся улитки
И стебелечки водорослей хлипких,
И я ее меняю иногда...

А Бог – ну да, конечно, с ними Бог...

* * *

Шли по дороге друг другу навстречу,
То ли к приятелю, то ли в кинцо,
Два человека – Петров из Поречья
И Иванов из деревни Сельцо.

Тут и рассказывать было бы нечего,
Если б не там, где лежало яйцо,
Встретились с этим Петровым пореченским
Тот Иванов из деревни Сельцо.

«Вот так удача! Поужинать вечером
Можно прекрасно, зажарив яйцо!» –
Сразу подумал Петров из Поречья.
И Иванов из деревни Сельцо.

Раньше делить было вроде им нечего.
Кабы не чертово это яйцо,
Так бы и жили Петров из Поречья
И Иванов из деревни Сельцо.

Стать бы могли бы друзьями сердечными,
Вместе по праздникам пили б винцо,
Вместе пахали б Петров из Поречья
И Иванов из деревни Сельцо.

Но и двух слов не нашлось для встречного,
Жадность и злоба скосили лицо,
Люто подрались Петров из Поречья
И Иванов из деревни Сельцо.

Мать не узнает их, так изувечены,
Рядом с раздавленным в драке яйцом
Тихо лежали Петров из Поречья
И Иванов из деревни Сельцо.

* * *

Мой муж работает на фабрике «Дукат»,
Он делает для Родины отраву,
За что ему со всех сторон почет и слава,
А он всем этим пользуется, гад.

* * *

– Есть у вас больные люди?
– Есть у нас больные люди.
– Что вы будете им делать?
– Мы им будем удалять!
– Как?
– Наши умные науки
в наши мускульные руки
штуки разные вложили,
мы любые сухожилия
можем резать, можем рвать.
– Ну а кости?
– Кости будем мы ломать!
Мы при помощи специальных
пил-зубил универсальных
будем кости им ломать!
– А самих их?
– Зарывать!
Зарывать в сырую землю
и водою поливать.
– А когда больных не будет?
– Мы лечить здоровых будем!
– Что вы будете им делать?
– Мы им будем удалять!

* * *

Кремль обращен к реке стеною
Не праздничною – крепостною,
Суров, без всяких выкрутас,
Ничем не радует он глаз.
Там, вдоль реки, не торопясь,
Я шел, прохожих сторонясь,
Воображал себя при том
Чужим Кремлю – его врагом.
Но угол с башней обогнув,
Переведа на горке дух,
Дверь otvorил своим ключом
И в Кремль вошел, как в отчий дом.
В каморке с клетчатым окном
Жую сухарик с кипятком,
Рассматривая в тишине
Портрет актриски на стене.

* * *

Мы доверяем старине
Куда как больше, чем себе,
Так и варягов призывали – мол, оне
От нас в развитии общественном отстали,
Так, может быть, порядок на Руси
Нам наведут – да вот,
Не угадали.

* * *

Послушай, мальчик мой,
Я так устал,
Я к дому шел, упал,
Испачкался, промок.
Теперь я плачу.
И ты, мой сын,
Поверишь ли в удачу,
Когда отец твой
Жалок
И убог.

* * *

Я в этом доме жил с утра
Потом ко мне пришли чужие
И мне сказали: вы здесь жили
Теперь другим пришла пора

Сложил я вещи в узелок
Они так верно мне служили
Меня до двери проводили
И я послушно в путь потек

Я думал: так тому и быть
Я жил, а вот они не жили
Так пусть живут коль заслужили
А чем – о том не мне судить

В пути я загрустил невольно
Хоть оборачиваться больно
Назад последний бросил взгляд

И видел всё. Как плавно крыша
На миг приподнялась чуть выше
И рухнул медленно фасад.

Сергей Завьялов

В Саранске

Второй уже день ветер приносит дождь
от одной из русских границ
Второй уже день переезжая взбухший Инсар
я вижу мутную воду

и только изредка чистое небо
и только изредка крест над невзорванной церковью
и лоскуты речи мордовской
на вокзале на остановках троллейбуса
у опустошенных витрин

их вкрапление случайно
и еще случайнее ты в уродливом городе
на дне этом жестком
нашей прародины общей

1987

Темников. Старый московский тракт

Видишь: ангел сказала ты мне
Мы спешили и не долго смотрели на запад
Стрела (наверное это и есть цвет пурпура)
готова быть вложенной в лук
если я точно запомнил темно-синий
почти фиолетовый

А старый тракт на Москву тракторами разбит
и вся пойма речная в тумане вечернем
и деревенские звуки вдали бляенье мык
и дети где-то рядом совсем
по-мокшански перекликаются

1987

Виталий Калашников

Закат

Смываю глину и сажусь за стол,
За свой рабочий стол возле окна.
Блестит Азов, а розовый Ростов
По краю быстро схватывает тьма.

Светило плавит таганрогский мол
И расстиляет алую кайму.
Ростов в огнях, а розовый Азов
Через минуту отойдет во тьму.

Еще блестят верхушки тополей,
Но их свеченье близится к концу,
С последней зыбкой кучкою теней
Плывет баркас по Мертвому Донцу.

Смывает мрак широкое кольцо,
В котором гаснет слабый отблеск дня,
И вот мое спокойное лицо
Глядит из черных стекол на меня.

1984

* * *

В лед вмерзший камыш шелестит и звенит от поэмки,
И там, где он вышел дугой к середине протоки,
Я осенью часто казанку привязывал к тонким
Ветвям ивняка, накрывающим омут глубокий.

Возможно ль русалке, чья лепка еще так непрочна,
Чья жизнь, словно мысль, быстротечна, а тело прозрачно,
Здесь выжить и жить, в этой затхлой воде непроточной,
У этой земли, так подолгу холодной и мрачной?

Я помню поклевки, уловы, но также движенье
Воды под рукой, этот взгляд, этот смех беспричинный,
И в памяти образы жизни и воображенья
Настолько смешались, что вряд ли уже различимы.

Магнитные линии тела я вижу доньше,
Я помню, как пела, и то, как манила, кивала,
Но я-то ведь знал – ее не было здесь и в помине,
Когда, оттолкнувшись от лодки, она за камыш уплывала.

1985

* * *

...И обходя свой дом со всех сторон,
промахиваясь, руки разбивая,
он плакал, в ставни гвозди загоняя
так быстро, как во время...
он потом
подумал: как похоже, как похоже;
взял две доски и к двери подошел,
остановился – так нехорошо,
нет, так он не решился подытожить.
Он суетился, ничего не видел –
она стояла, он ей говорил:
подай мне, принеси – она стояла,
потом пошла, ладонью прикрывая рот;
и он пошел,
и чемодан понес, и если бы не кот,
оружий в чемодане (кот вернулся
и жил один здесь), он бы обернулся.
А так он говорил коту: не ной,
сейчас придем, – и примерял иной
путь, на котором он давать
не сможет ни на миг себе покою,
чтоб ничего не помнить и не знать,
без сил под утро падая в кровать
и быстро засыпая,
как землю.

1987

* * *

На меня вонючка села,
Повоняла – улетела.
Что мне делать – я не знаю.
Вот сижу теперь – воняю.

1997

Николай Кононов

* * *

Близко так ее к глазам поднес, что замер в ужасе:
Дикий рот с пружинкой заводной,
Вся мохнатая, вцепившаяся, тужащаяся
Улететь пунктиром, ломаной, дугой.
Вся в испарине, заснеженная, в стуже вся,
На лету ты кажешься другой.

Здравствуй, здравствуй, волосатая, пугливая, глазастая союзница!
С выдвигаемым железным хоботком.
Жарко сердце бьется – вздрогнет вся, опустится,
Вмиг ослабнет как-то, станет лепестком
Отогнувшимся. Не кровь горчит, а сукровица
У капустницы. Я с нею не знаком.

Я знаком с одним поэтом, что при близком, самом пристальном
Взгляде в зеркало такую скорбь открыл,
Что себя припомнил мальчиком, пританцовывающим в мыслимом
Нежном прошлом. Покрывает ил
Точный взор его, уступчивый, завистливый,
Помню, он очки еще носил.

Двух стеклянных крыл прогиб двояковыпуклый
Помнит жесткий кожаный футляр.
Кто чешуекрылых ночью нежил, выкупал
В розовой фланели, смыл загар
Дня усталого? Лети, не надо выкупа!
Посмотрю сквозь твой ночной зеленый окуляр!

ЧП

Вот так и вмазала Ирина Георгиевна Елене Глебовне
Прямо в лоб, вот так и не побоялась мнения коллектива
И тем паче администрации. Звезды посыпались, и небо где,
Третий день бедная не видит, посинела как слива.

Вот так и не побоялась – прямо в тренерской
В лоб замочила, так как не поделили нагрузку
(Серьезный, знаете ли, мотив). Жужжат все день-деньской,
На два лагеря разошлись, мосток сожгли узкий.

Ух как они, представляю, пыхтели, сплетались, словно кустарники,
Ветками трещали, багровели будто рябины,
А потом бледнели, таблеточки-шарики, драже карликовое
Нитроглицерина глотали, Персефона и Прозерпина.

Они сестры аэробики... С ними по пустыкам связываться
Никому не советую. Улеглась и затихла
История сама собой через месяц, или придумал все, кажется?
Какая-то звездочка вспыхнула в небе, поникла...

Или же почудилось? За этими низкими заснеженными
Облаками ночными и не разобрать. Вот следа не осталось
У Елены Глебовны от травмы. С каникулами нежными
Заживет все, с морозными, вся боль, вся усталость.

* * *

Вечно кипит вода в бачке для срочных хозяйственных нужд
Устоявшегося хозяйства. За потным стеклом слабыми молочными
Маленькими шажками движутся сумерки, словно пьяный муж
Тети Маруси с друзьями своими парнокопытными, хордовыми, беспозвоночными.

Вот сейчас начнется перепалка, бегство с препятствиями, сумбур
Вокруг сковородок, деньги придут занимать. Румянец томительный
У полнокровных нарядных толстух, и отлажен мужской перекур,
Как токарный станок, только фразы мелькают спиральями, стружками, нитями.

Словно силосные башни среди радостно-бестолковых овец,
Бутылки красного вина рядом с какими-то там салатами, винегретами.
О, как радостно начинать – за горами финал, апофеоз, конец,
Мордобитие, ругань, а пока хохот, чоканье, угощают всех сигаретами.

Все это после узнал, а сейчас меня бабушка от них уведет, уведет.
Как взволнован суетой и ласковыми понятными вопросами!
Царские газовые конфорки, свист огня, снег синеватый идет,
Завтра в школу не надо за сугробами, за дверьми, за торосами.

Это легкая накипь дежурного сна, тяжесть всех одеял, снегопад.
Это ночь так по-детски сопит, работает напильниками, пилками.
О, тяжелый густой алебастр, о, беспамятство, в сорок ватт
Глеет лампочка. За стеной опрокинули стул, катают пустыми бутылками.

Над мертвым кузнечиком

В кузнице жаркой зажжен над пасленом
Маленьким бра
В бронзовом саване колко-зеленом
Брумеля брат.

Друг голенастый, на левобережье
Как занесло
Тела байдарочку в кожухе нежном,
С ножкой-веслом?

Видишь вечерних бабочек слалом
В шлеме, очках
Пестрые стяги живого ислама –
Всхлип или взмах.

Как я люблю это тихое чтение:
Вот без следа
Тает лыжня. Где же боль и мученья?
Нет их? О да...

* * *

Никогда уж не приснится –
С подмороженной губой
Звездочка-отроковица
В ледяной гудит гобой.

В смертной извести долина,
Где горчит желток костра,
Спят кошмарны и сладимы
Брат и старшая сестра.

Неродной и неродная,
Как гомункул голубой.
В глубине, что холодает,
Злополучный ангел мой.

Звезд промерзшая пехота...
Но шмелем вползает смерть
В зимний улей небосвода,
И нельзя туда смотреть.

Василий Ломакин

* * *

Омега красная, пурпурные рога
На белой улице боксирует пурга
Ты помнишь, на себе рубаху рвал, дрожал
И красным петухом по улице бежал
Аминь омега, хороши твои дела
Омега красная и альфа без титла
Прости мой тысяцкий, прости десяцкий мой
Что я свои счета заканчиваю тьмой
Слова неясные Россию стерегут
И буквы красные по белому бегут

* * *

То же поле и тот же лес
Та же лестница до небес
Лег на тихую тьму грозы
Луч, троящийся от слезы
Потому что воистину трех
Видит глаз, видит шар, видит Бог

* * *

Не печалуйся печальник
Хулиган
Даже гражданин начальник
Человек а не наган
Он тебе напишет справку
Что ты псих
И отпустит на поправку
На своих двоих
Слава Богу, нынче дома!
Вспоминай же сирота
Стены синие дурдома
Дверь трехгранкой заперта
Не беда, что нынче пьян ты
Mezzo piano, пьян слегка
С пальцев сыплются брильянты
ХТК

Они зацветают. На то и весна.
Им не дорасти, ведь разрыв двухметровый.
И душит веревка с темна до темна
козу сумасшедшей старухи Петровой.

* * *

Бегут ручьи, кораблики неся.
А птицу сразу видно по полету:

пронесся он по грязи на работу.
Наверно, опоздать ему нельзя...

В дешевой куртке, в неидущей кепке,
по-моему, зовут его Андрей...

Увы, Андрюха, наши с тобой щепки
давно уже добрались до морей...

* * *

Мать довешивает мишуру,
досоздает уют.
Смотрю телевизор – одну муру
передают.

Наконец-то фильм «Ирония судьбы
или с легким паром!»...
Держусь и кажусь еще вроде бы
веселым парнем.

Елка – старье, игрушки – старье,
старье – серпантин.
Старушка одна у меня, и у нее
я один.

Чудом каким-то похорошев,
возится мать моя.
Под елкой подарок «Олд спайс афте шейв» –
лосьон после бритья...

Михаил Тарковский

* * * #

Седое утро. Груз на берегу.
Отставшая кричит в тумане ржанка
И в красной куртке смотрит горожанка
С высокой палубы на серую тайгу.

На избы серые, на серый берег, где
Мотор в следах дождя и холод рукояти,
И лодка длинная, как «Песнь о Гайавате»,
Уже стоит, качаясь на воде.

Широкий плес. Предчувствием шуги
Речную сводит кожу. Холодает.
И небо осторожно покидает
Косое облако с краями из фольги.

1990

* * * #

Там на заре бубнят тетерева,
В тумане сосны высятся, безноги,
И тень ветлы маячит у дороги,
Как чья-то прорастает булава.

Там у костра, горящего едва,
Три брата спят, не ведая тревоги.
Им холодок пожививает ноги,
Им пепел осыпает рукава.

В то утро не над их ли головами
Шептались птицы вещими словами:
– Кого зовет любимая с крыльца,

Кого земля сырая, а кого-то
Рубаха, пожелтевшая от пота
И нищая дорога мудреца.

1990

Алексей Татарников

* * *

Храни, Боже, младенцев и пьяных,
Сумасшедших и кошек бездомных
От нелепых случайностей странных,
И от нас, и от наших законов.

* * *

В небе крестик серебристый,
На земле костер ничей.
Гражданин идет на пристань
С черной птицей на плече.

Углич, Кинешма, Калязин
Открываются ему
Нотной пепельною вязью,
Оплетающей струну.

Выпуская сизый коготь,
Ворон ходит по руке.
Теплоход за теплоходом
Исчезают вдалеке.

Перекличка душ пернатых?
Прихоть приводных ремней?
Не признали – быть богатым,
Долго жить тебе и мне.

Ах, как долго плещут волны,
Укачали голубка.
Кимры – Волга, Нижний – Волга,
Не прощаемся, пока.

Игорь Буренин

* * *

хлеб зацвел; черствеи шинели
лица скомканные спящих
я ревел; солдаты ели;
дождь шипел в угольной чаще
где протяжный лось дубами
плотный лоб чесал под пулю
заскучавших караульных;
танк урчал и пела баня

я слепой иглой еловой
ящериц на камне трогал
и проснувшись – злой, блестящий –
красный зев казал мне ящер

* * *

достойная грязи пора,
ноябрь минутных уныний, –
неопохмеленный с утра,
я к вечеру снова в дымину.

да, впрочем, страна пролегла
меж дымом и домом – без края:
помарки слепых телеграмм,
арго телефонного лая,
чуть сладкая, наглая тьма.

уже не увидеть, не вижу, –
уже насовсем уводи, –
в больницы, окопы, парижи,
в пролет между «ждите» и «жди!»,
в кисельную, раннюю жижу:
ну что, мой транзитный, притих?
здесь нет проводниц-эвридик,
здесь небо – натужная грыжа:
достаточно ткнуть – и дожди.

хоть рубль бы кто одолжил:
достаточен день для подпитья! –
пейзаж недостоин наитья, –
но, боже мой, где бы ты жил?

Магистрал

пейзаж змееносен, зловиден, порочен, –
в границах своих изумительно прочен,
излишнюю жизнь пожирая не впрок:
избыточен полдень, немислима ночь и
скользит под намыленный густо шнурок
и воздух взимает, процентный подлог, –
душа! ты о смерти так громко хлопчешь,
а сдохнуть безмолвно – слабо, запаadlo?

промасленный полдень; казенная арка;
тщедушные тени в развалинах парка, –
и венециангельских тварей биенье
над нищенской коркой, – консервная банка
пуста и вещает московское время.

душа! – ты хотела же все без обмана?
чтоб утварью, агнцами полнилась рама
и в блестках фольги одеянья волхвов, –
лубочный вертеп, а не волчая яма, –
и придурковатой колядки с лихвой
хватило б на мглу, на обрыдшую хворь:
бормочешь и куришь всю ночь – без обмана! –
бормочешь и время сверяешь с москвой...

московское время, засохшее время...
и вовсе не ангельских тварей кипенье
над нефлорентийской брусчаткой, – и арка
в зените гудит и окалины парка
в змеиную балку сползают с шипеньем.

пейзаж злонамерен, ленив, раскурочен
и разум к утру так надежно испорчен,
вплетая мишурную нить в рождество, –
но, видишь ли, – каждую, каждую ночью
у птичьего бога под черной листвой
так много очей просыпается, что
невольню – живешь, дни послушно короче
послушно сыпаются в прорези штор.

Дмитрий Веденяпин

Зима

Шел снег. На улице ругала мама сына.
Он дулся, всхлипывал, канючил, «не хотел».
Его жалела ржавая машина,
И он ее без памяти жалел.

Брел мимо них старик с облезлой палкой,
Шла женщина в малиновом пальто –
Ему их всех в тот вечер было жалко,
Его тогда не понимал никто.

Луна желтела так же безучастно,
И снег все так же падал кое-как...
Он понял вдруг: все взрослые несчастны;
И это, в самом деле, было так.

1981

Детство

Шагнуть в окно, свалиться со стола,
Открыть сервант и своровать лекарство,
И понимать, что даже пастила
В сто раз важнее любого государства.

Любовь и смерть пока еще одно,
Конец еще не потерял начало,
И умереть не страшно – все равно,
Что с головой залезть под одеяло.

1982

Мы с тобой

Лучистый, ясный, жаркий, сочный, пряный,
Зеленый, долгий день.
Две бабочки кружатся над поляной
Под аккомпанемент
Кузнечиков: то выются друг за другом,
То разлетаются, ныряя в высоту;
Наверное, им хорошо друг с другом,

А нам с тобой не очень хорошо.
По лиловатым, желтым, синим, белым,
Малиновым цветам
Крадется первоклассник загорелый
С оранжевым сачком.
Он ловкий мальчик и, конечно, сможет...
Ну вот уже поймал!
Теперь и мы на бабочек похожи...
Но нас-то кто поймал?

1983

* * *

М.

Бог справедлив, но больше милосерд.
Когда бы Он был только справедливым,
Я б не лежал на берегу залива
С подтаявшим пломбиром на десерт.

Когда бы Бог был справедлив со мной,
Я б не смотрел сейчас на эти скалы...
Перекрестясь бы, бабушка писала
В записочке меня за упокой.

Когда б Господь был просто справедлив,
Я б ни за что той девочки не встретил,
А значит и не жил... Смотри, как ветер
Сегодня нежно трогает залив...

Когда б Господь был только справедлив,
Меня давно бы не было на свете.

1984

Звонок

Рече безумен в сердце своем: несть Бог;
И осторожно свесившись с дивана,
Взял телефон, снял трубку, и спустя
Какое-то мгновенье по законам
Неведомым, но властным, на другом
Конце ночного города взорвался
И долго лаял круглый аппарат,
Похожий на «Фольксваген»... Прижимая
Плечом кривую трубку, он опять

Лег на спину – на деле опасаясь
Лишь одного: нестати протрезветь –
И терпеливо ждал: гудков, наверно,
Пять или шесть, пока в прижатом ухе
Запрыгало стремительное : «Да».
Тогда он пригласил ее к себе.
Деревья в пыльном свете фонарей
Казались фиолетовыми; ветер,
Накатывая, обжигал лицо;
Асфальт пружинил; сердце замирало
И снова дико бухало; она
Почти летела мимо черных окон,
И кажется, лишь Тот, кто ослепил
Своим огнем неистового Савла
В то время мог ее остановить...
Но попустил имевшему свершиться
Свершиться; и прокуренный таксист,
Поблескивая выцветшим затылком,
За трешку прикатил ее в Дамаск.
И вот они вдвоем. В его постели.
Что ж, поскорей нашарим выключатель,
Зажмуримся, а в следующем кадре
Вновь встретимся с героями, когда
Они в почти торжественном молчаньи
Идут к метро (The Sun is shining brightly)
С недоброй смесью противоречивых
И смутных чувств: от нежности и силы
До страха и гадливости... В пустом
Полупрозрачном метропавильоне
Они прощаются; герой в последний раз
Целует героиню и выходит
На улицу, чему-то ухмыляясь
И встряхивая гулкой головой.
Он совершенно пуст: в нем нет ни веры,
Ни благости, ни кротости, ни мира,
Ни воздержанья, ни долготерпенья,
Ни милосердья и – всего грустнее –
В нем нет любви. Как некий биоробот,
Подтянутый, прямой, широкоплечий
Он движется в обратном направленьи
Пружинистой походкой Бельмондо.

1985

* * *

Любовь, как Чингачгук, всегда точна
И несложна, как музыка в рекламе;

Как трель будильника в прозрачных дебрях сна,
Она по-птичьи кружится над нами.

Есть много слов, одно из них «душа»,
Крылатая, что бесконечно кстати...
Шуршит песок; старушки не спеша
Вдоль берега гуляют на закате,

Как школьницы, попарно... Мягкий свет,
Попискивая, тает и лучится;
Морская гладь, как тысячи монет,
Искрится, серебрится, золотится...

Рекламный ролик – это как мечта
О взрослости: табачный сумрак бара,
Луи Армстронг, труба, тромбон, гитара;
Прохладной улицы ночная пустота,

В которой чуть тревожно и легко
Дышать и двигаться, опережая горе,
И главное, все это далеко,
Как противоположный берег моря,

Как то, чего на самом деле нет,
Но как бы есть – что в некоем смысле даже
Чудеснее... Часы поют рассвет;
Индеец целится, а значит, не промажет.

1986

* * *

Видение философа Хомы:
Простор, как сон, и шелковистая трава...
Потом – прозрачно-обморочный лес,
Сухая шапка мха.

Потом – пустые точки близких звезд,
Ночная неподвижная листва,
Испуганные жаркие глаза,
Холодная рука.

Потом – в невероятной тишине,
Как призраки, белея в темноте,
Вы медленно идете по траве,
И те же, и не те.

1987

Александр Гималутдинов

* * *

В водоеме воды чистые.
Отражаясь в синем блеске,
Поплавки гвоздем прибитые
Два часа стоят на месте.

Дела рыбацкие не клятсся.
Сквознячок, в деревьях дрожь
Две лягушки в небо молятся
Призывая дождь.

Им то что, они амфибии.
Влага нипочем.
Белый цвет болотной лилии
Спрятался в бутон.

Тросники зашелестели
Над моею головой.
Мошкара забила в щели.
Пахнет ливнем и грозой

Безспокойно уточки
Бьются у запруды.
Непорали удочки
Сматывать отсюда.

* * *

Всё та же роль, всё те ж слова.
Как жизнь жестока и крута.
Твое по жизни амплуа
Играть придурков и шута.

Безмозглый твой персонаж
Всосался жалом как упырь.
Со смехом крикнет зритель наш:
Глядика, вон канает хмырь.

А ты не видя в том стыда
Играешь роль уж много лет.
И под маскою шута
Таится мощный интеллект.

От восторга зал гремит
И в темноте сияют лица.
Когда с экрана четкий шрифт
Оповестит Георгий Вицин.

* * *

Я нелишонный обаянья
Тебя увидел и поверг.
Ты мне назначила свиданье
После дождичка в четверг.

О, желанная, прелестная,
Я нес цветы к твоим ногам
И как манну ждал небесную
Тех дождей по четвергам.

Но у синоптиков в отделе
Сплошной бардак, сплошной бедлам.
Льют дожди шесть раз в неделю,
Но никак по четвергам.

Проклиная все прогнозы,
Я молюсь дождю и лету.
Ах какие были грозы
С понедельника по среду!

Ах какие были ливни
С пятницы по воскресенье!
А четверг погожий, дивный
Заливался птичьим пеньем.

Так и лето пролетело
Дождем мне нервы полоща.
В любой четверг иду я смело
Без зонта и без плаща.

Давно душевные страданья
Утихли. И огонь любви померк.
Не забвенно лишь свиданье
После дождичка в четверг.

Всеволод Емелин

К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел.
А. С. Пушкин

Под звонкие народные частушки
Среди церквей, трактиров и палат
Великий Александр Сергеевич Пушкин
В Москве родился 200 лет назад.

Когда была война с Наполеоном,
Не удержали дома паренька.
По простыням сбежал через балкон он
И сыном стал гусарского полка.

Он был в бою беспечен, как ребенок,
Врубался в гущу вражеских полков.
Об этом рассказал его потомок,
Прославленный Никита Михалков.

Трудны были года послевоенные,
Но Александр вырослел, мужал и креп.
На стройке храма у француза пленного
Он финский ножик выменял на хлеб.

И не пугал тогда ни Бог, ни чёрт его,
Он за базар всегда держал ответ,
Он во дворах Покровки и Лефортова
У пацанов имел авторитет.

Он был скинхедом, байкером и репером,
Но финский нож всегда с собой носил,
А по ночам на кухне с Кюхельбекером
Он спорил о спасении Руси.

Запахло над страной XX-м съездом.
Он кудри отпустил, стал бородат,
Пошел служить уборщиком подъезда
И оду «Вольность» отдал в Самиздат.

Он мыл площадки, ползал на коленках,
Отходы пищевые выносил,

А по ночам на кухне с Евтушенко
Он спорил о спасении Руси.

И несмотря на то, что был он гений,
Он был веселый, добрый и простой.
Он водки выпил больше, чем Есенин,
Баб перетрахал больше, чем Толстой.

В судьбе случались разные превратности,
Пришла пора доносов, лагерей.
И он имел на службе неприятности,
Поскольку был по матери еврей.

Он подвергался всяческим гонениям,
Его гоняли в шею и сквозь строй,
И он не принял Нобелевской премии,
Он в эти годы был невыездной.

Враги его ославили развратником,
И император выпустил указ,
Чтоб Александра в армию контрактником
Призвали и послали на Кавказ.

Но Пушкин, когда царь сослал туда его,
Не опозорил званья казака.
Он тут же зарубил Джахар Дудаева,
И у него не дрогнула рука.

И тотчас все враги куда-то юркнули,
Все поняли, что Пушкин-то – герой!
Ему присвоил званье камер-юнкера
Царь-страстотерпец Николай II.

И он воспел великую державу,
Клеветникам России дал отпор
И в «Яре» слушать стал не Окуджаву,
Краснознамённый Соколовский хор.

Пришел он к церкви в поисках спасения,
Преодолея свой гедонизм и лень.
И в храме у Большого Вознесения
Его крестил сам Александр Мень.

И сразу, словно кто-то подменил его,
Возненавидел светских он повес.
И, как собаку, пристрелил Мартынова
(Чья настоящая фамилия Дантес),
Когда подлец к жене его полез.

По праздникам с известными политиками
Обедни он выстаивал со свечкою,
За что был прозван либеральной критикой
Язвительно – «Колумб Замоскворечья».

Пешком места святые обошел он,
Вериги стал под фраком он носить,
А по ночам на кухне с Макашовым
Он спорил о спасении Руси.

Ведь сказано: «Обращайте, что ищите».
А он искал всё дальше, дальше, дальше.
И сжег вторую часть «Луки Мудищева»,
Не выдержав написанной там фальши.

Он научил нас говорить по-русскому,
Назвал его всяк сущий здесь язык.
Он на Лубянке, то есть, тьфу, на Пушкинской
Нерукотворный памятник воздвиг.

Я перед ним склоню свои колени,
Мне никуда не деться от него.
Он всех живых живей, почище Ленина.
Он – наше всё и наше ничего.

Ко мне на грудь садится черным вороном
И карканьем зовет свою подружку,
Абсурдную Арину Родионовну,
Бессмысленный и беспощадный Пушкин.

1999

Света Литвак

* * *

Да, я не девочка, но всё же
немного я ребёнок тоже.

Про дождь

Дождь какой за окнами... Да что ты,
Оставайся здесь на эту ночь.
Ты поверь, я в общем-то не против,
Да и ты, наверное, не прочь.

Утром в путь далёкий собираться,
Может и увидимся, как знать.
Но не можем мы с тобой расстаться, –
Дождь идёт за окнами опять.

– Что ты, что ты, что ты, что ты, что ты!
Ничего не надо говорить.
Просто мы зависим от погоды,
Дай-ка лучше спичек – закурить.

Ты поверь, я в общем-то не против,
Да и ты, наверное, не прочь.
Дождь какой за окнами... Ну что ты!
Оставайся здесь на эту ночь.

1981

* * *

Когда пчела садится на цветок
И лапками пыльцу перебирает,
И солнце расплавляется и тает,
И вот
Минута настаёт и наступает,
Когда пчела садится на цветок
И лапками пыльцу перебирает
И солнце расплавляется и тает,
И вот... пчела садится на цветок
И лапками пыльцу перебирает,
И солнце расплавляется и тает,

Когда пчела садится на цветок
И лапками пыльцу перебирает,
Когда пчела садится на цветок...

1991

* * *

А зимний день такой холодный,
А зимний день такой холодный,
Такой холодный зимний день.
Я поднимаюсь из сугроба,

Невеста ледяного гроба,
И в этом ничего такого,
И ничего такого нет.
Взлетают медленно снежинки,

Ломая ледяные спинки,
Чудные зимние картинки
Случайно смотрят на меня.
Такая тайная услада,

Что нету никакого слада,
И больше ничего не надо,
И не предвидится уйти.
Холодный день такой холодный,

Летают снежные снежинки,
Я поднимаюсь, поднимаюсь...
Ну что такое, что такое?
Нет, хватит, больше никогда.

1992

* * *

Если дома негде поставить пианино,
фортепьяно, гармони, рояли,
можно пригласить музыкального мужчину –
Михаила, Петра, Николая.

Как бы ни просили показать с балкона
Семёны, Антоны, Иваны –
клавиши литые, гнутые софоны,
ипки, лалайки, аяны, –

лучше бы носили с лестницы на крышу
провода, ящики, фанеру.
Только заиграю, – обернусь и вижу
Сашу, Серёжу, Валеру.

1993

Телефон

Ты знаешь, что Серый лошадь купил?
Лошадь купил Серый.
Я бы хотел лошадь купить.
Клёвую лошадь Серый купил.
Я тоже хочу, как Серый.

А у тебя отец не пьёт?
Отец твой не пьёт никогда?
Не пьёт твой отец.
Пьёт или нет?
А у меня – да.

Ты что, купаешься каждый день?
Ты ещё не охуел?
А мне купаться пока что лень.
Я прыгнул в воду на днях по пьяни
И чуть там не охуел.

А знаешь, что Ирка сказала вчера?
Мы с ней сосались вчера.
Я, говорит, бросаю тебя,
Будто за сиськи хватать нельзя.
Ну, без этого никак нельзя.

Я как-то с батей в баню ходил.
Ну члены у них – вообще!
Батя там пивом меня напоил.
Я то и дело блевать отходил.
Клёво живу, вообще!

* * *

Оля мрачно посмотрела на железную дыру,
Сдула несколько пылинок, застегнула кобуру,
Подняла худые руки, дотянулась до стола,
Положила инструменты, повернулась и ушла.

Под столом сомкнулись тени, образуя уголок,
В тепловую батарею упираясь поперёк,
И торчали из розетки два простых карандаша.
Там лежал разутый Павлик, улыбался и дрожал.

За стеной стояла Света, было тихо и темно,
Света шаркала по стенке перепачканной спиной,
Опрокинула кастрюли, ничего там не нашла,
Заглянула в умывальник, повернулась и ушла.

Выходя из туалета, туалетными дверьми
Неожиданно Георгий больно палец прищемил,
Локтем стукнулся о кафель, ногтем щёку ободрал,
Быстро на ноги поднялся, повернулся и упал.

От хрустального серванта до зеркального угла
Раздавался то и дело звон разбитого стекла.
Юра выглянул из ванной, выключатель повернул.
В коридоре Таня с Леной перетягивают шнур.

Шнур идёт по коридору и выходит на балкон,
В кабинете то и дело отвечает телефон,
Кран работает исправно, батарея не течёт,
Громко радио играет дни и ночи напролёт.

* * *

Григорий появился первым,
Поднял шампанского бокал,
Денис вторым, Аркадий третьим,
Никита малость опоздал.

Григорий как-то растерялся,
Денис томился и краснел,
Аркадий сразу стушевался.
Никита вовсе оробел.

Григорий слушал хладнокровно,
Денис терпел, что было сил,
Аркадий вышел, хлопнув дверью,
И свет Никита погасил.

Григорий выбежал из спальни,
Денис на помощь призывал,
Аркадий трясся от рыданий,
Никита руки целовал.

А может быть, их было меньше,
Растаявших в крошечной тьме...
Одни фантазии у женщин,
Одни бирюльки на уме!

* * *

Ой, девушка, какая же вы тютя!
Какая тютя, – попросту кисель!
Вас разболтать и вылить на постель
И наблюдать расплывчатую лень,
С которой вы рассеянно плывёте
И тонете и вянете и ждёте,
Что некий рохля вас сейчас спасёт,
Задумчивый слюняй протянет руку
И утолит безудержную скуку,
С которой вы скользите всё быстрее
И мямлите и путаете, что ли,
Припоминая Валю или Колю...
Ах, милая, послушайте меня:
Я знаю Колю. Коля – размазня.

* * *

мой сосед по кровати
любопытный Вадик
в провинциальном детсаде

что ты хочешь, скажи
он сказал: покажи
только тихо лежи

группа старшая спит
пересилила стыд
и спустила трусы

одеяло упало
Вадик смотрит балдело
только времени мало

входит няня в халате
Вадик между кроватей
он глядит виновато

в рот засунутый пальчик
о, мой первый скандальчик
мальчик девочка мальчик

Александр Макаров-Кротков

* * *

память
оставляет узкую полосу света
от тебя до меня

1986

* * *

И. Ахметьеву

Загорск
не за горами
за семью печатями

1986

* * *

в этой стране
только и умеем что
говорить на своем языке

1987

* * *

двадцать лет
я приручал муравья

однажды он заметил:
а ты
уже делаешь успехи

1987

* * *

К.

жизнь длится в течение поцелуя
все прочее –
мемуары

1987

Доверие

дерево
потемневшее
как икона

трогаю ветку
обнаженной рукой

1988

* * *

тихо так воеет собачка
словно хочет повеситься
а не умеет

1990

* * *

будильник будильник
сколько
мне еще жить?

1991

* * *

оттого и грустно
что знаю
отчего

1991

* * *

отдельное спасибо всем
не принявшим участия

1992

* * *

В. Прусакову

а помнишь
там еще был

не помнишь

я тоже

1996

* * *

попил чаю

не полегчало

1996

* * *

тогда
я не понимал

теперь
терплю

1998

* * *

уныло и
ежедневно

1998

Николай Михеев

* * *

Мой друг, поехали в Семеновку,
Там психбольница есть для нас.
В ней санитар один силен тоску
Лупить дубинкой прямо в глаз.

Вот ты увидишь, как скукожится
Твоя зеленая у них:
Она как метр железный сложится,
И станешь ты – веселый псих.

Мы рукавами, словно крыльями,
Взмахнув всего сто тысяч раз,
Взлетим, полетов новых стиль явив,
Любимцы медицинских масс.

Мой друг, нам будут аплодировать
И пить за нас не по одной.
Поедем славу репетировать,
Нам психбольница – дом родной!

Что по ночам без сна ворочаться,
Давясь, как яблоком, луной!
Ужель тебе совсем не хочется,
Мой друг, в Семеновку со мной?

Евгений Перемышлев

Оптимистическая трагедия

У стенки большого барака,
имея на это права,
меня обрычала собака,
и в этом она не права,

а как-то на лестничной клетке,
придвинув к побелке плечом,
меня обругала соседка,
хоть я был совсем ни при чем,

вот двое пристали с ножами –
я их не забуду вовек! –
но, если меня обижают,
я, значит, такой человек,

и я не в обиде, однако:
я счастлив тобой, демиург,
спасибо, гражданка собака,
не больно, товарищ хирург!

* * *

Вам этот подвиг все грехи скостил,
когда мгновенно сделались бесплотны,
письменники, растрачивая пыл,
который год малюют вас охотно,

дал интендант казенные полотна
и политрук вас честно освятил
для коммунальной затхлости могил,
в громады рвов шагающих поротно,

а внуки ваши, их и нарекли,
вас памятуя, по краям земли
казенный долг исполнили за вами,

с кровавым злом присяги на губах
и присланные в цинковых гробах
с отрезанными напрочь головами.

* * *

И вот сазан нырнул в нарзан,
и, мысля об одном,
в нарзана плещется сазан,
как в домике родном,

покуда плещется сазан
с рассвета до зари,
сазана веселит нарзан,
пуская пузыри,

и так годами вьется нить,
и, боже сохрани,
их как-нибудь разъединить,
и счастливы они.

* * *

Не шелóхнется сквозняк,
замерла природа,
выползает в березняк
лучший враг народа:

что за мысль, что за боль
теплит глазки вражьи?
что томит тебя, глаголь!
ничего не скажет –

не рюкзак, не автомат
гнут к земному лону,
по-пластунски он распят
на траве зеленой,

он скользит, сомкнув уста,
застудив яичник,
а к нему из-за куста
длится пограничник:

это, значит, это, ведь,
враг себе крепчает –
что томит тебя, ответь!
он не отвечает,

только пуля, добела
раскалившись, вмажет:
что за жизнь у них была –
вскрытие покажет.

Виктор Санчук

Зимой на пригородной станции

Здесь вымерзло время, как влага в ручьях.
Приятель сказал, раздражаясь немного,
мол, это судьба не моя и ничья,
а просто дорога, такая дорога.

Приятель сказал, в цепь замкнулись шаги
на круге зимы – среди общих знакомцев,
как в кольцах очков – золотые круги,
идущие от предвесеннего солнца.

А провод над рельсами будто позвал
ушедшее, вещее, дрогнув под током.
И долго молчал ожидания зал
о чем-то нездешнем, о ком-то далеком,

кто выбрал в поспешности эту версту,
как в булочной – порцию черствого хлеба,
и жизнь, выходящую тут в пустоту,
как люки чердачные – в черное небо.

1983 или 1984

* * *

Я услышу зов одиночества
вдруг, – в набитой людьми судьбе,
словно имя свое и отчество –
упомянутыми в суде.

Это пыточник март. Над бирками
номерными лепной стены
водосточная жуть пробирками
цедит гемоглобин весны.

Эхо долгое кроет облаком
город, улицами дрожа,
словно отсветы в лужах около
окон первого этажа.

Это – серая предварилровка
в два намека на компромисс.
Рынок. Сутолочь. Дорогомилровка.
Воля – скользкая, как карниз.

* * *

Дом строил венгр – угрюм и черноус,
как флагом, укрывавшийся шинелью.
Его не чтит начальник белорус
и костерил неведомую шнелью.

Чтоб позже здесь хирел под пылью кант
матерого, как старость, фолианта
в глухом шкафу, и непрочтенный Кант
мне даровал свободу дилетанта.

А время шло, – дом обветшал, и сад
в иной сентябрь подвержен стал одышке.
Тогда побрел чертополох назад,
как вспомнив детство, – к деревянной вышке.

А ей, кому как проволка колюч –
в ногах репейник на чужих задворках,
уже неумоготу папахи туч
таскать, как человечка на закорках.

Там есть сельпо. О, бог мой, как давно
я знаю в нем всех Дарий и Макаров,
кто пьет запоем хлебное вино
и втайне ждет неведомых мадьяров,

и спьяну шепчется, мол, близок миг,
когда точно из домиков у речки –
опять из скучных философских книг
посыплются живые человечки.

Галина Сергеева

* * *

В страшную ночь обо мне погоди убиваться.
Я словно птица на птицу еще погляжу.
Как снегопад я по снегу еще поброжу,
Да налечу на врагов твоих злым самозванцем.
Вон, погляди, он проглянул, счастливый январь.
Нет, не гляди, не январь то – черный дикарь,
То моей жизни, души моей черный дикарь
Моет лицо на дворе остывающим снегом.
Ночью по городу ходит таинственный некто.
Это закутанный в плащ непокой колобродит,
Ищет собрата и в тысячный раз не находит,
В дверь постучит – и запавшими смотрит глазами,
В рваных чулках, громыхая в кармане грошами.
Это вчера, когда пламень и лед – все погибло!
Он меня встретил, узнал и на шаг задержался,
Я, замирая, спросила его: «Все ль погибло?»
Он мне в ответ простодушно и зло засмеялся.

В страшную ночь погоди обо мне убиваться.

* * *

Девятнадцатый век или ЖЭК номер шесть
оказал мне изысканно-странную честь
жить последним жильцом в красном доме на слом
с раскладушкой, картошкой и дряхлым котом.
На последние деньги – четыре рубля –
я купила коту красный окорок для
того, чтоб за весь побирушкин свой век
он наелся, как ест каждый день человек,
там, напротив, за кактусом, чистым окном,
а наевшись, ходил бы за мною гуськом
он по всем этажам в красном доме на слом.
Во дворе на столбе проживали часы.
Семь пробьет, а в восьмом приходили друзья,
и жалели они то кота, то меня,
то меня, то кота и печенье и сыр
доставали как дар и съедали дары,
и при лампе о жизни кричали своей.
Мы жалели гостей как хороших людей,
что не знали, о как мы с котом прехитры,

как мы ждем проводить и окончить содом,
и обратно нестись – кот со мной, я с котом,
а вернувшись, ходить и ходить все гуськом
о по всем этажам в красном доме на слом.

* * *

Обидно сидеть мне и думать о том:
живу я, как нанятый дешево дом,
а лучше – как нанятый заживо дом.
В сарае действительно лом у меня,
с метлою-лопатою работа моя.
В Отчизне моей, среди ясного дня.
Со злокой-напарницей ссорюсь своей,
ух, как она в кухне покроет меня,
сто раз наплюет, наорет на меня,
но плача, потом она скажет с тахты:
«И так жизнь такая, а тут еще ты!»
И странно мне слышать об этом, друзья,
в Отчизне моей, среди ясного дня.
Но, плюнув на все, соберетесь, друзья,
я чай разолью, я сыграю, спою.
Кто пишет роман, будет речь заводить,
кто выслушал речь, будет речь говорить,
и все это будет, родные друзья,
в Отчизне моей среди ясного дня.

* * *

На голову падает снег, но я все забываю...
Гляжу, а листва – машет, машет платком.
Но я все забываю,
Гляжу – а жара молодая на свете!
Покорен же я одному
Сижу в длинноносом углу
И в бедное сердце свое бесконечно гляжу.
А выйду на улицу – я бесконечно пойду
И вижу, как ветер телом огромным бьет по навесу,
А девушка в шляпке ко мне не летит все равно
По желтой прохладной дороге.
Старуха идет в чесучовом пальто
В «Продукты» зайдет ни за что ни про что
Старик из окна смотрит долго, темно
А дерево ловит руками его.
А молодые годы
Из города вон побежали
По желтой прохладной дороге

Грузчики лук выгружают с большого авто
Кричат мне: «Глазеет, дурак длинноногий!»
И луком пропахли дома, и птицы замерзшие – луком,
И черная тетка ковер выбивает со стуком
Но я бесконечно пойду
Я в бедное сердце свое бесконечно гляжу
И вижу, как ветер телом огромным бьет по навесу
Огромное дерево с толстым стволом я найду
Стану смеяться, его обнимать и просить его: «Дерево, дерево!»
И Олю мою пред глазами держать, бесконечную Олю.
А ноги действительно очень длинны
Легко приседать и ходить по огромному полю.

Никого, никто

Вот я в будке кособокой, как на чердаке,
Вот мне виден берег моря, карандаш в руке.
Да и кто меня разлюбит, если никого?
Завтра кто меня разбудит? Не придет никто.
Много камней разноцветных выбросил прибор,
Серо-белый, пожелтевший, грязно-голубой.
Там нашла я дивный камень вечером в воде,
Но опять я потеряю этот, как и те.
Очень славно в этой будке, только пол скрипуч,
Только стены облупились, тьфу, да где же ключ?
Запереть в два оборота, словно ждать кого,
Но ни вор и ни убийца – не пришел никто.
Да и что ж я подружила слово «Никого»
С бесполезным и щемящим и родным «Никто»?
А из смешанного леса, словно своего,
Завтра кто меня окликнет? Никого. Никто.

Птица

Странно на улице остановиться и с птицей начать говорить.
Прежде всего потому, что
Трудно вот эту, с зелеными перьями, горлом своим удивить.
– Речь выставял ты, как ногу, наружу!
И, подбирая подол,
Часто дыша, приседая, бежать до подъезда,
Голову спрятать и око и голос в пролете.
Но, отсидясь, из подъезда
– Птица! – позвать, затаив черноту и рогатку.
Да ведь исчезла, исчезла, исчезла
Злая пернатка.
Странно всю жизнь эту птицу искать,
Пьяно по вечным углам завывать,

Нищей своею судьбою
Ночью плетясь из подъезда
– Птица! – кричать,
А ногами топтать, а мотать
Головою...

* * *

Видно в жизни, как в кашле, зайдусь.
Если странно тебе сумасбродство со мной происшедшее,
Так беги от меня – даже платье мое сумасшедшее.
Так войду, дверь закрою, к стене прислонюсь.
Расстегну грязный плащ.
Все смешалось: надежда, отчаянье, плач.
Вновь надежда.
Почему так нелепа одежда?
Почему день прошедший – не бедна
И настиг и пропал – бесполезно?
Почему он не смерть и не свадьба,
Не позор, не триумф?
Рассказать бы
Как любим мною мир до полночи,
И на завтрашний день – до полночи,
В послезавтрашний день – на полночи.
Если молится бабка, и прячет тряпье, и молчит, одинокая,
Значит, жизнь моя тоже пройдет, значит, злая, убогая
Не седьмую водою мне бабка на том киселе.
Жизнь, ну как ты живешь?
Горделивище и сумасброд по канату и грач в феврале.
Если чайник поставить
И скатерть стелить
И вдвоем танцевать у окна,
И счастливейший чай и разлить и распить –
То-то будет судьба не бедна!
За спиною беда не видна,
Из-за зеркала глянет надежда,
Смерть рукою махнет, но бесполезно:
Вдохновенное сердце – невежда,
День шагающий в ночь – словно бедна
И вдвоем танцевать у окна...

Олег Юрьев

* * *

Возились полный день, а вот уж и пора.
Тревожатся и старшие: «Что дети?
«Явились бы уже... как канули с утра... –
«Вот вечер катится, сверкающий, как сети...»

Мы – камень и огонь, мы – дерево и вода,
Мы – воздух, свет и кровь – должны спешить: уж тёмно.

Когда же победим – кто как и кто куда –
Песочница пуста останется, огромна

1982

* * *

Небосклон полúночи – в облачных изъянах.
В треугольничках речных ржавеет вода.
Птицы спят в своих корзинах, в черных, в деревянных,
И во сне клокочут, шепчут – тише, господа.

Нет, ни звука не раздастся на ночной ограде.
Шпиц нечищенный, косой брезжит в небеса...
Нет, но что же это там, в проволочном саде?
Боже, кто идет сюда? тише: голоса.

1984

Ode on the unstructured world

Есть часы в ходе нашей зимы,
Растянувшей мелованный полог,
Когда тени исходят из тьмы,
Когда жизни из ветхих иголок
К перетолку о темных вещах
Вылетают – за промельком промельк –
И дымы совершают свой шаг
С треуголок чернеющих кровель,
Чтоб сплестись, созмеиться, белы,
В непомерную дымную розу,

И цепочкой сугробов волны
Поднимаются к лунному рогу.

То не просто такие часы,
Когда в шаре полночного цирка
Под свеченьем небес полосы,
Над ковром из лоскутного цинка
Пляшет, каменным смехом сквозя,
Земнородная жизнь или нежить,
Чтоб смеженные неба глаза
Полоумной игрой проманежить.
То не пьяные духи вещей
И не драные тени растений,
Не томящийся призрак ничей
И не запах соленый сожжений –
Здесь другое: здесь враз из всего
Истекают основы и сути,
На такие часы вещество
Только видимость, лужица мути,
Человек – только кожи клубок,
Только снег оседающий – древо,
Только плашка без дырки – замок,
Львиный рык – только зеркальце зева.

И выходят на небо из труб
Костяки меловых мыловарен,
И теперь этот мир – только труп,
На мгновенье предъявленный тварям.

1987

Октябрь

...да, у садов у оборванцев
Совсем не стало на руках
Сыро-шуршащих карбованцев
В распарывающихся тюках.

Лишь воробья слоистый шарик
Покачивается на локте
Да волглым оком сумрак шарит
В освобожденной пустоте...

1987

Ленинград

Какая-то убыль почти ежедневна –
Как будто рассеянной свет,
Как будто иссохла, изжестчилась пневма,
Как будто бы полог изветх;

Как будто со всякой секундой грубее
Обрюзгшая плоть у реки,
И даже коротких лучей скарабеи
На ней и тусклы и редки;

Как будто все меньше колонн в колоннадах
Когда-то любимых домов
И все тяжелей переносится на́ дух
Кровавых заводов дымок; –

Как будто кончается сроками ссуда
И вскорости время суда;
КАК БУДТО БЫ КТО-ТО ОТХОДИТ ОТСЮДА
И НЕКТО ЗАХОДИТ СЮДА.

1990

Георгий Карманников

* * *

Оле Фрид

В роте я слыл придурком столичным,
раскащиком басен из жизни ненашей,
мальчиком дерзким, однако тепличным,
выдернутым из-под крыльев мамашиных.

Это недолго служило предлогом,
ибо куска замочил я не хило,
в угол сейфа вписав его рогом,
дабы не пиздил меня, мудила.

Ждал я уже губы и дисбата,
смерти в Афгане, но тут фортуна:

шибко прониклись ко мне ребята.
Правду сказать, ведь моя фактура
(то есть лицо) пострадала не слабо:
глаз чуть не вытек и зубы пропали.
Но фелшерица, могутная баба,
спасла как женщина и товарищ.

С тех пор я о жизни всерьез стал думать:
я стал от радости филозофом.
Раньше ездил не дальше Талдома,
отныне лечился Ялтой, Гурзуфом.

Но страстные ночи в грязной каптерке
с милой, пропахшей потом и луком,
меня научили, как Васю Теркина,
блаженству адову и райским мукам.

1994

* * *

Я в мире насекомых лишь прохожий,
лемур с глазами – блюдами стальными.
Я с тараканами и насекомыми остальными
живу как вождь и брат, на лешего похожий.

Я прохожу печально между ними,
я конквистадор в шерстке мяхче ламьей.
Они своими гибкими челами
клоняются пред моим атласным нимбом.

Они не смыслят, божьи недотвари,
что жизнь дорога лишь недотрогам,
ведь насекомые, бредя по жизненным дорогам,
не варят головой, а лишь головогрудью бьются.

1994

* * *

Пьяный бомж подошел, попросил бутылки.
Мол, прокормит Москва, мол, не даст подохнуть,
мол, художнику северному, Тыко Вылке,
поможет столица стряхнуть годов муть.
Мол, братушки, все мы под Гоголем ходим,
мол, в правительстве Вии сидят мордастые,
мол, такое время лихое,
што вокруг, как ни глянь, только мор да стыд.
И становится жизнь корявой как папоротник,
ежевика лесная, колючей, как пять ежей,
а как глянешь вокруг – все канава, рудник,
где бомжей гноят, где не пахнет минжой.

1994

Марина Андрианова

* * *

Брести вдоль пустых берегов
заросли, болотные камыши
«Цветочки» Франциска Ассизского

тихие рыбы

«так и воспринять смерть
с мечтой о новом произведении»

* * *

Канавы
лужи
закатные облака
вечер

Мы идем и
болтаем глупости

* * *

Так бывает, что лужи в дождь
покрываются пузырями и нет ни души.

* * *

По сельской тропе, по рытвинам и колдобинам
сколько лет нам еще шагать?

Александр Башлачёв

* * *

Сегодняшний день ничего не меняет.
Мы быстро лысеем. Медленно пьем.
Сегодня на улице жутко воняет.
Откуда-то здорово тащит гнильем.

Мы снимем штаны, но останемся в шляпах.
Выключим свет, но раздуем огонь.
На улице – резкий удушливый запах.
Скажите, откуда взялась эта вонь?

Мне кажется, где-то протухло
большое яйцо...

Нелепо все то, что нам может присниться,
Но мы разрешали друг другу мечтать.
Мы ждали появления невиданной птицы,
Способной красиво и быстро летать.

Казалось, что сказка становится былью,
А все остальное – смешно и старо,
Что птица расправит могучие крылья,
И, может быть, сверху уронит перо.

Весь мир удивится пернатому чуду.
Весь мир изумленно поднимет лицо...

Теперь этот запах буквально повсюду.
Теперь этот запах решительно всюду.

Похоже, что где-то протухло
большое яйцо.

1983

Рождественская

Крутит ветер фонари
На реке Фонтанке.
Спите, дети... До зари
С вами – добрый ангел.

Начинает колдовство
Домовой-проказник.
Завтра будет Рождество,
Завтра будет праздник.

Ляжет ласковый снежок
На дыру-прореху.
То-то будет хорошо,
То-то будет смеху.

Каждый что-нибудь найдет
В варежках и в шапке.
А соседский Васька-кот
Спрячет цап-царапки.

Звон-фольга, как серебро,
Розовые банты.
Прочь бумагу! Прочь перо!
Скучные диктанты.

Замелькают в зеркалах
Платья-паутинки.
Любит добрая игла
Добрые пластинки.

Будем весело делить
Дольки мандарина.
Будет радостно кружить
Елка-балерина.

Полетят из-под руки
Клавиши рояля.
И запляшут пузырьки
В мамином бокале.

То-то будет хорошо!
Смеху будет много.
Спите, дети. Я пошел.
Скатертью тревога...

1984

Мельница

Черный дым по крыше стелется.
Свистит под окнами.

– В пятницу, да ближе к полночи
Не проворонь, вези зерно на мельницу!

Черных туч котлы чугунные кипят,
Да в белых трещинах шипят
гадюки-молнии.

Дальний путь – канава торная.
Все через пень-колоду-кочку кувырком да поперек.

Топких мест ларцы янтарные
Да жемчуга болотные в сырой траве.

– Здравствуй, Мельник Ветер-Лютый Бес!
Ох, не иначе черти крутят твою карусель...

Цепкий глаз. Ладони скользкие.
– А ну-ка кыш! – ворье,
заточки-розочки!

Что, крутят вас винты похмельные –
С утра пропитые кресты нательные?

...Жарко в комнатах натоплено.
Да мелко сыплется за ворот нехороший холодок.

– А принимай сто грамм разгонные!
У нас ковши бездонные
да все кресты – козырные!

На мешках – собаки сонные
да бляди сытые,
да мухи жирные.

А парни-то всё рослые, плечистые.
Мундиры чистые. Погоны спороты.

Черный дым ползет из трубочек.
Смеется, прячется в густые бороды.

Ближе лампы. Ближе лица белые.
Да по всему видать – пропала моя голова!

Ох, потянуло, понесло, свело, смело меня
На камни жесткие, да прямо в жернова!

Тесно, братцы. Ломит-давит грудь.
Да отпустили б вы меня... уже потешились.

Тесно, братцы. Не могу терпеть!
Да неужели не умеем мы по-доброму?

На щеках – роса рассветная.
Да черной гарью тянет по сырой земле.

Где зерно мое? Где мельница?
Сгорело к черту все. И мышцы греются в золе.

Пуст карман. Да за подкладкою
Найду я три своих последних зернышка.

Брошу в землю, брошу в борозду –
К полудню срежу три высоких колоса.

Разотру зерно ладонями
да разведу огонь
да испеку хлеба.

Преломлю хлеба румяные
да накормлю я всех
тех, кто придет сюда
тех, кто придет сюда
тех, кто поможет мне
тех, кто поможет мне
рассеять черный дым
рассеять черный дым
рассеять черный дым...

1985

* * *

Целый день гулял по травам
И спешу вам доложить:
Человек имеет право
Без обязанностей жить.

1986

Михаил Есеновский

Бутерброд о бумажке

Как-то мальчик Юра ел одну бумажку,
Так проголодался сильно человек.

Говорит бумажка:

– Здесь у вас натяжка,
Я же не сосиска,
Я ж не чебурек,
Я же не котлета,
Я же не окрошка,
Я же не картошка,
Я же не грейпфрут.

Жеваной бумажкой быть ужасно тошно,
Жеваных бумажек замуж не берут.

Изо рта бумажку Юра вынимает,
Достает бумажку верною рукой,
Гладит и утюжит,
Сушит, выжимает,
Чешет гребешочком на прямой пробор.

Белая бумажка в платье подвенечном,
Ей жених усатый
Руку предложил.

Белая бумажка в платье полосатом.
Карандаш носатый
Ей голову вскружил.

Михаил Лаптев

* * *

И витринные блески – не твои, не мои,
а на том перекрестке – постовые ГАИ.

Идиотику Кюхле не терпелось скорей
в воробьиные кухни и тепло батарей.

* * *

Тяжелая слепая птица
назад в язычество летит,
и мир асфальтовый ей снится,
и Гегель, набранный в петит.

Молчанье жирное зевает.
Она летит, в себе храня
густую память каравая
и корни черные огня.

Она летит над лесом топким
воспоминания и сна,
летит из черепной коробки
осиротелого пшена.

Она летит из подсознания
в глухой березовый восход,
и изморосью расставанья
от крыльев глиняных несет.

1987

* * *

...но чтобы крокодилы были интеллигентными.

* * *

3 (Три) букета над холмами.

1988

* * *

Сплю-не сплю – как будто точит
душу мелкая сова,
словно сгрызть до донца хочет
воспаленные слова.
И не знаю я – Великий
Образ со стены глядит,
или просто плоским ликом
пустобожие смердит.
И не спрятаться, не скрыться,
и везет, везет, везет
по дорогам Черный рыцарь
маленький солнцеворот.
И глядит арап далекий,
за спиною шляпу сжав,
на приземистые склоки
птиц, зверей, людей, держав.
Ночь. Внимательно и ново
на Москве после дождя.
Сплю-не сплю. И стонет слово,
по извилинам идя.

1993

* * *

За безобразно толстым бюстом ночи
я наблюдал почти четвертый час,
когда она пропела: «Что ты хочешь?
Ты, пидарас?
В свои 50, конечно, не невинна,
когда ты этого от меня ждешь.
А днями я ишачу в нашем винном...
...Тут ухажеры появились, Лёш!»

И вышло нечто невообразимое,
во рваной майке, в засанных штанах,
и рыком, общим с джунглями Бразилии,
послало меня на х.
И я улегся, влажно успокоен:
на этой паре держится вся Русь,
каких еще б не предстояло боен,
какая б ни царила гнусь.

1994

* * *

Небо пахнет случкой лошадей,
потной агрессивностью гвоздики,
гулами забитых площадей,
воздухом тревожно-диким.

Но, высчитывая каждый румб,
Масловку по-новой открывая,
злой водитель, – Христофор Колумб, –
поправляет вновь дугу трамвая.
И ничто шофера не ебет:
деньги есть, живой, – и слава Богу.

Только нищий уязвленный пешеход
чувствует пожары, кровь, тревогу...

* * *

Я весь не умру – от меня останется
этих стихов тетрадь,
как в клубе после танцев –
плачущая блядь.
Кавалеры ушли, облапав,
напоследок распили спирт.
Не гони, сторож, бабу. –
Пускай спит!
Утром проснется, квелая, –
и на работу.
Мир чуть с ума не свел ее.
Читайте с охотой.

1994

* * *

За одышливый запах картошечки жареной
да за лестниц барачную кисль
я отдам рот-платочек подаренный,
я отдам неповинную мысль.

А как будут ее распинать на кустарнике,
отойду, отойду, отойду.
«Не мое это, – это подарено», –
я прокаркаю в хриплом бреду...

1994

* * *

Посмотрел на икону
и улыбнулся.

1994

* * *

Промелькнули Рамзесы, Романовы, Мин, –
фонари полустанков.
В детских садиках пьют вечерами портвейн.
Всё, конечная. Слазь.
Протирает глаза пассажир одинокий –
проспал остановку.
А обратного поезда нет. Уже ночь.
Он заснет до утра
на скамеечке влажной и узкой, как век,
как жилплощадь, как служба.
Он привык. Он свернется в калачик на ней
головой на портфель.
Он не чувствует ни холода и ни урчания
в голодном желудке.
Он не знает, что нет электрички назад –
разобрали пути.

1994

* * *

Ночь. Кого-то ловят.
Свистит свисток.
И на честном слове
держится висок.
Выпадет от страха;
что же я тогда?
Смертная рубаха,
мертвая вода...

1994

Владимир Нескажу

Классер

Я – интернетчик-лазутчик,
С мышью в зажатой руке.
Стрелочки остренький кончик –
Щепка в моём костерке.

Раньше – округлым верньером
Плавно скользил по шкале.
Рио, Мадрид и Ривьера
Тускло желтели во мгле.

Яхты мерцали на рейде,
Пряная смесь языков...
Кто-то, прикрывшись легендой,
В центр доносил на врагов...

Нет, убиваться не надо –
Сеть – это вовсе не смерть.
Марки Бурунди и Чада
Можно и в ней посмотреть.

2000

Виктор Павлов

Удачный день

Открыли дверь и выпустили на улицу;
не дав привыкнуть к дневному свету, повалили;
удерживая вдвоем за сильные ноги,
наспех нащупали и прокололи тесаком сердце;
пока бился в предсмертных конвульсиях,
друг другу подмигивали и смеялись;
потом работали ножом, паяльной лампой,
угощали друг друга ушами, хвостом,
шли домой, жарили печенку с кровью,
под грюк ширпотребовских чашек и ложек
делили его тело среди родственников;
отдыхали, радуясь удачному дню.

1994

Осип Мандельштам

Только стоит вам неодобрительно упомянуть его имя,
как придут в движение пружины всей мировой культуры:

на вас крупно зашагает Дант, в огромных ботинках
с подошвами из воловьей кожи; весьма паршиво прищурившись,
взглянет Верлен, а Рембо – Рембо, возможно, просто плюнет.

От бумаг приподнимет голову Шекспир и одобрительно
скажет Данту: «Мочи его». Мольер с Франсуа Вийоном
не очень деликатно обчистят ваши карманы,

а Анри Бергсон погрозит вам пальцем, чрезвычайно похожим
на копые Архилоха...

Лишь Леконт де Лиль и его соратники по литературе
заулыбаются вам во весь рот, да и тех притянут к ответу
все эти сплетения и пружины мировой цивилизации.

1994

Эвелина Ракитская

* * *

А еще мне снился сон,
Что тарелки прилетели.
И махали из окон
Нам пришельцы в чем-то белом.

Были кудри их светлы,
Лица были снежно-белы,
И они куда-то шли,
Шли и пели, шли и пели...

Выводили голоса
Белоснежные форшлагги,
И сияли их глаза,
Словно поднятые флаги.

Слишком правильно поют.
Слишком весело шагают.
Вероятно, нас убьют.
По-другому не бывает.

1987

Александр Смир

* * *

я не знаю как жить!
я не знаю как жить!

а вот живу...

* * *

когда кричать устанешь
ты можешь тишину послушать
и можешь вдруг услышать
того
кто не устал кричать

* * *

вино в бокале и ночь тиха
лежу и слушаю – поют цикады...
есть в жизни прелесть просто так
я не хочу на баррикады

* * *

облака летят как перья
в небе желтая печать
тихий вечер
у деревьев
помочиться
помолчать

* * *

в древности
за страшные преступления
приговаривали к изгнанию

нам не найти
братьев по разуму

Сергей Гарбуз

Когда мне плохо

при виде трактора
мне становится плохо
когда мне плохо –
я читаю Бродского
пока мне не становится совсем плохо
а когда мне совсем плохо
я читаю Ли Бо
либо Библию –
и мне становится хорошо
и тогда я пою свои стихи в блюзе –
и мне становится очень хорошо
– о-о-о! – высоко тяну я в упоении
пока меня не обрывает испуганная жена
при виде жены мне становится плохо
когда мне плохо –
я читаю Бродского

* * *

я прибежал первым
а победил он

– как это могло случиться? –
спрашиваю у судей

– как это могло случиться? –
переспрашивают судьи и недоумевают –
сами не понимаем как это могло случиться

– я очень хотел прибежать первым! –
кричу я –
и прибежал!

– ну вот и хорошо! –
радуются судьи –
ты очень хотел прибежать первым
и прибежал

а он очень хотел победить

Сергей Дмитриовский

* * *

Когда луну проглатывает еж,
в дремучих селах, вязаных соломой,
колодец может стать хорошим домом,
а дом – рекой. Косцы заходят в рожь
по пояс. И в присутствии пейзажа
на нем самом от перемены мест
срывают злость. В то время еж пропажу,
как яблоко ворованное ест.

А вор в амбаре ладит белый крест
кому-то своему, не на продажу.
Он видит все: как вдовы хаты мажут,
как еж луну сажает на насест.
Теперь ее хозяйка не найдет
среди таких же круглых, желтых квочек.
Смеется вор, торопится, хлопочет,
хватает петуха и прячет в рот.

Вот так они проходят край села.
Перебежал дорогу кот на свинке.
Милуются, свернули по тропинке –
невеста скоро будет весела.
В траве, как псы, орут перепела.
Он светел, – в ней ни блеска, ни кровинки,
распалась на две белых половинки –
одна плывет, другая уплыла.

1981

* * *

Будь моей последнею вдовой,
курочка с отбитой головой.
Если наводнение приспичит,
отними культяпки со стола.
Город мой. А после будет птичий,
только б ты меня пережила.

А пока запомни все, как есть:
дети наши делятся на шесть...
Помнишь, мы дурили в зоопарке,

и жираф смотрел на наших чад
нежной ряшкой на пятнистой палке.
Хорошо с тех пор они кричат.

Если я укроюсь под водой,
ты сама наш выводок удвой.
Пусть они плывут веселым скопом
к зданию Нестрашного Суда.
Этот город свойственен потопам.
Мы вдоветь приехали сюда.

1981

* * *

Вычурны слова, которые кладутся
в строки и стихи. Кто бы их убрал?
Воры не крадут, убийцы не крадутся,
а в памяти, во сне и в совести дыра.

В эту дыру солнце не заглянет,
не зайдет луна или просто свет.
Что мне возвратят ведьмы на поляне?
Совесь или сон, память или нет?

* * *

На просеке, среди смолистых плах
олень, лицом запрятаный в орешник,
стоит, молясь о воле тварей здешних,
и оводы его покрыли пах.

Пока невидим ты, пока тропа
еще чиста, как высохшее русло,
люби свободно в зоне среднерусской,
тверди себя у каждого столба.

Где старой хвои яблочная медь
и мышь по ней усердствует зигзаги,
твори в корнях своей пахучей влаги
свидетельство, что здесь прошел самец.

Твой легкий зад салфеткою пятна
мелькает между зарослей лещины.
Святую страсть рогатого мужчины
да обретет безрогая жена!

* * *

...Я знаю, мы внутри небес.
Но те же неба в нас...
Л. Аронзон

Спасибо дыму и уму,
пчеле спасибо – что за имя!
Воде, причастной ко всему,
спасибо в голосе и дыме
за долг спасибо говорить,
за перья зимнего товара,
за дар дыхательного пара
и долю холода внутри.

За воробья и кожуру
небес, летящую на темя,
на растопыренное тело
в земную крепкую нору, –
спасибо – Бог тебя спаси.
Ты – это всё, чего так много.
Стрючком упругим недотрога
на стебле высохшем висит.

Нам весь ее недолгий треск –
зима над муравьиной бездной –
за то, что «мы внутри небес»,
а я внутри травы небесной.

* * *

Город, который забыть меня хочет и пробует,
светел языческой костью и белой утробой.
Там, где на корточках лазает полый трамвай,
дважды аукни – и сразу меня забывай.

Будет на встречу отпущено время великое,
будем знакомиться заново целую тьму.
Если ты лесом – я буду твоей земляникою,
если любимой – я тоже тебя обниму.

Круглые кости твои, позвоночную готику,
рынок точеного и крестового крестца
я закажу повторенью, бесплотному плотнику,
всё положив на топор его злого лица.

Не пропусти надо мной ни одно равноденствие,
страшно-нестрашно, а станешь меня отпевать.

В белую пену блаженный Лычаков оденется
и заартачится темя мое целовать.

Ну, наклони ж эти брамы, катедру с часовнею,
в азии жарких кофеен я был тебе ровнею,
взял тебя – выпустил – взял и повис на губе –
вот и без памяти я, вот и память тебе.

Медведица Урсула

(план поэмы)

В облаке, в горячей кроне леса
шествует медведица Урсула.
По пятам за ней бежит собака,
впереди ее ступает лошадь,
а над ней качается сова.

В черной липе, у корней
спит медведица на спине,
а вокруг собака лежит,
лошадь ходит, сова ныряет.
Это место так близко Раю,
что отсюда река бежит.

Поле тянется до подножия,
и гора, на хребет похожая,
означает край и пустынный дом.
На вершине сова, как на крыше, вертится,
и молчит собака, и спит медведица.
Только лошадь идет.

В облаке, в разомкнутой короне,
там, где все живое утонуло,
шествует медведица Урсула
и всегда следами ямы роет.
А вокруг нее бывают трое:
по пятам за ней бежит собака,
впереди ее ступает лошадь,
а над ней качается сова.
Левый склон покрыло войско мака,
правый склон разглажен, будто площадь,
и еще – невидимые, два
черных склона, где бежит собака,
никогда не обгоняя лошадь,
над которой прячется сова.

– Полная река в длину бежит отсюда,
пьет ее медведица Урсула –

Александр Курняев

* * *

Приезжие в Москве
Чтоб им не потеряться
Идут по улицам и громко матерятся

1992 (?)

Игорь Меламед

* * *

В эту полночь, в эту вьюгу
долго, долго снится мне,
как по замкнутому кругу
бродят стрелки в тишине.

Как из плоского бутона
две безумные пчелы
тяжело и монотонно
время пить обречены.

Собирать с минуты влажной
смертоносный свой нектар.
И накапливать протяжный,
изнурительный удар.

1985

Руслан Миронов

* * *

перечислим предметы в саду потому что гуляем
сад садовник король королевич открытое небо
мы тем не менее нас с тобой кто-нибудь
перечисляет сад небосвод эти двое
опять-таки небо
сбились со счета гуляем стоим не на месте
топчем траву каблуками копаем землю
что еще
пробуем что-нибудь не заметить
сад небосвод
замечает не дремлет

* * *

не лезть в карман а выпростать словарь
и сделать стих буквальный как букварь
где
мама мыла раму
не спеша
меняя воду на стекло дыша
раскрыв окно на цыпочки привстав
тянулась вверх насколько мог сустав
позволить руку изогнуть в локте
я присмотрелся
нет стиха нигде
окно распахнуто распахнуто окно
темно ли в комнате и в комнате ль темно
пойду ли выйду ль я и выйду ли пойду
найду ли выход я и выход ли найду

* * *

в лицо не дышит
есть не просит
лишь в старом черно-белом сне
обиженную воду возит
расспрашивает обо мне

Мирослав Немиров

* * *

.....
.....
.....
.....

Немиров шел по улице дурацкий как Немиров.
Он погружен в нее как рыба в воду.
Он сочинял элегию для отмщенья ею миру.
А также оду.

Немиров шел живой и не боялся смерти.
– А что ее бояться, – пояснял он, – Просто неохота!
Такое состояние является естественным для марта:
идти – и быть живым – а остальное – ох ты!

И вот шел Немиров, голодный, один, и
в кармане имел на «Танец».
И ему было радостно, зябко, и стыдно,
что – так много девчонок, и все ему нравятся.

Апрель 1985, Тюмень

* * *

«Станция Речной Вокзал –
Поезд дальше не идет».
А меня блядь не ебет!
Я сюда блядь и желал!

Мне сюда как раз и было надо!
Я живу как раз здесь, сука, рядом!
«Просьба», блядь, «освободить вагоны»!
Да ебу я на хуй вас, гондоны!

Я блядь поэт, творец искусства,
А вы – ничтожное говно!

1990

* * *

Вот какой я мыслью, птичка, обуян:
У тебя так много пуговок на блузке,
Что, являясь русский-жопоузкий,
Сразу в голову приходит мне баян.

Показать тебе желаю тут же гордо я,
Сколь различными владею я аккордами.

1998

* * *

Идите вы на хуй, ёбаные козлы, идите вы на хуй!
Идите вы на хуй, ёбаные козлы, ёбаная пидарасня!
Идите на хуй, идите, блядь, суки, в пизду,
Идите блядь, в сраку, мудилы ебучие, на хуй идите, оставьте меня!

Идите на хуй, ёбаные козлы, идите вы на хуй,
Свою заберите всю ёбаную хуйню!
Уж нету терпения, я заявляю вам с полным размахом,
Да на хуй всю эту блядь вашу блядь мудозвотню!

Идите вы на хуй, вы блядь заебали совсем,
Вы блядь, пидарасы, уже заебали вконец!
Идите вы на хуй, мудилы, так я объявляю вам всем,
Идите вы на хуй, а то уж блядь полный пиздец!

Идите вы на хуй, короче, ёбаные суки козлы, идите вы на хуй в пизду!
Уж нету терпения гадское блядское это все видеть курлы блядь мурлы!
Идите вы на хуй, спиною вперед блядь и кланаясь: «Слушаюсь, сэр, и иду»,
Идите вы на хуй, и быстро при этом, и хуй вам на рыло, козлы!

Лето 1998, Королёв

Михаил Ромм

* * *

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Читаю, пасквили пишу,
Учу детишек неразумных
Или врагов своих крушу,

Весь день я ерундою занят,
А мне бы делом заниматься:
Лежать, обнявшись, на диване
И целоваться, целоваться...

Но так как ты жена чужая,
А от других меня тошнит,
Еще я моль уничтожаю,
Чем скоро стану знаменит.

1987

Заветное желание

Я хотел бы стать Драконом,
огнедышащим весьма,
чтоб гулять с приятным звоном,
леденящим, как зима,
чтобы крыльями своими
закрывать неспешно свет,
чтобы желто-золотыми
зенками на всех смотреть,
чтобы улыбаться в счастье
между сереньких дымков,
обнажая с ревом в пасти
ряд ужаснейших зубов!

Хорошо быть Трехголовым,
радужной спиной сверкать...
Если кто обидит снова,
то... я не знаю, что я с ним сделаю...

Евгений Хорват

* * *

Я отвернусь, как латинское R,
к стенке пустой. Не ищи идеала
в жизни. Ты сам для кого-то пример,
так завернувшись в своё одеяло,
как завернулся. А впрочем, к чему
здесь обращение? К кому обращаться, –
уж не к себе ли? И вправду, ему
нечего кем-то ещё обольщаться.

Утром лежи, никуда не беги.
Даже на шум головной перестрелки.
Ибо не знаешь, с которой ноги
встать и в какой оказаться тарелке
каждое утро. Так переверни
белые ночи с их тьмою заглазной, –
что обнаружится? Чёрные дни.
Будь же в реальности, с речью согласной.

Ляг на прекрасный, как женщина, пол,
глянь в потолок, где готовы приняться
злаки о будущем. Главный глагол –
«быть», чтоб они продолжали меняться.

1980

Зимнее утро

Дверь я примёрзшую дёрну,
в облаке пара
выйду во дворик.
Запах навоза и дёрна,
дёрна и вара
сладок и горек.

Вышел, в отрепья одетым.
Чем ни разжиться,
всё разорвётся
в Днепропетро... или где там?
в Днепродзержинске?
В Петрозаводске...

Снег набивается толсто
за голенища.
Трудно добраться.
Снег в темноте – это то, что
днём – пепелища,
в смысле контраста.

Всё в этом смысле сгорело.
Тлеет и жётся
жёстко и резко.
Если б ещё и согрело –
или как шёрстка,
или как «Экстра»!..

Эх, недалёко до Рая,
гладки полотна
смертного одра!
Лезут из мрака сарая
ломы и мётлы,
мётлы и вёдра.

1982

* * *

...Как вспомнишь дни морозов вязких,
их вражеский наскок,
и колкость варежек варяжских
и вязаных носков,
– и весь, составленный из белых
осколков и кусков,
на счастье выпавших тарелок
из рук, калейдоскоп!

И в рифму, в рифму шлём Европу,
и греческих календ
не ждём, когда по черностопу,
чтоб снегу до колен,
перебираемся мы прямо в
середину бытия!
– и можно мне там двести граммов,
любимая моя?

1982

* * *

Снег выпал как на голову,
мороз как по коже прошёл,
пуховую наволоку
над нами январь распорол,
небесную паволоку,
нам в память вернув монголит,
и хочется к Парголову,
да Родина-Мать не велит.

Она моя северная,
с которой Мария на Я,
затем и потерянная,
что Небу подаренная, –
тем звуком озвученная,
тем светом засвеченная,
– о жизнь пережученная
и смерть пересмерченная!

...Сегодня я вышел,
собой стихию томя, –
никто не услышал,
как кто-то нашёл на меня
тепло и жестоко,
и первый мне стал ощутим
задох от шестого
крыла твоего, серафим.

1982

* * *

В КРОВАВО-ЧЁРНОМ РТУ
держу я птицу ту –
смолкающую, петть*
я сам пытаюсь петть.

Её-то, весь в поту,
выпускаю в высоту,-
она сумеет на лету её затворы отпереть!

Струю свою струю,
люблю свою семью,
змея меня язвит,
звезда моя горит:

* «петть» = «если», «когда»; словарь Аввакума

я в воздухе стою,
в самосозданном Раю,
и Господа пою, Который Сам меня поит!

1983

* * *

ПОДДЕРЖИ МОЮ ГОЛОВУ
со страстьми и печалыми, –
чтоб привыкнула к говору
Херувимов с Началами,
Серафимов с Престолами
над моими плечами,
надо всеми просторами,
над денми и ночами.

Пусть язык мой не вывалится,
прикасавшийся к небу,
пусть и звук мой не выльется
на любую паневу,
но – в море парящее,
куда – коль допето –
умирать не пора еще
было певшему это.

1983

Частушка надгробная

Я полбанки раздавил,
мирозданье раздвоил,
я родил Аполлиона,
а назвал Эммануил!

Я алхимию развёл,
метафизику завёл,
и призвал я Аполлона,
а явился Гавриил!

...Но закончен мой полёт.
Я в земле моей полёт.
Над моею головою
мотылек теперь поёт.

Червячок меня грызёт,
голубок меня клюёт.
Херувимской хоровою
человек меня спасёт.

1984

* * *

– Сергей, не сердися, Николай, помогай,
ладан кадися, стихарь облегай,
моление молися, славословие славь
явленную Тайну али тайную Явь –

басом леденящим и девичьим альтом
огненным пьянящим увеличенным ртом
ныне величающим алтарь позже Врат
бо и в искушеньях глубже Друг, нежели враг!

(Всё-то сам реку сие, а пост не блюду
столько уже жирного вложил во плиту
что нет-нет да мню уж – не себя ль сам в другой
местности, посмертной, ужираю в огонь?)

Жертва, да не Богови: тельцы да быки.
Змею-Зверю адову придется, реки,
плоть сию удвоить, чтоб за сё отплатить
бо одной моею мести той не вместить)

Господи мой в Чаше, что в стакане вино!
Бывшее в Вифании и в Кане дано!
Воду что в вино Твое, меня обрати!
Кровь Твою во пьющего груди обрети!

– Сергей, согревай-ка, Николка, веди,
сам не пропадай-ка, а пропажу найди
носом утыкая во алмазный навоз
Спасом вытягая из-под пятых колёс!

...мною Себя глотая, Ся во мне унутри
прах небес, земель ли перемель, перетри...
жизнь-живот-желудок за порог испражни...
Ежли не ланиты – хоть чело увлажни

– да вовек прославится сия душа,
лёгкими обложки широко шурша
ямбом в гору, хореём – с горы
на путях к Фавору от земной коры.

Субботнее

Немного спать хотелось, но теперь прошло
коснулся рукоделия – помогло.
Как руку сжал – пять чувств затворил
дыханием моление сотворил
и хорошо-то стало! Воспарил.

Ты наклонись, Пречистая, – я шепну.
Так спутано пространство в земном клубке
что Ты и покрываешь в одной строке
и на груди вмещаешься в образке –
того, кому из черепа в вышину
открылось отверстие в потолке.

1984

Троичны

I

Там, где я крестился, где молчал, говорил
локонами ладана волокна ловил,
спину распрямляючи душою кривил –

ныне отверзаешь милосердия дверь
ту, куда и вёл меня Твой горний тропарь
– то-то отбиравший у груди без свинца

выдохи да вдохи и единым теперь
духом испускаемый словарь – на букварь
всё-то распадается, что кровь на тельца.

II

Вот и повторяю предыдущее: кровь.
Ибо отзовется подползающим: крот –
громче и точнее, чем зеркальным: любовь.

Зрение минуя моё пенье глядит
в светлое Успение и новый индикт
в коем не останется ни вдов, ни сирот.

Дух уже испущен, но остался душок.
Даже с перепоею написался стишок.
Освежи дыхание, земной порошок!

III

...вот уж из-под тела уплыла глубина
вот и разбежалась от боков ширина
вот и отлетела от самой головы

бывшая с рожденья и над ней вышина!
Это завещание народам Земли
Прожита и мною миллионная часть.

...сменные обличья – насекомые, львы –
слышу, приближаются и в душу стучась
алчут себе жизни; но ещё не вошли.

1984

* * *

ЯЗУНДОКТА... ты одна мне осталась.
Сколько снега утекло, пока до тебя я добрался,
вот уж и зима прошла, покуда ты открыться мне спешила,
нам навстречу поспешая наподобие утешного птенца.
Как трогательно твоё доверчивое смирение
– я совершенно плачу в свете его.
Ты с течением боролась, как встречный ветер ожидания.
Против вращения земли ты по траектории прощенья.
Ты была, как противник, вся обращена лицом.
Ты хранилась терпеливо под грузом слоёв, которых
не воспеть лика, в единовременности его.
Не прахом же уст, углекислотою ответа.
Яе тебя нет самого меня.
Явность твоя теперешняя – тайна выцветания этих чувств.
Твоим восклицательным именем нареку я дочь моих сублимаций.
Яко верною осталась в иерархии, где кто
сказал Агапит, должен сказать и Борис.
Ты яйцом в конце лежала, а теперь оно разбито, –
знать, не зря моя бежала мышь по краю алфавита.

1985

Леонид Шваб

* * *

Гости съезжались на дачу
Под грохот скрипящего снега.
Дача стояла на склоне
Холма, внизу было озеро.

Хозяина не было дома,
Но предметы располагались таким образом,
Будто он на минуту вышел
И скоро вернется.

По комнатам расходились
Руки держа за спиной.
На коврах висело оружие,
Помутневшее от времени.

Стояла тишина, но княгиня
Сказала, молитвенно сложив ладони:
«Пожалуйста, уедем отсюда.
Здесь страшно. Я вас прошу».

Гости очнулись,
Поднялся невообразимый шум,
И через короткое время
Никого не осталось.

1987–1989

* * *

Ворота настежь, чернея,
Оборудованные корпуса,
Голая степь на карте,
Солончаки,
Ни одного миллиметра на карте,
Но ворота звенят, пожалуйста,
Пельмени, постель,
Да ведь это сестры,
Искаженные лица, наши сестры,
Оренбург не принимает,
Поздно, назад, это не Оренбург,

Там наши сестры,
Это не сестры.

1987–1989

* * *

По вечерам женщины плавали в озере.

Мужчины засиживались в беседке.

Звезд никогда не было.

Пахло крапивой.

Пахло купоросом, крапивой.

Телеграфные столбы огибали усадьбу.

Касаясь галечных насыпей.

Галька фосфоресцировала, шевелясь.

Шаги казались голосами.

1990

* * *

Втулки порохом отбивал
Матрос отставной,
Во сне разговаривал с Богородицей
О непогоде, болезнях,
Во сне предстал перед Богородицей,
Просил за матросов.

* * *

Входит двоюродный брат,
Просит передать деньги нуждающемуся товарищу.
Постой, брат,
Твоего товарища давно нет в живых.
Нет, брат, веришь – бесконечно нуждается.

1992

* * *

Дух безмятежный рассеивается,
Входит двоюродный брат,
Просит передать деньги нуждающемуся товарищу.

Входит двоюродный брат,
Просит передать деньги нуждающемуся товарищу,
Исполню в точности, брат.

1993

* * *

Филипп выходит. Ночь бедна, убога.
На перекрестках мерзнут патрули.
Жизнь не злопамятна, и дальняя дорога
Дрожит и не касается земли.

Филипп кричит. Испуганная птица
Скрипит крылом и светится впотьмах.
Патруль стреляет, воздух серебрится,
И шторы отгибаются в домах.

И месяц падает, и, видимо, светает,
И нужно знать, и повторять помногу –
Когда Филипп кричит, патруль стреляет,
И все живые, вот что слава Богу.

1994

* * *

И сестры, осмелев, выходят к полднику,
И пьют ситро, и утирают пот,
И гость снимает со стены гармонику,
И неаполитанскую поет.

И как прибой накатывает ужин,
Окно задето фосфорным огнем,
И сестры полагают гостя мужем,
И переодеваются при нем.

1994

Михаил Щербина

Инфантильная элегия

Я того не помню, что забыть пытаюсь!
Долго-долго я не вспоминал нигде,
как в пролив уходит проволочный парус
по фундаментальной и немой воде.

Долго я любил смотреть на медианы
земляных и размывающих углов.
Милые замаринованные страны,
горы сохранившие орлиный кров,

да стекольный ветер гулкой параллели –
вот полночный реквизит застылых снов.
При моей судьбе еще не повзрослели
азафен и среднеазиатский плов.

Контур колебательный и разгородки
одинаково мне лгали сквозняком.
С юных лет я по вылазившей проводке
не стучал под вечер длинным молотком.

Я любил стоять у выжженного парка
и мотоциклистов с флагами встречать.
Здесь любая утешительная арка
сломанному вихрю не была под стать.

Я считал вагоны мчащихся составов
и смотрел, как производят динамит.
Дни, прошедшие среди старинных нравов,
моя память по-особому хранит.

Арматура перелесков постарела,
и легко сорвались с мест, кружась вверху,
листья, не успевшие внедриться в дело,
листья, втянутые в пьяную труху.

Их, как скрепки, пересекают самолеты,
и в разрывы, где не существует звезд,
полый лес несет условные пустоты
и повторные просветы шатких гнезд.

На болотистой и длинненькой основе
день грядущий не увидеть мне сполна.

Тем не менее на плещущем покрове
амплитуда $n + n^2$ – верна.

С белым хлебом яблоки, клочок вуали
и валентный ужас власти на плаву –
всадники с прожекторами не скрывали
уровень придавленной пальбы во рву.

Сахар колотый, дрянные мандарины
и хромой мазут, холодный от травы, –
вот живая партия для мандолины
и застуженного центра синевы.

Обо мне ли это? Что же я без боли
чувствую, что дальше мне идти нельзя?!
Далеко, в каком-нибудь дверном Осколе,
жизнь другая. Подпевая и скользя,

времени она не тратит больше даром
и в угарный рай космических высот
устремляется истерзанным скаляром,
и летит, летит в наклеенный восход.

С левым, с левым облака летят уклоном,
как в какой-то динамической дыре,
а под ними реет в забытьи бессонном
ответшалая ракета во дворе.

* * *

Крутить на нитке пуговицу, злиться,
в тетрадь кленовый лист из-под дождя
упрятать, видеть, как сломались спицы,
и видеть, как горит, не уходя,

свет, отраженный от соседних стекол
жилого дома, помнить, что закат
стал бледно-желтым, а утюг – защелкал,
а ветер – долго мчался наугад.

Да, жизнь прошла, но в пригородной зоне
по-прежнему под телефонный гул
другой поэт, а может быть, Сталлоне
всю ту же ноту за тебя тянул.

* * *

Замаску на окнах не смоешь водой,
а пол – из песка и графита.
Льют мимо мучительный свет шерстяной
два города – метеорита.

Тигрята и козы – на зябком лугу
и гулкий простор застекленный...
И вижу я, как зеленеют в кругу
гнилые, прогорклые клены.

Пружины я вижу который уж год,
одни голубые пружины,
и рушится, рушится за небосвод
дорога из мокнущей глины.

В хлопчатобумажном разрезе – дома.
Туда же уходит прохлада,
и сводит меня постепенно с ума
прощальная песня распада.

* * *

Зарябило у меня перед глазами
и увидел я окоченевший дождь
перед витринами маячило черное пятно
падали хлебные крошки
жутковато двигались автомобили
здание медленно превращалось в скалу
оседающий звон путал намеки на мысль
там и тут появлялись и исчезали малюсенькие цветы
иногда веяло оледенением
водосточные трубы стали совершенно красными
я шагнул и выдернул из стены какую-то лопату

Владимир Белобров

Сердце Навсегда

В подъезде под вечер
Я встретился с дамочкой
И мы полюбили друг друга внезапно.
На память о встрече
Я выкрутил лампочку
И сердце на стенке гвоздем нацарапал.

1991

Холодным Зимним Вечером Сижу Дома, Собираюсь Поужинать

За окнами снег под луной серебрится.
А в доме тепло и на синем огне
Стоит сковородка.
В ней что-то дымится.
В ней гусь задремал,
Отвернувшись к стене.
Что снится тебе, раскаленная птица?

1991

Холодная Курица

Под сенью могучего дерева
Позавтракав наспех пол-курицей,
Уснул я и ты мне пригрезилась
Вновь разной, как людная улица,
Вновь тихой, как голос простуженный,
Вновь близкой, как имя и отчество...
Проснувшись, я куру докушивал
Холодную, как одиночество.

1992

Морозно

Морозно. На ветках вороны
Блестят, что твои бигуди
И долгая, как макароны,
Зима впереди.

1993

Вечер, Звезды, Папироса

Вечер, звезды, папироса
В уголке дымится рта.
Фонари, как абрикосы.
Воробьи туда-сюда.

Звезды, вечер, речка, мостик,
Роза красная в руке.
Я иду к любимой в гости
В однобортном пиджаке.

1996

Девять Шагов

На серебристых вишнях
Черные пятна грачей.
С тапочками подмышкой
Перехожу ручей.

С берега ветром подуло.
Чуть замочил халат.
И о тебе подумал
Девять шагов назад.

1996

Утро

Чай остыл, потухла папироса.
Тормозит под окнами машина.
Как наколка на руке матроса,
За домами – солнца половина.

1996

Рюмочка Вина

В привокзальном я в буфете
Выпил рюмочку вина.
Если Солнце нам не светит,
Значит светит нам Луна.

1996

Варианты

Ходит Бог по Небу,
Думает, как быть:
Или все оставить
Или все спалить.

Трудно выбрать Богу.
Судя по всему,
Варианта оба
Нравятся ему.

По Образу и Подобию

Бог бумаги попросил
И людей изобразил:
Доброго и злого,
Толстого, худого,
Лысого, лохматого,
Хромого и горбатого.

1996

Ночь

Где ночь немного
Нетороплива,
В траве высокой
Лежу счастливый.

Считаю звезды
И засыпаю,
Вдыхаю воздух
И выдыхаю.

1998

Александр Беляков

* * *

Осень моя, пышнотелая крашеная блондинка,
Топчется на дворе, курит на холодке.
И золоченый окурок давит носком ботинка,
Прежде чем мы отправимся странствовать налегке.

Мать багрянородная, чада твои озябли,
А ты поднялась до неба статуей надувной:
Будто ночной тревоги ратные дирижабли,
Груды твои порожние колышутся надо мной.

Какие ты глазки строила, в каких изошла обидах!
Но подымается ветер, и обмираем мы:
Загадочная донельзя, ты делаешь плавный выдох
И пестрым хламом ложишься в ногах у девы-зимы.

* * *

Снег сник и киснет
Без движенья
Тьмы низких истин
В окруженьи.

Мы этот срам
Ногами месим.
Теперь он нам
Неинтересен.

* * *

Ты – матрешка, я – Петрушка
У тебя внутри подружка,
У меня ж рука внутри.
Распрямлюсь по счету «три»,
Распотешу, рассмешу,
И опять на голой стенке
Мертвой тряпочкой вишу.

* * *

Первой поземки проседь.
Если б гулял с девчонкой,
Самое время бросить.

* * *

Полюби смолоду
Прогулки по холоду,
Ибо нет прогноза
Кроме мороза,
И продрог пророк его.

* * *

Андрюше

В игрушечной белой пустыне на лыжах кружили
Две точки, две черных букашки в искрящейся пыли,
Две донных чайники в багряной заварке заката.
Передняя, та, что помелче, спешила куда-то:
Неслась, спотыкалась и падала, путая лыжи.
На трассу ее водружала букашка повыше,
Скребла, отряхала и ревностно так поучала,
Потом отставала, и все начиналось сначала:
Клубилась одна, а вослед выступала вторая...

Как мало пространства и времени нужно для Рая.

* * *

Летний домик проносился на швах,
Из прорехи топотуха течет,
Входит голем в олимпийских штанах,
Молча требует квартальный отчет.

Сядь поближе, керамический брат!
Обнародуй квадратуру лица!
Я спою тебе кантату затрат,
Ты станцует «ламца-дрица-цаца».

Черной грязи наскребем по углам,
Станем пышную чернуху лепить. –
Что ни вылепится – все пополам...
И попробуем друг друга любить.

* * *

Магазин – низа гам,
Кабинет – тени бак,
Ноги – тут, руки – там...
Сами выбрали так.

У кого – статус кво,
У меня – статус пня,
Все равно, ты того,
Не садись на меня.

* * *

Под лункой
Во глубинке
Делянки сельдяной
Лежит минтай на спинке –
Любуется Луной.

1999

* * *

В ожидании Рыбы закрылся век,
Истончился лед, поседел рыбак.
Философу мерещится смена вех,
Моряку – рубах.

Водолаз курирует бездну вод
И, впадая в хронический аппетит,
По мобильной кричит, что улов плывет.
А улов летит.

2000

* * *

Иван Иванович был очень одинок.
И вдруг однажды вечером – звонок!
Соседу собирают на венок.

2000

Борис Гринберг

Палиндромы

* * *

Я слагал слога. Лгал.
Зла глагол слагал-
ся.

Война миров

Мин много,
Бои да пути, и походы вновь – тупик.
Иголки линз и жал (змеи ли?)
Бог им не дал?

Холодина!
Пока зима тянет речи,
Мы,
Дух – в облик нороя,
И на зло – победу самую
(И та – паук)
Сотворим, и претворим, и...

...Кумир – зло,
Колокола в золе...
– Дружок!
Вымоли себе сил, омыв кожу...
Рдело. Звало. Кол о кол...
– Зри муки миров,
Терпи миров тоску,
Апатию ума,
Судеб оползания,
Воронки лбов.
Худыми чертенятами закопан идол...

О, хладен миг
Обилием зла.
Жизни лик?
Логики путь?
Вон, выдох!
О, Пиит, упади!

...О, Бог... Он мним...

* * *

Плоть распорота рук.
Ор, плач.
Не внял мир
И гнал афинян,
И фаланги римлян венчал прокуратор.
О, псарь толп!

Первая любовь

Он
 же
Не
 жил,
А тупо пытал звонок...
О, лик!
 Чело!
 Колени!!
Стой! Отступи, – лилось,
Дупило (то ли пульс?),
– О, лилипут,
Стой. Отсинело.
Колечки локонов златы
Попутали же
Нежно.

Этот бессмертный

А дни – водопад. Укачал.
В овине лежать, не согрев того братства?..
Но грач умер, дятел отстучал,
Поник, замыля взоры,
На машине, тая –
Разлук аромат...
А там
Холмы дики, дым лохмат,
А там
Оракул – заря, а тени – шаманы,
Роз вялы мазки, но... плачут. Сто лет...
Я дремуч. Аргонавт.
Стар. Бог отверг.
Осень та же, лениво влача – куда?
Под овин? Да.

* * *

Я стёрт.
Кот около
О локоток трётся.

Гиперлипограммы

Только «О»

Столько вопросов, столько,
Что хоть в окно головой.
Полночь, хоть вой волком.
Полночь, хоть волком вой.

Холодно, зло, промозгло.
Город продрог, промок.
Что хорошо – то поздно,
Что плохо – то точно в срок.

Город оброс погостом,
Точно коростой плоть.
Коротко ль, долго ль, просто ль,
Сложно ль – с тобой Господь.

Голос в горло осколком,
Словно комок вдох.
О, сколько слов! Сколько!
Но только одно – Бог!

Колокол смолк грозно,
Громоподобно смолк.
Но скоро восток розой.
Розовой розой восток.

Лишь «И»

Спит пилигрим и видит тихий мир,
Мир диких синих птиц и гибких лилий.
Ни липких лиц-личин, ни истин, ни причин,
Ни лишних линий.
Кипит прилив прилипчив и криклив,
Хрипит, лишившись пицци, хлипкий хищник,
И жизнь кишит, лишь пилигрим притихший...
Спит пилигрим. Спи, пилигрим.

Александр Карамазов

* * *

Я ненавижу живопись, стихи,
я уважаю крепкие ручищи
и кислый дух распарившейся пищи,
и самогон под шматы требухи.

Еще костюм мой годен для прогулок,
язык сведет в ближайший переулок,
живописуя видами Москвы
и переборами газетной мишуры.

Я пролетарий с вывертами в мир
искусства...

1987

* * *

Коридор на двух хозяев:
нас сегодня выселяют.
Вещи их и вещи наши
все в ременных узелках,
в бечеве, веревках, стропах,
в целлофане и клеенке,
в пленке, в узенькой картонке...
Шум, брюзжанье, хохот, топот,
мы уселись на мешках.

Приглашение к путешествию

В тот день я был одет, как в 77-м году
на выпускном школьном вечере.
В том же костюме, как и семь лет назад,
я казался себе (необыкновенно) привлекательным.
– По крайней мере не напьешься, – сказала мать.
И я с удовольствием оглядел себя в зеркале:
«Почему бы и нет – в приличной компании...»

На улице я повстречал Опенка,
он только поинтересовался:
«И куда, к примеру, Вы собрались сегодня?»

Больше Опенек ни о чем не хотел расспрашивать,
и помню, как он смешно согревался, сняв шляпу.
Мы выпили с Опенком на двоих кружку пива,
и больше не виделись.

«Случайная встреча – приглашение к путешествию»,
сказал бы Феофан Бесноватый.
К слову, а куда вы могли бы отправиться запросто
без денег (войдите в мое положение)
и с початой банкой соленых грибов?

Надпись на фотографии собственного дома в Малаховке

Этот дом в расщелинах, выбоинах:
здесь могли проводиться выборы
(ставить вопрос ребром), ходить в сапогах
и пить политуру,
водить аквариум, подделывать купюры,
жарить кабачки, выматываться с детьми,
на все наплевать – с блядьми...

1991

* * *

Люди живут
в темной воде.
Это люди живут
в темной воде.
Вижу, лодка надо мною плывет
по темной воде.
Я хватаю багор, я цепляю зубами багор
в темной воде.
в темной воде,
Подцепи нас багром, протащи нас багром
хоть немного по темной воде.

1996

Герман Лукомников

* * *

мы буковки, мы буковки,
не смотрите на нас, не смотрите!

* * *

Подумал Митя: «Могут неужели
Синхронненько, в один и тот же миг,
Подумать об одном и том же деле
Двое людей?» – подумал Фредерик.

* * *

Человек лежал-лежал,
Вдруг вскочил и убежал.
А другой сидел, молчал,
Что-то вспомнил – закричал...

* * *

Я увидел девушку своих грёз,
Подошёл и целую её в засос,
Но ей показалось, что тут что-то не так,
И она врезала мне в пятак.

* * *

В стаю цапли слетаются.
В стаю цапли сплетаются.

Ольга Мартынова

* * *

Такая быстрая зима, как век снежинки;
Такое медленное, медленное лето.
Жизнь, как купальщица на фотоснимке –
Вполоборота и полуодета.
И ухмыляется беспечно, неизменно,
И капли моря ей легли на плечи,
В ней все манит – и смуглые колена,
И кружева, и ясный взгляд овечий.

...А там зима, больная и глухая,
И злобная, и старая; и скоро
Ее пустое сердце, затихая,
Откатится и ляжет среди сора.
Как жаль ее! как долго станет лето,
Не шелохнувшись, красоваться где-то;
Как медленно купальщица уходит
И на песке не оставляет следа.

1985

Эклога

Деревья закрыли глаза.
И ветер скользит безучастно по сморщенным векам.
В морщинах скребутся жуки.
Птицы: кто криком, кто свистом, кто стуком, кто смехом
Дают понять, что они тоже где-то.
Но всем им (и еще много кому)
Не о чем говорить. Роща раздета,
В ее наготе ни бесстыдства нет, ни кокетства...
Река обегает холмы, как плохая хозяйка свои кладовые.
Пан, кутаясь в плащ, уронил свою дудку,
И ветер не хочет свистеть песни свои даровые.
Пан – старый, он машинально перебирает бородку,
В которой скребутся жуки.
Его красные глазки слезятся, он их закрывает.
Ни похоть, ни ярость его не тревожат, ни ярость, ни похоть.
Холодная речка ноги его омывает.
Он бормочет какую-то то ли мольбу, то ли обиду.
Уплывает счастливая роща, постепенно теряет его из виду.

Буквы книги Твоей

буквы книги Твоей щетинисты и непонятны.
дождь перелистывает страницы.
какие-то пятна
мешают всмотреться в слова.
зимний запах корицы
летает над снегом бумаги
и болит голова.

чтобы что-то прочесть из нее, надо долго смотреть на картинки,
головоломки, вклейки,
переворачивать воздух, как ворох прогнившего платья.
и все равно
буквы книги Твоей слетаются в стайки
и улетают. страницы звенят как льдинки. но

запах старой бумаги стоек,
а буквы книги Твоей непонятны, как будто сердиты,
корень ученья горек,
плоды его ядовиты.
черный дрозд прилетел, перевел, просвистел:
– когда радости лета наскучат тебе,
ты не полюбишь зимы...

когда распускается дуло невидимой тьмы,
буквы книги Твоей начинают тускло светиться, как окна в полных залах,
а чтобы не было страшно,
перелистываются страницы.
и дождь идет, как всегда, сюда,
останавливаясь у границы.

* * * #

В Летнем саду сейчас
Сумрачный день угас,
Боги и нимфы дремлют
Не закрывая глаз.

Юлия Немировская

* * *

В булочной-кондитерской
Народу набралось.
А где мое дитяtko? –
Еще не родилось.
А где моя книжечка? –
Не вышла она,
И кому моя книжечка
Окажется нужна?
А мне ваша булочка
Нужна позарез.
Несу ее надкусанную,
Мокрую от слез.

* * *

Вот март, как бы мужик небритый
Идет, бутылками звеня.
Он весь из золота отлитый,
Он нежно смотрит на меня.
Как хорошо – как будто память
Мне кто-то от семейных уз
Освободил
Как будто камень
Подняли
Приоткрыли шлюз.
Последнее, что тяжелее,
Чем сердце – снято как рукой.
Я, как приморская аллея,
Лечу к поверхности морской.

* * *

Жил-был граф Хвостов, жил он в Санкт-Петербурге,
Он был стихотворец и сам покупал
Стихи свои в городе Санкт-Петербурге
(Там больше никто их и не покупал).

Читатель, ты зол. Ты хитрюга, читатель! –
Никто, никогда, никому, ничего.

И утром под дождичком шел покупатель
Добра своего и труда своего.

В цилиндре (есть мнение, что без цилиндра)
И с тростью (есть мнение, что без нее)
Он нес, озираясь печально и хитро,
Свой труд и добро дорогое свое.

И дома (свидетельства сходятся – дома)
Садился, брал книжную стопку, кряхтя,
И, всё перечтя до последнего тома,
Он сам улыбался себе, как дитя.

Так вот. Я, читатели, мненья другого.
Плохой стихотворец, но участь горька.
Пойду и куплю сочиненье Хвостова
И встану, листая его, у ларька.

Пускай он увидит меня, притаится,
Лицом озарится и выкрикнет: *так!*
И выйдет на Мойку, как важная птица.
Как птица, а все остальное – пустяк.

С книгой стихов А. А. Дельвига

Шел охотник по лесу, и лось, и болотная цапля.
Вдруг услышали: осень – и как припустились бежать!
Кто держался за шляпу, кто шеей к земле пригибался,
Когда ветер стеклянными пулями начал стрелять.

Запирайтесь в дома! Зарывайтесь в душистые ямы!
Зажигайте огонь или пере-

бирайтесь на юг.

Кто остался, тот плачет, и, стоя на холоде с книгой...
Дельвиг, Дельвиг, тебя

я не выпущу больше из рук.

Слышнее

Слышнее, чем голос пчелы шерстяной,
Был голос поэта, что умер давно.
Я думала так же и с ним заодно,
Хотя он и умер давным-предавно.
Он был неизвестен; не очень велик,
При жизни своих не увидел он книг.
Казался, наверное, косноязык
(А может быть, и без него много книг).

И вот я о нем сочиняю статью,
Как будто про жизнь сочиняю свою.
Наверно, его я как брата люблю:
В словарь в десять строчек пишу я статью.
Ведь раз десять строчек стоят в словаре
Не страшно пожить и потом умереть.

Чужие стихи

Чужие стихи – это только толчки
Для долго на книге лежавшей руки,
Для долго на нитке висевшей души:
В них слышится главное слово – пиши.

А дети чужие – как будто звонки
Из дома, который стоит у реки:
Там муж мой и дети мои за столом,
И слышится шепот: «Вот, мы тебя ждем».

А жизни чужие, мои молотки:
Стучатся, стучатся, стучатся в виски,
Но выслушать все, и понять, и помочь...
Подумаешь только – и кинешься прочь.

Ленивец Дельвиг

Лень
горький свой день весь описать,
Лень
горькую ночь вверить стихам.
Нет, лучше пастушкам и пастухам
Дать в дудочки дуть или плясать.

Пусть
вьются одежд легких края,
И на ветру фавн покраснел, как огонь.

Пусть,
только меня, время, не тронь,
Не о тебе плачу до полночи я.

Кто,
кто обо мне им говорил?
Кто,
кто обо всем правду донес?
Я в неге с утра был и из роз
Влагу их пил, влагу их нежную пил.

И не смотрел
в стену я, как неживой,
И не бежал
в ужасе между дерев,

И не меня
выбрало ты, озверев,
Жертвой простой
раны твоей ножевой.

Суворов

Я встретилась с курицей утром у крана;
Смотря в ее круглый значительный глаз
Мгновенно узнала мифический образ
Стратега, придурка, любимца вельмож,
Загнавшего в птичью теперь оболочку
Свой дух, ночевавший в петровских дворцах...

Ну нет, слишком глупо клюет она булку.
Я видела: ветер пошел на прогулку.
Он выронил пачку газет, и во всех
Написано: осень и осень.

Ну нет, я пока их не буду читать:
Мне столько за лето еще навестать –
Огромный неначатый список.
Смородина сохнет, бросая из мисок
Такой укоризненный взгляд.
А сад...

Так вот – от забот, разговоров моих
Притих
Суворов.
Суровый герой, мне знаком его нор.

Из детских стихов

Ни родины у снега нет,
Ни века, ни родных.
У снега только белый цвет
На черных мостовых,

А нам с тобой дана родня,
И родина, и век,
И быть не можем мы ни дня
Свободными как снег.

Андрей Правда

* * *

Такая девушка –
Как спица!
И цаплеватая,
Как птица,
И сизоока,
Как синица,
А платьице ее
Из ситца...
Ну чем мне с нею
Расплатиться
За эту радость –
Насладиться
Движеньем ломким
Длинных ног?!
В моем кармане
Нет пшеницы,
Я не ношу с собой
Пшено...
Лишь дома у меня – вино,
Пшено залитое водицей
И булка хлеба из пшеницы,
Да одинокое окно...
Что ж – заманю ее туда...
Погаснет пусть закат, а свечи
Наполнят колебаньем вечер...
И пусть глядит в окно звезда.

1988

«Берегите лес!»

На столе
Лежит спокойно
Бийских спичек
К о р о б о к

1993

Михаил Сапего

Просебятина

ветром гнимое дугою
вперехлёт дождя и снега
волоча больной ногою
шло ужасное сапего
за душою бя ярилось
выжигала грудь изжога
шло сапего материлось
поминало всеу бога
шло курило и рыгало
из горла вино цедило
всяко встречного ругало
не иначе как мудило...
а в кармане «день» газета
злостью праведной теснилась...
только все неправда это
это все мене приснилось
(про себя наплеть такое
не дает родное эго)
я сапего неплохое
я хорошее сапего!

* * *

под потолком посредством тока
рождая свет желтеет лампа
под лампой только им известным
маршрутом мухи режут воздух
«под мухой» я гляжу как в небо
под потолок где аки солнце
желтеет лампа свет рождая
посредством тока а под лампой
манером только им доступным
крылами воздух будоража
подобно фениксам бессмертным
резвятся и ликуют мухи

* * *

стынут вёсные улыбки
низок помыслов полет

доигрался хер на скрипке
скрипка больше не поет
распелись бывшие жилы
от неправильных музык
и лопочет «не до жиру»
грешный немощный язык
в лету съехали дороги,
кроме той что всем одна
и бредут достигнуть ноги
окончательного дна
над собою сердце бьется
и от века наугад
: может все еще вернется?..

жизнь прошла тому назад

Песенка

бог сидит на кочерге
время движется само
кони ходят буквой ге
человеки буквой о

день за днем
всю жись по кругу
буквой о да буквой о

* * *

заболею... умру...
а пока –
солнце, ветер, вино, трали-вали...

* * *

и не то чтобы пьян,
но...
весна! – одним словом.

На Владимирском

красный флажок
за бесценок купил у бомжа...
оба довольны.

Анна Сон

* * *

Он приходил без всякого предлога,
несуетливый из последних сил,
еще снимая шляпу у порога,
как будто высшей милости, просил
не двигаться, от дел не отрываться,
он говорил: «Забудьте обо мне»,
сидел у нас минут пятнадцать–двадцать
и уходил, обиженный вполне.

Андрей Туркин

* * *

Посмотришь на небо – там звезды одне.
Мне солнце на небе напомнят оне,

Кому-то напомнят оне, может быть,
С разорванной ниткой жемчужную нить,

Кому-нибудь срез дорогой колбасы,
Песочные кто-нибудь вспомнит часы,

И даже стакан представляется мне,
Но взглянешь на небо – там звезды одне!

* * *

Купил я Ленина карманного,
И, как читал его, читал,
Из парня злобного и странного
Простым и добрым парнем стал.

Из параноика презренного
Я тихим стал, что мышь твоя,
Когда куплю его толстеного,
Каким-то парнем стану я?

* * *

Что-то сверкнуло над нами!
Что-то сверкнуло, чему б это быть?!
С острым концом и двумя сторонами,
Что-то сверкнуло, и нет его – ыть!

* * *

Она ломала коржик!
Но коржик не ломался!
Тогда столовый ножик!
Ей на глаза попался!

Она схватила ножик!
Поставила на коржик!
На ножик надавила!
И коржик разломила!

* * *

Она стыдливо прошептала,
Губами шевеля едва,
Здесь очень много, дай мне мало,
Здесь целых три, а надо два!

Возьми все три, сказал я строго,
Придвинув их концом ноги,
Я дал тебе не слишком много,
Один себе прибереги!

* * * #

Сидят два мальчика,
Красивых мальчика.
У них пирожные,
У них вино.
Ах, сердце девочки
Забеспокоилось,
И на уме ея
Таперь одно:

Цыганский хор:

Земля не круглая,
Не к'вадратная.
Она как рюмочки
В мужских руках.
Я словно капельки
Вина пррятного
Дрожу на рюмочках,
На ободках.

Мальчишки скушали
Бисквиты с грушами,
Доели каперсы
И выпили вино.
Срубили деревце,
Схватили девицу,
И на уме ея
Таперь одно:

Цыганский хор :

Земля не круглая,
Не к'вадратная.
Она как рюмочки
В мужских руках.
Я словно капельки
Вина пррятного
Дрожу на рюмочках,
На ободках.

* * *

Искать и находить ей рот.
И долго целовать искомое.
Не шевельнется мой Эрот,
Обезоруженный истомою.

И целовать ей просто так,
Избегнув страстного движения,
Бежав ответа. Только в знак
Стыда, любви и уважения.

* * *

Гой-ты-еси, наковальня!
Наковальня брачная!
Наша кузня – наша спальня!
Спаленка призрачная.

Ты искрилась и летала,
Истерзав цветной платочек.
Ты – моя кусок металла!
Ты – мой дерзкий молоточек!

Гой-ты-еси, наковальня,
Наковаленка!
Есть большой кусок металла?
Будет маленький!

* * *

Ты нагнулась над речкой с тазами,
Я напротив траншею копал.
Мы с тобой обменялись глазами,
И намек между нами упал.

Ты сказала: «Солдат, я нагнулась,
Ты же смотришь так метко и колко,
Что сорочка из рук утонула,
Словно мне уколола иголка!»

А над нами двойными кругами
Черный вран невесомо кружил.
И, влекомый твоими ногами,
Я на воду бревно положил.

И в тебе есть подобная речка,
И во мне есть такое бревно...
Встало солнце. Просохло крылечко.
Ты выглядываешь в окно,

Но меня под окошком не видно.
В это время я лягу поспать.
Ах, как радостно мне и обидно
Остальные траншеи копать!

* * *

Юлию Гуголеву

Моя тоска была остра,
Как языки костра.
Китайской казнью прорастал
Меня животный страх.
И, познавая сердцем боль,
Я головой поник.
И падала сухая моль
Ко мне за воротник.
А птицы чирк по небу, чирк!
Как будто спички.
И, как горит метеорит,
Сгорали птички.
А птицы вжик по небу, вжик!
Как будто пули.
Когда нам дали эту жизнь,
Нас обманули.

Роман Тягунов

* * *

Пока не поздно – постучусь я к прозе.
Она меня не любит, но накормит
И спать уложит у дверей на коврик,
А за ночлег спеть песенку попросит.
Я перед сном спою ей о мальчишке,
Который бегал в каменном лесу –
Он приносил мне синяки и шишки
И говорил, меня их на книжки:
«Я завтра еще больше принесу!»

1980

* * *

На каком языке говорит Рыба-Кит?
Кто поймет иностранную речь Рыбы-Меч?
Что за ноты брала Камбала,
Для кого пела Рыба-Пила,
Когда мы на гранитном причале
В изумленье, как рыбы, молчали?

1982

* * *

В смоле и северном пуху
Валяя ваньку, феньку, дыню –
Я предан русскому стиху,
Огню и дыму.

На азиатский мой разрез
Слетелись вороны, вороны,
А ванька слушает да ест
В лучах авроры.

Ушли под воду поезда,
На льдинах – золотые шкурки...
«Гори, гори твоя звезда!» –
Поют мне чурки.

На языке глухонемых
Превосходящего потока
Читаю: «Друг степей калмык...»
И он с Востока!

Арап, кацап, кухаркин сын
Рвут золотую треуголку –
Швы красной взлетной полосы
Свистят вдогонку:

Махнешь напра – посеешь зло,
Махнешь нале – утратишь веру...
Я треугольное крыло
Подставил ветру.

Гори, стольпинский вагон!
На север летчиков вербуют.
Сначала дым, потом огонь
Меня обует.

1990

* * *

Евгению Ройзману

у меня одни долги
у тебя другие
у тебя одни враги
у меня один

от меня бегут круги
от тебя княгини
босы ноги сапоги
кто ваш господин

вот такие пироги
отвечают ноги
мы не слуги как ни лги
словом брошены

стой где стóишь и реки
высоки пороги
в рукавах чюжой реки
гость непрошенный

в его левом рукаве
самобранка-скатерть

в его правом рукаве
самолет-ковёр

он стоит на голове
на краплёной карте
передернутой траве
шепчет заговор

А в твоём правом сапоге
невидимка шапка
А в твоём левом сапоге
жаркое перо

прыгнешь на одной ноге
ему станет жарко
прыгнешь на другой ноге
он уйдёт с добром

у меня ни серебра
ни ребра ни злата
у него полно добра
прыгай да тряси

что услышит старший брат
от меньшого брата
брать добро или не брать
ноги уноси

от жены от скважныны
на тюрьму на плаху
всем любому каждому
дана вольная

головы посажены
в чистыя рубахи
не хватает вражыне
полнолуния

между мертвых берегов
камень в лодку брошен
обжыгают рыбаков
рыба ворожба

не ищи себе врагов
господин хороший
растягаев пирогов
божья раба

1991

* * *

Мой друг, пройдемся по Москве!
Там сук нерезанных – две трети:
Они одни за все в ответе.
Мы, слава Богу, в меньшинстве.

Мой друг, пройдемся по Москве
Спокойно, сдержанно, беззлобно:
Там гроб парит над местом лобным.
Он, к сожаленью, в меньшинстве.

Мой друг, пройдемся по Москве!
Пожаром? Нет.
Дождем? Пожалуй...
Урал – опорный край державы.
Мы, слава Богу, в большинстве.

* * *

Кто считал чужие деньги,
Вызывает неприязнь,
Словно черный понедельник
Пригласил его на казнь.
Кто читал чужие письма,
Понимает, почему
Его жалобная песня
Облетела всю тюрьму.
Кто сказал, что мы чужие,
Говорит, что все равны...
Как мы жили, с кем дружили,
Не зависит от режима
Независимой страны.

Елена Фанайлова

* * *

Овидий разгребает снег в саду.
Весло, как деревянная лопатка.
Он вспоминает, к своему стыду,
Себя во время нервного припадка,
Что давеча случился с ним в покое:
Конвульсии, там, пена, все такое.

Он делает наклоны, как гребец,
Играя мускулами, загорелым торсом,
И на лице его горит рубец,
Оставленный лукавым царедворцем
(Проклятый уязвленный жеребец!)

Уже он статуя в саду метаморфоз.
Как леденцы, блестят осколки черных мидий.
В Европу темную увозит тепловоз
Тепло, но остающийся Овидий
Выходит в гибельную оттепель, в мороз.
Летают бабочки, как искры папирос,
В его оранжерее, радужке, ириде.

Виктор Цой

Время есть, а денег нет

Дождь идет с утра,
Будет, был и есть.
И карман мой пуст,
На часах шесть.
Папирос нет,
И огня нет,
И в окне знакомом
Не горит свет.

Время есть, а денег нет,
И в гости некуда пойти.

И куда-то все
Подевались вдруг.
Я попал в какой-то
Не такой круг.
Я хочу пить,
Я хочу есть,
Я хочу просто
Где-нибудь сесть.

Время есть, а денег нет,
И в гости некуда пойти.

Электричка

Я вчера слишком поздно лег, сегодня рано встал.
Я вчера слишком поздно лег, я почти не спал.
Мне, наверно, с утра нужно было пойти к врачу,
А теперь электричка везет меня туда, куда я не хочу.

В тамбуре холодно и в то же время как-то тепло.
В тамбуре накурено и в то же время как-то свежо.
Почему я молчу, почему не кричу? Молчу.
Электричка везет меня туда, куда я не хочу.

Игорь Емельянов (Чин)

* * *

веселые пчелы летают как пули
их крылья-восьмерки устало звенят
они возвращаются в сумрачный улей
и их пропуска проверяет солдат
лицо его скупое в нем мало движенья
а сбоку тулупа висит пистолет
он смотрит на фото и в то же мгновенье
в глаза направляет фонарика свет
бурчит «проходите» и пчелы проходят
свой день трудовой завершив до утра
они опыляли цветы в огороде
теперь отдохнут в угловатых шатрах
солдат закрывает все двери замками
ключи от замков тихо прячет в карман
при этом усердно стучит сапогами
чтоб знало начальство не спит ветеран

* * *

есть девочки красивые как пряник
а есть и неказистые как веник
но с ними не знакомится механик
все потому что не хватает денег
по свалкам он скитается в печали
и собирает мелкие детали
колесики пружинки и спирали
для девушки сработанной из стали
кусков асбеста деревянной стружки
химволокна технического хлопка
он формы своей будущей подружки
соединяет трепетно и робко
не Галатея но дитя порока
шальная интеллектуалка
поклонница поп-арта и арт-рока
кибероманка и спиритуалка
при этом в чем-то швейная машина
чуть-чуть танкетка и чуть-чуть конфетка
электроплитка пачка аспирина
перина и слегка кушетка

Инна Кабыш

* * *

Господи, вот он, покой, –
мысли густые, кисельные...
Вот он, выходит, какой:
дом, занавески кисейные.

Разве бывает полней?
Речка, ребенок, смородина...
Прочь от калитки моей,
родина!..

* * *

Цвела картошка у сарая
лиловым, белым, голубым...
Я в детстве так боялась рая,
где будешь ты любим любим
и устремят родные души
к тебе несметные стопы, –
я пряталась на старой груше.
...Я и теперь боюсь толпы.

* * * #

Там мой жених погиб,
свалившись с груши,
в конце каникул,
на излете лета...

Там делались глаза мои все суше
и наливались золотом ранеты.
Там пирога давала я улитке:
улитка ела,
а пирог все цел был.

И сука там лежала у калитки
с двумя щенками,
как трехглавый Цербер.

Вера Павлова

* * *

Сегодня я опять ничего не поняла.

* * *

дочки её
точки над ё

Подражание Ахматовой

и слово *хуй* на стенке лифта
перечитала восемь раз

Дмитрий Строцев

* * *

я хочу быть хорошим
очень хорошим
лучше всех

но я в небо подброшен
кем-то подброшен
жопой вверх

1989

1-я ступень демиурга

я имя трамваю задумал трамвай
он будет задумал по рельсам ходить
по городу станет маршрут совершать
поэтому имя такое трамвай
автобусу имя задумал другое
автобусу имя автобус задумал
задумал ему назначенье другое
он будет маршрут совершать автономно
но тоже удобный общественный транспорт
а впрочем я много диковин задумал
а много пожалуй еще не задумал
но думаю
 видишь ли это не просто
устройство задумать и дать ему имя

* * *

подумалось

а не написать стих
левой ногой

или другой ногой
правой

но чтобы стих был
корявый

без ритма
без какой-нибудь рифмы

да разве нуждаемся
воспарив мы
в каких-то там

формальностях

* * *

А...

когда тесно в трусах
(любимая, прости)
хочу тебя в лесах
нечаянно найти

вот просто так идти
по просеке лесной
и вдруг тебя найти
лежащей под сосной

поющей, на груди
пасущей муравья
так просто подойти
сказать: а вот и я

и чтобы ты сама
раздевшись догола
сводя меня с ума
трусы с меня сняла

* * *

летала по небу птица
и были у ней лица
красивые
мужское и женское

как
свет и тень
день и ночь
дочь и сын
инь и ян
иван да марья

простые открытые лица

это наша птица была
русская

* * *

Ёхалы-матахалы!
жили-были, не тужили –
тут пришел один с дубиной,
разогнал всех по углам:
я таперича жисть буду!..

Дык живи, живи, живи –
ёхалы-матахалы!
кушай пряник с медом,
с кутербродом,
с караваем,
чаем-
квасом запивай,
токмо нас не убивай!..

Тота-рота!
я, тыр-сыр-богатыр,
хошь в глаз,
хошь в ухо,
чеши-щекоти брюхо,
расчесывай,
токмо нохтем вострым не кивирай!
тля, саранча, падла...

Эвона жисть пошла –
ёхалы-матахалы!..

* * *

я хожу кругами за окном
за углом, кругами, за домами
что стоят напротив, за окном
я хожу кругами, размышляю
о высоком мире за окном
за углом напротив, за домами
где хожу кругами я с тех пор
как пропал из виду за углом
где хожу кругами за домами
что стоят напротив, за окном

я хожу кругами, размышляю

* * *

Хлебников – наш учебник,
собор трав лечебных.
Только нас не любили –
учителя убили.

Мы, дети, собираем жуков,
глядь: дядя В. Хлебников.
Мы к нему ручьи: Велимир!
А он молчит: Будьте людьми.

1999

Руслан Элинин

* * *

В стае воробьев
был воробей
Стая улетела
а он остался

1983

* * *

Ты можешь уйти
я могу написать о разлуке

Когда ты уйдешь
я напишу

1987

* * *

Можно говорят
просто любить

1988

* * *

Наверное ты красивая
Мне все красивое напоминает
о тебе

1988

* * *

уснул
при попытке понять

1988

* * *

Воспоминания всё ярче
с каждой ночью
Они давно затмили
наши встречи

1988

* * *

В тот день
я записал стихотворенье
Твой телефон

1989

* * *

Увижу ли (эпитет) водоем,
(Сравнение) лес,
(Метафора) поляну –
стихи слагать, вы думаете, стану?
Конечно стану,
только о своем.

* * *

Дальше
пытаться
выразить в словах

1991

* * *

У соседей
Музыка
Выходит я о ней

1991

* * *

Лес осени
опившись
тазепамом

1991

* * *

Пол-пятого
надо что-то делать

1991

* * *

Мы с тобой
еще знакомы

1991

* * *

Чего я не могу сказать

1991

* * *

эротика – это когда
на встречном эскалаторе
все остальное – порнография

1991

* * *

Я трезвый
не больной
сочиняю

1992

* * *

Я тебя позабуду
быстрее
чем

1992

* * *

Дождь, дождь, дождь, дождь, дождь.
Дождь с ветром.
Ветер, дождь, ветер, дождь.
Редкий, редкий дождь.
Редкий дождь.
Дождь, дождь, дождь, дождь, дождь.

* * *

Е. Пахомовой

Когда держишь в руках маленькую птицу и смотришь в ее глаза,
чувствуешь ладонью тонкие крылья ее.
Когда держишь в руках маленькую птицу становишься бесчувственным
к остальному.
Ко всему.
Кроме ее ключиц, да сбившихся перьев хвоста.
И только страх – недоброты, и только страх – нежности,
и только боязнь за себя:
прирученного к птице человека.

* * *

Ты наверное женщина –
я ненавижу людей.

1994

* * *

Я вчера возвратился домой.
И никто никогда не узнает,
что же дальше случилось со мной.

Виктория Волченко

Песня о генерале Дудаеве

О Генерале я сыну пою –
пейте, ядите:
«Вы победите нас в честном бою,
вы победите...»

Ванечка, Ванечка, земли важны
спеси и плугу.
Русские люди земле не нужны,
даже – друг другу.

Матери – горе, Аллаху акбар.
Смилуйся, Отче!
Били – татаре, черно – от бояр.
Спи, мой сыночек.

Буду с тобою я сказки читать,
Богу молиться...
Чтобы опричнику сына отдать –
пёсья столица.

Ты прочитаешь, как «Месяц плывет
Тих и спокоен.
А юноша-воин на битву идет...»
Юноша – воин.

Чтобы тебя у меня не украл
вепрь или мытарь,
тихо плывет над землей Генерал,
светом омытый.

Грозные горы с рассветом встают –
ш-ш-ш! Не будите. –
«Вы победите нас в честном бою...
Вы победите».

1997

* * *

меня боеприпасы
на хлеб для ребят из взвода
проклятую свою расу
расплескивая словно воду

уже наповал как в лодке
на бэтээре соседа
увидеть как сон короткий
кого везешь грибоеда

1997

* * *

У самого синего моря живет моя радость.
– Иди ты!
...Он носит часы золотые,
часы подарили бандиты.

Бандиты у моря гудели –
такого рыбак не забудет! –
стреляли друг в друга и пели,
и плакали.
– Бедные люди... –

Рыбак их кормил до отвала,
наутро отпаивал чаем.
И кто-то – часы золотые
ему подарил и отчалил.

Три трупа, консервные банки,
две гильзы и десять патронов
остались от сказочной пьянки.
Все море сотрет-похоронит.

Сверкают часы золотые
на смуглой руке волосатой.
С тех пор не звонит и не пишет
мне милый...
– Сама виновата.

1998

Екатерина Горбовская

Накануне совершеннолетия

Я кричу по ночам от ужаса,
Я от ужаса днем молчу:
Я боюсь, я боюсь замужества –
Не хочу, не хочу, не хочу!

Я хочу жить у папы с мамой,
Грызть морковку, вести дневник,
А мне снится все то же самое:
Пучеглазый чужой мужик.

Снятся комнаты неуютные
И большая кровать у стены –
Извели меня эти мутные,
Беспощадно дурные сны.

* * *

Шел пятый день любви, прошедшей даром.
Шел пятый день того, что год спустя
Я назову безумьем и кошмаром.
«Давай поженимся», – сказал ты мне шутя.

А этот день уже был на исходе,
И я, забыв про таявший пломбир,
Смотрела, как зареванных выводят
Детей из магазина «Детский мир».

Я не хотела видеть циферблата –
Твоих, моих и дядькиных часов,
Я восхищалась тем, что ты усатый,
И презирала тех, кто без усов.

* * *

Мы сидим в кафе «Метелица»:
Не роман, а так – безделица.
Мне вообще в любовь не верится,
А тем более – зимой.

Тот, кто весел, – пусть смеется,
Тот, кто хочет, – пусть добьется,
А тебе еще придется
Провожать меня домой.

У могилы

Говорят, что здесь мой дедушка.
Говорят, он бросил бабушку.
Говорят, уехал в Астрахань
И женился на другой.
Говорят, он пил запоями,
Говорят, он жил по-своему,
Говорят, с войны вернулся
С деревянной ногой.
Говорят, он стал художником,
Говорят, он бросил пить...
Говорят, что здесь – мой дедушка.
Очень даже может быть.

В поезде

Помидоры, сайра, пиво
И попутчик молодой.
Буду слушать терпеливо
Анекдоты с бородой.

И, забыв, что люди волки,
Полюблю я всех людей.
Кроме тетки с нижней полки
С ореолом бигудей.

* * *

Чья-то мама ищет сына,
Фрукты, море, пляж, загар.
Руки, ноги, плечи, спины.
Солнце. Солнечный удар...

Море сине, небо сине,
В синем небе самолет.
И женатому мужчине
Эта девушка в бикини
Будет сниться, сниться, сниться...
Будет сниться целый год.

Утром

Ты спал, как сурок,
Ты спал, как убитый,
Ты спал, как убитый сурок.

А я допивала свой чай недопитый
И воспевала порок.
Я верила в счастье, я верила в чудо –
Так часто бывает с утра...
Я вытерла пыль и помыла посуду –
Я верила в силу добра...

Я вспомнить старалась,
Как делают тесто, –
Хотелось сварганить пирог.
Какое красивое слово – «невеста»...
Ты спал. Как убитый сурок...

* * *

...Прийти на рынок без копейки денег,
Понюхать розы и потрогать веник,
И перепробовать все то, что разрешат –
Капусту, творог, мед и виноград,
Сказать, что мед – балованный, а творог –
Не так уж и хорош, насколько дорог,
И с чувством собственной законной правоты
Еще раз перенюхать все цветы.

* * *

Часы прабабки кукуют глухо.
В воздушных замках тепло и сухо.
А город полон сплошных дождей,
Ничейных кошек, чужих людей...

...Был город пасмурен, зол и сир,
И было в городе все не так...
А я мечтала исправить мир,
Но, слава богу, не знала, как.

* * *

...А живут они хорошо и дружно,
И не мудрствуя многосложно,
И если что ему от нее и нужно –
Так это чтобы ей было можно.

Сам Господь на них смотрит и радуется,
А они его ни о чем не просят:
И раскладушка у них раскладывается,
И пылесос у них пылесосит.

* * *

Город готики и статики,
Кирхи с крепкими дверьми,
Оловянные солдатики
С деревянными блядьми,

Кружевные занавески
И скатёрка на столе,
Никому не интересно,
Есть ли правда на земле.

*«Из мужского туалета –
кривоногий и хромой»...* –
Боже мой, откуда это?
Мама, я хочу домой!

* * *

А жизнь короткая такая,
Я, видно, зря к ней привыкаю
И обосновываюсь:
Хочу изучить клинопись,
Собирать живопись,
Занимаюсь гимнастикой, пластикой
И развитием вкуса,
Скупаю сережки, колечки, бусы –
То ли для пущей нарядности,
То ли от жадности.
И все время думаю,
Что когда-нибудь все кончится.
И не то чтобы страшно, а просто не хочется.

Юлий Гуголев

* * *

Папа учил меня разным вещам.
Он прививал мне любовь
к Диккенсу, к штанге, к сырым овощам.
Как он расстроен был, если не сам
чистил я обувь. «Готовь
с вечера книжки, клади их в портфель...»
Папа за каждой отметкой следил
так, что несчастный Давид Копперфильд
рыдал над бараньей котлеткой.
Я, как Давид, над кефиром рыдал.
В сущности, папа был прав.
Папа к кефиру любовь прививал.
Папа был, как Голиаф.

Папа учил, как стоять на лыжне.
Папа учил, как сидеть под водой.
Папа и в этом был прав.
В легкие воздух мятежный набрав,
папочку я опасался вдвойне
вместе с его правотой.
Папа к дыханью любовь прививал.
Помню, он в ванную как-то принес
чайник с подсолненным чаем.
Чай он в себя заливал через нос
и пояснял: «Выдыхаем...»
Сразу становимся мы здоровей».
Он как-то весь извивался, как змей.
Вижу я папин оскал.
Вижу, в ответ на безмолвный вопрос
волосы прут из ноздрей.
Он увлекался вольной борьбой
или французской борьбой.
Часто мне снится мучительный сон:
папа в кальсонах, а я без кальсон,
борется папа со мной.
Папа пытался со мною вдвоем
выучить вольный французский прием,
он как-то руки крутил по одной,
шею сгибал мне дугой.
Прием назывался тройной, нет, двойной
нельсон, нет, все же нельсон.
Папа любовь прививал к наготe,

спать приучал голышом.
Папа рассказывал о красоте,
папа вручал мне альбом,
там на страницах белели зады,
«Вот Аполлон... Вот Геракл...».
Это был неописуемый стыд.
Я от стыда чуть не плакал.
Потом я заплакал в какой-то момент,
потом я его попросил: «Перестань!»,
и папа почти перестал, –
в тот миг восхищенному взору предстал
не виденный ранее мною фрагмент
женских турецких бань.

Папа со мною гулял по Москве,
по Подмосковию гулял.
Вот как-то, помню, пришли мы в наш сквер.
Он двухколесный «Орленок» достал,
он говорил мне «Вперед!»,
я же «Сворачиваю!» кричал,
«Я те сверну...», – мне отец отвечал.
Я был уверен – свернет.
Может, не очень удачный пример,
только, от ужаса оцепенев,
вижу асфальта зубастый рельеф,
прет из разломов трава,
няни младенцев зовут нараспев,
восемь кругов остается.

Как же над нами смеется весь сквер.
Как же над нами смеется Москва,
все Подмосковье смеется.

* * *

Ой, даже прямо не знаю, что сказать.
Это было полной неожиданностью.
И главное – так зло, с таким нажимом.
А главное – чего? почему? с какой стати?

Кстати, этого следовало ожидать.
В принципе все к этому и шло,
потихоньку так, потихоньку, и так далее.
Нет, ну главное, с таким нажимом и так зло.

Еще повезло, можно сказать, слава богу, все живы.
Еще повезло, говорю, слава богу, все живы, можно сказать.
Нет, ну это было полной неожиданностью.
Ну я даже прямо не знаю, что сказать.

Григорий Дашевский

Нескучный сад (1)

Справа невидимая река.
Улицы гул по левую руку.
И муравей проползает по буквам
фразы: *и царь, объезжая войска,*

видел... Кленовая тень легла,
прорези неба легли на страницу.
Шелест послышится, и шевелится
плоский узор добра и зла,

спрятанный в книгу, если сквозь строк
поступь проникнет сандалий узких
в чередованье прозрачной и тусклой,
в шорох листвы о жесткий песок.

Лето 1986

Шкаф

Я потерял от шкафа ключ,
а там мой праздничный костюм.
Скажи мне *нет*, скажи мне *да*
теперь или никогда.

Я не могу придти к тебе
в другом костюме, не могу.
Скажи мне *нет*, скажи мне *да*
теперь или никогда.

Я не могу спросить тебя
в другом костюме, не могу.
Скажи мне *нет*, скажи мне *да*
теперь или никогда.

Мой праздничный костюм, ты здесь –
но не могу тебя надеть.
Скажи мне *нет*, скажи мне *да*
теперь или никогда.

Ковер

«Давай, ты умер» – «Да сколько раз
уже в покойника и невесту» –
«Нет, по-другому: умер давно.
Пожалуйста, ляг на ковер, замри.

Нету креста, бурьян, но я
бываю и приношу букет.
Вот чей-то шелест – не твой ли дух:
я плачу, шепчу ему в ответ» –

– «Лучше я буду крапива, лопух:
они лодыжки гладят и щиплют.
Новое снизу твое лицо –
шея да ноздри да челка веером».

Тихий час

Тот храбрый Сильвестра Сталлоне или
его фотокарточки над подушкой,
кто в глаза медсестрам серые смотрит
без просьб и страха,

а мы ищем в этих зрачках диагноз
и не верим, что под крахмальной робой
ничего почти что, что там от силы
лифчик с трусами.

Тихий час, о мальчики, вас измучил,
в тихий час грызёте пододеяльник,
в тихий час мы тщательней проверяем
в окнах решетки.

Близнецы

Н.

Близнецы, еще внутри у фрау,
в темноте смеются и боятся:
«Мы уже не рыбка и не птичка,
времени немного. Что потом?
Вдруг Китай за стенками брюшины?
Вдруг мы девочки? А им нельзя в Китай».

Андрей Корф

* * *

Пришли слова в письме:
«Прощай. Писать не смей!»

И пел сверчок в степи:
«Террпи, террпи, террпи...»

1981

* * *

В парижских улочках Москвы
Никто не жарит мне каштаны,
И не побалует, увы,
Табачник пачкою «Житана»,

И разноцветная афиша
Не приглашает в казино...
Но не играют в домино
В московских улочках Парижа;

И настроение не то,
И не увидишь там на даме
С такими чудными глазами
Такое старое пальто.

1986

* * *

Мы живем в страшном мире,
Где троллейбусы ходят до двенадцати,
А люди любят до тридцати.

Конечно,
Бывает троллейбус и в два часа ночи,
Но где взять силы его дожждаться?..

1987

Егор Летов

* * *

Кругом
тихий смех из-под земли.

1983

* * *

Птички весело порхают
В розоватых небесах
К тому же они весело порхают
В розоватых небесах.

1985

Хороший автобус

Плохие деревья, плохие дома
Такие плохие кусты
Такие плохие какие дома
Особенно эти кусты

А хороший автобус уехал без нас
Хороший автобус уехал прочь

Такое ужасное время воцпе
Такие ужасные дни
Такое оно это время воцпе
И эти, которые дни

А хороший автобус уехал без нас
Хороший автобус уехал прочь

Такие они негативные мы
Такие крутые дела
Так значит такие которые мы
К тому же такие дела...

А хороший автобус уехал без нас
Хороший автобус уехал прочь

* * *

Когда я умер
Не было никого
Кто бы это опроверг.

1988

* * *

На что я молюсь?
На цветущие яблони я молюсь
Да на майские ливни знобящие
Кресты кладу – словно саблей наотмашь
Кланяюсь – землю давлю белокаменным лбом
Смерть выдавливаю из земли
И сам Господь за мной поспешает
Ходит Господь за мной по пятам
С писаной торбой
То дорогу перебежит
Закричит захохочет
То рублём одарит
То под самым носом нагадит
То ужаснётся
А то руку пожмёт скажет:
«Ну ты и мудак».

1994

* * *

Небо цвета мяса
Когда ты споткнулся
О мёртвую мышь.

1994

* * *

Ибо ежели бывает
То бывает хорошо.

1996

Елена Тиновская

* * *

А чё у вас скрипач на крыше, не на земле?
Таков обычай иль просто вышел навеселе?
На ветродуе в одной рубахе над всей братвой.
Спускайся, дурень! Сорвешься на хер вниз головой!
Крыша – не сцена, лабух – не птица, а жизнь – цена.
Ведь стоит в музыке позабыться – шаг, и хана.
Что за прогулки в запретной зоне по полосе?
Ты будь попроще, живи в резоне, ходи как все.

* * *

И горло у меня не пересохло –
Сознание притихло и оглохло,
И внутренний рассказчик замолчал.
Промытый город, видимый сквозь стекла,
Стоял и ничего не означал.
И боль слегла, лежала, не болела,
Я говорить могла и не хотела,
А только все глядеть перед собой,
И так сидела в кухне и смотрела
На стул, на стол, на чайник голубой.

* * *

Я Пушкина не спас!
А Пушкин был в запое.
Он мне кричал при всех:
«Ты – бездарь! Ты – говно!
Уйди, совсем уйди, оставь меня в покое!»
Я встал, хотел уйти, подался к двери, но
Был Пушкин одинок,
как маленькие дети,
Читал свои стихи и плакал над собой.
А этот человек и вправду был на свете
Единственный поэт, не то что мы с тобой!
Бля буду! Буду бля! Когда-нибудь да буду!
Когда я буду бля, я всех собой спасу,
Я стану всех любить, и Пушкина,
паскуду,
На трепетных руках над миром вознесу.

Татьяна Нешумова

* * *

Дома выражают усталость ветров.
Ветровки – усталость хозяев.
А я выражаю усталую бровь
Подруги уснувшей, озябнув.

Еще выражаю, как скучно теперь
Сидеть и смотреть на листок.
Жду: может быть, скрипнет тяжелая дверь.
Но нет, не приходит никто.

Вот муха скользит по улыбке ее.
А я все сижу на полу.
И брови рисую, и медленный рот,
И скошенный глаза каблук.

Я плачу: мы будем такими, как все,
Таковыми, как дождь или чай.
Но дух мой летает, как воробей,
Малиновым сердцем стуча.

1982

* * *

В какое-то заброшенное платье
Заброшенное тело погружу
И выдохнусь. И путь освобожу.
И между мной и прочими людьми
Связь установится деревянная.
И пойдет дождь лить по дороге.
Там, где липы цветут и цикорий.
О каком горе может идти речь?
Ни о каком горе.

1984

* * *

Я существо в обнимку с попрыжком.
Тебя здесь нет, и я живу зажмурясь,
Босой ногой нащупываю холод
И становлюсь калейдоскопом дел.

1984

* * *

Как живет кипяток на огне,
Так и кактус живет на окне.
Так и дерево мчится под землю,
Так и солнце садится в дома.

Март кончается. Снег во дворе
Превращается в черных ворон.
Начинается ветер, затем
Начинается дождь, и затем
Начинается день, и затем
Продолжается он до конца.

1985

Грузинское стихотворение

Я нарисую на зимнем стекле
Пальцем горячим лицо тамады.
И сквозь барашки его бороды
Вырастет чудная, зимняя ветвь.
И среди веточек тонких ее
Вырастет лето и лопнет, как мак.
И рыболовная сеть, как гамак,
Там затрепещет, где море поет.
И в рыболовной сети стая рыб
Участь свою запоздало поймет
И перед смертью своей запоет
(Души от слез, словно жабры, мокры).
Медленней, чем черепаха, сползет
По красной щеке голубая слеза.
И меня тамада позовет,
Голова отвернется назад,
И мороз, улучив подходящий момент,
Заштрихует травую лицо тамады.
И я вздрогну, увидев сквозь лица и дым
Лица рыб на уставленном пищевой столе.

* * *

Была большая благодать.
Над ней летала важно птица.
Вчера еще была большая –
Сегодня – я уже никто.
Вчера не знала ничего.
Сегодня просто – ничего.
Когда опять я стану птицей,
Где будет эта благодать ?

* * *

Вот ходит птица воробей.
Она умеет быть нептицей.
В то время как, ее свидетель,
Я не умею просто быть.

* * *

Ни для чего мои стихи. А просто так, чтоб жить.
Ты долго смотришь на меня – но просто так, чтоб жить.
А я обычный человек. Всему своя вина.
Я патриот. Мне из окна вся улица видна.

* * *

Машуку

Предстать «Кувшинками» на выставке Monet –
Не метонимия, а жизни цель и благо.
Беги скорей, мой голубок, ко мне:
Вот кисточки, вот краски, вот бумага.

Как этот перескок осуществить?
Не знаю я, да и никто не знает:
Ни тот, кто долго краски растирает,
Ни тот, кто в этих красках будет жить.

Пусть не знакома я с секретом пчел
И тайна тины мне не по плечу –
Лягушка квакает в ладошке ни о чем,
Стрекозьи крылышки – окошечки лачуг –

Переливаются, и я тебя веду
Быть зрителем кувшинок на пруду.

Виктор Смольный

Лицедеям мира (лицедеям Помпеи)

Вентрилоквисты, вертихвосты,
Полувоздушные гимнасты,
Поэты, клоуны, флейтисты
И прочий ненадежный люд –

Они выходят на помосты,
Они чванливы и горласты,
Они трясут свои монисты
И песни громкие поют.

Комедианты, арлекины,
Жонглеры, карлы, великаны,
Блистательны, как полу-феи
Иль как болотные огни –

Они стремятся опрокинуть
Всё, что построено веками,
И даже в гибели Помпеи
Виновны именно они!

На красных глиняных сосудах,
На мозаических фасадах
Они всегда, везде и всюду
Бездумно плятятся во мрак...

Распространители простуды,
Шуты, безумцы, непоседы,
В козлиных масках, с головами
Коней, драконов и собак!

Во всех решениях поспешны,
Смычку волшебному послушны...
Но кто смычком по струнам мажет
И громом отбивает ритм?

Кому, кому во тьме крошечной
Они обряды тайно служат?
Как ни пытай – они не скажут,
Зажав в зубах обрывки рифм.

Они ласкают наши груди
Змеиной, чешуистой лаской,

Они выходят на подмости,
К дверным коробкам прислонясь...

И затихает шум, и люди
С себя в слезах срывают маски,
Пока расплавленная лава
На них с небес не пролилась.

Будогощь

С утра – сигналы топора
В древесно-стружечном эфире
И петушиное «ура»,
Помноженное на четыре.

К полудню – отдых в гамаке,
Ячменный кофий из лабаза
И полосатое пике
Шмеля, глядящего вполглаза

На смерч велосипедных спиц;
Грунтовый тракт в лугу бездонном,
Желание вонзиться ниц
В небесный свод со сладким стоном;

И к вечеру, когда затих
Гул голосов и свет неровен –
Тягучий запах золотых,
Прожаренных на солнце бревен.

Алексей Ахматов

* * *

В квартире, словно в скорлупе,
Не зажигая свет
Хожу, шепчу под нос себе,
Что защищен от бед.

В орех как гусеница вполз,
На ниточке вишу
И замираю в сотнях поз,
Когда услышу шум.

Ввергают в ледяной испуг,
Щекочут позвонки
Вой лифта и в парадной стук,
К соседу в дверь звонки.

Вдоль стен на цыпочках брожу,
Шуршу в черновиках,
Как над ребенком весь дрожу,
Укачиваю страх.

Я чувствую, что некто ждет...
Вот к уху он поднес
Мое несчастное жилье.
Его дремучий мозг

Ворочается тяжело
И капает слюна.
Он думает, где взять сверло,
Чтобы достать меня.

Марина Георгадзе

* * *

Зачем раздавили жучка, что бежал по стене?
Зачем наступили на травку с невзрачным цветком?
– я плакала в детстве, и было так горестно мне
как будто случилось все то, что случилось потом.

Как будто наплыли уже черно-белые дни,
и ты как душа умерла, ты как тело ушел.
Как будто за то, что жучка раздавили они
не будет уже никому никогда хорошо.

* * *

Я больше не спасаюсь и не жду.
Я не ищу ни счастья ни дела.
Вот я рубашку белую надела
и люди думают что в ней иду
на свадьбу,
что сбежала из больницы,
тюрьмы; что завтра у меня война.

Прекрасный белый цвет на всё годится.
И каждая догадка их верна.

* * * #

муравей с личинкой и муравей с головой слепня
лезли вверх по горе,
выбираясь из следа коня.
Я упала во сне,
пытаясь понять про время
и проснулась, дернув ногой,
ничего не поняв.

(Аризона. След динозавра)

Машина умерла под Туба-Сити
где хопи на столах огромных жили,
насилно вдетые в своих врагов навахо,
как центр мишени в семь кругов пристрела.

К нам вышел человек с бензоколонки.
По почве красной, тверже чем железо,
шел, увеличиваясь с каждым шагом.

И подошел, и утешал фальшиво,
как раковых больных, но оказалось,
что нужен был всего глоток бензина.
И он пошел обратно, уменьшаясь.

И мы увидели, взгляд уронив случайно,
на почве красной, тверже чем железо,
огромный след, трехпалый и глубокий.

И испугались, не поняв сначала,
что вовсе и не он его оставил.

1994

* * *

Вот: любовь сделает тебя красным.
А потом она сделает тебя черным.

И свобода сделает тебя прозрачным.
А память сделает тебя зеленым.

И что застрянет от всех любвей:
– черные ветки, зеленые листья.

Как будто и не было никаких людей в твоей жизни.
Как будто их и вообще не бывает, людей.

1996

Памяти негра

Где тот негр, который был нашим ангелом-хранителем?
Увидел, как мы целовались на улице
и крикнул вслед одобрительно.
По черной коже нью-йорка он ходит,
хороший ниггер.

Я все время боюсь теперь,
когда мы движемся как две статуи:
заметит, вспомнит, вздохнет и буркнет: «понятно»
– и отвернется навек,
и станет белым на миг.

Янка Дягилева

Печаль моя светла

Я повторяю десять раз и снова –
Никто не знает, как же мне хуёво
И телевизор с потолка свисает
И как хуёво мне никто не знает
Всё это до того подзаебало
Что хочется опять начать сначала
Куплет печальный, он такой, что снова
Я повторяю – как же мне хуёво.

1986

Декорации

Фальшивый крест на мосту сгорел
Он был из бумаги, он был вчера
Листва упала пустым мешком
Над городом вьюга из разных мест

Великий праздник босых идей
Посеем хлеб – соберём тростник
За сахар в чай заплати головой
Получишь соль на чужой земле

Протяжным воем весёлый лай
На заднем фоне горит трава
Расчётной книжкой моё лицо
Сигнал тревоги – ложимся спать

Упрямый сторож глядит вперёд
Рассеяв думы о злой жене
Гремит ключами дремучий лес
Втирает стёкла весёлый чёрт

Смотри с балкона – увидишь мост
Закрой глаза и увидишь крест
Сорви парик и почувешь дым
Запомни – снова горит картон

1987

Я стервенею

Я неуклонно стервенею с каждым смехом, с каждой ночью
С каждым выпитым стаканом
Я заколачиваю двери, отпускаю злых голодных псов
С цепей на волю

Некуда деваться – нам остались только сбитые коленки

Я неуклонно стервенею с каждым разом

Я обучаюсь быть железным продолжением ствола,
Началом у плеча приклада

Сядь, если хочешь, посиди со мною рядышком на лавочке –
Покурим, глядя в землю

Некуда деваться – нам достались только грязные дороги

Я неуклонно стервенею с каждым часом

Я неуклонно стервенею с каждой шапкой милицейской,
С каждой норковой шапкой

Здесь не кончается война, не начинается весна,
Не продолжается детство

Некуда деваться – нам остались только сны и разговоры

Я неуклонно стервенею с каждым шагом

Я неуклонно стервенею с каждым разом

Я неуклонно стервенею с каждым часом.

1988

Стаи летят

Под руки в степь, в уши о вере

В ноги поклон – стаи летят

К сердцу платок, камень на шее

В горло глоток – может простят

Ленту на грудь столько искали

Сжатые рты – время, вперёд

Крест под окном, локти устали

Знамя на штык – козёл в огород

Серый покой, сон под колёса

Вены дрожат – всё налегке

Светлый, босой кукиш у носа

Рядом бежать на поводке!

Вечный огонь – лампы дневные

Тёмный пролёт, шире глаза

Крепкий настой – плачьте, родные

Угол, свеча, стол, образа

Под руки в степь

Стаи летят

Может, простят

1987

Евгений Заугаров

* * *

Тебя можно только нарисовать
или сказать о тебе,
обладая для этого определенными
навыками, привычками. Чаще –
невозможно ни то, ни другое.
Остается какой-нибудь
колченогий стул
со сломанной спинкой,
свежезаваренный чай,
кассета с любимой музыкой,
семь долгих ночных часов.

Вообще-то я привык тебя видеть,
разговаривать с тобой.
Когда я протягиваю руку
к тебе, я понимаю что это ты.
Ты всегда пахнешь чем-то знакомым.
Слова твои насмешливы,
любовь твоя непонятна.
Я всегда этому удивлялся.

1995

* * *

Присмотревшись повнимательнее к пыли,
накопившейся на внутренней панели
телевизора, который я купил
десять месяцев назад, я прихожу
к утешительному выводу, что эти
десять месяцев действительно прошли.

Нет, я вижу перед собой такую пыль,
по сравнению с которой... я не знаю,
толщина которой ясно говорит,
что куда там десять месяцев твоих...
Все прошло. Не начиналось никогда.

1997

* * *

Тот ларек, где на продажу были выставлены очень дорогие коньяки, примерно раза в полтора превышающие в стоимости те же коньяки, продающиеся рядом, в продовольственном, закрылся.

Манекены, размещенные в витрине магазина «Братислава», расположенного около ларька, недовольны прекращением торговли коньяками, солидарны с оштрафованным владельцем магазина.

Манекен, изображающий мужчину, смотрит так, словно хочет то ли плюнуть, то ли выругаться матом. А у бабы под улыбкой (под подобием улыбки) до поры надежно спрятаны пластмассовые зубы.

1997

* * *

Там, за окном, вечерняя звезда.
Как ей, должно быть, одиноко
на небе. Потому и смотрит в окна
звезда. На кухне из-под крана
невидимая капает вода.
Труба поет цитату из Корана.
Темно в прихожей. Спать ложиться рано.
Будильник свой на восемь заведу
и лягу головой на юго-запад
(так лучше видно звезды). На виду
одной из звезд. Дивана пыльный запах
и скрип пружин. Диван, семидесятих
лет изготовления, увечен.
И человек на нем пятиконечен.

1997

* * *

Во рту у желтой рыбы,
живущей в теплом море,
чем глубже, тем светлее.

1997

* * *

Ночная бабочка летает...
Все в этом мире существует
для утешенья моего.
И за окном моим светает,
и ветер утренний волнует
проснувшееся божество.

Идти куда-то – что за глупость!
На завтрак есть такую гадость!
И с незнакомыми людьми
встречаться, сдерживая грубость,
прощаться, сдерживая радость
прощанья с ними, черт возьми!

1998

* * *

Луна своим видом показывает,
что не было тех миллионов лет,
в течение которых она
из бесформенной каменной глыбы
превращалась в шар...
Если подойти к луне
на близкое расстояние,
можно оглохнуть от грохота,
происходящего вследствие
ее перемещения во вселенной.
С поверхности земли
мы глядим на луну,
будто на фотографию.

1998

* * *

Кажется, еще немного, и я не выдержу,
оставлю всякие попытки вытащить
кашу, застрявшую меж деснами и щекой.
Никто никогда не узнает кто я такой.
Но язык тем не менее движется, совершая
этот великий подвиг, как гусеница большая.

2000

Сергей Зубарев

* * *

эх говорю эх
эх говорю эх
в ад попадешь в ад
в ад говорю попадешь
в ад
 машинист бзыкин
фу говорит фу
фу говорит фу
в аду говорит живу
в аду
 говорит фу
машинист бзыкин
судьба говорю судьба
судьба говорю судьба
такая тебе судьба
вот
 машинист бзыкин
гад говорит гад
гад говорит гад
пшел ты гад
гад пшел
 гад
говорит
 – в – ад
бухой
машинист
бзыкин

* * *

и каждый тянет одеяло на себя
и я все не привыкший почему-то
зачем-то на морозе голяком
а значит нам нужны другие люди
которые поделятся теплом
и скажут нам при этом
«ну спасибо!
 а то б сгорел я!
ты еще не пепел?»
нет ты не пепел ты еще мороз

Игорь Караулов

Баллада

Ко мне приبلудилась бродяжка-музыка,
Когда я к дому кошелки нес –
Простая, как воровская «Мурка»,
И верная, как шелудивый пес.
Ускорив шаг, огибая здания,
Кивнув соседскому костылю,
Я не отвяжусь от нее – от знания,
Что я до сих пор тебя люблю.

Ты можешь родить второго, третьего
Ребенка, удвоиться в толщине,
Морщинки свои поменять на трещины –
Провалы в памяти обо мне.
Ты можешь клясться – рукой к Писанию –
Что ты не родня моему ребру,
Уехать в Израиль – да хоть в Танзанию,
Но я все равно тебя люблю.

Не крепче – тоньше. Острее лезвия,
Апрельских вкрадчивее лучей,
Живого голоса бесполезнее
И терпеливее кирпичей.
Другие лечатся лёвembroями,
Шагают кумами королю.
Другие – дачи себе построили,
А я до сих пор тебя люблю.

Бреду маньяком с улыбкой дикою
За тенью, что вдалеке рябит.
Не озирайся же, Эвридика,
Мы ведь еще не пришли в Аид.
Все лето пела стрекозка-смертница,
С понтом – не слышала приговор.
Иголка скачет, пластинка вертится
И я до сих пор – до сих пор – до сих пор...

2000

Владимир Марков

Вторая любовь В. Маркова

Я три дня не просыхал,
Был по пьяни бит
Протрезвел с постели встал,
Я слегка не брит.

Пью я редко, иногда,
Но люблю я пить.
Голова болит слегка,
Я слегка не брит.

Встречусь я с моей родной
Мы пойдем по стрит,
Впрочем я ведь чуть живой
И слегка не брит.

Буду я с тобой гулять
Меж бетонных плит
Я хочу себе сказать,
Что слегка не брит.

Повалив тебя скажу –
Голова болит.
Ты ответишь не спеша –
Ты слегка не брит.

Павел Пепперштейн

* * *

Ты думала, это мишка
Плюшевый и простой

А это черная книжка
С таинственной душой

Ты думала, это поезд
Нас в дальние страны везет,

А это мерцающий пояс
Застегнутый наоборот.

Ты думала, дальние страны
Есть где-то на этой земле,

Но дальние страны – туманы
Осевшие на стекле.

Ты думала, это котик
На кухне из блюдечка пил,

А это чудовищный ротик
Всю душу мою проглотил.

Ты думала, это могила
Чужого тебе старика,

А это я, твой милый,
Лежу неподвижно пока.

* * *

Не степной я волк, не орел лихой
Я простой человек, я старик больной.

Я рабочий ночей, я поэт души
Подойти ко мне
Не спеши, не спеши.

Я младенец лет, я безумец дней
Я пятнадцать столбов и тринадцать пней

Я ручная пила, я гнилые дрова
Я на хлебе пыль, я во сне трава

Я чаёк в ночи, головная боль
Я кусок парчи, молодая моль

Не орел лихой, но крылат навек
Я больной старик, я простой человек.

* * *

Мальчики на девочек набросятся,
Те – бежать в зеленый зоосад.
В клеточки к зверям они попросятся,
Спрячутся за прутьями оград.

Их бобры прикроют спинами,
Белый мишка станет охранять,
Вечерами и ночами длинными
Попугаи станут развлекать.

2000

Юлия Пивоварова

* * * #

Вброд переходим мы хладную воду.
Впрок закупаем еду.
– Ярмарка, Вася, идем к народу!
Он отвечает: – Иду...

Вот мы подходим, золотом платим...
Вася купил карабин.
– Вася! Купи мне платье.
Красное, словно рубин!

Это я пользуюсь женской властью.
Месяц завернут в фольгу.
Месяц слоняется по небу...
– Вася!
Вася, купи коньяку...

Холодно ночью мулатке в палатке.
Ветер гуляет в песках.
– Васька! Купи мне платье
Красное, как Москва.

* * *

(духовные стихи)

Вот волны голубой кисея
Отделила меня от ерша.
От души отделяюся я,
Обернулася рыбой душа.
Уплывай, уплывай, уплывай,
Ледяная и злая душа!
И на Господа не уповай,
Уплывай по воде Иртыша.
Я остануся на берегу.
Я собаку свою позову.
Я с овчаркой своей убогу
Прочь от речки, в которой живу.
Пусть поймают ее на крючок!
Пусть проглотит ее Рыба-Кит!
Пусть ее ярко-красный зрачок
Под водой голубой отгорит.

* * *

– Так. Так, – заметил циферблат.
– Ту! Ту! – пропела электричка.
– Пойду! – вскричал дегенерат.
– Бардак, – шепнула истеричка.
– Сентябрь... – задумался разведчик.
– Обед! – опомнились бичи.
– Война, – сказал автоответчик.
Ему сказали: «По-мол-чи».
– Война, – сказал автоответчик.
Ему ответили: «Заткнись!»
– Война, – сказал автоответчик.
– Любовь! – воскликнул онанист.
– Весна... – откликнулась Татьяна.
– Сентябрь, – напомнил ей разведчик.
– Война, – сказал автоответчик.
– Свободу слову! – крикнул пьяный.
– Алкаш... – нацелился дружинник.
– Дружинник... – сплюнули подростки.
– Я ваш, – признался дачник жирный
Своей знакомой в крепдешине,
Она ответила: «Как просто!»
И, помолчав: «Еще не вечер...»
– Пять двадцать, – уточнил разведчик.
– Война, – сказал автоответчик.
– Война, – сказал автоответчик.
Зал ожиданий тонет в болтовне:
То смех, то стих, то песня, то икота,
Вот подошли поговорить ко мне
Два дружелюбных пожилых якута,
Один из них мне свой секрет доверил...
Вокзал впитал в себя сырую мглу...
И автомат Калашникова древний
Автоответчик разбирал в углу.
Одно и то же он твердил устало,
И не был он ни вещим, ни зловещим,
Но тут пришли два темных санитара
И говорят: «Пойдем, автоответчик,
Ты нам ответишь, ты за всё ответишь...»
И он в ответ: «Конечно, я отвечу...»
Слова смолкают, превращаясь в ветошь,
Теряют суть понятия и вещи.
Мы слышим, как скрипят его пружины.
Мы мучаемся чем-то вроде жажды.
Любой из нас готов отдать полжизни,
Чтоб этот вечер повторился дважды.

Виталий Пуханов

* * *

Крестьянин, сей земную малость
И смыслом душу утруждай,
Но Крабовидную туманность
Не обижай.

Туда никто не забредает
И грустных песен не поет,
Она росой не выпадает
И облаков не создает.

1988

* * *

Боже, храни колорадских жуков,
Не отдавай их на милость
Из полосатых твоих пиджаков,
Бережно сшитых на вырост.

Дай им картофельного молока –
Чаши они не осушат.
И к сентябрю унеси в облака
Их шелестящие души.

* * *

Психиатрический больной
В тиши больничной заповедной
Делился тайнами со мной –
Я повторял: «О бедный, бедный!»

Совсем как нерожденный стих,
Замученный в беззвучном теле.
Он был для жизни слишком тих.
Три года не вставал с постели.

Но говорил, суров и строг,
Что он пророк и принц наследный.
И знает Имя, смысл и Срок.
Я повторял: «О бедный, бедный!».

Владимир Важенин

* * *

Душистой черемухой пахнет
В деревне цветущей моей,
И вдруг из ружья кто-то бахнет,
Пугая красивых коней;
Пасутся там за рекою,
На том берегу, что в тумане.

* * *

Погода скверная такая,
Осенний дождь стучит в окошко,
Одолевает опять тоска,
Я вспоминаю как в лукошко
Я собирал грибки в лесу,
А рядом бегал пес мой верный,
Похожий очень на лису...

* * *

Я ложусь обычно в полночь,
Выпив пару рюмок водки.

Шиводаев Санька

Шиводаев Санька
Полюбил безумно
Иванову Маньку.
Ходит с ней в кино.

Он поет ей песни
Про свои мечты,
Радуется жизни,
Травит анекдоты.

Манька вся в восторге
Сашеньку целует,
Она служит в торге
И не просыхает.

* * *

Всякие проклятые машины
Едут все куда-то за окном.
Вот проткнуть бы им, к примеру, шины.
Что бы они делали потом?

Я не знаю.
Но наверно бы стояли,
А шоферы грелись у костров.
Их бы жены дома крепко спали,
Напоив и подоив коров.

* * *

В автобусе полном,
В автобусе желтом,
Малыш на коленях
У тети сидит,
Обвязанный розовым шелком.

Октябрь

Календарь октябрь листает,
Березки в золоте стоят,
И грач печально улетает,
И гуси медленно летят.

Холодным ветром дует север,
Река укрылась под ледком,
Листвой засыпан летний сквер,
Медведь питается медком.

Пастух коров не выгоняет,
Они в хлеву мычат упрямо,
Собака рыжая линяет,
И все проходят ее мимо.

Кукушка больше не поет,
В ее гнезде живут синицы,
Хозяин им зерна дает,
Он очень любит мех куницы.

На небе тучи,
Моросит,
На огороде соломы кучи,
Сиверко смелый их разносит.

Николай Звягинцев

Несуществующая фотография

Мне грустно, что я попался.
Касаюсь твоей щеки.
От холода стынут пальцы,
Как завтрашние катки.

А взгляд безнадежно летний,
Как будто июнь палит
И снова растут деревья
Из вытоптанной земли.

1984

* * *

Крас. кирпич и шепот мела,
города в товарняке.
Из чесночного предела,
из царапин на руке,
Буковиной оробелой
в путь во Францию, к реке,
Пауль Целан вышел в белом
отложном воротничке.

Там стоит Париж-кораблик
и глядят глаза гуляк,
там с растениями на равных
люди ходят по полям.
Сядь за столиком игральным,
на диванчике приляг,
и гортани ствол сакральный,
красным лесом шевеля,

с указующей гримаской,
выбрав якорь, повлечет
холод чувственных согласных,
имена наперечет,
голоса у входа в ясли,
отложной воротничок
у того, кто, будто в масло,
входит в зеркало плечом.

* * *

Мимо жаждущих охоты,
Под троллейбусной дугою
Лето едет, как колготы,
Вдоль Серебряного Бора.

Чьей-то лодочки пропащей
На свету не достигая,
Продвигается купальщик
Граммфонными кругами

Вдоль строительного леса,
Недостроенного сада,
Как веревочка-довесок,
Как собака покусала.

1992

* * *

Украинская сметана, мой любимый замполит!
Снегирева капитана зима хочет застрелить.

А он пальцами обрывок, будто кожу на руке,
Как просакивает рыба сквозь подземный турникет.

* * *

Давний табачник с родины Грина,
Богатый жилистый караим!
У стольких женщин имя Ирина,
Назвал папиросы только твоим.

Кому-то стихов, серебряных ложек,
Взгляда в окошко в спину Христу,
А ты теперь дым, пацаны с подножек,
Два миллиона за двадцать штук.

Выверни крылья, только едва ли
Будет из искр прощальный салют.
Но чтобы услышать, как тебя звали,
Плавал же Крым вослед кораблю.

* * *

Дама в море, два замаха,
Дивно шляпа хороша.
Как табачная бумага,
Мерзнет кошкина душа.

Хочешь пробку на излете,
Вроде третьего крыла,
Серой штуки переплета
Разбеганье пополам.

Можно к пепельному саду,
Можно к мокрым волосам.
Видишь, поле провисает,
Справа – слева полоса.

Сколько высохшей малины,
Сколько яблок высоко,
Сколько строчек белых – синих,
Как обложек моряков.

* * *

Билет троллейбусный, след известки,
Костер мороза в комке слюны,
Друзья и девочки – переростки
Из пробегающей стороны.

Прошу у Господа подоконник,
Повязку плотную на глаза.
Я листопадом его стекольным
Пройду, как Веничка, на вокзал.

А там от двух или трех Германий
Прижмет вагонное прядь ко лбу,
И сразу станет костром бумага,
И будет видно кому-нибудь,

Моя любимая, сколько нервов,
Чужого голоса за дверьми,
Где пыль на всем, и серое небо,
Быстрое небо ранней зимы.

* * *

В городе канатная дорога,
Солнышко и мало голосов,
Влажная раскопанная Троя
С белым деревянным колесом,

Виды театрального романа,
Завтрак и сухая пастила,
Масляная тонкая бумага
Цвета законного стекла.

Утро, до него наперсток соли,
Мало-мало соды на ноже.
Поручни, крыла его, рессоры
Спят еще в воскресном гараже.

Выстрелишь – и заспанное древо
Бросится на солнечный фасад
Парою начищенных тарелок,
Только что сомкнувших паруса.

* * *

Люблю меняться с тобой местами,
Искать врага,
А ты вся пепельная, пустая,
На трех ногах.

Бывает так, что изнанка года,
Но я солгал:
Мы не готовы к такой свободе,
К таким ногам.

Псой Короленко

Грустная песенка

Понемногу
Солнышко встает –
Слава Богу,
Утречко грядет.
Вот и Петя
Песенку поет
На рассвете –
Утро настает.

Только плохо
Спали мы вчерась,
Очень плохо
Чувствуем с утра-сь.
Значит, будет
День похож на ночь,
И ничто не
Сможет нам помочь.

Мышки-блохи, клоп-клоп-клоп,
Делишки плохи, оп-оп-оп.
Мышки блохи, клоп-клоп-клоп,
Делишки плохи, оп-оп-оп.

Завертелось
Время, как юла –
Надо делать
Личные дела.
Надо тело
Вымыть бы сперва,
Не болела
Чтобы голова.

Только плохо
Мыться без воды –
Очень плохо
Моются следы.
Значит, грязным
Нужно быть всегда,
Значит, в доме
Кончилась вода.

Мышки-блохи, клоп-клоп-клоп,
Делишки плохи, оп-оп-оп.
Мышки блохи, клоп-клоп-клоп,
Делишки плохи, оп-оп-оп.

Просят дети
Что-нибудь поесть –
Стойте, дети,
Посмотрю, что есть.
Впрочем, дети,
Вот вам мой ответ:
В общем, дети,
Ничего там нет.

Просит Катя
Петю на обед –
Что ты, Катя,
Пети больше нет.
Котик Вася
Съел его крыло,
А потом и
Всё его телó.

Мышки-блохи, клоп-клоп-клоп,
Делишки плохи, оп-оп-оп.
Мышки блохи, клоп-клоп-клоп,
Делишки плохи, оп-оп-оп.

Понемногу
Выключился газ –
Слава Богу,
Тихо свет погас.
Больше света
Лампа не дает,
Значит, это
Вечер настает.

Может, свечи
Надобно зажечь,
Но под вечер
Нету в доме свеч.
Уже поздно,
Не нашли свечи,
Только звезды
Светят нам в ночи.

Мышки-блохи, клоп-клоп-клоп,
Делишки плохи, оп-оп-оп.

Мышки блохи, клоп-клоп-клоп,
Делишки плохи, оп-оп-оп.

Значит, будем
Вечером одни –
Где все люди?
Не придут они.
Все сидят за
Собственным делом,
Все следят за
Собственным телом.

Все следят за
Собственной душой,
У всех дом свой –
Маленький, большой.
Ночь начнется,
Будем ночью спать,
Завтра плохо
Будет нам опять.

Мышки-блохи, клоп-клоп-клоп,
Делишки плохи, оп-оп-оп.
Мышки блохи, клоп-клоп-клоп,
Делишки плохи, оп-оп-оп.

Хорал

Надо мной сгустились тени.
Я не вижу свет зари.
Слышу, слышу в страхе и смятеньи
чуждый голос изнутри.

Он не письмен и не устен.
Он не плох и не хорош.
Он не весел, не весел и не грустен.
Ни на что он не похож.

Я хочу узнать значенье
неразгаданных тонов.
Я хочу, хочу узнать зачем мне
это надо и дано.

Я и верю и не верю:
неужели столько лет
светит мне, бессмысленному зверю,
Невечерний Тихий Свет?

Александр Куляхтин

* * *

В небольшом городке, на поганой реке
Жил Степанов Василий Кузьмич.
Плавал он на реке в расписном челноке
И стрелял он некрупную дичь.
Он, увидев девчонку, сплетал ей венок
И катал в челноке расписном,
А в субботние дни направлял он челнок
В близлежащий продмаг за вином.
Не любил он людской суеты-кутерьмы,
Не любил задушевных бесед,
Но всегда был готов дать соседу взаймы,
Если снова в запое сосед.
Сколько лет ему было? Никто не вел счет.
Но, однако, твердят старики –
Он здесь плавал тогда, когда можно еще
Было сделать глоток из реки.
Ни к чему вспоминать те былые года,
Не осталось от них ничего.
Но все помнят точнехонько, что и тогда
Ненавидел весь город его.

Проблемы с речью

Ну что, братан, проблемы с речью?
Проблемы с речью, да, братан?
Какое страшное увечье!
Небось Чечня, небось Афган?

Ну что, братан, нам по дороге?
Ты промычать мне будешь рад,
Как ночью поднял по тревоге
Ваш взвод в атаку, блядь, комбат!

«Пш-пшш!» – сигнальная ракета!
И – тишина. Но ловит слух
«Тра-та-та-та» пехоты где-то
И артиллерии «бух-бух!».

Бежали, падали, вставали...
Мычи, братан, на весь вокзал,

Как на привале письма Вали
Ты щупал, нюхал и лизал.

«Ды-дышь!» – и боль нечеловечья
Пронзила. И в лицо – земля.
Ты выжил. Но – проблемы с речью,
Проблемы с речью, сука, бля...

Прощай, братан. Ну что ты, дурик,
Мычишь? Скажи по-русски, блин,
What is your name? Шурик, Юрик,
Альберт, Ашот, Заур, Муслим?

Проблемы с речью не мешают
Понять родную душу мне.
Война – одна. Она – большая.
И очень страшно на войне.

* * *

Ты знаешь, с тех пор, как мне стукнуло пять,
Я даже не знаю, о чем вспоминать.
Со мной ничего не случилось.
Ну, то есть, я помню: пришла утром мать,
Сказала: «Сыночек, тебе уже пять».
Потом побежала на стол накрывать.
Потом ничего не случилось.
Вот ты тут сказал, что жена моя – блядь.
А я и припомнил – да, точно, лет в пять
Я с плюшевым мишкой любил очень спать.
И что-то такое мне снилось:
То круг, то темно, то куда-то бегу,
То дверь превращается в Бабу-Ягу...
Потом ничего не случилось.
Нет, вот что случилось: пришла утром мать,
Сказала: «Сыночек, тебе уже пять».
Велела одеться, чуть-чуть подождать,
Из шкафа подарки пошла доставать.
Куда она запропастилась?

Денис Новиков

* * *

I

Для густых бровей, как шутил отец,
ты кормила меня икрой.
Заточи мой слух, расплети крестец
и небожно глаза закрой.

Я дышал в тебе, продышал пятно
и увиденным был прельщен.
Да гори оно, воскресай оно
хоть из пепла, а я при чем?

II

Не орла, не решку метнем в сердцах,
не колоду, смешав, сдадим.
А билет воздушный о двух концах,
потяни на себя один.

Беглецу по вкусу и тень шпалер,
и блескучий базар-вокзал.
Как об этом смачно сказал Бодлер –
мне приятель пересказал.

III

Был я твой студент, был я твой помреж,
симулянт сумасшедший был.
Надорви мой голос, язык подрежь,
что еще попросить забыл?

Покачусь шаром, самому смешно.
Черной точкой наоборот,
что никак не вырастет ни во что,
приближаясь. И жуть берет.

1994

* * *

В. Г.

Стучит мотылек, стучит мотылек
в ночное окно.
Я слушаю, на спину я перелег.
И мне не темно.

Стучит мотылек, стучит мотылек
собой о стекло.
Я завтра уеду, и путь мой далек.
Но мне не светло.

Подумаешь жизнь, подумаешь жизнь,
недолгий завод.
Дослушай томительный стук и ложись
опять на живот.

1994

* * *

Ты помнишь квартиру, по-нашему – флэт,
где женщиной стала герла?
Так вот, моя радость, теперь ее нет,
она умерла, умерла.

Она отошла к утюгам-челнокам,
как, в силу известных причин,
фамильные метры отходят к рукам
ворвавшихся в крепость мужчин.

Ты помнишь квартиру: прожектор луны,
и мы, как в Босфоре, плывем,
и мы уплываем из нашей страны
навек, по-собачьи, вдвоем?

Еще мы увидим всех турок земли...
Ты помнишь ли ту простоту,
с какой потеряли и вновь навели
к приезду родных чистоту?

Когда-то мы были хозяева тут,
но все нам казалось не то:
и май не любили за то, что он труд,
и мир уж не помню за что.

* * *

Это было только метро кольцо,
это «о» сквозное польстит кольцу,
это было близко твое лицо
к моему в темноте лицу.

Это был какой-то неровный стык.
Это был какой-то дуги изгиб.
Свет погас в вагоне – и я постиг –
свет опять зажегся – что я погиб.

Я погибель в щеку поцеловал,
я хотел и в губы, но свет зажгли,
как пересчитали по головам
и одну пропащую не нашли.

И меня носило, что твой листок,
насыпало полные горсти лет,
я бросал картинно лета в поток,
как окурки фирменных сигарет.

Я не знал всей правды, сто тысяч правд
я слышал, но что им до правды всей...
Я не видел Бога. Как космонавт.
Только говорил с Ним. Как Моисей.

Нет на белом свете букета роз
ничего прекрасней и нет пошлей.
По другим подсчетам – родных берез
и сиротской влаги в глазах полей.

«Ты содержишь градус, но ты – духи» –
утирает Правда рабочий рот.
«Еслигодились твои стихи,
не жалея, что как-то наоборот...»

* * *

Учись естественности фразы
у леса русского, братан,
пока тиран кует указы.
Храни тебя твой Мандельштам.

Валы ревучи, грозны тучи,
и люди тоже таковы.
Но нет во всей вселенной круче,
чем царскосельские, братвы.

* * *

Будь со мной до конца,
будь со мною до самого, крайнего.
И уже мертвеца,
все равно, не бросай меня.

Положи меня спать
под сосной зеленой стилизованной.
Прикажи закопать
в этой только тобой не целованной.

Я кричу – подожди,
я остался без роду, без имени.
Одного не клади,
одного никогда не клади меня.

* * *

если прожил я в полусне
и пути мои занесло
и стихи мои в том числе
запутали на полусло
если улицы и дома
сговорившись с ума свести –
самых склонных свели с ума
в том числе и мои стихи
если ты поправляя прядь
так и вспыхнешь читая их
будто это не просто блядь
а к невесте писал жених

Институтка

По классу езды и осанки
ты кончила Смольный,
сокрытый от смертных с Лубянки,
надомный, подпольный.

Какие-то, чую, мамзели
тебя обучали
искусству сходить с карусели
без тени печали.

* * *

медикаменты комедианты
белый товар
клейкие ленты атласные банты
черный отвар

скачет мазурка или мензурка
пляшет в руке
дни пролетели так быстро так юрко
словно в зверьке

* * *

Возьми меня руками голыми,
ногами голыми обвей.
Я так измучился с глаголами
и речью правильной твоей.

Я так хочу забыть грамматику,
хочу с луной сравнить тебя.
Той, что дает, любя, лунатику
и оборотню, не любя.

Алексей Александров

* * *

Дырочку в стене проковыряв,
Я увидел механизм событий.
Только мир с тех пор и стал дыряв,
Виноват я, что ни говорите.

А хотел всего лишь поглядеть,
Как там случай шестеренки вертит?
В самом деле, интересно ведь,
Мне хотелось разузнать до смерти.

Но теперь с той стороны в дыру
Чей-то глаз настойчиво и строго
Наблюдает, словно кожуру
Червь проел, а мякоти не трогал.

Для чего он смотрит? Неужель,
Любопытством движимый подобным,
Он – один из многих сторожей,
И смотреть в глазок ему удобно?

Дмитрий Воденников

* * *

Ах, жадный, жаркий грех, как лев меня терзает.
О! матушка! как моль, мою он скушал шубку,
а нынче вот что, кулинар, удумал:
он мой живот лепной, как пирожок изюмом,
безумьем медленным и сладким набивает
и утрамбовывает пальцем не на шутку.

О матушка! где матушка моя?

Отец мне говорит: Данила, собирайся,
поедем на базар, там льва степного возят,
он жаркий, жадный лев, его глаза сверкают, –
я знаю, папа, как они сверкают, –
я вытрясаю кофту в огороде:
вся кофта съедена, как мех весной у зайца,
я сам как заяц в сладком половодье.

О матушка! где матушка моя?

А ночью слышу я, зовут меня: Данила,
ни меда, ни изюма мне не жалко,
зачем ты льва прогнал и моль убил, Данила? –
так источается густой, горячий голос.
Я отвечаю: мне совсем не жарко,
я пирожок твой с яблочным повидлом.
А утром говорит отец: Пойдем в Макдональдс.

О матушка! где матушка моя?

Намедни сон сошел: солдат рогатых рота,
и льва свирепого из клетки выпускают,
он приближается рычащими прыжками,
он будто в классики зловещие играет,
но чудеса! – он, как теленок, кроток:
он тычется в меня, я пасть его толкаю
смешными, беззащитными руками,
глаза его как желтые цветочки,
и ослепляет огненная грива.

Но глухо матушка кричит из мягкой бочки:
Скорей проснись, очнись скорей, Данила.
И я с откусанным мизинцем просыпаюсь.

* * *

Было горло красненьким, голодным, прогорклым,
горькое, как масло, слепое, жадное горло –
жалким и жадным горлышко, как рыбешка, было,
всех проглотила жадная жалкая рыба.

А ты беги отсюда, вон пошел, скотина,
хватай за жабры и бросай, как палку.
Но уже не рыба – слышишь, не голос и запах рыбный,
а змея цветущая, голод ее жалкий.

Уж и вьется уж, всех сожрал, мокрый:
нет у него теперь ни снохи, ни свекрови, ни свекра.
Грабли взял – опоздал: не жало и жабры,
а глядит на тебя несчастная морда жабы.

Ам, – сказала жаба и съела тебя. Странно,
почему она плачет жемчужно и с тоски зеленой лука,
почему она плачет жемчужно и ломает зеленые руки:
нет у жабы ни брата, ни мамы,
ни любимого, ни любимой – всех она съела, сука.

Всех она заманила в свое горькое, горькое горло,
в рыбку свою, в свою змеиную трубку
и свистит теперь дудкой, и ей отвечает гулко,
как в органе, то одно, то другое горло.

А твой звук – самый нежный, самый высокий,
лежи без муки, пой высоко – будет
плакать тебе: скоро жаба разбрызжет дольки,
полетят, как ракета, ноги ее и руки,
полетят, как ракета, руки ее и ноги,
выйдешь ты из нее, выйдут другие люди.

Май, – скажут, – ай; май, куличи да пасхи,
победили мы суку эту, рыбу, змею, жабу,
будем лапками в лапту играть; царские примерять глазки.
А у меня горло болит: жалко жабу.

Взял я мертвое горло, склизкую трубку в тряпку
(тошнило меня, тряпкою взял, боялся),
вырыл ямку и горло укрыл в грядку:
спи спокойно, недолго уже осталось.
Третий день молчу, глотку покрыла корка,
болит, болит, братец, у братца твоего горло.

Алексей Денисов

* * *

Не по доброй воле
поднялся я среди ночи –
по нужде.

Подумалось: жизнь, она такая,
видимо, и везде:
у каждого неба
по своей полярной звезде,
всяк в своем несчастье,
как рыба в воде,
и, может быть, весь кайф только
в быстрой езде.

Нет, серьезно,
как говорится, все течет,
все рифмуется,
все или нечет, или чет,
всем заправляет
бог или черт,
любое дело со временем
превращается в спорт...

Приятно, прогулявшись, вернуться
в еще тепленькую кровать.
Хорошо, если найдется
кого там поцеловать:
в пушистый затылок или
в разгоряченное сном плечо.
«Черт-те чё, – прошепчешь ты, засыпая, –
черт-те чё».

* * *

Зацветает репейник.
На долгие дни.
По высокому небу,
по высокому небу,

по высокому небу
летит мотылек
над родным огородом,
над родным огородом.

Над родным огородом
то не ветер свистит,
то кричит мотылек
над родным огородом.

Зацветает репейник
на долгие дни,
где капуста цвела,
помидоры где зрели.

Над родным огородом
летит мотылек,
и кричит мотылек,
и вздыхает, вздыхает.

* * *

Кто там ходит хмурый с голой палкой?
Это бог ноября, и лучше его не трогать.
Может, мимо пройдет, хоть как та кошка?
Проходи, кошка, хвост палкой, что встала?

Кто там ходит хмурый, там, с палкой?
Это бог ноября, бог ноября, закрывай двери.
Проходи мимо, заходи, милый, как мама?
Возвращайся скорей, не ходи далеко, сам знаешь.

Кто там ходит, ходит... бог с ней, с палкой.
Не со мной, не с тобой, встань в сторонку.
Это бог ноября, это его кошка,
это его дом, это его день, это его песня.

Александр Кабанов

* * *

Еще темно и так сонливо,
что говорить неумоготу.
И берег спит, и ждет прилива,
поджав колени к животу.

Желтое корки мандарина
на самом краешке трамплина
встает на цыпочки звезда...
И, словно вплавь, раздвинув шторы,
еще по локоть кистеперый,
ты возвращаешься туда,
где в раскаленном абажуре
ночная бабочка дежурит –
и свет, и жизнь, и боль впритык!
Ты возвращаешься в язык,
чтоб слушать
жалобно и жадно
рассвет, подвешенный за жабры,
морской паром, по леера
запруженный грузовиками,
грушевый сад, еще вчера
набитый по уши сверчками!

Простор надраен и вельботен,
и умещается в горсти.
И ты свободен. Так свободен,
что некому сказать: «Прости...»

Георгий Квантришвили

Измена

Моему одиночеству побродить очень хочется
и моему одиночеству побродить очень хочется
и моему
и моему тоже
а моему нет
почему
спроси у него
эй ты
почему всем хочется побродить
а тебе нет
по кочану
что ты сказало сволочь
по кочану
повтори
повтори еще раз
сказало
по кочану
ну ты и сволочь
да-а
вы когда-нибудь такую сволочь видели
нет
я не видел
и я тоже не видел
а я видел
но только один раз
хотя нет
та была не такая
Слушай я тоже только сейчас вспомнил
что вспомнил
я тоже видел
а чего ж ты молчал
я же говорю
только сейчас вспомнил
может ты специально молчал
нет не специально
ну-ка погляди мне в глаза
не отворачивайся
да ты что
смотри в глаза
я и не отворачиваюсь
смотри говорю
ага

вот ты и попался
сержант
да
отнимите у него пистолет
какой пистолет
твое дело не спрашивать
выполний приказ
у него нет
чего
у него нет пистолета
вот оно что
натуральная измена
а ну-ка руки вверх
все руки вверх
и мне руки вверх
и тебе
а мне
я сказал все
а ты чего читаешь
я
да ты
тоже руки вверх
и тебе говорю
тоже руки вверх
и тебе говорю
брось читать
брось сволочь
РУКИ ВВЕРХ

* * * #

Для любви нужно
Хотя бы два человека
Для онанизма
Хотя бы один
С одиночеством сложнее
Для него потребуется
Целое общество
Неуклонно стремящихся к прогрессу

* * * #

Стадо это хорошо
Можно ничего не бояться
Кроме
другого
стада

Наталья Николенкова

* * *

Мужчины походили на грибы.
Они росли, и множились, и звали,
И обступали тесною толпой,
И каждый гриб хотел в мою корзину.
А я не знала языка грибов,
Меня тошнило от мужского сленга,
И пряный запах голову кружил,
И жизнь была непроходимой чащей...

О, рыцарь в пламенеющем плаще,
Приди сразиться с этим наглым войском!

* * *

Ты меня уже не помнишь.
Снег – несвежая простынка.
Я не выхожу из комнат.
Я – больная, я простыла.

Ты меня уже не просишь
Сочинить статью-другую.
Ты меня уже не бросишь,
Если бросишь – так другую.

Ты меня уже не видишь
В облаках и снегопадах.
Ты со мной уже не выпьешь –
И спасибо, и не надо.

Справедливо, грустно, пошло,
Как спектакли в местной драме.
Ты меня уже не помнишь,
Потому что Бог – не фраер.

Закурю и выпью кофе,
И пластинку поменяю.
Я тебя уже не помню,
Я тебе – припоминаю.

Андрей Поляков

Epistulae ex Ponto

Михаилу Сухотину

«Дорогой Поприщин, – пишет подруга, –
ненаглядный, милый, родной, любезный!
Здесь, в глубокой Ялте, под сенью Юга
левым боком выходит мне век железный.
И пылится тополь пирамидальный,
и грузин с улыбкою феодальной
провожает взглядом одну москвичку...
Ты ж, моя любовь, перешел в привычку».

«Дорогая подруга, – пишет Поприщин, –
ненаглядная, в смысле – не глядя, что ли?
Век железный в сумме магнитных истин
плюс кладет на минус, как учат в школе,
столь, бля, гулко, столь, бля, пирамидально,
что вассал с улыбкою вертикальной
пусть брюнетит взглядом одну блондинку!
Ты ж, моя душа, перешла в картинку!»

«Дорогой Покрышкин, – пищит Подруга, –
дорогой, уважаемый, милая, но неважно...
Как дитя здесь плачет скифская вьюга,
а чекист чекисту твердит: – Не ваш, но
и не наш город Томис в устье Дуная,
жаль, воды зачерпнуть нагая Даная
не успела, ибо, совдеп ругая,
пала жертвой мossaда и самурая!»

«Догорая подруга, – Пашет панфёров, –
это ведь я написал календарь-шестикнижие Фастов,
этот недавний мой труд, для тебя написанный, цезарь,
этим и многим другим твоё божество заклинаю,
это посланье мое писано болен я был
этой причина беды даже слишком известна повсюду
славой моим ли стихам иль твоей любви я обязан
парус на диво большой ставил и я иногда

* * *

От русского русское слышать приятно.
Оно и понятно, хотя непонятно.
Но ладно, душа, расскажи как хотела,
чтоб тело души наизусть уцелело.

Душа-то хотела, да ей непривычно,
не страшно нельзя, но почти необычно
услышать одно, а расскажешь – другое,
не слишком совсем, но слегка неродное.

Меняется делаться главное что-то,
не просто всё это, а то-то и то-то;
и я понимаю, что я понимаю
не то, что понятно, а что понимаю.

Какая, соратники, хилая почва,
из шахт мусикийских неточная почта!
Какие, болельщики, наши нагрузки,
нам речью прочесть не бывает по-русски!

Вотще мы хлебали кощеево семя,
нам сдвинут живот и отвинчено темя.
В расстрелянной чаще, в намыленной роще
не нужно почаще, не можно попроще.

Я вышел в большое и в тихую рыбу,
в почетного пробу, в печатного глыбу,
но нет мне учебы и нет мне совета –
за что из меня получается это.

Я русскую руку рукой пожимаю
и душу сказать по руке отпускаю,
по поводу смысла, по памяти слова...
Но знаю – надолго не будет такого.

* * *

Как сделать что было в начале,
что были мы дети страны,
что верхние сосны качали
и мы собирались нужны?

Стихи говорили чуть слева...
Признал у костра пионер,
что, кстати, названия слава
не важно ему, например.

Но возрасты уж поменялись!
Прошедшего вряд ли вернуть.
Зачем разве сосны качались,
чтоб нас хорошо обмануть?

В лесу на лежачей опушке,
подросший всего ничего,
вдруг был нам какой-нибудь пушкин,
а мы пропустили его.

Диспут

С одною-хорошей, порою
мы вместе на берег короткой реки –
Салгир называлась...

Со мною
одна очень споря, и не пустяки!

Где ивы растение тенью
легло нам на руки – мы сразу в тени
с подарком такого портвейна,
вопросы решая, волнуясь одни.

«Кто в Боге-во-мне или рядом
никак посудить не сумев, не берусь...
Одна! я напуган не адом –
себя не имея, боюсь».

«Кого это нас ты считаешь,
кто может хоть как-то кого?
Ты важные спины явлений хватаешь,
в которых тебя ничего!»

...тем временем сбоку светилось,
река оставалась водой,
и так это честно крутилось
в одной, и во мне, и со мной,

что всем рассуждениям – хватит!
а только побыть над рекой
с портвейном, которой не хватит,
с одною-со-мною, и со мною.

Марат Шериф

Слон

Я жую морожину, а он
хлещет воду. Потому что жарко.
Всё взаправду – настоящий слон.
Весь как в Африке, но в зоопарке.

Вынул хобот,
машет как рукою, –
это хобби
у него такое.

Подойду к нему с ладошкой потною,
буду хобот гладить без конца,
ведь слоны – хорошие животные,
и у них огромные сердца.

Любимое занятие

Друзья мои думать не любят,
от скуки в разгулы бросаются.
А мне это нравится – думать...
И странно ведь как получается!

Другой бы катался в истерике,
другой бы валялся в апатии,
а я не брожу как потерянный:
спокойно сижу на кровати я;

ничуть не страдая от скуки,
гляжу на окошко угрюмое,
беру свою голову в руки
и – думаю, думаю, думаю...

Иван Котельников

Яйцо

Взял вареное яйцо.
Посмотрел ему в лицо
Да поставил на попа.
Не разбилась скорлупа.

Ах ты, мерзкое яйцо.
Взял и дал ему в лицо.
Кулаком, куда-то в бровь.
Посмотрел и вижу – кровь.

1996

* * * #

Гиперборец вернулся с войны
В серой, как порох, шинели.
Гиперборец не видел жены
Год и четыре недели.

Гиперборец стоит у дверей.
Ноги не чувствуют пола
После саратовских госпиталей,
В самое сердце – укола.

Как дотянуться до кнопки рукой,
Если вернулся досрочно?
Вот бы открыли с вопросом: «Живой?»,
Он бы ответил: «Так точно».

Дверь отворяется. Снежную пыль
Через порог задувает.
И металлический белый костыль,
Можно сказать, не мешает.

1996

* * * #

Рыжее солнце висит в небесах.
Падают белые мухи.
Два девятнадцать на новых часах
Гиперборейца Петрухи.

Два девятнадцать. Разбитый подъезд.
Рухнувший свод перекрытий.
Свежая надпись: «Дорога в объезд».
Цепь непонятных событий.

Залпом орудий расстрелянный дом
Без объяснимой причины.
Остов сгоревшего танка, и в нем –
Труп пожилого мужчины.

И, в довершение, последний приказ:
Маршем достичь горизонта,
Линия эта и будет как раз
Точная линия фронта.

1996

Максим Амелин

Катавасия на Фоминой неделе

Подражание Хвостову
сочинить ко дню Христову
не случилось, – на Страстной
строчки – чаяния паче –
для решения задачи
сей не влезло ни одной
в голову. – Привычка к лаврам
быстро делает кентавром,
грозным с виду, косным в шаг, –
к вящей славе Их Сиятельств
в нарушение обязательств
не стоит на ушах,
на потеху следопытам
не летается, копытом
стройным в воздухе маша:
раз-два-три, два-три-четыре. –
Неприкаянная в мире
дольнем странствует душа,
тяжкий груз таская тела,
от известного предела
неизведанного до, –
с миром выпренним в разлуке
не сидит, поджавши руки,
в ожидании Годо.

*В ожидании чего-то
эдакого: поворота,
перемены невзначай, –
изменив порядок строчек,
память вырвала листочек
с приглашением на чай.*

Старое стихотворенье,
что прокисшее варенье,
крытый плесенью пирог. –
Не для всех своих исчадий
остается добрым дядей
вдохновенный светлый бог.

Страх и ужас: вот бы если
все умершие воскресли
без разбору, – что тогда? –
Понесутся целым скопом
по америкам, европам
в залу Страшного суда,

друг отталкивая друга,
точно вихорь или вьюга,
всё сметая на пути,
необузданны и дики,
оглушительные крики
сея: «Не развоплоти!» –
«Пощади меня, Всевышний!» –
«И меня!» – «И я не лишний!» –
взвоят все до одного. –
Милосерд Господь и правед, –
только избранных восставит
или – лучше – никого.

Никого. – Какая демо-
кратия! – Моя поэма,
совершая трудный путь,
чертит странные зигзаги. –
Хорошо б у тихой влаги
на припеке отдохнуть:

«Мне ли, жителю вселенной,
внятен будет современный
шепот, ропот или вой?» –
Ясные бросая взгляды,
плотоядные Наяды
плещут вешнею водой. –

С хороводом Нимф и Граций
заявляется Гораций,
тут как тут, коварный вор,
потрошитель и громила. –
Как горбатого могила
не исправит до сих пор? –

То, что свойственно природе,
тще не тщись в угоду моде
изменить, – со *что* и как,
как ни силься, что ни делай:
день взлетел, как ангел белый,
пал, что черный демон, мрак. –

Сутки – прочь, вторые сутки
помрачение в рассудке. –
Кто мне толком объяснит? –
Четкий на вопрос вопросов
даст ответ? – Какой философ? –
Но молчат и Фет, и Ф. И. Т.

(псевдоним, инициалы). –
Геркулес у ног Омфалы,
весь в оборках кружевных,
северянинскому пажу
подражая, сучит пряжу,
упорядочен и тих.

Он, от жизни голубиной
отмахнувшийся дубиной,
облечется в шкуру льва
и взойдет на склоны неба
убеждаться в том, что Геба
девственная, чем вдова

безутешная, не хуже, –
тоже думает о муже:
«Я – невеста, ты – жених,
ты – жених, а я – невеста». –
Нет ни времени, ни места
на подробности про них.

Так болтать шутливым слогом
можно долго и о многом:
то Ерема, то Фома, –
слов – полно, да толку мало, –
мысль, увы, не ночевала
в недрах некошна ума. –

«Кто герой моей поэмы? –
Я ль один? – А может, все мы,
кто не низок, не высок,
у кого, хотя негромкий,
свой, отдельный – там потомки
разберутся – голосок?» –

В гневе огненной геенны,
ненависть! не лезь на стены,
укроти свой, зависть! пыл,
не скрипи зубами, злоба! –
Да, Державин встал из гроба
и меня благословил. –

Смерти нет – одна морока:
классицизм или барокко? –
Зримый мир и мир иной
связаны, перетекая, –
катавасия такая
на неделе Фоминой.

1999

Максим Анкудинов

* * *

Трать
свою треть
меня.

* * *

Есть
Такая
Жизнь –

Ее
Одежда
Рядом.

1995

* * *

Вот
Зачем
Я.

1995

* * *

Этот Огромный Нижний Тагил – Москва.

1995

* * *

Я – стрела
И ты – стрела,
Мы летим из-за угла.

Красный камень

Никто не помнит никого за что
И самые старинные дома
Затоптаны в бетонное пальто
Была война

Смотри забор колючая тюрьма
И за решеткой женщины сидят
У девушек глаза как цвет зерна
И памятник рабочий смерть солдат

1998

Черный паровоз

Нет ветра. Напились. Вода не замерза-
ет на таком потоке
Лед вдоль водоводов
черная вода черные дере
вянные водоводы чер
ные корпуса доменных пе
чей черный паровоз.

Гони на небо

гони на небо
включим фары
на небе греки и татары
и дальний свет

на небе греки и татары
и дальний свет
и звон гитары
и вот нас нет

1999

Милиционер

машины ходят по прямой
а дождь по непонятной
все девушки ушли домой
приятно

без сожалений и любви
страстей или желаний
плыть под дождем плыви плыви
прочь от центральных зданий

все девушки ушли домой
кафешки опустели
лишь милиционер иной
возникнет на панели

на рации блестит роса
наколка на ладони
и из эфира голоса
засады и погони

1999

Синявки

1. вечера под столиками с легким коньяком
экстремум города желтые афиши
осень приближается желтым ветерком
слышишь?

вечера болтаются, небо тихо врет,
женщины любимые, живущие с другими,
собирают где-то в небе синявки и пейот,
растущий меж пеньков и мхов
в четырнадцатом Риме

2. Ты бродила у Волчихи
На щеках твоих иголки
в облаках а ветер тихий
в гости шел к Оби от Волги

Посмотри там Чусовая
У Первоуральска или
Там внизу Она кривая
Ее только что открыли

И Ревда и Флюс и Динас
И Свердловск отсюда мелок
Дождь распивочно навывнос
Меж камней синявок белок

2000

Илья Бразников

* * *

в восемь часов если встать
в полдевятого выйти
будет отлично
будет отлично
ничего больше не надо

Петров

Петров, поди сюда.
Ты зачем Сапунову ударил ножом в спину?

Молчит.

А?

Молчит.
Отвечай. Я не слышу.
Так ведь она...
Что?
Она...
Ну?!
А чего она мне жопу свою показывает.

Ну, допустим. Но ведь это не повод...
А чего она жопу показывает.
Петров. Ты уже взрослый человек...
А пусть она жопу свою не показывает.
...а ведешь себя как маленький.
А не надо здесь жопу свою.
Стыдно, Петров. Иди. Я вижу, ты не
готов к серьезному разговору.

Петров с минуту постоял,
словно бык, низко склонив голову,
а потом пустился вприпрыжку
по просторному и пустынному коридору.

Виталий Владимиров

* * *

Я живу лишь тобой.
А когда ты уйдешь,
буду так же еще
кем-то жить.

Мечтания маленького мальчика

Как я, маленький, мечтал
с трепетом в груди
поскорее стать большим...
Вот недавно стал.

А тогда мечталось мне
сразу – сорок лет,
чтоб я ездил на машине
по родной стране.

И не слушал бы вовек
воспитателей,
а рулил бы, колесил
прямо мимо них!

А у них – глаза б на лоб:
– Он уже большой!
Я бы им в ответ: – Ага!
Это вам назло!

* * *

По пути домой частенько
у соседнего подъезда
мне встречается собачка.
Боже, как она рычит
на меня...

И лает громко!
А сегодня – что случилось? –
прохожу – молчит как рыба.
Ну сиди, сиди, собачка,
может, яйца насидишь,
дура...

Шпионаж

Иногда
я слежу
за собой

* * *

Кукурузные палочки хрустели
и казались особенно сладкими
в темном полупустом кинозале...
Ты не помнишь,
о чем был тот фильм?
Я помню только:
кукурузные палочки,
сладкие-сладкие,
и ты – так близко...

* * *

Передергиваешь,
как затвор,
меня чуть заметным движением губ.
Но я не хочу
быть оружием
даже в твоих руках.

* * *

Когда ни масла нету, ни варенья,
мне хочется немножечко
тебя...

* * *

Все, что нас разделяет –
это совсем немного воздуха
с двумя замученными мухами...
Сидим, глядя на них...
Мучаемся...
Вот и все,
пожалуй, что нас разделяет...

Михаил Гронас

* * *

незачем тебе
ходить по общаге
копеечкой ковырять стену
пинать коробки

на краю добра
горит твоё сердце
дым от лица имя отца огня
жалко того что

не случилось

* * *

я сирота и беженец
нету мне прибежища
у меня разорвана
родина врагом

был у меня батюшка
была у меня матушка
а теперь раздавлено
всё это сапогом

на рижском на казанском
и на ленинградском
я теперь живу
и это у меня дом

поэтому печальный
я сирота вокзальный
что у меня разорвана
родина врагом

* * *

крошки бродят под столом
и хотят собраться в хлебушек
как живое серебро
негодующих и требующих

налитое через край
бьётся льётся вьётся варево
выбирай или вбирай –
выговаривай

* * *

скоро скоро на земле
не останется прокорму
не останется простору
куда нам тогда идти?

знают наши старики
как укрыться под землёю
многие из них давно
поселились под землёю
может быть у них спросить?

знают наши рыбаки
как укрыться под водою
многие из них давно
поселились под водою
может быть у них спросить?

а ещё у нас младенцы
знают как куда-то деться
между животом и сердцем
у другого человека
может быть у них спросить?

* * *

веди нить, портной,
единить со мной
ткань чужих родов
или городов

крепче шей – ищи
шейные хрящи,
позвоночник вдень
вышей ночь и день,

выше и прочней
чтобы не сносить
до дыр до бахромы

до похорон зимы

* * *

дорогие сироты,
вам могилы вырыты
на зелёной пажити
вы в могилы ляжете
и очень нас обяжете

очень нас обяжете

* * *

что нажито – сгорело: угли

пойду разгребу золу может найду железный рублик (давно не в ходу) или юлу
в бывшем детском углу
а на бывшую кухню не сунешься – рухнет: перекрытия слабые, основания,
стояки

мы мои дети мои старики оказались на улице не зная куда и сунуться
впрочем господь не жалеет ни теплой зимы ни бесплатной еды
оказалось, что дом был не нужен снаружи не хуже

и всё потихоньку устраивается

наши соседи – тоже погорельцы

они

отстраивают домишко

не слишком верится в успех этой новой возни: они ж не строители а как и мы
погорельцы но дело даже не в том а просто непонятно
зачем им дом – будет напоминать о доме

дома о домах люди о людях рука о руке между тем на нашем языке забыть
значит начать быть забыть значит начать быть нет ничего светлее
и мне надо итти но я несколько раз на прощание повторю
чтобы вы хорошенько забыли:

забыть значит начать быть

забыть значит начать быть

забыть значит начать быть

Алексей Ильичёв

* * *

Возможно, надо крикнуть в пустоту.
Она – темна, она чего-то просит.
Но, чтобы крикнуть, крика нет во рту,
И камня нет в руке, чтоб можно бросить...

Есть вариант стоянья у окна –
Чтобы стоять без камня и без крика
И, может быть, увидеть – вот она –
Настала ночь – темна, дурна и дика.

* * *

В. Ходасевичу

Твое имя похоже на лед.
Я не знаю, куда я иду,
Но как будто по льду и сквозь лед,
Но как будто сквозь лед и по льду,

Согреваюсь мышинным теплом
Прогрызающей дырку души
Под каким-то мышинным углом,
На какой-то мышинный аршин.

Зафальшивев, завшивев почти,
Я едва нахожу, что сказать.
Незнакомый мышинный мотив:
Перегрызть, перелезть, прошуршать...

* * *

Рыбы рисуют узоры хвостом,
На дне реки цветут сорняки,
Воды движутся на восток,
Откуда рукой подать до руки,
Тебе протянутой издалека,
Без всякой цели, но неспроста,
И разжимается вдруг рука
У глядящего вниз с моста.

* * *

Написав десяток линий
На полях одной из книг,
В этот вечер я заклинил,
Так сказать, попал в тупик.

Кровь во мне перетекала
Слева вправо, взад-вперед,
И немного отвлекала
От сомнений и забот.

Мозги думать не хотели,
Сердце было не слышать,
Кости спали в тесном теле,
Обнимая потроха.

Я укрыл себя руками,
На линолеум прилег,
И лежал глухой, как камень.
И пустой, как кошелек.

* * *

Как называлось то животное,
Что выползало из воды,
Такое скользкое, холодное
И оставлявшее следы?

Как называлась эта гадина?
Но я доискиваюсь зря:
Ее название украдено
Из словаря и букваря.

Остался только след петляющий,
Пересекающий весь лист,
И ничего не понимающий
Стареющий натуралист.

Айвенго

* * *

Она птица залетная
ей что

* * *

последние люди
пришли на обрыв
сели
и свесили ножки

* * *

жизнь – дело личное

* * *

не было у меня
счастливого детства

и юности не было

и старости не было

и смерти

и вообще
я еще не родился

* * *

веселые и добрые люди
а такие сволочи

* * *

вместе весело
и одному нескушно

* * *

современный шаман у дисплея
заклинает злых духов при помощи «мышь»

но и духи не лыком шиты

* * *

А пришел к Б
с этого все и началось

* * *

вот оне
богатыри земли русской

а вот батыры земли татарской

сидят за одним столом
английский язык учат

* * *

вот они
русские писатели

ну как же без них

* * *

вставил вася
в гайку болт

лоб у васи
очень желт

* * *

прощай
прощай читатель

иди
зарабатывай деньги

* * *

ехал лесом
ехал полем
вижу Майринк
вижу Голем

* * *

человек сидит в кустах
это чей-то поэт потерялся

* * *

ЛЮДИ ИДУТ ВЗЯВШИСЬ ЗА РУКИ.
ХОЛОДНО. ХОЛОДНО. ТЕПЛЕЕ.

* * *

НОЧЬ СМЕНИЛАСЬ УТРОМ.
ПОСМОТРЕТЬ В ОКНО И
ЗАКРЫТЬ ШТОРЫ.
ДЛЯ ЭТОГО И СУЩЕСТВУЕМ.

* * *

МОТОЦИКЛЕТНЫЙ ШУМ СРЕДИ НОЧИ
ТИХИЙ ОТКАЗ ОСТАВШЕЙСЯ
НОЧЕВАТЬ ПРИЯТЕЛЬНОЙ
НЕСПОКОЙНЫЙ СОН

ЭТО БЫВАЛО С КАЖДЫМ

Регионал-монологари. Свиток первый

1. было раннее утро
когда путники вошли в город
один из них остановился
закурил и сложил такое
трёхстишие:

ВЫШЕЛ ИЗ ДОМА
И ИДЁТ В МАГАЗИН
ХОЗЯИН ПРИРОДЫ...

2. на полянке
среди раскидистых дубов
расположились трое.
проведя день в любовании
природой вечером они
позволили себе...
и вот после пятой стопки
один из них сложил
такое трёхстишие:

СКРИПЯТ ДЕРЕВЬЯ
В КРУЖКЕ ПУСТОЙ ПРИТАИЛАСЬ
ТЁТКА-СВЕРЧИХА

3. два инженера сидя в бункере
должны были наблюдать за приборами.
что показывали приборы – то
военная тайна.
но когда смена их кончилась
один из них (имя его неизвестно)
сложил такое трёхстишие:

МИНУТА ДО СТАРТА
ПИГАЛИЦЫ ЖМУТСЯ ДРУГ К ДРУЖКЕ
РЕВЁТ БАЙКАНУР...

4. молодые психотерапевты
находились на летней практике
в некой больнице для психов.
и вот на пятый день своего пребывания
в учреждении один из них (имя его
умолчим) раздал своим товарищам
листочки и попросил прочитать
(про себя) написанное там трёхстишие:

СОННОЕ ЦАРСТВО
ТЕНИ СШИБАЮТСЯ ЛБАМИ
А ВОТ И САМ ЦАРЬ...

как говорили позднее когда происшедшее
дошло до заведующего он был очень
недоволен.

5. один весьма уважаемый
член общества «умелые руки»
сидел за столом. к нему незаметно
подкрался и испортил воздух другой
член этого общества. но пристыжённый
собравшимися товарищами начал извиняться.
на что в ответ услышал:

ПЛОХО ИЛЬ ХОРОШО
НЕ ТАК ЭТО ВАЖНО
ПОЙДИ ПРОГУЛЯЙСЯ...

как рассказывали очевидцы дальше он ещё не
раз позволял подобные выходки. пока не был
изгнан с позором.

6. как-то на собрании одного провинциального
союза кинематографистов как всегда зашёл спор
о кино. многие высказали своё мнение. и вот
когда дело дошло до драки один немолодой
уже кинематографист встал со своего места
и произнёс:

ПОЛДЕНЬ
ТЕНИ КУДА-ТО КРАДУТСЯ
И ИСЧЕЗАЮТ

на присутствующих это произвело
сильное впечатление. но драка так и не
прекратилась.

7. некая рыбацкая шхуна выдержала
жесточайший шторм. все кто на ней
находился пребывали в подавленном
состоянии. и вот один юнга дабы
подбодрить своих старших товарищей
сложил такое трёхстишие:

МОРЕ ЗАТИХЛО
ЛЮДИ ИКАЮТ
НА БЕРЕГУ О НИХ ПОМНЯТ

капитану так это понравилось что
он приказал коку на обед выдать юнге
двойную порцию сливового компота.

8. рассказывают что в стародавние времена на берегу реки сидели два лесоруба и наблюдали за полётом чаек. с юго-востока к ним подошёл мужичёк и сложил трёхстишие:

ЧАЙКИ ЛЕТАЮТ
ТАК ХОРОШО
А ПОПИТЬ БЫ ЧАЙКУ НЕМЕШАЛО

очевидцы утверждают что растроганные лесорубы так заколдобились что одарили мужичка червонцем и отпустили с миром. хотя в это верят немногие.

9. недалеко от большого города росло священное дерево-ива. горожане часто собирались у дерева-ивы по своим делам. но однажды они нашли только пень. к нему был приколот лист бумаги на коем было написано нетвердой рукой такое трёхстишие:

ЖАЛКО БЕРЁЗКУ
НО НЕЧЕГО ДЕЛАТЬ
ОТЕЦ-ТО ОН РУБИТ А Я ОТВОЖУ

10. как-то в сибире лесорубы поймали медведя. зима была лютая и они решили тут же зажарить медведя и съесть. неожиданно медведь заговорил человеческим голосом и сложил им такое трёхстишие:

ЛЮДИ И ЗВЕРИ
ОДНОГО ПОЛЯ ЯГОДЫ
ТОЛЬКО РАЗНОГО ВКУСА

пока опешившие лесорубы приходили в себя. медведь откусил у одного из них руку и был таков. правда некоторые рассказчики утверждают что это был не медведь а йети. но это уже совсем полная чушь.

1999–2000

Александр Анашевич

Собака Павлова

Она не падала, не лаяла, не выла
выбежала из последнего вагона
ушла от деда, от бабки, от закона
сладкая сладкая жизнь: смерть, вилы
«не шерсть на мне, длинные длинные волосы
черные человеческие волосы
не замерзну даже на полюсе, –
говорила она павлову женским голосом, –
не замерзну даже в сердце твоём
даже без сердца, под скальпелем не замерзну
мои волосы станут огнем
пылающая уйду от тебя на мороз, на свежий воздух
павлов, ты злой, я не знала об этом, любила тебя
я не любила в начале, потом полюбила, потом разлюбила
все от отчаянья, под капельницей, день ото дня
думала и смотрела в глаза твои голубые
к скотоложству тебя, павлов, я знаю, не принудить
ни к скотоложству, ни к замужеству, и даже рюмочки
не выпить на брудершафт

тебе бы только тельце мое на лоскуты кроить
как потрошитель делаешь это с нежностью, по-маньячески, не дыша
а у меня нет уже ни яичников, ни мозжечка, ни селезенки
нету глаза, берцовой кости, ушной перепонки
полумертвая стою, вся в зеленке
кто меня, павлов, спасет из этой воронки
я собака, павлов, собака, собака павлова
не анна павлова, не вера павлова, не павлик морозов
даже не лена из москвы, которая обо мне плакала и
в сердцах называла осколочной розой
освободи меня, выпусти, пусть я стала калекой
калекой не страшно, главное не кошкой
выпусти, дай мне под зад коленом
только очень нежно, любя, понарошку
чтобы я бежала бежала, летела словно на крыльях
между машин, на свободу, на свалку, в иное пространство
ты научил меня, павлов, любоваться всем этим миром
таким волшебным, бескрайним, прекрасным

* * *

Я живу на Крестах, в золоченых местах, на воздушных мостах
Не плакала, не смеялась, на глазах менялась
Была доброй умной, стала глупой курвой
Знаю о чем говорят пятнадцатилетние мужчины
На каком языке, какими словами
Я то же самое говорю, когда пьяная или злая
Отведите меня в леса, вырвите из этого небесного гестапо
Здесь скучно, ни одной радости кроме клуба
Танцевать танцевать, потом целоваться в губы
Это большой риск, вокруг одни ублюдки
Стукнут по голове, трахнут в собачьей будке
Вырастут из живота незабудки

* * * #

Все праздники сижу в пустом доме
родственники уехали умирать в кострому
а за окном безумие, карнавал
нервничаю, пью корвалол
в форточку залетел воздушный шар
никогда не закончится этот кошмар
а на улице гремят барабаны, гудят рожки
люди несут в руках семечки и пирожки
я бы могла затеряться в этой толпе
я бы могла протащить их всех на своем горбе
но не могу подняться, дойти до двери
бросили меня все друзья, попутчики, поводыри
а за окном фейерверки, гулянье, бардак
все веселятся: клоун, солдат и дурак
я же лежу, папироской прожгла простыню
сердцем прижалась к смерти, к ее ледяному огню

* * *

Нелегка дорога от Углича до Москвы.
Шла шла Марина – заболела голова.
Видела пастушку и пастуха, видела перепелку и петуха,
видела русскую царицу издалека.
Угадай, кто Марину водил по городам, кто подталкивал, следуя по пятам,
кто прикладывал к губам ломтики хлеба и бастурмы,
кто не пускал ее в стены монастыря и тюрьмы.
Сиди, отгадывай, перебирай имена, а Марина идет идет и уже не видна.

Наталья Оленева

* * *

Детства я не помню, хоть убей.
Вот что вспоминается и снится:
Кошек одинаковые лица,
Радужные шейки голубей.

Гроза

Я слышала еще с утра,
Как Бог по небу двигал шкаф.
Теперь стою среди двора
И мокну, голову задрав.
Футболка мокрая в руке,
С решетки – ржавых капель бой,
И все висит на волоске,
И мы с тобой, и мы с тобой...

1998

* * *

Через какое-то время замечу,
Что проходит месяц, и все остальное тоже.
Я не помню последнюю нашу встречу.
Я тогда, Онегин, была моложе.
Почитать бы сейчас чужих стихов,
Или что-то скучное и непростое,
Но красивое странною красотой –
Горенштейн, или Саша там Соколов.
Тяжело все время думать по фене.
Шизофреник радуется, дурак пугает.
Но по жизни чтение – причина мигрени.
Дальше не буду. Мысль убегает.

1998

Андрей Родионов

* * *

Между ними прилавок: котлеты, лапша.
Быстро движется очередь, касса звенит.
Он тарелку борща не донес до стола,
Потому что рука от волнения дрожит.

А она все стоит, приоткрыв алый рот,
Сжав холодной рукой черпака рукоять.
Все куда-то спешат, только очередь ждет,
Потому что любовь поважнее, чем жрать.

* * *

Гуманоиды в трюме завьли
Обычную песню рабов.
Они нашли его в зарослях,
В зарослях синих грибов.

Он убежал с плантации,
Три дня и три ночи не ел.
Они нашли его в зарослях –
Когда он уже околел.

Это последний землянин
В нашей звездной системе.
Сказал надсмотрщик строгий:
– Хоронить в нерабочее время!

Никто не выдерживал долю
На невыносимо-тяжелой работе;
Они нашли его в зарослях,
Похоронили в болоте.

В трюм спустился надсмотрщик,
Бластер поднял и сказал:
– Кто будет петь эту песню –
На завтрак получит свой кал!

Гуманоиды больше не выли,
Наступила везде тишина.
На той планете, куда они плыли,
Зарослей до хрена.

* * *

Однажды на море, стоя около дельфинария
И находясь в плохом настроении
Я услышал вдруг из репродуктора: «А сейчас прозвучит ария»,
И следом отвратительный рев вместо пения.

Не сразу я понял, что это была
Из дельфинария прямая трансляция.
Мое настроение упало ниже нуля,
Но после этих мерзких звуков
Я вдруг услышал овации.

Дельфиньи старанья были сполна вознаграждены
Заполненным до отказа зрительным залом:
Люди, приехавшие со всех концов страны
Считали хорошим то, что я считал калом.

Мне захотелось курить, хотя на отдыхе я не курю.
Я решил, что с меня довольно арий.
Пройдя метров двести, я сел на скамью у какого-то здания,
Но это оказался еще один дельфинарий!

И когда из открытых дверей донеслось:
«А сейчас вы услышите пение котика»,
Я сорвался со скамьи, как будто сел на гвоздь.
Еще немного, и мне опять захочется наркотиков.

К сожалению, я не мог уходить,
Поскольку у меня здесь была стрелка забита.
Что заставляет этих животных так выть?!
Что заставляет так выть этих паразитов?!

А может, они глумятся над тем,
Что люди прикалываются к их мотивам?
Они, дельфины, в натуре ничего не стесняются совсем:
Чего стесняться, если ты – рыба!

Но больше всего меня умиляло то,
С каким восторгом их пение встречала публика.
Наверное, чувствуешь себя как Кусто,
Слушая звуки моря, не выходя из кубрика.

В тот вечер я сильно напился с горя,
И все равно долго не мог забыться сном:
Мне казалось, я слышу чье-то пение из моря,
Но это пение мне уже не казалось таким говном.

2000

Анна Горенко

* * *

Я буду спать в сапогах в раю
в сапогах и в теплых носках
под левую щеку сумку свою
подложив и с книгой в руках
и не будет холод меня будить
под звездами в темноте
и мне не придется больше просить
у Бога дом и постель

* * *

дома как стопки детских книг
лежащих поперек
возьми меня с собой на юг
где каменный песок
возьми снеси меня к себе
где легкая вода
смотреть как тихо почему целует никогда

1992

* * *

юннат беспризорный могильщик
ты клеил серебряный гроб
но что мне до смерти я птичка
я зоологический сноб
умелец роскошный курильщик
ты думал я жить не хочу
я жизни не знаю я птичка
я небо верчу

1992

* * * #

они в саду играют марш
давай играть в войну
ты будешь мой отец погиб а я тебе рыдать

теперь они играют вальс
а ты и я разврат
теперь ты мой хороший брат а я с тобою спать
затем они сыграют что
но мы давно ушли
здесь звезды страшные горят у них глаза внутри

1995

* * *

просыпайся умерли ночью поэты все-все
в подвале больницы они занимают три полки большие
одни опухли ужасно,
усохли другие
а один так воняет санитары и те
намекают друг другу на это

одевайся посмотрим
только пригововых тех шестнадцать
айги еще не считали
их вставные зубы раздали слепым детишкам
для еврейского карнавала

или, знаешь, пожалуй, останемся дома
говорят, там пожарники и милиция
я боюсь милиции
ты боишься пожарников
Наталья боится волков
останемся пить лимонад
вспоминая
как ходили поэты на парад – трум-пум-пум!!пиу!

1995

* * *

припали крылья мои к спине
и воздух к дыханью глух
ты знаешь имя мое но не
его произносишь вслух
и вовсе поздно рассвет кладет
мне на лицо ладонь
скоро меня господь приберет
праздничный как огонь
ах он возьмет меня насовсем
всего позволит просить

чем дальше от дома он скажет тем
легче все позабыть

1996

* * *

Тело за мною ходило тело
Ело маковый мед
А теперь довольно, мне надоело
Я во власти других забот

Я в зубах сжимаю алую нить
К ней привязаны небеса
Я всё выше, выше желаю плыть
Я хочу оставаться сам

Гильотина света над головою
И мне дела нету до нас с тобою
Пусть они в разлуке, в беде навеки
Я сегодня сам и мосты и реки
Я огонь и трубы, вода и мыло
Я что хочешь, лишь бы тебе польстило

Я Ариадна скалою у грота
В зубах нитка, во рту монетка
Я себе Ариадна, Тесей и Лота
Я голубка, детка

1998

* * *

Какие-то сомнительные тряпки
Пятнистую и желтую помойку
Рвут крики недоноска. В наше время
Такие звуки называют песней –
Такая уж у нас архитектура
И поезда метро, и ветер лает
А холодно и воздуха не хватает
Не будет сна, ни матери, ни смерти
Как висельник, я стану свечкой сальной

Зато Господь возьмет меня на небо –
За то что я пою, как Божий ангел.

1999

Упадок

Облезли бархатные туфли
Снял гобелены кредитор
Икра и устрицы протухли
Бычки Герцеговины Флор

Лежат повсюду на паркете
В рояле плавает дюгонь
В саду вишневом злые дети
В костер бросают том Гюго

Сосед уж не звонит а звонит
От нас в Житомир не спросясь
С утра в окошке голубь стонет
На мрамор испражняясь всласть

В почтовом ящике томятся
Угрозы штрафы и счета
Глаза закроешь деньги снятся
Глаза откроешь нищета

Ни в банк ни в гости не пускают
А в день что отключили газ
Мой муж признался умирая
Я пидорас

Его бесплатно похоронит
Наш добрый пастор но ужель
Меня хозяева прогонят
В облезлых туфлях на панель

1999

Всеволод Зельченко

Подкидыш

Маше Левиной

Кто в колыбели подменен, тому возврата нет
Под желтый круг настольной лампы, тому не шлют привет
Ни тетка Джейн, ни такса Джон (миляга, но пустобрех);
Впрочем, эта история для него начинается, как для всех.

Но однажды под вечер у постели больного зашепчутся мать с отцом –
Он весь в жару и не в силах глотнуть, но держится молодцом,
Т.е. успевает в нужный момент притвориться спящим – и вот
История о подмоченной родословной выплыла и плывет.

Кровь в его жилах делает круг, потроха поднимают крик,
Через пять минут он уже в летах, через десять уже старик,
Той же ночью он выпрыгивает в окно и уходит за острова,
По пути вербуя в свои отряды всех, не помнящих родства.

«Ко мне, мои птицы, Господни стрелы! Любой из тех, кто внизу,
Пожелай он выследить ваш полет, различит лишь соринку в глазу!
Пропустите вперед кукушек – они разберут, куда я клоню!»
И птицы подписывают договор, прикладывая четверную.

«Ко мне, мои рыбы, комья воды! Подымайтесь со дна реки!
Вы ничего не просили у Ноя, и значит, не должники!
Бесполезно говорить о сыновних чувствах рожденному под мокрым кустом
На глубине семь футов – зато как мощно он бьет хвостом!»

Кузнечики, гусеницы, саранча выстраиваются в ряды –
Есть все основания верить в них, юных, не бреющих бороды,
В их опыт и мужество, в их задор, терпение и экстаз,
Когда они строем глядят на него, не сводя фасеточных глаз.

«Хей-хо! Собака, скули! Обыватель, прячь дочерей!
Ко мне, недоносок, слепец, горбун, инвалид, заика, еврей!
Ко мне, изгой любых мастей – и пока не вспыхнул восток,
Мы успеем сквитаться с ними за все, а потом подобьем итог».

И крестьяне на стук выходят к дверям, вынося ему все, что есть,
И летит по осипшим полям, обгоняя войско, благая весть,
И всю ночь до рассвета на измятых подушках король вершит торжество –
Пока наконец подоспевшие ангелы не уволакивают его.

Ольга Зондберг

* * *

К ночи, как водится, звезды зажглись,
Близился сон.
Вдруг появилась, отколь ни возьмись,
Стая ворон
И объявила отлет на луну
Целой страны.
Ветка сирени припала к окну
С той стороны.

1993

* * *

Пока душевнобольные
Гоняли огненный мяч
И пели «Слава, и ныне»,
Один рассеянный врач
Велел, голова-два уха,
Иным душевнобольным
Увидеть землю из пуха
Под небом берестяным,
А дело было в апреле,
А время было дождем,
Они горели и пели:
«Тепло...
Теплее...
Найдем...»

1994

* * *

Мне четыре года. Ношу пальто
Шерстяное в клеточку. Холода.
Просто замечательно. Разве что
Потерялся круглый осколок льда.

«Брось его, и так уже весь скрипишь», –
Мама мне сказала, и он упал.

Я его разыскивал целый день,
А потом сегодня еще полдня.
У него внутри человек сидел
И махал руками, и звал меня.

* * *

Школа рядом
с детским садом.

* * *

Хор за окном пел непрерывное «да».

* * *

с горки навсегда

* * *

всё, что ты не можешь один

* * * #

снилась
буква Т
без алфавита
железная
настоящая

* * * #

бир сом
лето июль
далеко
добираться

* * * #

ах я
тварь бессловесная

Евгения Лавут

* * *

Ни лица ни борца ни певца ни гонца
Ни дворца ни горба ни ума
Ни начала у дня ни у ночи конца
Ни конца ни начала письма

Ни во фрак облачен ни завернут во флаг
Ни плащом не укутан, когда уже мрак
Угреватого дома затянет торец,
Он приходит ко мне, ни на слово мудак
Не похож, ни на слово мудрец.

И проста его речь, как вода у ручья,
Как мораль у Аббата Прево,
Как любой ультиматум. Подруга ничья
Обязательно станет его.

Указующий перст утопающий борт
Со стола убирающий брат
Мирный гроб верный порт умирающий крот
Над бумагой склоненный аббат

Иннокентий Евлалий Джованни Гийом
Влажный палец лежащий на пульсе моем.

* * *

Лютер спит, и большая его голова
На подушке как камень кругла.
Ему снятся слова, и места, и тела,
И топор, и толпа, и молва.

Рядом с ней, головой, его два кулака;
Его круглая шея влажна,
И тревожно под тканью гуляют бока,
А в окне голубая луна.

Полночь; возится мышь то с его башмаком,
То с огарком – прошло Рождество.
Тихо дьявол заходит с орехов мешком
И садится в ногах у него.

А у Лютера пиво играет в башке,
Он потеет, сопит и пыхтит.
Дьявол мерзкими пальцами шарит в мешке
И орехом привычно хрустит.

Проповедник измученным телом дрожит;
Его мокрые гладит виски
Лунный свет из окна, где от лютой тоски
В небе серая птичка кружит,

То взмывая над шпилем, то падая вниз,
То ли крик издает, то ли вздох,
Словно клаксон машины невидимой, из
которой появится Бог.

* * *

Умер, ох, воробей моей подружки.
Вон, лежит, отвратительная птица.
Мерзки мне его скрюченные лапки,
Круглый глаз и младенческое темя.

И живым-то он был мне неприятен.
Он, к тому же, несильно изменился.
Как могла она брать его руками?!
Как тошнота ее не одолела?

Я бы пнул его, раздавил подошвой,
Но какой-то мне шепчет вещий голос:
Подожди, пожалей его, беднягу.
Сам помрешь – про тебя все то же скажут.

* * *

Мы собираем веточки в лесу,
На дереве гнилом сидим, красуясь.
Что нахожу, тебе несую,
И найденным тобой интересуюсь.

Так будем жить, чтоб время истекло,
Без выбора и воли, без итога.
Как холодно, и пусто, и светло,
И мало времени, и дней как много...

(размышление о Боге)

любит? не любит? плюнет? поцелует?
к сердцу прижмет к черту пошлет
крепко обымет повыше подымет
макнет и вынет
вынет и макнет
подмигнет:
ты ж моя ты ж моя перепелочка
как тебе к лицу была челочка
что такая суровая?
хорошо ли метет новая
моя метелочка?
подставила щеку, давай другую:
плюну, оботру, поцелую

* * *

ночью плачет отребье
просит места в раю
разбухают деревья
как чайники в чаю
кто-то воеет и лаает
в молоке декабря
кто-то ветку ломает
грубо дверь отворя
потихоньку калитку
крышу стену стекло
как подошвой улитку
по земле развезло –
хрустнуло и пропало
утонуло во мгле

до чего меня мало
мало в этом котле
в этом месиве свежем
в новом мира клочке
в реве, в хоре медвежьем
в страшном божьем зрачке

Станислав Львовский

* * *

осень
маленькая девочка
тихо отчитывающая нас по псалтири
над какой-то новой
невиданной еще темнотой

* * *

иногда и от тела
бывает определенная польза
можно закрыть глаза

* * *

полина ивановна говорит марии
андреевне: все-таки воздух великое дело
и потом на земле
хотя бы изредка необыкновенно полезно

в это время обе парят над бездной

да соглашается
мария андреевна да это вы очень верно
заметили полина иванна

что?
переспрашивает та подождите
что? подождите машина проедет
а то ничего не слышно

в это время ангелы в вышних
строятся на утреннюю линейку

вот времена настали мария
андреевна тяжело вздыхает
обращаясь к полине ивановне
трудилась всю жизнь
а теперь на подарок внучке
все думаю как бы сэкономить копейку

да отвечает рассеянно
полина ивановна
и не говорите до пенсии
дотянуть бы мария андревна
трудные времена настали

говорит полина ивановна чего это мы с вами андревна
над бездной летаем как молодые крыльями машем
если изредка отвечает та это необычайно
верите ли полина иванна полезно
и опять же в транспорте не нужно толкаться

воздух соглашаются между собой старушки
это что ни говори великое дело
хотя слишком конечно в нашем возрасте
увлекаться не следует

так летят они из магазина домой, неспешно беседуя.
в сумках для внуков пряники и ватрушки.
две психеи на пенсии, пожилые
бабочки неразлучные до срока подружки,

вышитые нательным крестиком по небесной подушке.

это ведь вроде крови, вроде песка
хлопотливый, знаешь, такой журавлик бумажный

вроде крови, знаешь, вроде воды
что-то типа колючего колоска

это под кожей шевелится кукольное, чудное
что-то бормочущее, вялое, дрянное, смешное

наподобие обожженного, шершавого черепка,
что идет вразнос с легкого молотка

на копейку радости это, на рубль беды,
я же говорю, вроде слез, вроде воды

понимаешь, это сверчок кузнечик такой
не накроешь ладонью, не поймаешь настоящей рукой

с чем сравнить не знаю еще, колючка, скажем, репейник,
в селезенке живой песок, в мышцах шевелящийся муравейник

это такая кровь, понимаешь, красная разновидность воды,
что-то вроде никчемной награды за пустые наши труды

Мария Степанова

Муж

Ну он пришел, а там, того, они.
Кагор за шторкой, кружевной чулок.
Она такая, пальцем помани.
И этот привалился как сурок.
А на балконе, ух, сиренный дух,
Шезлонг отвис, как челюсть! А герань!
Он обещался, что не раньше двух.
Да ведь куда ж еще в такую рань.

А там – синё, не продохнуть, ни зги.
Под свежим лаком ногти у ноги.
У ножки стула сигареты Кент.
И мы, решительные, как момент.
А между нас, как дать промежду глаз,
Какой-то странный движется мороз,
Как бы с утра сентябрь и первый в класс
И гладиолус в человечесий рост.

А те уже, а те еще в раю.
Лишь тусторонний этот холодец,
И сквозь него чужую как свою
Прижал и спит какой-то молодец.
Да солнце третьим просится в кровать.
Да пышет – не любовью, не духой,
Не разберешь, пока еще бухой,
Но непременно надо убивать.

Он выдохнул, вдохнул и снова вы-.
Он выдохнул, и он занес топор
Сперва пониже первой головы.
И тут топор уперся во упор.
И тут я эту дымку просчитал,
Она не зря, она не камуфляж...
И вновь металл нацелился в металл
Без результата: заискрило аж.

Он зубом грыз и бил в нее рукой
При том же результате никакой.
Потом устал и взялся за ребро
И стал его рукою растирать
И стал искать по дому серебро,
Каким бывает нечисть убирать.

А пушку я ему не предложил,
Поскольку этой пушкой дорожил.

И он его нашел, фруктовый нож,
Старинный, при узоре, красота,
А эти так и спали без одеж,
Выпячивая нежные места,
У ней и так особенная стать,
Душесутильная, как романс...
И тут он начал этот кисеанс
Как яблоко на ломтики кромсать.

Он серебром работал как штыком.
Туманные висели лоскуты
Над мужиком, с которым я знаком,
С которым ночь закручивал болты.
Но он ревет, как витязь под бугром,
И колет, рубит, режет серебром,
И пар валит, и стужа, как во льду.
И тут я понял, что сейчас взойду.

Короче: спят надежно, как запой,
Сияя белой голой скорлупой.
У ножки стула сигареты Кент,
Но нету спичек, чтобы закурить.
Плюс, в виде лент, снежинок и флажков
Нарезана, порхает эта муть
Над головой, над бедной головой,
Свидетельницей жизни половой!

Вот тут примерно я закрыл глаза.
На слух пошло значительно скушней.
Потом открыл. А он уже сидел
У той же стенки, тоже привалясь,
Наверное, я что-то пропустил.
Сияло солнце. Расточилась мгла.
Любовники давали храпака.
Он был вот здесь, и весь он был как воск
Когда тогда приехал перевозк.

Вадим Калинин

* * *

Ответь мне тем же, я прошу!
В собачье маслице тумана
Ответь мне тем же в мегафон!

* * *

Ты говоришь, что попробовала всё,
А мне смешно, ведь я остался
За границей твоего опыта.

* * *

В облаке красный карлик,
Дернулся угол рта,
Порвана новая марля
Лапой ее кота.
Это периферия,
Сода и соль, и йод,
Сырость, сырье, стихия,
Пахнет сырým бельем.
Пахнет горбатой прачкой,
Паприка, пар и пот.
Словно побитый мальчик,
В комнату входит кот.
В комнату входит ливень,
В комнату входит шум.
Я оттого счастливей,
Что ни о чем пишу.
Долгий, субботний, праздный
Тихий кошмар вдвоем.
Луч, неуместно красный,
Станет в земле червем.
Червь потечет куда-то,
Ленточка, лень, река,
Вплоть до тупой лопаты
Доброго рыбака.

Сергей Трунёв

Времена года (поэма)

1

В нелепом одеянии старинном
Дыханьем грея стылые ладони
Усатая старуха на балконе
Синиц лукавых кормит маргарином

2

Глухари на токовище
Растопырив мотовища...

3

Все расселись по гнездам, по норам
Греют яйца, рожают щенков
Утопают в бурьяне заборы
И разносится дым шашлыков

4

Опасаясь попасть под выстрел
Превращающий душу в кашу
Птица-утка летает быстро
Ибо крыльями часто машет

1999

* * *

Нескладный мальчик лет восьми
Мне мама говорит: усни
Я слышу голоса в гостиной
Звон рюмок нежен и глубок
Кто хрусткий требует грибок
Кто ломтик сельди черноспинной
На вилку ловко наколов
Несет поверх хмельных голов
Промолвив: тыща извинений
Курантов бой и пробок стук

Я полон жизни, я расту
Не замечая изменений
Я засыпаю и во сне
Приходит Новый год ко мне
Застолье крепнет ощутимо
Заводят песнь про ямщика
И дуновенье сквозняка
Ласкает локон серпантина

1999

* * *

Пили пиво поздним летом
Догорал закат свечой
В лабиринте туалета
Пахло краской и мочой
Красный столик из пластмассы
Терпеливый писсуар
Жизнь волнующе прекрасна
То Дюшан, то Ренуар

Красный сумрак, чьи-то тени
Жмутся к стенам в темноте
Оставайся, неврастеник
С Минотавром тет-а-тет
А не то погибнешь в муках
От разрыва пузыря
Как герой картины Мунка
Небо грозно матеря

Лето, лето на излете
На закате воздух свеж
В неожиданном цейтноте
Ни предчувствий, ни надежд
Что вошло, а что не вышло
Позабыл теперь и сам
Помню пена гроздьё пышной
Шевелилась на усах

2000

Борис Рыжий

Куртка

Иван Петров, мой первый бригадир
– последний, видимо – глядел на мир
не так, как я, а несколько иначе,
он был меня умней, хитрей и злей,
высверливая из спиртяги клей,
засаленный трояк в нагрудный пряча.

Не знаю даже, в чем я обойти
Ивана мог бы, не приобрести
я куртку у залетного спортсмена:
«Вот это куртка, – говорил Иван, –
и тут карман, ого, и тут карман»,
продать просил и лебезил всю смену.

1997

* * *

Над саквояжем в черной арке
всю ночь играл саксофонист,
пропойца на скамейке в парке
спал, постелив газетный лист.

Я тоже стану музыкантом
и буду, если не умру,
в рубахе белой с черным бантом
играть ночами на ветру.

Чтоб, улыбаясь, спал пропойца
под небом, выпитым до дна, –
спи, ни о чем не беспокойся,
есть только музыка одна.

1997

* * *

Ордена и аксельбанты
в красном бархате лежат,

и бухие музыканты
в трубы мятые трубят.

В трубы мятые трубили,
отставного хоронили
адмирала на заре,
все рыдали во дворе.

И на похороны эти
любовался сам не свой
местный даун, дурень Петя,
восхищенный и немой.

Он поднес ладонь к виску.
Он кривил улыбкой губы.
Он смотрел на эти трубы,
слушал эту музыку.

А когда он умер тоже,
не играло ни хрена,
тишина, помилуй, Боже,
плохо, если тишина.

Кабы был постарше я,
забашлял бы девкам в морге,
прикупил бы в Военторге
я военного шмотья.

Заплатил бы, попросил бы,
занял бы, уговорил
бы, с музоном бы решил бы,
Петю, бля, похоронил.

1999

* * *

Я на крыше паровоза ехал в город Уфалей
и обеими руками обнимал моих друзей –
Водяного с Черепахой, щуря детские глаза.
Над ушами и носами пролетали небеса.
Можно лечь на воздух синий и почти что полететь,
на бескрайние просторы влажным взором посмотреть:
лес налево, луг направо, лесовозы, трактора.
Вот бродяги-работяги поправляются с утра.
Вот с корзинами маячат бабки, дети – грибники.
Моют хмурые ребята мотоциклы у реки.
Можно лечь на синий ветер и подумать-полежать:

может, правда, нам отсюда никуда не уезжать?
А иначе даром, что ли, желторотый дуралей –
я на крыше паровоза ехал в город Уфалей?
И на каждом на вагоне, волей вольною пьяна,
«Приму» ехала курила вся свердловская шпана.

1999

Море

В кварталах дальних и печальных, что утром серы и пусты,
где выглядят смешно и жалко сирень и прочие цветы, есть
дом шестнадцатипятиэтажный, у дома тополь или клен стоит
ненужный и усталый, в пустое небо устремлен, стоит под
тополем скамейка, и, лбом уткнувшийся в ладонь, на ней
уснул и видит море писатель Дима Рябоконе.

Он развязал и выпил водки, он на хер из дому ушел, он
захотел уехать к морю, но до вокзала не дошел. Он захотел
уехать к морю, оно – страдания предел. Проматерился,
проревелся и на скамейке захрапел. Но море сине-голубое,
оно само к нему пришло и, утреннее и родное, заулыбалось
светло. И Дима тоже улыбнулся. И, хоть недвижимый лежал,
худой, и лысый, и беззубый, он прямо к морю побежал.
Бежит и видит человека на золотом на берегу.

А это я никак до моря доехать тоже не могу – уснул, качаясь
на качели, вокруг какие-то кусты. В кварталах дальних и
печальных, что утром серы и пусты.

1999

* * *

На окошке на фоне заката
дрянь какая-то желтым цвела.
В общежитии жиркомбината
некто Н., кроме прочих, жила.

В полулегком подпитье являясь,
я ей всякие розы дарил.
Раздеваясь, но не разуваясь,
несмешно о смешном говорил.

Трепетала надменная бровка,
матерок с алой губки слетал.
Говорить мне об этом неловко,
но я точно стихи ей читал.

Я читал ей о жизни поэта,
четко к смерти поэта клоня.
И за это, за это, за это
эта Н. целовала меня.

Целовала меня и любила,
разливала по кружкам вино.
О печальном смешно говорила.
Михалкова ценила кино.

Выходил я один на дорогу,
чуть шатаюсь, мотор тормозил.
Мимо кладбища, цирка, острога
вез меня молчаливый дебил.

И грустил я, спросив сигарету,
что, какая б любовь ни была,
я однажды сюда не приеду.
А она меня очень ждала.

1999

* * *

Я усну и вновь тебя увижу
девочкою в клетчатом пальто.
Не стесняясь, подойду поближе
поблагодарить тебя за то,

что когда на целом белом свете
та зима была белым-бела,
той зимой, когда мы были дети,
ты не умирала, а жила,

и потом, когда тебя не стало, –
не всегда, но в самом ярком сне –
ты не стала облаком, а стала
сниться мне, ты стала сниться мне.

Вова Горохов (65 кг)

* * *

Мне нечего сказать
Но я умею говорить

* * *

Были синие.
Стали зеленые.

* * *

Одни говорят одно
Другие говорят другое
Третьи говорят третье
Четвертые говорят четвертое

Пятые говорят пятое
Шестые говорят шестое
Седьмые говорят седьмое
Восьмые говорят восьмое

Девятые говорят девятое
Десятые говорят десятое
Одиннадцатые говорят одиннадцатое
А двенадцатые говорят двенадцатое.

Кирилл Медведев

воздушный шарик и консервный ножик

подари мне воздушный шарик

консервный ножик

у меня уже есть

культура

у коматозных иные интересы

они осваивают латынь

изучают топографию
ада

а мы им по-видимому
серьезно мешаем –

своими возгласами

суматохой

и беготней

принесите раствор

подайте капельницу

есть надежда

* * *

какая красивая

ошибка

Антон Сурнин

Летняя ночь

Всё позабыл. Помню лишь, что...
Было совсем темно.
Молча сидел. Что-то курил.
Дым вылетал в окно.

Звезды с небес
падали вниз,
в темный густой лес.
Кто-то большой
тихо свистел
и по стене лез.

Первый, второй, третий этаж,
пятый, шестой, седьмой.
Сел на карниз.
Грустно вздохнул.
«Здравствуй, – сказал, – друг мой».

«Здравствуй. Ты кто?»
«Сам не пойму».
«Может быть, мед...»
«...ведь?»
«Может, курнем?»
«Что же, давай.
Ночь коротка ведь».

«Ночь коротка.
А сигарет
целых пятнадцать штук».
«Веки сомкнув,
будем с тобой
слушать дождя стук».

Мокрый асфальт.
Шелест листья.
Мутной луны свет.
«Знаешь, – сказал, –
есть только мы.
Прочее все –
бред!»

* * *

Если б ты была со мною,
я б назвал тебя женою.
Если б ты была со мной –
я б назвал тебя женой.

Аскет

Я аскет.
Я аскет.
Мне ничё не надо,
кроме только твоего
ласкового взгляда.

* * *

Простите. Я болен
нездешней тоской.
А вы – вы такая...
А я – я такой...

А вы – не отсюда.
А я вас люблю.
А можно, я вам
телеграмму пошлю?

Полуночные пчелы

Порой ночной, ночной порой
я слышу, как пчелиный рой
жужжит во тьме, во тьме жужжит
и в дверь открытую летит.

И те пчелы, и пчелы те
жужжат так громко в темноте,
жуть просто что, что просто жуть,
что до утра нельзя уснуть.

Утра и до, и до утра
они глядятся в зеркала,
то видя там, там видя то,
о чем нам знать не суждено.

Зари но лишь, но лишь зари
зажгутся блеклые огни,

долой летит, летит долой,
жужмя жужжа, пчелиный рой.

* * *

Не надо слов – к чему слова?
Пускай трещат в печи дрова.
Не надо и отдельных звуков,
летающих стрелами из луков.
Не надо мыслей – никаких –
ведь все несчастья – от них.
А надо лишь немного ветра –
в час три-четыре километра.

In aqua veritas

Посмотрев зрачком на воду
мутно-черного пруда,
я увидел в ней природу.
Так, холодная вода

заключает в середине,
в самом центре, в глубине,
и чешуйки на сардине,
и иголки на сосне,

и кочующих термитов,
и звенящих острых ос,
и ползущих вдаль улиток,
и летающих ввысь стрекоз –

заключает всю природу
и не хочет исключать.
Так давай смотреть на воду
и молчать,

молчать,
молчать...

Рождение музыки

По небу плавно плыли луны
Вдруг нервный кот полез на струны
И струны нежно зазвучали
и кот заплакал от печали

Слова

Вначале было слово.
Потом их стало два.
Потом их стало много.
Распухла голова.

По миру прокатилась
словесная чума,
и все в словах погрязли,
и все сошли с ума.

И только мхи и травы,
деревья и кусты
молчат без сожаленья,
прекрасны и просты.

* * *

В торбу с серыми заплатами
положу мою печаль
А иного мне не надобно
а иного мне не жаль

И любовь свою и ненависть
я оставлю далеко
Пусть печаль одна останется
а зато идти легко

Стрекозы

Я шел по дороге. Куда и откуда?
Не помню. Вдруг – заросли роз.
Я в розы полез, а оттуда – о чудо! –
взлетели двенадцать стрекоз.

Я замер. Стрекозы, одна за другою,
взмывали, звеня, в небеса.
И сердце вдруг сжалось щемящей тоскою,
на землю упала слеза.

Я крикнул: постойте!
Постойте, стрекозы!
Закрыв позолотой глаза,
взлетел...

там, внизу – бесполезные розы.
Я – в воздухе! Я – стрекоза!

* * *

Ножки мои, ножки,
бегите по дорожке!

Ручки мои, ручки,
хватайтесь за тучки!

Ушки мои, ушки,
не ложитесь на подушки!

Глазки мои, глазки,
смотрите – всё как в сказке!

* * *

Подари мне город
тихий и живой
с синими домами
с белой мостовой

Подари мне небо
небо без луны
чтобы только звезды
были в нем видны

чтоб сплетенья улиц
сна хранили тишь
чтобы свет прозрачный
чуть касался крыш

Нейрончики

В черепной моей коробочке
сотни крошечных нейрончиков.
В ней сидят они, как пробочки
в тонких горлышках флакончиков.

Стоит мне подумать чуточку,
и нейрончики под сеточку
ловят, как охотник уточку,
мысль и сажают ее в клеточку.

Мысли в этой хитрой клеточке
зреют, как на грядке луковки.
Я ж сижу на табуреточке
и пишу в тетрадку буковки.

Двери

За дверью – дверь,
за дверью – дверь,
за дверью – дверь,
за дверью – дверь,

за дверью – дверь,
за дверью – дверь,
а в двери –
маленькая щель,

а в щели – свет.
И я бы мог...
Но дверь закрыта
на замок.

* * *

Зачеркнутому верить.
Зажженное курить.
Небритое – намылить.
Намыленное – брить.

Побритому – одеться.
Одетому – идти.
И нет числа дорогам!
И нет конца пути!

Баллада о чае

– Чаю поставить? – спросил я негромко,
глядя в окно на снег.
Никто не ответил.
Лишь стрелки часов
свой продолжали бег
по светлomu кругу. – Поставить чаю?
И снова молчанье, ни звука нет.
– Чаю поставить? – спросил я громче,
но и на сей раз не получил ответ.
Немного помолчав, повторил я вопрос:
– Поставить чаю?
Сам стою, чайником качаю.
– Чаю поставить?
И вновь тишина.
Лишь только откуда-то песня слышна.
Стою я, оберткой блестящей шуршу

и чайник в руке закопченный держу.
Видю – пуст зал.
Подумал я и сказал:
– Ну что ж, раз никто не хочет,
то и не надо!
На том и кончается наша баллада.

13

(поэма)

1, 2

3, 4

5, 6

7, 8

9, 10

11, 12

13.

* * *

положил в карман предмет
и еще один предмет
и еще один предмет
и еще один предмет

и еще один предмет
и еще один предмет
и еще один предмет
и теперь там места нет

Слово о полку Игореве

Полк.

Телефонные стихи

1

жетоны на телефоны

2

жетончики на телефончики

Шиш Брянский

* * *

Далеко, глубоко, в пылающих недрах
Таится мой нежный и яростный недруг.
Как-то снизу в меня запускает он руку,
Я не знаю, как он такое может,
Он берёт там внутри за какую-то штуку,
Выдвигает наружу, и кусает, и гложет.
Ну а если б не было его,
Я обычное бы был хуйло.
Ну а так – ничего, ничего.
Мне легко и светло.

* * *

Вставьте мне в сердечко звёздочку, звёздочку,
Вместо ушек вставьте ракушки, ракушки,
А заместо глазок – шарики, шарики,
Вместо брючек дайте штаники, штаники,
Положите меня в ясельки, в ясельки,
Чтобы я лежал бы в люлечке, в люлечке
И пускал из носа сопельки, сопельки,
Издавая при этом вопельки, вопельки.
А потом постройте радугу, радугу,
Чтоб по ней бежали гномики, гномики
Чтобы в ней бы жили кошечки, кошечки,
И кормите меня с ложечки, с ложечки.
Но вы этого не можете, не можете.
Ну так что ж вы блядь меня не уничтожите?

* * *

На меня Он посмотрел –
Я мяукнул и прозрел.

* * *

Я говорю Ему: как стало много тьмы,
Как стало света мало!
Скажи, скажи, что можем сделать мы?
А Он: заткни Ебало!

* * *

Мъне синица рассказала
На Сионских горах,
Что Я чёрный ломтик сала,
Что Я прах, что Я прах.

Что вольошь в Мою Ты Прану
Литор дольней хуйни,
И Я стану, и Я стану
Как они, как они.

И вопхнёшь Меня Ты в стадо,
Мою Волю истлишь.
Ой, не надо, слышь, не надо,
Ну пожалоста, слышь!

* * *

Дорогая, сядем рядом
И отравимся блядь ядом!

* * *

В лесу Лиса Алиса
Ебёт глиста-англиста,
Не отличая Неба
От тёмнаго Эреба.

.....

Мораль: слепыя совы
Всё разделить готовы,
Но Мы-то с Вами знаем,
Что Ад бывает Раем.

* * *

Вытер руки ты об я,
Потому что ты свинья.
Заебли меня скоты –
Вытру ноги я об ты.
Поднасрали вы на мы,
Вы – вандалы, дети тьмы.
Чтобы стали вы мертвы,
Поднаsrём и мы на вы.

* * *

Огонь меня съедал,
Перун меня чьморил,
И солнце зимнее
ебалось со мною,
И синие глаза
земле я засорил
Тысячелистою Хуйнёю.
Воды клеветущей
Мальчшеский изгиб!
Она течёт, круглоголоса,
К тому, с кем правота
Пизьдела из-под глыб
И солнце зимнее еблося.

* * *

Белые цветы,
Синяя кровать...
– О, пошёл бы ты
На Хуй, так сказать!
– На Хуй? Почему?
Чем я виноват?
– Чувству моему
Ты противен, брат.

* * *

Я знаю – я буду в Аду
Заслуженный деятель искусств,
Мне дадут золотую дуду
И посадят под розовый куст.

А если Деявол, хозяен всего,
На меня наедет: «Хуёво дудишь!» –
Снидет Бог и скажет: «Не трогай его –
Это Мой Шиш».

Дмитрий Дмитриев

* * * #

Тихо в море разойтись было не резон
Из разбитых лодок быт ладит Робинзон.

Поехали

В небо летел
Быстрее чем хотел
Юра ибн Алёша

2000

Неуловимые мстители

глаз за глаз
зуб за зуб –
только попадись
только
с глазу на глаз
зуб на зуб
не попадает

2000

Об авторах 2-го тома | комментарии

Список сокращений:

АГЛ – Антология новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны», тт. 1–5. B. Newtonville: Oriental Research Partners, 1980–1986.

НЛО – Новое литературное обозрение (журнал и изд-во).

Самиздат века – Самиздат века. Минск-М.: Полифакт, 1997.

НП – сетевая Антология неофициальной поэзии (<http://rvb.ru/np>), основанная на поэтическом разделе «Самиздата века».

БП, б.с. (м.с.) – Библиотека поэта, большая (малая) серия.

НБП – Новая библиотека поэта.

АРПКuРП – Антология русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии. М.: Гелиос-АРВ, 2002.

СП – Союз писателей СССР.

А. Ник (*Аксельрод Николай Ильич*;
род. 18.11.1945, Ленинград)

Поэт, прозаик, драматург. Двоюродный брат Б. Аксельрода. Окончил фотоучилище. Публиковался преимущественно в самиздате, был близок к группе хеленуктов. С 1973 живет в Праге, где выпускал самиздатский журнал «Munk». Большая часть написанного не опубликована.

Вл. Эрль. Книга хеленуктизм. СПб.: Призма–15, 1993; *24 поэта и 2 комиссара [коллективный сборник]* СПб.: Новая Луна, 1994; *Зинзивер* № 2 (2005); <http://dlegoshin.narod.ru/nik.html>

А.Х.В.

Эту аббревиатуру использовали Алексей Хвостенко и Анри Волохонский для обозначения авторства совместно написанных произведений. Начавшись в 1963 году в Ленинграде, содружество двух поэтов продолжилось и после их эмиграции. Всего таким образом было написано около 60 песен и некоторое количество стихов и басен. *Басни.* Париж, 1984 (репринтное издание – М.: Пробел-2000, 2007); *Городские поля.* Париж, 1991 (репринтное издание – М.: Пробел-2000, 2007); *Берлога пчел.* Тверь: Kolonna publications, 2004; *Чайник вина.* М.: Пробел-2000, 2006.

Абдуллаев Шамшад Маджитович

(род. 1.11.1957, Фергана)

Поэт, прозаик, эссеист. Окончил филфак Ферганского педагогического ин-та. Лидер Ферганской поэтической школы. В 1991–1995 годах заведовал отделом поэзии ж. «Звезда Востока». Лауреат Премии Андрея Белого (1993). Живет в Фергане. *Украина.* Ташкент, 1987; *Промежуток.* СПб., 1992; *Неподвижная поверхность.* М.: НЛО, 2003.

Айвенго (*Стеценко Андрей Глебович*;

род. 15.06.1971, Тольятти)

Поэт, драматург, перформер. Известен также как Прометей Стеценко и Дюша Глебович. Ранние произведения иногда подписывает Протоайвенго. Выступает и под другими литературными масками. Автор нескольких самиздатских стихотворных сборников: «Тангенс-Котангенс» (1997), «Иц Май Лаф» (1998), «Феноменология Уха» (1999), «Безделки» (2002) и др. Организатор художественно-поэтической группы «Олимпийские игры», объединений «Бульбовая мысля» и «Тройник». Живет в Тольятти.

Авторский файл.

В полном виде «*Регионал-моногатари*» состоит из двух «свитков»; в каждом нумерованном рассказе первого «свитка» содержится трёхстишие

(наподобие хайку), а второго – пятистишие (наподобие танка).

Айзенберг Михаил Натанович

(род. 23.06.1948, Москва)

Поэт, эссеист, критик, исследователь неофициальной поэзии. Закончил Московский архитектурный ин-т, работал архитектором-реставратором. Начал печататься за границей в 1970-х. В России публикуется с конца 1980-х. Лауреат премии Андрея Белого (2003). Живет в Москве. *Указатель имен.* М.: Гендальф, 1993; *Пунктуация местности.* М.: АРГО-Риск, 1995; *Друзие и прежние вещи.* М.: НЛО, 2000; *Переход на летнее время.* М.: НЛО, 2008.

Это была, чтоб ты знал, политика... –

посвящено Денису Новикову.

Аксельрод Борис Михайлович

(род. 30.09.1950, Ленинград)

Поэт, прозаик, художник, перформансист. Имеет экономическое образование. Работал оператором котельной, сторожем, литературным секретарем. С 17 лет входил в круг поэтов Малой Садовой. В конце 1970-х примкнул к группе поэтов-трансфуристов (Ры Никонова и С. Сигей). Публиковался в сам- и тамиздате под псевдонимами Б. Ванталов и Б. Констриктор. Живет в Петербурге. *Борис Ванталов. Стихотворения.* СПб.: Призма–15, 1993; *Борис Ванталов. «Крещатик»* №11/2. Киев, 2001; *Борис Констриктор/Руслан Элинин. Стихограф. Книга взаимоиллюстраций.* Том 2. М.: ЛИА Р.Элинина, 2003; *Борис Констриктор. Свои.* М.: ж. «Меценат и мир», 2002.

Алейников Владимир Дмитриевич

(род. 28.01.1946, Пермь)

Поэт, прозаик, переводчик. Вырос на Украине, в Кривом Роге. Стихи пишет с 1963. Учился на историческом ф-те МГУ, откуда был исключен за участие в группе СМОГ (позднее доучился на заочном). Начиная с 1965 стихи публиковались на Западе. Лауреат премии Андрея Белого (1980). Живет в Коктебеле.

Предвечерье. Стихи. М.: Мол. гвардия, 1987;

Путешествия памяти Рембо. М.: Прометей, 1990; *Ночное окно в окне.* М., 1993.

Александров Алексей Станиславович

(род. 19.06.1968, Александров Владимирской обл.)

Поэт. Окончил Саратовский ун-т. Живет в Саратове, работает инженером.

<http://amber2002.narod.ru/alexandrov.htm>

Алексеев Юрий Васильевич (род. 8.07.1947, Новогеоргиевск Кировоградской обл.)
Поэт. С 3 лет живет в Пушкине (Царское село). Окончил вечернее отделение исторического ф-та ЛГУ. В настоящее время – зам. директора по научной работе в Екатерининском дворце Царского Села. Занимался в лито под руководством Т. Гнедич. До начала 1990-х стихи публиковались только в самиздате и за рубежом.
АГЛ-4Б.

Амелин Максим Альбертович
(род. 7.01.1970, Курск)
Поэт, переводчик. Окончил курский торговый техникум. После армии учился в Литинституте (1991–1994). С 1995 работает коммерческим директором в издательстве «Symposium». Живет в Москве.
Холодные оды. М.: Symposium, 1996; *Dubia*. СПб.: Ина-Пресс, 1999; *Конь Горгоны*. М.: Время, 2003.

Катавасия на Фоминой недели. Текст – по ж. «Знамя» № 11, 2000. В книге «Конь Горгоны» другой вариант; вместо шестистишия «С хоро- водом нимф и граций...» – такая строфа: «Всяк рожденный не однажды / глаза не страшится, жажды, / обстоятельств или нужд, / хоть в ка- зарме, хоть на зоне / размышляет о Назоне, / человеческого чужд».

Анашевич Александр
(Яковлев; род. 1971, Воронеж)
Поэт, драматург. Работает журналистом. Живет в Воронеже.
Столько ловушек. М.: АРГО-РИСК, 1997; *Сигна- лы. Сирены*. СПб.: Митин журнал, 1999; *Не- приятное кино*. М.: ОГИ, 2001.

Все праздники сию в пустом дому... – из цик- ла «Симона III. – Симоне В.: краденые подарки».

Андрианова Марина Юрьевна
(род. 13.08.1960, Москва)
Поэт. Ученица Е. Харитонова. Участвовала в колл. сборнике «Список действующих лиц» (самиздат, 1982). В начале 1980-х была женой М. Файнермана. Живет под Москвой.
<http://rvb.ru/np/publication/oritext/42/04andrianova.htm>; авторская машинопись.

Брести вдоль пустых берегов...
Строки в кавычках – неточная цитата из ст-я Е. Харитонова «На улице самый разгар, я свер- нусь...». У Е.Х. соотв. строки выглядят так: «так незаметно приму смерть, / в мыслях о новом произведении.»

Анищенко Михаил Всеволодович
(род. 9.11.1950, Куйбышев)
Поэт. Работал фрезеровщиком на заводе. В 1977 поступил в Литинститут, диплом получил лишь в 1988 (трижды исключали за пьянство). В пере- стройку стал одним из помощников самарского мэра, но быстро разочаровался в политике. Уехал в деревню, несколько лет фактически бомжевал. В последнее время благодаря Е. Евтушенко сно- ва много публикуется. Живет в селе Шелехметь Самарской обл.
Что за горами. Куйбышев, 1981; *Ласточкино поле*. М.: Современник, 1990; *Оберег*. М.: Прогресс-Плеяда, 2007.

Анкудинов Максим Арикович (25.06.1970, Свердловск – 4.12. 2003, Екатеринбург)
Поэт, переводчик. Рос в Нижнем Тагиле. Окон- чил Уральский политехнический ин-т (1992). Жил в Екатеринбурге, работал инженером- программистом. Был сбит насмерть машиной.
Парусное небо. М.: АРГО-РИСК, 1996; *Урал и вся Россия*. Екатеринбург, 2001; *Пепел клоуна*. Челябинск, 2002; *Весна в большом городе*. Екатеринбург: Игныпс, 2003.

Арабов Юрий Николаевич
(род. 25.10.1954, Москва)
Поэт, прозаик, кинодраматург, эссеист. Окончил сценарное отделение ВГИКа в 1980. Сценарист большинства фильмов А. Сокурова. Лауреат премии Каннского кинофестиваля за сценарий фильма «Молох» (1999). Преподает во ВГИКе. Один из организаторов московского клуба «Поэзия». Живет в Москве.
Автостоп. М.: Сов. пис., 1991; *Воздух*. М.: Футу- рум БМ, 2003.

Армалинский Михаил (*Пельцман Михаил Израилевич*; род. 23.04.1947, Ленинград)
Поэт, прозаик, издатель. Окончил Ленинградский электротехнический ин-т. Работал инженером в НИИ, преподавал в ПТУ. Посещал лито В. Со- сноры и С. Давыдова, распространял стихи в сам- издате. В 1976 эмигрировал в США. Основал в Миннеаполисе изд-во М.І.Р., выпускающее в основном эротическую литературу. Из его про- ектов наиболее известно провокационное изда- ние «тайных записок» А.С. Пушкина (вероятно, написанных самим Армалинским).
Вразумленные страсти. Торонто, 1974; *Чтоб знали!* М.: Ладомир, 2002.

Аронзон Леонид Львович (24.03.1939, Ленинград – 13.10.1970, близ Ташкента; похоронен в Петербурге)

Поэт. Окончил Ленинградский педагогический ин-т. Преподавал русский язык и литературу в вечерних школах, писал сценарии научно-популярных фильмов. При жизни практически не печатался. Погиб во время поездки в Среднюю Азию при не вполне выясненных обстоятельствах. Первые посмертные книги готовились Е. Шварц и Вл. Эрлем.

Избранное. Иерусалим: Малер, 1985; *Стихотворения*. Л., 1990; *Собрание произведений в 2-х томах*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006.

С балкона я смотрел на небеса... – магистрал незавершенного венка сонетов «Календарь августа».

Ахматов Алексей Дмитриевич

(род. 8.02.1966, Ленинград)

Поэт, прозаик, критик. Детство провел на Кольском полуострове, в Североморске. Окончил радиотехническое училище в Ленинграде (1985). Живет в Петербурге, работает редактором, руководит поэтической студией «Дерзание» при городском Дворце творчества юных.

Солнечное сплетение. Л., 1989; *Сотрясение воздуха*. СПб.: Изд-во Буковского, 1998.

Ахметьев Иван Алексеевич

(род. 31.03.1950, Москва)

Поэт, литературовед, антологист. Окончил физический факультет МГУ, но по специальности работал недолго. Побывал рабочим в булочной, истопником, бойцом пож. охраны, сторожем, дворником, библиотекарем. Первые публикации в 1981. Участвовал в альманахе «Список действующих лиц» (1982, самиздат). С начала 1990-х готовил книжные, журнальные и сетевые публикации Виноградова, Кропивницкого, Маковского, Некрасова, Сатуновского, Соковнина, Холина, Черткова, Чудакова и некоторых других авторов. Участвовал в составлении антологий «Самиздат века» (1997; поэтический раздел) и «Поэзия второй половины XX века» (2002; фактически в этой книге представлена поэзия 1930–1960-х). Куратор сетевой Антологии неофициальной поэзии (<http://www.rvb/nr/>). Живет в Москве.

Стихи и Только стихи. М.: ТОЗА; Издательская квартира Андрея Белашкина, 1993; *Девять лет: 1992–2001*. М.: ОГИ, 2001.

Байтов Николай Владимирович

(Гоманьков; род. 23.05.1951, Москва)

Поэт, прозаик, эссеист, перформер и book-art'ист. Учился на ф-те прикладной математики МИЭМ, работал программистом. В 1970-х участвовал в неофициальных собраниях и чтениях в кабинете звукозаписи при литературном музее. В 1980-х – соредактор машинописного альманаха «Эпсилон-салон». Стихи и проза публиковались в самиздатских, затем независимых изданиях с 1985. Один из создателей «Клуба литературного перформанса». Живет в Москве.

Равновесия разногласий: Стихи. М., 1990; *Времена года*. М.: ОГИ, 2001.

Басилова Алёна

(Елена Николаевна; род. 28.07.1943, Москва)

Поэт, правозащитник. Была женой Л. Губанова. Выступала в качестве свидетеля защиты на процессах А. Гинзбурга, В. Буковского, Ю. Галанскова и В. Лашковой. Живет в Москве.

Альманах «Поэзия», № 55 (1990); *Стихи из поэмы «Комедия греха»*. М.: Рекламная библиотека поэзии, 1992.

Башлачёв Александр Николаевич

(27.05.1960, Череповец – 17.02.1988, Ленинград)

Поэт, рок-музыкант. В 1983 окончил ф-т журналистики Уральского государственного ун-та. Год работал журналистом в Череповце, переехал в Москву, затем в Ленинград. Стал известен после серии квартирных концертов и выступления в Ленинградском рок-клубе в марте 1985, принимал участие в рок-фестивалях, выпустил несколько магнитофонных альбомов. Покончил с собой, выбросившись из окна. Все официальные альбомы и книги вышли посмертно.

Стихи. М.: Х.Г.С, 1997.

Безродный Михаил Владимирович

(род. 16.02.1957, Ленинград)

Прозаик, филолог, поэт. Учился в Тартусском ун-те; кандидат филологических наук. Работал в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (1979–1991). Эмигрировал в Германию (1991), работал в Ин-те славянской филологии Мюнхенского ун-та. Ныне научный сотрудник Ин-та славистики в Гейдельберге.

Конец Цитаты. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.

Беликов Владимир Александрович

(род. 31.08.1940)

Прозаик, драматург, поэт. Некоторое время учился на философском ф-те МГУ и в Литинституте – был исключен из обоих. Участвовал

в неофициальных лито Симона Бернштейна и Эдмунда Иодковского. Живет в Москве. Авторская машинопись середины 1970-х.

Белобров Владимир Сергеевич

(род. 18.03.1962, Москва)

Поэт, прозаик. Окончил филфак МГУ. Выступал как рок-музыкант, работал теле- и радиоведущим. Большинство прозаических произведений написано в соавторстве с Олегом Поповым. Живет в Москве.

Беседа с ушами. СПб.: Красный матрос, 2000.

Беляков Александр Юрьевич

(род. 27.11.1962, Ярославль)

Поэт. Окончил математический ф-т Ярославского ун-та (1984), работал программистом, журналистом, редактором, начальником пресс-службы областной администрации. Начал печататься с 1988. Живет в Ярославле.

Ковчег неуют. Ярославль: Библиотека для чтения, 1992; *Книга стихотворений.* М.: ОГИ, 2001.

Блажеёвский Евгений Иванович

(5.10.1947, Кировабад (Гянджа), Азербайджан – 8.05.1999, Москва)

Поэт, художник. В юности играл в футбол на профессиональном уровне. Начиная с 1970-х жил в Москве, окончил Московский полиграфический ин-т. Печатался с середины 1970-х.

Тетрадь: М.: Молодая гвардия, 1984; *Монолог.*

М.: Союз российских писателей, 2005.

Богомяков Владимир Геннадиевич (род.

29.01.1955, Ленинск-Кузнецкий Кемеровской обл.)

Поэт, прозаик; философ, социолог, журналист. С 1961 живет в Тюмени, сын Г.П. Богомякова, 1-го секретаря Тюменского обкома КПСС в 1973–1990. Окончил исторический ф-т Тюменского ун-та. Работал штукатуром-маляром, социологом, научным сотрудником в разных ин-тах. Доктор философских наук, зав. кафедрой политологии Тюменского ун-та. Постоянный автор «Сибирской православной газеты». Сотрудничает с сибирскими рок-группами.

Книга грусти русско-азиатских песен Владимира Богомякова. М.: Guzelizdat, 1992; *Песни и танцы онтологического пигмея Владимира Богомякова.* М.-Тюмень: Парад, 2003.

Бородицкая Марина Яковлевна

(род. 26.08.1954, Москва)

Поэт, прозаик, переводчик. Окончила московский ин-яз. Пишет также стихи и сказки для детей. Живет в Москве.

Я раздеваю солдата. М., 1994; *Одиночное катание.* СПб., 1999; *Год лошади.* М., 2000.

Бочкарёва Изабелла Юрьевна

(род. 4.04.1943, Москва)

Художник, поэт, переводчик. Окончила московский ин-яз. Живет в деревне Красная Горка Тверской обл. и Москве.

Архив И. Ахметьева; *Граждане ночи* (колл. сборник). Т. 2. М.: СП Вся Москва, 1990; <http://artisabo.narod.ru/autor.html?#Vers>.

Бражников Илья Леонидович

(род. 28.04.1970, Москва)

Поэт, прозаик, эссеист. Окончил филфак Московского педагогического государственного ун-та и аспирантуру Ин-та мировой литературы (у В. Кожинова). Преподавал в московских школах, гимназиях, ун-тах. Определял себя как пост-модерниста. В середине 1990-х публично отказался от своих ранних произведений и перешел на православно-консервативные позиции. Живет в Москве.

Вавилон: Вестник молодой литературы.

Вып. 4 (20). М.: АРГО-РИСК, 1996.

Бренер Александр Давидович

(род. 1957, Алма-Ата)

Поэт, прозаик, критик, художник-акционист. Учился на филфаке Ленинградского государственного педагогического ин-та. В 1989 репатрировался в Израиль. В 1992–1996 годах жил в Москве, с 1997 – в Вене и Лондоне. В 1997 осуществил акцию в голландском Стеделийк-музее, нарисовав зеленой краской знак доллара на картине К. Малевича «Супрематизм», за что был приговорен к 5 месяцам тюрьмы. Рассматривает свои художественные проекты как часть политической деятельности леворадикального толка. *интернационал неуправляемых торпед.* М.: Гилея, 1996; *обоссанный пистолет.* М.: Гилея, 1997.

Бродский Александр Маркович (известен также как Микки Вульф; род. 1942, Узбекистан)

Поэт, переводчик, прозаик, эссеист. Родился в эвакуации, с 1944 жил в Кишиневе. В 1960-е посещал лито при газете «Молодежь Молдавии». Окончил ф-т журналистики МГУ (1970). Работал в редакции журнала «Нистру». С 1992 – в Израиле. Живет в Бат-Яме.

www.sunround.com/club/22/145_brodsky.htm

Оба стихотворения – из цикла «Гойески».

Бродский Иосиф Александрович

(24.05.1940, Ленинград – 28.01.1996, Нью-Йорк, похоронен в Венеции)

Поэт, переводчик, эссеист. Оставил школу после 7-го класса, работал на различных предприятиях Ленинграда, ездил в геологические экспедиции. Стихи писал с 17 лет, участвовал в публичных чтениях в домах культуры и клубах. Стихи имели широкое хождение в самиздате, в т.ч. были опубликованы в журнале «Синтаксис». В 1964 выслан на пять лет из Ленинграда в Архангельскую обл. по указу о борьбе с «тунеядцами». В результате широкого общественного резонанса в СССР и за рубежом в 1965 срок был понижен до фактически отбытого. В 1972 под давлением властей эмигрировал в США, преподавал в университетах. В 1987 стал лауреатом Нобелевской премии. В СССР первая книга вышла в 1990.

Остановка в пустыне. NY: изд-во им. Чехова, 1970; *Осенний крик ястреба.* Л.: ИМА-пресс, Петрополис, 1990; *Сочинения: в 4-х томах.* СПб.: Пушкинский фонд, 1992–1995

Брянский Шиш – см. Шиш Брянский

Буковская Тамара Симоновна (урожд. Козлова, в замуж. Мишина; род. 6.03.1947, Ленинград)

Поэт, эссеист, переводчик. Окончила вечернее отделение филфака ЛГУ. Работала редактором в издательстве, экскурсоводом, в настоящее время заведует отделом в Музее-квартире А.С. Пушкина. В юности посещала литературный клуб «Держание» при Дворце пионеров, лито Т. Гнедич и Г. Семёнова. Входила в круг поэтов Малой Садовой. Публиковалась в самиздатских журналах, с 1978 – также за рубежом. С 2001 совместно с мужем, В. Мишиным, издаёт журнал «АКТ – литературный самиздат». Живёт в Петербурге.

Отчаяние и надежда. Л.: Худ. лит., 1991; *Свидетельство очевидца.* СПб.: Облик, 1999.

Бунимович Евгений Абрамович

(род. 27.05.1954, Москва)

Поэт. Окончил мехмат МГУ. Преподаёт математику в школе. Заслуженный учитель России. В 1982–1983 – президент Независимого московского клуба молодых поэтов, закрытого решением МГК КПСС. Один из основателей клуба «Поэзия». Долгое время был депутатом Московской городской думы от партии «Яблоко». Инициатор и президент Московских международных биеннале поэтов (с 1999). Живёт в Москве.

Просто нет такого города Парижа. Париж, 1990; *Потому что живу.* М.: АСИ, 1992; *Естественный отбор.* М.: МИПКРО, 2001.

Первые три стихотворения – из цикла «Черта-новские терцины».

Буренин Игорь Юрьевич (Гоша Брынь;

22.02.1959, Лихен, ГДР – 25.01.1995, Ростов-на-Дону)

Поэт. В 1981 окончил архитектурный ф-т Львовского политехнического ин-та. Работал архитектором, художником-конструктором ПО Электрон, художником-декоратором театра «Гаудеамус» Бориса Озерова. В 1984–1985 жил в Ленинграде, где вместе с С. Дмитриевским и др. манифестировал создание «школы новейшей эклектики». С 1988 жил в Ростове-на-Дону.

Луна луна. М.: Запасный выход, 2005.

Важенин Владимир Николаевич

(род. ок. 1967, Семёново Тюменской обл.)

Поэт. В 1980-х учился на филфаке Тюменского ун-та, но был отчислен. Живёт в Тюмени. Стихи, написанные в 1980-х, были изданы в 2004 усилиями его бывших однокурсников.

Твоёго сердца я ковбой. М.: «Парад», 2004.

Валентин Загорянский (литературное имя

Седельникова Глеба Серафимовича;

род. 6.08.1944, Москва)

Композитор Г.С. Седельников в 1971 окончил Московскую консерваторию как музыковед, в 1974 – как композитор. Автор опер, кантат, ораторий, песен и т.д. Поэт Валентин Загорянский пишет традиционные стихи, миниатюры, акростихи. Живёт в Москве.

Дождь кратковременный. М.: Советский композитор, 1990; *АРКИПП*; машинописи 1990-х из архива Г.Г. Лукомникова.

Ванталов Борис – см. Аксельрод Борис Михайлович.

Васильев Лев Викторович (1.01.1944,

Ленинград – 31.03.1997, Петербург)

Поэт. В 1962–1966 учился на филфаке ЛГУ, но из-за необходимости зарабатывать на жизнь перевёлся на заочное отделение, а затем оставил ун-т. Работал редактором, такелажником, сторожем. Стихи писал с 1961, печатался в самиздате.

Ненормальная радость. СПб., 1993; *Стихотворения.* СПб.: изд-во Буковского, 2000.

Отпльвая в край обетованный... Публикуется вариант из антологии «Поздние петербуржцы» (СПб.: Европейский дом, 1995).

Веденяпин Дмитрий Юрьевич

(род. 14.10.1959, Москва)

Поэт, прозаик, переводчик. Окончил Ин-т иностранных языков. Работал ночным сторожем, рабочим в геологических и археологических экспедициях, тренером по самбо, жонглером, преподавателем английского языка. С конца 1970-х участник группы «Московское время». Публикует стихи с 1988. Ведет поэтический класс в Ин-те журналистики и литературного творчества. Живет в Москве.

Покров. М., 1993; Трава и дым. М.: ОГИ, 2002.

Векслер Михаил Емельянович

(род. 1957, Одесса)

Поэт. Стихи пишет с юности. Печатается с 1993. Живет в Одессе.

Песня о страусе. Одесса: Друк, 2000.

Величанский Александр Леонидович

(1940, Москва – 10.08.1990, там же)

Поэт, переводчик, эссеист. Служил в армии, работал на заводе. Учился на историческом ф-те МГУ (1962–1965); перейдя на заочное отделение «Центрнаучфильм», затем сторожем – и одновременно внештатным переводчиком ТАСС. Впервые его стихи были опубликованы в «Новом мире» Твардовского (№ 12, 1969), затем до 1988 – только сам- и тамиздат.

Удел. М., 1989; Баста. Речитатив. М., 1989;

Бездонный челн. М., 1990; Вплоть. М., 1991 (все – в изд-ве Прометей); *Самиздат века.*

Вензель Евгений Петрович

(род. 29.6.1947, Ленинград)

Поэт, прозаик, художник. Учился в художественной школе. Посещал клуб «Дерзание» при Дворце пионеров. Входил в круг поэтов Малой Садовой. Работал грузчиком, сторожем, матросом береговой охраны. До 1990-х печатался только в самиздате и за рубежом. Живет в Петербурге.

Стихи. СПб.: Призма–15, 1992; Второй сборник стихотворений. СПб.: Лицей, 2000.

Верник Александр Леонидович

(род. 1947, Харьков)

Поэт. Учился в техникуме, окончил филфак Харьковского ун-та. Работал корректором, специалистом по фирменным знакам. Посещал литературную студию Б. Чичибабина. Входил в неофициальное объединение харьковских поэтов (В.Бахчанян, Э.Лимонов, Ю.Милославский).

Эмигрировал в Израиль (1978). Живет в Иерусалиме.

Биография. Иерусалим: Лексикон, 1987; Зимние сборы. Л., 1991; Сад над бездной. Иерусалим, 1999.

Вишневой Александр Григорьевич

(03.05.1952, Симферополь – 09.06.2008, там же)

Поэт. После армии год учился в театральном училище, затем работал диктором на крымском радио. В 1977 поступил в Литинститут (поэзия). Перед защитой диплома его неожиданно пытаются под надуманным предлогом отчислить из института. Возможно, это было связано с псевдонимной публикацией в «Антологии Гнозиса» (см. Дрёмин Степан). Диплом удалось защитить только с шестой попытки (литературоведческой статьей о Пушкине) в 1985. Вынужденно вернувшись в Симферополь, он долгое время снова работал диктором на радио.

Темные Пляды. М.: Водолей, 2009; <http://vischnevoy.narod.ru/Stih2.htm>

Вишневская Юлия Иосифовна (род. 1949)

Общественный деятель, журналист, поэт. В 1960-е – участница группы СМОГ. В связи с правозащитной деятельностью несколько раз подвергалась принудительной госпитализации в психиатрических лечебницах (1965, 1970, 1971). С 1971 в эмиграции, жила в Германии, до 1994 работала на радио «Свобода». Живет в Израиле. Самиздатский сборник из архива А. Монастырского; ж. «Ами» (Иерусалим) №3, 1973.

...Апостола Петра – написано под впечатлением от процесса Петра Ионовича Якира, который после ареста в 1972 стал «сотрудничать со следствием».

Владимиров Виталий (ок. 1970?, Куйбышев? – 1990-е, Утёвка Самарской обл.?)

Поэт. Жил в Куйбышеве (Самаре). Посещал лито «Молодая Волга». Некоторое время был послушником в монастыре. Лечился в психиатрической клинике. При его жизни стихи нигде не печатались. По слухам, был убит при ограблении после обмена квартиры.

Ж. «Дети Ра» № 5 (9) за 2005; файлы, предоставленным Г. Квантришвили – со стихами отчасти из его архива, отчасти собранными О. Айдаровым.

Воденников Дмитрий Борисович

(род. 22.12.1968, Москва)

Поэт, эссеист, журналист. Окончил филфак Московского педагогического ин-та. Автор и ведущий программ «Радио России», посвященных современной культуре. Живет в Москве.

Репейник. М.: Изд-во Е. Пахомовой; АРГО-РИСК, 1996; *Holiday*. СПб.: ИНАПРЕСС, 1999.

Воловик Александр Иосифович

(род. 1.05.1942, Сорочинск Оренбургской обл.)

Поэт. С 1944 живет в Москве. В 1965 окончил мехмат МГУ. Кандидат физико-математических наук (1992). Работал в конструкторском бюро, в Ин-те теоретической и экспериментальной физики, с 1995 – в НПП «Гарант-Сервис-Университет». Стихи пишет с детства, печататься начал в 1987. Сам себе автор. М., 1996; Договоримся о воздухе. М., 2006.

Волченко Виктория Юрьевна

(род. 7.05.1964, Ленинград)

Поэт, прозаик, драматург. Родилась в семье военного. Детство провела на Дальнем Востоке и в ГДР, юность в Краснодаре. Училась в Литинституте. Живет в Москве.

Стихотворения. М.: Гуманитарный фонд, 1994;

Стихи. М.: Антей, 1998; Без охраны. СПб.:

Пушкинский фонд, 2006.

Воркунов Андрей Борисович (род. 13.03.1957)

Поэт, прозаик, автор-исполнитель песен. Участвовал в выступлениях и акциях клуба «Поэзия». Живет в Москве.

Троянский кот. М.: Academia, 1995.

Гандельсман Владимир Аркадьевич

(род. 12.11.1948, Ленинград)

Поэт, переводчик, эссеист. Окончил Электротехнический ин-т, работал сторожем, кочегаром.

Стихи печатались в самиздате. В 1990 эмигрировал в США. Живет в Нью-Йорке.

Вечерней почтой. М.-СПб., 1995; *Долгота дня*.

СПб.: Пушкинский фонд, 1998; *Тихое пальто*.

СПб.: Пушкинский фонд, 2000; *Новые рифмы*.

СПб.: Пушкинский фонд, 2003.

С работы – из цикла «С разных точек».

Узкий, коричневый, на два замка саквоаяж... – из цикла «Стихи памяти отца».

Гандлевский Сергей Маркович

(род. 21.12.1952, Москва)

Поэт, переводчик, прозаик, эссеист. Окончил филфак МГУ. Работал школьным учителем, экскурсоводом, рабочим сцены, ночным сторожем. В 1970-х входил в литературную группу «Москов-

ское время», в 1980-х – в клуб «Поэзия» (в начале его существования), в группу «Альманах». Стихи печатались в самиздате, позже на Западе, с конца 1980-х в СССР. Живет в Москве.

Рассказ. М.: Московский рабочий, 1989; *Праздник*. СПб.: Пушкинский фонд, 1995; *Конспект*. СПб.: Пушкинский фонд, 1999; *Порядок слов*.

Екатеринбург: У-Фактория, 2000; *Найти охотника*. СПб.: Пушкинский фонд, 2002.

Дай Бог памяти вспомнить работы мои...

Ахмед Шаззо – историк, после 1989 предприниматель.

Что-нибудь о тюрьме и разлуке...

Алексей Магарик (р. 1958) – поэт.

Гарбуз Сергей Владимирович

(род. 31.08.1961, Свердловск Луганской обл.)

Поэт, прозаик. Пишет по-русски и по-украински. Окончил филфак Киевского государственного ун-та. Выпускал «Чешский освободительный журнал имени 1950-летия со дня выпуска первой советской облигации трехпроцентного займа» (самиздат, 1990–1991), позже журнал «Ковчег» (Луганск). Работал кровельщиком, газосварщиком, школьным учителем, в настоящее время – газетный редактор. Живет в Свердловске Луганской области.

А вчера еще лето было... [коллективный сборник]. Свердловск [Луганской обл.], 1992;

Долгожданная книга [коллективный сборник]. Луганск: Янтарь, 2004.

Гашев Борис Владимирович (3.02.1939,

Верещагино Пермской обл. – 1.05.2000, Пермь)

Поэт, прозаик, журналист. Окончил историко-филологический ф-т Пермского ун-та (1961). Работал в районных и областных газетах. Погиб во дворе собственного дома от рук пьяных хулиганов.

Невидимка. М.: Футурум БМ, 2003.

Гашек Александр Владимирович

(29.10.1946, Александровка Ростовской обл. – 13.09.1993, Челябинск)

Поэт, актер, режиссер. Занимался спортом – метал диск. Четыре года служил на тихоокеанском флоте. Закончил режиссерский ф-т ин-та культуры. Год проработал в коллективе «Люди и куклы» при филармонии. Потом работал ледоваром на стадионе, сторожем. Последние годы жизни жил на пасеке в Чебаркульском районе. *Донник: стихи*. Челябинск: ТОО Версия, 1994.

поминок и светлые ангелы – 2-я и 3-я части из триптиха «Светлые ангелы».

Генделев Михаил Самуилович

(28.04.1950, Ленинград – 30.03.2009, Тель-Авив)
Поэт, прозаик. Окончил Ленинградский санитарно-гигиенический ин-т. Работал спортивным врачом. Начал писать стихи в 1967, входил в круг ленинградской неподцензурной поэзии. В 1977 эмигрировал в Израиль, один из основоположников концепции «русской поэзии Израиля». Участник израильско-ливанской войны. В конце 1990-х участвовал в нескольких политических PR-кампаниях (в т.ч. в России) как политтехнолог. *Послания к лемурам*. Иерусалим: Лексикон, 1981; *Неполное собрание сочинений*. М.: Время, 2003. Название «**Стой! Ты похож на сирийца**» – цитата из стихотворения Б. Л. Пастернака («Тема с вариациями»).

и Смерть – из цикла «Палата мер и весов»; в «Неполном собрании сочинений» – с посвящением А. В.

Девятое число месяца Ав – традиционный день траура и поста в память о разрушении Первого и Второго храмов в Иерусалиме.

Георгадзе Марина Александровна

(17.02.1966, Москва – 23.08.2006, Нью-Йорк)
Поэт, прозаик, переводчик. Окончила Литинститут, с 1988 жила в Грузии, затем в США, с 1992 в Нью-Йорке.

Маршрут. Нью-Йорк: Слово/Word, 1998; *Черным по белому*. М.: Журнал «Итака»; Журнал «Комментарии», 2002.

муравей с личинкой и муравей с головой слепня... Из цикла «Белое море, Черная река».

(Аризона. След динозавра)

Хопи, навахо – индейские народы; в настоящее время резервация хопи полностью окружена более крупной резервацией навахо.

Ср. «Заметки об Аризоне» М. Печерского: «Гигантские, тянущиеся на километры, стесанные как под линейку горы-столы, от которых во все стороны отходят многоцветные лапы...» (<http://www.westeast.us/50/article/1983.html>)

Герцик Владимир Маркович

(род. 10.02.1946, Москва)

Поэт. Окончил в 1969 физфак МГУ. Физик-теоретик, к.ф.-м.н. Работал в Ин-те физики Земли, в Ин-те теории прогноза землетрясений и математической геофизики. Живет в Москве. *Лыловая колба*. Мюнхен, 1992; *Самиздат века*; <http://www.levin.rinet.ru/STISH/Gerzik.htm>

Гершензон Владимир Евгеньевич

(род. 4.03.1958, Москва)

Поэт. В 1980 окончил МФТИ, кандидат физико-математических наук. Специалист в области дистанционного зондирования Земли. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и технологий (1999). В начале 1980-х занимался в студии К.В. Ковальджи. Живет в Москве. *Буратино*. М.: А и Б, 1996.

Гималутдинов Александр Хакимович

(род. 1.01.1959)

Поэт. Работает столяром. Живет в Петербурге. Книги выпущены стараниями З. Эзрохи.

И это все о ней. СПб.: BVM, 2004; *Настольгия*. СПб.: BVM, 2005

Глозман Владимир Иосифович

(род. 10.6.1951, Киев)

Поэт, переводчик. Детство и отрочество прошло в музее-усадьбе «Кусково», где работал отец. В июне 1973 эмигрировал в Израиль. Окончил ф-т ивритской литературы Иерусалимского ун-та. Работал издателем, программистом. Живет под Иерусалимом.

Милостивый Государь. Иерусалим, 1978; *In folio*. Иерусалим – Страсбург, 1995.

Голицын Владимир Михайлович

(1951, Дмитров Московской обл. – 2000, Москва)

Поэт. Детство провел в Караганде. В 1969 поступил на физический ф-т МГУ, потом перешел на биологический ф-т, который и окончил в 1975 по кафедре биофизики. Работал в биофизической лаборатории Минздрава, затем вернулся преподавателем в МГУ.

Последняя строка. М., 2005; <http://www.poesis.ru/poeti-poezia/golitsyn-v/biograph.htm>

Голованов Владимир Антонович

(род. 11.12.1939, Новосибирск)

Сценарист, поэт. В 1963 – окончил ВГИК (сценарный ф-т), в 1970 – Высшие курсы режиссеров и сценаристов. Автор сценариев документальных и художественных фильмов. Дебют в анимации – м/ф «Фильм, фильм, фильм» (1968; в соавторстве с Ф. Хитруком). Живет в Москве.

ж. «Новый мир»: 1994, № 2; 1995, №8; *Разные стихи*. М., 2004.

Голь Николай Михайлович

(род. 17.04.1952, Ленинград)

Поэт, детский писатель, переводчик, драматург. Посещал литературный клуб «Дерзание» при Дворце пионеров. Окончил ин-т культуры. Первая публикация – в книге «Тропинка на Парнас»

(1969). Дружил и тесно сотрудничал – вплоть до выпуска совместных книг – с Ген. Григорьевым. Живет в Петербурге.

Речевая характеристика. СПб.: Сов. пис., 1990;
Пятьдесят пять экземпляров. СПб., 2007.

Горбовская Екатерина Александровна

(род. 1964, Москва)

Поэт. Дочь писателя и историка А.А. Горбовского. Училась в Литинституте. Предисловие к первой книге написал Е. Винокуров. Живет в Лондоне.
Первый бал. М.: Молодая гвардия, 1982; *Обещала речка берегу.* М.: Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской, 2003.

Гордон Гарри Борисович

(род. 12.07.1941, Одесса)

Художник, прозаик, поэт. Учился в Одесском художественном училище, затем в ЛВХПУ им. Мухиной. Работал художником-оформителем, архитектором. В 1970-е посещал поэтический семинар Б. Слуцкого. Живет в Москве. Редактор альманаха «Предлог».

Птичьи права. М.: Предлог, 2005.

Горенко Анна (Карпá Анна Григорьевна;

6.01.1972, Бендеры Молдавской ССР –

4.04.1999, Тель-Авив)

Поэт. Жила в Ленинграде, с 1990 в Израиле, главным образом, в молодежных коммунах. Стихи и проза публиковались в израильских журналах. Умерла от передозировки наркотиков.

Малое собрание. Иерусалим: Alphabet Publishers, 2000; *Праздник неспелого хлеба.* М.: НЛЮ, 2003.

они в саду играют марш... – из цикла «Post factum».

Горохов Вова (65 кг)

Поэт, художник, перформансист. «Вова Горохов» – псевдоним; в скобках указывается вес автора. Об авторе известно следующее. Род. 19.06.1975 в Алексине Тульской обл. Учился в гуманитарных вузах Москвы и Петербурга, изучал теорию музыки в Швейцарии. Ведет ЖЖ горохов. В настоящее время живет в Севастополе.

Авторский файл.

Гребенщиков Борис Борисович

(род. 27.11.1953, Ленинград)

Поэт, прозаик, переводчик буддийских текстов. Рок-музыкант. (Известен также как БГ.) В 1972 вместе с А. Гуницким основал рок-группу «Аквариум». Окончил ф-т прикладной математики – процессов управления ЛГУ. Работал в НИИ со-

циологии, продолжая писать песни и выступать с концертами. В 1980 после выступления на Тбилисском рок-фестивале был уволен с работы.

Начиная со второй половины 1980-х выступал беспрепятственно и приобрел широкую известность. Песни на публикуемые стихи (кроме «Иду на ты») вошли в альбомы «Аквариума» 1981–1986. Живет в Петербурге.

Песни. Тверь, 1997; *Не песни Тверь,* 1997; *Книга Песен БГ.* М.: Олма Медиа Групп, 2006.

Два тракториста. Карлос Сантана – гитарист, лидер рок-группы. Weather Report – джазовый ансамбль в стиле фьюжн (1970–1986).

Григорьев Геннадий Анатольевич

(14.12.1949, Ленинград – 13.03.2007, Петербург)

Поэт, драматург, журналист. Стихи писал с детства, занимался в клубе «Дерзание» Ленинградского Дворца пионеров. Учился на филфаке ЛГУ, позже – на заочном отделении Литинститута. Стихи печатались как в официальных изданиях, так и в самиздате.

Алиби. Л.: Худ. лит., 1990; *Выдержка.* СПб.:

Моби Дик, 2008.

Я все не спал и плакал допоздна... В *Самиздате века* опубликовано в составе подборки Р. Грачева; атрибутировано Г. Григорьеву на основании содержания антологии «Лепта», приведенного в АГЛ-5Б.

Григорьев Олег Евгеньевич (6.12.1943,

Вологодская обл. – 30.04.1992, Петербург)

Поэт, прозаик, художник. Родился в эвакуации, потом жил в Ленинграде. Учился в художественной школе при Академии художеств, был исключен за строптивость. Работал сторожем, кочегаром, дворником. Как художник участвовал в неофициальных выставках. Стихи писал всю жизнь. В 1971 вышла первая книга стихов для детей. Был дважды судим за тунеядство и хулиганство. Многие стихи «для взрослых» вошли в городской фольклор, но начали публиковаться только в конце 1980-х.

Птица в клетке. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1997; *Чудаки и друиэ.* СПб.: Детгиз, 2006;

Винохранитель. СПб.: Вита-Нова, 2008.

Гринберг Борис Хаймович

(род. 7.02.1962, Новосибирск)

Поэт, палиндромист, прозаик, драматург. Окончил Новосибирский электротехнический ин-т. Публиковал прозу под псевдонимом Бред Фазер, пьесы – под псевдонимом Рис Крейси. Живет в Новосибирске.

Год дракона. Новосибирск: П и Р, 1991; *Опыты по.*
Новосибирск: Артель «Напрасный труд», 2000.

Гробман Михаил Яковлевич (род. 1939, Москва)
Художник, поэт. Работал каменщиком на стройке. Официального художественного образования не получил. Стихи начал писать с конца 1950-х. В 1971 эмигрировал в Израиль. Издавал в 1975–1981 газету «Левиафан»; вместе с женой И. Врубель-Голубкиной издает журнал «Зеркало»; автор концепции «Второго русского авангарда». Живет в Тель-Авиве.

Военные тетради. Тель-Авив, 1992; *Левиафан.*
М.: НЛО, 2002 (московский дневник);
Последнее небо. М.: НЛО, 2006.

Гронас Михаил (род. 19.06.1970, Ташкент)
Поэт, переводчик, филолог. Окончил филфак МГУ. Живет в США, аспирант Ун-та Южной Калифорнии и преподаватель Тринити Колледжа (Хартфорд). Лауреат Премии Андрея Белого (2002). *Дорогие сироты.* М.: ОГИ, 2002.

Губанов Леонид Георгиевич
(20.06.1946, Москва – 8.09.1983, там же)
Поэт. Стихи писал с детства. Несколько его стихотворений публиковалось в «Пионерской правде», в 1964 в журнале «Юность» напечатали отрывок из поэмы «Полина». В 1966 вместе с В. Алейниковым, Ю. Кублановским и др. создал группу СМОГ. Участвовал в публичных выступлениях смогистов, был фактическим лидером группы. Стихи вплоть до смерти выходили только в самиздате и на Западе.
Ангел в снегу. М.: ИМА-Пресс, 1994; «Я сослан к Музе на галереи...» М.: Время, 2003; *Серый конь.* М.: Эксмо, 2006;

Гуголев Юлий Феликсович
(род. 13.12.1964, Москва)
Поэт, переводчик. Закончил медицинское училище и Литинститут (1993, поэзия). Работал на «Скорой помощи», на телевидении, затем в российском отделении Красного креста. Участвовал с А. Туркиным в вокально-поэтическом дуэте «Квас заказан». Живет в Москве.
Полное. Собрание сочинений. М.: Клуб «Проект ОГИ», 2000; *Командировочные предписания.* М.: Новое изд-во, 2006.

Гуницкий Анатолий Августович (известен также как Джордж; род. 30.09.1953, Ленинград)
Поэт, драматург, прозаик, журналист. В 1972 вместе с Б. Гребенщиковым основал рок-группу

«Аквариум»; участвовал в ранних записях группы. Проучился четыре года в Первом медицинском ин-те, в 1982 окончил театроведческий ф-т ЛГТМиК. На его стихи написаны некоторые песни Б. Гребенщикова и других рок-авторов. Живет в Петербурге.

Крюкообразность – мой девиз: Аквариумные стихи. СПб.: Красный матрос, 2000.

Когда мы были молоды... Входило отдельной строфой в стихотворение «Русская симфония», очевидно, написанное совместно с Б. Гребенщиковым.

Дашевский Григорий Михайлович
(род. 25.02.1964, Москва)
Поэт, переводчик, критик. Окончил классическое отделение филфака МГУ, преподавал в школе, МГУ, с 1993 – в РГГУ. Литобозреватель газеты «Коммерсантъ». Живет в Москве.
Папье-маше. М.: Весть, 1994; *Генрих и Семен.* М.: ОГИ, 2000; *Дума иван-чая.* М.: НЛО, 2001.

Денисенко Александр Иванович
(род. 1947, Мотково Новосибирской обл.)
Поэт, прозаик. Публикуется с 1989. Живет в Новосибирске.
Лес. Самиздатский альманах; Аминь: Стихотворения. Новосибирск, 1990; *Пепел.* Новосибирск, 2000.
тюремные стихи. маковские стихи – стихи Анатолия Маковского.
Белым-бело сегодня в НСО... НСО – Новосибирская область.

Денисов Алексей Алексеевич
(род. 1968, Владивосток)
Поэт. Руководил владивостокским литературным объединением «Серая лошадь». С 2000 живет в Москве.
Нежное согласное. М.- Тверь: Арго-риск/ Kolonna publications, 2000.

Дидусенко Михаил Александрович
(24.11.1951, Вильнюс – 26.10.2003, Расторгуево Московской обл.)
Поэт. Учился в Белорусском госун-те и Вильнюсском педагогическом ин-те. Работал в газетах, на радио. В конце 1970-х перебрался в Ленинград. Печатался в самиздатских журналах. Входил в Клуб-81. В 1980-х сначала вернулся в Вильнюс, потом неоднократно менял место жительства. *Междуречье.* Вильнюс: Вага, 1988; *Из нищенской руды.* М.: изд-во Филимонова, 2006.

Дмитриев Андрей Михайлович

(род. 21.04.1958, Москва)

Поэт. Окончил Горный ин-т (несколько лет работал по специальности) и Литинститут (1991, поэзия). Участвовал в колл. сборнике «Список действующих лиц» (самиздат, 1982). В 1990-х работал в «Фирме «Граффити»», теперь в «Виртуальной галерее» (в этих издательствах вышли, в частности, книги Л. Виноградова, Г. Оболдуева, М. Соковнина, М. Файнермана). Живет в Москве.

Авторская машинопись; НП.

Дмитриев Дмитрий Иванович

(род. 3.07.1978, Могилев)

Поэт, переводчик. Учился в машиностроительном ин-те, работал звукорежиссером на телевидении. Учился на филфаке Могилевского ун-та. Пишет на белорусском и русском языках.

Полое собрание сочинений. М.: издание Льва Шпринца, 2002.

Тихо в море разойтись было не резон... – из цикла «P.S. словицы».

Дмитровский Сергей Александрович

(21.06.1961, Львов – 4.03.2006, Иерусалим)

Поэт, драматург, эссеист. В 1978 переехал в Ленинград, где принимал участие в работе объединения «Клуб-81». В 1982 с группой львовских поэтов создал «школу новейшей эклектики». В 1987 переехал в Ростов-на-Дону, где примкнул к Заозерной Школе (см. В. Калашников). В 1990-е вернулся во Львов, в 1999 году эмигрировал в Израиль.

С.А.Д. М.: Запасный выход, 2006; <http://www.opushka.spb.ru/name/dmitrovskysname.shtml>

Город, который забыть меня хочет и пробует... Лычаков – район Львова.

Довлатов Сергей Донатович

(3.09.1941, Уфа – 24.08.1990, Нью-Йорк)

Прозаик. С 1944 жил в Ленинграде. В 1959 поступил на филфак ЛГУ, был исключен за неуспеваемость. Служил во внутренних войсках в Коми АССР. Большинство стихотворений написано в этот период. После демобилизации работал журналистом, писал прозу, входил в группу «Горожане». В 1972–1975 жил и работал в Таллине. В 1975 вернулся в Ленинград. В 1978 эмигрировал, жил в Нью-Йорке.

Сквозь джунгли безумной жизни (письма друзьям и знакомым). СПб.: Изд-во ж. «Звезда», 2003.

Драгомощенко Аркадий Трофимович

(род. 3.02.1946, Потсдам)

Поэт, эссеист, переводчик. Жил в Виннице, с 1969 – в Ленинграде. В 1973 окончил ЛГТМиК. Работал в АПН (Киев), заведующим литчастью Смоленского театра (1973–1974) и ленинградского театра «ТРИ» (1980-е). С 1976 публиковался в самиздате. Один из учредителей Клуба-81. Лауреат премии Андрея Белого (1978, проза). *Небо соответствий.* Л., 1990; *Описание.* СПб.:

Гуманитарная Академия, 2000.

Степан Дрёмин

Стихи под этим псевдонимом были переданы составителям «Антологии гнозиса» в 1980 году и опубликованы в ее составе со следующей справкой об авторе: «Степану Дрёмину 30 лет. Московский поэт <...> Первая публикация». Есть предположение, что за этим псевдонимом скрывался А. Вишневым.

Антология гнозиса. NY: Гнозис, 1982 (переиздание: СПб.: Медуза, 1994).

Дроздов Владимир Георгиевич

(род. 1940, Ленинград)

Поэт. Долгое время был рабочим на одном из заводов. Публиковаться начал в 1970-е. Живет в Петербурге.

Стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд, 1995;

Обратная перспектива. СПб.: Пушкинский фонд, 2000.

Дружининский Николай Васильевич

(1.05.1948, Неклюдово Вологодской обл. – 31.07.1993, Вологда)

Поэт. Закончил Харьковский юридический ин-т (1974), работал следователем, юрисконсульт, корреспондентом в районных и областных газетах. Стихи писал с юности. Руководил литературной студией «Вологда молодая».

Вокзальные березы. М.: Молодая гвардия, 1980;

Каемка времени. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1989.

Друк Владимир Яковлевич

(род. 26.10.1957, Москва)

Поэт. Окончил ф-т психологии Московского государственного педагогического ин-та. Один из основателей клуба «Поэзия». С 1993 живет в Нью-Йорке, работает на телевидении.

Нарисованное яблоко. М.: Детская литература, 1991; *Коммутатор.* М.: ИМА-пресс, 1991; *Одноразовые птицы.* М.: НЛО, 2008.

Дьяченко Валерий Федорович

(род. 4.06.1939, Свердловская обл.)

Художник, поэт. Закончил Уральский политехнический ин-т. Живет в Екатеринбурге.

Ры Никонова. Уктусская школа // НЛО, № 16 (1995); Самиздат века.

Дягилева Янка (*Яна Станиславовна; 4.09.1966, Новосибирск – 9.05.1991, под Новосибирском; похоронена в Новосибирске*)

Поэт, музыкант. Стихи писала с детства. Училась в Новосибирском ин-те инженеров водного транспорта (не окончила). В 1985 увлеклась рок-музыкой, большое влияние на нее оказал А. Башлачёв. С 1987 исполняла песни на «квартирниках», позже выступала с группой «Гражданская оборона» Е. Летова и соло на рок-фестивалях. Погибла при неясных обстоятельствах.

Русское поле экспериментов. (коллективный сборник) М.: ТОО Дюна, 1994; Янка. СПб.: ЛНПП Облик, 2001.

Егоров Александр Петрович (*28.05.1956, Лобня Московской обл. – декабрь 1993, Подмосковье*)

Поэт, переводчик, журналист. Окончил педагогический ин-т, работал переводчиком, после 1989 – обозревателем в газете «Гуманитарный фонд». Стихи начал писать в 1981; переводил с английского и немецкого. Печатался в самиздатских журналах «Корабль» и «Морская черепаха». Погиб, замерзнув в подмосковной электричке. *Ностальгия. М.: ЛИА Элинина, 1998.*

Воспоминание о Тамаре. Ария Надира – точнее, романс из оперы Бизе «Искатели жемчуга».

Личное признание. Имре Надь (1896–1958) – в 1956 премьер-министр Венгерской Народной Республики.

Емелин Всеволод Олегович

(*род. 16.03.1959, Москва*)

Поэт. Окончил Московский ин-т геодезии, аэрофотосъемки и картографии. Работал в Тюменской обл., затем экскурсоводом в Москве, после 1991 – подсобным рабочим на стройках, сторожем в церкви. В 1980-х опубликовал несколько стихотворений, но по-настоящему дебютировал в 2000. Входил в Товарищество мастеров искусств «Осумасшедшие Безумцы». Работает плотником. Живет в Москве.

Песни аутсайдера. СПб.: Красный Матрос, 2002.

Емельянов (Чин) Игорь Алексеевич

(*род. 1963, Якутск*)

Поэт. Окончил географический ф-т МГУ (1986). Работал в экономическом ин-те при Госплане РСФСР, в Ин-те Дальнего Востока.

История Василия. М.: Контур, 1998.

Ерёменко Александр Викторович

(*род. 25.10.1950, Гоношиха Алтайского края*)

Поэт, переводчик. Служил старшим матросом на флоте, работал строителем, кочегаром. В 1975–1978 учился на заочном отделении Литинститута. Начал печататься в 1980. Входил в неформальную группу поэтов-метафористов и в клуб «Поэзия». Живет в Москве.

Добавление к сопратату. М., 1990; На небеса взобравшийся старатель. Барнаул, 1993; Opus Magnum. М.: ИД Подкова, 2000; «Новая газета» № 60, 19.08.2002.

В густых металлургических лесах..., В лесу осеннем зимний лес увяз... – из цикла «Невенки сонетов».

Есеновский Михаил Юрьевич

(*род. 15.10.1960, Москва*)

Поэт. Окончил Московский государственный технический ун-т и аспирантуру, работал учителем в школе, преподавателем в ун-те. Печатается с 1993. Живет в Москве.

Бутерброды. М.: «Пиратское издание», 1998

Жданов Иван Фёдорович (*род. 16.01.1948,*

Усть-Тулатинка Алтайского края)

Поэт, эссеист, фотограф. Учился на ф-те журналистики МГУ. Закончил Барнаульский пединститут. Начал публиковаться в конце 1970-х. Входил в неформальную группу поэтов-метафористов. Лауреат Премии Андрея Белого (1988). Живет в Крыму и в Москве.

Портрет. М., 1982; Неразменное небо. М., 1990; Место земли. М., 1991; Фоторобот запретного мира. СПб.: Пушкинский фонд, 1997.

Жук Вадим Семёнович

(*род. 30.01.1947, Ленинград*)

Актер, режиссер, журналист, поэт, драматург. Окончил театроведческий ф-т Ленинградского театрального ин-та. В 1987 создал театр «Четвертая стена». Работает на радио, на телевидении, снимается в кино. Живет в Петербурге.

Стихи на даче. М.: АСТ/Зебра Е, 2007.

Забабашкин Вадим Львович

(*род. 1951, Кольчугино Владимирской обл.*)

Поэт. Окончил Владимирский политехнический ин-т. Работал инженером-конструктором на заводе, журналистом. В настоящее время специалист департамента культуры правительства области. Живет во Владимире.

Тень от головы. Владимир: Золотые ворота, 1992; <http://www.stihi.ru/avtor/solex>

Завьялов Сергей Александрович

[род. 18.05.1958, Пушкин (Царское Село)]

Поэт, переводчик, эссеист, критик. Окончил филфак ЛГУ. Печататься начал в 1985 в самиздате. Преподавал древнегреческий язык и античную литературу в петербургских вузах. С 2004 живет в Хельсинки.

Оды и эподы. СПб.: Борей-Art, 1994; *Мелика.* М.: НЛО, 2003.

В Саранске. Инсар – река в Мордовии.

Загорянский Валентин – см. Валентин Загорянский

Заугаров Евгений Владимирович

(род. 25.02.1966, Миасс Челябинской обл.)

Поэт. Закончил химический ф-т Саратовского ун-та. Стихи пишет с 17 лет. Живет в Саратове, работает сторожем.

<http://www.topos.ru/article/5095>; авторский файл.

Звягинцев Николай Николаевич

(род. 4.01.1967, Купавна Московской обл.)

Поэт. Окончил архитектурный ин-т, работает дизайнером в сфере рекламы. Участник московско-крымской поэтической группы «Полуостров».

Спинка пьющего из лужи. М.: АРГО-РИСК, 1993;

Законная область притворства. М.: АРГО-РИСК, 1996; *Крым НЗ.* М.: ОГИ, 2001.

Крас. кирпич и шепот мела... Буковина – историческая область в Восточной Европе, где в 1920 родился Пауль Целан.

Париж-кораблик – корабль под девизом «Качается, но не тонет» изображен на городском гербе Парижа. Пауль Целан покончил с собой в Париже, бросившись с моста в Сену.

Давний табачник с родины Грина... У столько женщин имя Ирина, / Назвал папиросы только твоим – имеются в виду выпускавшиеся в 1920-х папиросы «Ира».

Зельченко Всеволод Владимирович

(род. 25.09.1972, Ленинград)

Поэт, переводчик, филолог. Окончил филфак СПбГУ. Преподает латынь и греческий в гимназии и в ун-те. Кандидат филологических наук.

Из Африки. М.: АРГО-РИСК, 1994; *Войско.* СПб.: Пушкинский фонд, 1997.

Зондберг Ольга Наумовна (род. 29.03.1972)

Поэт, прозаик. Окончила химический ф-т МГУ. В 1990-х один из основных авторов Союза молодых литераторов «Вавилон». Живет в Москве. *Книга признаний.* М., 1997; *Семь часов одна минута.* М., 2007.

Последние 3 стихотворения – из цикла «Плюс два».

Зубарев Сергей Александрович

(род. 30.05.1966, Липецк)

Поэт, прозаик, драматург, журналист. В 1988 окончил (заочно) филфак Липецкого государственного педагогического ин-та. В конце 1980-х – начале 1990-х входил в поэтическую группу «Пцидаретит», участвовал в создании Всесоюзного гуманитарного фонда им. А.С. Пушкина, был членом Правления фонда. Живет в Петербурге.

Сквозь людоедство и пеплоёдство. Воронеж, Творческое объединение «Радуга», 1990; *Строенье неких струй...* Воронеж, Клуб поэтов «ЛИК» 1991; *На бульваре имени Тупого.* М.: «Дети Ра», 2008.

Зубова Людмила Владимировна

(род. 12.09.1946, Ленинград)

Филолог, поэт. В 1960-е посещала клуб «Дерзание» при Дворце пионеров. Окончила филфак ЛГУ. Профессор кафедры русского языка СПбГУ, автор многих работ по истории языка и по лингвистической поэтике. Прекратила писать стихи в начале 1980-х. Как поэт не публиковалась. Живет в Петербурге.

Авторский файл.

Лён растила и ткала полотно... – из цикла «Старухи».

Ивелев Владимир (*Левин Владимир Григорьевич*; 24.03.1942, Казань – 30.01.1994, Москва)

Поэт, автор песен. Родился в эвакуации. Сын поэта Г.М. Левина (1917–1994). С 1967 работал библиографом в ИНИОНе. *Звуки и мечты.* М., 1991.

Игнатова Елена Алексеевна

(по мужу Родионова; род. 10.06.1947, Ленинград)

Поэт, прозаик. Стихи пишет с детства. В начале 1970-х посещала лито Г. Семёнова. С 1975 года публиковалась в самиздате и в изданиях русского зарубежья. В конце 1980-х писала на Ленфильме сценарии документальных фильмов об Ахматовой, Блоке, Белом и др. В 1990 эмигрировала в Израиль. Живет в Иерусалиме.

Стихи о причастности. Париж: Ритм, 1976; *Теплая земля.* Л.: Сов. пис., 1989; *Стихо-*

творения разных лет. Иерусалим: Фонд им. Лившица, 2005.

Ильичёв Алексей

(1970, Ленинград – 07.1995, под Москвой)

Поэт, художник. Окончил техникум, служил в армии, работал на стройке. Посещал лито Вяч. Лейкина. Утонул, купаясь в реке.

Наброски равновесия. СПб., 1995; <http://pristutstvie.progressor.ru/alml5/star.html>; <http://pristutstvie.progressor.ru/alml3/acrobat.html>; <http://www.krasdin.ru/2001-1-2/so49.htm>

Иоффе Леонид Моисеевич

(1943, Самарканд – 3.07.2003, Иерусалим)

Поэт. Родился в эвакуации. С 1944 жил в Москве. Закончил мехмат и аспирантуру МГУ. В 1962 познакомился с Е. Сабуровым, затем с А. Маковским, затем с М. Айзенбергом (так образовалась «группа Иоффе–Сабурова»). В 1972 уехал в Израиль. Преподавал в Иерусалимском ун-те. В 1986 году получил премию имени Р.Н. Этингер «за русские стихи в Израиле».

Косые падежи. Иерусалим, 1977 (М.: Остожье, 1996); *Путь зари.* Иерусалим, 1977 (М.: Остожье, 1999); *Третий город.* Иерусалим, 1980 (Рига, 1990 и М.: Остожье, 1999); *Голая осень.* М.: Остожье, 1999; *Четыре сборника.* М.: Новое изд-во, 2009.

Косяк, скопление и прорва... – IV часть цикла без названия (1979).

Иртенёв Игорь Моисеевич

(род. 25.05.1947, Москва)

Поэт. Закончил Ленинградский ин-т киноинженеров (1972) и Высшие театральные курсы. Печатается с 1979. В середине 1980-х сближается с кругом неподцензурных авторов, участвовал в создании Клуба «Поэзия». Живет в Москве.

Повестка дня. Париж: АМГА, 1988; *Попытка к тексту.* М.: Московский рабочий, 1989; *Антология Сатиры и Юмора России XX века.* Том 5. М.: ЭКСМО, 2000.

Искренко Нина Юрьевна (26.07.1951, Петровск Саратовской обл. – 14.02.1995, Москва)

Поэт, переводчик, эссеист. Закончила физфак МГУ (1974). Работала переводчиком специальной литературы. Жила в Москве. Один из организаторов и лидеров клуба «Поэзия».

ИЛИ. Стихи и тексты. М.: Сов. пис., 1991; *О главном (Из дневника Н.И.).* М.: Независимая газета, 1998; *Нулевая твердь.* М.-Тверь: АРГО-РИСК; Kolonna Publications, 2009.

Шей сарафаны и шибче рожай... – из цикла «Особые тройки. Корпус А».

Кабанов Александр Михайлович

(род. 10.10.1968, Херсон)

Поэт, журналист, организатор литературной жизни. Окончил Херсонскую мореходную школу и ф-т журналистики Киевского ун-та. Главный редактор журнала культурного сопротивления «ШО». Живет в Киеве.

Временная прописка. Херсон: 1989; *Айловьяга.* СПб.: Геликон Плюс/Амфора, 2003.

Кабыш Инна Александровна

(род. 28.01.1963, Москва)

Поэт. Окончила ф-т русского языка и литературы Московского заочного пед. ин-та (1986). Работала пионервожатой, учителем, руководителем литературно-музыкального коллектива. Печатается как поэт с 1985. Своими учителями считает А. Дидурова и Ю. Ряшенцева. Живет в Москве.

Личные трудности. М.: РИФ «Рой», 1994; *Детский мир.* М.: Х.Г.С., 1996.

Там мой жених погиб... – из цикла «Золотое сечение».

Казакевич Вячеслав Степанович

(род. 1951, Бельнички Могилёвской обл.)

Поэт, прозаик. Окончил Ленинградское Высшее военно-политическое училище. В 1974 поступил на филфак МГУ (окончил в 1979). Работал в музее-заповеднике Чехова в Мелихове, переводчиком в НИИ, в архиве. С 1993 живет в Японии, в настоящее время приглашенный профессор ун-та Тояма. Писать стихи начал в детстве, первые публикации были в белорусских газетах.

Праздник в провинции. М., 1985; *Кто назовет меня братом?* М., 1987; *Лунат.* М., 1998; *Жизнь и приключения беглеца.* М.: Изд-во Николая Филимонова, 2006.

Казанцева Елена Владимировна

(род. 5.12.1956, Минск)

Поэт, автор-исполнитель песен. Окончила физико-энергетический ф-т Белорусского политехнического ин-та (1981). Работала на заводе, в проектных и научно-исследовательских учреждениях. С 1987 пишет песни и выступает в концертах, выпустила несколько дисков. Живет в Минске.

Вечер городской. Минск: Ковчег, 1992; *Концерт (в двух отделениях).* СПб.: Вита Нова, 2002.

Калашников Виталий Анатольевич (род. 18.11.1958, Хадзыженская Краснодарского края) Поэт, прозаик, переводчик. Окончил философский ф-т Ростовского государственного ун-та. В начале 1980-х годов совместно с поэтами Г. Жуковым и И. Бондаревским основал в Ростове-на-Дону т.н. Заозерную школу поэзии. Живет в Москве.

Стихотворения. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1989; *Стихи, которые очень нравятся Бакуцтову, Давыдову и Маше.* – [Б.м.], 2000.

Калинин Вадим Андреевич

(род. 20.09.1973, Мытищи Московской обл.) Поэт, прозаик; художник, рок-музыкант. Учился в Лесотехнической академии, работает дизайнером в сфере рекламы. Один из основателей (1989) Союза молодых литераторов «Вавилон». Оформлял книги издательства «АРГО-РИСК». Лидер рок-проекта «Радио Электронное Подавление». «Вавилон», вып. 3 (19) (1995); вып. 6 (22) (1999); *Пока.* М.: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna publications, 2004.

Камянов Борис Исаакович

(род. 24.08.1945, Москва) Поэт, прозаик, переводчик, публицист. Окончил филфак заочного педагогического ин-та (1972). Входил в круг московского андеграунда. С 1976 живет в Израиле, взял псевдоним Барух Авни. В СССР практически не печатался. Живет в Иерусалиме. Работает литературным редактором в Ин-те талмудических публикаций. *Птица-правда.* Иерусалим, 1977; *Исполнение пророчеств.* Иерусалим, 1982 (переиздание М., 1992); *Собр. соч. в 2 т.* Иерусалим, 2005–2007.

Карамазов Александр Анатольевич (1962–2001) Поэт и художник. В 1980-х участвовал в создании литературно-художественного клуба «Корабль», печатался в самиздатских журналах «Корабль» и «Морская черепаха». Жил в Малаховке Московской обл.

Неназначенные встречи: Стихотворения. М.: Издательское содружество А.Богатых и Э.РА-китской, 2003; «Морская черепаха», 1988, №1.

Приглашение к путешествию. Феофан Бесноватый – псевдоним, которым подписывался А. Карамазов в начале 1980-х.

Караулов Игорь Александрович

(род. 11.02.1966, Москва)

Поэт. Окончил географический ф-т МГУ. Работает переводчиком. Живет в Москве. *Перепад напряжения.* СПб.: Геликон + Амфора, 2003.

Карманников Георгий (род. в начале 1960-х) Точные сведения об авторе отсутствуют. Известно, что в начале 1990-х он или владел несколькими палатками на Арбате или рэкетировал их владельцев. Стихи публикуются по электронному архиву газеты «Гуманитарный фонд» (архив А. Н. Урицкого).

В роте я слыл придурком столичным... кусок – здесь прапорщик (армейский жаргон). *Пьяный бомж подошел, попросил бутылки...* Тыко Вылко (1886–1960) – ненец, художник-самоучка и политический деятель. минжа – женский половой орган (уголовный жаргон).

Квантришвили Георгий Тодикович

(род. 16.01.1968, Куйбышев) Поэт. В 1991 закончил Куйбышевский педагогический ин-т. Работал слесарем, преподавателем истории, оператором котельной, экспедитором, грузчиком, продавцом, завскладом и пр. Участник самарского самиздата, в начале 1990-х организовал в Самаре группу поэтов-«скотофутуристов». Живет в Самаре.

Антология русского верлибра. М.: Прометей, 1991; газ. «Гуманитарный фонд». № 40 (143), 1992.

Измена. Первая строка – цитата из стихов самарской поэтессы Зои Бачковой. «Для любви нужно...» и «Стадо это хорошо...» – из цикла «Японские стихи» (1986).

Кекова Светлана Васильевна (род. 21.04.1951, Александровск Сахалинской обл.)

Поэт, филолог. С 1968 живет в Саратове, окончила филфак Саратовского ун-та (1973). Кандидат филологических наук (диссертация о Николае Заболоцком), преподавала в различных вузах Саратова. Публиковалась в самиздатских журналах Ленинграда и Саратова, с 1989 – в официальной периодике.

Стихи о пространстве и времени. СПб.: Новый город, 1995; *Короткие письма.* СПб.: Пушкинский фонд, 1999; *У подножия Желтой горы.* СПб.: Петербургский писатель, 2006.

Кенжеев Бахыт Шкуруллаевич

(род. 2.08.1950, Чимкент, Казахстан) Поэт, прозаик, критик. С 1953 в Москве. Закончил химический ф-т МГУ. Один из учредителей

поэтической группы «Московское время».
Публиковаться начал в 1970-е. Эмигрировал
в Канаду в 1982. Живет в Монреале.
Избранная лирика 1970–1981. Ann Arbor, 1984;
Стихотворения. М.: ПАН, 1995; *Из семи книг.*
М.: Независимая Газета, 2000.

Кибиров Тимур Юрьевич (*Заповев*;
род. 15.02.1955, Шепетовка Хмельницкой обл.)
Поэт. Окончил Московский областной педаго-
гический ин-т. Работал научным сотрудником
Ин-та искусствознания. В 1980-х вошел в круг
московских концептуалистов, был членом клуба
«Поэзия» и литературной группы «Альманах».
Публиковаться начал в 1988. Работает на «Радио
Россия». Живет в Москве.
Календарь. Владикавказ: Ир, 1991; *Сантименты.*
Белгород: Риск, 1994; *Улица Островитянова.*
М.: ОГИ, 1999.

Киселёв Леонид Владимирович
(21.09.1946, Киев – 18.10.1968, там же)
Поэт, переводчик, прозаик. Сын детского писа-
теля В. Киселёва (который в одном из романов
использовал ранние стихи сына). Стихи писал
с 11 лет. В 1963 состоялась публикация в «Новом
мире» Твардовского. Учился на ф-те иностран-
ных языков Киевского ун-та. Писал также на
украинском языке. Умер от рака крови.
Стихи. Киев, 1970; *Последняя песня.* Киев:
Молодь, 1979; *...Все на свете – только песня*
на украинском языке. Киев, 2006.

Коваль Виктор Станиславович
(род. 29.9.1947, Москва)
Поэт, прозаик, художник. С середины 1950-х до
ноч. 1960-х снимался в кино. С конца 1960-х во-
шел в круг Иоффе–Сабурова–Айзенберга. Окон-
чил художественно-графический ф-т Московско-
го полиграфического ин-та. Песни на его стихи
исполнялись А. Липским. С 1988 участник груп-
пы «Альманах». Публикуется с конца 1980-х.
Живет в Москве.
Участок с Полифемом. СПб.: Пушкинский
фонд, 2000; *Мимо Риччи.* М.: ОГИ, 2001.

Колкер Юрий Иосифович
(род. 14.03.1946, Ленинград)
Поэт, критик, литературовед. Окончил в 1969
физико-механический ф-т Политехнического
ин-та. Стихи писал с детства, посещал различные
лито (под руководством Н. Грудиной, Г. Семё-
нова, А. Кушнера), в 1972–1975 печатался в офи-
циальных изданиях. Подал документы на выезд

в Израиль, после чего был уволен из НИИ, рабо-
тал оператором газовой котельной. Печатался в
самиздате, редактировал машинописный «Ле-
нинградский Еврейский Альманах». В 1984 вые-
хал в Израиль, с 1989 живет в Лондоне.
Послесловие. Иерусалим: Лексикон, 1985; Вети-
луя. СПб.: Геликон Плюс, 2000; Сосредото-
чимся на несомненном. – СПб.: Тирекс, 2006.

В саду, на узком острове... Речь идет о статуе
Ливийской сивиллы (Sybilla Lybica) в Летнем
саду.

Кольмагин Борис Федорович
(род. 20.09.1957, Калининская обл.)
Поэт, критик. Участвовал в колл. сборнике
«Список действующих лиц» (самиздат, 1982).
Окончил Литинститут по отделению критики
(1990). Живет в Москве.
Авторский файл из архива И. Ахметьева; *Борис*
Кольмагин. Прогулки (Стихи); Дмитрий
Авалиани. Рисунки. М.: Красный матрос,
Виртуальная галерея, АМО – Параллельные
тексты; 2003.

Кононов Николай Михайлович
(Татаренко; род. 4.04.1958, Саратов)
Поэт, прозаик, издатель. Окончил физический
ф-т Саратовского ун-та, а затем, в Ленинграде,
аспирантуру по специальности «Философские
вопросы естествознания». Преподавал матема-
тику в школе. Основатель (1993) и главный ре-
дактор петербургского издательства «ИНА-
Пресс». Живет в Петербурге.
Пловец. Л.: Сов. пис., 1992; *Змей.* СПб.: ИНА-
Пресс, 1998; *Большой змей (сетевая книга*
1998) [http://www.vavilon.ru/texts/prim/
kononov2.html](http://www.vavilon.ru/texts/prim/kononov2.html)

Констриктор Борис – см. Аксельрод Б.М.

Копылова Людмила Викторовна *(30.05.1940,*
Горы, Московская обл. – 1990, Москва)
Поэт, переводчик. Занималась в лито Л. Озерова
при заводе им. Лихачева. Окончила Литинститут
(1964). Была женой поэта Г. Русакова. Долгое вре-
мя вместе с мужем, который был переводчиком
в ООН, жила за рубежом. Покончила с собой.
Счастливая полоса. М.: Сов. пис., 1984; [http://
magazines.russ.ru/druzhba/2007/3/k05.html](http://magazines.russ.ru/druzhba/2007/3/k05.html)

Кореневский Платон Георгиевич
(9.06.1940, Ясная Поляна – 25.08.2003, Москва)
Поэт, переводчик. Окончил Московский ин-яз,
где был одним из организаторов лито «Фотон»

(оттуда же В. Куприянов и А. Бердников). В советской печати не публиковался, в 1990-е годы выходили малотиражные сборники.

Черный уголь облетевших роз. Саратов: Prosodia Publishers, 2006; www.hrono.info/text/2006/berd1006.html

Птеродактиль. Птицепалец – буквальный перевод названия.

Короленко Псой Галактионович

(*Лион Павел Эдуардович; род. 26.04.1967, Москва*)
Поэт, критик, филолог, эссеист. Окончил филфак МГУ, кандидат филологических наук (диссертация о творчестве В.Г. Короленко – источник псевдонима). Исполняет песни на собственные стихи. Автор ряда музыкально-литературных проектов. *Шлягер века.* М.: НЛО, 2003; CD «Fioretti», 2001.

Корф Андрей (*Найманов Андрей Олегович; род. 29.02.1964, Харьков*)

Поэт, прозаик, автор-исполнитель песен. Окончил мед. ин-т. 3 года работал врачом-педиатром в службе неотложной помощи. Впоследствии сменил много профессий, уличным певцом объехал побережье Адриатики. Живет в Москве. *Самиздат века;* <http://www.korf.ru/>

Котельников Иван

(*Лобачёв Олег Юрьевич; род. 1969, Владимир*)
Поэт. Окончил Владимирский педагогический ун-т по специальности «филология». В 2003 окончил Высшие литературные курсы при Литинституте. Живет во Владимире. *Миры Ивана Котельникова.* Владимир, РЕКО, 2000.

Гиперборец вернулся с войны..., Рыжее солнце висит в небесах... – из цикла «Чеченский марш». В книге цикл публикуется с эпиграфом из романа А. Лазарчука «Опоздавшие к лету»: «– Национальность? – Гиперборец».

Котович Татьяна (*род. 1946*)

Поэт. В начале 1960-х занималась в студии Дворца пионеров (у Н. Грудининой), в 1970-е посещала лито А. Кушнера. Стихи вошли в антологию ленинградской неофициальной поэзии «Острова» (самиздат, 1982). «Континент» №48 (1986); *Время и Слово (литературная студия Дворца Пионеров).* СПб.: Реноме, 2006.

Кочейшвили Борис Петрович

(*род. 1.04.1940 Электросталь Московской обл.*)

Поэт, художник. Окончил Московское худ. училище им. 1905 года. Живет в Москве.

Два дома. М., 1992; *Зачем Париж.* М., Тверь, 2004; «Ной» № 18 (1996); «Знамя» 2001, № 3; авторизованная машинопись.

Кошель Пётр Агеевич

(*род. 20.04.1946, Слуцк, Белоруссия*)

Поэт, прозаик, переводчик, историк, публицист. Жил на Сахалине, в Сибири, в Молдавии, Прибалтике, в Белоруссии. Как поэт начал печататься в 1967. В 1978 окончил Литинститут. Входил в окружение критика В. Кожина. В 1982–1995 – ведущий редактор издательства «Советский писатель». Живет в Москве.

Листва. Минск, 1979; *Городская звезда.* М., 1981; *Река Жизнь.* Минск, 1987.

Кривошеев Владимир Степанович

(*род. 8.04.1946, Махачкала*)

Поэт. Окончил Специальную музыкальную школу при Ленинградской консерватории и философский ф-т ЛГУ. Преподавал в музыкальной школе, работал в библиотеке, заведовал клубом совхоза «Пригородный». Играет в ресторанах. Стихи пишет со школы, посещал лито при газете «Смена» и при Доме писателя. Печатался в самиздате («Лепта», «Острова») и тамиздате (АГЛ). В 1990-е после десятилетнего перерыва снова стал писать стихи. Живет в Петербурге. *Дом культуры.* СПб.: Формика, 1999.

Кофе в Репино – вторая часть триптиха «Из жизни поэта».

Последние овощи просятся в руки... – из цикла «На осеннем огороде».

Кривулин Виктор Борисович

(*9.07.1944, Кадиевка Ворошиловградской обл. – 17.03.2001, Петербург*)

Поэт, прозаик, эссеист, филолог, общественный деятель. С 1947 жил в Ленинграде. Окончил филфак ЛГУ. Работал школьным учителем, редактором-референтом в Леноблздравотделе. Видный деятель неофициальной культуры, соредатор нескольких машинописных журналов, член Клуба-81. Лауреат премии Андрея Белого за 1978. *Стихи.* Париж: Ритм, 1981; *Стихи. тт. 1-2.* Париж: Беседа, 1988; *Купание в иордани.* СПб.: Пушкинский фонд, 1998; *Стихи после стихов.* СПб.: Петербургский писатель – Русско-Балтийский центр БЛИЦ, 2001.

Удлиненный сонет. «Воскресные облака» – самиздатская книга В. Кривулина 1972 года.

Плачьте дети, умирает мартовский снег – цитата из Б. Окуджавы.

Кротов Виктор Гаврилович

(род. 29.10.1946, *Энгельс Саратовской обл.*)

Поэт, прозаик, эссеист. Родился в семье педагогов, с детства живет в Москве. Окончил мехмат МГУ (кафедра теории вероятностей). Занимался наукой (ЦЭМИ АН СССР), программированием, переводом, журналистикой, издательской деятельностью, педагогией. Руководил литературной студией «Родник» (для детей и взрослых). *Когда-нибудь стает снег*. М.: ИЧП «Гео», 1995; <http://krotovv.am9.ru/>.

Кружков Григорий Михайлович

(род. 14.09.1945, *Москва*)

Поэт, переводчик, эссеист, литературовед. Окончил физический ф-т Томского ун-та и аспирантуру по физике высоких энергий. С начала 1970-х стал печататься как поэт-переводчик, в 1982 выпустил первую книгу стихотворений («Ласточка»). Лауреат Гос. премии России (2003). Живет в Москве.

Черепашка. М.: Худ. лит., 1990; *Бумеранг*. М.: АРГО-РИСК, 1998; *На берегах реки Увы*. М.: Журнал поэзии «Арион», 2002.

Кублановский Юрий Михайлович

(род. 30.04.1947, *Рыбинск*)

Поэт, публицист. Закончил искусствоведческое отделение исторического ф-та МГУ (1970). Работал экскурсоводом на Соловках и в Мураново. С середины 1960-х – один из членов группы СМОГ. Участвовал в альманахе «МетрОполь». Эмигрировал в 1982. Жил в Париже, затем в Мюнхене. Работал на радио «Свобода». В 1991 вернулся в Россию. Заведовал отделом поэзии журнала «Новый мир». Живет во Франции и в Москве.

Избранное. Ann Arbor: Ardis, 1981; *Возвращение*. М.: Правда, 1990; *Число*. М.: Изд-во Московского Клуба, 1994.

Кудряков Борис Александрович

(28.05 1946, *Ленинград* – 11.11.2005, *Петербург*)

Поэт, прозаик, драматург, фотограф, живописец. Окончил фотоучилище, до 1972 работал фотографом, затем оператором котельной. С начала 1970-х выставлял фотографии на неофициальных выставках и на Западе, был известен как Гран-Борис. Писал с ранней юности, в 1970-х начал публиковать прозу в самиздате, в том числе под псевдонимами Олег Осенский и Марк Мартынов.

Был членом Клуба-81. Лауреат премии Андрея Белого (1979, проза). Значительное количество написанного до сих пор не опубликовано.

Лихая жуть. СПб.: Борей-арт, 2003; «Гуманитарный фонд», 1993 №6 (28–183).

Оба стихотворения входят в цикл «Отцебредь».

Кузнецов Юрий Поликарпович

(11.02.1941, ст. *Ленинградская Краснодарского края* – 17.11.2003, *Москва*)

Поэт. Детство провел в Тихорецке. Служил в армии (1961–1964), в т.ч. на Кубе в период Карибского кризиса. Работал инспектором детской комнаты милиции, в редакции газеты «Комсомолец Кубани». Один год проучился в Кубанском ун-те (Краснодар). В 1965 поступил в Литинститут, занимался в поэтическом семинаре С. Наровчатова. По окончании (1970) после недолгого пребывания на родине вернулся в Москву. Работал редактором в издательстве «Современник». С 1987 вел семинар в Литинституте. *Русский узел*. М.: Современник, 1983; *Стихотворения*. М.: Молодая гвардия, 1990.

Кузьминский Константин Константинович

(род. 16.04.1940, *Ленинград*)

Поэт, критик, публикатор неофициальной поэзии, искусствовед. В 1957 поступил на биолого-почвенный ф-т ЛГУ, но ушел после 2 курса. С 1957 по 1963 участвовал в качестве сезонного рабочего в геологических и других экспедициях. В 1964–1969 учился на театроведческом ф-те ЛГИТМиК, некоторое время работал экскурсоводом по музеям Ленинграда и окрестностей. Активный участник неофициальной культурной жизни Ленинграда: изготовитель самиздата, организатор выставок на своей квартире и т.п. В 1975 эмигрировал в США. Составитель (вместе с Г. Ковалевым) и издатель 9-томной Антологии современной русской поэзии «У Голубой Лагуны» (тт. 1–5Б). Лауреат премии Андрея Белого 1997 (за особые заслуги в развитии русской литературы). *Трое: Не размыкая уст (Кузьминский, Цветков, Лимонов)*. Лос-Анджелес: Almanac-Press, 1981; *Стихи*. 1987–1990. СПб., 1995; *Не столько о поэтике, сколько – об этике: Книга писем*. СПб.: Петербург–XXI век, 2003.

Куляхтин Александр (родился в 1967 в Гатчине)

Поэт. Живет в Петербурге.

Самиздат века, Время «Ч». М. НЛО, 2001; сетевой журнал «Заповедник» № 17 www.zapovednik.litera.ru/N17/page03.html.

Куприянов Борис Леонидович

(род. 20.10.1949, Остров Псковской обл.)

Поэт. В 1959–65 жил с родителями в ГДР. Учился на режиссерском ф-те Ин-та культуры. Работал каменщиком, библиотекарем, лесником. Стихи писал с детства. Посещал лито Т. Гнедич. Печатался в основном в самиздате и за рубежом.

С 1990 – диакон, в 1991 принял сан священника.

Настоятель Знаменской церкви в Пушкине.

С 1990 стихов не пишет.

Самиздатский машинописный сборник из архива Т. Буковской; АГЛ-4А; «Царскосельская газета» от 26.06.2002

Куприянов Вячеслав Глебович

(род. 23.12.1939, Новосибирск)

Поэт, переводчик, критик, прозаик. Учился в Высшем военно-морском училище инженеров оружия в Ленинграде. Закончил московский ин-яз (1967), посещал ин-тское лито «Фотон». Составитель (вместе с В. Буричем) антологии русского верлибра (не издано). Живет в Москве. *От первого лица*. М.: Современник, 1981; *Стихи*.

М.: Зеркало, 1994; *Лучшие времена*. М.: Молодая гвардия, 2003.

Курняев Александр Владимирович

(род. 17.04.1961, Балашов Саратовской обл.)

Поэт, прозаик, драматург, художник. По первой специальности архитектор, окончил Волгоградский инженерно-строительный институт. Окончил ВГИК (1995, режиссура). Работал на телевидении до 2009: режиссер телевизионных документальных фильмов из цикла «Криминальная Россия». Работает краснодеревщиком. Живет в Москве.

Курочкина Татьяна Константиновна (род. 1947)

Поэт. В 1960-е занималась в литературной студии при Дворце пионеров. Окончила ЛВХПУ им. Мухомовой по специальности «Дизайн тяжелого машиностроения». Работала на Ленинградском металлическом заводе, затем перешла на педагогическую работу. Живет в Петербурге.

Время и Слово (литературная студия Дворца Пионеров). СПб.: Реноме, 2006.

Кутилов Аркадий (Адий Павлович; 30.05.1940, дер. Рысьи Иркутской обл. – лето 1985, Омск)

Поэт, прозаик, журналист, художник. Начал писать в 1957, первые публикации состоялись в Смоленске, во время службы в армии. После демобилизации работал журналистом в Омске и Омской области, в Иркутской области. В конце

1960-х разошелся с женой, потерял жилье и работу, бродяжничал, был судим, попадал в психиатрическую больницу. Умер при невыясненных обстоятельствах.

Провинциальная пристань. Омск: Омское

книжное изд-во, 1990; *Скелет звезды*. Омск:

Омское книжное изд-во, 1998; *Город кенгуру*.

Омск: Изд-во «А priori», 2005.

Кучерявкин Владимир Иванович

(род. 4.08.1948, Калининград)

Поэт, прозаик, переводчик. Окончил Калининградский политехникум (1968). В 1977 окончил филфак ЛГУ. Работал слесарем, сторожем, кочегаром, школьным учителем. С 1991 преподавал английский язык в Ин-те иностранных языков. Публиковался в самиздате, был членом Клуба-81. Живет в Псковской обл. и Петербурге.

Танец мертвой ноги. СПб.: Митин журнал,

Северо-Запад, 1994; *Вдалеке от кордона*.

СПб.: Борей-Арт, 1994; *Треножник*. СПб.:

Борей-Арт, 2001; *Избранное*. М.: НЛЮ, 2002.

Глазами вращая, как осень на тонкой веревке... Из цикла «Кузино».

Лавут Евгения Сергеевна (род. 1972, Москва)

Поэт. Окончила романо-германское отделение филфака МГУ. Работала журналистом, переводчиком, учителем английского языка. Живет в Москве.

Стихи про Глеба, Доброго Барина, царя Давида,

Фому и Ерему, Лютера и других. М.: Издательская квартира Андрея Белашкина при участии ЛХА «Гилея», 1994; *Амур и др*. М.: ОГИ, 2001.

Лапин Владимир Петрович

(15.01.1945, Москва – 20.01.2005, там же)

Поэт. Занимался в литературном кружке Дворца Пионеров (у В. Глоцера), его детские стихи цитировались К. Чуковким в книге «От двух до пяти». Учился на филфаке МГУ (1965–1966, заочно), но оставил ун-т. Изредка публиковался в коллективных сборниках и периодике. Участвовал в правозащитном движении. Много лет работал внештатным внутренним рецензентом в издательствах и журналах.

Тетрадь Володи Лапина. М.: Детлит, 1961; *Сверчок*. М.: Carte blanche, 1993; *Тон*. СПб.: изд-во Ивана Лимбаха, 2000; авторская машинопись из архива Я. Сатуновского.

Лаптев Михаил (Дзалаев Михаил Юрьевич;

29.3.1960, Москва – 18.12.1994, там же)

Поэт, писал рассказы. Внук А.М. Лаптева, художника-графика и поэта. Окончил школу-интернат с изучением китайского языка. Учился на историческом ф-те Московского областного пед. ин-та, был отчислен с последнего курса. Работал сторожем, курьером, фальцовщиком в типографии. Посещал московские лито, в т. ч. студию «Кипарисовый ларец». Печатался с 1989. Один из создателей московско-крымской поэтической группы «Полуостров». Значительное количество написанного до сих пор не опубликовано.

Корни огня: Стихи 1987–1994 годов. М.: ЛИА Р. Элинина; Издательская квартира Андрея Белашкина; Маленькое изд-во, 1994; авторская рукопись.

Левин Александр Шлёмович
(род. 14.03.1957, Москва)

Поэт, автор и исполнитель песен, критик. Окончил Московский ин-т железнодорожного транспорта по специальности вычислительная техника. Работал инженером-электронщиком, редактором отдела культуры в независимом пресс-агентстве. Автор популярных самоучителей работы на компьютере. Стихи и песни пишет с 1977, печатается с конца 1980-х. Был членом клуба «Поэзия». Живет в Москве.

Биомеханика. М.: 1995; *Орфей необязательный.* М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2001; *Песни неба и земли.* М.: НЛО, 2007.

Грозный черный паукабель...
Из цикла «Инсектарий».

Летов Егор (Игорь Фёдорович;
10.09.1964, Омск – 19.02.2008, там же)

Поэт, рок-музыкант. Культовая фигура сибирского панка. Основатель (1984) и бессменный лидер панк-группы «Гражданская оборона». Сочетал музыку с политической активностью, неизменно пребывая в оппозиции к любой власти. *Стихи.* М.: Нота-Р, 2003; *Русское Поле Экспериментов. Сборник стихов Е. Летова, К. Рябинова и Я. Дягилевой.* М.: ТОО «Дюна», 1994.

Либо Витольд Анатольевич (род. 20.07.1940,
Скопин Рязанской обл.)

Поэт-палиндромист. Окончил Ин-т восточных языков при МГУ (ныне – Ин-т стран Азии и Африки). Востоковед-филолог, редактор, переводчик. Работал в арабской редакции издательства «Мир». Живет в Москве.

АРПКиРП

Лимонов Эдуард Вениаминович (*Савенко;*
род. 22.02.1943, Дзержинск Горьковской обл.)
Поэт, прозаик, публицист, политический деятель. Детство и юность провел в Харькове. Работал грузчиком, монтажником-высотником, строителем и т.д. Стихи писал с 1958, входил в круг харьковского андегаунда (В. Бахчанян, Ю. Милославский и др.). В 1967 переехал в Москву, сблизился с поэтами «лианозовской группы», стихи распространял в самиздате. В 1974 эмигрировал в США, с 1980 жил во Франции. В начале 1990-х вернулся в Россию. Занимается политикой радикального толка. В 2001 был арестован, а в 2003 осужден на 4 года по обвинению в хранении оружия. Освобожден условно-досрочно. Лидер незарегистрированной Национал-большевистской партии. Живет в Москве.
Русское. Анн Арбор: Ардис, 1979; *Стихотворения.* М.: Ультра.Культура, 2003; <http://limonow.de/sonstiges/85.html> (архив А. Жолковского); *Самиздат века.*

Литвак Света (*Светлана Анатольевна;*
род. 14.05.1959 Ковров Владимирской обл.)
Поэт, прозаик, художник, акционист. Окончила Ивановское художественное училище. В 1980-х была членом клуба «Поэзия», в 1990-х основала вместе с Н. Байтовым «Клуб литературного перформанса». Выпустила несколько книг стихов и прозы, занимается бук-артом. Также подписывалась псевдонимами-анаграммами Левита Вакст, Ветка Листва и др. Живет в Москве.
Разноцветные проказники. [М.: самиздат, 1991]; *Песни ученика.* М.: Изд. квартира А. Белашкина, 1994; *Книга называется: Стихи 1980–2000 годов.* М.: Культурная революция, 2007.

Ломакин Василий (род. 16.11.1958, Москва)
Поэт. Окончил химический ф-т МГУ. С 1991 в США, живет недалеко от Вашингтона. Впервые опубликовался в 2002 в Интернет-журнале «TextOnly».
Русские тени. М.: НЛО, 2004.

Не печалуйся печальник... ХТК – «Хорошо темперированный клавир», название 2-томного сборника 48 прелюдий и фуг И.С. Баха.

Лукка Николай Николаевич
(род. 24.03.1948, Псков)
Поэт. Из семьи финнов, высланных из Ленинградской обл. Детство провел в Карелии, в середине 1970-х вернулся в Ленинград. Окончил 9 классов. Работал кочегаром. С 1999 живет в Финляндии.

Сдача Бреды. СПб.: ТО «ТОТ», 1993; *Птица и бож.* СПб.: Деан, 1998.

Лукомников Геннадий Ильич

(8.07.1939, Баку – 24.08.1977, там же)

Поэт- и художник-аутсайдер. Работал чертежником, фотографом; рабочим сцены, затем – художником в декораторском цехе Бакинского театра оперы и балета. Погиб, сорвавшись с балкона при не совсем ясных обстоятельствах. Регулярно «издавал» свои рукодельные сборники – рукописные, а в последние годы иногда и машинописные – тиражом от 1 до нескольких экземпляров.

Самиздат века.

Лукомников Герман Геннадьевич

(род. 6.05.1962, Баку)

Поэт, прозаик, палиндромист. Тексты, написанные до начала 1994, публиковались и до сих пор иногда публикуются под псевдонимом Бонифаций. Сын Г.И. Лукомникова, племянник Е. Нестерова. С 1975 живет в Москве. Работал дворником, сторожем, продавцом-консультантом в книжной лавке «Гиляе». Стихи пишет с детства. В начале 1990-х сотрудничал с газетой «Гуманитарный фонд». Входил в клуб «Авторник» и в Товарищество мастеров искусств «Осумасшедшие Безумцы». Организатор ряда литературных вечеров и фестивалей. Большая часть написанного опубликована только в Интернете. Составитель «Первой антологии русского палиндрома» (1994, опубликована в конце 1990-х в сети) и, совместно с С. Фединым, «Антологии русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии» (М., 2002). Живет в Москве.

Бонифаций. Вшняя воды: Сборник срамной лирики. М.: Издательская квартира Андрея Белашкина, Гуманитарный Фонд, 1993; *Стихи.* СПб.: Красный матрос, 1997; *Бонифаций и Герман Лукомников. Стих нашел.* М.: Дом детской книги, 2000; *Бонифаций и Ася Флитман. Мы буковки.* М.: А и Б, 2001.

Предлагаемая подборка составлена автором. Первые три стихотворения написаны в 1990 году, т.е. в «бонифациевский» период.

Львовский Станислав (Сорочкин)

Юрий Михайлович; род. 2.07.1972, Москва

Поэт, прозаик, переводчик, публицист. Окончил химический ф-т МГУ. Преподавал в гимназии химию и английский язык. Работает в сфере рекламы и PR. Один из основателей Союза молодых литераторов «Вавилон». Живет в Москве.

Белый шум. Стихи. М.: АРГО-РИСК, 1996; *Три месяца второго года.* М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2002.

Магид Сергей Яковлевич

(род. 20.06.1947, Ленинград)

Поэт, прозаик, переводчик. В 1978 окончил английское отделение филфака ЛГУ. Работал преподавателем-почасовиком в вузах, переводчиком, сторожем, библиотекарем, наборщиком на фотонаборе. Печатался в самиздате. Входил в Клуб-81. В конце 1980-х участвовал в демократическом движении, входил в редакцию самиздатского журнала «Демократия и мы». С 1990 живет в Праге.

Зона служенья. М.: НЛО, 2003.

Макаров Иван Алексеевич (род. 1.01.1957)

Поэт, прозаик, переводчик. Окончил химико-технологический ин-т и Литинститут (1991). Посещал студию «Кипарисовый ларец». Живет в Москве.

...По траве, по камням, по песку. М.: Слово, 2006; авторский файл.

Макаров-Кротков Александр Юрьевич

(Макаров; род. 26.05.1959, Крым)

Поэт. Окончил Московский ин-т культуры в 1982. Работал библиотекарем, редактором. Живет в Москве.

Дезертир. М.: ACADEMIA, 1995; *Тем не менее.* М.: Изд-во Р. Элинина, 2002.

Мамонов Пётр Николаевич

(род. 14.04.1951, Москва)

Актер, рок-музыкант, поэт, переводчик. Окончил Московский полиграфический ин-т. Работал грузчиком, банщиком, лифтером. Один из создателей рок-группы «Звуки Му» (начало 1980-х). С 1990-х снимается в кино; поставил несколько моноспектаклей в театре им. Станиславского. Живет в Ефаново Московской обл.

Поэты русского рока. Антология. СПб.: Азбука-классика, 2004.

Марков Владимир Викторович

(род. 1966, Смоленск)

Поэт, художник, драматург и историк. В 1990-х участвовал в различных политических и художественных акциях, выставках в Москве и Смоленске. Сотрудничал с движениями «Э.Т.И.» и «ЗАИБИ», с арт-группой «Слепые», с журналом «Радек». Живет в Смоленске.

Тяжелая поэзия. Смоленск, 1993; 13 сексуальных маньяков. Смоленск, 1996.

Мартынова Ольга Борисовна

(род. 26.02.1962, Дудинка Красноярского края)
Поэт, переводчик. Окончила Ленинградский педагогический ин-т (ф-т русского языка и литературы). В 1980-х была среди основателей литературной группы «Камера хранения». Публиковалась в самиздате. С 1990 живет в Германии. *Поступь январских садов*. М.: Прометей, 1989 [в составе конволютного издания «Камера хранения»]; *Четыре времени ночи*. СПб.: Камера хранения, 1998.

В Летнем саду сейчас... Из цикла «Четыре времени ночи»

Маслов Борис Владимирович (род. 1958)

Поэт. Публиковался с середины 1970-х. Живет в Высоковске Московской обл.
<http://vysokovsk.narod.ru/maslov.htm>; *Письменный подоконник*. М.: Молодая гвардия, 1986; *Молодая поэзия-89* [колл. сборник]. М.: Сов. пис., 1989.

Матвеева Вера Ильинична (23.10.1945,

Куйбышевка-Восточная Амурской обл. – 11.08.1976, Химки Московской обл.)

Поэт, журналист. Автор-исполнитель песен. Окончила Московский инженерно-строительный ин-т (1970). Жила в Химках.
Обращение к душе. М.: АПН, 1990.

Матрёнин Михаил Васильевич

(род. 21.06.1947, Белогорск, Крым)
Поэт. Окончил ф-т журналистики ЛГУ (1971). Работал в заводской газете. Посещал лито Г. Семёнова. Публиковался как в советской печати, так и в самиздате. Живет в Петербурге.
Живое пространство. Стихи и шахматные задачи. СПб.: Водолей, 1997.

Медведев Кирилл Феликсович

(род. 19.06.1975, Москва)
Поэт, переводчик, критик, публицист. Сын журналиста Ф. Медведева. Окончил Литинститут (2000), во второй половине 1990-х дебютировал как переводчик, поэт и критик. Создатель «Свободного марксистского издательства», активист Социалистического движения «Вперед». Живет в Москве.
Всё плохо. М.: ОГИ, 2002; *Вторжение*. М.: АРГО-РИСК; Тверь: КОЛОННА, 2002.

Стихи публикуются вопреки авторской воле по Вестнику молодой литературы «Вавилон» № 7 (23) (2000) (в 2004 К. Медведев в «Манифесте об авторском праве» заявил о запрете на публикацию своих стихов в любых антологиях и сборниках).

Меламед Игорь Сунерович

(род. 14.07.1961, Львов)
Поэт, переводчик, эссеист. В 1978–1981 учился в Черновицком ун-те на филфаке, затем поступил в Литинститут, который окончил в 1986. Печатается с 1981. Живет в Москве.
Бессонница. М.: ЛИА Р.Элинина, 1994; *В черном раю*. М.: Летний сад, 1998.

Милославский Юрий Георгиевич

(род. 30.09.1948, Харьков)
Поэт, прозаик, критик, филолог, историк религии, журналист. Занимался в студии Б. Чичибабина, которого считает своим учителем. Окончил Харьковский ун-т. Эмигрировал в 1973. Жил в Израиле, был корреспондентом радио «Свобода» на Ближнем Востоке. Учился в Мичиганском ун-те, где в 1994 защитил диссертацию. Живет в Нью-Йорке.

Стихотворения. Иерусалим, 1983.

Сгину, сдохну, околею... Балаклея – город в Харьковской обл.

Миронов Александр Николаевич

(род. 28.02.1948, Ленинград)
Поэт, прозаик, переводчик. Работал библиотекарем, электромехаником, сторожем, оператором газовой котельной. Стихи пишет с ранней юности. Входил в круг поэтов Малой Садовой, один из основателей группы Хеленуктов, позже сблизился с В. Кривулиным, Е. Шварц. Член Клуба-81. Лауреат премии Андрея Белого (1981). Живет в Петербурге.
Избранное. СПб.: Инапресс, 2002.
Зеркало, зеркало, значит мы тронули Эхо... – из цикла «Четыре эпиграммы».

Миронов Руслан (род. 1961?)

Поэт, переводчик. В 1980-х печатался в самиздате. Живет в Петербурге.
Воздухоплаватель. СПб.: Борей-Арт, 1994.

Митюшёв Павел Валерьевич

(род. 7.04.1957, Сергиев Посад)
Поэт, прозаик, культуролог, художник, перформансист. Окончил физический ф-т МГУ (1980). Был близок к клубу «Поэзия». В начале 1990-х возглавлял Лабораторию Социо-Культурной

Динамики при ВГФ им. А. С. Пушкина. Под маркой Гуманитарного фонда выпускал фактически самиздатские книги, печатался в малотиражных изданиях. Живет в Москве.

Однажды в студеную зимнюю пору (лабиринт).

М., 1994. Гуманитарный фонд» № 15, 1991 и № 32, 1992.

Михеев Николай Иванович (1959–2001)

Поэт, журналист. Жил в поселке Алексеевский республики Марий Эл. Издавал газету «Безнадежное дело», фактически самиздатские книги: свои и других провинциальных поэтов.

Сайт «Дикороссы» <http://www.dikoross.ru/Authors/Micheev/Molelnya.html>

Монастырский Андрей Викторович (Сумнин; род. 28.10.1949, пос. Петсамо Мурманской обл.)

Поэт, прозаик, эссеист. Практик и теоретик концептуального искусства. С детства живет в Москве. Окончил филфак МГУ в 1980. Работал в Литературном музее. Лидер акционной группы «Коллективные действия», возникшей в 1976. Публикации в тамиздате с 1979. Лауреат премии Андрея Белого 2003 за особые заслуги в развитии русской литературы. Живет в Москве.

Небесному носатому домику по пути в Паган.

М.: ОГИ, 2001; *Поэтический сборник*. Вологда: Издатель Герман Титов, 2010.

Я слышу звуки. э. п. – элементарная поэзия. (Другой, более пространный вариант на сайте НП.)

Немиров Мирослав Маратович

(род. 8.11.1961, Ростов-на-Дону)

Поэт, прозаик, эссеист, издатель, культуртрегер. Окончил филфак Тюменского ун-та. Некоторое время работал учителем в школе. В середине 1980-х создал Тюменский рок-клуб и рок-группу «Инструкция по выживанию». В конце 1980-х в Ростове-на-Дону вместе с художником А. Тер-Оганьяном создал Товарищество Художников «Искусство или смерть», тогда же переехал в Москву. В 1999 основал Товарищество мастеров искусств «Осумасшедшие Безумцы», во второй половине 2000-х – изд-во «Ракета». Живет в Подмоскowie.

Некоторые стихотворения, расположенные по алфавиту. СПб.: Красный Матрос, 1999; *Некоторые стихотворения, расположенные по алфавиту – 2.* СПб.: Красный Матрос, 2001; *Полное собрание стихотворений. Том 1. Восьмидесятые.* СПб.: Красный матрос, 2009.

Немировская Юлия Александровна

(род. 1962, Москва)

Поэт, прозаик, литературовед, переводчик. Окончила филфак МГУ (1984), там же защитила кандидатскую диссертацию (1990). Входила в клуб «Поэзия». С 1990 живет в США. В 1990-е преподавала русскую литературу в ун-те штата Юта. В настоящее время преподает в Орегонском ун-те. Руководит театральной студией. Живет в Юджине, штат Орегон.

Моя книжечка. М.: Изд-во А и Б, 1998.

Нескажу Владимир

(Брунов Владимир Сергеевич; род. 1960)

Поэт. Входил в Товарищество мастеров искусств «Осумасшедшие Безумцы».

Гостевая книга. СПб.: Красный матрос, 2004.

Нестеровский Владимир Мотелевич (19.02.1940, Сопич Сумской обл. – 2002, Петербург)

Поэт. Учился в Московском педагогическом ин-те, в 1969 переселился в Ленинград, сменил множество работ. Стихи писал с детства. Публиковался как в официальной печати, так и в самиздате. Входил в Клуб-81, откуда был исключен в 1986 за письмо властям с обвинениями членов клуба в антисоветских взглядах.

АГЛ-5Б; Азбука города. Л.: Худ. лит., 1990.

Нешумов Владимир Вячеславович (10.04.1940, Каменск-Уральский Свердловской обл. – 22.04.2008, Старый Оскол Белгородской обл.)

Поэт. Окончил Казанский авиационный ин-т. Работал в Красноярске-26 до 1969, когда был лишен допуска к секретности за чтение и распространение самиздата. Был женат на Л. Абдуллиной. Жил в Михайлове Рязанской обл. и Старом Осколе.

Ощущения. Старый Оскол: Ямская степь, 1992;

Виток. М.: Журнал «Золотой век», 2000;

Равновесия. Белгород, 2009.

Нешумова Татьяна Феликсовна

(род. 8.09.1965, Москва)

Поэт, филолог. В 1989 окончила русское отделение филфака МГУ. С того же года пишет статьи для словаря «Русские писатели. 1800–1917». Работала в школе учителем русского языка и литературы. Научный сотрудник музея Пастернака. Посещала студию И. Волгина «Луч» в 1983–1985 и студию К. Ковальджи при журнале «Юность». Живет в Москве.

Нептица. М.: Изд-во А и Б, 1997; *Простейшее.*

М.: Изд-во А и Б, 2004.

Ник А. – см. А. Ник

Николенкова Наталья Михайловна

(род. 2.02.1968, Барнаул)

Поэт. Училась на филфаке Алтайского ун-та.

Теле- и радиоведущая. Живет в Барнауле.

Чтобы встретиться. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1987; *Девятое марта.* Барнаул, 1993; *Карманная психиатрия.* Барнаул, 2001.

Ры Никонова (Таршис Анна Александровна;

род. 25.06.1942, Ейск Краснодарского края)

Поэт, художник, теоретик искусства. Закончила

Свердловское музыкальное училище по классу фортепиано, училась в ЛИТМиК (1965–1967).

Участвовала в литературно-художественных группах «Уктусская школа» (Свердловск, 1965–1974), «трансфуристы» (Ейск-Ленинград, 1979–1986; выходил самиздатский журнал «Транспонанс»).

Занимается визуальной и фонетической поэзией, «вакуумным» искусством, мейл-артом. Лауреат (вместе с С. Сигеем) премии Андрея Белого за 1998 (за особые заслуги в развитии русской литературы). Живет в Германии с 1998.

Эпиграф к ПУСТОТЕ. Вакуумная поэзия. М.: Музей Сидура, 1997; *Ю (Избранные линейные полифонические координатные вакуумные стихи и архитектуры).* Мадрид: Ediciones del Hebreo Errante, 2001; *Глав-стих-лек-сырье.* Мадрид: Ediciones del Hebreo Errante, 2003.

Новиков Денис Георгиевич

(14.04.1967, Москва – 31.12.2004, Иерусалим)

Поэт. Закончил Литинститут. В конце 1980-х – начале 1990-х участник группы «Альманах».

Жил в Англии, Израиле. В последние годы жизни порвал с литературным кругом. Умер от передозировки наркотиков.

Виза. М.: Воймега, 2007; «Литературная Газета» № 40, 1999.

Новиков Михаил Сергеевич

(27.11.1957, Москва – 5.11.2000, под Москвой)

Поэт, прозаик, критик, журналист. Закончил МИНХ и ГП, а также Литинститут по отделению прозы (1989). Участвовал в колл. сборнике «Список действующих лиц» (самиздат, 1982). В 1996–2000 – обозреватель газеты «Коммерсантъ-Daily». Погиб в результате автомобильной аварии.

<http://www.rvb.ru/np/publication/o5supp/SDL/NOVIKOV.htm>; авторский файл из архива И. Ахметьева.

Новицкая Ира

(Ирина Николаевна; род. 5.08.1946, Москва)

Поэт. Окончила филфак МГУ. Работала в библиотеке, в Литературном музее, ин-те культурологии. В 1990-е входила в группу мелоимажинистов. Живет в Москве.

Дороги темный конус. М.: Лионор, 1993; *Время придвинулось.* М.: Лионор, 1999.

Овчинников Иван Афанасьевич

(род. 1939, Нижний Ашпанак, Алтай)

Поэт. С детства живет в Новосибирске. Учился в Новосибирском педагогическом ин-те (не закончил). С середины 1980-х – участник фольклорного ансамбля.

Лес (самиздатский альманах); Мил-человек.

Новосибирск: Детская литература, Мангазея; 1992; авторская машинопись.

Ожиганов Александр Федорович

(род. 2.10.1944, Одесса)

Поэт. Рос в Молдавии. Учился в Кишиневском и Ленинградском ун-тах. Принадлежал к ленинградскому кругу неофициальной поэзии. До 1992 печатался только в сам- и тамиздате. Жил в Ленинграде, затем в Самаре. Много лет работал оператором газовой котельной. Живет в Москве.

Трещотка. М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2002. **В предрассветной мгле скрипела...** – из цикла «Стрекоза».

Как безнадежно огрубела... – из цикла «Цирк» (1972, июль. Вологда, гарнизонная гауптвахта.)

Жаба – из цикла «Бестиарий».

Молодая Магдалина... – из цикла «Чертова дюжина».

Оленева Наталия Валерьевна

(род. 12.10.1971, Томск)

Поэт, прозаик. Образование среднее. Живет в Одессе.

Стихи. Проза. Одесса: Друк, 1998.

Орлов Михаил Павлович

(1949, Томск – 6.06.1986, Томск)

Поэт, прозаик. Учился в Томском пединституте, не окончил. Сменил множество профессий. При жизни практически не печатался.

Травы чужих полей. Томск: Томское книжное изд-во, 1989.

Глина мякнет, и мокнет песок... Обласок – маленькая лодка.

Охапкин Олег Александрович (12.10.1944,

Ленинград – 30.09.2008, Петербург)

Поэт. Окончил архитектурно-ремесленное училище. С 1966 посещал лито Д. Дара. Сменил множество работ, в т.ч. был разнорабочим в экспедициях. В 1970-е один из самых активных авторов и участников самиздата. Член Клуба-81. *Стихи*. Л.-Париж: Беседа, 1989; *Пылающая купина*. Л.: Сов. пис., 1990; *Моление о чаше*. СПб.: Mitkilibris, 2004; АКТ № 3, 2001.

Когда глядел я на тебя...» – по видеозаписи литературного вечера.

Павлов Виктор Иванович (псевдоним – Виктор Виктор; род. 8.02.1960, Тула)

Поэт, прозаик. Воспитывался без отца. Детство провел в деревне, в Орловской обл. Учился в Литинституте (1994–1997). Живет в Тверской обл. *Стихотворения*. Проза. М.: Доброе слово, 1997.

Павлова Вера Анатольевна (род. 4.05.1963, Москва)

Поэт. В 1985 окончила музыковедческий ф-т Ин-та им. Гнесиных, несколько лет пела в церковном хоре. Начала печататься в 1988. Живет в Москве. *Небесное животное*. М.: Журнал «Золотой век», 1997; *Второй язык*. СПб.: Пушкинский фонд, 1998; *Четвертый сон*. М.: «Захаров», 2000.

Пазухин Евгений Александрович (род. 7.09.1945, Ленинград)

Поэт, культуролог, эссеист. Стихи писал в юности, тогда же сблизился с неофициальными литераторами (В. Кривулин, К. Кузьминский и др.). Стихи публиковались в самиздате. В 1971 окончил филфак ЛГУ, работал экскурсоводом, оператором газовой котельной. В 1991 эмигрировал, живет в Баден-Бадене (Германия).

АГЛ-4Б.

Редакция стихотворения уточнена автором в частной переписке.

Панов Сергей Владимирович (род. 3.04.1950, Луганск)

Поэт. Работал проходчиком в шахте, лаборантом в археологических экспедициях. Переписывался с Г. Алексеевым. Стихи печатались с 1986 года – в луганской периодике и коллективных сборниках, в самиздатском «Чешском освободительном журнале...» (см. справку о С. Гарбузе). Живет в Луганске.

Я не настаиваю. Донецк: Донбасс, 1992; *Зонтик от молний*. Свердловск [Луганской обл.]: Полиграф. центр «Содружество», 1997; *Дай дать!* Луганск: Шлях, 2000.

Панэ Виктор Владимирович (род. 1954, Иркутская обл.)

Прозаик. Стихи писал в молодости. Жил в Кишиневе, окончил Кишиневский педагогический ин-т. Посещал литературную студию «Орбита». В 1990 эмигрировал в Израиль. Живет в Иерусалиме.

АГЛ-3А (письмо Е. Хорвата).

Парщиков Алексей Максимович

(24.05.1954, Ольга Приморского края – 3.04.2009, Кёльн, Германия)

Поэт, переводчик, эссеист, филолог. Родился в Приморском крае, с 1961 жил в Донецке. Учился в Киевской сельскохозяйственной академии, а после двух лет работы по специальности – в Литинституте (окончил в 1982). Публиковался с 1984. В 1991 уехал в США, окончил аспирантуру Стэнфордского ун-та. Позже жил в Швейцарии, с 1995 в Кёльне. В 1980-х входил в неформальную группу метафористов. Лауреат премии Андрея Белого (1985).

Фигуры интуиции. М.: Московский рабочий, 1989; *Cyrlilic light*. М.: Товарищество «Золотой векъ», 1995; *Выбранное*. М.: Иц-Грант, 1996.

Пахомов Аркадий Дмитриевич

(род. 17.08.1944)

Учился на филфаке МГУ. В 1960-х входил в поэтическую группу СМОГ. Сменил множество профессий. Живет в Москве.

В такие времена. М.: Прометей, 1989; ж. «Континет», 2001, № 107.

Пепперштейн Павел Витальевич

(род. 29.05.1966, Москва)

Поэт, прозаик, художник. Сын художника Виктора Пивоварова и поэта Ирины Пивоваровой. Учился в Академии изящных искусств в Праге в 1985–1987. Один из основателей группы Инспекция «Медицинская герменевтика», продолжавшей традиции московского концептуализма.

«*Великое поражение*» и «*Великий отдых*». М.: Obscuri viri, 1993; *Диета Старика*. М.: Ad Marginem, 1998; <http://barashw.tripod.com/authors/peppershtein.html>.

Перемышлев Евгений Викторович

(род. 21.08.1959, Москва)

Литературовед, поэт, прозаик. Родился в семье военного. Несколько лет занимался в литературной студии Дворца пионеров на Ленинских горах, в группе, которой руководил Я. Гольцман. Окончил Литинститут (1982). До института и по-

сле армии работал курьером, вахтером, журналистом. С тех пор и по сей день живет интеллектуальной поденщиной. Персонаж либо прототип персонажа ряда литературных произведений. Живет в Москве.
НП; авторский файл.

Пивоварова Юлия Леонидовна

(род. 5.08.1966, Новосибирск)

Поэт, журналист. Училась на Высших литературных курсах. Работала в журнале «Горожанка», новосибирских газетах и на радио. Живет в Новосибирске.

Теневая сторона. Н-ск: Новосибирское книжное изд-во, 1989; г. «Арена» (Новосибирск) № 44 (342) от 27.11.1991.

Вброд переходим мы холодную воду... – из цикла «Речнику – моряку – человеку».

Поздняев Михаил Константинович

(1.02.1953, Москва – 9.10.2009, там же)

Поэт, эссеист, журналист. Окончил филфак Московского областного педагогического ин-та. Работал учителем на Дальнем Востоке, служил в армии на Крайнем Севере. Работал на Всесоюзном радио, затем в различных печатных изданиях.

Белый тополь. М., 1984; *Лазарева суббота.* М.: Захаров, 2002.

Элегия – см. статью Владислава Кулакова «По образу и подобию языка. Поэзия 1980-х годов» (НЛО 1998, № 32).

Полетаев Владимир Григорьевич

(1951, Саратов – 1970, Москва)

Поэт, переводчик. Учился в Литинституте. Покончил с собой. Единственную книгу, вышедшую через 13 лет после смерти, подготовил О. Чухонцев. *Небо возвращается к земле.* Тбилиси: Мерани, 1983.

Полещук Виктор Васильевич (род. 24.01.1957,

зерносовхоз «Комсомольский» Оренбургской обл.)

Поэт, переводчик. Окончил Литинститут (1981). Жил в Душанбе, работал ответственным секретарем журнала «Памир». Во время гражданской войны в Таджикистане вынужден был переселиться в Краснодарский край, живет в городе Гулькевичи.

Крик черепахи : Книга стихов 1986 года (<http://dlegoshin.narod.ru/poleshchuk.html>); *Мера личности.* М.: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna publications, 2006.

Поляков Андрей Геннадиевич

(род. 9.06.1968, Симферополь)

Поэт, прозаик, журналист. Окончил филфак Крымского ун-та. Работал журналистом в местных изданиях, преподавателем в ин-те и лицее. Один из создателей московско-крымской поэтической группы «Полуостров». Живет в Симферополе.

Epistulae ex Ponto. <Черновцы>, 1995; *Орфографический минимум.* СПб.: Пушкинский фонд, 2001; *Для тех, кто спит.* М.: НЛО, 2003.

Epistulae ex Ponto. Томис – город у Понта Эвксинского куда был сослан Овидий.

Померанцев Игорь Яковлевич

(род. 11.01.1948, Саратов)

Поэт, прозаик, эссеист. Рос в Забайкалье и Черновцах, окончил филфак Черновицкого ун-та. Работал сельским учителем в Закарпатье, техническим переводчиком. С 1978 в эмиграции. Многолетний сотрудник радио «Свобода». Живет в Праге.

Стихи разных дней. СПб.: Сов. пис., 1993; *Те, кто держали нас за руку, умерли.* М.: НЛО, 2005.

Попов Валерий Георгиевич

(род. 8.12.1939, Казань)

Прозаик, поэт. Окончил Ленинградский электротехнический ин-т и ВГИК (как сценарист). Начинать в самиздате как поэт. Публикуется с 1963, первая книга прозы вышла в 1969. Председатель Союза писателей Петербурга. Альманах «Соло» № 6, 1991.

Попов Саша (Попов Александр Николаевич;

1948?, Ейск? – 28.03.1995, Петербург)

Поэт, эссеист, драматург. Выпускал машинописные издания: альманах «Северные цветы», журнал «Весы», «Литературную газету». В 1970-х был принят в драматургическую мастерскую И. Дворецкого при ленинградском ВТО, но его пьеса «Потом... потом... потом...», несмотря на высокую оценку К. Гинкаса, А. Васильева и Г. Товстоногова, поставлена не была. В 1980-х пьеса «Придверие» ставилась в театре реального искусства. При жизни опубликовано лишь эссе в журнале «Твердый знакЪ» (№1, 1991) и несколько заметок в питерских газетах. Покончил с собой. Материалы из архива Г.Г. Лукомникова.

Правда Андрей Владимирович

(род. 1962, Фрунзе)

Поэт. После окончания Кемеровского медицинского ин-та работал врачом «скорой помощи». Ответственный редактор издательства «Кузбасс».

Руководитель литературной студии «Лист» Кемеровского технического ун-та. Живет в Кемерово. *Только горсть можжевельных ягод*. Кемерово, 1995.

Пригов Дмитрий Александрович

(*5.11.1940, Москва – 16.07.2007, там же*)

Поэт, прозаик, эссеист, художник, акционист. В 1966 окончил отделение скульптуры Высшего художественно-промышленного училища (бывш. Строгановское). В 1966–1974 работал архитектором в Главном архитектурном управлении Москвы. Печатался в тамиздате с 1979, в СССР с 1988. Участник группы «Альманах» с 1988. Один из основных представителей московского концептуализма.

Литературное А–Я. Париж, 1985 (фактически, альманах литературного концептуализма); *Зеркала. Альманах*. М.: Московский рабочий, 1989; *Собрание стихов*. Вена, 1996 – (в последнем, вышедшем в 2003, стихи 1978 года); *Советские тексты*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1997; *Написанное с 1975 по 1989*. М.: НЛО, 1997; *Написанное с 1990 по 1994*. М.: НЛО, 1998; *Подобранный Пригов*. М.: РГГУ, 1998.

Прокопьев Алексей Петрович

(*род. 15.08.1957, Чебоксары*)

Поэт, переводчик, фольклорист. Окончил исторический ф-т МГУ (отд. истории искусства). Работал ночным сторожем. Был близок к кругу «Московского времени», участник самиздатского альманаха «Встреча» (М., 1985). Преподавал в Литинституте (кафедра художественного перевода). Живет в Москве.

Ночной сторож. М.: Carte Blanche, 1991; *День Един*. М.: МОЛ СЛ РФ & Линор, 1995; *Снежная Троя*. М.: ОГИ, 2003.

Пудовкина Елена Олеговна

(*род. 10.04.1950, Ленинград*)

Поэт. В 1960-е посещала литературный клуб «Дерзание» при Дворце пионеров. Сменила много профессий, с начала 1990-х – корреспондент различных периодических изданий. Стихи публиковались как в официальной печати, так и в самиздате. Живет в Петербурге.

«АКТ – литературный самиздат» № 6, 2002; *Стихи*. Данденонг (Австралия), 1990.

Пуханов Виталий Владимирович

(*род. 31.07.1966, Киев*)

Поэт. В 1993 окончил Литинститут, работал в журнале «Новая юность», редактором отдела

прозы журнала «Октябрь». С 2003 ответственный секретарь молодежной литературной премии «Дебют». Живет в Москве.

Деревянный сад. М.: Творческий центр «Новая юность», 1995; *Плоды смоковницы*. Екатеринбург: У-Фактория, 2003.

Пушкин Александр Александрович

(*род. 1957, Москва*)

Поэт. Закончил Московский педагогический ин-т. Служил учителем, корректором, экскурсоводом, был рабочим в экспедициях, театрах, на стройках и т.д. С 1986 живет в США, с 1990 – сотрудник редакции нью-йоркского «Нового Журнала».

Второй завтрак. New York: СЛОВО-WORD, 1996.

Ракитская Эвелина Борисовна

(*по мужу Богатых; род. 1960, Москва*)

Поэт, прозаик, издатель. Окончила Литинститут в 1988, печаталась с 1989. С середины 1990-х занимается изданием книг, соучредитель Издательского содружества Э.РА (1999).

Дожить до тридцати. М., 1991.

Рихтер Александр (род. 1939, Одесса)

Художник, поэт, прозаик. Окончил ЛГУ. В 1975 эмигрировал в США.

АГЛ-3Б; <http://ayktm.livejournal.com/55131.html>; <http://www.kreschatik.nm.ru/5/07.htm>.

Рихтерман Марк (1942, Москва – 1980, там же)

Поэт, прозаик. Авиационный инженер. Стихи писал с юности, посещал семинар А. Тарковского. Умер от обострения хронической почечной недостаточности.

На чудной земле. М.: Агентство социальных инициатив при ВГФ им. А.С.Пушкина, 1992; *День поэзии 2000*. М.: Русский мир, 2001.

Родионов Андрей Викторович (род. 9.01.1971)

Поэт. Детство и юность провел в Мытищах. Окончил Московский полиграфический ин-т. Был лидером панк-группы «Братья-короли». Входил в Товарищество мастеров искусств «Осумасшедшие Безумцы». Живет в Москве, заведует красильным цехом в музыкальном театре им. Станиславского и Немировича-Данченко.

Добро пожаловать в Москву. СПб.: Красный матрос, 2003; *Пельмени устрицы*. СПб.: Красный матрос, 2004.

Рожанская Ольга Владимировна

(*25.12.1951, Москва – 28.04.2009, Сицилия; похоронена в Москве*)

Поэт. В 1968 поступила на мехмат МГУ, откуда была отчислена по сигналу КГБ. Закончила математический ф-т Калининского ун-та (1976). Работала в ВИНТИ, преподавала математику в ряде московских вузов. Стихи писала с детства. Публиковалась за рубежом, в самиздате, в российской периодике. Утонула во время отдыха. *Стихи по-русски*. М., 1993; *Дорога в город*. М., 1996.

Ромм Михаил Наумович (род. 10.12.1961, Москва)
Поэт, журналист, организатор литературной жизни; книжный дизайнер. Окончил художественно-графический факультет Московского педагогического ин-та. Работал школьным учителем, педагогом-организатором. В 1980-х был одним из создателей литературно-художественного клуба «Корабль» и соредктором самиздатских журналов «Корабль» и «Морская черепаха». Один из учредителей Всесоюзного гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина (1990), председатель правления фонда и гл. редактор газеты «Гуманитарный фонд» (1990–1994). Живет в Москве. *Заветное желание*. М.–Тель-Авив: Э.РА, 2004; *Мастер снов*. М.–Тель-Авив: Э.РА, 2006; «Гуманитарный фонд» 1992, № 18.

Рубинштейн Лев Семёнович
(род. 19.02.1947, Москва)

Поэт, публицист, эссеист. Окончил филфак Московского государственного педагогического ин-та, работал библиографом. Принадлежал к кругу московских концептуалистов. Выработал собственную поэтику, сочетающую минимализм с элементами перформанса. Был членом клуба «Поэзия», входил в литературную группу «Альманах». Публиковался на Западе и в самиздате, с конца 1980-х – в СССР. С середины 1990-х в основном занимается журналистикой. Лауреат премии Андрея Белого в номинации «Критика и гуманитарные исследования» (1999). Живет в Москве. *Регулярное письмо*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996; *Домашнее музицирование*. М.: НЛО, 2000.

Рыжий Борис Борисович (8.09.1974,
Челябинск-40 – 7.05.2001, Екатеринбург)

Поэт. С 1980 жил в Свердловске. Закончил Горный ин-т и аспирантуру Ин-та геофизики. Работал младшим научным сотрудником, литературным сотрудником журнала «Урал». Публиковался с 1992. Покончил с собой.

И всё такое... СПб.: Пушкинский фонд, 2000;
На холодном ветру. СПб.: Пушкинский фонд, 2001; *Стихи*. СПб.: Пушкинский фонд, 2003.

Сабуров Евгений Фёдорович
(13.02.1946, Ялта – 20.06.2009, Москва)

Поэт, драматург, прозаик, экономист. Закончил мехмат МГУ. Вместе с Л. Иоффе, А. Маковским, М. Айзенбергом и др. принадлежал в 1960–1970-х к неофициальному культурному сообществу, которое принято теперь называть их именами. Работал в Центральном экономико-математическом ин-те и Госплане СССР. Доктор экономических наук. Занимал должности министра экономики и вице-премьера РСФСР (1991), в 1993–1994 был премьер-министром Республики Крым (в составе Украины). С 1995 занимался научной и административной работой. Стихи до конца 1980-х годов публиковались только на Западе. *Пороховой заговор*. М.: Золотой век, 1995;
По краю озера. М.: ОГИ, 2001.

Салимон Владимир Иванович
(род. 13.04.1952, Москва)

Поэт. Окончил географо-биологический ф-т Московского педагогического ин-та. Работал учителем в школе, в обществе охраны природы. Первая публикация – в 1977. В 1990–2001 главный редактор журнала «Золотой век». Живет в Москве. *Уличное братство*. М.: Молодая гвардия, 1989;
Страстная неделя. М.: Моск. раб., 1989; *Невеселое солнце*. СПб.: Пушкинский фонд, 1994.

Санчук Виктор Генрихович (род. 1.01.1959)

Поэт, переводчик, прозаик, журналист. С 1976 по 1982 (с перерывами) учился на филологическом и историческом ф-тах МГУ. Поэт «второй волны» группы «Московское время». Живет в США. *Дорога домой*. М., 1991; *Памяти С. М.*: Весть, 1994;
От моря и до моря. М.: Водолей Publishers, 2008.

Сапего Михаил Геннадиевич (род. 14.05.1962)

Поэт, издатель. Участник группы «Митьки». В 1995 основал из-во «Красный Матрос». Живет в Петербурге. *Разрозненные ХЭ*. СПб.: Красный Матрос, 1995; 36. СПб.: Красный Матрос, 1998; *Сапего сапегой*. СПб.: Красный Матрос, 2002.

Седакова Ольга Александровна
(род. 26.12.1949, Москва)

Поэт, филолог, переводчик, критик, эссеист. Окончила филфак МГУ (1973) и аспирантуру Ин-та славяноведения АН СССР. Кандидат филологических наук. С конца 1980-х читает в МГУ лекции и ведет семинары по европейской поэзии. Доктор теологии honoris causa Европейского

гуманитарного ун-та в Минске. В 1983 получила премию Андрея Белого. Живет в Москве.
Ворота, окна, арки. Paris: УМКА-Press, 1986;
Стихи. М.: Гнозис – Carte Blanche, 1994;
Собр. соч. в 2 т. М.: N.F.Q./Ту Принт, 2001.
Кто родится в черный понедельник... – Из книги «Старые песни» (1980–1981).

Сергеев Аркадий Григорьевич (род. 10.06.1941)
Поэт, прозаик. Живет в Смоленске.
Хрупкая ольха. М., 1989; *Я слышу вьюги песни.*
Смоленск, 1998; г. «Красное знамя» (г. Гагарин), 1984, № 52.

Сергеева Галина Николаевна
(род. 11.01.1959, Новосибирск)
Поэт. Училась в Литинституте. Живет в Москве.
Альманах «Поэзия» № 28 (1980); машинопись из архива Т.Ф. Нешумовой.

Слуцкина Полина Ефимовна
(род. 28.07.1947, Москва)
Поэт, прозаик. Окончила Ин-т иностранных языков. Кандидат филологических наук. Публикуется с 1990. Живет в Москве.
Путешествие во времени. М.: ЛИА Р. Элинина, 2002; *Под колесами.* М.: Изд-во Р. Элинина, 2004.

Смир Александр (*Смирнов*; род. 1960, Ленинград)
Поэт, издатель. Работал в НИИ Геофизики, участвовал в археологических экспедициях в Туву. Стихи пишет со школьных лет. Занимался в лито «Светлана», в клубе юмора ДК «Пищевиков». В начале 1990-х участвовал во многих коллективных сборниках. Издавал две поэтические серии: «Муд зубрости» и «Петраэдр». Живет в Петербурге. коллективные сборники из серии «Петраэдр»;
<http://azamok.nm.ru/DR-KN/Smir/Smir.htm>.

Смирнов Пётр (ок. 1950 – ок. 2007, Москва)
Поэт. Работал шофером. Начал публиковаться в начале 1990-х по инициативе А. Еременко.
Будуицкие холмы. М.: Гилея, 1993.

Смольный Виктор Борисович
(Лушин; род. 1965, Ленинград)
Поэт. Посещал студию «Дерзание» при Дворце пионеров. Окончил Первый медицинский ин-т, работал невропатологом. С 1995 в США, ведет программы на нью-йоркском русском радио.
Время и Слово (литературная студия Дворца Пионеров). СПб.: Реноме, 2006; <http://www.netslova.ru/smolny/>.

Соколов Павел (род. 1946)
Поэт. В 1970-х посещал семинар Б. Слуцкого (лит. студию при Союзе писателей), позже – студию «Кипарисовый ларец». Живет в Москве.
Граждане ночи [колл. сборник]. М.: Вся Москва, 1991; «ГФ – Новая литературная газета» № 9 (1994); *Стихи.* М.: МОЛ СЛ РФ & Линор, 1995.

Соколов Саша (Александр Всеволодович; род. 6.11.1943, Оттава)
Прозаик. Родился в семье заместителя советского военного атташе в Канаде, с 1947 жил в Москве. В 1962 поступил в Военный ин-т иностранных языков, откуда ушел в 1965. Был членом поэтической группы СМОГ, под псевдонимом Великош печатался в самиздате. В 1967 поступил на ф-т журналистики МГУ, на 3 курсе перешел на заочное отделение. С 1969 по 1971 работал корреспондентом в газете «Литературная Россия». В 1975 эмигрировал, опубликовал три романа, сделавших его известным. Лауреат премии Андрея Белого (1981). Живет в США.
Между собакой и волком. СПб.: Симпозиум, 2001.

Сон Анна Владимировна (род. 1962)
Поэт. Окончила биологический ф-т Одесского ун-та. Посещала литературную студию «Круг». Живет в Одессе. Работает в отраслевом журнале «Порты Украины».
Земля – Земля – Воздух. Одесса: Друк, 1998.

Сопровский Александр Александрович
(21.10.1953, Москва – 23.12.1990, там же)
Поэт, эссеист. Учился на филологическом и историческом ф-тах МГУ, отчислен за публикации в «тамиздате». Работал бойлерщиком, церковным сторожем, рабочим в экспедиции. Один из основателей группы «Московское время». Погиб, сбитый автомашиной.
Начало прощания. М.: Правда, 1991; *Признание в любви.* М.: Летний сад, 2008.

Степаненко Михаил Михайлович
(род. 24.12.1945, Новосибирск)
Поэт. Образование среднее. Был рабочим на различных предприятиях Новосибирска (1967–1997). Сторож (с 1998). Живет в Новосибирске.
На краткую разлуку. Новосибирск: Мангазея, 1995.

Степанова Мария Михайловна
(род. 9.06.1972, Москва)
Поэт, журналист. В 1995 окончила Литинститут. Работала в различных изданиях, с 2007 гл. редак-

тор интернет-портала Openspace.ru. Лауреат премии Андрея Белого (2005). Живет в Москве.

Песни северных южан: Стихи. М.: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna publications, 2001; *О близнецах*. М.: ОГИ, 2001; *Тут-свет*. СПб.: Пушкинский фонд, 2001.

Стефанов Юрий Николаевич

(26.06.1939, Орел – 28.06.2001, Москва)

Прозаик, переводчик, поэт, искусствовед. Окончил исторический ф-т МГУ (отделение истории искусства). Участник московского «мистического подполья» 1960–1980-х, принадлежал к кругу Южинского переуллка.

Заклинание. М.: ЛИА Р. Элинина, 1997; *Изображение на погребальной пелене*. Орёл-М.: Контекст; Волшебная гора, 2006.

Искатели жемчуга. А. И. Тиняков (1886–1934) – поэт, уроженец Орловской губернии. В конце жизни стал профессиональным нищим.

Стратановский Сергей Георгиевич

(род. 5.12.1944, Ленинград)

Поэт. Окончил филфак ЛГУ. Стихи начал писать в 1968, печатался в самиздате и на Западе. С 1981 вместе с К. Бутыриным редактировал машинописный журнал «Обводный канал», был членом правления Клуба-81. Работает библиографом в Российской национальной библиотеке. Живет в Петербурге.

Стихи. СПб.: Ассоциация «Новая литература», 1993; *Тьма дневная: Стихи девяностых годов*. М.: НЛО, 2000.

Кавалеров. Николай Кавалеров – герой романа Ю. Олеши «Зависть».

В день поклоненья Отцам... – из цикла «Научная фантастика в стихах» (1982–1987); обыгрываются некоторые положения «философии общего дела» Н.Ф. Федорова.

Строцев Дмитрий Юльевич

(род. 12.04.1963, Минск)

Поэт, прозаик; исполняет песни на свои стихи. Некоторые книги и публикации (главным образом ранние) подписаны *Дима Строцев*. Окончил архитектурный ф-т Белорусского политехнического ин-та. Работал художником-оформителем, был кооператором. С середины 1990-х занимается издательским делом, основатель минского издательства «Виноград», выпускающего поэзию, религиозную литературу и др. Живет в Минске. 38. Минск, 1990; *Остров Це*. Минск, 2002;

Бутылки света. М., 2009.

Строчков Владимир Яковлевич

(род. 3.04.1946, Москва)

Поэт. Окончил Московский ин-т стали и сплавов, два года служил офицером в парадном полку Кантемировской дивизии. Работал инженером, начальником цеха. До конца 1980-х годов не публиковался. В 1987 дебютировал в самиздатском журнале «Эпсилон-салон». Был членом клуба «Поэзия». Живет в Москве.

Глаголы несовершенного времени. М.: Диас, 1994; *Наречия и обстоятельства*. М.: НЛО, 2006.

Сурнин Антон Валерьевич (род. 15.02.1975, Черногорск Красноярского края)

Поэт. Окончил филфак Новосибирского педагогического ин-та. Был грузчиком, машинистом в Театре оперы и балета, журналистом в региональных изданиях. С 2002 года работает в пресс-службе ГУВД по Новосибирской области, капитан милиции. Живет в Новосибирске.

Стихотворения. Новосибирск: Горница, 1996; *Вольные измышления*. Новосибирск: Горница, 1998.

Суусев Геннадий Александрович

(род. 1.01.1957, Александрово Удмуртской АССР)

Поэт, переводчик, прозаик, архитектор, художник. Окончил архитектурный ф-т Макеевского инженерно-строительного ин-та (1979). Пишет научно-фантастическую прозу. Живет в Луганске. *Было поздно – стало рано*. Луганск: Книжковый світ, 1999; *За гранью суеты*. Луганск: Книжковый світ, 2000.

Сухотин Михаил Александрович

(род. 2.12.1957, Ленинград)

Поэт, литературовед, эссеист. Окончил физический ф-т МГПИ. С конца 1970-х публиковался в самиздате и на Западе. Продолжатель традиций московского концептуализма. Живет в Москве. *Великаны (героические рассказы)*. М.: ДАБЛУС, 1995; *Центоны и маргиналии*. М.: НЛО, 2001; <http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOTIN/>

Тарковский Михаил Александрович

(род. 1958, Москва)

Поэт, прозаик. Внук Арс. Тарковского. Окончил МГПИ по специальности «география и биология», работал на Енисейской биостанции. С 1986 охотник в селе Бахта Туруханского района Красноярского края. В 1992 окончил заочное отделение Литинститута.

Стихотворения. М.: ТерраТэк, 1991.

Седое утро. Груз на берегу... Вторая часть триптиха «Перед охотой». Ржанка – северный кулик; шуга – лед, плывущий по замерзающей реке.

Там на заре бубнят тетерева... – из цикла «Туман».

Татарников Алексей Викторович

(род. 14.07.1958)

Поэт. Живет в Москве.

Пригород. М.: Прометей, 1990; <http://zhurnal.lib.ru/t/tatarnikowaw/>.

Тиновская Елена Ильинична

(род. 1964, Свердловск)

Поэт. Училась в Уральском ун-те на историческом ф-те, в архитектурном ин-те, работала воспитателем, продавцом в магазине, кондуктором на транспорте. Живет в Ганновере (Германия). *Красавица и птица*. СПб.: Пушкинский фонд, 2002.

Тихомиров Александр Борисович

(1941, Москва – 18.01.1981, станция Солнечная Московской обл.; похоронен в Переделкино)

Поэт. Окончил Литинститут. Работал могильщиком, разнорабочим и др. Погиб под колесами электрички.

Зимние каникулы. М.: Сов. пис., 1973; *Белый свет*. М.: Современник, 1983; *Добрым людям*. М.: Сов. пис., 1991.

Товмасын Андрей Егизарович

(род. 1.12.1942, Киров)

Музыкант (трубач), поэт. Один из первых российских импровизаторов, участник московских фестивалей 1960-х годов. Дебютировал на джазовом фестивале в Тарту (1959). В 1968 собрал собственный квартет, работал в московских ресторанах и выступал в джаз-клубах многих городов. В 1982–1984 был солистом в оркестре Олега Лундстрема. Стихи пишет с детства.

Живет в Москве.

<http://proza.ru/avtor/coronet>.

Трофимов Сергей Евгеньевич (1953–1979)

Поэт. Жил в Москве. Покончил с собой.

Посмертные публикации: *Самиздат века*; «АКТ – литературный самиздат» № 16 (2005); НП.

Трунёв Сергей Игоревич

(род. 27.03.1973, Саратов)

Поэт. Окончил авиационный техникум, затем – философский ф-т Саратовского ун-та. Кандидат

философских наук. Живет в Саратове, преподает в ун-те.

Боковая линия. Саратов, 2004.

Туркин Андрей Валерьевич

(1962, Москва – 22.12.1997, там же)

Поэт, прозаик. Учился на филфаке МГУ (1982–1985) и в Литинституте. В 1990–1992 служил в армии в войсках химзащиты. Участвовал с Ю. Гуголевым в вокально-поэтическом дуэте «Квас заказан». Выступал также в жанре перформанса. Погиб в результате несчастного случая.

Общее дело. М.: ИМА-пресс, 1992; *Точка сингулярности (О природе физических тел)*. М.: ОГИ, 2002.

Сидят два мальчика... – из цикла «Песни».

Тютяев Николай (1946, Путьатино Ивановской обл. – 1996, Нерль Ивановской обл.)

Поэт. 10 лет отсидел в тюрьме, взяв на себя, по просьбе матери (как несовершеннолетний), вину брата, который, защищая мать от истязаний пьяного отца, убил его. После отбытия срока работал на фабрике «Серп и Молот» в Нерли, после закрытия фабрики был безработным. Первая публикация – в составе антологии «Час России», под ред. В. Астафьева (1988).

Благая весть. Иваново, 1995.

Кресты – из раздела «Суздальский тракт».

Штрафной изолятор – из раздела «Запретная зона».

Тягунов Роман Львович

(1962, Свердловск – 31.12.2000, Екатеринбург)

Поэт. Окончил матмех Уральского ун-та. Стихи ходили в самиздате, в 1990-х неоднократно менял род занятий, продолжая писать стихи и публикуясь на Урале и в Москве. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

Стихи. Екатеринбург: Изд-во Уральского Ун-та, 2001; *Современная уральская поэзия (1997–2003)*. Челябинск: Фонд «Галерея», 2003.

Унксова Кари Васильевна

(21.10.1941, Алма-Ата – 4.06.1983, Ленинград)

Поэт, прозаик. Родилась в Казахстане, где ее родителей, геологов, застала война. В 1945 семья вернулась в Ленинград. Закончила геологический ф-т ЛГУ (1965). Участвовала в феминистском движении, печаталась в самиздате. Была сбита машиной насмерть незадолго до уже решенного ей выезда из СССР.

Избранное. Тель-Авив: Лира, 1985; *Поэзия. Проза*. СПб.: ДЕАН, 2009.

Файнерман Михаил Шикович

(9.12.1946, Москва – 29.07.2003, там же)

Поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Окончил Московский полиграфический ин-т по специальности инженер-механик. Работал инженером, затем лаборантом и киномехаником в техникуме и ПТУ, переводил для ЦНИИПИ. Занимался в литературной студии С. Бернштейна. Участвовал в альманахе «Список действующих лиц» (самиздат, 1982).

Зяблик перелетный. М.: ИЧП «Гео», 1995; авторская машинопись; сетевой журнал «TextOnly», № 1 (1999).

Фанайлова Елена Николаевна

(род. 19.12.1962, Воронежская обл.)

Поэт, журналист. В 1985 окончила Воронежский мед. ин-т и Воронежский ун-т (по лингвистической специальности). До 1992 работала врачом, с 1992 преподавала в Воронежском ун-те. С конца 1990-х в Москве, работает журналистом (корреспондент радио «Свобода» с 1995). Стихи пишет с детства. Впервые опубликовалась в 1974, в «Пионерской правде». В конце 1980-х входила в липецко-воронежскую группу «Пцидаретит». Лауреат Премии Андрея Белого (1999). Живет в Москве.

Путешествие. СПб.: Митин Журнал, 1994; *С особым цинизмом*. М.: НЛО, 2000.

Федин Сергей Николаевич

(род. 28.12.1956, Москва)

Поэт-экспериментатор, исследователь и популяризатор словесных игр, прозаик. Окончил мехмат МГУ, канд. физ.-мат. наук. Преподает математику в одном из московских вузов. Работает в журналах «Математика в школе» и «Математика для школьников». Автор математических учебников и задачников, книг о словесных играх, книги «Математики тоже шутят» (М., 2009). Составитель (совместно с Г.Г. Лукомниковым) «Антологии русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии» (М., 2002). Живет в Подмосковье.

АРПКиРП; авторский файл.

«Он – верба, но...» и «У Муму...» – палиндромы. «Небо говорит...» и «Гуди, боль!...» – по определению автора, «миниграммы», т.е. анаграммы с минимальной перестановкой букв.

Филиппов Василий Анатольевич

(род. 23.04.1955, Лосинка Свердловской обл.)

Поэт, прозаик. В 1972–1975 учился на биологическом ф-те ЛГУ и филфаке Горьковского ун-та.

Занимался в лито Д. Я. Дара. В 1979 после тяжелого психического срыва попал в больницу, где провел почти 5 лет. В 1984 начал писать стихи. Впоследствии еще несколько раз попадал в психиатрическую клинику, с 1993 находится там постоянно. Лауреат премии Андрея Белого (2001). *Стихи*. СПб.: Ассоциация «Новая литература»,

Красный матрос, 1998; *Избранные стихотворения 1984–1990*. М.: НЛО, 2002.

Разговор Аси Львовны... А. Л. Майзель – педагог, литератор, принявшая большое участие в судьбе автора (также она была школьной учительницей Б. Гребенщикова и А. Гуницкого).

Ханьжов Александр Дмитриевич

(1.02.1947, Саратов – 26.12.2002 там же)

Поэт. Стихи писал с 13 лет. Отчислен со 2-го курса филфака Саратовского ун-та, вел божественный образ жизни. Официальных публикаций не было, стихи обращались в самиздате с конца 1960-х. В 1993–2000 отбывал срок за пьяную драку.

Круги надежды. Саратов: Контрапункт, 1997; *Пора возвращения*. Саратов: Научная книга, 2004.

Харитонов Евгений Владимирович

(11.06.1941, Новосибирск – 29.06.1981, Москва)

Поэт, прозаик, драматург, переводчик, актер, режиссер. Закончил ВГИК, актерское отделение. Недолгое время работал актером, затем поступил в аспирантуру киноведческого отделения. Защитил кандидатскую диссертацию по пантомиме. Руководил студией пантомимы в ДК «Мосворечье». Режиссер-постановщик выступлений группы «Последний шанс». Умер от инфаркта на улице. Лауреат премии Андрея Белого за 1981 (посмертно). До конца 1980-х его тексты публиковались в самиздате и на Западе. *Под домашним арестом*. М.: Глагол, Екатеринбург: У-Фактория, 2005.

Хаткина Наталья Викторовна

(2.09.1956, Челябинск – 15.08.2009, Донецк)

Поэт. Окончила филфак Донецкого ун-та. Преподавала русский язык и литературу в сельской школе, работала в донецких газетах, в детской областной библиотеке Донецка.

Прикосновение. Донецк: Донбас, 1981; *Лекарство от любви*. Донецк: Юго-Восток, 1999; *Птичка божья*. Донецк: Издательская группа «М. О. С. Т.», 2000.

Хвостенко Алексей Львович

(14.11.1940, Свердловск – 30.11.2004, Москва)

Поэт, прозаик, драматург, музыкант, художник. (Также известен как Хвост.) С детства жил в Ленинграде. Учился в ЛГИТМИК. В 1963 создал литературное направление Верпа. С 1966 – один из Хеленуктов. Печатался в самиздате. Писал песни совместно с А. Волохонским под общим псевдонимом А.Х.В. В 1968 переехал в Москву, затем эмигрировал. Жил в Париже с 1977. В 1978–1986 вместе с В. Марамзиным издавал журнал «Эхо». В 1990-х записал несколько альбомов с группой «Аукцыон». В 2004 получил российское гражданство.

Поэма эмигрантов. Париж: Синтаксис, 1985;

Подозритель. Второй сборник Верпы. Париж: Синтаксис, 1985; *Десять стихотворений Верпы, посвященных Игорю Холину.* Париж: Вивризм, 1988; *Верпа.* Тверь: Kolonna publications, 2005.

Подозритель – в 22-м фрагменте имеется в виду И.М. Стеблин-Каменский (р. 1945) – филолог, поэт.

Хорват Евгений Анатольевич (15.11.1961, Москва – 12/13.09.1993, под Гамбургом)

Поэт, прозаик, художник. В 1976 семья переехала в Кишинев. Посещал лито «Орбита», со школьных лет публиковался в местной периодике. В 1980 перебирается в Петрозаводск. Тогда же задержан органами КГБ Ленинграда за распространение антисоветских листовок, после чего подает документы на выезд и в начале 1981 эмигрирует в Германию. Некоторое время работал на радиостанции «Немецкая волна». В 1988 закончил Гамбургский ун-т (диплом по теме «Философия общего дела Н. Фёдорова»). В мае 1985 прекратил писать стихи, занимался в основном визуальным искусством. Покончил с собой.

По чернотопу. Гамбург: ХОР, 1985; *Раскатанный слепок лица.* М.: изд-во В. Орлова, 2005.

Снег выпал как на голову... Парголово – пригород Петербурга, где находится большое кладбище. **Троичны...** Индикт – здесь в значении «новая эра». **Язундокта** – женское имя из святцев (правильно Язундокта).

Цветков Алексей Петрович [род. 2.02.1947, Станислав (ныне Ивано-Франковск)]

Поэт, прозаик, переводчик, литературовед, эссеист. Жил в Запорожье. Учился в МГУ на ф-те журналистики и историческом ф-те. Работал газетным корреспондентом в Сибири и Казахстане. Участник группы «Московское время». В 1975 эмигрировал в США. Учился в Мичиганском ун-те, защитил диссертацию (1983). Был препода-

вателем колледжа и журналистом на «Голосе Америки». С 1989 работает на радио «Свобода». Лауреат Премии Андрея Белого за 2007. Живет в США.

Сборник пьес для жизни соло. Ann Arbor: Ardis, 1978; *Стихотворения.* СПб.: Пушкинский фонд, 1996; *Дивно молвить.* СПб.: Пушкинский фонд, 2001.

Цейтлин Борис Михайлович

(род. 13.06.1949, Фрязино Московской обл.)

Физик-теоретик, поэт. Окончил Московский ин-т нефтехимической и газовой промышленности. Работал во фрязинском филиале Ин-та радиотехники и электроники РАН. В 2006 эмигрировал в Израиль, живет в городе Тверия. Авторский файл.

Цой Виктор Робертович (21.06.1962, Ленинград – 15.08.1990, шоссе неподалеку от Тукумса, Латвия; похоронен в Петербурге)

Рок-музыкант, актер, поэт. С детства увлекался музыкой, еще в школе пытался создавать собственные группы. В 1981 с группой «Кино» вошел в Ленинградский рок-клуб, в 1982 записал первый альбом. В 1986–1987 снялся в культовых фильмах «Асса» и «Игла». Погиб в автомобильной катастрофе.

Стихи, документы, воспоминания. СПб.: Новый Геликон, 1991.

Чейгин Пётр Николаевич

(род. 12.09.1948, Ораниенбаум)

Поэт, прозаик. С 6 лет живет в Ленинграде. После школы работал рабочим в магазине «Букинист», музее Достоевского. Стихи пишет с 1960-х. Посещал клуб «Дерзание» при Дворце пионеров, лито Г. Семёнова. С 1978 печатается в самиздате и за границей. Был членом Клуба-81. Живет в Петербурге.

АГЛ-4Б; Пернатый снег. М.: НЛО, 2007; *Зона жизни.* СПб.: издатель Виктор Немтинов, 2007.

Чуранов Иван Николаевич (род. 1945?)

Поэт. Учился в Горьковском пед. ин-те. Живет в селе Ошминское Нижегородской области. «Юность» № 12, 1991; «Знамя» № 7, 1995; *Бандитские СЕКСтины.* Н. Новгород, 1992.

Шагинуров Рашид Мухарямович

(12.03.1951 – 30.05.1986, Москва)

Поэт, переводчик.

Самиздат века; НП.

За стенкой умирает старый крот... Джанна – мусульманский рай. Джуханнам – геенна, ад. Кадам шериф – след ноги пророка Мухамеда. (Прим. автора.)

Шатуновский Марк Алексеевич

(род. 6.03.1954, Баку)

Поэт, прозаик, драматург, эссеист. Окончил филфак МГУ. Был членом клуба «Поэзия».

Живет в Москве.

Ощущение жизни. Париж: AMGA, 1990; *Мысли травы.* М.: АСИ, 1992; *(Из жизни растений).* М.: Владом, 1999.

Шваб Леонид (род. 1961, Бобруйск)

Поэт. Окончил Московский станкоинструментальный ин-т. Жил во Владимире, печатался в самиздате. С 1990 в Израиле. Работает в сфере информационных систем. Публикуется в Израиле и России. Живет в Иерусалиме.

Поверить в ботанику. М.: НЛО, 2005; *Все сразу.* Л. Шваб, Ф. Сваровский, А. Ровинский. М.: Новое изд-во, 2008.

Шварц Елена Андреевна

(17.05.1948, Ленинград – 11.03.2010, Петербург)

Поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Окончила театроведческий ф-т ЛГИТМиК. Занималась переводами пьес для ленинградских театров. В советское время печаталась в самиздате и за рубежом. Лауреат Премии Андрея Белого (1979).

Танцующий Давид. Нью-Йорк: Russica, 1985;

Стихи. Л.: Новая литература, 1990; Стихотворения и поэмы. СПб.: ИНАПРЕСС, 1999; Сочинения: В 2-х тт. СПб.: Пушкинский фонд, 2002.

Шевченко Екатерина Михайловна

(род. 27.03.1956, Москва)

Поэт, прозаик. В 1978 окончила Московский историко-архивный ин-т. Работала архивистом, санитаркой, преподавателем. Печатала стихи и прозу в периодике. Живет в Москве.

Стихи. М.: РИФ «Рой», 1995.

Шельвах Алексей Максимович

(род. 14.01.1948, Ленинград)

Поэт, прозаик, переводчик. Работал токарем. Посещал лито под руководством В. Сосноры. Член Клуба-81. Печатался в самиздате и за рубежом. В 1992–1996 редактор издательства «Призма–15», специализировавшегося на издании неподцензурной ленинградской поэзии 1960–1980-х годов. Живет в Петербурге.

Черновик отваги. СПб.: Призма–15, 1992; *Новые стихотворения.* СПб.: Знак, 2000.

Шериф Марат Кайролинович (род. 6.08.1968, Городецкое Северо-Казахстанской обл.)

Поэт. Окончил физический ф-т Новосибирского ун-та, по специальности – физик-лазерщик. Работает рекламным продюсером. Жил в Новосибирске, в 2008 переехал в Запорожье.

Трудно первые сто грамм. Новосибирск, 1993; *Вторая треть.* Новосибирск: Сибирская горница, 2001.

Шешолин Евгений Петрович (9.12.1955,

Краслава, Латвия – 27.04.1990, Даугавпилс)

Поэт, переводчик. Школьные годы прошли в Резекне. Окончил естественно-географический ф-т Псковского педагогического ин-та (1980). Работал учителем в сельских школах Псковской области, оператором газовой котельной, ночным сторожем и т.п. В 1980-е годы соредатор самиздатского альманаха «Майя». В официальных изданиях практически не публиковался. Жил в Пскове. Трагически погиб.

Измарагд со дна Великой. Псков: Издательский дом Стерх, 1999; *Солнце не вечное.* Резекне: Изд-во латгальского культурного центра, 2005.

Шипилов Николай Александрович (1.12.1946,

Южно-Сахалинск – 7.09.2006, Смоленск;

похоронен в дер. Валерьяново под Минском)

Автор песен, прозаик, поэт. Родился в семье офицера, после Сахалина жили в Новокузнецке, затем под Новосибирском. С 1965 сочинял песни на свои стихи. Работал внештатным сотрудником телевидения в Новосибирске, в некоторых передачах звучали его песни. Жил в Москве, Новгороде, в Беларуси. В октябре 1993 принимал участие в московском восстании на стороне противников Ельцина.

Гнездо поэтов: [Коллективный] сборник стихов. Новосибирск, 1989.

Ширали Виктор Гейдарович

(Ширали-Заде; род. 7.05.1945, Ленинград)

Поэт, прозаик. Сменил много мест работы. В 1976 окончил сценарный ф-т ВГИКа. Печатался как в официальных изданиях, так и в самиздате. Был членом Клуба-81. Живет в Петербурге.

Сад. Л., 1979; Любитель. Л.: Сов. пис., 1989; Поэзии глухое торжество. СПб.: Журнал «Нева», 2004.

Чифирнем... – вторая часть диптиха «Чайная церемония».

Шиш Брянский (*Решетников Кирилл Юрьевич*; род. 9.12.1975, Москва)

Поэт, критик, филолог. Окончил филфак МГУ, кандидат наук, специалист по языку и культуре древних народов Сибири. С 1994 публиковал стихи под собственным именем, с 1998 – как Шиш Брянский (иногда указывается отчество Строфокамилович). Живет в Москве.

В нежном мареве. Тверь: Митин Журнал, 2001; *Стихотворения*. Тверь: Kolonna publications, Митин Журнал, 2003.

Штыпель Аркадий Моисеевич (род. 14.03.1944, Каттакурган Самаркандской обл.)

Детство и юность провел в Днепропетровске. В 1965 году был исключен из Днепропетровского ун-та за попытку выпуска самиздатского литературного журнала. После службы в армии закончил учебу заочно и получил диплом физика-теоретика. С 1968 живет в Москве, работал инженером-акустиком, радиологом, учителем математики и пр. Первая публикация состоялась в 1989 в антологии «Граждане ночи».

В гостях у Эвклида. М.: Журнал поэзии «Арион», 2002; *Стихи для голоса*. М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2007; «Арион» 1995, № 2.

Щапова Елена Сергеевна (род. 1950, Москва)

Поэт, прозаик. Работала манекенщицей. Пишет стихи с 1967, была близка кругу «лианозовской школы». В 1974 с тогдашним мужем Э. Лимоновым эмигрировала. Печаталась в эмигрантской периодике. Вышла замуж за графа де Карли. Живет в Италии.

Стихи. NY, 1985; *Это я, Елена: Интервью с самой собой*. NY: Подвал, 1984 (2-е изд. – М.: Глагол, 2009).

Неизвестное время года – 5-я часть «Маленькой поэмы, написанной в плохую погоду».

Щедрецов Александр Ефремович

(род. 1947, Ленинград)

Поэт, эссеист, детский писатель. В 1976 окончил ф-т русского языка и литературы ЛГПИ им. Герцена. Работал учителем в школах Петербурга.

С 1992 заместитель директора лицея. Издалека. СПб.: Геликон Плюс, 2008.

Щербина Михаил Вадимович (род. 26.11.1961)

Поэт. Окончил Московский ин-т управления. Посещал московские лито, в т.ч. студию «Кипарисовый ларец». Печатался в самиздате и малотиражных изданиях. Живет в Раменском под Москвой.

Альманах ЛИА Р.Элинина, вып. 1 – М., 1992; «Гуманитарный фонд», 1992, № 41 (144); Журнал «Симбиоз»: <http://rubtsov.penza.com.ru/symbioz/9/podramok.htm>; рукописи и электронные архивы.

Щербина Татьяна Георгиевна

(род. 15.09.1954, Москва)

Поэт, прозаик, эссеист, журналист, переводчик, в т. ч. писала на французском языке. Окончила филфак МГУ. До 1986 печаталась в самиздате.

С 1991 жила в Мюнхене, затем в Париже. В 1995 вернулась в Москву. Работала в различных изданиях: на радио «Свобода», в газете «Коммерсантъ-Daily».

о-о. М.: ЛИА Р.Элинина, 1991; *Жизнь без*. М.: Библиотека журнала «Золотой век», 1997; *Диалог с ангелом*. М.: Изд. Руслана Элинина, 1999.

Эзрохи Зоя (*Буркова Зоя Евсеевна*;

род. 21.07.1946, Ленинград)

Поэт, прозаик. Окончила Ленинградский химико-технологический техникум им. Менделеева. Работала лаборантом, техником, затем инженером в Государственном ин-те прикладной химии. Одновременно подрабатывала уборщицей, посудомойкой, почтальоном. В 1990-е занималась игрушечным бизнесом. Посещала лито Г. Семёнова. Публиковалась в самиздате – в частности, в антологии «Острова»; входила в Клуб-81. Дебютировала в официальной печати в 1970-е, однако первая ее книга вышла только в 1990 году. Живет в Петербурге.

Зимнее солнце. Л.: Сов. пис., 1990 (в кассете «Октава»); *Шестой этаж*. СПб.: Водолей, 1995; *На всякий случай*. СПб., 2002.

Руслан Элинин (*Нурудинов Руслан Маламагомедович*; 23.02.1963, Гвардейск Калининградской обл. – 12.2001, Королёв Московской обл.)

Поэт, издатель, организатор литературной жизни. В 1980–1984 учился в Ленинградской военной академии им. Можайского, позже непродолжительное время – в МАИ и Заочном политехническом ин-те, в начале 1990-х – в Литинституте. В 1989–1990 участвовал в создании Всесоюзного гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина, основал одно из первых в СССР независимых издательств – Литературно-издательское агентство Р. Элинина, в 1994 открыл литературный салон «Классики XXI века». Стихи начали печататься с 1989. После 1996 в связи с тяжелой болезнью не участвовал в литературной жизни.

Р. Элинин, Б. Констриктор [рисунки]. Стихограф (книга взаимоиллюстраций) М.: Издание Е. Пахомовой, 1993; Я собрался (Стихи к Лукреции). СПб.: Борей-Арт, 1994; Из Кирна. М.: Пятая страна, 1995; Альманах Р. Элинина. Вып. 1. М., 1992; <http://www.liter.net/=/Elinin/>; рукописи и электронные архивы. .

Когда держишь в руках маленькую птицу...

Елена Пахомова – издатель, организатор литературных вечеров; жена Р. Элинина.

Эрль Владимир Ибрагимович (Горбунов Владимир Иванович; род. 14.05.1947, Ленинград) Поэт, прозаик, литературовед, переводчик. В 1963 начал писать стихи, в 1964 прозу. В 1966 вместе с Дм. Макриновым основал литературное движение Хеленуктизм и группу «Хеленукты (Могучая кучка)». Выпускал машинописные книги: с 1965 под маркой издательства «Польза», в 1970–1978 – издательства «Палата мер и весов». Печатался в самиздатских журналах и на Западе. Текстолог и публикатор произведений обериутов, Леонида Аронсона и др. Лауреат премии Андрея Белого (1985, в номинации «критика»). Живет в Петербурге.
Книга Хеленуктизм. СПб.: Призма–15, 1993;
Трава, Трава. СПб.: Новый город, 1995.

Юганов Игорь Флавьевич

(26.04.1956, Днепрпетровск – 5.07.1999, Павловский Посад Московской обл.) Поэт, прозаик, эссеист. В 1973–1976 учился в Московском физико-техническом ин-те, отчислен за «антисоветскую деятельность». Впоследствии окончил Московский экономико-статистический ин-т. Преподавал на психологическом ф-те МГУ и в других вузах. Соавтор «Словаря русского сленга». Погиб при пожаре.
Бога почти нет. СПб.: Летний сад, 2003.

Юрьев Олег Александрович

(род. 28.07.1959, Ленинград) Поэт, прозаик, драматург, переводчик, эссеист (в т.ч. на немецком языке). Окончил Ленинградский финансово-экономический ин-т, полтора года проработал по специальности, затем жил в основном на литературные заработки. Учился на заочном отделении Литинститута. В середине 1980-х организовал литературную группу «Камера хранения»; печатался в самиздате. В 1990 эмигрировал в Германию. В 1991–1997 вместе с О. Мартыновой и Д. Заксом издавал альманах «Камера хранения», в настоящее вре-

мя курирует сайт «Новая камера хранения». Живет во Франкфурте-на-Майне.
Стихи о небесном наборе. М.: Прометей, 1989 [в составе конволютного издания «Камера хранения»]; *Избранные стихи и хоры.* М.: НЛО, 2004.

Яснов Михаил Давидович

(Гурвич; род. 8.01.1946, Ленинград) Поэт, переводчик, детский писатель. В 1970 окончил филфак ЛГУ. Работал в радиожурналистике, редактировал детские журналы. Живет в Петербурге.
В ритме прибой. Л.: Сов. пис., 1986; *Неправильные глаголы.* М.: Прометей, 1990; *Замурованный амур.* СПб.: Вита Нова, 2003.

Яшке Владимир Евгеньевич

(род. 2.03.1948, Владивосток) Художник, поэт. Детство и юность провел на Камчатке и в Севастополе. Учился в Московском полиграфическом ин-те (1966–1973). С 1976 в Ленинграде. Работал художником-иллюстратором. Участник группы «Митьки». Живет в Петербурге.
Почти по-японски. СПб.: Красный матрос, 2005;
О, Зинаида! СПб.: Красный матрос, 2008.

Алфавитный указатель авторов

А. Ник	II	192	Баух Ефрем	I	582
А.Х.В.	II	96	Бахнов Владлен	I	352
Абдуллаев Шамшад	II	535	Бахтерев Игорь	I	158
Абдуллина Лира	I	657	Бахчанян Вагрич	I	809
Авалиани Дмитрий	I	798	Бачурин Евгений	I	583
Агеев Леонид	I	616	Башлачёв Александр	II	628
Адамович Георгий	I	32	Безродный Михаил	II	536
Айвенго	II	788	Белаш Юрий	I	295
Айги Геннадий	I	571	Беликов Владимир	II	34
Айзенберг Михаил	II	333	Белобров Владимир	II	665
Айхенвальд Юрий	I	397	Беляков Александр	II	668
Аксельрод Борис см. Ванталов Борис, Констриктор Борис			Берестов Валентин	I	399
Аксёнов Василий	I	493	Бернштейн Симон	I	373
Алейников Владимир	II	213	Благов Юрий	I	212
Александров Алексей	II	759	Блажеевский Евгений	II	276
Алексеев Геннадий	I	494	Блаженный Вениамин	I	324
Алексеев Юрий	II	273	Бобышев Дмитрий	I	659
Алексеева Лидия	I	176	Богомяков Владимир	II	507
Алешковский Юз	I	432	Бокштейн Илья	I	724
Амелин Максим	II	774	Болтовский Лев	I	107
Анашевич Александр	II	794	Бонифаций см. Лукомников Герман		
Андреев Даниил	I	117	Бородицкая Марина	II	495
Андреева Галина	I	520	Бочкарёва Изабелла	II	139
Андреевская Мария	I	658	Бражников Илья	II	780
Андрианова Марина	II	627	Бренер Александр	II	537
Анищенко Михаил	II	404	Британишский Владимир	I	521
Анкудинов Максим	II	777	Бродский Александр	II	121
Антокольский Павел	I	58	Бродский Иосиф	II	35
Анчаров Михаил	I	340	Брянский Шиш см. Шиш Брянский		
Арабов Юрий	II	494	Буковская Тамара	II	278
Армалинский Михаил	II	274	Бунимович Евгений	II	498
Аронзон Леонид	II	3	Бунин Иван	I	4
Аронов Александр	I	577	Буренин Игорь	II	594
Асеев Николай	I	16	Бурич Владимир	I	503
Ахмадулина Белла	I	719	Буркин Иван	I	271
Ахматов Алексей	II	727	Важенин Владимир	II	743
Ахматова Анна	I	17	Ванталов Борис	II	410
Ахметьев Иван	II	405	Ваншенкин Константин	I	377
Байтов Николай	II	433	Василенко Виктор	I	108
Баркова Анна	I	75	Васильев Лев	II	171
Барский Вилен	I	449	Веденяпин Дмитрий	II	596
Барто Агния	I	119	Векслер Михаил	II	539
Бартольд Лидия	I	102	Величанский Александр	II	45
Басилова Алёна	II	137	Вензель Евгений	II	279
			Верник Александр	II	284
			Вергинский Александр	I	22
			Визбор Юрий	I	585
			Вильямс Николай	I	389

Виноградов Леонид	I	663	Горенко Анна	II	799
Винокуров Евгений	I	379	Городницкий Александр	I	528
Вишневой Александр	II	468	Горохов Вова (65 кг)	II	820
Вишневская Юлия	II	374	Грачёв Рид	I	628
Владимиров Виталий	II	781	Гребенщиков Борис	II	482
Воденников Дмитрий	II	760	Григорьев Геннадий	II	375
Вознесенский Андрей	I	522	Григорьев Олег	II	141
Воловик Александр	II	122	Гринберг Борис	II	671
Володин Александр	I	272	Гринберг Семён	I	821
Волохонский Анри	I	671	Гриценко Олег	I	679
Волченко Викторья	II	708	Гробман Михаил	II	12
Вольпин Александр	I	353	Громов Павел	I	236
Вольпин Надежда	I	74	Гронас Михаил	II	783
Вольф Сергей	I	618	Губанов Леонид	II	221
Воркунов Андрей	II	542	Губерман Игорь	I	681
Высоцкий Владимир	I	812	Гуголев Юлий	II	714
			Гуницкий Анатолий	II	485
Гаврилов Аркадий	I	472			
Гаврильчик Владлен	I	435	Даниэль Юлий	I	382
Галич Александр	I	250	Дашевский Григорий	II	716
Гандельсман Владимир	II	341	Денисенко Александр	II	286
Гандлевский Сергей	II	470	Денисов Алексей	II	762
Гарбуз Сергей	II	641	Дидусенко Михаил	II	442
Гаспаров Михаил	I	624	Дмитриев Андрей	II	578
Гашев Борис	II	8	Дмитриев Дмитрий	II	832
Гашек Александр	II	215	Дмитровский Сергей	II	642
Генделев Михаил	II	413	Довлатов Сергей	II	101
Георгадзе Марина	II	728	Домбровский Юрий	I	178
Герф Евгений	I	725	Доризо Николай	I	343
Герцик Владимир	II	220	Драгомощенко Аркадий	II	226
Гершензон Владимир	II	577	Дрёмин Степан	II	469
Гершуни Владимир	I	452	Дроздов Владимир	II	54
Гималутдинов Александр	II	600	Дрофенко Сергей	I	530
Гитович Александр	I	177	Дружининский Николай	II	346
Глазков Николай	I	275	Друк Владимир	II	544
Глинка Глеб	I	81	Дьяченко Валерий	II	13
Глозман Владимир	II	438	Дягилева Янка	II	730
Гнедов Василиск	I	23			
Големба Александр	I	335	Евтушенко Евгений	I	508
Голицын Владимир	II	441	Егоров Александр	II	521
Голованов Владимир	II	9	Егунов А.Н. см. Николев Андрей		
Головин Евгений	I	820	Елагин Иван	I	256
Голь Николай	II	478	Емелин Всеволод	II	602
Гольдернесс Эдуард	I	393	Емельянов Игорь (Чин)	II	697
Горбаневская Наталья	I	675	Ерёменко Александр	II	415
Горбовская Екатерина	II	710	Ерёмин Михаил	I	731
Горбовский Глеб	I	475	Есеновский Михаил	II	632
Гордин Яков	I	625			
Гордон Гарри	II	99	Жданов Иван	II	348

Жигулин Анатолий	I	456	Квантришвили Георгий	II	765
Жилин Владимир	I	531	Квятковский Александр	I	12
Жук Вадим	II	295	Кекова Светлана	II	457
Забабашкин Вадим	II	445	Кенжеев Бахыт	II	423
Заболоцкий Николай	I	82	Кибиров Тимур	II	509
Завьялов Сергей	II	583	Ким Юлий	I	683
Загорянский Валентин	II	169	Кирсанов Семён	I	121
Зальцман Павел	I	199	Киселёв Леонид	II	229
Заугаров Евгений	II	732	Кленовский Дмитрий	I	36
Заходер Борис	I	262	Клещенко Анатолий	I	331
Звягинцев Николай	II	745	Климычев Борис	I	462
Зельченко Всеволод	II	803	Коваль Виктор	II	302
Зенкевич Михаил	I	6	Ковенацкий Владимир	I	829
Зими́на Алла	I	88	Козлов Александр	I	837
Злобин Владимир	I	44	Козловский Яков	I	332
Зондберг Ольга	II	804	Козовой Вадим	I	740
Зубарев Сергей	II	735	Колкер Юрий	II	231
Зубова Людмила	II	228	Колымагин Борис	II	549
Зугман Яков	I	485	Кондратов Александр	I	743
Иванов Георгий	I	45	Кононов Николай	II	586
Ивелев Владимир	II	123	Констриктор Борис	II	412
Игнатов Иван	I	103	Копылов Герцен	I	384
Игнатова Елена	II	296	Копылова Людмила	II	55
Ильинский Олег	I	514	Корневский Платон	II	57
Ильичёв Алексей	II	786	Коржавин Наум	I	386
Иослович Илья	I	735	Корнилов Владимир	I	403
Иоффе Леонид	II	152	Короленко Псой	II	749
Иртенёв Игорь	II	297	Корф Андрей	II	718
Искандер Фазиль	I	442	Котельников Иван	II	772
Искренко Нина	II	446	Котович Татьяна	II	234
Кабанов Александр	II	764	Кочейшвили Борис	II	61
Кабыш Инна	II	698	Кошель Пётр	II	236
Казакевич Вечеслав	II	450	Крандиевская Наталья	I	13
Казаков Владимир	I	822	Красильников Михаил	I	534
Казанцев Василий	I	632	Красовицкий Станислав	I	635
Казанцева Елена	II	527	Кривошеев Владимир	II	238
Казми́чев Михаил	I	62	Кривулин Виктор	II	173
Калашников Виталий	II	584	Кропивницкий Евгений	I	37
Калинин Вадим	II	813	Кротов Виктор	II	242
Камянов Борис	II	195	Кружков Григорий	II	198
Капелько Владимир	I	738	Крупп Арон	I	746
Карабчиевский Юрий	I	827	Кручёных Алексей	I	7
Карамазов Александр	II	674	Кублановский Юрий	II	311
Караулов Игорь	II	736	Кудряков Борис	II	243
Карманников Георгий	II	625	Кузин Борис	I	91
Кашин Юрий	I	460	Кузнецов Юрий	II	102
			Кузьминский Константин	II	64
			Кулле Сергей	I	688
			Куляхтин Александр	II	752

Куприянов Борис	II	379	Мартынова Ольга	II	677
Куприянов Вячеслав	II	16	Маршак С.	I	9
Курняев Александр	II	646	Маслов Борис	II	590
Курочкина Татьяна	II	313	Матвеева Вера	II	203
Кустов Павел	I	127	Матвеева Новелла	I	587
Кутилов Аркадий	II	69	Матрёнин Михаил	II	316
Кучерявкин Владимир	II	351	Магусовский Михаил	I	244
Кушнер Александр	I	694	Медведев Кирилл	II	821
Лавут Евгения	II	806	Межиров Александр	I	344
Ладыгин Николай	I	93	Меламед Игорь	II	647
Лайко Александр	I	840	Метс Арво	I	756
Лапин Владимир	II	199	Милославский Юрий	II	357
Лаптев Михаил	II	633	Миронов Александр	II	358
Левин Александр	II	551	Миронов Руслан	II	648
Левин Константин	I	354	Митюшёв Павел	II	559
Левитанский Юрий	I	337	Михайлов Юрий	I	550
Леонович Владимир	I	537	Михеев Николай	II	613
Летов Егор	II	719	Монастырский Андрей	II	384
Либо Витольд	II	74	Моран Рувим	I	170
Лимонов Эдуард	II	156	Морев Александр	I	593
Липкин Семён	I	187	Мориц Юнна	I	758
Лиснянская Инна	I	406	Морозов Михаил	I	61
Литвак Света	II	605	Моршен Николай	I	246
Лифшиц Владимир	I	213	Муравьёв Владимир	I	407
Ломакин Василий	II	589	Набоков Владимир	I	65
Лосев Лев	I	747	Найман Анатолий	I	700
Лукка Николай	II	356	Нарциссов Борис	I	131
Лукомников Геннадий Ильич	II	18	Некпелов Виктор	I	408
Лукомников Герман	II	676	Некрасов Всеволод	I	594
Львов Владимир	I	391	Некрасова Ксения	I	201
Львовский Михаил	I	282	Немиров Мирослав	II	649
Львовский Станислав	II	809	Немировская Юлия	II	679
Люкин Александр	I	283	Нескажу Владимир	II	637
Магид Сергей	II	314	Нестеров Евгений	I	552
Макаров Иван	II	557	Нестеровский Владимир	II	75
Макаров-Кротков Александр	II	610	Нешумов Владимир	II	76
Маковский Анатолий	I	540	Нешумова Татьяна	II	722
Максимов Д.Е. см. <i>Игнатов Иван</i>			Ник А. см А. <i>Ник</i>		
Мамонов Пётр	II	459	Николев Андрей	I	54
Мандель Ефим	I	753	Николенкова Наталья	II	767
Мандельштам Роальд	I	515	Никонова Ры	II	127
Мариенгоф Анатолий	I	63	Нилин Михаил	I	606
Марков Андрей	I	95	Новиков Михаил	II	563
Марков Владимир	II	737	Новиков Денис	II	754
Марков Сергей	I	129	Новицкая Ира	II	244
Маркова Вера	I	137	Оболдуев Георгий	I	64
Мартынов Леонид	I	111	Овчинников Иван	II	20

Одарченко Юрий	I	96	Пуханов Виталий	II	742
Одоевцева Ирина	I	56	Пушкин Александр А.	II	570
Ожиганов Александр	II	179			
Озеров Лев	I	239	Радимов Павел	I	10
Окуджава Булат	I	360	Ракитская Эвелина	II	639
Оленева Наталия	II	796	Рейн Евгений	I	648
Орлов Михаил	II	395	Решетов Алексей	I	762
Островский Яков	I	517	Рихтер Александр	II	31
Охапкин Олег	II	182	Рихтерман Марк	II	131
Охрименко Алексей	I	347	Родионов Андрей	II	797
Оцуп Николай	I	51	Рожанская Ольга	II	464
			Рождественский Роберт	I	518
Павлов Виктор	II	638	Ромм Михаил	II	651
Павлова Вера	II	699	Рубин Валерий	I	847
Пазухин Евгений	II	205	Рубинштейн Лев	II	317
Панкратов Юрий	I	641	Рубцов Николай	I	703
Панов Михаил	I	299	Рутман	I	448
Панов Сергей	II	426	Рыжий Борис	II	816
Панэ Виктор	II	500			
Парщиков Алексей	II	501	Сабуров Евгений	II	245
Пастернак Борис	I	24	Салимон Владимир	II	479
Пахомов Аркадий	II	184	Самойлов Давид	I	308
Пепперштейн Павел	II	738	Санчук Виктор	II	616
Передреев Анатолий	I	612	Сапгир Генрих	I	412
Перемышлев Евгений	II	614	Сапего Михаил	II	684
Петров Сергей	I	191	Сатуновский Ян	I	217
Петровых Мария	I	172	Светлов Михаил	I	101
Петрушевская Людмила	I	841	Седакова Ольга	II	396
Пивоварова Юлия	II	740	Сельвинский Илья	I	68
Плисецкий Герман	I	486	Семененко Светлан	I	848
Поздняев Михаил	II	486	Семёнов Глеб	I	264
Полетаев Владимир	II	462	Сергеев Андрей	I	553
Полещук Виктор	II	567	Сергеев Аркадий	II	108
Поляков Андрей	II	768	Сергеева Галина	II	618
Померанцев Игорь	II	361	Сеф Роман	I	488
Попов Валерий	II	29	Сидур Вадим	I	370
Попов Владимир	I	844	Слепакова Нонна	I	710
Попов Саша	II	364	Слуцкий Борис	I	285
Португалов Валентин	I	214	Слуцкина Полина	II	322
Правда Андрей	II	683	Смеяков Ярослав	I	229
Прасолов Алексей	I	463	Смир Александр	II	640
Пресняков Юзеф	I	646	Смирнов Пётр	II	401
Пригов Дмитрий Александрович	II	78	Смирнов Юрий	I	556
Присманова Анна	I	34	Смоленский Владимир	I	80
Прокопьев Алексей	II	569	Смольный Виктор	II	725
Прокофьев Олег	I	410	Соболь Марк	I	266
Прокофьева Софья	I	411	Соковнин Михаил	I	849
Прохожий Арсений	I	392	Соколов Валентин (З/К)	I	394
Пудовкина Елена	II	431	Соколов Владимир	I	422

Соколов Павел	II	252	Фанайлова Елена	II	695
Соколов Саша	II	164	Фатъянов Алексей	I	294
Сон Анна	II	686	Федин Сергей	II	528
Сопин Михаил	I	491	Фейнберг Леонид	I	60
Сопровский Александр	II	488	Феоктистов Евгений	I	776
Соснора Виктор	I	713	Филин Виктор	I	718
Старинин Игорь	I	766	Филиппов Василий	II	513
Степаненко Михаил	II	206	Флешин Александр	I	428
Степанова Мария	II	811			
Стефанов Юрий	II	33	Халиф Лев	I	471
Стефанович Николай	I	206	Ханъзов Александр	II	323
Стратановский Сергей	II	187	Харитонов Евгений	II	114
Строцев Дмитрий	II	700	Хаткина Наталья	II	530
Строчков Владимир	II	256	Хвостенко Алексей	II	88
Стюарт Елизавета	I	135	Холин Игорь	I	313
Сурнин Антон	II	824	Хорват Евгений	II	652
Сусуев Геннадий	II	572	Хромов Валентин	I	567
Сухарев Дмитрий	I	466			
Сухотин Михаил	II	573	Цветков Алексей	II	327
			Цейтлин Борис	II	398
Тарковский Арсений	I	140	Цетлин Моисей	I	115
Тарковский Михаил	II	592	Цой Виктор	II	696
Тарутин Олег	I	653	Цыбулевский Александр	I	430
Татарников Алексей	II	593			
Твардовский Александр	I	184	Чанышев Арсений <i>см. Прохожий Арсений</i>		
Терентьева Мария	I	136	Чейгин Пётр	II	366
Тимаховский Алексей	I	859	Черняк Вадим	I	613
Тимофеевский Александр	I	565	Чертков Леонид	I	569
Тиновская Елена	II	721	Чиннов Игорь	I	180
Тихомиров Александр	II	109	Чичибабин Борис	I	350
Товмасын Андрей	II	132	Чудаков Сергей	I	777
Токмакова Ирина	I	443	Чуковская Лидия	I	149
Тоом Леон	I	333	Чуковский Корней	I	5
Топчий Леонид	I	232	Чуранов Иван	II	207
Трофимов Сергей	II	492	Чухно Олег	I	786
Трунёв Сергей	II	814	Чухонцев Олег	I	860
Тряпкин Николай	I	267			
Туркин Андрей	II	687	Шагинуров Рашид	II	467
Туроверов Николай	I	71	Шаламов Варлам	I	150
Тымнетувге Владимир	I	656	Шатров Николай	I	444
Тютяев Николай	II	259	Шатуновский Марк	II	504
Тягунов Роман	II	691	Шваб Леонид	II	659
			Шварц Елена	II	367
Унксова Кари	II	112	Шевченко Екатерина	II	531
Успенский Эдуард	I	767	Шельвах Алексей	II	371
Уфлянд Владимир	I	769	Шенгели Георгий	I	52
Ушаков Николай	I	72	Шериф Марат	II	771
			Шефнер Вадим	I	240
Файнерман Михаил	II	261	Шешолин Евгений	II	520

Шипилов Николай	II	265
Ширали Виктор	II	210
Шиш Брянский	II	829
Шкляревский Игорь	I	864
Шпаликов Геннадий	I	787
Штейнберг Аркадий	I	156
Штыпель Аркадий	II	191
Щадрин Владимир	I	795
Щапова Елена	II	432
Щедрецов Александр	II	331
Щербина Татьяна	II	506
Щербина Михаил	II	662
Эзрохи Зоя	II	266
Элинин Руслан	II	704
Эренбург Илья	I	31
Эрль Владимир	II	332
Юганов Игорь	II	532
Юрьев Олег	II	622
Ярыгин Валентин	I	323
Яснов Михаил	II	272
Яшин Александр	I	233
Яшке Владимир	II	373

Содержание

Леонид Аронзон 3

Гуляя в утреннем пейзаже... | С балкона я смотрел на небеса...# | Приближаются ночью друг к другу мосты... | Забытый сонет | На стене полно теней... | Вокруг лежащая природа... | Несчастно как-то в Петербурге... | Благодарю Тебя за снег... | И мне случилось видеть блеск... | Боже мой, как все красиво!.. | В двух шагах за тобою рассвет... | Как хорошо в покинутых местах!..

Борис Гашев 8

Вечер | На 16-й день...

Владимир Голованов 9

Тем больше понимая игру... | Долго тянется этот роман... | Ангел в небе пролетел... | Похлебку хавает Исав... | Редкая птица любовь... | По Далю – «сдырдиться»...

Михаил Гробман 12

Документальная баллада

Валерий Дьяченко 13

Обо мне | Отрицание | В женском роде | Ты не грусти, когда умру... | Скучно | Ударение | Частица | У меня есть пистолет... | Человек убивает человека...

Вячеслав Куприянов 16

За всю мою долгую жизнь... | Эпидемия свободы... | Видимость | Объявления | Просьба к сообразительным | Сумерки тщеславия

Геннадий Ильич Лукомников 18

Гляжу в трубы | Сонмы путешествий | Выход | Улыбки леса

Иван Овчинников 20

Здравствуй, водоем... | Флаг... флаг... флаг... | Достаивают цирк... | Что делать! Поле как в дыму... | Первая любовь | Серый снег на теплых улицах... | Вниз – вниз – вниз... | Цветочек ехал по ручью... | Обида | Слепили снежную бабу... | Светает, Люська, уходи | Солнышко село... | Сегодня даль не таяла

вдали... | Желтей скорее, Летний сад!.. | Подражание китайцам | Обьгэс | Наврано, а музучилище.. | На сонных ласточек... | Пляши, пляши, Плисецкая... | Машина с вином | Там только крыша алюминиевая... | Я лежу на тахте на траве... | Делается вечер... | Я думал Бог за облаками... | И, все вместе влево... | Охота в осень с головой... | Прямо на краешке крон... | Лето, общество и поле... | Не надо! Если уж тот ямб... | Мало ли гадов в лесу... | Довольно, не надо... | Никогда тебя нормальная... | К радости чая с тобой... | Забудь, забудь, о счастье забудь!..

Валерий Попов 29

На даче | Ночь | Дождь | Гардеробщик

Александр Рихтер 31

Сентиментальная шутка | Вот-вот прервется канитель... | над пустырями древний дым... | прорезая чем-то острым... | снова жизни как ветошку... | время тратит пирамиды... | зимы стирается клише... | утро белится искусно...

Юрий Стефанов 33

О, как я понимаю Ницше... | Искатели жемчуга | Pro domo mea

Владимир Беликов 34

Я точно сторож при луне... | Весна! И кладбище... | Куда ты, снег в апреле?... | За канареек стыдно мне... | Как ты попал туда... | Я то, Что видел... | Пора, пора...

Иосиф Бродский 35

Рождественский романс | Я обнял эти плечи и взглянул... | Песня (Пришел сон из семи сел...) | Кулик | В деревне Бог живет не по углам... | Отрывок | Просыпаюсь по телефону, бреюсь... | Подражая Некрасову, или Любовная песнь Иванова | Письма римскому другу | На смерть Жукова | Ниоткуда с любовью... | Я входил вместо дикого зверя в клетку... | На столетие Анны Ахматовой

Александр Величанский 45

Сегодня возили гравий... | Я бы жил совсем иначе... | Снег | Жил да был боярышник...

| Снегопад | Сумерки | Лес исхожен до корней... | Где окраины отшиб... | О Лене, полюбившей Айзенштата | Эпизод | Отвлекаюсь от бумаги... | Не запомнил я, казалось... | Уж мы резали его... | Из леса вышел человек... | Во глубине колодца... | Нависают веки... | Гроздь рябины на заре мороза... | Зимы ночной отчаянье... | То-то зима на текла... | Совсем вблизи она походит на... | Теперь я птица: у меня... | Смерть зазор... | Течет вода, но отражение...

Владимир Дроздов 54

Садам в тени... | В монастырских владеньях... | Звезды мерцанье...

Людмила Копылова 55

Звери, которые видели нас... | На припеке | От недосыпа отчетливой суть... | В городской квартире... | Дождь – к дождю... | Ты вернулся...

Платон Корневский 57

Птеродактиль | Леший | Мне некогда есть... | Там, где тело раздавленной крысы... | Крокодилы | Облики в штанах | Аскет и гуляка | Из рассказа об Африке | Пылинка | В одной близи далекой...

Борис Кочейшвили 61

Ага! попался!.. | о если бы я мог... | Собака кость грызет... | я открыл... | абажур абзац... | «для гладкой... | по избе... | кто свалился с дерева... | я сейчас засну... | я знаю что надо делать... | Анна у тебя... | Буквы!..

Константин Кузьминский 64

Две музы | Из поэмы «Томъ» | Спой мне песню... | Wazamba Mtuta

Аркадий Кутилов 69

Книга Жизни... | Как родился мой Пегас | При вопросе... | Они бескрылы | Было туго... | Он явился белу свету... | Жизнь | Идеи дикие глотаю... | Вернется Бог | Ну, что ты, старуха... | На рассвете | Смердят цветы... | Манька Ваньку полюбила...

Витольд Либо 74

Не дебил Оганесян... | Мера греха | – Или рука болит?.. | Те фото... | Морде б я намял бокс!..

Владимир Нестеровский 75

Пейзаж моей души | Дворик

Владимир Нешумов 76

Портрет | Рыбаку река... | Где и в каких садах растут растенья... | Рыболовам, бодрствующим возле костра... | Тянут стаи уток; прозрачен... | В наструганности белой волн и чаек...

Дмитрий Александрович Пригов 78

Мне снилось, что я сплю... | Шила, плакала, жила... | И даже эта птица козодой... | Народ с одной понятен стороны... | Выходит слесарь в зимний двор... | Наша жизнь кончается... | Мама временно ко мне... | То все тихо, то внезапно... | Банальное рассуждение на тему свободы | Течет красавица-Ока... | Чем больше Родину мы любим... | Вот могут, скажем ли, литовцы... | Так во всяком безобразье... | Вот избран новый Президент... | Килограмм салата рыбного... | Что-то воздух какой-то кривой... | А много ли мне в жизни надо?.. | Куриный суп, бывает, варишь... | Обходчик, обходчик... | Нам всем грозит свобода... | Начальников я не ругаю... | Вот пионер поймал врага... | На счетчике своем... | Вот придет водопроводчик... | Господь листает книгу жизни... | Вот стенами отградился... | Бог меня немножечко осудит... | 9-й божеский разговор (Когда я, помню, крысу гнал...) | Куликово поле | Прозрачные сосны стояли...

Алексей Хвостенко 88

Трюм | Подозритель | Песня о независимости | Часы и канва | Третья (дорийская) песня старца

А.Х.В. 96

Игра на флейте | Орландина | Сучка с сумочкой

Гарри Гордон 99

В парадном | Земля полна полных скрипов... | Привоз | Во дворе | Абажур

Сергей Довлатов 101

Памяти Н. Жабина

Юрий Кузнецов 102

Ниоткуда, как шорох мышиный... | Морозящий дождь | Атомная сказка | Отцепленный вагон | Слезы вечерние, слезы глубокие... | Сотни птиц | Ветер | Ночь | Из земли в час вечерний... | Хозяин разошедшегося дома | Возвращение | Посещение | Выхода на дорогу, душа оглянулась... | Когда кричит ночная птица...

Аркадий Сергеев 108

Не видел давно сову...

Александр Тихомиров 109

Ноябрь... Но всюду та же сырость... | Теща | Гроза в городе | Ах, дружки мои... | На воле... Как цыган!.. | Постучат в палаты... | Разговор с комариком | Завещание

Кари Унксова 112

Эстонский хутор | Созерцание | Непреложный свет

Евгений Харитонов 114

У берегов волнистой Эльбы... | Осень, осень, все любят осень... | У тети Лиды у тети Тони... | Хозяйки умеют торговаться... | Мечты и звуки (цикл)

Александр Бродский 121

Атропо | Паника

Александр Воловик 122

Я неведомый поэт...

Владимир Ивелев 123

Осушил я стопку... | Освобожден, исчез бесследно... | Две тетрадки на столе... | Жить я жил... | Закажи, роднуля... | Ах что вы, я совсем не рад...

Ры Никонова 127

Боги день рождения Иисуса... | когда уходят вдаль войска... | Лю-ди... | именно так и сидите | Вы не граф... | Полифония | Росглав-кооп-пуш-лек-сырьё... | Д'рыбы зимой плывут... | Зачем я... | не люди но ещё и... | прошу не трепетать... | Ну говори!!! | Р... | Ухаживающему за волом | Бумажный ангел | Барыня | 1996 точек

Марк Рихтерман 131

Хороши мои дела...

Андрей Товмасын 132

Полковник смотрит на луну... | Из тучи школьников... | Однажды весной... | С головою ужа... | Предостережение | Гоп! | Речная гладь тунцом кипела... | Я – круглый, полый шар... | Я вижу свет, идущий ниоткуда... | Не за Крым люблю я море... | Шитокрыто | Семиногий олень | Цапли | Сон

Алёна Басилова 137

Розовый шут#

Изабелла Бочкарёва 139

В круглом сосуде... | Вдоль пашни... | Юные ивы... | Уедем туда, откуда...

Олег Григорьев 141

Яма | Игрушки | Когда? | Куда? | Если | Муха | Аким | Кузнечик | Пойду домой, пожалуюсь маме... | – Что, если мир раскрутить посильнее?... | Я ударился об угол... | Время устало и встало... | Ревел человек в коляске... | Два старика | Упал я – вот неудача!.. | Я взял бумагу и перо... | Впереди и позади | В клетке | Пьет оса кисель из чашки... | Бутылку чернил... | пляж давно опустел... | Волчок | Он был Сидоровым, который сидит под деревом... | Тело, выведенное из состояния покоя... | По улице ходят люди с угрюмыми лицами... | Чтобы выразить все сразу... | Громадные, выше крыш... | Я спросил электрика Петрова... | Девочка красивая... | С бритой головою... | Где же мой лом и кувалда... | У доярок глаза вытарашены... | Сизов торговал на вокзале... | Шел я между пирами... | Один человек доказал, что земля –

это куб... | Смерть прекрасна и так же легка... | Убитую у сквера... | Пошел я на утопленницу... | Жена наклонилась голая... | Жену я свою не хаю... | Ем я восточные сласти... | Разбил в туалете сосуд... | Участковый стал в двери стучать... | Я мялку вынимаю... | Зацепка... | Утром соседка голая... | Куб, шар, цилиндр | Яблоко | Слезы | Винты

Леонид Иоффе 152

Хуже нет, чем размеренно... | Стихотворение «Песня» | Лечь навзничь вечером... | Все было бы не так уж худо... | Земля, подложенная... | Куда девалась моя жизнь... | Косяк, скопление и прорва...[#] | И через каждый новый день... | Не то, что не живу...

Эдуард Лимонов 156

Во двор свои цветы... | Добытое трудом конечно хорошо... | В совершенно пустом саду... | Баба старая кожа дряхлая... | Мелькают там волосы густо... | Я в мыслях подежду... | Соколов сидит на лавке... | Я был веселая фигура... | – Кто лежит там на диване... | И этот мне противен... | Мои друзья с обидою и жаром... | Под действием тихих протяжных... | Что. чего еще не можешь... | Ах родная родная земля... | Все взметнулось... | Хорошо и скушно быть поэтом...

Саша Соколов 164

Впечатление | Валдайский сон | Преображение Николая Угодникова | За Жар-птицей | Возвращение | Паклен

Валентин Загорянский 169

Унылая! Пора!.. | Белеет... | Бабочка садится на страницу... | На снимке ты одна... | Без стука сердца... | Увидишь солнце... | Я градусником быть... | Я видел это на открытке... | Я успеваю только улыбнуться!.. | Я просыпаюсь... | Вещь не в себе... | Живу два раза... | Так тихо... | Коробка из-под мечты... | Вернись!.. | Тишина... | Елене

Лев Васильев 171

Времена года | Когда пешком, когда попуткой... | Самонадеянность проходит... | Отплывая в край обетованный...

Виктор Кривулин 173

Дерпт | Снег | Князь | Невский мыловаренный завод | Вопрос к Тютчеву | Удлиненный сонет | ...беспредметно блуждающий стыд | Когда расширился мир | Териоки | Деревья, утопшие в сером снегу... | Из угла | 30 апреля | Кладбище почтовых фургонов | Плачьте дети, умирает мартовский снег

Александр Ожиганов 179

В предракетной мгле скрипела...[#] | Как безнадежно огрубела...[#] | Большой ребенок пробует слова... | Жаба[#] | Молодая Магдалина...[#]

Олег Охупкин 182

Когда глядел я на тебя... | К душе своей | Загадочна грехопаденья...

Аркадий Пахомов 184

Прохожий | В кафе. | Люди | Любимая, в такие времена.. | Веселая ночь | Не промолвлю я ни слова...

Сергей Стратановский 187

Что же ты, головотелый... | Скоморошья стихи | Дом в московском переулке | Лубочная картинка | Гвоздь в углу как мальчик страшный... | Кавалеров | Чернобаба земли... | В день поклоненья Отцам... | В метро на Тютчевской ночует человек...

Аркадий Штыпель 191

Больно ветрена | Увядание

А. Ник 192

Машинка пишет... | Ветер, ветка... | «Апраксин двор!.. | Ни директор школы... | Страх перед борщом... | Десять дохлых мух на окне... | Муха влезла на забор... | Птица в воздухе летела... | Не было... | Петербург – это город... | Змея беззубая... | Приди на ярмарку... | Слепой музыкант... | Еж-девица... | Некогда красивые...

Борис Камянов 195

Обычный невеселый вечер... | Первое мая | Изнутри большая муха... | Любовь | Простор вокруг опять огромен...

Григорий Кружков 198

На пляже | Крестьянин режет хлеб и режет сыр...

Владимир Лапин 199

Судороги отпустили... | В этом поле три года назад заблудилась марийка... | У дома бывшего, у рухнувших ворот... | Все не то и все не так... | Ночное раздумье | Кассация | Без государственного нотариуса... | Не все, что понял, скажешь...

Вера Матвеева 203

Зеленый чай | Детство

Евгений Пазухин 205

Баба

Михаил Степаненко 206

Между севером и югом... | От Савеловского до Курского...

Иван Чуранов 207

С маленькой тележкой... | Руки мои пластичные и мощные... | Пролетают по воздуху... | Куст красной смородины... | Мирей Матье | Дом пронесла метель... | Маленькая зеленая лошадка... | Горбачев

Виктор Ширали 210

Мне бабка подарила яблоко... | Бетонные воздвигнув корпуса... | Что-то мне, дружок, не по себе... | Начнем наступление... | Уговори себя... | Перед отъездом ты усыпишь... | Чифирнем...[#]

Владимир Алейников 213

Когда в провинции... | Элегия

Александр Гашек 215

Вот пчеловод... | Вечер тень мою вытягивает... | едет утильщик... | как роевые пчелы... | синица | фиалки лесные | росинка | поминок[#] | светлые ангелы[#] | Мясленка | игра | винные вишни | приснился дом... | Мы были, любимая, были...

Владимир Герцик 220

Папуа – Новая Гвинея | Маковки горят... | Ворона сидит... | Открываю дверь... | Падает она... | Что миру мне сказать?..

Леонид Губанов 221

Я беру кривоногое лето коня... | Вообще | Махну в луга... | Захотела вора научить Богу молиться... | Августовская фреска | Как рекрут, награжденный орденом... | Саврасов | Раскрасневшись, словно девочки...

Аркадий Драгомощенко 226

долгие белые лестницы... | Женщина с крашеной прядью... | Давай изучать историю... | На тридцатом году...

Людмила Зубова 228

Лён растила и ткала полотно...[#] | Раз ты Золушка, так сиди в золе...

Леонид Киселёв 229

Радость | Этой ночью умер Сталин... | Из сада в дом... | Очень жарко... | Наблюдаю падение листьев...

Юрий Колкер 231

Такой внимательный и хрупкий... | Что снилось мне?... | Я читаю стихи | Эпиграмма | Он под вечер садится... | В саду, на узком островке... | Где раньше был Олимп, там нынче Голливуд...

Татьяна Котович 234

Воистину – дитя природы... | Август. Соседи мои в отпусках... | Не укоряй меня за немоту... | Ночные часы

Пётр Кошель 236

Дверь отворяется, входит отец... | Издалека, от самого заката... | У самой охотской воды...

Владимир Кривошеев 238

Клопики | Волшебный Константинович Кузьминский!.. | А в Петергофе, что ни говори... | Полночь | Туда, где мельник с мельничихой... | Кофе в Репино[#] | Последние овощи просытятся в руки...[#]

Виктор Кротов 242
Московский сквер... | Хокку

Борис Кудряков 243
ЧАСЫ БЕГУТ ИМ НЕ СЛОМАЛИ НОГИ... |
галина леонардовна отнюдь...

Ира Новицкая 244
мне холодно на всю жизнь | и на бумаге...
| ты вышла из комнаты на год... | вокзаль-
ные сумерки... | одни и те же слова...

Евгений Сабуров 245
Нам надо встретиться... | В одиночестве
глубоком... | Словно оползень слизал... |
Вот выбежал из плена леший... | А вот ба-
ранки, бублики и самовары... | Покорён,
совсем покорен... | Мы договорились... |
Волны зелены, кудрявы...

Павел Соколов 252
через сотни лет... | зима нескончаема... |
серенькое небо дождит... | звезды падают...
| «Гляди, бабочка желтая!»... | снежинки...
| закатный отсвет... | ты удержи припомни
расскажи... | у раскрытого окна... | улица
чернее... | благословен дом ваш... | нежная
музыка радио... | прихлопнул моль... | бла-
годарю вас... | Огни сотен домов... | В без-
людном парке... | осенью на обрыве речном...
| «Жизнь проходит»...

Владимир Строчков 256
Господи ты, Боже мой... | Лириум | Я гово-
рю, устал... | Где-то глубже, под кроватью...

Николай Тютяев 259
Страничка детства | Кресты (Боря) |
Штрафной изолятор | Предвечернее

Михаил Файнерман 261
Просто-напросто дождь... | Есть люди... |
Ночь с субботы на воскресенье... | Что ку-
рили с давних пор... | Высоко в небе летает
стриж... | Соловушка!.. | Как прилетят... |
Несколько кофейных зерен... | Небо, полное
птиц... | Свет Божий... | Когда я умру... |
Это смерть, Санчо, это смерть!.. | Детство

| Как тень от солнца... | очутиться одному,
на ветру...

Николай Шпилов 265
Пехота

Зоя Эзрохи 266
Серьезных, умных мыслей стая... | Воспеваю
тарелку, траву... | Зимнее солнце | Как буд-
то лук, арбуз, редиска... | Господи! Умоляю...
| Объятья | Тля | Соединение | Восточный
календарь | Мои желания | Мигрень | По-
вторения | Жизнь ушла на ерунду...

Михаил Яснов 272
Я помогаю на кухне | Чучело-мяучело

Юрий Алексеев 273
Минареты, минареты... | О плохой погоде...

Михаил Армалинский 274
Мне было сорок... | Картина – среди травы
высокой... | Слова, как ящеры, повымерли...
| Старик-еврей надрачивает скрипку... |
Супруги спят четвероноги...

Евгений Блажеевский 276
Семидесятые | Я просыпаюсь в час само-
убийц... | Набросок

Тамара Буковская 278
От Мойки-реки до Фонтанки... | Когда раз-
говор телефонный...

Евгений Вензель 279
Лихо на болоте... | Мой отец – еврей из
Минска... | когда в пустой осенний сад... |
В голове от курева... | на пятой неделе за-
пя... | Оттого такая грусть... | Просыпайся.
Ты слишком глубоко уснул... | За дощатою
финской стеною... | С чужой женой, украв
ее у мужа... | Так оплывает город стеарин-
ный... | Утром сбегала в уборную... | Ах ты
тело, мое тело...

Александр Верник 284
Не плачь, моя радость, не сетуй... | Читая
Сашу Соколова | Как страшно пели птицы
на заре...

Александр Денисенко 286

Старый воин Николай... | Деревенский вор... | снег снег снег снег... | Небо над улицей Гоголя... | песня (Полусвет полутень...) | Умер дед... | Чей чей чей это конь... | Батюшки-светы, сватья Ермиловна... | Нам этот стыд запишут в минуса... | тюремные стихи | Как заплачу я в синие ленты... | Белым-бело сегодня в НСО... | Ну, падай, снег... | песня для кинофильма | Ну что ты, товарищ... | Господи – люблю тебя... | Листья красные жгут мои руки... | Стихи мои – товарищам помин...

Вадим Жук 295

Не утратив способности... | Что мне, творческой натуре...

Елена Игнатова 296

Едва ли не с начала сентября... | На улицах города, где снег и ветер...

Игорь Иртенев 297

В здоровом теле... | Лесная школа | Так и живу | Гуляли мы по высшей мерке... | Букет цветов | На Павелецкой-радиальной... | Прорыпаюсь с бодуна... | Кому-то эта фраза... | Будь я малость помоложе... | Мужчина к женщине приходит... | Встретил Толстого... | Винегрет

Виктор Коваль 302

Все хорошо, что хорошо кончается | Увидел недостаток... | Паша Ангелина... | Вздрогнем! | Лекция по политэкономии об отчуждении личности | Гомон (Птичья сцена в стихах)

Юрий Кублановский 311

Когда на ролике античном... | Систола – сжатие полунапрасное...

Татьяна Курочкина 313

Жизнь в розовом свете

Сергей Магид 314

Мой век – мой хлеб... | Казаков спускается в ад

Михаил Матренин 316

Зимние каникулы | Осень

Лев Рубинштейн 317

Событие без наименования | «Мама мыла раму»

Полина Слуцкина 322

я перечитываю подчеркнутую мною строчку... | Все мы родом... | Сдаюсь на милость своим врагам | Рожденным под знаком Девы посвящается | Объявили что Земля исчезнет...

Александр Ханьзов 323

На кухне | «Я верю в высшее начало»... | Музей-усадьба | Вот чудеса: уже лет десять... | Успех составляется из мелочей... | В деревню въехал я, как в детство... | В саду | Цветущая слива... | Над рукописью | На улице погода «улялюм»... | По выходу из ЛТП | Читая Платона | Перед сном | Alter ego | Раз приснился смутный сон мне... | С этапа попадая в лагерь свой... | Сонет моему портсигару

Алексей Цветков 327

У лавки табачной и винной... | Я «фита» в латинском наборе... | На земле пустая лебеда... | Я мечтал подружиться с соевой, но увы... | румяным ребенком уснешь в сентябре... | на шоссе убит опоссум... | куранты в зените ковали века...

Александр Щедрцов 331

Яблочко с кислятинкой... | О поэтах настоящих и ненастоящих | Хочу жену...

Владимир Эрль 332

хын... | Навстречу мне, – хороший, дружелюбный... | Ворон, голубь и капитан

Михаил Айзенберг 333

Ходасевич – скрип уключин... | Вся земля уже с наклейками... | «Астор», «Джебел», «БТ» и «Пчелка»... | Свои лучшие десять лет... | Чтобы выйти в прямую безумную речь... | Небо призрачно и мутно... | Гражданин вселенной... | Есть один уголок... |

Поделенный на бледный верх и на темный низ... | Здрасьте-здасьте!.. | Ах, это было здорово!.. | В этом лесу проходит граница пыли... | Это была, чтоб ты знал, политика... | Летний закат. Золотое его тиснение... | Как тихий дождик на болоте... | Человек, пройдя нежилой массив...

Владимир Гандельсман 34I
После долгих пауз... | С работы[#] | Узкий, коричневый, на два замка саквояж...[#] | Птица копится и цельно... | Воскрешение матери | Мария Магдалина | Тридцать первого утром...

Николай Дружининский 346
Пастушья напевка | Митрошкин стишок | Закатилось солнышко за стога... | Кричит ветюг

Иван Жданов 348
И у печали на краю... | Городской мотив | Я буду дорожить... | Лента Мёбиуса | Любовь, какмышь летучая, скользит... | Двери настежь... | Область неразменного владенья...

Владимир Кучерявкин 35I
Еду на острова | На Алтае | Режем по дереву | Когда с похмелья бьется голова... | Зимнее утро... | Раскрепощенный, как череп... | Глазами вращая, как осень на тонкой веревке...[#] | На рыбалке | Вышел на быструю Сороть... | Дева прыгнула на койку... | Седая щука скажет до свиданья... | О какие у нее штаны!.. | Гуляют молодые... | Бежит Москва, как пьяная собака...

Николай Лукка 356
Слушая отца | Сон

Юрий Милославский 357
Сгину, сдохну, околею... | День рождения

Александр Миронов 358
Я перестал лгать... | Я ночь как сидень просидел... | Куда бежишь ты... | Славно поют советские люди... | Два солнца в моих глазах... | Посреди тягучих бредней... | Зеркало, зеркало...[#] | Свергли Маленкова и команду...

Игорь Померанцев 36I
– Собрались в диспансер, сэр?.. | Стратегия | Между ног у нее ракушка... | Даже сикхи... | Резко свернуть... | Схоронили за елью... | Показываю жене... | Прощай, Линда

Саша Попов 364
Я был рожден... | В мою комнату... | Живу один. А почему?.. | Не агрессивен только тот... | Пусть лён горит... | И день настал...

Пётр Чейгин 366
Условия для жизни... | Нет ничего на белой кухне... | Ступай, куда вело, и там...

Елена Шварц 367
Зверь-цветок | Путь желаний – позвоночник... | Орфей | Любовь как третья | Историческая шкатулка | Мертвых больше | Как стыдно стариться...

Алексей Шельвах 37I
Мост | Колыбельная | Еще колыбельная | В саду папирус перепонок... | Ветераны

Владимир Яшке 373
Клубничка

Юлия Вишневская 374
Такие умы на приколе зимы... | ...Апостола Петра

Геннадий Григорьев 375
Я все не спал и плакал допоздна... | Маскарад | Летний сад | Петергоф! Твои сады и парки... | Как бы я с этой женщиной жил!.. | «Куда плетусь постылою тропею... | Не за границей, а около... | Заблуждение

Борис Куприянов 379
Горел ли когда под Полтавою швед... | Оловянные валеты... | То, что добыто кровью озаренной... | Подожди, моя душа, за углом, за домом... | Старшему слову сказал: – Посмотри... | Доктор придет – самоучка... | За старой пластинкой такое творилось!.. | Со стороны любой зверок... | Ты ляжешь, ты волосы вытрешь со лба... | Вот осень кончилась, зима... | Обомлели деревья глубокого

снега... | Я пребываю, пребуду и вот... | В глубокой осени развесистого года... | Песня зимнего стыда...

Андрей Монастырский 384

Пунктирная композиция (фрагмент) | Я слышу звуки

Михаил Орлов 395

Глина мякнет... | Сорока

Ольга Седакова 396

Там, где окраина – подруга... | Сказка | Кто родится в черный понедельник...

Борис Цейтлин 398

Внутри молекул | Ох, круги, круги... | Идиллия | Пастораль | Стучит по рельсам электричка... | будь я китайцем...

Пётр Смирнов 401

Будуинские холмы | Ледник | Сколько глу-
пых...

Михаил Анищенко 404

Половодье

Иван Ахметьев 405

я выключил свет... | приятно руку... | куда нам спешить... | я встретил двух маленьких близнецов... | прошу прощения... | Европа двумя войнами... | сколько здесь мы не были вместе... | мне кажется я в чем-то здесь... | погружаясь в воспоминания... | мои стихи рассчитаны... | пауза которую я сделаю... | эта наша гордость... | Москва не г. | камни существуют... | Приятно заметить... | здесь в Козловском переулке... | для Бога... | резче... | все под Богом ходим... | года три... | на небо поглядеть невредно | птички проснулись... | ты вот братец... | я потому так и пишу... | сколько лиц... | я сегодня мало спал... | нет весь я не умру... | любят обнимают... | семья это...

Борис Ванталов 410

Снял очки... | В трамвае едет пролетарий... | Мыльный шар летит... | Так дай мне Бог сойти с ума!.. | Давным-давно в ЦПКиО...

Борис Констриктор 412

дышала ночь восторгом самиздата | Тексто-
логу | Армагеддон...

Михаил Генделев 413

«Стой! Ты похож на сирийца» | и Смерть[#]

Александр Ерёмченко 415

Отрывок из поэмы | Древесный вечер... | В густых металлургических лесах...[#] | В лесу осеннем зимний лес увяз...[#] | Там за окош-
ком развивался лес... | Сгорая, спирт похож... | Из поэмы (Я мастер по ремонту крокоди-
лов...) | Когда наугад расщепляется код... | Неуютная луна... | Был педагог медлитель-
ный и старый... | Туда, где роща корабель-
ная... | Жаркий полдень... | Я пил с Ман-
дельштамом... | Человек похож на термо-
пару... | Переделкино

Бахыт Кенжеев 423

я знаю плохого поэта... | Всю жизнь торо-
питься... | Расскажи мне об ангелах... | Се-
дина ли в бороду... | Обманывая всех, пере-
живая...

Сергей Панов 426

Я, конечно, очень считаюсь с дураками... | Двое | Вышел на утес... | Все мне удивитель-
но!.. | Какой там я такой... | Университет.
Начинается лекция | Самобичевание | Пре-
красный миг | Хожу, хожу... | Нежен я... |
Смотрю на нее потрясенно... | Гляжу из ок-
на... | Кто же спорит?.. | Есть люди... | Он
заявил, что он... | Человеку как-то не по се-
бе... | Я не начинающий!..

Елена Пудовкина 431

Переменчивость дня... | Мне так знакомы
трубы за окном...

Елена Щапова 432

Неизвестное время года[#]

Николай Байтов 433

Выходит лунатик, омытый луной... | Машут
тени рук доброжелательно: иди!.. | Каждый,
кто в руки книгу мою берет... | Что ты, това-
рищ, набылчил?.. | Свет сквозь ветки тихо

висит... | Надя, я очень хороший спортсмен...
| Диалог о Джойсе | Кругом так много сел,
лугов и нив... | Туман черемуху укрывает... |
Каждое утро...

Владимир Глозман 438

Я был готов перевернуть... | Мы с тобою
всякие дела... | Нет, это не песня... | В гуще
толпы безответной... | Кто посмеет нас об-
винить... | Национальный флаг... | Израиль
– страна степная... | В страшных мучениях
ты умрешь... | Уговорились мы с Василием...

Владимир Голицын 441

Лето

Михаил Дидусенко 442

Дурит незапертая дверь... | Чье, Иванов... |
Романс | Горец, легкий, как бумага... | Бело-
глазая чудь... | Лавка, а на ней старик...

Вадим Забабашкин 445

Многое и странно, и неясно... | Пророк

Нина Искренко 446

Говорил своей хохлатке... | Шей сарафаны... #
| У него пятнадцать баб... | Дождь вдумчи-
во правил... | секс-пятиминутка | Сначала
мне приснилось с Колей... | Почему люди не
летають?... | Мне все равно какая иномарка...

Вечеслав Казакевич 450

В небе туча плывет нехорошая... | Надоело
наклоняться бодро... | Одуванчики | Семья
| Сельмаг | Увидел я каменный дом... | Ве-
сенние побеги | Клятва | Княжицы | Радуга
| Погасил я в избушке лампу... | Красный
мостик над прудом зеленым... | Прошлое,
как плюшевый медведь... | Поставлю свеч-
ку простодушную... | Наплясался на окнах
закат... | Потом | В гавани серой, где возят-
ся волны... | Когда от жизни в черепках...

Светлана Кекова 457

Средь механических чудес... | Жизнь похо-
жа на жестянку... | Там жили понедельник
и среда...

Пётр Мамонов 459

Отдай мои вещи | Бумажные цветы | Крым
| Ноль минус один | Консервный нож

Владимир Полетаев 462

...когда приметы листопада... | Витала осень
вдалеке... | ...живу по горло в январе... |
Вот это пруд, а вот сторожка... | А у нас на
Зубовском бульваре...

Ольга Рожанская 464

Славный, сосед, у тебя самосад!.. | Спит мла-
денец... | Франциск | По пристани приволж-
ской... | Белое море выносит... | И-йа! Юрты,
стада... | По аллее неглавной... | Тварный мир
твердеет с краю... | Дивно накрылось село...

Рашид Шагинуров 467

На бульваре | За стенкой умирает старый
крот...

Александр Вишневой 468

Лето | Это легкие морозы... | Саблезубый...

Степан Дрёмин 469

Я твой кленовый обрывок, Отче...

Сергей Гандлевский 470

Опасен майский укус гюрзы... | Еще далёко
мне до патриарха... | Дай Бог памяти вспо-
нить... | Молодость ходит со смертью в об-
нимку... | Устроиться на автобазу... | Что-
нибудь о тюрьме и разлуке... | Не сменить ли
пластинку?... | Когда я жил на этом свете... |
Боратынский, Вяземский, Фет... | Я по лест-
нице спускаюсь... | Фальстафу молодости...

Николай Голь 478

Ужин

Владимир Салимон 479

Возле нашего двора... | Месяц, солнышко
казачье... | Слышу свист соловья за окном...
| Набойщики матрасов | За бутылкой ли-
монада... | Майский жук

Борис Гребенщиков 482

Десять стрел | Миша из города скрипящих
статуй | Корнелий Шнапс | Два трактори-

ста | Золотых лошадей | Сыновья молчаливых дней | Тибетское танго | Сидя на красивом холме | Иду на ты

Анатолий Гуницкий 485
Когда мы были молоды... | Хорал | Марш | Студийные веды

Михаил Поздняев 486
Стихи о расслабленном | Элегия, навеянная статьёй в журнале «НЛО»...

Александр Сопровский 488
Запахло кровью резко... | Жизнь обрела привычные черты... | На Крещение выдан нам был февраль... | На краю лефортовского провала... | Юность самолюбива... | Спой мне песенку, что ли...

Сергей Трофимов 492
И вот уже подходит вечер... | Познав начала и концы... | В лесу

Юрий Арабов 494
Прогулка наоборот

Марина Бороδιцкая 495
Катятся праздники – лишь поспевай... | Бабушка, видишь, я мою... | Первый класс | Как я седлаю лошадь | Я раздеваю солдата... | Встаньте, кто помнит...

Евгений Бунимович 498
Что касается модной стилистики ретро...[#] | Набираю старый номер...[#] | Дома как рыцари построены свиньей...[#] | Я сошел с конвейера Москвы... | Уходящий последним

Виктор Панэ 500
Я натолкнулся на вопросы в лоб...

Алексей Парщиков 501
Сом | Элегия | Борцы | Львы | О, сад моих друзей...

Марк Шатуновский 504
муха | лунная ночь | баку. зарисовка

Татьяна Щербина 506
Матримониальный лубок | Дом, внутри тайна

Владимир Богомяков 507
Непростое место | На грудь ему садится голубок | В Северном Ледовитом океане... | Зайцеобразные

Тимур Кибиров 509
Песня о Ленине | Вступление в книгу «Сквозь прощальные слезы» | Центон

Василий Филиппов 513
Бабочка | Мало помнить | И вот я снова один... | Бося | Свет Солнца вошел в комнату... | Девушка на ладони | Разговор Аси Львовны... | Свидание после пяти лет разлуки...

Евгений Шешолин 520
Цветы такие же... | Ночная бабочка

Александр Егоров 521
Крокодилово чучело | В зоопарке | Воспоминание о Тамаре | В летний полдень | Пароход | Есть надежда | Мой отец перед смертью читал Мопассана... | Экскурсия в Загорск | Смерть деда Пахома | Инцидент | На озере | Воробей | Личное признание | Озлобление

Елена Казанцева 527
Люблю итальянцев... | Как хорошо сидеть на ветке... | Если сдохнут мои попугаи...

Сергей Федин 528
Он – верба, но... | У Муму... | Небо говорит... | Гуди, боль!.. | *Равнобуквицы*: Не грусти, Рая... | Богачу дики... | На шлюшек с пира... | То вру, кидаюсь... | У сыновей... | Я снова мадам... | В огне веры – цари... | Во! – ору, – жена... | Не укради... | 3+85+4...

Наталья Хаткина 530
Когда я слышу... | Надо посуду вымыть... | Экскурсия в Киев

Екатерина Шевченко 531

Я почему-то все запомнила... | Жизнь, меняльная лавочка...

Игорь Юганов 532

Я погружён в эпистолярный ящик... | Сам – пан... | Шиворот-навыворот | Глазки нашей кошечки... | Склонение слона | Во двор, где я живу, въезжает тихий ужас | Дети строили город на пляже... | Мне с тобой хорошо... | Из божницы спизжены... | Распрягай, дурак, шарабан... | Жизнь закончится тем же...

Шамшад Абдуллаев 535

Осень, и вновь... | Вечер

Михаил Безродный 536

почему да отчего... | не одевался по погоде... | был «вещь-в-себе»... | История государства Российского | От язычества... | Молчи, скрывайся и таи...

Александр Бренер 537

Без собаки | Обращение к ирландским писателям | Как примитивны мои кошмары!..

Михаил Векслер 539

О другом | Все люди – бр-р... | О питании | Шестистишие | Урожай | Идиллическое | Хорошо живется мне... | У зеркала | Я, признаюсь, с трудом... | Славянофильский вопрос | Побочный эффект | Японское трехстишие | Серое небо – и свет из окна... | Мой метод | Скороговорка | Любовный треугольник | Аня | Самое короткое четверостишие в мире

Андрей Воркунов 542

От Николаева ушли родители... | Я говорю тебе... | Рыбин труп... | Не помню, мне какая блядь...

Владимир Друк 544

Обман зрения | Я залез под одеяло... | Роман | Из жизнеописания кошки Мурки | И спокоен, и мудр... | Отцы и дети | Я близорук. И в микромире... | Рыбалка в августе | Зимнее утро | Я обижен... | рожденный ползать зачем летает?.. | Коммунальный краковяк |

Автобурет | Заявление | вихри враждебные... | Когда приходят за тобой... | Эпитафия

Борис Колымагин 549

О Волга! Волга!.. | В обители сей отдельной... | Вечер покато... | За ровненько умытою листвою... | Через каскады труб...

Александр Левин 551

Обменная песня | Грозный черный паукабель...# | Суд Париса | Тридцать первого числа... | Как это было | Шоу-бизнес | Стишие патриотическое | Стишие колхозное | Стишие гуманитарное | Стишие цифровое | Стишие отельное

Иван Макаров 557

Лай сторожевых собак... | Все здесь спутано... | Видно, так и нужно это... | По углам расплозается плесень...

Павел Митюшѳв 559

Однажды в студѳную зимнюю пору | Говорю тебе... | Ну кто я, кто?.. | [Палиндром] | Только ты вчера заснула...

Михаил Новиков 563

От автора | Птичий барин быстро ехал... | Приехал Эдик...

Виктор Полещук 567

Крик черепахи | Схема

Алексей Прокопѳев 569

Метаморфозы | Двух я чувствую пульс стрекоз...

Александр А. Пушкин 570

Я состою из камуфляжа... | То ли где торов глыбы...

Геннадий Сусуев 572

За эти груды книг... | В объѳтях африканской страсти... | Я навсегда уйду за горизонт...

Михаил Сухотин 573

Пророчество Папанина | Литературные памятки | Ниже планки | Нормативное со-

стояние было... | Если из трубы нет дыма...
| пальцы тянутся к перу... | СОЮЗГЛАВ-
СТРОЙДОРМАШЗАГРАНПОСТАВКА...

Владимир Гершензон 577

Как входит нож в сухую прорезь ночи... |
Стреноженной лошади трудно заняться
любовью... | Мужчина выглядит улиткой...

Андрей Дмитриев 578

Я спросил у продавщицы... | по на... | Кре-
мовый бантик на правом боку... | травопи-
сание лесов... | У рыб моих характер золо-
той... | Шли по дороге друг другу навстречу...
| Мой муж работает на фабрике «Дукат»...
| Есть у вас больные люди?... | Кремль обра-
щен к реке стеною... | Мы доверяем стари-
не... | Послушай, мальчик мой... | Я в этом
доме жил с утра...

Сергей Завьялов 583

В Саранске | Темников. Старый московский
тракт

Виталий Калашников 584

Закат | В лед вмерзший камыш шелестит...
| ...И обходя свой дом со всех сторон... | На
меня вонючка села...

Николай Кононов 586

Близко так ее к глазам поднес, что замер в
ужасе... | ЧП | Вечно кипит вода в бачке...
| Над мертвым кузнечиком | Никогда уж
не приснится...

Василий Ломакин 589

Омега красная... | То же поле и тот же лес...
| Не печалься печальник...

Борис Маслов 590

Воспоминание о Сочи | Подходит электрич-
ка к Клину... | Под самое утро... | Бегут ру-
чьи... | Мать доवेशивает мишуру...

Михаил Тарковский 592

Седое утро...# | Там на заре бубнят тетере-
ва...#

Алексей Татарников 593

Храни, Боже, младенцев и пьяных... | В не-
бе крестик серебристый...

Игорь Буренин 594

хлеб зацвел; черствеи шинели... | достой-
ная грязи пора... | Магистрал

Дмитрий Веденяпин 596

Зима | Детство | Мы с тобой | Бог справед-
лив, но больше милосерд... | Звонок |
Любовь, как Чингачгук, всегда точна... |
Видение философа Хомы...

Александр Гималутдинов 600

В водоеме воды чистые... | Всё та же роль,
всё те ж слова... | Я нелишонный обаянья...

Всеволод Емелин 602

К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина

Света Литвак 605

Да, я не девочка, но всё же... | Про дождь |
Когда пчела садится... | А зимний день та-
кой холодный... | Если дома негде поста-
вить пианино... | Телефон | Оля мрачно
посмотрела... | Григорий появился первым...
| Ой, девушка, какая же вы тютя!.. | мой
сосед по кровати...

Александр Макаров-Кротков 610

память оставляет узкую полоску света... |
Загорск... | в этой стране... | двадцать лет...
| жизнь длится в течение поцелуя... | Дове-
рие | тихо так воет собачка... | будильник
будильник... | оттого и грустно... | отдель-
ное спасибо всем... | а помнишь... | попил
чаю... | тогда я не понимал... | уныло и...

Николай Михеев 613

Мой друг, поехали в Семеновку...

Евгений Перемышлев 614

Оптимистическая трагедия | Вам этот под-
виг все грехи скостил... И вот сазан нырнул
в нарзан... | Не шелóхнется сквозняк...

Виктор Санчук 616

Зимой на пригородной станции | Я услышу зов одиночества... | Дом строил венгр...

Галина Сергеева 618

В страшную ночь обо мне погоди убиваться... | Деятнадцатый век или ЖЭК номер шесть... | Обидно сидеть мне и думать о том... | На голову падает снег, но я все забываю... | Никого, никто | Птица | Видно в жизни, как в кашле, зайдусь...

Олег Юрьев 622

Возились полный день, а вот уж и пора... | Небосклон полуночи – в облачных изьянах... | Ode on the unstructured world | Октябрь | Ленинград

Георгий Карманников 625

В роте я слыл придурком столичным... | Я в мире насекомых лишь прохожий... | Пьяный бомж подошел, попросил бутылки...

Марина Андрианова 627

Брести вдоль пустых берегов... | Канавы... | Так бывает... | По сельской тропе...

Александр Башлачёв 628

Сегодняшний день ничего не меняет... | Рождественская | Мельница | Целый день гулял по травам...

Михаил Есеновский 632

Бутерброд о бумажке

Михаил Лаптев 633

И витринные блески... | Тяжелая слепая птица... | ...но чтобы крокодилы были интеллигентными | 3 (Три) букета над холмами | Сплю-не сплю... | За безобразно толстым бюстом ночи... | Небо пахнет случкой лошадей... | Я весь не умру... | За одышливый запах... | Посмотрел на икону... | Промелькнули Рамзесы... | Ночь. Кого-то ловят...

Владимир Нескажу 637

Кляссер

Виктор Павлов 638

Удачный день | Осип Мандельштам

Эвелина Ракитская 639

А еще мне снился сон...

Александр Смир 640

я не знаю как жить!.. | когда кричать устанешь... | вино в бокале и ночь тиха... | облака летят как перья... | в древности...

Сергей Гарбуз 641

Когда мне плохо | Я прибежал первым...

Сергей Дмитриовский 642

Когда луну проглатывает еж... | Будь моей последнею вдовой... | Вычурны слова, которые кладутся... | На просеке, среди смолистых плах... | Спасибо дыму и уму... | Город, который забыть меня хочет и пробует... | Медведица Урсула

Александр Курняев 646

Приезжие в Москве...

Игорь Меламед 647

В эту полночь, в эту вьюгу...

Руслан Миронов 648

перечислим предметы... | не лезть в карман... | в лицо не дышит...

Мирослав Немиров 649

Немиров шел по улице... | «Станция Речной Вокзал... | Вот какой я мыслью, птичка, обуян... | Идите вы на хуй...

Михаил Ромм 651

Брожу ли я вдоль улиц шумных... | Заветное желание

Евгений Хорват 652

Я отвернусь, как латинское R... | Зимнее утро | ...Как вспомнишь дни морозов вязких... | Снег выпал как на голову... | В кроваво-черном рту... | Поддержи мою голову... | Частушка надгробная | – Сергей, не сердися... | Субботнее | Троичны | Язундокта...

Леонид Шваб 659

Гости съезжались на дачу... | Ворота на-
стежь, чернея... | По вечерам женщины... |
Втулки порохом отбивал... | Входит двою-
родный брат... | Дух безмятежный рассеи-
вается... | Филипп выходит... | И сестры,
осмелев...

Михаил Щербина 662

Инфантильная элегия | Крутить на нитке
пуговицу... | Замаску на окнах не смоешь
водой... | Зарябило у меня перед глазами...

Владимир Белобров 665

Сердце Навсегда | Холодным Зимним Вече-
ром Сижу Дома... | Холодная Курица | Мо-
розно | Вечер, Звезды, Папироса | Девять
Шагов | Утро | Рюмочка Вина | Варианты |
По Образу и Подобию | Ночь

Александр Беляков 668

Осень моя, пышнотелая крашеная блондин-
ка... | Снег сник и киснет... | Ты – матреш-
ка, я – Петрушка... | Первой поэмки про-
сесь... | Полюби смолоду... | В игрушечной
белой пустыне... | Летний домик проносил-
ся на швах... | Магазин – низа гам... | Под
лункой... | В ожидании Рыбы закрылся век...
| Иван Иванович был очень одинок...

Борис Гринберг 671

Палиндромы: Я слагал слога... | Война миров
| Плоть распорота рук... | Первая любовь |
Этот бессмертный | Я стёрт... | *Гиперлипо-
граммы:* Только «О» | Лишь «И»

Александр Карамазов 674

Я ненавижу живопись, стихи... | Коридор
на двух хозяев... | Приглашение к путеше-
ствию | Надпись на фотографии собствен-
ного дома в Малаховке | Люди живут...

Герман Лукомников 676

мы буковки, мы буковки... | Подумал Митя:
«Могут неужели... | Человек лежал-лежал...
| Я увидел девушку своих грёз... | В стаю
цапли слетаются...

Ольга Мартынова 677

Такая быстрая зима... | Эклога | Буквы кни-
ги Твоей | В Летнем саду сейчас...[#]

Юлия Немировская 679

В булочной-кондитерской... | Вот март, как
бы мужик небритый... | Жил-был граф Хво-
стов... | С книгой стихов А. А. Дельвига |
Слышнее | Чужие стихи | Ленивец Дельвиг
| Суворов | Из детских стихов

Андрей Правда 683

Такая девушка... | «Берегите лес!»

Михаил Сапего 684

Просебятина | под потолком... | стынут
вёсны улыбки... | Песенка | заболею... | и
не то чтобы пьян... | На Владимирском

Анна Сон 686

Он приходил без всякого предлога...

Андрей Туркин 687

Посмотришь на небо – там звезды одне... |
Купил я Ленина карманного... | Что-то
сверкнуло над нами!.. | Она ломала кор-
жик!.. | Она стыдливо прошептала... |
Сидят два мальчика...[#] | Искать и нахо-
дить ей рот... | Гой-ты-еси, наковальня!.. |
Ты нагнулась над речкой с тазами... | Моя
тоска была остра...

Роман Тягунов 691

Пока не поздно – постучусь я к прозе... | На
каком языке говорит Рыба-Кит?... | В смоле
и северном пуху... | у меня одни долги... |
Мой друг, пройдемся по Москве!.. | Кто счи-
тал чужие деньги...

Елена Фанайлова 695

Овидий разгребает снег в саду...

Виктор Цой 696

Время есть, а денег нет | Электричка

Игорь Емельянов (Чин) 697

веселые пчелы летают как пули... | есть де-
вочки, красивые, как прыняк...

Инна Кабыш 698

Господи, вот он, покой... | Цвела картошка у сарая... | Там мой жених погиб...[#]

Вера Павлова 699

Сегодня я опять ничего не поняла | дочки её... | Подражание Ахматовой

Дмитрий Строчев 700

я хочу быть хорошим... | 1-я ступень демиурга | подумалось... | когда тесно в трусах... | летала по небу птица... | Ёхалы-матахалы!.. | я хожу кругами за окном... | Хлебников – наш учебник...

Руслан Элинин 704

В стае воробьев... | Ты можешь уйти... | Можно говорят... | Наверное ты красивая... | уснул при попытке понять | Воспоминания все ярче... | В тот день... | Увижу ли (эпитет) водоем... | Дальше пытаться... | У соседей Музыка... | Лес осени... | Пол-пятого... | Мы с тобой еще знакомы | Чего я не могу сказать | эротика – это когда... | Я трезвый не больной... | Я тебя позабуду... | Дождь, дождь, дождь... | Когда держишь в руках... | Ты наверное женщина... | Я вчера возвратился домой...

Виктория Волченко 708

Песня о генерале Дудаеве | меня боеприпасы... | У самого синего моря живет моя радость...

Екатерина Горбовская 710

Накануне совершеннолетия | Шел пятый день любви... | Мы сидим в кафе «Метелица»... | У могилы | В поезде | Чья-то мама ищет сына... | Утром | ...Прийти на рынок без копейки денег... | Часы прабабки кукуют глухо... | ...А живут они хорошо и дружно... | Город готики и статики... | А жизнь короткая такая...

Юлий Гуголев 714

Папа учил меня разным вещам... | Ой, даже прямо не знаю, что сказать...

Григорий Дашевский 716

Нескучный сад (1) | Шкаф | Ковер | Тихий час | Близнецы

Андрей Корф 718

Пришли слова в письме... | В парижских улочках Москвы... | Мы живем в страшном мире...

Егор Летов 719

Кругом тихий смех... | Птички весело порхают... | Хороший автобус | Когда я умер... | На что я молюсь?.. | Небо цвета мяса... | Ибо ежели бывает...

Елена Тиновская 721

А чё у вас скрипач на крыше... | И горло у меня не пересохло... | Я Пушкина не спас!..

Татьяна Нешумова 722

Дома выражают усталость ветров... | В какое-то заброшенное платье... | Я существо в обнимку с попрыжком... | Как живет кипятик на огне... | Грузинское стихотворение | Была большая благодать... | Вот ходит птица воробей... | Ни для чего мои стихи. А просто так, чтоб жить... | Предстать «Кувшинками» на выставке Monet...

Виктор Смольный 725

Лицедеям мира (лицедеям Помпеи) | Будогощ

Алексей Ахматов 727

В квартире, словно в скорлупе...

Марина Георгадзе 728

Зачем раздавили жучка, что бежал по стене?.. | Я больше не спасаюсь и не жду... | муравей с личинкой и муравей с головой слепня...[#] | (Аризона. След динозавра) | Вот: любовь сделает тебя красным... | Памяти негра

Янка Дягилева 730

Печаль моя светла | Декорации | Я стервенею | Стаи летят

Евгений Заугаров 732

Тебя можно только нарисовать... | Присмотревшись повнимательнее к пыли... | Тот ларек, где на продажу... | Там, за окном, вечерняя звезда... | Во рту у желтой рыбы... | Ночная бабочка летает... | Луна своим видом показывает... | Кажется, еще немного...

Сергей Зубарев 735

Эх говорю эх... | и каждый тянет одеяло на себя...

Игорь Караулов 736

Баллада

Владимир Марков 737

Вторая любовь В. Маркова

Павел Пепперштейн 738

Ты думала, это мишка... | Не степной я волк... | Мальчики на девочек набросятся...

Юлия Пивоварова 740

Вброд переходим мы хладную воду...[#] | Вот волны голубой кисея... | – Так. Так, – заметил циферблат...

Виталий Пуханов 742

Крестьянин, сей земную малость... | Боже, храни колорадских жуков... | Психиатрический больной...

Владимир Важенин 743

Душистой черемухой пахнет... | Погода скверная такая... | Я ложусь обычно в полночь... | Шиводаев Санька | Всякие проклятые машины... | В автобусе полно... | Октябрь

Николай Звягинцев 745

Несуществующая фотография | Крас. кирпич и шепот мела... | Мимо жаждущих охоты... | Украинская сметана... | Давний табачник... | Дама в море, два замаха... | Билет троллейбусный... | В городе канатная дорога... | Люблю меняться с тобой местами...

Псой Короленко 749

Грустная песенка | Хорал

Александр Куляхтин 752

В небольшом городке... | Проблемы с речью | Ты знаешь, с тех пор...

Денис Новиков 754

Для густых бровей, как шутил отец... | Стучит мотылек... | Ты помнишь квартиру... | Это было только метро кольцо... | Учись естественности фразы... | Будь со мной до конца... | если прожил я в полусне... | Институтка | медикаменты комедианты... | Возьми меня руками голыми...

Алексей Александров 759

Дырочку в стене проковыряв...

Дмитрий Воденников 760

Ах, жадный, жаркий грех... | Было горло красненьким...

Алексей Денисов 762

Не по доброй воле... | Зацветает репейник... | Кто там ходит хмурый с голой палкой?...

Александр Кабанов 764

Еще темно и так сонливо...

Георгий Квантришвили 765

Измена | Для любви нужно...[#] | Стадо это хорошо...[#]

Наталья Николенкова 767

Мужчины походили на грибы... | Ты меня уже не помнишь...

Андрей Поляков 768

Epistulae ex Ponto | От русского русское слышать приятно... | Как сделать что было в начале... | Диспут

Марат Шериф 771

Слон | Любимое занятие

Иван Котельников 772

Яйцо | Гиперборец вернулся с войны...[#] | Рыжее солнце висит в небесах...[#]

Максим Амелин 774

Катавасия на Фоминой неделе

Максим Анкудинов 777

Трать свою треть меня | Есть Такая Жизнь...
| Вот Зачем Я | Этот Огромный Нижний
Тагил... | Я – стрела... | Красный камень |
Черный паровоз | Гони на небо | Милиционер
| Синявки

Илья Бразников 780

В восемь часов если встать... | Петров

Виталий Владимиров 781

Я живу лишь тобой... | Мечтания маленького
мальчика | По пути домой частенько... |
Шпионаж | Кукурузные палочки хрустели...
| Передергиваешь... | Когда ни масла нету,
ни варенья... | Все, что нас разделяет...

Михаил Гронас 783

незачем тебе ходить по общаге... | я сирота
и беженец... | крошки бродят под столом...
| скоро скоро на земле... | веди нить, портной...
| дорогие сироты... | что нажито –
сгорело: угли...

Алексей Ильичёв 786

Возможно, надо крикнуть в пустоту... |
Твое имя похоже на лед... | Рыбы рисуют
узоры хвостом... | Написав десяток линий...
| Как называлось то животное...

Айвенго 788

Она птица залетная... | последние люди...
| жизнь – дело личное | не было у меня... |
веселые и добрые люди... | вместе весело...
| современный шаман у дисплея... | А при-
шел к Б... | вот она богатыри земли русской...
| вот они русские писатели... | вставил васа...
| прощай прощай читатель... | ехал лесом...
| человек сидит в кустах... | ЛЮДИ ИДУТ
ВЗЯВШИСЬ ЗА РУКИ... | НОЧЬ СМЕНИ-
ЛАСЬ УТРОМ... | МОТОЦИКЛЕТНЫЙ ШУМ
СРЕДИ НОЧИ... | Регионал-моногатари.
Свиток первый

Александр Анашевич 794

Собака Павлова | Я живу на Крестах... |
Все праздники сижу в пустом дому...# |
Нелегка дорога от Углича до Москвы...

Наталья Оленева 796

Детства я не помню... | Гроза | Через какое-
то время замечу...

Андрей Родионов 797

Между ними прилавок: котлеты, лапша... |
Гуманоиды в трюме завьли... | Однажды
на море, стоя около дельфинария...

Анна Горенко 799

Я буду спать в сапогах в раю... | дома как
стопки детских книг... | юннат беспризор-
ный могильщик... | они в саду играют
марш...# | просыпайся умерли ночью поэ-
ты все-все | припали крылья мои к спине...
| Тело за мною ходило тело... | Какие-то
сомнительные тряпки... | Упадок

Всеволод Зельченко 803

Подкидыш

Ольга Зондберг 804

К ночи, как водится... | Пока душевноболь-
ные... | Мне четыре года... | Школа рядом...
| Хор за окном пел непрерывное «да» | с гор-
ки навсегда | всё, что ты не можешь один |
снилась буква Т... | бир сом лето июль... |
ах я тварь бессловесная

Евгения Лавут 806

Ни лица ни борца ни певца ни гонца... | Лю-
тер спит... | Умер, ох, воробей моей подруж-
ки... | Мы собираем веточки в лесу... | (раз-
мышление о Боге) | ночью плачет отретье...

Станислав Львовский 809

осень... | иногда и от тела... | полина иванов-
на говорит мариин... | это ведь вроде крови,
вроде песка...

Мария Степанова 811

Муж

Вадим Калинин 813

Ответь мне тем же... | Ты говоришь, что
попробовала всё... | В облаке красный кар-
лик...

Сергей Трунёв 814

Времена года | Нескладный мальчик лет
восьми... | Пили пиво поздним летом...

Борис Рыжий 816

Куртка | Над саквожем в черной арке... |
Ордена и аксельбанты... | Я на крыше па-
ровоза ехал в город Уфалей... | Море | На
окошке на фоне заката... | Я усну и вновь
тебя увижу...

Вова Горохов (65 кг) 820

Мне нечего сказать... | Были синие... |
Одни говорят одно...

Кирилл Медведев 821

воздушный шарик | консервный ножик |
культура | какая красивая...

Антон Сурнин 822

Летняя ночь | Если б ты была со мною... |
Аскет | Простите. Я болен... | Полуночные
пчелы | Не надо слов – к чему слова?.. |
In aqua veritas | Рождение музыки | Слова
| В торбу с серыми заплатами... | Стрекозы
| Ножки мои, ножки... | Подари мне город...
| Нейрончики | Двери | Зачеркнутому ве-
рить... | Баллада о чае | 13 (поэма) | поло-
жил в карман предмет... | Слово о полку
Игорева | Телефонные стихи

Шии Брянский 829

Далеко, глубоко, в пылающих недрах... |
Вставьте мне в сердечко звёздочку, звёздоч-
ку... | На меня Он посмотрел... | Я говорю
Ему: как стало много тьмы... | Мъне сини-
ца рассказала... | Дорогая, сядем рядом... |
В лесу Лиса Алиса... | Вытер руки ты об я...
| Огонь меня съедал... | Белые цветы... |
Я знаю – я буду в Аду...

Дмитрий Дмитриев 832

Тихо в море разойтись...[#] | Поехали | Не-
уловимые мстители

Об авторах 2-го тома | комментарии 833

Алфавитный указатель авторов 870

**Русские стихи
1950–2000 годов**

Антология
(первое приближение)

В двух томах

Том 2

дизайн и вёрстка И. Бернштейн

Подписано в печать 12.04.2010.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура CharterC.
Печ. л. 56. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Летний сад»
121069, Москва, ОПС 69, а/я 46.
сайт <http://letsad.info>
e-mail letsad@letsad.info

Отпечатано
в ОАО «Типография “Новости”»
105005, г. Москва, ул. Ф. Энгельса, 46

Издательский проект Владимира Орлова «Культурный слой» ставит своей целью публикацию поэтического наследия авторов т.н. «неофициальной» литературы.

Под этой маркой также вышли:

Юрий Смирнов. Слова на бумаге: Стихотворения, записи, наброски 2004, 480 с., илл. ISBN 5-98583-001-2

Евгений Кропивницкий. Избранное: 736 стихотворений + другие материалы 2004, 672 с., илл. ISBN 5-98583-002-0

Леонид Виноградов. Жалостные стихи 2004, 48 с. ISBN 5-98583-003-9

Евгений Хорват. Раскатанный слепок лица: Стихи, проза, письма 2005, 496 с., илл. ISBN 5-98583-004-7

Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны. Том 1
Сост. К. Кузьминский, Г. Ковалев. Изд. 2-е 2006, 540 с., илл. ISBN 5-98583-005-5

Анатолий Маковский. Чемодан (Стихи из утраченного чемодана) 2006, 60 с. ISBN 5-98583-006-3

Владимир Ковенацкий. Альбом стихов, рисунков и гравюр 2007, 288 с., илл. ISBN 978-5250060-15-8

Сергей Чудаков. Колёр локаль 2007, 160 с. ISBN 978-5250060-17-2 (второе издание, дополненное и исправленное, вышло в 2008)

Анна Горенко. Сочинения 2010, 224 с. ISBN 978-5-98856-108-8

В серии «Волшебный хор» издательства «Летний сад» вышли:

Борис Поплавский. Сочинения 1999, 447 с., ISBN 5-89740-021-0

Константин Случевский. Сочинения в стихах 2001, 798 с., ISBN 5-94381-023-4

Евгений Рейн. Избранные стихотворения и поэмы 2001, 702 с., ISBN 5-94381-029-3

Юрий Одарченко. Сочинения 2001, 254 с., ISBN 5-94381-001-3

«Филологическая школа»: Тексты. Воспоминания. Библиография 2006, 655 с., ISBN 5-94381-128-1

Александр Сопровский. Признание в любви: Стихотворения, статьи, письма 2008, 639 с., ISBN 978-5-98856-043-2

Андрей Сергеев. Звездокол: Избранные переводы: Поэты Англии, Ирландии, США, Австралии 2008, 511 с., ISBN 5-89740-036-9

Замеченные опечатки

том 2

23 10 св.

Овчинников

Приклонить голову.

63

Кочейшвили

Анна

у тебя

всё устроено

так хорошо

к примеру

ласточки

могли бы

приклеить

к тебе

гнездо

75

Нестеровский (1940–2003)

107

дата 1975

124

"Две тетрадки на столе..." 1969

125

"Жить я жил, а, вроде, не жил..." 1966

126

"Закажи, роднуля, ту кадрили..." 1971

9–10 сн

Картошки

Двадцать лет назад

дата 1967

175

«...беспредметно блуждающий стыд.» — мы
ошибочно приняли за моностих

177 6 св

уголовный

234

«Воистину — дитя природы...»: после «Жила с природой заодно.» д.б. строка «Ждала весну, любила лето.»

237

У самой охотской воды... 1974

240

Я подойду и тихо встану

259

Николай Сергеевич Тютчев

419

И огромной ваты.

421

На даче спят. Гуляет горький
холодный ветер

422

и сад встает из-за стола.

Льет дождь. На темный тес ворот,
на сад, раздерганный и нервный,
на потемневшую фанерку
и надпись "Все ушли на фронт".
(пропущенная 7 строфа, перед На даче)

А мачта гнется и скрипит.

431

не бывало и нет

1979

433-437

Выходит лунатик, омытый луной... 1975

Машут тени рук доброжелательно: иди!... 1984

Каждый, кто в руки книгу мою берет... 1993

Что ты, товарищ, набычился?... 1997

Свет сквозь ветки тихо висит... 1991

Надя, я очень хороший спортсмен, мне нет
равных... 1992

Диалог о Джойсе (- Я знал человека по имени
Щорс...) 1992

Кругом так много сёл, лугов и нив... 1996

Туман черемуху укрыл... 1991

Каждое утро на протяжении многих лет... 1994
457

И у твоих лежащий ног

462-3

ст-я 2-4 делятся на 4-стишия

463

Не бойся девочка, не надо,
нас не оставит никогда

469

Станислав Думин

Станислав Владимирович Думин (р. 1952)

476 4 сн

встретиться

497

Легче ведь без автомата,
Да и без обуви спать.

3-я строфа пропущена:

Встаньте, кто помнит стаканчик за семь и за
десять,

Пар над тележками уличных сиплых кудесниц, —
С дедом однажды мы в скверике при Моссовете
Сгрызли по три эскимо, холоднейших на свете.

608 18 св

В кабинете регулярно отвечает телефон

613

дата 2001

Николай Иванович Михеев (1959-2002)

616-17

Санчук даты
1983 1982 1984
648

Миронов Руслан Игоревич (р. 1961) без
вопроса

710

(р. 1960)

712

Ты спал как сурок, / Ты спал как убитый, /
Ты спал как убитый сурок.

713

«Город готики и статики...» написано в 2001
«А жизнь короткая такая...» автор датирует
«1998–2002»

759

Алексей Святославович Александров

767 и 857 (справка).

Г.р. – не 1968, а 1964.

подборка в ПП должна была быть среди авторов
1964 г.р., а именно между Летовым и
Тиновской.

781

Виталий Иванович Владимиров (1969–

783

Михаил Беньяминович Гронас

786

Алексей Валентинович Ильичёв

813

Калинин

В колонтитуле лишняя закрывающая скобка

834

Александров Алексей Святославович

837

Бородицкая Марина Яковлевна

(род. 28.06. 1954, Москва)

839

Виталий Иванович Владимиров

6.02.1969

842

Горбовская

(род. 6.06. 1960, Москва)

843

Гронас Михаил Беньяминович

Губанов Леонид Георгиевич

(20.07. 1946, Москва – 8.09. 1983, Москва)

В 1965 вместе с В. Алейниковым, Ю.

Кублановским и др. создал группу СМОГ.

844

Думин Станислав Владимирович (р. 1952)

845

Забабашкин Вадим Львович

(род. 22.09. 1951

847

Ильичёв Алексей Валентинович

(4.07. 1970, Ленинград – 19.07. 1995, под

Москвой)

850

Котельников Иван

10.06. 1969

852

В справке о В. Лапине следует читать «К.

Чуковским».

853

Лимонов (справка):

вместо "андегаунда" следует читать

"андеграунда"

855

Миронов Руслан Игоревич

(род. 1961, Ленинград)

856

Михеев Николай Иванович (13.01. 1959, с.
Масканур Ново-Торьяльского р-на Марийской
АССР - 14.06. 2002, п. Алексеевский,
Советского р-на Марий Эл)

Нестеровский (1940-2003)

857

Орлов Михаил

27.10. 1949

859

Пивоварова Юлия Леонидовна

г. «Арена» (Москва)

Саша Попов

10.11. 1948 (?)

Правда Андрей Владимирович

29.03. 1962

860

Ракитская

4.04. 1960

864

Тютяев Николай Сергеевич

(4.05. 1946 - 8.01. 1996)

867

Шваб 24.11. 1961

868

Штыпель "В гостях у Евклида"

871

Думин Станислав

880

2 кол.

...беспредметно блуждающий стыд. -

зачеркнуть

886

Станислав Думин

889

2 кол.

Мой друг, поехали в Семеновку... -
зачеркнуть

892

1 кол.

| Город готики и статики... | А жизнь
короткая такая... - зачеркнуть

А. Ник 192 | А.Х.В. 96 | Шамшад Абдуллаев 535 | Айвенго 788 | Михаил Айзенберг 333 | Владимир
Марина Андрианова 627 | Михаил Анищенко 404 | Максим Анкудинов 777 | Юрий Арабов 4
Алёна Басилова 137 | Александр Башлачёв 628 | Михаил Безродный 536 | Владимир Беликов
Бородицкая 495 | Изабелла Бочкарёва 139 | Илья Бражников 780 | Александр Бренер 537 | И
Владимир Важенин 743 | Борис Ванталов 410 | Лев Васильев 171 | Дмитрий Веденяпин 596 | Ми
| Юлия Вишневская 374 | Виталий Владимиров 781 | Дмитрий Воденников 760 | Александр
Сергей Гарбуз 641 | Борис Гашев 8 | Александр Гашек 215 | Михаил Генделев 413 | Марина Гео
Владимир Голицын 441 | Владимир Голованов 9 | Николай Голь 478 | Екатерина Горбовская
Геннадий Григорьев 375 | Борис Гринберг 671 | Михаил Гробман 12 | Михаил Гронас 783 | Лес
Алексей Денисов 762 | Михаил Дидусенко 442 | Андрей Дмитриев 578 | Дмитрий Дмитриев
Дроздов 54 | Николай Дружининский 346 | Владимир Друк 544 | Валерий Дьяченко 13 | Янка
Михаил Есеновский 632 | Иван Жданов 348 | Вадим Жук 295 | Вадим Забашкин 445 | Сер
803 | Ольга Зондберг 804 | Сергей Зубарев 735 | Людмила Зубова 228 | Владимир Ивелев 123 |
Кабанов 764 | Инна Кабыш 698 | Вячеслав Казакевич 450 | Елена Казанцева 527 | Виталий К
Карманников 625 | Георгий Квантришвили 765 | Светлана Кекова 457 | Бахыт Кенжеев 423
Кононов 586 | Борис Констриктор 412 | Людмила Копылова 55 | Платон Кореневский 57 | П
Кошель 236 | Владимир Кривошеев 238 | Виктор Кривулин 173 | Виктор Кротов 242 | Григор
Александр Куляхтин 752 | Вячеслав Куприянов 16 | Борис Куприянов 379 | Александр Курн
Лапин 199 | Михаил Лаптев 633 | Александр Левин 551 | Егор Летов 719 | Витольд Либо 74 | Эд
Герман Лукомников 676 | Станислав Львовский 809 | Сергей Магид 314 | Иван Макаров 557 | А
Вера Матвеева 203 | Михаил Матрёнин 316 | Кирилл Медведев 821 | Игорь Меламед 647 | Ю
Андрей Монастырский 384 | Мирослав Немиров 649 | Юлия Немировская 679 | Владимир Не
Ры Никонова 127 | Михаил Новиков 563 | Денис Новиков 754 | Ира Новицкая 244 | Иван Овчин
| Вера Павлова 699 | Евгений Пазухин 205 | Сергей Панов 426 | Виктор Панэ 500 | Алексей
Михаил Поздняев 486 | Владимир Полетаев 462 | Виктор Полещук 567 | Андрей Поляков 768 | П
Алексей Прокопьев 569 | Елена Пудовкина 431 | Виталий Пуханов 742 | Александр А. Пушки
464 | Михаил Ромм 651 | Лев Рубинштейн 317 | Борис Рыжий 816 | Евгений Сабуров 245 | Вл
Сергеева 618 | Полина Слуцкина 322 | Александр Смир 640 | Пётр Смирнов 401 | Виктор Смо
206 | Мария Степанова 811 | Юрий Стефанов 33 | Сергей Стратановский 187 | Дмитрий Строц
592 | Алексей Татарников 593 | Елена Тиновская 721 | Александр Тихомиров 109 | Андрей Т
691 | Кари Унксова 112 | Михаил Файнерман 261 | Елена Фанайлова 695 | Сергей Федин 528 | В
Евгений Хорват 652 | Алексей Цветков 327 | Борис Цейтлин 398 | Виктор Цой 696 | Пётр Чей
Екатерина Шевченко 531 | Алексей Шельвах 371 | Марат Шериф 771 | Евгений Шешолин 52
Александр Щедрцов 331 | Татьяна Щербина 506 | Михаил Щербина 662 | Зоя Эрохи 266 | Ру